

О. БРЭДЛИ

Заниски

СОЛАТА

Книга «Записки солдата» представляет собой мемуары одного из видных американских военных деятелей. Автор знакомит с военными действиями американских войск в Тунисе, Сицилии и Западной Европе в период с конца февраля 1943 г. до середины мая 1945 г., показывает подготовку офицерского корпуса американской армии, организацию управления и методы работы штабов, приводит интересные факты и дает характеристики американским и английским генералам. Книга издается в расчете на широкий круг читателей.

Bradley O. N. A Soldier's Story. 1951.
Перевод с английского В. С. Столбова и Н. Н. Яковлева

О. Брэдли. Записки солдата. Издательство иностранной литературы. Москва. 1957.

- [О. Брэдли](#)
  - [Предисловие к русскому изданию](#)
  - [Предисловие](#)
  - [1. Я вызван для участия во вторжении в Нормандию](#)
  - [2. За море](#)
  - [3. Тунис](#)
  - [4. Вместе с Паттоном до Эль-Геттара](#)
  - [5. Командир 2-го корпуса](#)
  - [6. Цель-Бизерта](#)
  - [7. Конец африканского корпуса](#)
  - [8. Подготовка к вторжению в Сицилию](#)
  - [9. Вторжение в Сицилию](#)
  - [10. Прибрежная дорога к Мессине](#)
  - [11. Прибытие в Англию](#)
  - [12. Разработка плана вторжения во Францию](#)
  - [13. Проблемы командования](#)
  - [14. Планирование вторжения](#)
  - [15. Первый день вторжения в Нормандию](#)
  - [16. Падение Шербура](#)
  - [17. Прорыв](#)
  - [18. Окружение германской армии](#)
  - [19. Освобождение Парижа](#)
  - [20. Кризис со снабжением](#)
  - [21. Контрнаступление](#)
  - [22. Форсирование Рейна](#)
  - [23. К Эльбе](#)
- [notes](#)
  - [1](#)
  - [2](#)
  - [3](#)
  - [4](#)
  - [5](#)

- [6](#)
- [7](#)
- [8](#)
- [9](#)
- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)
- [45](#)
- [46](#)
- [47](#)
- [48](#)
- [49](#)
- [50](#)
- [51](#)
- [52](#)

- [53](#)
  - [54](#)
  - [55](#)
  - [56](#)
  - [57](#)
  - [58](#)
  - [59](#)
  - [60](#)
  - [61](#)
-

О. Брэдли

•

ЗАПИСКИ СОЛДАТА

Предисловие к русскому изданию

За последнее десятилетие в странах Западной Европы и в Соединенных Штатах Америки появилась обширная мемуарная литература, посвященная второй мировой войне: «Крестовый поход в Европу» — Дуайта Эйзенхауэра, шеститомный труд «Вторая мировая война» — Уинстона Черчилля, записки «От Нормандии до Балтики» — Бернарда Монтгомери, «Воспоминания солдата» — Гейнца Гудериана и др.

Эти книги различны по манере изложения, по степени документации и т. д. Но их объединяет и нечто общее: они прославляют (или оправдывают) политику капиталистических государств, в возможно более выгодном свете показывают их вооруженные силы и военное искусство во второй мировой войне. Вместе с тем буржуазные мемуаристы придают большое значение занимательности своих книг, поскольку она определяет их коммерческий успех. Вот почему буржуазная военно-историческая мемуарная литература не является подлинно научной, ибо для последней главное — не в занимательности, а в правдивом воссоздании картин минувших событий, в глубоком анализе процессов войны и военных действий.

Предлагаемые читателю «Записки солдата» Омара Н. Брэдли, одного из американских генералов периода второй мировой войны, могут быть причислены к разряду типичных произведений буржуазной военно-исторической мемуарной литературы.

Книга состоит из двадцати трех глав. В первых десяти главах описывается служба Брэдли в африканском корпусе США в Тунисе, подготовка и проведение десанта в Сицилии. Все остальные тринадцать глав отведены воспоминаниям о вторжении в Северную Францию и о последующих боевых действиях американских войск в Западной Европе. По значению и широте описываемых событий наиболее интересна вторая часть мемуаров; она и по объему значительно больше первой. Кроме того, если в первых главах Брэдли вспоминает о своей службе в должностях заместителя командира и командира армейского корпуса, то в последующих он уже командующий армией и группой армий. Соответственно такому изменению служебного положения автора меняется и масштаб его воспоминаний. В первой части преобладает описание тактических действий американских войск и лишь мимоходом затрагиваются более крупные вопросы. Во второй части главное место занимают оперативные и стратегические проблемы, тактические эпизоды, естественно, отступают здесь на второй план.

Книга, по собственным словам Брэдли, является трудом коллективным, написанным при участии нескольких его бывших подчиненных. Хотя во введении и говорится, что для написания мемуаров были использованы документы исторического управления генерального штаба американской армии, но в тексте ссылок на них почти нет. «Записки солдата» — произведение скорее беллетристическое, чем научно-историческое. Автор описывает только те события, в которых он сам участвовал или свидетелем которых был, и старается делать это по возможности интересно и живо; надо признать, что это в значительной мере ему удается.

Свой рассказ Брэдли ведет в грубовато-добродушном, простом «солдатском» стиле, якобы совершенно объективно освещая как положительные, так и отрицательные стороны боевой деятельности американских войск. Но за этой подкупающей внешней простотой и кажущейся объективностью кроется глубокий и тонкий расчет — возвеличить вооруженные силы и военную мощь капиталистической Америки и вместе с тем подвергнуть критике как бывших противников США во второй мировой войне, так и их бывших союзников и, разумеется, в первую очередь Советский Союз.

По роду службы Брэдли сталкивался с большим кругом офицеров и генералов американских и английских вооруженных сил и был активным руководящим участником ряда важных военных

событий; это помогло ему насытить свои воспоминания живым и разнообразным материалом. Многое из того, о чем пишет Брэдли, не может быть установлено и подтверждено никакими документами. Он прав, когда замечает, что по многим вопросам нет документов и что военным историкам бывает трудно установить действительную картину минувших боевых событий, так как на войне решения нередко принимаются на основе личных переговоров между командующими и начальниками, а отдаваемые распоряжения далеко не всегда оформляются в виде документа.

«Записки солдата» охватывают сравнительно ограниченный отрезок времени: с конца февраля 1943 г. до середины мая 1945 г., то есть немногим более двух лет. Лишь в начале повествование выходит за эти рамки времени, когда Брэдли бегло рассказывает о своей ничем не примечательной военной службе до войны.

Послевоенный период его жизни и деятельности в мемуарах не освещен, но известно, что в 1948 г. Брэдли был назначен начальником генерального штаба американской армии, а в 1949 г. занял высший военный пост, став председателем комитета начальников штабов вооруженных сил США. Он был одним из организаторов агрессивного Североатлантического союза и первым председателем «Комитета обороны» этого союза. Омар Брэдли — типичный кадровый офицер, посвятивший военной службе всю свою жизнь и в конечном итоге сделавший блестящую военную карьеру.

Естественно, что внутренний мир Брэдли вполне гармонирует с его служебным путем. Правда, автор мемуаров далеко не полностью раскрывает этот мир перед читателем. Но о его мировоззрении можно достаточно точно судить по отдельным высказываниям и замечаниям, рассыпанным по страницам книги. Разве не характерно, что крупный военный деятель, берущийся за перо для того, чтобы описать самые важные для США события второй мировой войны, бравирует тем, что он «старался не читать никаких книг о войне» и, по собственному признанию, не читал во время войны даже газет.

Политическое «сredo» Брэдли выражено достаточно отчетливо и в том, что он тщательно избегает каких бы то ни было оценок характера второй мировой войны. Мимоходом он бросает фразу: «войны ведутся для разрешения политических конфликтов». Но чем порождаются такие конфликты, чьим интересам служат войны и что представляла собой с этой точки зрения вторая мировая война — об этом автор умалчивает. Он даже не упоминает о связи политики и стратегии США с их экономикой; последняя существует для него лишь как база военно-технического снабжения вооруженных сил, не более. И уж конечно, Брэдли тщательно обходит такие вопросы, как борьба классов во время войны, национальный вопрос, освободительная борьба народов Европы и влияние этих сторон общественной жизни на американскую армию.

В книге «Записки солдата» нет больших исторических и политических обобщений, автор не дает глубокого анализа событий войны, не вскрывает сущности тех исторических явлений, активным участником которых он был.

По мнению Брэдли, историю творят не народные массы, а отдельные выдающиеся личности. Этот тезис он полностью распространяет и на события второй мировой войны. Из такой идеалистической установки вытекает и принятый автором способ описания: в его изложении Маршалл и Эйзенхауэр полностью олицетворяют вооруженные силы США, чуть ли не идентичны с ними; об армиях, корпусах и дивизиях он говорит, называя их по фамилиям генералов, не делая различия между командирами и войсками.

Мемуары буквально пестрят такими выражениями, как «Ходжес остановил противника», «Паттон нанес удар», «Монтгомери не сумел прорваться» и т. д. Персонифицируя так боевые действия, Брэдли механически переносит на войсковые соединения воинские качества и особенности характера их начальников. Он ставит простой знак равенства между, скажем,

безрассудно храбрым, но недисциплинированным генералом Терри Алленом и находившейся под его командованием 1-й пехотной дивизией или между неуравновешенным генералом Джорджем Паттоном и возглавляемой им 3-й армией и т. д.

Мало того, по мнению автора, целые соединения способны очень быстро менять свои боевые качества при назначении новых командиров, в зависимости от характера и темперамента последних. Мы далеки от того, чтобы отрицать крупное значение на войне таких факторов, как ум, воля и характер военачальников. Известно, что многие выдающиеся полководцы прививали войскам желательные им качества, однако добивались этого только в процессе длительного воспитания и обучения подчиненных. Но нельзя же механически распространять личные качества командиров на качества войск, придавать личности чуть ли не сверхъестественную силу влияния на массы.

Очевидно, что такой метод не может обеспечить действительной объективности и глубины описания военно-исторических фактов. Так, например, Брэдли пишет о «мировой ответственности» американской армии и, вопреки общеизвестным фактам, приписывает ей ведущую, главную роль во второй мировой войне. Чрезвычайно характерен эпизод, описанный в главе четырнадцатой «Планирование вторжения». Генерал Паттон, своей несдержанностью принесший немало неприятностей американскому командованию, вскоре после назначения командующим 3-й армией выступил в клубе для английских солдат с политической речью, в которой заявил от имени американцев: «Нам предначертано судьбой править всем миром!» (стр. 255). Это заявление проникло в английскую печать и вызвало скандал, который американские политики поспешили замять дипломатическими средствами. Рассказывая об этом эпизоде, Брэдли и не думает отмежеваться от заявления Паттона, а тем более осудить его по существу. Он лишь журит Паттона за его болтливость.

Далее, в конце 1943 г., под влиянием поражений немецко-фашистских войск на советско-германском фронте, а также на средиземноморском театре военных действий, в Англии и США поднялась волна неоправданного оптимизма: некоторые наивные политики и военные полагали, что силы фашистской Германии исчерпаны и вскоре она будет вынуждена капитулировать. Даже прославившийся своей медлительностью верховный штаб экспедиционных сил союзников начал лихорадочно разрабатывать военные планы на случай автоматического краха Германии. Рассказывая об этом, Брэдли замечает, что «для предотвращения хаоса на континенте мы (американцы. — Е. Б.) должны были бы бросить все наличные силы в Европу, немедленно форсировать Ла-Манш, вторгнуться в Германию, разоружить германскую армию и взять контроль над народом в свои руки». Сказано откровенно! Не о помощи народам Европы, стонущим под игом фашизма (в том числе и германскому народу), думали политики и стратеги США, а именно о контроле над народами в интересах американских монополий!

Пренебрежительное отношение Брэдли к народным массам, недооценка их роли в войне ярко сказывается в тех главах мемуаров, где он описывает освобождение Франции. Он почти ничего не сказал о движении Сопротивления, о помощи, оказанной французскими патриотами американской армии. Даже освобожденный Париж, с его точки зрения, — прежде всего лишняя обуза для американской военной администрации, вынужденной снабжать «4 млн. голодных французов» (стр. 414). Для сравнения отметим, что американский журналист Ральф Ингерсолл в своей книге о вторжении американских войск в Европу посвящает движению Сопротивления буквально восторженные страницы и прямо заявляет, что борьба французских патриотов в тылу фашистских войск значительно облегчила продвижение американских армий. Он пишет: «Чтобы сделать понятной ту свободу действий, которая открывалась перед Брэдли после того, как 3-я армия проникла в немецкие тылы, нужно... отдать должное движению внутреннего сопротивления во Франции» (Ральф Ингерсолл, «Совершенно секретно», Гос. изд-во

иностранный литературы, М., 1947, стр. 245).

В своей книге автор ничтожно мало внимания уделяет Советскому Союзу, советским вооруженным силам, влиянию их побед на положение во всем мире и на ход военных действий в Европе, отношению к СССР американского народа и армии и т. д. Трудно представить себе, чтобы генерал, командующий крупными войсковыми объединениями, в ходе войны не сталкивался со всеми этими вопросами, не интересовался ими. Однако в мемуарах они не нашли достаточного отражения.

В главе двенадцатой, давая общий обзор истории войны в Европе, он мимоходом констатирует, что «22 июня 1941 г. Германия напала на Россию» (стр. 206), но не делает из этого факта никаких выводов. Между прочим, он тут же повторяет фашистскую выдумку о «генерале-зиме», якобы победившем немцев под Москвой. На протяжении первых глав, описывая кампанию в Тунисе, Брэдли не уделяет ни одной страницы вопросу о влиянии советско-германского фронта на эти события. Больше того, он преувеличивает возможности противника на средиземноморском театре, умалчивая о том, что крупные силы итальянских фашистских войск были разгромлены Советской Армией под Сталинградом и на Дону еще в конце 1942 г. и что гитлеровское командование было вынуждено держать основную массу своей авиации на советско-германском фронте.

Признанный всем миром громадный вклад советского народа в победу над фашизмом Брэдли называет «легендой военного времени о советском героизме» (стр. 548), а общность целей антифашистской коалиции именует «великой иллюзией» (стр. 574). Однако Брэдли не в силах скрыть того, что простые люди Америки и Англии с величайшей симпатией относились к Советскому Союзу, ценили его вклад в общую борьбу с врагом и искренно желали ускорения открытия второго фронта в Европе. Об этом свидетельствует описание митинга в Гайд-Парке и небольшой эпизод в гостинице в Бристоле, где остановился Брэдли. «Я надеюсь, сэр, что вы у нас не задержитесь», — многозначительно говорит приехавшему американскому генералу простой клерк, скромный служащий гостиницы (стр. 203). Смысл этой фразы понять нетрудно, и сам Брэдли его растолковывает именно как желание английского народа поскорее увидеть американские и английские войска на континенте Европы.

В вопросе о втором фронте Брэдли выступает как сторонник американского плана вторжения в Западную Европу в противовес пресловутому «балканскому варианту» Черчилля.

В критике средиземноморских планов англичан и в обосновании западноевропейского направления вторжения читатель найдет интересные мысли. Однако по вопросу второго фронта Брэдли дает превратное толкование обязательств, принятых на себя США и Англией в 1942 г., мотивируя их необходимостью «спасения» России. Неубедительны объяснения причин высадки американо-английских войск в Северной Африке стремлением «удержать Россию в войне» (стр. 212), как и разговоры насчет того, что Советская Армия в конце 1942 г. якобы предпочитала немедленное наступление союзников в Северной Африке ожиданию вторжения через Ла-Манш.

Подробно описывая десантную операцию в Сицилии, начавшуюся 9 июля 1943 г., Брэдли не считает нужным даже упомянуть о том, что как раз в эти дни на советско-германском фронте шло решающее сражение всей мировой войны — битва под Курском. Между тем каждому беспристрастному человеку ясно, что катастрофическое поражение, нанесенное фашистской Германии Советской Армией летом 1943 г., явилось важнейшей предпосылкой благоприятного развития наступления американо-английских войск в бассейне Средиземного моря и последующей капитуляции Италии.

В конце сентября 1943 г., когда Советская Армия вела победоносное наступление, прочно овладев стратегической инициативой, и перспектива конечной победы уже стала вырисовываться на горизонте войны, Брэдли пишет, что союзники опасались, «...что Сталин

может пойти на сделку с Германией и оставить нас один на один с фашистами» (стр. 282). Между тем никогда советский народ во время второй мировой войны не давал своим бывшим союзникам оснований опасаться сепаратного мира СССР с фашистской Германией. Коммунистическая партия, Советское Правительство и Верховное Главнокомандование Советскими Вооруженными силами даже в самые тяжелые моменты были полны решимости довести борьбу с врагом до победного конца. Напротив, имеются убедительные доказательства того, что определенные круги в США и Англии не прочь были заключить сепаратный мир с гитлеровским правительством и не раз в годы войны зондировали почву в этом направлении.

Что же касается второго фронта в Европе, то его целью было вовсе не «спасение» Советского Союза, который собственными силами сумел выйти из тяжелого положения, создавшегося в результате наших военных неудач в 1941 г. Официальная, открыто провозглашенная цель второго фронта в Европе заключалась в ускорении разгрома фашистской Германии соединенными усилиями стран антигитлеровской коалиции; конечно, открытие этого фронта в 1942 или 1943 гг. должно было существенно облегчить положение Советского Союза, боровшегося с фашистской Германией фактически один на один, а также уменьшить жертвы и страдания народов Западной Европы. Именно ради таких целей Советское Правительство и требовало скорейшего и точного выполнения Соединенными Штатами и Англией их обязательств о втором фронте. Между тем правящие круги этих стран, преследовавшие в войне свои узкоэгоистические цели, сознательно затягивали открытие второго фронта и предприняли высадку во Франции лишь тогда, когда судьба фашистской Германии уже была предрешена победами Советской Армии.

Рассказывая о планировании вторжения в Европу (глава четырнадцатая), Брэдли не мог не признать решающего значения советско-германского фронта. Создание немцами Атлантического вала он объясняет стремлением гитлеровского командования «сэкономить живую силу на Западе», причем отмечает, что из-за огромных потерь на восточном фронте противнику «было с каждым днем труднее и труднее оборонять Атлантический вал». Брэдли подчеркивает, что даже в период общего наступления американско-английских войск фашистское командование было вынуждено снимать свои войска с западного фронта и перебрасывать их на восточный. Так, по его словам, после перехода Советской Армии в наступление в январе 1945 г. гитлеровцы сняли и перебросили на восточный фронт девять дивизий, противостоявших ранее американцам.

Брэдли подтверждает, что именно поражения, понесенные на восточном фронте, в конечном счете заставили немцев признать неизбежность катастрофы. «Еще совсем недавно, вступая в Ахен и Дюрен, — пишет он в марте 1945 г., — наши войска находили вымершие города, брошенные населением, теперь на всем пути к Эльбе мы шествовали под аркой из белых флагов». Это было прежде всего результатом разгрома гитлеровцев на советско-германском фронте.

Странным кажется утверждение Брэдли, будто бы он не был осведомлен о ходе военных действий на советско-германском фронте и «воевал, оставаясь в полном неведении относительно советских намерений», а о продвижении советских войск знал «не больше, чем любой читатель газет» (стр. 366). Если верить мемуарам, то для американского командующего группой армий, то есть второго по положению лица после верховного главнокомандующего на европейском театре, единственным источником информации о действиях Советской Армии были... передачи «Би-би-си». Конечно, Брэдли не мог не знать о таких международных встречах, как Тегеранская конференция, совещания министров иностранных дел, поездка Черчилля в Москву в октябре 1944 г. и т. д. А ведь именно во время таких встреч и вырабатывались согласованные планы союзников. Характерно, что Черчилль (о котором, кстати,

Брэдли говорит, что он «издавна, еще за много лет до войны, относился враждебно к коммунистам», стр. 548), описывая свой последний визит в Москву, сообщает в своих мемуарах следующую интересную деталь: «14-го (октября 1944 г. — *Е. Б.*), генерал Антонов сделал весьма откровенное заявление о положении на восточном фронте, о трудностях, с которыми встречаются русские армии, и об их планах на будущее».

Как не вяжется с этим фактом заявление Брэдли о его полной неосведомленности о положении и планах Советской Армии! Зато в том, что касается ее конкретного боевого опыта, оперативных и тактических приемов действий, американский генерал действительно проявляет сплошное незнание; из мемуаров ясно, что американское командование и штабы часто дорогой ценой крови познавали на опыте то, что могло быть заимствовано ими из боевой практики Советской Армии (например, методы организации прорыва обороны противника и т. п.).

Необъективное отношение Брэдли к Советскому Союзу и Советской Армии проявляется и там, где он описывает свои немногочисленные встречи с советскими людьми. Так, он вспоминает о прибытии во время высадки в Нормандию советской военной миссии, посвящая этому факту лишь несколько строк. Он не может не отметить корректность и подтянутость советских офицеров, но весь тон, в котором описана эта встреча, дышит неприязнью.

В таком же тоне недоброжелательства описано и посещение штаба 12-й группы армий послом СССР во Франции Богомоловым в феврале 1945 г. Брэдли, признавая крупное значение усилий Советской Армии, в то же время пытается умалить результаты ее побед. В период контрнаступления немецко-фашистских войск в Арденнах в декабре 1944 г. он бросает замаскированный упрек Советской Армии за «трехмесячный перерыв» в наступлении на восточном фронте. Но при этом он ни слова не говорит о том, что начиная с лета 1943 г. и вплоть до октября 1944 г. Советская Армия вела, по существу, непрерывное, грандиозное по масштабам наступление, что она в конце 1944 г. вышла к границам Восточной Пруссии, освободила восточную часть Польши, создала угрозу жизненным центрам Германии и готовила последние, решительные удары по врагу. Упрекая Советскую Армию в бездействии, Брэдли сознательно умолчал об обращении Черчилля к И. В. Сталину с просьбой о помощи и о том, как Советское Верховное Главнокомандование делом ответило на эту просьбу. А ведь любопытно, что, по словам самого Черчилля, его известное послание Сталину от 6 января 1945 г. было результатом просьбы... непосредственного начальника Брэдли, генерала Эйзенхауэра. Трудно допустить, что Брэдли ничего не знал, не слышал об этой переписке и не понимал ее значения.

Недооценивая роль боевых действий Советской Армии, Брэдли утверждает, что в результате зимнего наступления Советской Армии в 1945 г. «если немцы и ослабили свою оборону на западе, то наши фронтовые войска этого не заметили».

Брэдли необъективно освещает действия Советской Армии в последней главе мемуаров «К Эльбе», в которой описывается заключительный этап войны в Европе. Известно, что именно на этом этапе было осуществлено непосредственное стратегическое взаимодействие между советскими и американско-английскими вооруженными силами, основанное на решениях Крымской (Ялтинской) конференции руководителей трех держав в феврале 1945 г. Но Брэдли не только ничего не пишет об этом взаимодействии, но, наоборот, всячески подчеркивает трудности его осуществления, раздувает действительные и мнимые разногласия между союзниками. Так, например, Брэдли предполагает, что советское командование якобы считало «нереальной» установленную линию встречи с американско-английскими войсками на Эльбе, намекает на якобы чересчур «медлительные» действия советских войск и т. д.

Беспочвенны опасения Брэдли о возможности столкновений между американскими и советскими войсками. Как известно, никаких столкновений не произошло, напротив, советские и американские солдаты и офицеры горячо приветствовали друг друга на Эльбе как товарищи по

оружию.

Брэдли проговаривается о тайных планах, разрабатывавшихся американо-английскими политическими и военными кругами. Так, его мемуары еще раз подтверждают, что американо-английское командование всерьез думало о вступлении в Берлин раньше советских войск, вопреки ясной договоренности между союзниками. Не случайно приводит Брэдли «простодушный» вопрос, заданный ему каким-то газетчиком еще в период форсирования союзными войсками Рейна: «Почему мы не решаемся броситься из Ремагена [Ремаген-город на Рейне, в котором американские войска захватили не взорванный гитлеровцами мост.] вперед и раньше русских оказаться в Берлине?»

Брэдли пишет, что Берлин якобы не представлял никакой ценности для американцев и что они отказались от попытки овладеть столицей Германии только из соображений неизбежности потерь в боях за город, «который мы все равно должны будем передать русским» (стр. 576). «Мы, вероятно, смогли бы организовать наступление на Берлин, если бы согласились закрыть глаза на неизбежные потери. В то время Жуков все еще не переправился через Одер, и Берлин лежал на полпути между нами и русскими. Однако подступы к Берлину с востока были несравненно удобнее для продвижения войск, чем подступы с запада, так как к западу от Берлина простиралась заболоченная низменность». При этом Брэдли «забывает» сказать о том, что «удобные» подступы с востока были прочно прикрыты Одерско-Нейсенским оборонительным рубежом глубиной до 100 км, занятым почти миллионной группировкой немецко-фашистских войск, в то время как «неудобные» подступы к Берлину с запада оставались фактически открытыми в соответствии с лозунгом, провозглашенным Геббельсом: «Лучше сдать Берлин американцам, чем пустить в него русских».

Брэдли рассказывает о недовольстве Черчилля отказом Эйзенхауэра «усилить Монтгомери американскими войсками и бросить его на Берлин в отчаянной попытке опередить русских и раньше их овладеть столицей Германии».

Брэдли не объективен и при описании исторической встречи на Одере. По его словам, «перемещенные лица» — жертвы фашизма, насильно угнанные в рабство из советских республик в Германию, — предпочитали бежать на запад, а не возвращаться на Восток, на родину. Между тем каждый, кто лично пережил исторические события заключительного этапа войны в Европе, помнит нескончаемые колонны людей — русских, украинцев, белоруссов, латышей, эстонцев и лиц других национальностей, с восторгом встречавших своих освободителей — советских воинов — и стремившихся скорее вернуться на родину.

Единственная встреча Брэдли с маршалом Коневым и советскими генералами и офицерами на командном пункте 1-го Украинского фронта после окончания войны изображена так, что она может создать в умах американских читателей искаженное представление о советских людях, вызвать сомнение в их искренности и честности.

* * *

В мемуарах Брэдли советский читатель найдет немало заслуживающего внимания и даже поучительного. Есть в книге интересные факты, наблюдения и характеристики людей. Знакомство с мемуарами Брэдли не только обогатит советского читателя конкретными сведениями о военных действиях американских войск в Тунисе, Сицилии и Западной Европе, но и поможет понять дух американской армии во время второй мировой войны, характер и подготовку ее офицерского корпуса, организацию управления и методы работы штабов, тактические и стратегические взгляды и т. д. Мемуары рисуют также довольно широкую

картину взаимоотношений между двумя союзниками — США и Великобританией. Брэдли не только уделяет много внимания своим собственным отношениям с представителями английского командования, особенно с фельдмаршалом Монтгомери (свою неприязнь к которому он и не пытается скрыть), но и создает довольно яркие портреты английских генералов и офицеров, показывает различие между способами действий американских и английских войск, вскрывает присущие последним национальные черты и особенности.

Бесспорно, заслуживает внимания описание подготовки грандиозной по своим масштабам десантной операции в Нормандии, а также хода этой операции. Несмотря на облегченные условия, в которых проводилась высадка и последующее наступление с плацдарма, из опыта действий американских войск в Западной Европе можно извлечь немало положительного. Основное, что характерно для этого опыта, — тщательность и полнота планирования операций, скрупулезность и точность расчетов, продуманность мер обеспечения, хорошая подготовка взаимодействия, надежность управления, высокая степень материально-технического оснащения войск и напряженная работа тыла.

Брэдли не скрывает, что далеко не все в этих различных областях было гладко, он довольно откровенно пишет о трудностях, неувязках, ошибках и даже провалах некоторых мероприятий, ослабей дисциплине и недостаточной подготовке отдельных частей, о беспорядке в тыловых органах и т. п.

Советский читатель знает, что как высадка американо-английских войск в Северной Африке и Сицилии, так и их вторжение во Францию протекали в обстановке, исключительно благоприятной для США и Англии, и что основной предпосылкой для создания такой обстановки являлась героическая борьба советского народа, военные действия советских вооруженных сил против полчищ фашистских агрессоров.

«Записки солдата» Брэдли будут встречены с интересом и, несомненно, найдут достаточно широкий круг читателей.

*Кандидат военных наук
генерал-майор Е. А. Болтин*

Предисловие

Как и зачем написана эта книга

Сначала книгу «Записки солдата» намечали выпустить в свет осенью 1951 г., сразу же вслед за моим уходом в отставку. Однако в 1950 г. началась война в Корее, и я знал, что мне придется задержаться на действительной военной службе. Не желая затягивать выход книги в свет, я попросил разрешение написать и опубликовать книгу, находясь в армии. Чтобы не создавать затруднений тем, кто дал мне такую возможность, я не отдавал рукопись на просмотр должностным лицам или военным учреждениям, за исключением, конечно, случаев проверки материалов в целях сохранения военной тайны.

В своей книге я пытался разрешить только одну задачу, а именно — показать, как осуществляется руководство боевыми действиями с полевого командного пункта. Именно здесь, где-то посередине между конференц-залом и линией фронта, стратегические замыслы реализуются в форме определенных планов боевых действий. Здесь общевойсковой командир должен учесть все препятствия (реки, дороги, высоты), которые ему предстоит преодолеть или захватить, и определить, сколько ему потребуется для этого орудий, танков, судов, а самое главное установить, сколько при этом он потеряет солдат убитыми и ранеными. Каким образом мы принимали наши важнейшие решения? Почему действовали так, а не иначе? Вот о чем меня спрашивали чаще всего. Эти вопросы оправдывают написание данной книги.

Несмотря на огромное количество документов, которыми располагают историки последней мировой войны, истинные причины принятия большинства наших решений недостаточно ясны. Зачастую важнейшие решения принимались на неофициальных совещаниях, где не велось никаких протоколов. Многие наиболее важные приказы передавались по телефону, оборудованному специальным приспособлением, защищающим от подслушивания.

Рассказывая о том, почему мы принимали именно такие решения, а не какие-либо другие, нельзя пройти мимо индивидуальных особенностей и качеств лиц, участвовавших в выработке этих решений. Управление войсками зависит не только от знания тактики и службы тыла, но и от отношений, складывающихся между людьми. Где есть люди, там существуют гордость и честолюбие, предрассудки и столкновения. У генералов, как и у всех людей, способности не могут всегда торжествовать над слабостями, а таланты — скрывать ошибки.

В системе союзного командования, когда солдаты нескольких государств ведут совместную борьбу за существование, принимать решения еще сложнее, так как нужно учитывать сильную, иногда даже ревнивую любовь к родине. Это обстоятельство нельзя игнорировать, как бы старательно отдельные лица ни стремились подчинить эти чувства интересам общего дела. Чувство любви к родине сильно развито у каждого гражданина, но особенно сильно у профессиональных солдат, посвятивших всю свою жизнь защите флага, которому они отдают честь каждый день.

Шесть лет назад национальная гордость проявлялась заметнее, чем в наши дни. Кругозор некоторых офицеров американской армии был слишком ограниченным, так как они никогда не были за границей и не сотрудничали в военных вопросах с нашими будущими союзниками. В результате некоторые из нас были, возможно, чрезмерно чувствительными к тому пренебрежению, которое проявляли другие к нашей армии и нашей национальной гордости. Мы, несомненно, относились с предубеждением к англичанам, которые до нашего вступления в войну в течение трех долгих лет сражались с войсками держав оси.

Я предпочитаю откровенно признать все эти трудности и обсудить их честно и открыто в

рамках возможного. Однако меня предупредили, что откровенное рассмотрение таких щекотливых вопросов может быть сознательно истолковано как действие, наносящее вред нашему Североатлантическому союзу. Я с этим не согласен. Если умные люди внимательно изучат исторические факты, то это не только поможет им лучше разобраться в аналогичной обстановке, которая может сложиться, но и окажет помощь нам в правильной оценке событий и даст возможность быстро, беспристрастно и без трений разрешить возникающие проблемы.

За последние шесть лет армия Соединенных Штатов не только сильно возмужала, но и ее офицеры стали значительно лучше отдавать себе отчет в том, какая на них лежит ответственность перед миром. Объединенное руководство военными операциями стало общепринятым принципом, и многие разногласия, являющиеся результатом ограниченности взглядов, заставлявшей когда-то нас ставить под сомнение мотивы наших союзников, были полностью преодолены. Если мы всегда будем помнить, что время от времени могут возникать трудности, что они порой затрудняют сотрудничество, тогда мы окажемся лучше подготовленными к тому, чтобы преодолевать эти трудности, не преувеличивая их значения.

Американская армия получила также и политическую закалку, в чем она так остро нуждалась в начале второй мировой войны. Во время войны мы иногда забывали, что войны ведутся для разрешения политических конфликтов, и в период вооруженной борьбы за Европу мы иногда не принимали во внимание политических соображений, имевших огромное значение. Теперь, после нескольких лет холодной войны, мы полностью отдаем себе отчет в том, что нельзя отделять военные усилия от политических целей.

В ходе военных действий выявляются не только способности, но и недостатки отдельных командиров, поэтому было бы легкомысленно с моей стороны утверждать, что каждый тактический маневр во время войны в Европе был блестяще задуман и выполнен. Генералы такие же обыкновенные люди, как и все, и я не знаю ни одного из них, застрахованного от ошибок. Может быть, мы иногда были неблагоразумны и неправильно оценивали обстановку, однако большинство наших действий во время войны в Европе было обосновано. Поэтому мы можем гордиться этой кампанией и теми коллегами, мнение которых мы хотя иногда и оспаривали, но чьи достижения значительно перекрывали их ошибки. Если полководцу приходится командовать армией, то он должен быть готов противостоять тем, кто критикует его метод руководства армией. В демократическом государстве не может быть такого положения, чтобы какой-либо военный герой остался вне критики со стороны общественности, хотя бы только потому, что он выполнял работу, к которой его готовили и за которую он получал жалованье.

Меня предупредили, что критика некоторых действий фельдмаршала виконта Монтгомери, героя Эль-Аламейна, может обидеть английский народ и, таким образом, нанести ущерб общим интересам, связывающим Британию и Соединенные Штаты. Такое предупреждение означает, что его полководческое искусство не может выдержать критики товарища по оружию. Я не согласен с этим. Блестящие достижения Монтгомери в войне против держав оси слишком очевидны, чтобы им могли повредить несколько моих критических замечаний. Те, кто хотел бы заставить нас поддержать миф о непогрешимом генерале, наносят величайший вред Монтгомери.

Военная наука вовсе не является непогрешимой наукой, в ней нет места для абсолютных суждений о том, что правильно и что неправильно. Я выражаю только свое мнение, с ним можно не соглашаться, и, несомненно, найдутся люди, которые не будут соглашаться. Если, однако, мы можем извлечь пользу из обмена мнениями по военным вопросам постфактум, тогда уже одна только аргументация, рожденная в споре, будет стоить вызванного им шума.

По этим же соображениям я пытался рассказать о моей длительной совместной работе с

Джорджем Паттоном так правдиво и честно, как только мог. Генерал Паттон был одним из моих лучших друзей и первым среди подчиненных мне командиров по безупречному и точному выполнению моих заданий. Он был прекрасным солдатом, которым американский народ может гордиться не только как искусным полководцем, но и как редким и замечательным человеком. Рассказывая о том, что мы пережили вместе, я, может быть, обижу тех, кто предпочитает помнить о Паттоне не как о человеке, а как о монументе в парке. Я же хочу вспомнить о Паттоне как о человеке со всеми его человеческими слабостями и недостатками, — от этого его величие только возрастает.

* * *

Эта книга — рассказ о войне, происходившей шесть лет тому назад, рассказ, на который не повлияло ни время, ни последующие суждения. Я пытался описать события такими, какими они казались нам тогда, не замалчивая ни предрассудков, ни упрямства, ни гордости, ни тщеславия, ни мелкого самолюбия, которыми страдали мы в те дни. Чтобы не поддаваться соблазну самооправданий, я сознательно воздержался от чтения других книг о второй мировой войне.

Я начал писать «Записки солдата», по существу, в 1946 г. Тогда я подготовил рукопись примерно в 70 тыс. слов, которая должна была лечь в основу окончательного варианта книги. Весной и летом 1947 г. с помощью моего адъютанта военных лет подполковника Ч. Б. Хансена я написал свои воспоминания о второй мировой войне объемом около миллиона слов. Из личного дневника Хансена, объемом примерно 300 тыс. слов, мы тогда выбрали некоторые детали, диалоги и анекдотические случаи. Первый черновик полной книги содержал примерно 600 тыс. слов. В окончательной редакции от него осталась одна треть.

Хотя мне очень хотелось, чтобы книга вышла, когда я уже буду в отставке, совесть не позволила мне изменить рукопись так, чтобы она была более приемлема в моем нынешнем положении. Если уж писать, то писать нужно честно и искренне. Именно поэтому я и попытался описать войну такой, какой она запечатлелась в моей памяти шесть лет назад.

О. Н. Б.

Вашингтон, округ Колумбия,

28 марта 1951 г.

1. Я вызван для участия во вторжении в Нормандию

Самолет с рокотом пролетел над нашим джипом, затем, задрав нос, заложил крутой вираж над заливом Средиземного моря, мирно дремавшего у северного берега Сицилии.

Мой водитель нахмурился. «Любопытно, — заметил я, — наверное, он испугался наших опознавательных знаков».

Но, очевидно, дело было не в них. Самолет снова развернулся впереди нас над дорогой. Это был «Каб» с защитной коричневой окраской, похожий на мой воздушный джип.

Самолет опять пролетел над нами, развернулся и направился в сторону моря, покачав крыльями. Пилот, очевидно, дважды обозрел щиток с тремя красными звездами, прикрепленный к задней стенке моего джипа. Я встал с переднего сиденья и показал вперед.

— Едем! — сказал я водителю. — Если мы нужны ему, он приземлится дальше по дороге.

За мысом Сент-Анжело скалы остались позади; впереди простиралось широкое побережье. Необычайная тишина царила на дороге. В деревнях, через которые мы проезжали, на нас смотрели пустые проемы окон в закопченных огнем пожаров кирпичных стенах. То там, то здесь попадались исковерканные остовы германских грузовиков, сдвинутые нашими бульдозерами на обочины дороги. Немцы, методически отступая вдоль северного побережья Сицилии, уничтожили все мосты. Реки пересохли, и наши саперы устроили проезды через них, срезав твердые, обрывистые берега.

Наш джип нырнул в один из таких проездов, осторожно держась между белыми лентами, отмечавшими очищенный от немецких противотанковых мин «Теллер» участок русла. Я опять уселся на сиденье из пористой резины, снятое с немецкого танка «Т-4» в Северном Тунисе.

Было 2 сентября 1943 г. Три часа мы неторопливо ехали по дороге вдоль северного побережья Сицилии в Мессину. Командир 30-го британского корпуса генерал-лейтенант Оливер Лис пригласил меня на следующее утро посмотреть переправу войск генерала Бернарда Лоу Монтгомери через Мессинский пролив. Лис и я командовали двумя соседними корпусами во время сицилийской кампании, закончившейся всего за две недели до этого.

По первому плану Монтгомери 30-й корпус Лиса должен был при форсировании пролива следовать за штурмующими частями. Такое быстрое усиление войск на плацдарме дало бы генерал-лейтенанту Майлсу Демпси возможность быстрее продвигаться со своим 13-м британским корпусом вверх по носку итальянского сапога. Однако, когда Монтгомери был вынужден передать часть своих десантных средств Кларку для высадки десанта в Салерно, ему ничего не оставалось, как отменить переправу 30-го корпуса через пролив. В результате Лис оказался в положении зрителя при вторжении в Италию. Он выбрал в качестве наблюдательного пункта одну из высот южнее Мессины, откуда в бинокли мы могли следить за форсированием пролива.

Пока мы огибали мыс Сент-Анжело, «Каб» исчез. Но когда мы выехали на прямую дорогу, я увидел его на земле недалеко от берега. Мой адъютант капитан Честер Б. Хансен (из города Элизабет, штат Нью-Джерси) поджидал нас, сидя на каменной ограде у дороги. Он вскочил и остановил машину.

— Извините, что я помешал вам, генерал, — сказал он, — но мы только что получили радиogramму из штаба 7-й армии. Генерал Паттон просит вас прибыть в Палермо.

Я был разочарован тем, что мне не удастся посмотреть переправу английских войск через пролив, однако был уверен, что речь идет о серьезном деле, иначе Паттон никогда не вернул бы меня. Он знал, что я собирался встретиться с Оливером Лисом в Мессине.

Во время кампании на Сицилии, продолжавшейся пять недель, генерал-лейтенант Джордж

Паттон (младший) командовал вновь сформированной 7-й американской армией, а Монтгомери возглавлял закаленную в боях 8-ю британскую армию. В армии Паттона только мой 2-й корпус, ветеран тунисской кампании, имел боевой опыт.

Мой пилот капитан Делберт Бристол (из города Канзас-Сити, штат Миссури) поджидал у самолета. На капоте мотора была выведена надпись: «Мул № 2 из Миссури». Потрепанный в боях предшественник этого самолета был списан после почетной службы в Тунисе. Я залез в самолет, потянул ручку дросселя и нажал на тормоз, в то время как Бристол развернул машину.

Приблизившись к заливу, в котором приютился город Палермо, мы пролетели над командным пунктом 2-го корпуса, и к моменту приземления нас уже поджидал у взлетно-посадочной полосы джип. Мы проехали по песчаной дороге, проложенной бульдозерами через виноградники на вершину холма, где в роще оливковых деревьев находился палаточный лагерь корпуса. Я немедленно направился к грузовику-фургону, сделанному для меня артиллерийско-технической мастерской на базе 2,5-тонного грузового автомобиля. В нем размещалась не только моя тесная квартира, но и служебный кабинет. Внутри грузовик был отделан наподобие каюты на небольшом пароходе. Оборудование и обстановка для него были подобраны в Ороне и Алжире. Чего не смогли найти реквизиторы, то сделала артиллерийско-техническая служба в своих подвижных ремонтных мастерских.

Я повернул ручку полевого телефона, стоявшего на столе, и попросил генерала Паттона.

— Докладывает Брэдли, — сказал я. — Что случилось, сэр?

— А черт его знает! Эйзенхауэр прислал телеграмму, чтобы вы завтра рано утром прибыли к нему.

— Где же я должен встретиться с ним? В Африке?

— Нет. Он прибывает на передовой командный пункт штаба союзников около Катании. Полетите на моем самолете. Он лучше, чем «Каб». Зайдите позавтракать со мной утром перед вылетом.

Я положил трубку обратно в кожаный футляр.

— Бесполезно спрашивать, — сказал я начальнику штаба 2-го корпуса бригадному генералу Вильяму Кину. — Джордж знает не больше, чем мы с вами. Может быть, Эйзенхауэр собирается дать нам новое задание.

В течение двух предшествующих недель после переправы последних подразделений немцев через Мессинский пролив в Италию наши войска отдыхали, получали пополнение и приводили в порядок снаряжение и вооружение.

Все мы — от штаба 7-й армии Паттона, разместившегося во дворце в Палермо, до последней пехотной роты, расположившейся на биваке на южном берегу Сицилии, — гадали, куда нас теперь пошлют: в Италию или в Англию? Нигде этот вопрос не обсуждался так оживленно, как во 2-м корпусе. В течение восьми месяцев более 100 тыс. американских солдат и офицеров корпуса прошли с боями от холодных влажных гор Туниса до выжженных солнцем холмов Сицилии. Хотя истекло уже 22 месяца с момента нападения на Пёрл-Харбор, только один наш корпус в американской армии приобрел боевой опыт в войне против немцев. Штаб разработал две крупные морские десантные операции: первую — в Северной Африке в районе Орона, вторую, спустя восемь месяцев, — в Сицилии. В состав штаба были подобраны опытные офицеры. Нигде не знали об этом так хорошо, как в самом корпусе.

Еще не был решен вопрос об участии 2-го корпуса в итальянской кампании, проводившейся под руководством генерал-лейтенанта Марка Кларка, и поэтому надеялись, что корпус будет развернут в армию и передислоцирован в Англию для подготовки к большому вторжению во Францию. Что же касается Италии, то ограниченные цели кампании на Апеннинском полуострове вовсе не привлекали нас.

Конечно, не нам было решать, куда следует нас направить, так как выбор стратегических целей зависел от командующего союзными экспедиционными силами на Средиземном море генерала Дуайта Эйзенхауэра и объединенного комитета начальников штабов. Корпус является низшим тактическим соединением,^[1] которое создается для координации действий двух, трех, четырех, а иногда и пяти дивизий. Обычно корпус действует в составе полевой армии. В армию может входить до четырех корпусов. Подобно дивизиям, корпуса не являются постоянными штатными единицами армии. Как любая дивизия может быть передана из одного корпуса в другой, так и любой корпус может быть передан вместе со своими дивизиями или без них (в последнем случае только штаб и корпусные части. *Ред.*) из одной полевой армии в другую. Во время боевых действий армия является полностью самообеспечивающимся объединением с бесчисленными службами снабжения и ремонта, которые необходимы в современной войне. В отличие от армии корпус является главным образом боевой единицей; у него небольшой тыловой хвост. Кроме пехотных и танковых дивизий, в состав корпуса обычно входят артиллерийские, танковые, минометные и истребительно-противотанковые дивизионы (батальоны). Некоторые из этих корпусных частей могут быть приданы дивизиям и подчинены непосредственно командиру дивизии. Остальные остаются непосредственно в распоряжении командира корпуса и могут быть быстро сосредоточены на любом участке фронта.

* * *

3 сентября в 4 час. 50 мин. утра мы покинули командный пункт 2-го корпуса и направились по асфальтовому шоссе к штабу Паттона в Палермо. Джордж всегда вставал рано, особенно в полевых условиях, и во время перерыва в боевых действиях завтракал в 7 часов. Хотя нам предстояло проехать всего около 50 километров, я старался прибыть вовремя.

Командный пункт Паттона охранялся дюжиной легких танков, продуманно расположенных на большой площади перед дворцом, где он жил. В задрапированных парчой комнатах большого мрачного дворца пахло плесенью. Здесь в старинной роскоши Паттону было суждено провести самые несчастливые и мучительные дни его жизни.

Оставалось 45 минут до завтрака. Покинув джип, мы пошли мимо закрытых ставнями витрин магазинов по улице Виктора Эммануила. Хотя Палермо мало пострадал от воздушных налетов, однако переулки все еще не были расчищены от обломков и щебня. Вооруженные солдаты частей противовоздушной обороны, опрятно одетые, с галстуками и в гамашах, торопились к завтраку. Все хорошо знали строгие приказы Паттона в отношении соблюдения формы одежды.

Ровно в 7 часов Паттон появился к завтраку. Его бодрость неизменно передавалась окружающим; он острил, а речь его была смесью непристойностей и здорового юмора. Он одновременно и подбадривал и подавлял. Джордж был прекрасным солдатом.

Как и Эйзенхауэр, Джордж обычно завтракал в узком кругу ближайших сотрудников своего штаба. И на этот раз все чувствовали себя за столом бодро, много говорили. Паттон схватил мою солдатскую кобуру с 11,43-миллиметровым кольцом, с которым я не расставался 30 лет.

— Черт возьми, Брэд, — сказал он, — тебе нужно оружие, с которым можно появиться в обществе. Нельзя же всюду таскать с собой эту пушку.

Он показал свой небольшой 8,13-миллиметровый пистолет, носимый в кобуре с плечевым ремнем, и пообещал мне прислать такой же.

После завтрака Паттон поехал со мной на аэродром в своем огромном закрытом «Паккарде», украшенном двумя издающими резкие звуки хромированными сигналами. Мы

остановились у потрепанного грузового самолета «С-47», который предоставило Паттону командование транспортной авиации. Пилот притащил два мягких кресла с откидными спинками и прикрутил их проволокой к кольцам в полу для крепления груза.

— Класс! — показал на них Паттон. — Интересно, где он, чертушка, стащил их?

Передовой командный пункт штаба союзников, где я должен был встретиться с Эйзенхауэром, едва ли заслуживал такого громкого названия. На аэродроме в Катании нас встретил адъютант Айка и проводил к беспорядочно разбросанной группе небольших палаток, скрытых за несколькими оливковыми деревьями в тени горы Этны. Этим утром Эйзенхауэр прилетел из Северной Африки, чтобы присутствовать при подписании представителями правительства Бадольо предварительных условий капитуляции. Эйзенхауэр совещался в палатке со своими командующими, которые также прибыли на самолетах. У палатки стоял начальник штаба Эйзенхауэра генерал-майор Уолтер Беделл Смит и командующий группой армий генерал Гарольд Александер. Смит выглядел мрачным и усталым после утомительных, длившихся несколько недель переговоров перед капитуляцией Италии. Но оба были очень довольны, что сумели завершить переговоры до высадки войск Кларка в районе Салерно. Как раз в этот момент войска Кларка грузились на суда в Северной Африке, чтобы высадиться рано утром 9 сентября. В середине июля объединенный комитет начальников штабов отказался от своих прежних ограниченных планов бомбардировки Италии с воздуха в пользу прямого удара по Неаполю и широкого наступления на север вдоль Апеннинского полуострова. Для этой цели в распоряжение Эйзенхауэра были дополнительно выделены войска численностью 66 тыс. человек, которые первоначально предполагалось направить в Англию. Новое предложение англичан предоставить Эйзенхауэру еще 50 тыс. человек было отвергнуто американскими начальниками штабов. Генерал Джордж Маршалл, заинтересованный в том, чтобы не ослаблять еще больше сосредоточенные в Англии силы союзников, настаивал на сокращении посылаемых в Италию контингентов войск до минимума, указывая, что успех высадки в Неаполе должен быть обеспечен решительными действиями. 26 июля англичане сняли свое предложение, и в распоряжении Эйзенхауэра были оставлены незначительные силы, с которыми ему предстояло осуществить высадку десанта в Салерно.

Германское верховное командование, рассчитывавшее на то, что у итальянского народа еще сохранился некоторый боевой дух, запланировало в начале июля усилить германские войска в Италии еще несколькими дивизиями. Мы не предвидели этого, полагая, что немцы ограничатся защитой равнин Северной Италии, где находилась сеть аэродромов, с которых можно было производить налеты на германские промышленные центры. Начальник британского имперского генерального штаба генерал Алан Брук оценивал численность германских сил во всей Италии на 14 августа в 5 дивизий. Однако он при этом сообщил объединенному комитету начальников штабов, что были признаки прибытия новых подкреплений. Брук, так же как и большинство офицеров в союзных планирующих органах, полагал, что немцы не рискнут направить войска в уязвимую нижнюю часть итальянского сапога. К 24 августа штаб генерала Эйзенхауэра считал, что число германских дивизий в Италии увеличилось до шестнадцати. И все равно оптимисты полагали, что в случае наступления союзников немцы без сопротивления отойдут на рубеж реки По.

Как только наши намерения высадиться севернее района переправы войск Монтгомери были разгаданы немцами, им было нетрудно сообразить, что нам потребуется захватить Неаполь, чтобы использовать его в качестве базы снабжения для обеспечения этой операции. Противник также понимал, что в случае успеха высадки в районе Неаполя нам удастся захватить аэродромы в Фодже, расположенном по ту сторону Апеннинского полуострова на берегу Адриатического моря. Действуя с этих аэродромов, наши тяжелые бомбардировщики смогут

достичь Южной Германии, Австрии и важных в стратегическом отношении районов добычи нефти в Плоешти. Именно поэтому немцы стремились сделать все возможное, чтобы не дать нам завладеть этими аэродромами.

Генерал Беделл Смит сказал мне, что сообщение о капитуляции Италии будет опубликовано вечером 8 сентября, чтобы итальянцы успели сложить оружие до высадки войск Кларка. Он надеялся, что такое объявление в самый последний момент задержит переброску германских подкреплений на побережье южнее Неаполя и что союзники смогут высадить десант без помех. Эйзенхауэр и Бадольо должны были одновременно сообщить о капитуляции Италии по радио из Алжира и Рима.

Александр был в приподнятом настроении по случаю полученного утром сообщения, что войска Монтгомери переправились через Мессинский пролив, не встретив сопротивления. Большую часть вечера перед этим он провел в переговорах о капитуляции с прибывшим из Рима представителем маршала Пьетро Бадольо генералом Кастеллано. Перед лицом опасности вторжения союзников и в условиях немецкой оккупации итальянцы были крайне заинтересованы в том, чтобы спасти все, что было возможно, перейдя на сторону союзников.

* * *

Эйзенхауэр вышел из маленькой палатки и увидел меня со Смитом и Александром. Он подошел к нам с широкой улыбкой на лице.

— Ба! Брэд, рад вас видеть. Вы долго ждали?

Он взял меня под руку и провел в палатку, где ничего не было, не считая длинного деревянного обеденного стола, стоявшего на земляном полу. На столе находилось несколько банок из-под консервов, наполовину заполненных окурками.

— У меня для вас хорошие новости, Брэд. Вы получили интересное новое задание.

Я постарался скрыть охватившее меня волнение.

— Мы получили приказ, согласно которому вам надлежит отправиться в Англию и принять командование армией для подготовки к вторжению во Францию.

Всего за пять месяцев перед этим я получил корпус, теперь становился командующим, армией. После 28 лет продвижения по службе в мирное время черепашным шагом теперь я не успевал покупать генеральские звезды. По окончании кампании в Тунисе я стал единственным командиром корпуса американской армии с опытом войны против немцев. В Сицилии я участвовал в проведении большой десантной операции. Боевой опыт, приобретенный мною, был неоценимым при вторжении во Францию.

— Когда я должен выехать? — спросил я.

Айк засмеялся: — Сразу же как только соберетесь. Генерал Маршалл торопит. Очевидно, Джеки нажимал на него, чтобы он теперь же назначил командующего армией.

Джеки, о котором говорил Эйзенхауэр, был не кто иной, как генерал-лейтенант Джекоб Девере, командующий войсками на европейском театре военных действий. На протяжении последних месяцев он был озабочен тем, чтобы англичане не обогнали американское командование в планировании вторжения.

Опасения Деверса имели под собой почву. В январе 1943 г. в Касабланке президент Рузвельт первоначально предложил, чтобы для планирования и руководства вторжением во Францию на должность верховного командующего был назначен англичанин. Тогда он предполагал, что вторжение произойдет в 1943 г. и в нем примут участие главным образом английские войска. Черчилль, однако, в Касабланке внес предложение ограничиться лишь

планированием операции, а вопрос о назначении командующего отложить. Хотя Черчилль и согласился с тем, что командовать должен англичанин, он еще раз подтвердил свою верность принципу, согласно которому «руководить операциями, как правило, должен генерал той страны, которая выставила больше войск». Объединенный комитет начальников штабов, разделяя мнение Черчилля, высказался только за утверждение кандидата на должность начальника штаба к еще не назначенному верховному командующему. Такой начальник штаба из англичан должен был руководить первоначальным планированием операции до назначения командующего.

Вскоре после этого англичане наметили генерал-лейтенанта Фредерика Моргана в качестве своего высшего штабного офицера во вновь создаваемый штаб. Американцы заявили протест по поводу этого несогласованного решения англичан. Наконец после месяца споров обе стороны согласились создать объединенный штаб во главе с Морганом в качестве начальника штаба при верховном командующем войсками союзников (этот пост оставался вакантным). Штаб получил сокращенное название КОССАК по первым буквам наименования новой должности Моргана.^[2] Надежды на то, что вскоре будет назначен верховный командующий, рухнули вместе с возможностью вторжения в 1943 г. Когда вторжение было отложено до 1944 г., стало ясно, что ввиду большого сосредоточения в Англии американских войск на должность верховного командующего будет назначен американец.

Первая задача КОССАК заключалась не в том, чтобы разработать план вторжения, а выяснить, можно ли с ресурсами, на которые союзники рассчитывали в 1944 г., предпринять вторжение на побережье Ла-Манша. Другими словами, КОССАК начал работу с выяснения возможностей вторжения. В течение этого периода командующий войсками на европейском театре военных действий должен был играть роль американской сторожевой собаки, следившей за совместным планированием КОССАК, и именно с ним следовало советоваться по вопросам совместного использования американской армии, флота и авиации.

Как только КОССАК приступил к планированию, англичане поторопились сформировать свои полевые армии, соединения военно-морских и военно-воздушных сил, выделенных для участия во вторжении. К июлю 1943 г. были сформированы 2-я британская армия, 1-я канадская армия и 21-я группа армий, причем штабы их дислоцировались в Лондоне.

В Англии не было соответствующего полевого американского штаба, и поэтому по вопросам наземных войск штаб Моргана обращался за указаниями в штаб 21-й группы армий. По существу, до прибытия 1-й американской армии в Англию в октябре 1943 г. единственным американским тактическим соединением в этой стране был 5-й корпус генерал-майора Леонарда Джероу. В мае 1943 г. Девере настоятельно просил военное министерство США создать в Англии штаб американской армии наподобие штабов британской и канадской армий. Военное министерство, однако, колебалось. В июле Девере настаивал на создании американской группы армий наподобие 21-й английской группы. И снова военное министерство заняло выжидательную позицию.

Наконец 25 августа генерал Маршалл радировал Эйзенхауэру в Алжир:

«Деверс и генерал Морган с начала июля нажимают на нас, чтобы немедленно назначить командующего американской армией по образцу командующих британскими армиями, которые сейчас усиленно занимаются укомплектованием и оснащением своих войск. Я наметил Брэдли... Не можете ли вы отпустить Брэдли на этот пост?»

Эйзенхауэр не замедлил с ответом и 27 августа сообщил:

«Ваша телеграмма, переданная по телетайпу, по времени совпала... с моим письмом, которое я только что отправил относительно высших офицеров на этом театре военных действий... Лично меня огорчает мысль о том, что придется расстаться с Брэдли. Он в

значительной степени облегчал мою работу, которая в противном случае целиком легла бы на мои плечи. Так было и в прошлом, когда он был только командиром корпуса. Но именно это обстоятельство, по-видимому, и определило то, что ваш выбор пал на него».

2 сентября, в тот самый день, когда Эйзенхауэр радировал обо мне Паттону, а я находился на пути в Мессину, штабом союзных войск в Алжире была получена телеграмма из военного министерства. Телеграмма была от генерала Маршалла:

«Благодарю вас за великодушие в вопросе о Брэдли. Прикажите ему готовиться к отъезду в Англию. Официальный приказ будет передан по радио позднее. Я думаю, что вы захотите сохранить его штаб корпуса. Если можно, выясните у Брэдли, кого из своих офицеров он хочет взять в Англию. Передайте ему, что он будет руководить штабом армии, а возможно, ему также придется создать и штаб группы армий, чтобы не отстать от англичан».

Предложение генерала Маршалла взять из штаба 2-го корпуса наиболее ценных работников для моего нового штаба армии явилось для меня как раз тем, о чем я мечтал. Передавая это предложение, Айк отнесся ко мне великодушнее, нежели я ожидал.

— Возьмите с собой всех, кого вы хотите, — сказал он. — Вам понадобится наилучший штаб.

Позднее, когда я составил список, мой преемник на посту командира 2-го корпуса генерал-майор Джон Лукас просмотрел его и взвыл.

— Но это даст вам возможность, — заверил его я, — назначить на освободившиеся места ваших работников. Лукас нахмурился.

— Услуга за услугу, — сказал я. — Отдаю грузовик-фургон вместе с джипом и сиденьями из губчатой резины.

— Черт возьми, вы же все равно не можете взять их с собой, — сказал Лукас, стукнув меня по плечу. — Брэдли, вы много запрашиваете. Но будь я на вашем месте — я поступил бы также.

Я, возможно, был неправ, лишая штаб 2-го корпуса многих лучших офицеров, но не мог пойти на то, чтобы не взять их с собой и доверить организацию вторжения через Ла-Манш неопытным штабным офицерам. Слишком много ставилось на карту в связи с этим вторжением. Лукас понимал это не хуже меня. Как бы ни был сведущ офицер и как бы ни был он хорошо подготовлен, все равно он не будет полноценным работником до тех пор, пока не приобретет боевой опыт, тем более, что планирование десантной операции является весьма' сложным делом, требующим большой напряженной работы. Мы поступили бы легкомысленно, если бы не привлекли к планированию самых опытных работников. Несколько месяцев спустя, когда Эйзенхауэр был назначен верховным командующим союзными войсками, перед ним встала аналогичная проблема. Как и я, он взял с собой в Англию значительную часть своего штаба со средиземноморского театра военных действий.

Генерал Маршалл, приказав мне создать штаб группы армий и одновременно командовать армией, вдвойне усложнил мою задачу. Хотя окончательное решение относительно назначения командующего группой армий еще не было принято, я должен был возглавлять и группу и армию в течение целых девяти месяцев, то есть до вторжения в Нормандию.

Совещание с Айком закончилось приглашением к завтраку. — За завтраком не будет этих проклятых венских сосисок, которыми вы всегда здесь пичкаете меня, — сказал Айк.

В тот же день, перед возвращением из Палермо в штаб корпуса, я задержался ненадолго у Паттона и сообщил о полученном приказе. Я сказал ему, что должен прибыть в Англию в следующее воскресенье. Паттон сразу же предложил свой «С-47» для полета в Алжир.

Вечером Кин просидел со мной далеко за полночь. Мы просматривали списки личного состава корпуса и отбирали нужных людей. Только к часу ночи был готов окончательный список, в котором после сокращения осталось 30 человек. Кин вставил сигарету в мундштук,

посмотрел на меня через стол и улыбнулся.

Я понял его мысль и сказал: — Какая страшная ответственность ложится на вас и на меня — организовать самое большое вторжение.

Кин кивнул головой и перевел взгляд на карту Европы, висевшую на стене.

— Но, Билл, — добавил я откровенно, — кто же в армии имеет больше опыта, как не мы с вами?

Семь месяцев тому назад это было бы наглým хвастовством, потому что тогда Кин и я были во Флориде и штурмовали с 28-й дивизией наполовину затопленный участок, известный под названием, остров Дог.

2. За море

Во Флориде зимой можно наблюдать все времена года. Самая холодная погода стоит на побережье залива Апалачикола.

Апалачикола, несмотря на свое звучное индейское название, является захудалым городишком на перекрестке дорог, расположенным западнее мрачного армейского лагеря Гордон-Джонсон. В 80 километрах по шоссе к северу находится центральный пункт этого района-приятный город Таллахасси. Однако там можно было проводить время только по воскресеньям.

Здесь на утрюмом сыром побережье полуострова Флориды зимой в начале 1943 г. 28-я дивизия проходила подготовку для вторжения. Ранней осенью прошлого года командование подготовки десантных войск перевело свою школу с полуострова Кейп-Код во Флориду, чтобы можно было в любую погоду тренироваться в проведении десантных действий.

Место для лагеря Гордон-Джонсон было расчищено на пустынном побережье среди кустарника. Невдалеке в море цепочка рифов прикрывала от морской волны берег, на котором тренировались наши солдаты. День за днем они прыгали с тупоносых десантных судов в воду во время учебных атак на «неприятельское» побережье острова Дог.

Эти учебные занятия поставили перед штабом дивизии новые и сложные проблемы тактики и материального обеспечения войск. Хотя я раньше изучал тактику десантных войск в военных школах, мне впервые приходилось проводить практические занятия с участием войск и десантных судов. Большая часть десантных средств, которые мы использовали, была построена после нападения японцев на Пёрл-Харбор.

28-я дивизия, входившая в состав национальной гвардии штата Пенсильвания, была второй по счету дивизией под моим командованием. Сначала я командовал 82-й пехотной дивизией, предшественницей знаменитой воздушно-десантной дивизии. Меня назначили командиром 82-й дивизии совершенно неожиданно, так как в то время я был одним из самых молодых бригадных генералов в армии.

В сентябре 1941 г. генерал Маршалл посетил пехотную школу в форте Беннинг, начальником которой я был уже 6 месяцев. Когда мы проходили через военный городок к моей квартире, где был приготовлен завтрак, Маршалл повернулся ко мне и спросил:

— Брэдли, есть ли на примете подходящий человек, чтобы заменить вас, когда вы примете командование дивизией?

— Пока нет, сэр, — ответил я, стараясь скрыть изумление. Но если бы у меня был Левен Аллен, о котором я просил, он был бы подходящим человеком.

За несколько месяцев перед этим был отдан приказ о назначении подполковника Левена Аллена моим помощником в форте Беннинг. Однако начальник управления военного планирования в Вашингтоне бригадный генерал Джероу, который ведал вопросами использования офицерского состава, отменил приказ.

Этот вопрос был снова поднят только через три месяца. За несколько дней перед рождеством в 1941 г. мне позвонил мой старый друг еще со времен пехотной школы подполковник Джордж ван У.Поп, служивший в управлении личного состава^[3] в Вашингтоне.

— Омар, — сказал он, — мы формируем три новые дивизии, вы будете командовать одной из них. Это 82-я дивизия. Поставьте нас в известность, по возможности скорее, кого вы хотите взять к себе в штаб. Я постараюсь обеспечить назначение этих людей.

В этот же день я позвонил Попу. — Все офицеры, подходящие для должности начальника штаба, — сказал я, — по-видимому, занимают важные посты. Взять, например, вас. Я не думаю,

чтобы вы могли освободиться.

— Вырваться отсюда! — закричал Поп. — Черт возьми, я только этого и хочу. Я сейчас же наведу справки и немедленно сообщу вам. Пока резервируйте место за мной.

Я знал Попа в течение многих лет как скромного и хорошо подготовленного солдата. Он был одно время инструктором отдела вооружения в форте Беннинг, и я считал его одним из наших наиболее хорошо подготовленных офицеров. Теперь же он занимал ключевой пост в управлении личного состава в Вашингтоне и мог помочь мне подобрать нужный состав штаба. Через несколько минут он позвонил мне.

— Омар, — сказал он, — у вас есть теперь начальник штаба.

Попу с трудом удалось вырвать великолепных офицеров, и 82-я дивизия с самого начала оказалась в благоприятном положении.

К марту 1942 г. воинские эшелоны стали прибывать на подъездные пути лагеря Клейборн, расположенного в штате Луизиана, около быстро растущего города Александрии на берегу мутной реки Ред-Ривер. Поезда доставляли новобранцев прямо с призывных пунктов.

Как правило, первые несколько недель пребывания в армии действуют на солдата удручающе. Он начинает тосковать по дому. Мы знали, что призывники по прибытии в лагерь Клейборн будут, по-видимому, подавлены обезличкой, которая превращает человека в солдата. Поэтому мы решили распределить их еще до прибытия в лагерь по подразделениям, которые они могли бы назвать своим домом. Офицеры и сержанты садились вместе с призывниками в пунктах отправки и группировали их в поездах в соответствии с будущими назначениями. В Вашингтоне узнали о нашей практике распределения людей по подразделениям в пути, и позднее это стало обычной процедурой.

Когда воинские эшелоны прибывали в Клейборн, мы встречали их с духовым оркестром. Офицеры и сержанты строили прибывших по ротам и батареям и разводили по баракам. Там их ожидали чистые постели, а в столовой был готов горячий обед. Прачечные быстро приводили в порядок испачканное и измятое в дороге обмундирование. Каждый солдат получал нарукавный знак стандартного образца с номером дивизии.

На другом конце Александрии, за рекой Ред-Ривер, находилась 28-я дивизия, испытывавшая трудности, с которыми пришлось столкнуться многим дивизиям национальной гвардии во время мобилизации. Как и другие дивизии, призванные на федеральную службу в 1940 и 1941 гг., 28-я дивизия неоднократно передавала часть своего кадрового личного состава для формирования новых дивизий. Больше того, сотни лучших сержантов дивизии были направлены в офицерские школы, а лучших солдат перевели в авиацию для обучения в летных школах. Время от времени дивизия пополнялась призывниками и, таким образом, никогда не была боеспособной. В июне 1942 г. я получил приказ сдать 82-ю дивизию и принять командование 28-й дивизией. Мне предстояло сколотить из разношерстных подразделений боеспособную дивизию, готовую к боевым действиям.

Однако еще несколько месяцев из 28-й дивизии продолжали забирать кадровых солдат и отбирать кандидатов в офицерские школы. Постоянная текучесть кадров срывала нашу подготовку, и все части и подразделения дивизии остро нуждались в младших офицерах и сержантах. Ротами часто командовали вторые лейтенанты,^[4] которым помогали сержанты.

Наконец, когда 4-й корпус еще раз потребовал людей для укомплектования новой дивизии, я сказал:

— Хорошо, мы дадим вам этих людей. Но я думаю, что взамен вы направите нам подготовленные кадры, чтобы мы тоже могли работать.

В то же время в 28-й дивизии возникла новая проблема. В некоторых ротах были группы солдат из одной и той же местности. Когда в такой роте открывалась вакансия сержанта,

сержантские нашивки обычно получал один из земляков. Больше того, офицеры и солдаты в таких ротах знали друг друга до армии, а это затрудняло поддержание дисциплины. Старшие офицеры осуждали возникшую систему протекционизма, но они, по-видимому, были бессильны положить ей конец. Я пришел к выводу, что до тех пор, пока мы будем терпеть эти проявления землячества, у нас не будет дивизии.

Чтобы выправить создавшееся положение, я прибег к жесткой мере. Одним приказом все офицеры и почти все сержанты были переведены из рот, где служили их земляки, в другие подразделения. К концу лета сократились случаи перемещения личного состава из дивизии в дивизию, а незадолго перед выходом на маневры осенью 1942 г. мы были доукомплектованы молодыми лейтенантами, окончившими офицерские кандидатские школы. В 28-ю дивизию влилась свежая струя, и скоро она стала вполне подготовленным и сколоченным соединением.

Во время инспекционной поездки в район маневров этой осенью командующий сухопутными войсками армии генерал-лейтенант Лесли Дж. Макнейр намекнул, что мне, может быть, вскоре придется командовать корпусом.

— Однако генерал Маршалл, — сказал он, — прежде чем дать согласие на повышение, хочет убедиться, что вы держите 28-ю дивизию в руках. Не забывайте, что генералу Симпсону пришлось сколотить две дивизии, прежде чем он получил корпус.

Маневры показали, что 28-я дивизия может перейти к повышенной подготовке. В декабре пришел приказ о переброске дивизии в лагерь Гордон-Джонсон. Теперь я находился на военном положении и сложил свои личные вещи в два саквояжа; кроме того, у меня был сверток с постелью. Большая часть моей домашней обстановки была упакована и отправлена багажом домой в Миссури, а остальные вещи жена уложила в два дорожных сундука. Я знал, что гарнизонная жизнь закончилась, что мы не можем больше позволить себе роскошь пользоваться домашним уютом.

12 февраля 1943 г. я отметил свой день рождения в лагере Гордон-Джонсон. Мне исполнилось 50 лет. К этому времени сообщения газет о зимней кампании в Тунисе ясно показывали, что дни нашего пребывания в Соединенных Штатах кончались. В полдень я получил телеграмму по телетайпу от генерала Маршалла:

«Весьма кстати, что вы отпраздновали день вашего рождения за несколько дней до назначения вас командиром корпуса. Это назначение с большим запозданием отмечает ваши прекрасные достижения в подготовке 28-й дивизии. Поздравляю и шлю наилучшие пожелания».

Телеграмма пришла в пятницу. Я решил, что приказ о назначении поступит самое раннее утром во вторник. Вместе того чтобы отправиться в тот день в поле, я задержался в штабе дивизии. Вскоре после 10 часов последовал телефонный звонок из Вашингтона. Звонил начальник отдела личного состава в штабе Макнейра генерал-майор Александер Боллинг.

— Сегодня отдается приказ в отношении вас, Брэдли. Вы отправляетесь на длительное время в войска за море.

— За море? — спросил я, припоминая, что генерал Маршалл имел в виду корпус в Соединенных Штатах. «По-видимому, что-то переменилось со времени отправки его телеграммы, полученной три дня тому назад», — подумал я.

— Куда я поеду? — спросил я Боллинга, имея в виду Африку или Тихий океан и надеясь, что речь идет об Африке.

Боллинг сделал паузу. — Помните вашего товарища по классу? — сказал он. Вы будете вместе с ним. Большого я не могу сказать по телефону.

Я понял, что он имел в виду Африку. Эйзенхауэр и я вместе окончили военное училище Вест-Пойнт в 1915 г.

— Когда вы сможете выехать?

— Завтра, — ответил я. — У меня все готово.

— Хорошо, — сказал он, — мы немедленно дадим распоряжение о первоочередной доставке вас самолетом из Таллахасси в Вашингтон. Позвоните мне в 11 часов.

Я помчался по деревянным мосткам в мою комнату в конце соседнего барака. Ординарец очищал грязь с моих полевых сапог. — Собирай-ка лучше мои вещи, сказал я ему. — Все, все. Когда вернусь, я помогу тебе.

Мой начальник штаба Билл Кин, который заменил Попа, получившего повышение, ждал в канцелярии.

— Только что получена шифровка по телетайпу относительно вас, — доложил он. — Минут через двадцать ее расшифруют. Я рассказал ему о звонке Боллинга.

— Что же, все может случиться в наше время, — заметил пораженный Кин.

Через двадцать минут Кин вернулся.

— Мы расшифровали телеграмму, генерал. Вам приказано прибыть в Шерман в штате Техас. Там вы примете 10-й корпус.

Я был удивлен не менее его. В 11 часов я позвонил Боллингу в Вашингтон:

— Алекс, я сбит с толку. Что вам известно относительно моего назначения командиром 10-го корпуса?

— Забудьте об этом, — ответил он, — то было вчера. Сегодня вы отправляетесь за море.

Я спросил Боллинга, буду ли я иметь какой-нибудь орган управления.

— Если вы думаете о штабе, — сказал он, — то мы даем вам только двух адъютантов.

Очевидно, это не был орган управления.

Оба моих адъютанта, Бридж и Хансен, вступили в армию рядовыми в 1941 г. и в апреле 1943 г. вместе окончили пехотную офицерскую кандидатскую школу, показав отличные успехи. В это утро они были в поле на учениях войск. Бридж занимался с пехотной ротой, а Хансен — с разведчиками. Я направил за ними посыльного. Они быстро явились на командный пункт дивизии, Бридж был весь в грязи, а Хансен — мокрый по пояс после учебной высадки на острове Дог.

— Как вы смотрите на то, чтобы смазать пятки салом? — спросил я их.

Они обещали собраться через 20 минут.

Мы выехали из лагеря в 14 час. 30 мин. в тот же день. Приказ был секретным, и я не решился сообщить даже моим попутчикам, что мы отправляемся за море.

В Вашингтоне я явился прямо к генералу Маршаллу. С тех пор как я оставил военное министерство в 1941 г., оно переехало из устаревшего, невзрачного здания «Мьюнишн Билдинг» на Конститушн авеню в новое здание «Пентагон», на другой стороне реки Потомак.

Начальнику штаба потребовалось всего десять минут, чтобы изложить мое задание. Что касается обстановки в Африке, то всю информацию по этому вопросу я должен был получить сам в оперативном управлении в Пентагоне.

* * *

Эйзенхауэр в качестве главнокомандующего союзными силами на Средиземноморском театре военных действий возглавлял войска, растянувшиеся почти на 2 тыс. километров от Касабланки на атлантическом побережье Африки до фронта в Тунисе. Верные до этого правительству Виши французские колонии в Северной Африке, которые не затронула война, так как они были отделены Средиземным морем от Франции, теперь были ввергнуты в политический хаос вследствие вторжения союзных войск. Интриги Виши, волнения среди

арабов и враждебность французов к англичанам — все это поставило перед союзниками ряд острых проблем, которые могли вызвать осложнения.

В этом политическом хаосе Эйзенхауэр был для одних освободителем, а для других — захватчиком. От него ожидали, что он будет не только главным союзным дипломатом, но и стратегом, администратором и командующим союзными войсками.

Этого уже было вполне достаточно, однако в довершение всего Эйзенхауэру как союзному командующему приходилось служить сразу двум флагам американскому и английскому, и всецело посвятить себя теперь руководству объединенными операциями, чтобы выиграть войну. На таком посту требовались беспристрастность и осмотрительность, чтобы побороть чувство национальной приверженности. Понятно, что, как ни значительны были общие интересы в войне, союзникам было чрезвычайно трудно слить воедино свои силы, подавить национальное соперничество и чувство гордости, подчинив себя власти одного союзного командующего. Эйзенхауэр был преисполнен решимости сделать союзное командование действенным, и он не останавливался перед применением суровых мер против тех, кто старался прикрыть свое неповиновение ссылками на флаг своей страны.

Командный пункт Эйзенхауэра в Алжире располагался примерно в 650 километрах от союзных войск на тунисском фронте. Из этого отдаленного командного пункта он пытался руководить войсками трех государств, войсками, которые были разбросаны вдоль побережья. Эйзенхауэр понимал опасности, таящиеся в руководстве боевыми действиями в таком большом отрыве от войск, поэтому планировал назначить Александра своим заместителем, возложив на него обязанности по руководству сухопутными войсками союзников. Однако это было сделано только после того, как 8-я армия Монтгомери, входившая в возглавляемое Александером средневосточное командование, пересекла границу между Триполитанией и Тунисом в районе линии Марет.

Между тем генерал Маршалл, следивший за подготовкой все увеличивавшейся армии в Соединенных Штатах, был заинтересован в том, чтобы получить больше информации о боевых качествах американских офицеров и войск и эффективности американского вооружения. Чтобы помочь Эйзенхауэру собрать такую информацию, он предложил выделить в его распоряжение американского офицера, который стал бы «глазами и ушами» Айка среди американских войск на тунисском фронте.

В тот же день 12 февраля, когда Маршалл поздравил меня по радио с днем рождения в лагере Гордон-Джонсон, Эйзенхауэр направил ему по телетайпу следующую телеграмму:

«Я просмотрел список генералов, чтобы подыскать подходящего кандидата, способного стать моими „глазами и ушами“, как вы предложили. Я полагаю, что все генералы, которые могли бы хорошо справиться с этой задачей, уже занимают весьма важные посты, например посты командиров дивизий.

Мне пришло в голову, что командиры дивизий, которые сейчас формируются в Соединенных Штатах, могли бы получить чрезвычайно ценный опыт, поочередно бывая на этом театре военных действий, скажем, в течение трех месяцев.

Характер работы, которую предстоит выполнять здесь, требует не столько детального знания театра военных действий, сколько ума, такта и сообразительности, так что способный человек сможет успешно начать работу после недельного пребывания на театре. Если такое предложение в принципе подходит, тогда я могу указать на ряд генералов, которые весьма приемлемы для меня. Это генерал-майоры Хестер, Террелл, Брэдли, Браш, Балл, Герхардт, Риджуэй, Рэнсом, Корлетт, Воган, Причард и Лайвсей. Из офицеров в отставке с этой работой мог бы хорошо справиться генерал Гассер.

Если вы не согласны с моим предложением, тогда прошу сообщить мне список тех лиц,

кого, по вашему мнению, можно направить для выполнения такой задачи на короткий или длительный срок».

Я был у Маршалла под рукой в результате назначения в 10-й корпус, и это, на мой взгляд, до некоторой степени объясняет, почему он выбрал именно меня из числа генералов, представленных в списке Эйзенхауэра.

Итак, после 32 лет службы в армии я в первый раз отправился на войну.

* * *

Мое многолетнее знакомство с генералом Маршаллом началось в 1929 г., когда я представился ему в качестве преподавателя тактики в пехотной школе в форте Беннинг. Тогда я был майором. В июне того же года я окончил командно-штабную школу в форте Ливенуорт. Когда первая мировая война закончилась, мне так и не пришлось побывать за морем, я боялся, что моя военная карьера будет загублена с самого начала. Как и Эйзенхауэр, я всю первую мировую войну находился в Соединенных Штатах. В то время как мои товарищи по учебе отличались на фронте, я командовал ротой, охранявшей медные рудники в Батте.

В 1924 г. меня направили в форт Беннинг на курсы усовершенствования при пехотной школе. Здесь мне пришлось соревноваться со многими офицерами моего возраста, которые уже имели боевой опыт. Однако при решении тактических задач я убедился, что мои суждения не были хуже других из-за того, что мне не пришлось побывать на войне. Когда я закончил школу вторым в классе по успеваемости (после майора Джероу), у меня снова появилась уверенность в своих силах и я никогда больше не падал духом.

По окончании командно-штабной школы я был назначен преподавателем тактики мелких подразделений до батальона включительно на факультете пехотной школы, а через год — начальником цикла вооружения. Генерал Маршалл был тогда подполковником и занимал должность заместителя начальника школы. Назначив офицера на должность, он редко вмешивался в его функции. За два года моей службы под его руководством в качестве начальника цикла он вызвал меня всего один раз для обсуждения работы. За это же время Маршалл только дважды побывал на моем цикле. У генерала Маршалла я и научился правильно строить взаимоотношения с подчиненными мне офицерами. В течение всей войны я избегал вмешиваться в функции моих подчиненных. Если офицер оправдывал ожидания, я давал ему полную свободу действий. Если он проявлял неуверенность, старался помочь ему. Если же он не справлялся со своими обязанностями, я освобождал его от должности.

В 1936 г. Маршалл был произведен в бригадные генералы. Я служил тогда в Вест-Пойнте, откуда и послал ему поздравительную телеграмму.

Генерал Маршалл ответил коротким, но пророческим письмом:

«Я искренне надеюсь, что у нас опять появится возможность служить вместе. Это будет большим удовольствием для меня».

Такая возможность представилась в 1940 г., когда генерал Маршалл, став начальником генерального штаба, перевел меня из управления личного состава военного министерства в свою канцелярию в качестве помощника секретаря генерального штаба. Я должен был делать устные доклады о документах, по которым начальнику генерального штаба надлежало принять решение. Через неделю генерал Маршалл вызвал меня и других помощников в кабинет и заявил:

— Господа, я вами недоволен. До сих пор вы ни разу мне не возразили.

— Генерал, — ответил я, — это только потому, что не было причин для разногласий. Когда мы не согласимся с вами, мы заявим вам об этом.

К тому времени я знал генерала Маршалла больше десяти лет, но никогда не чувствовал себя свободно в его присутствии. Я тщательно готовился к каждому докладу. Маршалл моментально схватывал суть самого запутанного штабного документа и, прежде чем принять решение, подвергал перекрестному допросу своих помощников-секретарей. Если в докладе не все было продумано до конца, он немедленно замечал и спрашивал, почему это не было сделано раньше. В каждом документе генерал Маршалл старался отыскать не факты, подкрепляющие его точку зрения, а противоположное мнение.

— Когда вы приходите сюда с докладом, — сказал он мне, — прошу вас излагать все соображения, по которым я мог бы не согласиться с предлагаемым мне проектом. Если, вопреки вашим возражениям, мое решение будет казаться все же более обоснованным, значит, я прав.

В ноябре 1940 г. начальник Вест-Пойнта бригадный генерал Роберт Эйкельбергер предложил мне стать его заместителем по строевой части. После двухлетней службы в военном министерстве меня стала тяготить штабная работа, и я стремился вернуться на командную должность. Однако тогда я был еще слишком молод, чтобы надеяться получить должность командира регулярного полка.

Во время следующего посещения Вашингтона Эйкельбергер переговорил обо мне с генералом Маршаллом. Выйдя из кабинета начальника штаба, он остановился у моего стола. — Поздравляю, Омар, вы назначены, — сказал он. — Генерал Маршалл только что согласился удовлетворить мою просьбу.

Неделю спустя, когда я выходил из его кабинета, Маршалл остановил меня, спросив:

— Действительно ли вы хотите назначения в Вест-Пойнт заместителем по строевой части?

— Да, сэр, — ответил я, — это командная должность, и у меня будет возможность принять участие в подготовке офицеров. Я провел 12 лет в Вест-Пойнте, из них четыре года был курсантом и, как мне кажется, хорошо знаком с условиями в училище.

Мне не удалось убедить генерала Маршалла. Он повернулся к окну, выходящему на Конститушн авеню. — Я думаю перевести Ходжеса сюда из форта Беннинг, — сказал он, — и назначить его начальником пехоты. Не хотели бы вы поехать на его место?

У меня перехватило дыхание. Бригадный генерал Кортни Ходжес был начальником пехотной школы, то есть занимал один из самых завидных военных постов.

— Да, сэр, — ответил я, — это совершенно меняет дело.

— Прекрасно, Брэдли, — сказал Маршалл, уже приняв решение. — Как только мне удастся перевести Ходжеса в Вашингтон, вы отправитесь туда.

Три месяца спустя, в феврале 1941 г., когда я был в кабинете генерала Маршалла, он сказал: — Пригласите заместителя начальника штаба, Брэдли, и возвращайтесь с ним. — Я вернулся с заместителем, и генерал Маршалл отдал приказ о назначении меня начальником пехотной школы.

20 февраля предложение о повышении меня в воинском звании было послано на утверждение конгресса. На следующий день я выехал в форт Беннинг.

Там меня ожидала телеграмма. Сенат утвердил повышение меня в звании с подполковника до бригадного генерала.

* * *

Закончив объяснение моих обязанностей у Эйзенхауэра, генерал Маршалл поручил мне доставить два письма в Алжир. Они были с грифом «совершенно секретно» и содержали указания Эйзенхауэру о вторжении в Сицилию. Маршалл приказал мне прочитать оба письма и

быть готовым уничтожить их в случае вынужденной посадки в пути. Объединенный комитет начальников штабов назначил вторжение в Сицилию на 10 июля, то есть всего через пять месяцев. Генерал Маршалл, однако, не сомневался, что Эйзенхауэр сумеет своевременно очистить от противника Северную Африку, чтобы перегруппировать свои войска и организовать высадку в Сицилии.

В те дни фельдмаршал Эрвин Роммель под ударами Монтгомери быстро отступал через Ливийскую пустыню к линии Марет. Хотя союзные войска Эйзенхауэра крайне растянулись на фронте в Тунисе, было ясно, что преимущества в отношении работы тыла и, следовательно, накопления сил были на стороне союзников. Союзная авиация, пока прикованная к аэродромам Северной Африки, которые из-за дождей превратились в болота, продолжала количественно расти по мере того, как увеличивавшийся выпуск самолетов в США давал возможность Эйзенхауэру заменять устаревшие машины «Р-40» новыми «Р-38».

Генерал Маршалл мыслил стратегическими категориями, и для него, уже планировавшего вторжение через Ла-Манш, значение войны в Северной Африке свелось к борьбе за время. Если немцы, подбрасывая подкрепления из Италии, стремились затянуть войну, то союзники чрезмерно напрягали свои силы в попытке закончить войну в Африке вовремя, до начала вторжения в Сицилию.

Утром в день моего приезда в Вашингтон (18 февраля 1943 г.) казалось, что немцам удалось остановить стрелку часов. Явившись в залитую ярким светом оперативную комнату в Пентагоне, я увидел поток радиogramм из Алжира с сообщениями о том, что союзники потерпели неудачу у прохода Фаид. Началось сражение, ставшее известным под названием сражения за проход Кассерин. Здесь немцы нанесли нам первое поражение.

Этому предшествовали следующие события. Во время высадки в Африке захват такого важного объекта, как Тунис, оправдывал большой риск союзников. Если бы Эйзенхауэр сумел занять этот крупный порт, тогда линии снабжения африканского корпуса Роммеля, сражавшегося далеко в Триполитании, оказались бы прерванными. Тунис лежит почти в центре Средиземного моря. Войска оси, находившиеся в Сицилии, надежно прикрывали Тунис, и поэтому он не был включен в качестве объекта во время операции «Торч», предусматривавшей высадку десантов в районе Касабланки, Орана и Алжира. Германская авиация наносила удары из Сардинии и Сицилии по караванам судов союзников, проходивших через узкий проход между Сицилией и Тунисом. Британская авиация на Мальте, подвергавшейся ожесточенным бомбардировкам немцев, была слишком занята обороной острова и не могла обеспечить воздушное прикрытие десанту союзников в районе Туниса, Больше того, ресурсы союзников были использованы до предела для обеспечения высадки весьма рассредоточенных десантов во время операции «Торч». Наличные ресурсы не давали возможности организовать высадку войск в четвертом месте.

Эйзенхауэр устремился к Тунису почти сразу же после высадки 8 ноября 1942 г., как только из разбросанных войск союзников была сформирована пехотная дивизия и собрано около полка танков. Тунис находился на расстоянии 900 километров по дороге от самой восточной точки, где высадились войска союзников в районе Алжира. Айк затеял смелую игру в те дни, когда только смелость могла принести результаты. Айк проиграл. Он проиграл, хотя цель была уже перед его глазами, так как разразились небывалые для Туниса зимние дожди и колонны войск застряли в грязи.

Между тем если в начале ноября 1942 г. у немцев было в Тунисе 5 тыс. человек, то к концу месяца численность их войск возросла втрое за счет подброшенных на самолетах подкреплений. К концу декабря надежды Эйзенхауэра на скорое завершение кампании в Северной Африке рассеялись как дым. Союзники приступили к стабилизации своего фронта на холодных холмах

Туниса. Для организации нового наступления Эйзенхауэру требовалось сосредоточить большие силы.

1 января Эйзенхауэр назначил генерал-майора Ллойда Фредендолла командиром 2-го корпуса и приказал ему сосредоточить свои войска на южном участке тунисского фронта для наступления в направлении Сфакса. Первоначально 2-й корпус должен был состоять из 1-й бронетанковой дивизии и пехотных частей. Корпусу предстояло сосредоточиться за пехотным прикрытием, разбросанным вдоль горной гряды Восточный Дорсаль, тянущейся с севера на юг.

После того как 2-й корпус занял свои позиции, войска союзников растянулись вдоль широкого фронта протяженностью свыше 400 километров. Он тянулся от зарослей долины реки Седженан вблизи Средиземного моря на севере до границы лишенной растительности пустыни Сахары на юге.

К январю фронт был разделен на три отдельных сектора, каждый из них занимали войска соответствующей страны под своим национальным флагом. На севере находились британские войска под командованием генерал-лейтенанта Кеннета Андерсона, командующего 1-й британской армией. Они занимали позиции в горах, окружавших портовые города Бизерту и Тунис. В центре разношерстные французские батальоны занимали фронт протяженностью более 160 километров вдоль Восточного Дорсалья, включая проходы в районе Пишона и Фаида. На юге 2-й американский корпус прикрывал правый фланг союзников и накапливал запасы в Тебессе.

Несмотря на то, что противник теперь был прижат к побережью Туниса, командование держав оси продолжало подбрасывать войска и вооружение, стремясь затянуть войну в Африке. Огромные тихоходные германские транспортные самолеты непрерывным потоком приземлялись на аэродромах с бетонным покрытием вблизи Туниса, в то время как авиация союзников безнадежно застряла в грязи на аэродромах в Алжире и Тунисе.

К середине января Эйзенхауэр, узнав в Касабланке, что Монтгомери не выйдет вовремя на линию Марет, чтобы начать совместные действия с 2-м корпусом, отказался от плана наступления от Тебессы к Сфаксу. Эйзенхауэр решил сосредоточить достаточные силы и отложил наступление до весны. Командующий войсками оси в Тунисе генерал Арним понимал, что состязаться с союзниками в накоплении сил — дело безнадежное, так как германские потери в России лишили немцев резервов.

В начале января противник начал прощупывать позиции Эйзенхауэра на рубеже Восточного Дорсалья. К концу января атаки противника серьезно ослабили положение союзников на этой линии. Каждый новый прорыв позиций влек за собой переброску войск, чтобы помешать развитию успеха немцев. Резервы, на которые рассчитывал Эйзенхауэр, чтобы противостоять неприятельскому наступлению, быстро истощались. Фронт начал колебаться под непрерывными ударами войск Арнима, и Эйзенхауэр пришел к выводу, что растущая опасность вынуждает его подчинить французов британскому командованию, несмотря на их возражения. В конце января он постарался выправить создавшееся положение, отдав приказ об объединении союзного фронта под командованием Андерсона.

30 января немцы атаковали французские войска, на этот раз у прохода Фаид. Хотя французы и закрепились на дороге за проходом, во фронте союзников была сделана брешь, дававшая выход немцам через Восточный Дорсаль на коммуникации союзников.

К февралю Эйзенхауэр удерживал неустойчивый и сильно ослабленный фронт на всем протяжении Дорсалья. Положение еще больше осложнилось, когда Роммель отступил из Триполитании к линии Марет. Его армия теперь соединилась с войсками Арнима, и они создали сплошной фронт в Тунисе для ведения продолжительной оборонительной войны.

В начале февраля разведка союзников сообщила о возможности сильного германского наступления в направлении Фондука, с выходом немецких войск в тыл 1-й британской армии.

Андерсона. Противник мог нанести удар и на других участках фронта, однако союзное командование решило, что Фондук явится основным объектом немецкого наступления. Это едва не привело к губительным последствиям.

Эйзенхауэр решил лично убедиться, что фронт удерживается прочно. С этой целью он в полночь 12 февраля выехал из Алжира в штаб Фредендолла. Днем 13 февраля он прибыл в расположение 2-го корпуса в Тебессу. В соответствии с предыдущими указаниями Эйзенхауэра Фредендолл должен был держать наготове подвижный резерв, прикрыв его заслоном разведывательных и легких частей. Однако Эйзенхауэр обнаружил, что американская пехота занимала изолированные высоты вдоль линии фронта, а подвижные резервы были рассредоточены небольшими группами по всему фронту.

На следующее утро на рассвете германские танки «Тигр» прорвались через проход у Фаида в 60 километрах к югу от Фондука. Надежды Фредендолла удержать проход рассеялись уже в первые часы наступления. Противник, прорвавшись крупными силами через Дорсаль, быстро окружил и изолировал американские части, закрепившиеся на соседних возвышенностях. Войска, занимавшие скаты по обеим сторонам прохода, были смяты, и Эйзенхауэр потерял все шансы остановить противника.

Контратака танков во фланг противника захлебнулась около Сбейтлы, где пикирующие бомбардировщики немцев атаковали американские танки. В Сбейтле дорога из Фаида разветвлялась. Одна дорога, протяженностью 130 километров, вела на север к британским полевым складам в районе Лё-Кеф, другая, протяженностью 115 километров, шла на запад в направлении американских складов в Тебессе. Любой из этих объектов был для немцев соблазнительным.

Андерсон, узнав о прорыве немцами фронта у Фаида, приказал войскам отойти к Западному Дорсалью, идущему параллельно Восточному Дорсалью, на котором союзники вначале закрепились. На Западном Дорсале имелся узкий проход шириной 5 километров, известный под названием прохода Кассерин, который открывал доступ в широкую ровную долину, ведущую к Тебессе. Не искушенный в боях командир полка распылил свои войска по всему проходу Кассерин, как будто речь шла о том, чтобы остановить стадо скота. Скаты гор с обеих сторон прохода, имевшие решающее значение, остались без прикрытия, и немцы прорвались через них. Союзники, распылив свои резервы, с помощью которых они могли бы нанести контрудар, теперь вводили в бой батальон за батальоном. И как только очередной батальон вступал в бой, немцы уничтожали его.

Только вечером 21 февраля в 16 километрах от Талы, вблизи дороги Тебесса Лё-Кеф, танки противника были остановлены. Дальнейшее наступление немцев задержали танки 6-й британской танковой дивизии, переброшенной на юг, и артиллерия 9-й американской пехотной дивизии, которая, продвигаясь круглосуточно по обледелым горным дорогам, совершила 1200-километровый марш из Орана.

Рано утром 23 февраля противник отступил через проход Кассерин, заминировав пути отхода минами «Теллер», чтобы отбить охоту у союзников к преследованию. К этому времени Монтгомери уже подошел к линии Марет, и Роммель был вынужден перебросить свои танки, чтобы остановить наступление 8-й армии.

Немцы не могли надеяться выиграть кампанию в Северной Африке, однако в борьбе за затягивание войны они одержали значительную победу у прохода Кассерин.

В то утро, когда Роммель отвел свои танки, американский самолет «С-54», прилетевший со стороны южной части Атлантики, спланировал над портовым городом Дакар на побережье Французской Северной Африки и запрыгал по неровной взлетно-посадочной полосе еще не законченной строительством авиационной базы.

Стоял холодный, ветреный день, и тонконогие сенегальцы, таскавшие металлические пластины, зябко кутались в свои лохмотья. Я вылез из самолета, разминая затекшие ноги. Мы прибыли на театр военных действий Эйзенхауэра.

3. Тунис

Наш самолет прибыл одним из первых прямо из Натала в Бразилии на еще строящуюся базу командования транспортной авиации в Дакаре. До открытия этой линии самолеты в южной части Атлантики следовали через остров Вознесения, на котором был устроен промежуточный аэродром, к британской базе в Аккра — 2100 километров южнее Дакара.

После 25-центового завтрака, приготовленного из консервированного бекона и яичного порошка, который нам предложили в домике из толя на аэродроме в Дакаре, мы снова сели в самолет, чтобы продолжить наш путь на север еще на 2250 километров до Марракеша во Французском Марокко. Самолет несколько часов летел над безжизненной Сахарой. Но как только мы пересекли границу Марокко, снежные пики Высокого Атлас круто поднялись над пустынной равниной, и наш дальнейший путь мы продолжали между ними. За горным хребтом, на плодородных северных склонах, лежал Марракеш, похожий на хрустальный город в центре зеленого оазиса. С высоты белые огромные мечети города казались нам гигантскими грибами. Мы приземлились здесь и провели ночь в отеле «Арабеск Мамуниа». На следующий день рано утром мы вылетели в Алжир на грузовом самолете «С-47».

Бронированный «Кадиллак» Эйзенхауэра уже поджидал нас у ангаров, когда днем 24 февраля 1943 г., поднимая фонтаны воды, мы приземлились на разбитом бомбами аэродроме в предместьях Алжира. Бронированный автомобиль был изготовлен в Англии по настоянию офицеров разведки, опасавшихся за безопасность Эйзенхауэра на узких людных улицах Алжира. Однако покрышки не выдерживали тяжести бронированного кузова, смонтированного на обычном шасси автомобиля, и в конце концов машина была передана для перевозки важных персон. Сойдя с взлетно-посадочной полосы, покрытой металлическими пластинами, мы потащили наш багаж, шагая по непролазной грязи, и я впервые понял Айка, который жаловался генералу Маршаллу на грязь, приковавшую авиацию к земле. Уже много лет здесь не было таких сильных дождей, как в эту зиму. Они превратили Северную Африку в болото, в котором тонули даже стальные пластины, доставленные сюда для улучшения аэродромов.

Штаб союзных войск Эйзенхауэра был втиснут в неуклюжий отель «Сент-Джордж». Отель стоял на покрытом пальмами склоне холма, возвышавшегося над оживленной гаванью Алжира. Суда «Либерти» теснились у причалов, на которых сновали грузчики-арабы. Пасмурное небо было усеяно аэростатами заграждения. Отель «Сент-Джордж», коридоры которого были отделаны мозаикой, стал африканским Пентагоном, заполненным прекрасно одетыми офицерами союзных войск. Как и все штабы, штаб союзных войск угрожающе разросся после высадки десанта в Алжире. В нем работало не менее 1100 офицеров.

По прибытии в отель «Сент-Джордж» меня немедленно провели в кабинет Эйзенхауэра. По соседству помещался кабинет его неутомимого начальника штаба Беделла Смита. Так началась моя совместная служба с Дуайтом Эйзенхауэром, которая продолжалась всю войну. В течение 28 лет после окончания Вест-Пойнта нас перемещали из одного гарнизона в другой, но мы никогда не служили вместе. По существу, мы виделись не более шести раз, и то лишь во время спортивных соревнований армии и флота и на редких традиционных встречах выпускников.

Эйзенхауэр поступил в Вест-Пойнт 14 июня 1911 г. и закончил его в 1915 г. В 1911 г. я еще работал в мастерских на железной дороге «Вабаш» в городе Моберли в штате Миссури. Мой отец, сельский учитель, умер, когда мне было 14 лет. Я жил на средства матери-портнихи. По окончании средней школы в Моберли в 1910 г. я поступил на железную дорогу, рассчитывая скопить денег, чтобы на следующий год поступить в университет.

Как-то в воскресный вечер в конце весны 1911 г. Джон Крюсон, агент по торговле

недвижимой собственностью и директор воскресной школы при церкви моего прихода, спросил, почему бы мне не поступить в Вест-Пойнт. Он знал о моей любви к жизни на свежем воздухе, унаследованной от отца, который брал меня на охоту, когда я был еще ребенком.

— Я не могу рассчитывать на поступление в Вест-Пойнт, — сказал я, — мне и так тяжело будет зарабатывать на жизнь.

— Тебе не нужно будет платить в Вест-Пойнте, Омар, — объяснил Крюсон. — За твое обучение будет платить армия.

Это усилило мой интерес к возможной карьере солдата.

Никто из моих знакомых не знал нашего конгрессмена от второго избирательного округа штата Миссури, уважаемого В. Ракера, поэтому я сам написал ему и попросил рекомендовать меня в Вест-Пойнт. Он ответил, что основной кандидат в Вест-Пойнт от нашего штата уже намечен, однако ему будет приятно, если я попробую свои силы на экзаменах в качестве запасного кандидата.

Для подготовки к экзаменам у меня оставалось меньше недели, а прошел почти год с тех пор, как я окончил среднюю школу. Я отчаялся в возможности поступить и поэтому не бросил работу на железной дороге с тем, чтобы иметь возможность заниматься днем. Тогда меня только что повысили в должности и перевели в котельный цех, где я зарабатывал по 17 центов в час. Более того, поскольку я должен был держать экзамен в Сент-Луисе, мне не хотелось тратить деньги на билет для явно бесполезной, как мне казалось, поездки. Несмотря на такое разочарование, я все же пошел к другу моего отца, директору школы Дж. Лилли, за советом.

— Не опускай руки, Омар, попытка не пытка, — убеждал он меня. — Может быть, железная дорога обеспечит тебя бесплатным проездом.

— Если так, сэр, то я поеду.

Я получил бесплатный железнодорожный билет, и через три недели меня уведомили, что основной кандидат провалился на экзаменах. Мне было приказано явиться в Вест-Пойнт 1 августа 1911 г.

В течение трех лет пребывания в училище я дружил с Эйзенхауэром, мы находились в одной учебной роте, вместе играли в футбол, пока Эйзенхауэр не вывихнул колено и не выбыл из команды.

Эта травма еще более осложнилась при неудачном прыжке Эйзенхауэра с лошади в манеже. Во время выпуска медицинская комиссия поставила под вопрос производство Эйзенхауэра в офицеры, опасаясь, что он окажется ограниченно годным к военной службе.

Во время войны командир 8-го корпуса генерал-майор Трой Миддлтон также страдал артритом колена (воспаление суставов). Генералу Маршаллу предложили снять его с командования корпусом и вернуть в Соединенные Штаты.

— Я предпочитаю, — ответил Маршалл, — иметь человека с артритом колена, чем с артритом головы. Оставьте Миддлтону на месте.

К счастью, выпускная комиссия в Вест-Пойнте отнеслась к Эйзенхауэру не менее чутко.

Мои отношения с Беделлом Смитом были более тесными, хотя я знал его меньше времени. Ревностный к работе, пылкий и беспокойный, он резко отличался от своего вежливого начальника. Смит уже зарекомендовал себя самым ценным работником штаба Эйзенхауэра. Он вступил в национальную гвардию в возрасте 16 лет. Его познания выходили далеко за рамки военной службы, и поэтому такой офицер был весьма полезным Эйзенхауэру при разрешении сложных административных и политических вопросов, над которыми ломал голову штаб.

В 1931 г. Беделл Смит, тогда только капитан, поступил в пехотную школу в форте Беннинг на курсы усовершенствования. Смит показал себя незаурядным офицером с ясной головой, способным четко оценивать обстановку и излагать свои мысли. После того как он закончил

одногодичные курсы, я попросил Маршалла оставить Смита в школе в качестве одного из преподавателей.

Как раз в это время генерал Маршалл присутствовал на занятиях в классе, где Смит прочитал реферат о своем боевом опыте в годы первой мировой войны. На генерала Маршалла доклад Смита произвел огромное впечатление, и он сказал своему адъютанту: — Я хочу, чтобы Смит работал здесь в секретариате. Это самый лучший реферат, который я слышал в моей жизни.

Я не стал настаивать на своей просьбе, и Смит стал офицером штаба школы.

Сидя в кресле перед оперативной картой с указкой в руке, Эйзенхауэр изложил мою задачу.

— Немедленно, — сказал он, — отправляйтесь на фронт и изучите все, что сам я хотел бы выяснить, если бы у меня было время. Беделл даст вам письмо для Фредендолла и других, где будет сказано, что вы являетесь моим представителем.

Поражение американцев у прохода Кассерин уже вызвало беспокойство в Алжире и поставило под сомнение компетентность американского командования, качество подготовки и соответствие нашего вооружения современным требованиям. Однако Эйзенхауэр не искал козла отпущения, ибо ошибки при Кассерине всех звеньев командования были так многочисленны, что их нельзя было приписать неправильным действиям одного человека. Эйзенхауэр подчеркивал, что он хотел прежде всего извлечь уроки из поражения.

Если к тому времени Эйзенхауэр и потерял доверие к Фредендоллу как к командиру 2-го корпуса, то он предусмотрительно умалчал об этом в беседе со мной. Я должен был сделать выводы сам и доложить об этом ему. Хотя я не имел никаких полномочий действовать от имени Эйзенхауэра, мне предоставлялась свобода, как он выразился, «вносить предложения» по лучшему использованию американских командиров на фронте. Я находился в довольно незавидном положении, потому что многие рассматривали меня как агента Эйзенхауэра на фронте, который соберет сплетни и сообщит их своему хозяину через голову командования. Я очень скоро убедился, что моя миссия не привела в восторг командира 2-го корпуса.

Когда Эйзенхауэр спросил хорошо ли я снаряжен для длительных поездок по фронту, я с горечью подумал о тех 35 килограммах ненужных курток и светлых брюк, которые я взял с собой по совету моих вашингтонских друзей. Мой сверток с постельными принадлежностями — спальный мешок, надувной матрац и непромокаемая накидка «Л. Л. Бин» — остался в порту в Бруклине в ожидании перевозки на каком-нибудь товаро-пассажирском пароходе. Это было последний раз во время войны, когда я расстался со своим постельным свертком.

В первый вечер во время обеда на хорошо охранявшейся вилле Эйзенхауэра около отеля «Сент-Джордж» приятные манеры Эйзенхауэра исчезли, когда он сердито заговорил о критике в США его сделки с Дарланом. Как будто стараясь окончательно убедить самого себя, он горячо и подробно говорил об обстоятельствах, заставивших пойти на эту выгодную сделку с Виши. Убийство Дарлана накануне рождества избавило Эйзенхауэра от хлопот, тем не менее этот вопрос все еще мучил его.

Эйзенхауэр вовсе не совершил ошибку, пойдя на соглашение с Дарланом, — он понимал политическую опасность сделки. Он быстро разобрался в тонкостях своего политического положения в Северной Африке. Перед тем как вступить в переговоры с Дарланом, он обстоятельно взвесил военные выгоды сотрудничества, сравнивая их с риском создать затруднения союзникам. Хотя реакция общественности на сделку была значительно острее, нежели Эйзенхауэр предполагал, он продолжал придерживаться мнения, что этот компромисс был чрезвычайно важен для обеспечения безопасности союзников во время высадки в Северной Африке.

Эйзенхауэр утверждал, что, несмотря на беспринципность и скверную репутацию, Дарлан

выполнил свое обещание и передал Французскую Северную Африку в руки союзников. Только приказ Дарлана прекратить огонь положил конец сопротивлению французов вторжению союзников. Именно Дарлан убедил несговорчивого адмирала Пьера Буассона в Дакаре связать свою судьбу с союзниками, обеспечив таким образом для нас базу в Южной Атлантике на территории Французской Западной Африки. Правда, французскому флоту в Тулоне не удалось уйти и присоединиться к союзникам, однако он был затоплен, и немцы не смогли использовать его.

Военная необходимость иногда заставляет нас жертвовать принципами. Сотрудничество с Дарланом вызывало не меньшее отвращение у Эйзенхауэра, чем у его критиков в Соединенных Штатах. Однако Эйзенхауэр утверждал, что он использовал Дарлана не как союзника, а как удобный и полезный для осуществления его планов инструмент.

Два дня я знакомился в штабе Эйзенхауэра в Алжире с дополнительными данными относительно обстановки на фронте. В переполненных импровизированных помещениях штаба союзников британский и американский персонал уже достигли единства, которое можно отнести на счет Эйзенхауэра, настаивавшего на сотрудничестве между союзниками. — Никто не возразит, — объяснил мне один офицер, — если вы захотите обозвать кого-нибудь ублюдком. Но если вы назовете его «английским ублюдком», тогда, сэр, берегитесь!

Приказы Айка были ясны. Склочники, подрывавшие единство, немедленно отсылались в свою страну на обычном судне без охраны.

Создавая общий союзный штаб, Эйзенхауэр организовал объединенные отделы по оперативным вопросам, по разведке и по планированию снабжения. Если отдел возглавлялся британским офицером, его заместителем был американец, и наоборот.

Однако в отношении снабжения и административного обслуживания потребовалось создать параллельные британские и американские органы ввиду особенностей в оснащении и организации обеих армий.

Англичане, работавшие в разведывательном отделе союзного штаба, заткнули за пояс своих американских коллег. В течение многих лет перед войной англичане упорно изучали весь мир, и это дало им преимущества, которые мы никогда не могли себе обеспечить. Американская армия длительное время недооценивала значение разведывательной подготовки. Это вскоре сказалось на руководстве нашими войсками. Готовя офицеров для командных постов, мы на протяжении многих лет не обращали должного внимания на их разведывательную подготовку. Совершенно нереально предполагать, что каждый офицер имеет склонности и способен командовать войсками на поле боя. Многие пригодны только к штабной и разведывательной работе и, безусловно, предпочтут работать по этой специальности всю жизнь. Однако вместо того, чтобы отбирать способных офицеров для разведывательной работы, мы пропускали их через обычные стажировки в войсках, мало используя их природные наклонности. В органы разведки зачастую назначались совершенно неподходящие люди. В некоторых гарнизонах разведывательный отдел стал даже тем местом, куда сплавляли офицеров, не пригодных к строевой службе. Я припоминаю, как я лично старался избавиться от своего поста, когда меня назначили на разведывательную работу. Если бы не исключительно одаренные люди из призванных на военную службу резервистов, заполнивших многие из разведывательных постов во время войны, наша армия остро нуждалась бы в компетентных кадрах офицеров-разведчиков.

26 февраля, за день до моего отъезда на тунисский фронт, в Алжир поступили сообщения, что немцы перешли в новое наступление против северной половины фронта союзников. Вновь противник избрал направление для удара с учетом слабого места союзников. Пока Александер производил перегруппировку своих войск на фронте, чтобы выделить разбросанные американские части и направить их в распоряжение 2-го корпуса, Арним ударил по британским

позициям на севере в направлении центра их коммуникаций в Беже (см. схему 4).

Надежно укрепившись в Восточном Дорсале, прикрывающем прибрежные долины, противник мог сдерживать Монтгомери на юге на линии Марет и в то же время использовать свои войска вблизи Туниса для нанесения внезапного удара по союзникам. Противник не только не давал нам возможности замкнуть кольцо окружения и объединить наши силы на западе с войсками Монтгомери, прибывшими из пустыни, но и старался разбить нас по частям, переходя в контратаки на слабозащищенных участках нашего западного фронта. Более того, после соединения войск Роммеля и Арнима в Тунисе противник получил возможность действовать по внутренним операционным линиям. Он мог быстро перебрасывать крупные контингенты войск с фронта 8-й армии на фронт 1-й армии. Пока инициатива находилась в руках противника, он продолжал изматывать нас на обоих фронтах.

Мои полномочия в качестве представителя Эйзенхауэра на тунисском фронте были изложены в коротком письме на имя всех командующих американскими войсками:

«Генерал-майор О. Н. Брэдли прибыл в Ваш штаб в качестве личного представителя командующего войсками на Североафриканском театре военных действий для обсуждения интересующих Вас вопросов относительно американских войск, находящихся под Вашим командованием. Будьте любезны оказать ему всяческое содействие и помощь».

Беделл Смит хотел на несколько дней оторваться от письменного стола в Алжире, за которым он переживал столько неприятностей, и вызвался проводить меня до места расположения 2-го корпуса. Мы прилетели в Константину на вооруженном бомбардировщике «В-17» Эйзенхауэра, а Хансен и Бридж прибыли вслед за нами на джипах. Константина была естественной крепостью, окруженной с трех сторон ущельем в несколько раз глубже ниагарского. Здесь разместились штабы командований сухопутных войск и военно-воздушных сил.

В штабе сухопутных войск Александра работали преимущественно англичане, от американцев было всего несколько офицеров связи. Одежда английских штабных офицеров, побывавших в боях большей частью в пустыне, представляла собой набор живописного и крайне разнообразного обмундирования. Свитера, плисовые штаны и куртки заменили стандартную британскую полевую форму, в которую был одет личный состав 1-й армии. Многие офицеры кутались в вонючие овчинные бурки. Мне сказали, что эта одежда весьма практична, так как температура воздуха ночью в пустыне резко понижается. Офицеры штаба группы армий Александра вели себя спокойно и непринужденно, как люди, давным-давно привыкшие к неудобствам войны.

В 1940 г., когда я был только подполковником и служил в Вашингтоне, Александр уже командовал дивизией при эвакуации английских войск из Дюнкерка. Затем он был переведен в Бирму, где ему также пришлось отступать. Таким образом, три года войска оси били его в противоположных концах земного шара. Теперь Александр наслаждался переменой ролей, которая произошла в результате численного превосходства союзников на фронте в Тунисе.

Терпеливый, осмотрительный и справедливый солдат, Александр, больше чем кто-либо другой, помог американским командирам достигнуть зрелости на поле боя и, наконец, вырасти в ходе тунисской кампании. Его основная задача заключалась в налаживании взаимодействия на фронте союзников. Выполнение этой задачи, не говоря уже о большом полководческом искусстве, такте и дипломатии Александра, требовало от него терпимости и осторожности. Среди знакомых мне британских офицеров никто не располагал этими качествами в большей мере, чем генерал Александр.

Во время конференции в Касабланке в январе 1943 г. представители союзных войск, занимавшиеся планированием, предвидели необходимость создания единого командования для

сил Александера и Эйзенхауэра на завершающей стадии боев в Северной Африке. В соответствии с этим планом войска Александера должны были перейти в подчинение штаба союзников в тот день, когда 8-я армия Монтгомери пересечет границу с Тунисом. Александер становился заместителем Айка по сухопутным войскам.

Это произошло 20 февраля, однако Александер стал не только заместителем верховного командующего союзными войсками, но и командующим 18-й группой армий. Группа состояла из 1-й армии Андерсона, 8-й армии Монтгомери, 2-го американского корпуса Фредендолла и французского 19-го корпуса под командованием Жуэна. 18-я группа армий получила свой номер от вошедших в нее 1-й и 8-й армий. Перед нею была поставлена основная задача: взять Тунис в клещи, зажать войска оси в их прибрежном коридоре и затем отбросить на север в ловушку и уничтожить.

Как только Александер развернул командный пункт своей группы армий в Константине, Андерсона освободили от командования западно-тунисским фронтом, но сохранили за ним командование 1-й армией. Как французский, так и американский корпуса вышли из подчинения Андерсона и перешли под непосредственный контроль штаба группы армий Александера. Александер прежде всего положил конец беспорядочной переброске войск на фронте Андерсона. Войска каждой страны сосредоточивались в определенном районе, и на них возлагалась полная ответственность за оборону своего сектора фронта. В первый раз на южном участке фронта в Тунисе Фредендолл почувствовал себя командиром корпуса и по существу и по форме. Рассредоточенные танковые батальоны 1-й бронетанковой дивизии были сведены вместе. В первый раз после высадки в Ороне 1-я пехотная дивизия была в состоянии собрать в кулак свои три полка.

Одновременно с перегруппировкой сухопутных войск Эйзенхауэр через своих заместителей объединил руководство военно-воздушными и военно-морскими силами, дислоцированными в бассейне Средиземного моря. 19 февраля он создал командование военно-воздушных сил на Средиземном море во главе с главным маршалом авиации Артуром Теддером. Новое командование Теддера распространило контроль Эйзенхауэра на все военно-воздушные силы союзников — британские, французские и американские, — находившиеся в Северо-Западной Африке, на Среднем Востоке и на Мальте. Генерал-майор Карл Спаатс, внешне спокойный человек и прекрасный летчик, был назначен командующим военно-воздушными силами в Северо-Западной Африке. Спаатсу были подчинены командующий стратегическими ВВС генерал-майор Джеймс Дулиттл, командующий тактическими ВВС маршал авиации Артур Конингем и командующий авиацией береговой обороны маршал авиации Хью Ллойд. Тяжелые («В-24») и средние бомбардировщики Дулиттла должны были уничтожать стратегические объекты и военно-морские базы противника, воспретить использование немецкой авиацией баз в Тунисе и наносить удары по вражеским коммуникациям. На Конингема (уроженца Новой Зеландии) Теддер возложил задачу оказывать непосредственную авиационную поддержку наземным войскам. Необходимость такой поддержки остро ощущалась на фронте, где даже устаревшие и неуклюжие «Ю-87» атаковали наземные войска союзников, не слишком опасаясь нашей авиации.

Адмирал флота Андрю Каннингхэм был назначен командующим военно-морскими силами на Средиземном море. Таким образом, когда 24 февраля я прибыл к Эйзенхауэру, его штаб контролировал все Средиземное море от Касабланки до Среднего Востока. Эйзенхауэр был готов не только выбить немцев из Африки, но уже усиленно занимался планированием высадки союзных войск в Сицилии.

Беделл и я выехали из Константины на фронт на автомобиле «Форд» выпуска 1939 г., реквизированном союзниками вскоре после высадки. Хорошо вымощенное алжирское шоссе

было заполнено грузовиками, двигавшимися из Константины в Тебессу. На обочинах шоссе попадались арабы в домотканых бурнусах, продававшие яйца. По мере того как увеличивалось количество войск, двигавшихся на фронт, возрастали цены на свежие яйца. Эти оборванные мелкие торговцы зарабатывали в то время больше, чем они получили бы за всю свою жизнь, занимаясь сельским хозяйством.

На полпути к Тебессе мы пересели, по предложению Смита, из нашего закрытого форда в открытый джип, из которого можно было легче выпрыгнуть в случае налета штурмовиков. Два бронетранспортера с 12,7-миллиметровыми пулеметными установками эскортировали джип. Усиленная охрана смешила меня до тех пор, пока Беделл Смит не объяснил, что всего за неделю до этого при налете авиации противника один из ехавших с ним был убит.

С этого времени в наших поездках по Тунису на джипе мы соблюдали обычные меры предосторожности. Один из сидевших в машине наблюдал за воздухом впереди, а другой — сзади. Ветровое стекло было отогнуто и прикрыто во избежание отражения солнечных лучей, а брезентовый верх был свернут и застегнут. Зимой 1943 г., несмотря на возросшую мощь авиации союзников, германские военно-воздушные силы действовали на фронте в Тунисе почти беспрепятственно. Звук мотора самолета стал сигналом для остановки и укрытия вблизи дороги.

Штаб 2-го корпуса размещался в маленьком городке Джебель-Куиф, в районе, где добывались фосфаты, в 24 километрах к северу от окруженного стеной города Тебесса. Войска корпуса отдыхали в лесистой части Дорсаля за грядой холмов, прикрывавших их тылы. В результате перегруппировки войск фронта, проведенной Александером, 2-й корпус состоял теперь из четырех дивизий, усиленных достаточным количеством артиллерийских, противотанковых и зенитных дивизионов. В состав корпуса входили: вновь сосредоточенная 1-я бронетанковая дивизия генерал-майора Орlando Уорда, 1-я пехотная дивизия генерал-майора Терри де ла Меса Аллена, 34-я пехотная дивизия генерал-майора Чарльза Райдера и только что прибывшая 9-я пехотная дивизия генерал-майора Мантона Эдди.

При планировании наступления на Сфакс в Тебессе были сосредоточены большие запасы, когда же наступление было отменено, эти запасы перешли в распоряжение 2-го корпуса. Тем временем для возмещения потерь у прохода Кассерин ежедневно на фронт направлялись новые танки, грузовики, полугусеничные машины и самоходные противотанковые орудия. Многие из этих танков были поспешно изъяты из 2-й бронетанковой дивизии, охранявшей отдаленную границу с Испанским Марокко.

Сначала начальник тыла 1-й армии Андерсона считал, что наличными транспортными средствами он мог обеспечить запасы на южном участке тунисского фронта войска численностью в 38 тыс. человек. Однако при этом не была учтена изобретательность американских железнодорожников и удивительная способность американцев снабжать в полевых условиях целые армии только при помощи автотранспорта. Чтобы возместить американские потери и быстро довести 2-й корпус до состояния готовности, Эйзенхауэр срочно приказал поставить дополнительно 5,4 тыс. грузовиков из Соединенных Штатов. Таким образом, вместо 38 тыс., что англичане считали максимумом на участке 2-го корпуса, мы в конце концов выставили 92 тыс. человек и обеспечили их снабжение во время наступления.

Склонность англичан недооценивать возможности американцев в отношении организации службы тыла создала большие трудности во время дальнейших действий в Тунисе. Ибо при переброске войск на тот или иной участок фронта армия должна учитывать возможности снабжения по имеющимся шоссе и железным дорогам. Таким образом, вопросы тыла стали решающим фактором при разработке любого тактического плана.

Позднее в ходе войны я часто объяснял моему штабу, что разведывательный отдел существует для того, чтобы на основе полученной информации о противнике подсказывать мне,

что следует делать. Отдел тыла информирует меня о наших возможностях по снабжению.

Когда же я принимал решение, то оперативный отдел оформлял его в виде приказа. Таким образом, нерасторопный начальник отдела тыла мог ограничить замысел командира. В то же время энергичный тыловик мог помочь осуществлению более широкого плана действий. К счастью, мои начальники отделов тыла были всегда находчивы.

Командный пункт 2-го корпуса помещался в заброшенной и неотапливаемой французской школе в Джебель-Куифе. Здание давным-давно было без мебели и водопровода. Все растащили арабы, жившие по соседству.

Здесь, в штабе корпуса, в англо-американской дружбе, которая так высоко ценилась в Алжире, появились признаки разлада после поражения у прохода Кассерин. 2-й корпус все еще испытывал острую боль поражения и открыто винил Андерсона за распыление сил, которое не дало возможности остановить наступление немцев. Андерсон перебросил американские войска на английский и французский участки фронта и тем самым лишил 2-й корпус подвижных резервов, которые он рассчитывал использовать для контратаки.

Хотя американцы опасались, что 2-й корпус станет козлом отпущения за «ошибки Андерсона», штаб корпуса вовсе не смотрел на обстановку на фронте пессимистически. Материальные потери еще не были полностью восстановлены, а штаб корпуса планировал наступление с целью отбить Восточный Дорсаль.

Хансену, Бриджу и мне предоставили одну комнату в грязной гостинице горнорудной компании, однако я немедленно выехал с Беделлом из Джебель-Куифа в 1-ю бронетанковую дивизию. При посещении этой и других дивизий я надеялся почерпнуть полезные сведения, которые могли бы помочь нам при проведении боевой подготовки войск в США.

Уорд сосредоточил свою сильно поредевшую 1-ю бронетанковую дивизию в районе Тебессы, где чахлые южные сосны прикрывали скалистые кручи Западного Дорсаля. Во время сражения за Тунис в декабре и при прорыве немцев у Фаида дивизия понесла большие потери в материальной части. Только у прохода Фаид сгорело больше 90 танков. Оставшиеся в строю танки были сильно измазаны грязью в целях маскировки. На каждом биваке экипажи ухаживали за машинами, приводя их в боевую готовность.

Уорд был доволен, что его дивизия, наконец, собрана. В течение четырех месяцев части 1-й бронетанковой дивизии вели бои изолированно друг от друга, поддерживая то британские, то французские или американские войска. 1-я бронетанковая дивизия еще ни разу не действовала в полном составе, и Уорду хотелось показать, на что способна американская бронетанковая дивизия, если ей поставить посильную задачу и хорошо обеспечить запасами.

В течение двух дней я находился в бивачном районе дивизии, разговаривал с офицерами и сержантами, спрашивал, чему они научились за первые недели боевых действий. Они признавали, что враг был ловким и умным противником, однако большую часть своих поражений они объясняли отсутствием боевого опыта. Если американцы часто бросались в атаку очертя голову, то немцы, наоборот, тщательно разведывали пути подхода, умело использовали русла высохших рек и лощины для прикрытия войск и обеспечивали маскировку наступления. Вначале наши танкисты бросались в атаку, как кавалеристы, опрометчиво полагаясь на скорость машин и толщину брони. К сожалению, это им не помогало, как только они оказывались в зоне досягаемости германской противотанковой артиллерии.

Проверяя соответствие техники требованиям боя, я выяснил, что наши танки «Шерман» с бензиновым мотором уже приобрели дурную славу среди американских войск на фронте. При попадании снаряда в двигатель высокооктановый бензин легко загорался. Экипажи просили поставить дизельные моторы, чтобы предохранить танки от загорания. Закаленный молодой ветеран 23-летний сержант Джеймс Боусер (из города Джаспер, в штате Алабама) обратился ко

мне от имени экипажа.

— Генерал, — сказал он, — это мой третий танк, хотя состав экипажа тот же. Мы едва успели выскочить из двух прежних машин. Если бы на танках стояли дизеля, этого не случилось бы. Бензиновые двигатели вспыхивают, как факел, при первом или втором попадании. Тогда нам остается только выскакивать из горящей машины, оставляя ее догорать.

Я выяснил, что боевые качества полугусеничной машины также были сильно переоценены. Она являлась неплохим транспортером для перевозки солдат в условиях бездорожья, но не могла служить хорошей защитой от огня противника. Когда я спросил одного солдата, пробивает ли пулемет легкую броню этой машины, он взглянул на меня и усмехнулся.

— Нет, сэр, — сказал он, — насквозь не пробивает. Пули влетают только с одной стороны, пошумят немного и все.

В действительности американские полугусеничные машины были удобным и надежным транспортным средством. Дурная репутация возникла потому, что неопытные американские войска пытались использовать их не по назначению.

Уже в самом начале войны германская 88-миллиметровая пушка стала грозой пехоты и танков. Это орудие с высокой начальной скоростью снаряда, предназначенное для борьбы с танками и самолетами, уже продемонстрировало свои возможности как противотанковое средство. Немецкая пушка легко выходила победителем в борьбе с нашими танками «Шерман», вооруженными 75-миллиметровыми орудиями.

В первом же бою американские танкисты узнали, что их танки «Генерал Грант» и «Шерман» не могли тягаться с лучше вооруженными немецкими танками, имевшими более толстую броню. Даже два года спустя во время Арденнского сражения это отставание еще не было устранено. Хотя «Шерман» позднее был вооружен пушкой более крупного калибра, он никогда не мог бороться один на один с немецкими танками «Пантера» и «Тигр». Однако в отношении надежности американские танки далеко превосходили немецкие, на их мощные моторы можно было всегда положиться. Это преимущество, а также превосходство в количестве давали нам возможность окружать немцев и подбивать их танки с фланга. Наша готовность жертвовать «Шерманами» была, однако, слабым утешением для экипажей, вынужденных идти в бой на этих танках.

Если у противника прекрасно осуществлялось взаимодействие между танками и пикирующими бомбардировщиками, то просьбы американских танкистов о поддержке с воздуха большей частью оставались без ответа. Штабы авиации и наземных сил еще не упростили сложную систему удовлетворения заявок на авиацию, и зачастую самолеты появлялись тогда, когда противника уже и след простыл.

Я старался не затрагивать вопроса о командовании, однако в первую же неделю пребывания на фронте мне стало ясно, что Фредендолл уже не пользуется доверием своих командиров дивизий. Уорд не мог простить Фредендоллу его покорность Андерсону, в результате чего 1-я бронетанковая дивизия была распылена по всему фронту. Командир 34-й дивизии Райдер относился к командиру корпуса не менее критически. Он потерял лучшие подразделения одного из своих полков у прохода Кассерин в результате неправильной диспозиции войск. Лишенный авторитета, Фредендолл оказался в невыносимом положении. Вину за поражение у Кассерина нельзя было, конечно, возложить только на него одного, но он был слишком скомпрометирован в глазах подчиненных. Отныне он не мог должным образом командовать ими. Мне было ясно, что Фредендолла следует сместить, однако я не информировал об этом Эйзенхауэра.

Штаб Фредендолла в Джебель-Куифе был настроен лояльно по отношению к своему командиру корпуса. Но доверие было подорвано, и хотя в корпусе были склонны взваливать вину за трудности на 1-ю британскую армию, это скорее осложняло, чем облегчало, положение.

Между тем англичане с нетерпением ожидали, когда 2-й корпус снова перейдет в наступление. В Алжире также росло убеждение, что поражение у Кассерина подорвало наступательный дух 2-го корпуса, что американское командование стало слишком осторожным и чрезмерно осмотрительным.

Эйзенхауэр, встревоженный сообщениями о падении морального духа личного состава 2-го корпуса, 5 марта посетил Тебессу. Хотя Александер в качестве командующего группой армий уже занимался реорганизацией всего тунисского фронта, 2-й корпус все еще находился в подчинении 1-й армии Андерсона. Эйзенхауэр предложил оба корпуса — и французский и американский — подчинить непосредственно Александеру на равных правах с армией Андерсона.

Фредендолл не сообщил мне о прибытии Эйзенхауэра в корпус. Я узнал об этом только после того, как мне позвонили в 9-ю дивизию, где я находился, и попросили прибыть в Тебессу. Во время перерыва совещания Эйзенхауэр попросил меня выйти на веранду небольшого оштукатуренного европейского домика, в котором мы собрались.

— Что вы думаете о здешнем командире? — спросил он.

— Довольно плохо, — ответил я. — Я говорил со всеми командирами дивизий. Все они потеряли доверие к Фредендоллу как к командиру корпуса.

— Спасибо, Брэд, — сказал Эйзенхауэр, — вы подтвердили именно то, в чем я сомневался. Я уже вызвал Паттона из Рабата. Он прибудет завтра и примет командование 2-м корпусом.

Известие о том, что прибывает Паттон, произвело такое впечатление, как будто над Джебель-Куифом разорвалась бомба.

4. Вместе с Паттоном до Эль-Геттара

Утром 7 марта под звуки сирен, возвещавших о прибытии Паттона, вереница броневиков и вездеходов въехала в Джебель-Куиф и остановилась на грязной площади у школы, где размещался штаб 2-го корпуса. Даже арабы, тащившиеся по грязным улицам, подобрав полы своей одежды, стали разбегаться и прятаться в ближайшие подворотни. Броневики оцетинились пулеметами, а длинные антенны на машинах сильно раскачивались из стороны в сторону. В первой машине, как древний герой на колеснице, стоял сам Паттон. Он хмурился навстречу ветру, ремешок стального шлема с двумя звездами туго обтягивал подбородок.

Две большие серебряные звезды на красной пластине являлись знаком его командирской машины. По обеим сторонам капота были укреплены металлические флажки. На одном были изображены две белые звезды на красном поле, на другом выгравированы буквы ШТР — сокращенное наименование западного оперативного соединения, которым командовал Паттон в районе Касабланки. На следующий день флажок с буквами WTF был заменен новым, с изображением щита бело-голубой окраски — опознавательным знаком 2-го корпуса.

Почти четыре месяца после высадки в Северной Африке Паттон не находил себе места на побережье Французского Марокко, где был размещен его 1-й бронетанковый корпус, в задачу которого входило отбить у Франко всякую охоту закрыть узкий Гибралтарский пролив и перерезать жизненно важную артерию союзников в Средиземное море. Его корпус состоял из двух дивизий: 2-й бронетанковой, которой он когда-то командовал в форте Беннинг, и прославленной 3-й пехотной дивизии. Когда отпала всякая опасность выступления испанцев на стороне держав оси, Паттону вскоре надоела сторожевая служба на границе в 1600 километров от линии фронта. Хотя Паттону предстояло покинуть 1-й бронетанковый корпус ради другого назначения, он ухватился за предложение Айка отправиться, в Тунис.

По словам Эйзенхауэра, Паттон должен был омолодить 2-й корпус и вдохнуть в него «боевой дух». На третий день после прибытия Паттона штаб 2-го корпуса уже вступил в ожесточенное сражение, однако не с немцами, а со своим новым командиром.

Джордж решил встряхнуть корпус с тем, чтобы каждый понял, что дни легкой жизни миновали. Вместо того чтобы ожидать времени, когда в дивизиях поймут, что теперь все пойдет иначе, Паттон начал искать средство, которое дало бы возможность немедленно довести это до сознания каждого солдата. Он начал с правил ношения формы.

После нескольких месяцев пребывания на фронте небрежность, которую проявляли английские солдаты в ношении положенной полевой формы, передалась и американцам. Участились случаи, когда солдаты и офицеры, не находившиеся под огнем, снимали свои тяжелые стальные каски и носили только защитные подшлемники. Для Паттона эти подшлемники были свидетельством расхлябанности, царившей во 2-м корпусе. Поход против подшлемников был его первой реформой в корпусе.

Удар был нанесен изданием приказа, предписывавшего обязательное ношение касок, гамаш и галстуков в районе расположения корпуса. Тыловые подразделения не освобождались от ношения касок, и даже войскам на передовой не разрешалось снимать галстуки. Чтобы провести приказ в жизнь, Паттон установил за нарушение единую систему штрафов: 50 долларов для офицеров и 25 долларов для солдат.

— Удар по карману, — говорил Джордж, — действует вернее всего.

Иногда, чтобы подчеркнуть значение выполнения приказа, Паттон отправлялся сам для задержания нарушителей. Он редко возвращался из дневной поездки без коллекции подшлемников, конфискованных у солдат на фронте.

«Кампания против подшлемников» знаменовала начало царствования Паттона во 2-м корпусе, когда лозунгом стало: «Поплюй и почисти». Каждый раз, когда солдат завязывал галстук, шнуровал гамаши и застегивал тяжелую стальную каску, он волей-неволей вспоминал, что 2-м корпусом командует Паттон, что дни до Кассерина прошли безвозвратно и наступила новая тяжелая эра.

Большинство командиров сделало бы для некоторых лиц послабления в отношении ношения каски, однако для Паттона исключений не существовало. Приказу подчинялись в равной степени сестры, дежурившие в госпитальных палатках, и механики, работавшие в ремонтных мастерских.

Когда тыловики как-то спросили Паттона, должен ли применяться приказ к механикам, работающим на грузовиках, Джордж отрезал:

— Черт возьми, вы правы, разве они не солдаты?

Вторая реформа Паттона коснулась работы штаба 2-го корпуса. Во время боевых действий штабы обычно работают от 12 до 16 часов в день, выкраивая время только для сна и еды. Большинство офицеров штаба каждую ночь засиживалось за полночь, обрабатывая поступившие за день донесения. Поэтому завтрак в штабе обычно начинался в 8 час. 30 мин. утра. Дело в том, что штабным офицерам не было большой необходимости выходить на работу раньше, так как первые донесения с фронта поступали обычно только после 9 часов. Однако эти поздние завтраки в высшей степени раздражали Паттона, который рассматривал их как новое доказательство расхлябанности корпуса. Хорошие солдаты, твердил Паттон, всегда встают до восхода солнца. Через неделю по прибытии в корпус Паттон приказал перенести час завтрака на ранние часы, приурочив его к рассвету, одновременно запретив обслуживать офицеров позднее 6 час. 30 мин. утра.

Сами по себе эти реформы, конечно, были пустяковыми, однако они не замедлили наложить на корпус отпечаток характера Паттона. Хотя реформы и не прибавили Паттону популярности, теперь никто не сомневался, что хозяин в корпусе — Паттон.

Паттон сменил Фредендолла, но я по-прежнему оставался пятым колесом в телеге. Формально я был прикомандирован к корпусу, однако разъезжал по фронту в соответствии с директивой из Алжира. В глазах Паттона это необычное назначение подрывало самые основы командования. Если уж мне суждено находиться в его штабе, рассуждал Паттон, тогда, следовательно, я должен быть в его прямом подчинении.

Джордж не питал ко мне никакой неприязни, однако его беспокоила предоставленная мне независимость в его корпусе.

— Я вовсе не хочу, чтобы эти проклятые шпионы рыскали в моем штабе, свирепо прорычал Паттон заместителю начальника оперативного отдела подполковнику Расселу Акерсу младшему (из Гладстона в штате Виргиния).

Он немедленно схватил трубку и вызвал «Фридом» — кодовое название союзного штаба Эйзенхауэра в Алжире. К телефону подошел генерал Смит.

— Послушайте, Беделл, — закричал Паттон, — я хочу поговорить с вами относительно Брэдли и его работы здесь. Дело в том, что нам до зарезу нужен хороший заместитель командира корпуса. Брэдли мог бы прекрасно подойти для этой работы. Если Айк согласится, я сделаю Брэдли своим заместителем. Он нам поможет, и я хочу, чтобы он работал со мной. Согласны? Если да, поговорите с Айком.

Смит поставил вопрос перед Эйзенхауэром и, когда последний согласился, позвонил мне. Так я стал заместителем командира 2-го корпуса. Это, однако, не означало, что я перестал быть информатором Эйзенхауэра. За неделю до этого в Тебессе Эйзенхауэр заметил, что, может быть, он сделает меня заместителем Паттона для приобретения боевого опыта в кампании в Южном

Тунисе. Однако я должен был продолжать мои наблюдения и сообщать прямо в Алжир обо всем, заслуживающем внимания Айка.

После того, как я официально стал работником штаба корпуса Паттон предложил переехать вместе с ним в дом управляющего шахтой, доставшийся по наследству от Фредендолла. До этого я жил в перерывах между поездками на фронт вместе с Хансеном и Бриджем в маленькой комнате на втором этаже грязной гостиницы горнорудной компании.

Как я узнал позднее, мой переезд огорчил офицеров роты «Рейнджере», размещенных в Джебель-Куифе и несших охрану штаба Хансен и Бридж разрешали им пользоваться нашими постелями во время поездок на фронт. Почти сразу же, как только наш джип выезжал из города, трио офицеров спешило в нашу комнату поспать до нашего возвращения в постелях на матрацах.

Назначение Паттона командиром 2-го корпуса повлекло за собой повышение в чине. Когда Эйзенхауэр сообщил, что президент Рузвельт рекомендовал сенату произвести Паттона в генерал-лейтенанты адъютанты Джорджа торжественно извлекли флаг с тремя звездами и несколько комплектов знаков различия. Они были удивительно хорошо подготовлены для подобных непредвиденных случаев. В самом деле, если бы Паттона сделали, например, адмиралом турецкого флота, его адъютанты нырнули бы в свои мешки и вынырнули оттуда с соответствующими знаками различия.

Я подшучивал над Джорджем, говоря что ведь повышение войдет в силу только после утверждения сенатом.

— Чепуха, — усмехнулся Джордж, прикрепляя новую звезду — Я и так заждался этой звездочки.

Паттон прихватил с собой из 1-го бронетанкового корпуса начальников разведывательного, оперативного отделов и отдела тыла, не считая своего начальника штаба бригадного генерала Хью Гаффи. Однако, ознакомившись с работой штаба 2-го корпуса, он заменил только начальника оперативного отдела. Подобранные Фредендоллом начальники разведывательного отдела и отдела тыла остались на своих постах при Паттоне, так же как и позднее при мне.

Начальником разведывательного отдела 2-го корпуса был высокий, умный и темпераментный офицер, бывший служащий Филадельфийской железной дороги Бенджамин Диксон по прозвищу «Монах». Диксон окончил Вест-Пойнт в 1918 г. Во время первой мировой войны он служил в Сибири, а затем ушел в запас. В 1940 г. его снова вернули в армию и назначили в разведывательное управление военного министерства. В марте 1942 г. Диксон был назначен на должность помощника начальника разведывательного отдела штаба 2-го корпуса.

Став начальником разведывательного отдела, Диксон подобрал для своего отдела способных и расторопных молодых офицеров. Начальник контрразведки Диксона — спокойный, вечно с трубкой в зубах профессор антропологии, а теперь майор Гораций Майнер (из Анн-Арбора в штате Мичиган) — расстался с туземной хижинкой в Тимбуку, где он жил, и пересек Сахару, чтобы попасть на войну. Другим протеже Диксона был лейтенант Кросби Льюис (из Филадельфии в штате Пенсильвания). Сын священника епископальной церкви, он вскоре после начала войны в 1939 г. поступил в канадскую армию. Когда Соединенные Штаты вступили в войну, Льюис немедленно оставил свою должность старшего писаря в «Черной страже» и стал рядовым американской армии в Англии. После высадки в Орне Льюис отличился в боях и был произведен в офицеры. В Тунисе лейтенант Льюис узнал, что Диксону потребовалось добыть приказ противника о ведении войсковой разведки в боевых условиях. Он намазал лицо сапожной мазью и в сопровождении араба отправился через фронт. Спустя несколько дней Льюис вернулся к Диксону с нужными сведениями. «Монах» задал головомойку Льюису за самовольную отлучку и наградил медалью «Серебряная звезда».

Когда Льюис учился перед войной в Хаверфордском колледже, он организовал кружок

«ветеранов будущих войн». Один из ветеранов первой мировой войны гневно осудил его за это как «одного из красных, которые никогда не будут сражаться за родину». В дальнейшем о Льюисе появилась заметка в газетах в связи с награждением «Серебряной звездой», которую он получил от меня за выдающееся мужество, проявленное во время атаки пехоты через минированное русло высохшей реки в Сицилии. Он возглавил эту атаку добровольно и взял штурмом деревню на противоположном берегу.

Отдел тыла возглавлял Роберт Вильсон. Он так же, как и Диксон, был уроженцем Филадельфии, но на этом их сходство кончалось. Если Диксон был лингвистом, гордился своей репутацией хорошего рассказчика, то малоприметный полковник Роберт Вильсон отличался молчаливостью обычного делового человека. Он служил артиллеристом во время первой мировой войны, в июне 1941 г. был призван как офицер запаса на военную службу. В качестве начальника отдела тыла Вильсон прославился во время высадки 2-го корпуса в Ороне умением прибегать к импровизации и преодолевать многочисленные трудности, возникающие при высадке. Позже в Сицилии и Нормандии я привык опираться на исключительные организаторские способности этого незаурядного, но скромного человека. При решении сложных вопросов снабжения на высшем уровне я без колебаний считал его лучшим среди всех начальников отделов тыла на европейском театре военных действий.

Другим многообещающим молодым офицером у Диксона был капитан Леонард Бессман (из Мэдисона в штате Висконсин). По окончании Висконсинского университета Бессман в 1929 г. записался добровольцем в корпус морской пехоты, чтобы рядовым принять участие в кампании в Никарагуа. В 1941 г. Бессман вступил в армию и был произведен в офицеры. Его ранили и захватили в плен немцы во время разведки, организованной Диксоном в Тунисе. В Италии ему удалось бежать из лагеря для военнопленных. Шесть месяцев Бессман провел с итальянскими партизанами в горах, а затем перешел линию фронта и вернулся к союзникам.

В конце февраля 1943 г., когда Монтгомери сосредоточил 8-ю армию для наступления на линию Марет, державы оси возобновили свои усилия с целью предотвратить соединение войск Александера и Монтгомери. Если бы это случилось, тогда немцы оказались бы в ловушке в северо-восточной части Туниса, где африканский континент ближе всего подходит к Сицилии. В Северном Тунисе танки и пикирующие бомбардировщики Арнима снова нанесли удар по англичанам с целью расстроить боевые порядки 1-й армии Андерсона и вклиниться в ее позиции. 6 марта Роммель с линии Марет предпринял отчаянную атаку, чтобы задержать наступление армии Монтгомери. Без разведки и поддержки пехоты Роммель рассчитывал при помощи одних танков стремительным ударом охватить и смять фланг англичан. Маневр был вскоре сорван огнем противотанковой артиллерии, и противник отступил, оставив на поле боя 52 танка, тем самым еще более ослабив свой резерв. В этом бою англичане не потеряли ни одного танка.

После неудачи больной и разочарованный Роммель сдал командование ливийскими войсками и вернулся в Германию.

Когда в феврале Роммель снял свои танки с линии Марет, чтобы нанести удар у прохода Кассерин по корпусу Фредендолла, Александер приказал Монтгомери начать отвлекающее наступление. Таким путем он надеялся заставить Роммеля быстро отвести войска, предназначенные для наступления у Кассерина. Монтгомери быстро выполнил приказ, и его армия перешла в ложное наступление. Роммель отвел свои танки от Талы, места наибольшего вклинения немцев, и поспешно бросил их назад к линии Марет. Александер теперь понял, что если он будет наносить удары поочередно, то на нашем фронте, то на фронте Монтгомери, он сможет заставить танки противника метаться по всему Южному Тунису. Из этих соображений он предпринял отвлекающее наступление 2-го корпуса у Эль-Геттара.

К середине марта войска оси стали выдыхаться при проведении сдерживающих контратак. Союзники теперь добились превосходства над немцами и в вооружении и в ресурсах. По мере того как превосходство союзников становилось все более очевидным, Арним на севере и Мессе на юге были вынуждены вновь передать инициативу союзникам. Завладев инициативой, мы могли теперь наносить удары по противнику до самого Туниса.

Пока Монтгомери готовился к генеральному наступлению на линию Марет, Александер приказал 2-му корпусу нанести удар на южном участке фронта в Тунисе и выманить побольше войск противника из укреплений на этой линии. Предполагали, что 2-й корпус лучше всего сможет создать угрозу противнику, заняв сначала Восточный Дорсаль, а затем наступая по прибрежной равнине. Если бы 2-му корпусу удалось подойти достаточно близко к прибрежной дороге, по которой немцы отходили к Тунису, тогда противнику пришлось бы бросить на угрожаемое направление любые силы, чтобы оставить путь открытым.

Александер отдал директиву об отвлекающем наступлении 2-го корпуса 2 марта, то есть за четыре дня до прибытия Паттона в Дже-бель-Куиф. Штаб 2-го корпуса, предвидя такой маневр, уже почти две недели работал над планом наступления.

2-й корпус должен был наступать в трех направлениях. Основные силы корпуса сосредоточивались у Гафсы, прорывались через горный хребет у Эль-Геттара и двигались по прибрежной дороге к Габесу. Дорога Гафса — Габес вела прямо в тыл оборонительных позиций противника на линии Марет. Эта дорога была в высшей степени важной коммуникацией, и противник не осмелился бы оставить ее без прикрытия перед угрозой удара союзников. Другие американские части должны были создать угрозу коммуникациям противника далее к северу, наступая от прохода за Макнасси, где пролегла однопутная железная дорога через Дорсаль к побережью Средиземного моря. Остальные части корпуса прикрывали наш северный фланг с целью предотвратить опасность нанесения флангового удара, который мог бы помешать корпусу выполнить свою задачу.

Однако никто не намеревался превратить этот удар в прорыв через Дорсаль с выходом к побережью. У корпуса не было для этого ни сил, ни средств. Если бы мы чрезмерно растянули свои части от Гафсы до Габеса, то противник контратаками с флангов мог бы нанести нам серьезные потери. Паттону было приказано просто отвлечь силы противника к фронту 2-го корпуса, в то время как Монтгомери наносил решающий удар по линии Марет.

Местность в районе Гафсы, где нам предстояло осуществить демонстративное наступление, была неблагоприятной для действий танков. По обеим сторонам дороги на Габес, по которой предстояло наступать Паттону, возвышались крутые, скалистые горы. Прошли столетия с тех пор, как эти горы лишились всякой растительности, однако они представляли собой прекрасные редуты для неприятельской пехоты и противотанковой артиллерии, которые маскировались в складках местности. В долине сотни лет никто не пытался бороться с эрозией почвы, и вся она была изрезана непроходимыми оврагами. Небольшие участки местности, где природа не создала достаточно прочных барьеров, противник тщательно усеял противотанковыми минами.

Вскоре по приезде Паттон собрал командиров дивизий на совещание в Джебель-Куиф, чтобы обсудить план наступления на Гафсу. 1-я пехотная дивизия Терри Аллена при поддержке 1-го батальона «Рейнджерс» должна была захватить Гафсу и двинуться на восток через горный коридор у Эль-Геттара по дороге к Габесу. После падения Гафсы 1-й бронетанковой дивизии с приданным пехотным полком 9-й дивизии надлежало овладеть участком, оставленным ею в бою у прохода Кассерин, очистить от противника проход у Макнасси и создать угрозу прибрежной долине. 34-й дивизии вместе с остальными частями 9-й дивизии следовало держать оборону на севере. На завершающем этапе 9-я дивизия перебрасывалась на юг, чтобы оказать помощь 1-й дивизии, когда та растревожит осиное гнездо в горах за Эль-Геттаром.

Спустя месяц некоторые комментаторы, описывая эту кампанию в Южном Тунисе, ворчали по поводу кажущейся неудачи американских войск, которые якобы не сумели прорваться к морю и выйти в тыл африканскому корпусу на линии Марет. Это незаслуженная критика, так как, хотя Паттону и надлежало проводить демонстративные атаки в направлении на Марет, он не мог рискнуть зайти так далеко. В директиве Александра специально указывалось, что переход «крупных сил» за Восточный Дорсаль не разрешался. Возможно, Паттон и питал надежды на прорыв фронта союзниками, однако дислокация его собственных сил не была рассчитана на это. Если бы ему была поставлена задача прорваться к морю, он мог бы этого достигнуть, скорее пробившись через Макнасси, чем через горы у Эль-Геттара. И все же именно у Эль-Геттара Паттон наносил главный удар.

Как в Северной Африке, так и в Сицилии Паттон был поразительно равнодушен к проблемам снабжения. Он был искусным тактиком, однако у него не хватало терпения руководить работниками тыла. Он обычно отодвигал рассмотрение вопросов снабжения на задний план, считая их второстепенными, не заслуживающими его внимания. К счастью, в Южном Тунисе работа тыла была налажена задолго до приезда Паттона во 2-й корпус. Запасов, накопленных в Тебессе, было достаточно для обеспечения отвлекающего наступления Паттона. Больше того, Вильсон, получив свободу действий в планировании снабжения, стал быстро завышать заявки на поставку потребных для его участка фронта предметов снабжения. Позднее в Сицилии Паттон оказался без Вильсона, который мог бы подсказать ему нужные мероприятия по тылу, и он стал испытывать такие трудности со снабжением, что был вынужден прибегнуть к помощи 2-го корпуса. В результате в отношении материального обеспечения 2-й корпус взял на себя такие функции, которые скорее подходили для армии. Испытав это в Сицилии, Паттон высадился в Европе с полным пониманием того, что трудности со снабжением могли ограничить размах его операций.

Наступление Паттона началось в ночь с 16 на 17 марта. 1-я дивизия вошла в Гафсу, снова захватив этот французский аванпост, оставленный всего месяц назад во время контратаки немцев у прохода Кассерин. Незадолго до наступления дивизии итальянцы отошли по дороге к Габесу на высоты за оазисом Эль-Геттар с его финиковыми пальмами. Здесь к ним присоединились немецкие подкрепления и был создан рубеж обороны, прикрывавший тыл африканского корпуса.

Вечером, накануне наступления на Гафсу, Джордж собрал штаб 2-го корпуса для последнего инструктажа.

— Господа, — сказал он, оглядываясь по сторонам в плохо освещенной комнате, — завтра мы атакуем. Если мы не победим, пусть ни один из нас не вернется живым.

Затем Джордж извинился и отправился в соседнюю комнату молиться в одиночестве.

Такие противоречия в характере Джорджа продолжали сбивать с толку его штаб. Он был одновременно и богохульником и верующим. Подчиненные трепетали перед ним, а сам он смиренно становился на колени перед иконой. И если этот последний призыв одержать победу даже ценою смерти в глазах работников штаба казался театральным жестом, тем не менее им становилось ясно, что для Паттона война была священным крестовым походом.

Однако я никак не мог привыкнуть к вульгарности, которую позволял себе Паттон, набрасываясь на подчиненных за сравнительно небольшие нарушения дисциплины. Паттон считал неприличную брань самым лучшим средством общения с солдатами. Если некоторые и были в восторге, когда он применял с изумительной оригинальностью свои знаменитые бранные выражения, большинство людей, на мой взгляд, чувствовали себя скорее шокированными и оскорбленными. Иногда мне казалось, что Паттон, прекрасно командовавший корпусом, не научился командовать самим собой.

Техника командования, конечно, зависит от личных качеств командира. Если некоторые предпочитают руководить, соблюдая такт, подавая личный пример и используя другие методы убеждения, то Паттон избрал иной способ командовать своими подчиненными. Он принимал напыщенный вид и сыпал угрозами. Его выходы давали заметные результаты. Однако они не были рассчитаны на то, чтобы завоевать уважение среди офицеров и солдат.

Пока Паттон готовился к наступлению на Гафсу, я побывал в штабе Эйзенхауэра в Алжире. Эйзенхауэр только что обменялся телеграммами с генералом Маршаллом относительно плана вторжения в Сицилию. Планирование этой операции, обеспечивавшей мост через Средиземное море, началось в январе, когда в союзном штабе в Африке была создана специальная группа для разработки плана вторжения и определения требующихся для этого ресурсов.

1-й бронетанковый корпус Паттона был уже намечен для участия во вторжении в Сицилию. Детальная разработка плана вторжения началась в штабе 1-го корпуса в Рабате еще до отъезда Паттона во 2-й корпус. Предполагали, что Паттон снова будет командовать 1-м бронетанковым корпусом после кампании в Тунисе.

Айк спросил меня, целесообразно ли Паттону оставаться со 2-м корпусом до конца кампании в Тунисе или ему лучше вернуться в 1-й бронетанковый корпус, чтобы продолжить планирование вторжения в Сицилию, которое начнется по завершении кампании в Южном Тунисе. Если бы Паттон остался со 2-м корпусом, тогда я должен был бы отправиться в 1-й бронетанковый корпус и временно исполнять его обязанности по разработке плана вторжения в Сицилию.

— Я думаю, что Джорджу нужно вернуться, — сказал я, — и возобновить планирование операции вторжения в Сицилию. В конце концов, ведь он подбирал штаб 1-го бронетанкового корпуса. Он может добиться от него значительно больше, чем я.

— И я так думаю, — ответил Айк. — Когда закончатся бои за Гафсу, вы примете командование 2-м корпусом, а Джордж вернется в Рабат. Я уже договорился об этом с генералом Маршаллом.

Мое назначение тщательно скрывали до отъезда Паттона из корпуса. Опубликование в печати задерживалось цензурой до занятия союзниками Бизерты. Понятно, что опубликование сведений о переводе Паттона с тунисского фронта заставило бы противника задуматься о направлении следующего удара союзников. Между тем Айку вовсе не хотелось раскрывать наши дальнейшие намерения на Средиземном море,

20 марта в 22 час. 30 мин. после почти месячной подготовки Монтгомери перешел в наступление против линии Марет. Главная оборонительная полоса противника тянулась поперек 32-километровой горловины между горами, окаймляющими пустыню, и Средиземным морем. С тыла противник был прикрыт от возможного удара 2-го корпуса длинным и непроходимым высохшим озером. Как и у Эль-Аламейна, Монтгомери тщательно подготовился.

Искусно организовав наступление, Монтгомери сосредоточил четыре дивизии против главного оборонительного рубежа противника. Завязав бой на этом рубеже, он направил подвижной новозеландский корпус в обход «непроходимого» фланга оборонительных сооружений линии Марет, построенной французами. Когда фронт противника дрогнул перед лицом этой неожиданной угрозы с фланга, Монтгомери ввел в прорыв 8-ю армию и начал преследование врага на север вдоль побережья Туниса.

Когда Паттон продвинулся за Гафсу к Эль-Геттару и проходу, который вел через эту горную ловушку в долину и к Габесу, сопротивление противника усилилось. Немцы любой ценой стремились предотвратить выход союзников в свой тыл и на коммуникации. В результате противнику ничего не оставалось, как снять войска с южного фронта, где шли бои с Монти, и перебросить их на фланг, чтобы остановить отвлекающее наступление Паттона.

Танки Паттона не могли пройти через долины до освобождения от противника соседних высот. Поэтому он направил 1-ю дивизию слева от дороги на Габес, а 9-ю дивизию — справа. Они должны были очистить от противника высоты и лишить его артиллерийских наблюдательных пунктов. Скоро стало ясно, что это чрезвычайно трудная задача, так как американцам приходилось бороться за скалистые склоны высот, задерживаться у каждого валуна, вести перестрелку в каждом овраге. Одним словом, приходилось иметь дело с упорным и решительным противником.

Враг не мог терпеть помехи на своем фланге, когда шли бои не на жизнь, а на смерть на линии Марет. 23 марта он перешел в контратаку, стремясь отбросить Паттона назад. В контратаке приняли участие танки, переброшенные с основного фронта. Наступление началось в 6 часов утра, как раз тогда, когда красный диск поднимавшегося на востоке солнца ослеплял наших артиллерийских наблюдателей. Германские танки «Т-2» и «Т-4» ползли по долине, укрываясь в оврагах. Их поддерживали пехота и устаревшие пикирующие бомбардировщики «Ю-87». Хотя передовым частям противника удалось вклиниться в наши позиции, наступление было остановлено к 9 часам утра.

Из перехваченного по радио приказа немцев союзники узнали, что немецкое командование намеревалось возобновить наступление в 16 часов. Затем был перехвачен новый приказ: наступление откладывалось до 16 час. 40 мин.

На этот раз наши войска были наготове. Когда длинные цепи германской пехоты двинулись через долину, наша артиллерия подпустила их на близкое расстояние. Затем на них обрушился град снарядов. Генерал Паттон, находясь на наблюдательном пункте 1-й пехотной дивизии, покачал головой, когда цепи пехоты сначала поредели, а затем заколебались.

— Они губят прекрасную пехоту, — сказал он. — Какой дьявольский способ растрачивать без толку хорошие пехотные части.

В конце концов противник прекратил наступление и отошел, оставив на поле боя 32 сгоревших танка. По видимому, он был введен в заблуждение, как мы и рассчитывали, нашим отвлекающим наступлением вдоль дороги Гафса-Габес. Опасаясь прорыва на этом направлении, немцы попытались его предотвратить и в результате Монтгомери получил возможность развить наступление. 2-й корпус был в долгу перед Монти, предпринявшим отвлекающее наступление во время боев за проход Кассерин. Теперь Паттон отплатил ему сполна, оттянув на себя танки африканского корпуса.

5. Командир 2-го корпуса

Пока 8-я армия Монтгомери продвигалась по прибрежной равнине на Тунис, 18-я группа армий Александера закончила разработку плана следующего этапа кампании в Тунисе.

Уже 19 марта Паттон получил приказ передать 9-ю дивизию в распоряжение командующего 1-й армией Андерсона для использования ее на севере на левом фланге англичан при наступлении на Бизерту. Переброска дивизии должна была завершиться к моменту прорыва линии Марет и отхода противника к северу от дороги Гафса — Габес.

Оставшиеся соединения и части 2-го корпуса наступали на Фондук в промежутке между 1-й и 8-й английскими армиями. Опять нам предстояло нанести демонстративный удар во фланг и тыл отступающего противника. Для выполнения этого плана было достаточно повернуть 2-й корпус от Гафсы на север.

Полученная директива повергла меня в смятение. Из нее было видно, что 2-й корпус будет лишен возможности внести свой вклад в завершающую победоносную кампанию.

Дело в том, что, пока 8-я английская армия загоняла фашистские войска в последний угол в Тунисе, Андерсон наносил удар с запада и уничтожал противника. Когда обе английские армии сближались, смыкая кольцо окружения вокруг войск Арнима, 2-й корпус вытеснялся с фронта в районе Фондука. Таким образом, сыграв вспомогательную роль в начале кампании в Тунисе, единственное американское боевое соединение во всей Северной Африке лишалось возможности внести посильную лепту в окончательное сражение. Я поставил в известность Паттона о моих возражениях против такого плана, и он в свою очередь был взбешен. С разрешения Паттона я поспешил в Хайдру, где вблизи древнего зимнего лагеря римских легионеров раскинул свои палатки штаб группы армий Александера.

Там мне сказали, что не имели ни малейшего намерения третировать нас. План был составлен, исходя из соображений работников тыла, считавших, что Александеру было бы невозможно обеспечить снабжение 2-го корпуса по существующим дорогам на этом участке фронта в Северном Тунисе.

Несмотря на эти доводы штаба Александера, по возвращении в Гафсу я доложил Паттону о моих трех основных возражениях против плана англичан.

Во-первых, предложение исключить 2-й корпус было неразумным из тактических соображений, так как при окончательном наступлении на сгрудившиеся части противника перед Тунисом Александер, оттеснив 2-й корпус назад, самым глупым образом лишил бы себя поддержки целого американского корпуса в составе трех полнокровных дивизий. Я не верил, что он мог позволить себе такую роскошь.

Во-вторых, переброска 9-й американской дивизии на север означала, что наши войска снова начали расчленять на отдельные части и без разбора придавать любой союзной группе войск. На практике это создавало не только опасность неправильного использования американских войск, но также нарушало давно установленный принцип, что американские войска должны сражаться под американским командованием.

В-третьих, я считал, что американцы заработали право на долю в победе, сражаясь под своим собственным флагом. Лишить наши войска возможности внести вклад в окончательное поражение противника означало лишить их единственной награды за тяжелые месяцы, проведенные под огнем. По моему мнению, такой образ действий не мог не ухудшить дружественные отношения между нашими войсками.

Я не мог поверить, чтобы Эйзенхауэр знал о плане Александера или чтобы он одобрил его. С разрешения Шпона я вылетел в Алжир с целью изложить Эйзенхауэру свои возражения.

В качестве союзного командующего на Средиземном море Эйзенхауэр старался быть беспристрастным, чтобы отвести упреки англичан в проамериканских симпатиях. Его командование стало испытанием единства союзников в боевых условиях, и всякий неправильный шаг наверняка уничтожил бы действенность руководства Эйзенхауэра. В результате большой осторожности Эйзенхауэра некоторые американцы были склонны считать, что он занимает слишком проанглийскую позицию.

Было бы неразумно отрицать, что сильные национальные различия иногда вносили разлад в деятельность британского и американского командований. Эти различия существовали на протяжении всей второй мировой войны и всегда будут возникать при любых совместных действиях, когда войска объединяются под единым союзным командованием. В начале войны в Северной Африке некоторые английские офицеры, особенно высшие, относились к американской армии с плохо замаскированной насмешкой. Обладая большим военным опытом, они смотрели на американцев как на провинциалов, ничего не понимавших в сложном искусстве ведения войны. Они с готовностью признавали качественное превосходство американского вооружения, однако посмеивались над нами, говоря, чего у нас слишком всего много. На самом деле в 1-й армии Андерсона было не так уж много британских войск, имевших больше боевого опыта, чем войска 2-го американского корпуса. Если они смотрели на нас свысока, то с неменьшим высокомерием смотрели на них ветераны 8-й армии.

В свою очередь многие американцы относились к англичанам с нескрываемым подозрением, как будто пытаясь усмотреть коварную руку Британии в любом союзном решении. В самом деле, не только многие американцы инстинктивно были настроены против англичан, они очень болезненно реагировали на скрытые уколы англичан, задевавших престиж и национальную гордость американцев. Большинство британских солдат уважало способности своих американских товарищей по оружию и откровенно завидовало оснащению наших частей. Даже самый скептически настроенный английский штабной офицер скоро научился уважать работу американских штабов и удивительные достижения американских тыловых органов. В то же время американские командиры на фронте восторгались огромной выносливостью и мужеством соседних английских частей. В Тунисе мы еще только привыкали друг к другу. Подозрения и зависть, которые разделяли нас, укоренились главным образом в штабах. Чем ближе к линии фронта, тем дружественнее были наши отношения.

Эйзенхауэр еще не был знаком с планом Александера, которым 2-й корпус отстранялся от участия в наступлении на Фондук. Он внимательно выслушал мои объяснения.

— Народ в Соединенных Штатах ждет победы, — объяснил я, — и он заслуживает ее. Американцы сыграли большую роль во вторжении в Северную Африку и в начале кампании в Тунисе, и им будет трудно понять, почему американские войска отстранены от участия в последнем сражении.

— Возможно, вы правы, Брэд, — ответил он, удивленный такой постановкой вопроса. — Я не подумал об этом.

— Война продлится долго, Айк. В ней еще примет участие куда больше американцев, чем сейчас. Я думаю, что мы имеем право иметь своих командиров. Довольно нас перебрасывать в подчинение от одного союзника к другому. До тех пор, пока вы не предоставите нам возможность показать, на что мы способны на своем участке фронта, выполняя свою задачу и имея во главе своих командиров, вы никогда не узнаете, плохо или хорошо мы воюем, как не узнает этого и американский народ.

— Так что же вы предлагаете? — спросил Айк. Я подошел к карте, висевшей на стене.

— Перебросьте 2-й корпус на север целиком, — сказал я, — а не только 9-ю дивизию. Затем разрешите нам наступать на Бизерту.

На мгновение Айк нахмурился, глядя на карту. Затем, убедившись, что мы сможем по рокадным дорогам пройти через английские коммуникации, он вызвал Александера. Командующему группой армий было предложено выделить 2-му корпусу полосу и поставить задачу при проведении завершающего наступления. Все американские дивизии, сказал Эйзенхауэр, должны находиться под американским командованием.

Скромная отвлекающая задача, поставленная Паттону, — наступление вдоль дороги Гафса-Габес — только раздражила его аппетит, и он стал стремиться принять более активное участие в кампании в Южном Тунисе. Он все в большей степени раздражался примысли о необходимости выбивать противника с высот у Эль-Геттара, отвлекая на себя силы противника с фронта Монти. По мере продвижения 8-й армии на север от линии Марет нетерпение Паттона усиливалось. К концу марта оно перешло в отчаяние. Он поспешно примчался по указанию Эйзенхауэра в Тунис, однако ему пришлось сражаться только с теми германскими войсками, которые немцы могли без особого ущерба для себя перебросить с фронта Монтгомери. Такая роль едва ли могла подходить человеку, горевшему желанием «дать настоящий бой».

25 марта Александр приказал Паттону направить танки через боевые порядки 1-й и 9-й пехотных дивизий и нанести удар в направлении Габеса. Паттон с большой охотой сформировал танковую группу поставив ей задачу пробиться к морю. Приказ, однако, обязывал Паттона продвигаться осторожно, шаг за шагом очищая возвышенности от войск противника, прежде чем ввести в бой танки.

Пехота Паттона уже больше недели вела бои за горные рубежи. Продвижение было медленным, оно истощало силы и давалось дорогой ценой. Противник укрепился на высотах, с которых просматривается дорога, и с этих укрепленных позиций наносил тяжелые потери наступающим американским войскам. Бой за Эль-Геттар превратился в схватки за горные хребты, и продвижение корпуса вперед стало зависеть от продвижения отдельных патрулей. Ибо прежде чем Паттон мог использовать в долине свои танки, пехота должна была выбить противника с соседних высот.

Чтобы задержать танки Паттона, противник прикрыл свой путь отхода противотанковыми минами «Теллер», похожими на пирог. Здесь в долине противотанковые мины могли применяться с таким же большим эффектом, как и в Ливии. Не удовлетворившись этим, противник усеял свои позиции противопехотными минами натяжного и нажимного действия. Наиболее опасные противопехотные мины наши солдаты уже прозвали «прыгающими Бетти». Эта мина представляла собой небольшую металлическую коробку размером с консервную банку для персиков, заполненную стальной шрапнелью. Мина зарывалась в землю, на поверхности оставались только три усика детонатора, который срабатывал, когда пехотинец касался ногой усика или задевал за специально натянутую проволоку. Мина подпрыгивала в воздух на высоту немногим более метра и с грохотом разрывалась. Шрапнель разлеталась на расстояние до 15 метров.

Танковой группой, созданной Паттоном для прорыва через высоты за Эль-Геттаром, командовал полковник Кларенс Бенсон из 1-й бронетанковой дивизии. Танковая группа Бенсона, как ее стали называть, состояла главным образом из танков и полугусеничных бронетранспортеров. Она была подвижной, быстроходной и обладала мощным автоматическим огнем.

В течение трех дней группа Бенсона вела бои в долине за Эль-Геттаром. И все три дня она откатывалась назад, оставляя после себя горящие танки. До тех пор пока противник не был выбит с высот, Бенсон не мог преодолеть противотанковую оборону. Паттон, поставленный в тупик неоднократными неудачами танкистов, попросил меня выехать в группу. Я на месте должен был убедиться, что неудачи не являются следствием отсутствия должной настойчивости

и напористости у Бенсона.

В теплый, солнечный день ранней весной я выехал на джипе из нашего штаба, размещавшегося в здании жандармерии в Гафсе, направляясь в Эль-Геттар с его финиковыми пальмами. Мы проезжали мимо убогих хижин арабов, пробиваясь через поток грузовиков и санитарных машин к фронту. Наконец мы достигли обратного ската открытой высоты, где были сосредоточены машины командного пункта Бенсона. В общей сложности там находилась дюжина танков и гусеничных бронетранспортеров, собранных на голом склоне. Кругом чернели щели, вырытые в твердой, коричневой земле. На случай воздушного налета тут же находилась пара самоходных 37-миллиметровых зенитных пушек «Бофорс».

После каждой атаки Бенсона с целью прорваться по дороге на Габес немцы становились все более настороженными на этом участке фронта. Налеты германских самолетов участились. Бомбардировщики «Ю-87» разведывали наши артиллерийские позиции и места сосредоточения машин, а истребители «Ме-109» и «Фокке-Вульф-190» производили стремительные штурмовые налеты.

Я стоял у полугусеничного бронетранспортера вместе с бригадиром Чарльзом Данфи, британским офицером связи, прикомандированным к 2-му корпусу. Мы изучали по карте план боевых действий группы Бенсона. Внезапно раздались три пронзительных свистка, предупреждающие о воздушном налете.

Щурясь от утреннего солнца, я увидел в воздухе 12 двухмоторных бомбардировщиков, приближавшихся к нашим позициям на высоте около 2500 метров. Мы не открывали огня, надеясь, что немецкие пилоты не заметят нас. Самолеты пролетели мимо. Мы с Данфи продолжали изучение обстановки.

Через несколько минут вновь раздался свисток. Бомбардировщики кружили над нами, заметив нас. Зенитные пушки открыли огонь, а мы укрылись в щели. Земля вздыбилась под нами, когда бомбы накрыли наши позиции. Ударной волной с нас сорвало каски и засыпало песком. Через несколько секунд на командный пункт были сброшены осколочные бомбы.

Когда я вылез из щели, Данфи истекал кровью; он был ранен в бедро. Я остановил кровь, наложив жгут на бедро, и отдал Данфи мои таблетки сульфидина. Бридж оторвал кусок от своей рубашки и перевязал кровоточащую рану в плече. Одна из бомб упала между двумя щелями. В одной был Хансен, во второй адъютант Паттона капитан Ричард Джексон (из Пасадены в штате Калифорния). Джексон был убит; подле валялись разбитые вдребезги часы. Водитель джипа бесследно исчез, по-видимому, в результате прямого попадания. К моменту прибытия санитарных машин артиллерия противника нащупала наше местоположение. Пока мы торопились подготовить раненых к эвакуации, первая санитарная машина была разбита. У моего джипа, изрешеченного осколками, две шины были повреждены.

Во второй половине дня Хансен доставил тело Дженсона в Гафсу на своем джипе. Паттон немедленно сел в машину и проехал на небольшое французское кладбище в европейской части города. Там лежали два десятка убитых, завернутых в покрывала и подготовленных к погребению. Паттон стал на колени у тела Дженсона, слезы катились по его щекам. Он достал из кармана маленькие ножницы и отрезал прядь волос, чтобы послать матери Дженсона. Он положил прядь в бумажник и молча поехал обратно через город.

В этот же день Паттон дал радиogramму английскому командующему авиацией поддержки Конингему с жалобой на недостаточный перехват союзными истребителями германских самолетов на нашем фронте. Мы оба были обеспокоены деморализующим воз действием авиации противника на наши войска.

Отмечая активность противника в воздухе в этот день, оперативный отдел штаба 2-го корпуса сообщал в донесении от 1 апреля:

«Передовые части все утро подвергались продолжительной бомбардировке с воздуха. Полное отсутствие воздушного прикрытия наших войск дало возможность германской авиации действовать почти беспрепятственно. Авиация противника подвергла бомбардировке командные пункты всех дивизий и сосредоточила свои усилия против частей, наносящих главный удар».

Ответ командующего тактической авиацией Конингема Паттону был резким. Поставив под сомнение точность донесения 2-го корпуса, Конингем радировал Паттону: «Я думаю, что Вы не намерены заставить командиров американской авиации заниматься только обороной. Мне кажется, то Вы хотите прибегнуть к дискредитировавшей себя практике ссылаться на авиацию в оправдание отсутствия успехов на земле. Если же Ваше донесение объективное и соответствует действительности, тогда остается только предположить, что личный состав 2-го корпуса, о котором идет речь, не соответствует требованиям современного боя.^[5]

Учитывая отличную и успешную деятельность американской авиации, прошу положить конец направлению в наш адрес подобных неточных и преувеличенных донесений. 12-е командование авиационной поддержки получило указание не обращать внимания на необоснованные вызовы авиации, которые могут привести к уменьшению эффективности действий авиации по оказанию поддержки 2-му корпусу».

Конингем еще более осложнил дело, послав копии этой радиограммы всем старшим офицерам на средиземноморском театре военных действий.

Как только Паттон получил телеграмму Конингема, он бросился к телефону и позвонил в Алжир. Эйзенхауэр попытался успокоить возмущенного до глубины души Паттона, обещая, что Конингем извинится перед 2-м корпусом.

«Извинение», однако, представляло собой короткую телеграмму из 27 слов, адресованную всем командующим, в которой говорилось, что предшествующую телеграмму Конингема следует считать «недействительной».

Паттон, не желавший простить или забыть обиду, написал Эйзенхауэру подробное письмо.

По словам Паттона, его «возмутило то, что извинение Конингема перед американскими войсками, многие из которых совершили походы и сражались в трудных условиях с 17 марта, было совершенно неудовлетворительным».

Чтобы этот инцидент не повлиял на дальнейшую работу союзного командования, Эйзенхауэр приказал Конингему прибыть в корпус и лично извиниться перед Паттоном. Затем, чтобы исчерпать вопрос, Конингем сообщил об этом по радио всем офицерам, которым были посланы копии его первой телеграммы.

Недоразумение произошло, объяснял он в телеграмме, из-за ошибки при передаче. Вместо того, чтобы передать «некоторая часть личного состава корпуса», было передано «личный состав 2-го корпуса».

К счастью, подобные эпизоды были редкостью, но они указывают на болезненное самолюбие некоторых союзных командиров, между которыми из-за пустяков могли возникнуть глубокие противоречия. Эйзенхауэр не предпринял никаких дальнейших дисциплинарных мер против Конингема.

3 апреля, чтобы убедиться в окончательном примирении, главный маршал авиации Теддер прибыл в Гафсу вместе с Тоем Спаатсом. Они должны были обсудить вопрос об улучшении прикрытия и поддержки сухопутных войск союзной авиацией. Мы собрались в маленькой комнате здания жандармерии.

Едва Теддер успел сказать, что союзная авиация господствует на средиземноморском театре военных действий, как над городом пронеслась четвертка «Фокке-Вульф-190». Самолеты обстреляли улицы Гафсы с бреющего полета, мимо нашего дома промчался обращенный в

паническое бегство караван верблюдов. В конце налета самолеты сбросили бомбы. С потолка посыпалась штукатурка, мы захотели открыть дверь, но она оказалась заклиненной.

Теддер набил трубку, посмотрел лукаво и улыбнулся. Той выглянул в окно. Он повернулся к Паттону и покачал головой:

— Черт возьми, как только вы работаете!

— Будь я проклят, если я знаю, — закричал Джордж, — но если бы мне удалось узнать, что за сукины сыны вели эти самолеты, я бы наградил их медалями!

Далее к северу у Макнасси, где Уорд также проводил отвлекающее наступление, его 1-я бронетанковая дивизия достигла прохода в прибрежную равнину. Но здесь противник, закрепившийся на скалах, остановил дальнейшее продвижение дивизии.

Александр предложил Паттону совершить небольшой рейд танками против германского аэродрома, находившегося в 16 километрах за этим проходом у железной дороги, ведущей к побережью. Уорд прилагал все усилия, чтобы прорваться, но каждый раз противник отбивал атаки его танков. Паттон, раздраженный неудачами, обвинил Уорда в нерешительности при выполнении поставленной задачи. Однако это поспешное суждение едва ли подтверждалось обстановкой, сложившейся у Макнасси.

Неудачи Уорда объяснялись вовсе не отсутствием воли к наступлению. Перед тем как направить танки через проход, ему нужно было предварительно овладеть склонами гор, а для этого требовалось пехоты больше, чем выделил в его распоряжение Паттон для выполнения задачи.

Ключом ко всей позиции была одна высота, и Паттон с нетерпением ждал сообщения Уорда о ее взятии. Когда до 23 марта такого сообщения не поступило, Паттон позвонил на командный пункт Уорда, размещавшийся около покинутой железнодорожной станции в Макнасси.

— Пинк, ты еще не взял эту высоту? — спросил он и сделал короткую паузу. Мне не нужны эти проклятые извинения. Я хочу, чтобы ты сам отправился туда и захватил высоту. Ты сам должен возглавить атаку. Не возвращайся, пока высота не будет взята.

Уорд надел каску, взял карабин и отправился руководить ночным штурмом. Вновь пехота штурмовала высоту, на этот раз во главе с Уордом. И снова противник не сдвинулся с места, отбив атаку. Уорд вернулся на рассвете, раненный в глаз.

Теперь терпение Паттона истощилось. Он вызвал из Марокко генерал-майора Эрнста Гармона из 2-й бронетанковой дивизии, чтобы он принял командование дивизией Уорда. Однако Паттон не мог сам сказать Уорду, что он сместил его с должности.

Как-то утром за завтраком, незадолго до приезда Гармона, Паттон поручил это мне.

— Послушай, Брэд, — сказал он, — ты друг Пинки Уорда. Съезди к нему и скажи, почему я решил освободить его от должности.

Привезенные мною новости не удивили Уорда, он ждал их с минуты на минуту, так как был убежден, что Паттон не понимал особенностей обстановки на его участке. В данном случае я не снял бы Уорда с должности, но во время войны в Европе случалось, что я снимал командиров за недостаточные темпы наступления. Возможно, некоторые из этих командиров оказались жертвами сложившихся обстоятельств. Действительно, как можно возлагать вину за неудачу на одного человека, когда имеется так много факторов, влияющих на исход любого боя. Тем не менее каждый командир должен нести полную ответственность за всех подчиненных. Если командиры батальонов или полков подводят его во время наступления, тогда он либо должен сместить их, либо будет смещен сам. Многие командиры дивизий не справились со своими обязанностями не потому, что у них не было способностей к командованию, а потому, что они не были достаточно требовательными к своим подчиненным.

В конце концов постановка вопроса о смещении является иногда действительно

необходимой. Хотя я не был согласен со смещением Уорда, отношения между ним и Паттоном настолько испортились, что их было лучше разорвать, чем стараться как-то улучшить.

Уорд вернулся в Соединенные Штаты, где в июне 1943 г. он возглавил учебный центр истребительно-противотанковой артиллерии в лагере Худ. В январе 1945 г. он вновь выехал за море, став командиром 20-й бронетанковой дивизии.

Рано утром 6 апреля войска Монтгомери перешли в наступление на прибрежной равнине, чтобы на этот раз выбить противника из сухого русла Вади-Акарит, оборонительного рубежа, занятого противником после отхода с линии Марет. Первыми в расположение противника просочились гурки, вооруженные большими кривыми ножами, а на рассвете сосредоточенный артиллерийский огонь возвестил о последнем наступлении против фашистских войск в Южном Тунисе. После захвата Вади-Акарита открылась широкая дорога к Анфидавилю, лежащему в горах южнее Туниса.

7 апреля Александер сообщил Паттону, что настал момент оказать всестороннюю поддержку 8-й армии. Джордж должен был перейти в стремительное наступление вдоль дороги на Габес, ударить во фланг отступающих немцев и, соединившись с войсками Монтгомери, замкнуть кольцо окружения. В 9 час. 30 мин. утра того же дня он приказал Бенсону «пронестись ураганом до побережья Средиземного моря» или пока не столкнется с противником, отходящим под ударами Монтгомери.

За семь часов танки Бенсона углубились на 32 километра за разграничительную линию 8-й армии, и в 16 час. 10 мин. войска союзников, наступавшие с востока и запада, встретились. Клещи Александера сомкнулись вокруг противника в Тунисе. Теперь союзные силы образовали единый фронт для решающего наступления против объединенных сил фон Арнима и Мессе.

За несколько дней до этой встречи Александер создал еще одну угрозу флангу и тылу противника. Союзники должны были наступать через священный город Кайруан и вдоль дороги на Сус, расположенный на берегу моря, с задачей отрезать противнику пути отхода на север. Но для того, чтобы достигнуть Кайруана, требовалось сначала пробиться через Дорсаль у Фондука. Для этой цели был сформирован корпус под командованием английского генерал-лейтенанта Джона Крокера.

Крокер отверг план Райдера, предлагавшего провести отвлекающий внимание противника маневр и окружить основной оборонительный рубеж противника, вместо этого он потребовал преодолеть позиции противника фронтальным штурмом. В результате в самом начале атаки 34-я дивизия была отброшена с тяжелыми потерями, а англичане сильно пострадали при попытке прорваться через проход. В конце концов Крокер захватил Фондук и бросился к Кайруану, но к тому времени противник уже отошел севернее Суса на высоты у Анфидавиля.

Крокер, раздраженный тем, что противник ускользнул, вышел из себя и обрушился на 34-ю дивизию, ставя ей в вину свою неудачу. Райдер решительно отверг обвинения Крокера в неопытности и чрезмерной осторожности. Наступление провалилось, утверждал Райдер, главным образом из-за неправильных действий Крокера. Райдер пользовался репутацией прекрасного тактика, и поэтому я стал на его сторону,

Однако в результате вспышки гнева Крокера 34-я дивизия была занесена штабом группы армий Александера в черный список и было выдвинуто предложение отвести дивизию в тыл для дополнительной подготовки. До этого планировалось, что 34-я дивизия совместно с 9-й дивизией будет участвовать в наступлении 2-го корпуса на Бизерту.

Когда я узнал об английском плане отвода 34-й дивизии для унижительной тренировки, то предупредил Паттона, что уход с фронта повергнет в уныние личный состав дивизии и подорвет его моральный дух. 34-я дивизия была не лучше и не хуже любой другой дивизии 2-го корпуса, ей нужна была только уверенность в себе, уверенность, которая создается только победой в бою

и истреблением немцев.

— Стоит только Райдеру поставить посильную задачу, — сказал я Паттону, — и никто не будет больше тревожиться о 34-й дивизии. Если Александер даст мне эту дивизию для участия в нашем наступлении на севере, я гарантирую ему, что она будет прекрасно сражаться.

С согласия Джорджа я вылетел в штаб Александера в Хайдру.

Александер был расстроен не меньше нас в связи с взаимными обвинениями Крокера и Райдера. Он не только хотел исправить дело, но, сам в прошлом командир дивизии, сразу же понял, что я имел в виду, когда говорил о необходимости создания уверенности в своих силах у боевого соединения.

— Однако мой штаб считает, что 34-я дивизия нуждается в дополнительной подготовке, — сказал он.

— Дайте мне эту дивизию, — просил я, — и я обещаю, что она захватит и удержит первый же указанный рубеж. Она сделает это, хотя бы мне пришлось поддержать дивизию огнем всей корпусной артиллерии.

Александер рассмеялся. — Берите ее, — сказал он, — она ваша.

Сначала предполагалось, что после переброски 2-го корпуса на север на участке фронта протяженностью 60 километров будут использованы две с половиной дивизии. Линия фронта тянулась от узла дорог Бежа через долину реки Седженан до северного побережья.

На этом фронте оборонялись одна английская пехотная дивизия и две бригады. Штаб Александера считал, что пропускная способность дорог в этом районе не даст возможности использовать во время наступления более чем две с половиной дивизии. Наступать должны были 1-я и 9-я пехотные дивизии и половина 1-й бронетанковой дивизии. Прибавив к этим силам 34-ю дивизию, мы увеличивали численность пехоты наполовину, и тем самым значительно усиливалась ударная мощь корпуса.

Однако, когда Александер сообщил начальнику снабжения группы армий о своем решении передать нам 34-ю дивизию, последний нахмурился.

— Я должен напомнить вам, сэр, — сказал он, обращаясь к Александеру, — что на этом фронте нельзя обеспечить материальными средствами еще одну дивизию, так как пропускная способность дорог недостаточна.

Александер посмотрел на меня.

— Дайте нам дивизию, и мы обеспечим ее, — сказал я, так как был уверен, что мы можем превысить расчеты англичан по крайней мере на 50 процентов.

Вильсон доказал, что мои расчеты были слишком умеренными, — мы не только превзошли британские планы материального обеспечения, мы их удвоили.

К 10 апреля 2-й корпус уже перебрасывался на северный фронт, отстоявший в 320 километрах от линии снабжения английской армии. В Гафсе царил праздничное настроение, по мере того как из Эль-Геттара возвращались загоревшие, похudevшие и бодрые американские солдаты. Караваны верблюдов освобождали дорогу колоннам машин, перевозивших десятки тысяч солдат на северный фронт, где им предстояло преследовать противника до последних оставшихся в его руках портов.

За 25 дней кампании в Южном Тунисе наши потери в общей сложности составили 5893 человека, в том числе 794 убитыми. В заключительном докладе о боевых действиях Паттон воздержался от определения потерь противника. Разведывательный отдел сообщал ранее, что войска противника численностью в 20 тыс. человек занимали коридор у Эль-Геттара и еще 10 тыс. удерживали проход у Макнасси. Кроме того, 7 тыс. человек были рассредоточены по всему фронту 2-го корпуса. Из этой группировки большей частью первоклассных войск противника общей численностью в 37 тыс. человек было взято в плен 4680 человек, из них 4200

итальянцев.

Всего против Бизерты в Африку было переброшено 110 тыс. американских войск и 30 тыс. машин разных типов. Если судить по тому, что на севере противник был застигнут врасплох, переброска войск прошла незамеченной. Сложный маневр был разработан оперативным отделом штаба 2-го корпуса. При этом требовалось не только составление сложного графика, учитывая перекрестное движение машин с грузами, но и определение порядка смены английских частей, занимавших до нашего прибытия отведенный нам участок фронта. Больше того, маневр повлек за собой не только переброску транспортных средств и людей, но и перемещение нашей огромной базы снабжения из Тебессы в Бежу. Во время боевых действий у Эль-Геттара по дороге из Тебессы на фронт перевозилось ежедневно более одной тысячи тонн грузов, главным образом боеприпасов.

После завершения этого этапа кампании Паттон должен был снова принять командование 1-м бронетанковым корпусом, в котором подготовка плана вторжения в Сицилию вступила в решающую стадию, 1-й бронетанковый корпус во время вторжения развертывался в 7-ю американскую армию. Однако это мероприятие следовало провести только по выходе кораблей с войсками в море. Между тем штабу Марка Кларка предстояло разработать план вторжения 5-й армии в районе Салерно.

Вечером накануне отъезда из Гафсы в Рабат Паттон сообщил нам о подготовке вторжения в Сицилию, 6-й корпус генерал-майора Эрнста Даули, который только что высадился в Африке, должен был составить первый эшелон войск вторжения армии Паттона.

— ... Брэдли, — сказал Паттон, — как вы смотрите на то, чтобы принять командование 2-м корпусом и вместе со мной участвовать в кампании в Сицилии?

— Вместо Даули? — спросил я. Он кивнул головой.

— Я работал вместе с вами и доверяю вам. С другой стороны, я не знаю, на что же, черт возьми, способен Даули. Если вы не возражаете, я договорюсь с Айком.

Через несколько дней Эйзенхауэр удовлетворил просьбу Паттона, и в первый эшелон войск вторжения в Сицилию вместо 6-го корпуса был назначен 2-й корпус. Даули был передан в распоряжение 5-й армии Кларка для участия в высадке десанта в районе Салерно.

15 апреля Паттон погрузил свой штаб на автомашины и направился в долгий обратный путь в Рабат.

В полночь я из заместителя командира 2-го корпуса превратился в командира. Назначение держалось в секрете, и я не решился написать моей жене о повышении.

6. Цель-Бизерта

К этому времени фашистские войска были загнаны в последний, оставшийся в их руках угол в Тунисе, однако они предпочли продолжать дорогостоящую борьбу за время, рассчитывая сковать наши силы на Средиземном море и помешать, таким образом, организации летней кампании в каком-либо другом районе.

Циркулировали упорные слухи об эвакуации германских генералов, но все же в Тунис продолжали прибывать немецкие подкрепления. Оставшиеся немецкие транспортные самолеты каждый день подбрасывали подкрепления из Сицилии на последний плацдарм войск оси. Крупные соединения самолетов «Ю-52» под прикрытием истребителей, идя на риск перехвата авиацией союзников, продолжали переброску войск. В отчаянии немцы даже использовали огромные шестимоторные транспортные самолеты «Мерсеберг». Это были тихоходные и неповоротливые машины, однако за каждый рейс такой самолет перевозил 120 человек. Устаревшие французские моторы, установленные на этих машинах, не позволяли развивать скорость свыше 225 километров в час, поэтому самолеты становились легкой добычей истребителей союзников.

Хотя Александер загнал противника в угол, обладая значительным превосходством в силах, пересеченная местность в Тунисе частично сводила на нет это преимущество. Природа прикрыла долину, которая простиралась к портам Бизерты и Туниса, горной стеной, высоты у Анфидавиля на восточном берегу Средиземного моря представляли собой каменный барьер, преграждавший путь 8-й армии Монтгомери (схема 8). Слева от Монтгомери этот барьер пытались атаковать три плохо снаряженные дивизии 19-го французского корпуса под командованием генерала Луи Мари Кёльца. Еще левее, где линия фронта поворачивает на север к Средиземному морю, 1-я армия Андерсона в составе четырех пехотных и двух бронетанковых дивизий готовилась к решительному наступлению с целью преодолеть горы и выйти в долину перед Тунисом. На левом фланге армии Андерсона 2-й корпус теперь развернул одну бронетанковую и три пехотные дивизии вдоль горного хребта, за которым находилась заросшая кустарником долина реки Седженан, расположенная высоко над уровнем моря.

Каждый союзный штаб давал свою оценку сил противника, однако ни один из них не называл цифру, близкую к 250 тыс. человек, которые были захвачены нами позднее в плен.

14 апреля за день до отъезда Паттона из 2-го корпуса Александер созвал совещание в штабе своей группы армий в Хайдре для обсуждения вопросов стратегии на завершающем этапе кампании в Тунисе. Эйзенхауэр прилетел на совещание из Алжира, а из 1-й армии прибыл Андерсон, Монтгомери, как обычно, не явился. Начальник штаба Александра за несколько дней до совещания побывал у Монтгомери и согласовал наступление 8-й армии из района Анфидавиля с наступлением союзников с запада.

Александер сосредоточивал свои силы в центре, на фронте армии Андерсона, и наносил удар через Меджез-эль-Баб в направлении Туниса. Войска 1-й армии должны были развивать наступление на север и на юг. Одна колонна британских войск направлялась на север, чтобы помочь 2-му корпусу при взятии Бизерты, а другая отрезала пути отступления противника к мысу Бон.

Основная задача 8-й армии и 2-го корпуса в наступлении заключалась не столько в том, чтобы занять территорию, сколько в том, чтобы оттянуть на себя силы противника с фронта 1-й армии Андерсона. Следовательно, перед 2-м корпусом не ставилась задача захватить Бизерту только своими силами. Вместо этого он должен был прикрывать левый фланг наступающих на Тунис войск Андерсона и занять позицию для совместного наступления с англичанами на

Бизерту. Никто, даже Александер, не верил, что мы можем самостоятельно захватить Бизерту.

Хотя 2-й корпус продолжал оставаться в прямом подчинении 18-й группы армий Александера, Андерсон добивался права нести ответственность за организацию взаимодействия 2-го корпуса с 1-й армией. Хотя это означало, что я буду получать приказы не прямо от Александера, а через Андерсона, я не возражал. Я считал, что, поскольку Андерсон наносил главный удар, он имел право беспокоиться за обеспечение своих флангов.

Однако, чтобы избежать недоразумений со штабом Андерсона, Александер предложил мне обращаться прямо в его штаб в любое время. «Мне не следовало, говорил он, — находиться в полном подчинении английской армии». К счастью, я только однажды воспользовался предоставленным мне правом.

Между тем в Вашингтоне генерал Маршалл проявлял растущую озабоченность по поводу нелестных сообщений американских корреспондентов о действиях у Гафсы. Он обратил внимание Эйзенхауэра на критику в адрес американского командования за то, что войска не сумели прорвать фронт, выйти к морю и отрезать пути отхода противника на север. В письме генерала Маршалла подчеркивался вопрос, на который я обратил внимание Эйзенхауэра, то есть моральное значение предстоящих операций в Северном Тунисе. За две недели, перед тем как высказать указанное соображение, я опасался, что Эйзенхауэр может истолковать мои действия как желание сыграть более заметную роль в завершающей кампании. Письмо Маршалла устранило всякую вероятность, что Айк может неправильно понять мои мотивы. Мои опасения еще более рассеялись, когда я получил накануне кампании следующее письмо от Эйзенхауэра:

«Предстоящий этап операции особенно важен для участвующих в нем американских войск... Нет необходимости закрывать глаза на то, что нас уже постигли некоторые разочарования... Мы должны преодолеть эти трудности нести и доказать миру, что четыре американские дивизии, находящиеся сей час на фронте, продемонстрируют высокое качество нашего вооружения и полководческое искусство наших командиров».

Оттягивая силы противника с фронта Андерсона на себя и оказывая ему, таким образом, помощь, мы предвидели, что при наступлении на Бизерту нам придется встретиться со значительно возросшим сопротивлением. Сначала в мое распоряжение была выделена только половина 1-й бронетанковой дивизии. Вторая половина дивизии находилась в полосе армии Андерсона. Затем под предлогом оказания помощи Андерсону по разгрузке дорог, забитых войсками, я перебросил эту половину дивизии на участок моего 2-го корпуса.

Таким образом, вместо двух с половиной американских дивизий, как вначале планировала группа армий, мы теперь имели в общей сложности четыре дивизии, из них три находились на линии фронта и одна (бронетанковая) — в резерве. Накопив силы, мы стала выдвигать более широкие планы.

Сосредоточение 1-й бронетанковой дивизии в резерве с целью ввода ее в прорыв больше всех обрадовало Гармона. Ему не терпелось продемонстрировать наступательный порыв своей дивизии. Такое же нетерпение он проявлял, когда англичане задержали его наступление к северу от Тебессы.

Гармон прибыл в Бэжу разъяренный из-за задержек в пути, горячо жалуясь на привычку англичан обязательно устраивать дневное чаепитие.

— Успокойся, Эрн, — сказал я ему, — англичане привыкли пить чай каждый день и в мирное время и на войне, Они поступают так вот уже в течение трехсот лет. Они будут делать то же самое еще тысячу лет. Ты не сможешь нарушить эту традицию. В следующий раз, когда они остановятся на привал, останавливайся и ты и попей чайку вместе с ними.

Я оставался в Гафсе до передислокации командного пункта, а затем, проехав целый день в джипе по тунисским долинам, покрытым в это время красным ковром маков, вечером 15 апреля

прибыл в Бежу. Командный пункт расположился в небольшой роще на северо-восточной окраине города. Палатки стояли так близко одна к другой, что если бы противник обнаружил наше местонахождение с воздуха, то он накрыл бы нас с одного захода. Я приказал коменданту рассредоточить штаб и переместить половину людей вверх по склону холма, где приютилась прелестная ферма мэра Бежи. Мы выяснили, что прошлой зимой здесь находились англичане. Сад, в котором мы натянули свои палатки, был весьма кстати изрыт щелями. Из палаток, стоявших под цветущими фиговыми и розовыми деревьями, мы могли наблюдать вспышки оружейных выстрелов противника на фронте.

Вежа, чистенький французский колониальный городок, где скрещиваются стратегические дороги, ведущие к Тунису и Бизерте, стоит на месте древнего римского поселения, когда-то разграбленного вандалами. С наступлением весенней распутицы тиф опустошил белые оштукатуренные домики города, разбитые бомбами улицы были по большей части пусты. Желтые указатели с надписью «тиф» предупреждали наши войска о грозящей им опасности.

На ферме мэр и его жена пригласили нас в свой дом. Нам, однако, не хотелось выселять их, поэтому мы заняли под оперативную комнату только складское помещение. Остальные отделы расположились в обычных штабных палатках, приспособленных для работы в условиях затемнения. Офицеры жили в брезентовых шатрах, изготовленных в Ораве, а солдаты заняли амбар.

Через два дня после совещания в Хайдре Александер отдал директиву своим войскам, Затем 18 апреля Андерсон созвал совещание командиров корпусов. Мы доложили устно свои соображения, после чего Андерсон издал приказ по армии.

Штаб 1-й британской армии находился на ферме неподалеку от монастыря Тибар, расположенного на вершине горы. Там собрались командир 9-го британского корпуса генерал Крокер, командир 5-го британского корпуса генерал-майор Оллфри и командир 19-го французского корпуса генерал Кёльц. Все мы привезли большие карты с нанесенной обстановкой, чтобы использовать их во время совещания. К сожалению, Кёльц совсем не говорил по-английски. По мере того как он излагал свой план по карте, я старался следить за ходом его мыслей, используя свои ничтожные познания французского языка, вынесенные из Вест-Пойнта. Когда Кёльц извинился за то, что он не говорит по-английски, Андерсон с беспечным видом подбодрил его:

— Все здесь, конечно, понимают французский язык.

Я не понимал и молча страдал.

Хотя Бизерта была конечным объектом 2-го корпуса, Андерсон рассматривал начальный период нашего наступления исключительно как действие, имеющее далью отвлечь силы противника от английских войск, наносивших главный удар по Тунису. В самом деле, условия местности вовсе не благоприятствовали быстрому наступлению 2-го корпуса на Бизерту.

От Бежи до Матера простиралась долина, которая, так же как и коридор у Эль-Геттара, была сдавлена двумя параллельными грядами гор (схема 9). Далее к северу наш путь преграждали сильные позиции у Джефны, где прошлой зимой англичане потеряли пехотную бригаду в тщетных попытках захватить их. К северу на побережье Средиземного моря долина реки Седженан была покрыта почти непроходимыми зарослями кустарника.

На этом участке фронта проходили две основные дороги. Первая, на севере, шла от Джебель-Абьяд через Джефну на Матер. Другая, на юге, тянулась по краю долины реки Эль-Тин от Бежи к Матеру. Кроме этого, были еще две проселочные дороги. Одна шла вдоль долины реки Седженан в направлении Бизерты, другая следовала вдоль реки Эль-Тин. Из двух главных дорог более короткая проходила через Джефну от Джебель-Абьяд к Матеру, находившемуся на краю солончаковой равнины, простиравшейся до Бизерты. Однако эта дорога шла через узкую

горловину, образованную двумя высотами Грин-хилл и Болд-хилл, на которых были расположены позиции, прикрывавшие Джефну. Я знал, что мы едва ли сумеем прорвать эту позицию фронтальным штурмом.

Хотя южная дорога, шедшая вдоль реки Эль-Тин, казалась более удобной, наступать по ней вряд ли было бы легче. Англичане сообщили нам, что немцы укрепили горы, окружавшие эту дорогу. Любая попытка прорваться крупными силами на этом направлении была бы отбита огнем противотанковой артиллерии.

Диксон окрестил этот путь «Долиной-мышеловкой», а чертежник разведывательного отдела изобразил долину на кальке в виде широко раскрытой западни.

Однако, если не принимать в расчет укрепления противника, «Долина-мышеловка» была настолько удобной для танковой атаки, что она привлекла внимание Эйзенхауэра. 16 апреля он писал мне: «... южная часть вашего сектора, кажется, подходит для действий танков, и мы рассчитываем, что вы нанесете здесь главный удар, по крайней мере в начальный период операции».

К сожалению, у Айка не было моих разведывательных данных о противотанковой обороне противника. Этот путь, казавшийся удобным, нельзя было использовать до тех пор, пока мы не очистим от противника высоты, расположенные севернее и южнее долины.

К моменту совещания у Андерсона вблизи Тибара я еще не смог провести рекогносцировку местности. В результате я был вынужден ограничиться изучением местности только по карте. Хансен поднял на карте высоты, и я провел много часов, изучая относительное тактическое значение позиций на высотах. Направляясь 18 апреля на совещание в Тибар, я мысленно представлял себе тактическое значение каждой важной высоты перед фронтом 2-го корпуса.

С самого начала было очевидно, что в условиях гористой местности надо было действовать с учетом ее характера. Голые высоты господствовали над безлесными равнинами, и мы не могли продвигаться вперед до захвата этих возвышенностей. Поскольку несколько больших высот господствовало над остальными высотами, было ясно, что наши основные усилия следует направить именно против этих важных позиций. Поэтому я предложил использовать пехоту для поочередного захвата высот, создать на каждой захваченной высоте артиллерийские наблюдательные пункты, полагая, что, когда вся цепь высот окажется в наших руках, контроль над долинами будет установлен автоматически.

На первый взгляд такой путь казался более медленным, так как нам приходилось штурмовать одну высоту за другой. Однако на основании опыта боевых действий Паттона у Эль-Геттара я был убежден, что методическим захватом этих высот мы могли в конце концов создать условия для успешного наступления танков вдоль «Долины-мышеловки» и занять Матер.

Такой способ действий означал, что вся тяжесть наступления легла бы на плечи пехоты, пока танки Гармона не вошли бы в проход, проделанный пехотой. И хотя это означало, что солдатам предстояло преодолеть большие трудности, другого выбора, не было, если они хотели добраться до Бизерты. В конечном итоге такое решение оказалось правильным, и мы сберегли много жизней.

Наши действия были приурочены к началу наступления англичан 23 апреля, и поэтому на первых порах я мог рассчитывать на использование только двух американских дивизий. Остальные две дивизии все еще находились в пути на север. 19 апреля я отдал приказ 2-му корпусу на наступление. Это был короткий документ, занимавший полстранички, к нему была приложена калька с нанесенной обстановкой.

На левом фланге 9-я пехотная дивизия, оставив в стороне шоссе, которое проходило через дефиле у Джефны, прокладывала себе путь через заросли кустарника в долине реки Седженан. Отсюда Эдди мог обойти неприступную позицию у Джефны и подвергнуть артиллерийскому

обстрелу единственную дорогу, по которой противник подвозил к этой позиции боеприпасы. Следовательно, он мог заставить противника отойти назад, не прекращая наступления на Бизерту. На правом фланге 2-го корпуса наступала 1-я пехотная дивизия, которой была поставлена задача очистить от противника «Долину-мышеловку» и наступать вдоль нее к возвышенности Чуиги-Хиллс, где мы должны были соединиться с войсками Андерсона для наступления на Бизерту. Я придал дивизии Аллена полк моторизованной пехоты из 1-й бронетанковой дивизии. Полк должен был очистить от противника высоты, окаймлявшие «Долину-мышеловку» с юга, и поддерживать контакт с англичанами на правом фланге. Танки Гармона находились в резерве у входа в «Долину-мышеловку», ожидая, пока нашими войсками будет обеспечен проход через долину. Тогда танки стремительным броском должны были прорваться к Матеру.

Андерсон понимал, что нам будет трудно перенести линии снабжения от Тебессы на другое направление. Поэтому он предложил отсрочить наше наступление на один день и начать его 24 апреля. Один день отсрочки, конечно, не расстроил бы серьезно план наступления. Однако я был преисполнен решимости, если это практически окажется возможным, начать наступление одновременно с англичанами.

Все зависело от Вильсона, который каждое утро на штабном совещании докладывал о количестве грузов, доставленных автотранспортом за предыдущий день на фронт. Несмотря на всю изобретательность отдела тыла, накопление запасов осуществлялось мучительно медленно.

Чтобы ускорить доставку грузов, мы установили одностороннее движение на дороге, по которой шло снабжение фронта из средиземноморского порта Табарка. Мы изъяли из дивизий на фронте строевые машины, посадили на каждую машину по два водителя, совершали трехсуточные рейсы без остановок. Если англичане делали в день одну поездку в одном направлении, то мы успевали за сутки совершить рейс туда и обратно, а часто делали и два полных рейса.

Ввиду опасности воздушного нападения противника колонны автомашин союзников были вынуждены двигаться ночью по дорогам медленно, соблюдая правила светомаскировки. Колонны фактически ползли, а на крутых подъемах в горах часто случались аварии.

— Боб, — обратился я к Вильсону как-то утром, когда из доложенных им цифр стало ясно, что мы не сумеем выполнить план перевозок к 23 апреля, — давайте забудем о светомаскировке и пусть грузовики двигаются ночью с зажженными фарами.

— А противник, сэр? — запротестовал Билл Кин.

— Мы потеряем меньше машин от воздушных атак, — сказал я, — чем при езде без света.

Вильсон согласился. В эту ночь колонны машин шли с зажженными фарами, и вскоре количество доставленных грузов стало быстро возрастать.

Только в полночь 20 апреля Вильсон мог заверить, что мы выполним план перевозок своевременно к началу наступления. Когда он вошел в мою палатку, я изучал трофейную немецкую карту.

— Мы выполним свою задачу, генерал, — сказал он. — Вы можете уверенно планировать начало наступления вместе с англичанами 23 апреля.

К этому времени передовой эшелон (оперативная группа) штаба 2-го корпуса был сокращен до минимальных размеров. Мы разрешили присутствовать на утренних совещаниях всем штабным офицерам, с тем чтобы каждый из них мог познакомиться с соображениями других офицеров. Мы поставили рядом с большой штабной палаткой еще одну небольшую палатку, и там во время приема пищи я обсуждал оперативные планы с Кином и другими старшими офицерами штаба.

Почти сразу же после вступления в командование корпусом я отменил время завтрака,

установленное Паттоном, и перенес его на 8 час. 30 мин. утра. Это чрезвычайно благоприятно сказалось на работоспособности штабных офицеров.

В целях соблюдения секретности при телефонных переговорах, которые противник может подслушать, я закодировал на моей карте наиболее важные высоты, перекрестки дорог и населенных пунктов, копии этой карты разослал командирам дивизий. Это был импровизированный неуставной код, причем довольно простой, что заставляло Диксона серьезно беспокоиться о сохранении наших планов в тайне.

Как-то утром я позвонил Аллену, и он в разговоре сослался на один малоприметный перекресток, передав его кодовое наименование.

— Одну минуточку, Терри, — сказал я, — на моей карте нет такого.

— Слушай внимательно, Брэд, — ответил он, — может быть, нас подслушивает враг. Я тебе быстро скажу его незакодированное наименование.

Диксон, подслушавший наш разговор, развел руками:

— Сохранить тайну было бы не так уж сложно, — заметил он, — если бы в армии было поменьше генералов.

Перед началом наступления я объехал на джипе своих командиров дивизий и познакомился с характером местности перед их фронтом. Командный пункт Мэнтон Эдди в долине реки Седженан я посетил уже второй раз. Здесь военная полиция, регулировавшая движение, носила арабские бурнусы, чтобы скрыть расположение командного пункта от воздушной разведки противника.

В полосе действия корпуса между участком Эдди на севере и участком Терри Аллена на юге оставался пятнадцатикилометровый промежуток, не занятый войсками. Хотя наши разведывательные подразделения держали под наблюдением этот участок фронта, Эдди признался, что его сильно беспокоит такой большой разрыв на его правом фланге.

— Мэнтон, — заверил его я, — никто не собирается проскочить через эту щель. В крайнем случае Билл Кин и я с винтовками остановим любого, кто попытается пробраться через нее.

Эдди улыбнулся, но его беспокойство не уменьшилось. Когда он выразил опасение, что противник может направить через этот оголенный участок фронта батальон и даже полк, я был вынужден согласиться, что такая возможность не исключена.

— Но что он может сделать, если даже проникнет здесь? — сказал я. — На этом направлении нет ничего, кроме гор и зарослей кустарника. Нет ни одной дороги. Даже батальоны не продвинутся далеко, если у них не будет машин.

Мы не могли прикрыть этот разрыв между нашими войсками без существенного ослабления наших частей, наступающих на других участках фронта. Я сознательно шел на риск, оставив разрыв неприкрытым. Опасения Мэнтон Эдди были напрасны, противник не предпринял ни малейшей попытки воспользоваться этим разрывом. Он был слишком занят удержанием своей линии фронта.

Закаленные в боях пехотинцы Терри Аллена с большой красной цифрой «1» (номер дивизии) на рукаве у плеча, охраняющие штаб, расквартировались во дворе амбара, заваленного кучами преющего навоза у дороги Беджа — Матер. Здесь в большей степени, чем где-нибудь еще на линии фронта, искусственное оживление скрывало напряжение, которое обычно создается накануне наступления. Хотя 1-я дивизия понесла большие потери, она была лучше укомплектована, чем большинство других дивизий. В отличие от остальных дивизий у нее не изымали кадры для обучения новобранцев, так как она была быстро отправлена из США.

О предприимчивости людей 1-й дивизии можно было судить даже по столовой Аллена, где на грубом столе красовался аппетитный ростбиф, в то время как в других дивизиях командирам приходилось довольствоваться обычными консервами. Мясом Терри обеспечивался за счет

скота, случайно попадавшего под огонь противника. Несмотря на предупреждение ветеринарного врача о том, что в пищу может попасть мясо больных животных, свежее мясо подозрительно часто появлялось в столовых 1-й дивизии. Черные волосы Терри были всклокочены, скрытая улыбка блуждала по его лицу. Он носил все ту же темно-зеленую гимнастерку и брюки, которые были на нем на протяжении всей кампании в районе Гафсы. Когда-то ординарец отутюжил ему складки на брюках, но они уже давно разгладились, и теперь брюки висели мешком, Алюминиевые звездочки, которые Терри прикрепил к погонам, были сняты у итальянского солдата.

Хотя Терри стал героем для своих солдат, среди старших офицеров он оставался белой вороной. Он всегда боролся, чтобы защитить 1-ю дивизию от посягательств «высшего начальства». Терри был фанатически настроен против любого начальства выше уровня дивизии. В результате он имел склонность упорствовать и быть независимым. Искусный, эрудированный и напористый, он часто игнорировал приказы и воевал так, как ему казалось лучше. Я выяснил, что Терри было трудно убедить нанести удар там, где я считал это более целесообразным. Он наполовину соглашался с планом, но когда начинался бой, как-то так получалось, что он забывал об этом и делал по-своему.

8-я армия Монтгомери на правом фланге фронта союзников должна была прорваться через высоты у Анфидавиля к побережью за три дня до начала наступления Андерсона на западе. Александер надеялся, что Монтгомери удастся оттянуть на себя силы противника с фронта Андерсона и тем самым облегчить последнему наступление на Тунис. Но закаленные в боях в пустыне войска Монтгомери, достигнув высот у Анфидавиля, оказались в непривычной для них обстановке, и атака захлебнулась. Тем временем противник на фронте Андерсона почувствовал накопление английских сил на этом направлении к Тунису. Не ожидая начала наступления 1-й армии, Арним взял инициативу в свои руки и нанес контрудар по 9-му корпусу Андерсона силами ударной дивизии «Герман Геринг», поддержанной «Тиграми» 10-й танковой дивизии. Этот контрудар преследовал цель спутать карты 1-й армии и выиграть для немцев еще несколько дней. Англичане удержались на своих позициях, и немцы отступили, потеряв 33 танка, в которых они так остро нуждались.

Несмотря на помехи со стороны Арнима, англичане на следующий день перешли в наступление, как и предусматривалось по плану.

7. Конец африканского корпуса

Рано утром в страстную пятницу 23 апреля 1943 г, когда я поднялся на высоту за фермой Клос де Беджа, небо на востоке осветилось вспышками артиллерийских залпов

Я с нетерпением ждал первых кратких сообщений. Когда поступившие донесения подтвердили факт своевременного перехода в наступление, я нервно заметался по командному пункту. Я не решался оставить мой штаб, чтобы выехать в войска, так как в Бедже был центр наших коммуникаций и отсюда я мог лучше влиять на ход боя.

За два дня до этого последнего наступления в Тунисе я повесил свою карту в лагере прессы для ознакомления военных корреспондентов с планом боевых действий корпуса. Так состоялась моя первая пресс-конференция, которая положила начало длительной дружбе со многими из этих усиленно работавших представителей печати. Спустя два года некоторые из корреспондентов, присутствовавшие на первой пресс-конференции, сопровождали меня до Эльбы, чтобы отпраздновать нашу встречу с русскими и конец войны.

Во время войны многие из корреспондентов были лучше осведомлены о предстоящих действиях, чем некоторые офицеры моего штаба. В целом корреспонденты представляли собой общественное мнение, и они не сумели бы должным образом осветить ход событий, если бы не были заранее достаточно хорошо ознакомлены с нашими планами. Хотя они были посвящены во многие наши тайны, ни разу за все время войны ни один военный корреспондент, прикомандированный к моему штабу, не злоупотребил моим доверием.

Когда 1-я дивизия начала продвижение вдоль северного края «Долины-мышеловки», ее обстреляла артиллерия противника с высот, расположенных дальше к северу (схема 10). Поэтому, перед тем как продолжать наступление, надо было выбить противника с этих высот и лишить его наблюдательных пунктов для артиллерии.

С участка 1-й дивизии мы могли видеть дорогу, которая шла по диагонали от железнодорожной станции в Сиди-Нсир через «Долину-мышеловку» к отдаленным коричневым высотам в районе Чуиги. Севернее этой дороги высоко в африканское небо вздымалась лишенная растительности белая вершина горы, которая на французских картах была обозначена как высота 609. Эта высота была окружена группой более мелких высот. 26 апреля, то есть через три дня после начала наступления, стало ясно, что, пока противник не выбит с вершины высоты 609, 1-я дивизия не сможет продвигаться дальше. Противник вел с этой высоты убийственный прицельный артиллерийский огонь по войскам Аллена, расположенным на открытых каменистых высотах ниже. Однако, чтобы взять высоту 609, следовало предварительно захватить позиции, прикрывающие ее. Таким образом, высота 609 стала преградой на пути нашего дальнейшего продвижения в направлении Матера.

К этому времени 34-я дивизия Райдера, потерпевшая неудачу у Фондука, была переброшена в полосу 2-го корпуса. Помня о своем обещании Александеру, я поставил перед дивизией задачу захватить высоту 609.

— Захватите эту высоту, — сказал я Райдеру, — и вы взломаете оборону противника на всем нашем фронте. После овладения высотой никто никогда больше не поставит под сомнение боеспособность вашей дивизии.

Прежде чем захватить высоту 609, Райдеру сначала нужно было подавить противника на Джебель-эль-Хара и на высоте 490, которые прикрывали подступы к высоте 609 с запада. Он разработал план захвата этих промежуточных объектов одним ударом. Узнав об этом, я выразил опасение, так как Райдер хотел откусить для первого раза слишком большой кусок.

Вечером 27 апреля батальон 34-й дивизии выступил для ночного штурма высоты Джебель-

эль-Хара. Батальон пытался под покровом темноты осуществить обходный маневр по дороге, которую нельзя было разведать днем. Когда над холодными горами забрезжил рассвет, батальон оказался перед той же самой высотой, откуда он выступил накануне вечером.

Батальон немедленно перегруппировался и изготoвился для штурма высоты днем.

Я приказал начальнику артиллерии корпуса бригадному генералу Чарльзу Гарту поддержать 34-ю дивизию всеми артиллерийскими средствами 2-го корпуса, которые могли вести эффективный огонь по высоте Джебель-эль-Хара.

— Мы им споем серенаду, — пообещал Гарт, — и подсластим ее всеми средствами, которые имеются в нашем распоряжении.

Артиллерийская подготовка должна была начаться в тот же день в 16 часов.

Вскоре после 15 час. 30 мин. 34-я дивизия доложила о взятии высоты Джебель-эль-Хара. Я встретил Гарта, который мчался на джипе, чтобы повернуть назад подтягивавшуюся артиллерию.

Захватив оба объекта, 34-я дивизия заняла исходный рубеж для штурма каменистых склонов высоты 609. Заняв высоту 609, мы могли ускорить наступление Аллена вдоль «Долины мышеловки» и создать Гармону условия для прорыва.

Возможно, потому, что наступление 1-й армии в южном направлении не развивалось с ожидавшейся быстротой, Андерсон начал проявлять признаки нетерпения. Утром 27 апреля он позвонил Кину, убеждая ускорить наступление 2-го корпуса в направлении прохода Чуиги.

— Не обращайте внимания на оказывающего сопротивление противника у Сиди-Нсир, — сказал Андерсон, игнорируя тактическое значение высоты 609 и других окружающих ее высот. — Если противник засел на вершине высоты, старайтесь обойти его... Недостаточно только отбросить противника назад, я хочу, чтобы вы окружили и захватили его, прежде чем он сможет создать оборонительные рубежи вокруг Бизерты.

Кин, сбитый с толку и возмущенный этими указаниями, которые расстраивали план нашего наступления, дал Андерсону ни к чему не обязывающий ответ.

— Мы нажмем, сэр. Я передам ваше указание генералу Брэдли. Сейчас он находится в войсках.

Когда я узнал об этом, то не мог поверить, что Кин правильно понял Андерсона.

— Но это стенографическая запись, генерал, — сказал он, — у меня сидел человек на параллельном телефоне.

Если Андерсон действительно дал такое указание, это означало, что он предлагал нам прекратить попытки захватить мешавшие нам высоты, а вместо этого двигаться по равнинам, где противник пристрелял все возможные пути подхода. Если противник еще не начал отход с фронта 2-го корпуса, мы не могли не считаться с его позициями на высотах, не рискуя нарваться на орудия, если бы очертя голову бросились в долину. Между тем Диксон не обнаружил никаких признаков отступления противника перед фронтом корпуса. Наоборот, были сведения о прибытии германских подкреплений, ибо нашим наступлением мы угрожали прорвать позиции противника, которые Арним создал на высотах, прикрывавших равнины Туниса.

Позднее в этот же день я встретился с Андерсоном на командном пункте Терри Аллена. Я изложил ему план нашего наступления, показав на местности, как дивизия Аллена была обстреляна противником с высоты 609 на севере. Я вновь подчеркнул необходимость предварительного захвата высот, если мы хотели обеспечить свободный доступ в долину.

— И все это зависит от захвата высоты 609, — сказал я ему. — Весьма важно овладеть этой высотой, прежде чем начать наступление на Чуиги. Если мы не сделаем этого, Терри попадет в чертовскую переделку при попытке проложить себе путь на Чуиги.

Аллен поддержал меня. Артиллерийский огонь с высоты 609 и соседних высот обрушивался

на гребни гор, уже занятых войсками Аллена, осыпая их осколками снарядов и камней. От многих пехотных рот Терри уже осталось не больше взвода.

Андерсон, прищурившись, задумчиво смотрел на карту, следя за моими объяснениями плана действий 2-го корпуса. Когда я закончил, он кивнул в знак согласия. Я не стал напоминать Андерсону об указании, которое он дал мне через Кина, а сам он больше не вспоминал об этом.

Редко противник так упорно защищал позицию, как это делали немцы, засевшие на высоте 609. Они знали, что, если этот бастион падет, им ничего больше не останется, как отступить на восток и открыть дорогу на Матер, на фланге фронта перед Тунисом.

После дня ожесточенных боев на крутых склонах высоты 34-я дивизия достигла арабской деревушки под скалой на южном склоне высоты 609. Выше, на выступе, закрепились в расщелинах отборные немецкие пехотинцы. Оттуда они поливали огнем из автоматов и пулеметов войска Райдера.

Когда Райдер доложил мне о возможности обойти высоту с тыла, я решил придать ему роту танков для оказания непосредственной артиллерийской поддержки. Он посмотрел на меня с некоторым удивлением, но с готовностью принял помощь. Местность, конечно, не подходила для действий танков, и ни один тактик никогда не порекомендовал бы штурмовать скалу с помощью «Шерманов». Однако их 75-миллиметровые пушки были именно тем средством, в чем нуждался Райдер, чтобы выбить противника из укрепленных позиций.

Утром 29 апреля 17 танков с пехотой Райдера, двигавшейся вплотную за ними, начали атаку высоты 609 с фланга и тыла. Они продвигались вперед под пулеметным и минометным огнем, пока не обнаружили опорные пункты противника. Вскоре эхо орудийных выстрелов разнеслось по окрестностям. Это танки начали бить по позициям противника.

Позднее пленный из полка «Барентин», оборонявшего высоту 609, заявил:

«Мы могли бы отбивать атаки вашей пехоты еще неделю, но не ожидали увидеть танки. По существу, вы не имели права использовать их. Нам сказали, что местность непроходима для танков, и в результате мы не укрепились должным образом».

Удачная атака высоты 609 освободила 34-ю дивизию от дурной славы, приобретенной под Фондуком. В сентябре 1943 г. Райдер отплыл с дивизией из Туниса в Италию. В течение двухлетней тяжелой кампании в горах 34-я дивизия провела на фронте в общей сложности 605 дней. Всего во второй мировой войне она потеряла около 20 тыс. человек, то есть почти в полтора раза больше своего штатного состава.

Когда артиллерийский огонь противника с высоты 609 перестал тревожить 1-ю дивизию, она перешла в наступление вдоль северной гряды высот, окаймляющих «Долину-мышеловку». Теперь противник, обойденный в результате захвата нами этой позиции, не мог больше откладывать свое отступление на восток, к высотам в районе Чуиги. Здесь Арним рассчитывал задержаться на последнем оборонительном рубеже, прикрывающем широкую равнину, которая вела к докам Туниса.

Таким образом, пока Андерсон штурмовал позиции противника с фронта, 2-й корпус вел отвлекающее наступление, продвигаясь быстрее, чем мы рассчитывали, обходя противника с правого фланга.

Между тем одновременно с наступлением Терри Аллена вдоль гряды высот «Долины-мышеловки» и через дорогу на Чуиги на юге продвигалась вперед не менее решительно моторизованная пехота Гармона. Многообещающий путь на Матер, о котором говорил Эйзенхауэр, теперь был открыт. Гармон подтягивал танки, готовясь к прорыву.

К северу в долине реки Седженан, где наступление Мэнтон Эдди развивалось такими же темпами, как и наступление в «Долине-мышеловке», 9-я дивизия пробивалась через заросли кустарника, прокладывая себе путь к Бизерте.

В пасхальное воскресенье я отправился в долину Седженан для совещания с Эдди. Его командный пункт помещался в палатке, укрытой в глубокой траншее, неподалеку от артиллерийских позиций «Длинного Тома».^[6] Каждый раз, когда батарея открывала огонь, верх тента трясся от пролетающих над нашими головами снарядов.

Несмотря на мои многочисленные заверения, Мэнтон все еще беспокоился о своем открытом правом фланге. Позднее я выяснил, что требовался время от времени визит кого-либо из офицеров штаба корпуса, чтобы успокоить его. На некоторое время он соглашался с моими доводами о малой вероятности атаки противника, но через несколько дней сомнения опять возникали и Эдди просил прислать кого-либо из штаба корпуса.

Это беспокойство, однако, не замедляло наступления Эдди и не мешало его удивительным успехам. Оставив полк для блокирования позиций противника у Джефны, Эдди обошел эти позиции слева и закрепился севернее их с тылу. Ко 2 мая его артиллерия обеспечила контроль над единственным путем отхода противника с этих позиций. Перед немцами не было другого выбора, как либо продолжать сражаться на этом рубеже и умереть с голоду, либо отойти с него без дальнейшего сопротивления. Противник избрал последнее и отошел, прежде чем пехота Эдди смогла преградить ему путь для отступления.

Силы Эдди на севере состояли не только из 9-й дивизии, но и так называемого французского африканского корпуса — отряда, сформированного из французских политических эмигрантов и берберских племен. Вдоль гряды высот на побережье Средиземного моря, где густые леса пробкового дерева вперемежку с кустарником образовали почти непроходимые джунгли, французский корпус прорубал с помощью специальных тесаков (мачете) дорогу в направлении на Бизерту.

Французским корпусом командовал полковник Маньян, который помогал Паттону при высадке в Марокко. Генерал Ноге посадил его в тюрьму за оказание помощи союзникам, однако он был освобожден после перехода Дарлана на сторону Эйзенхауэра. В состав его отряда входили три плохо вооруженных батальона пехоты, батальон морской пехоты и батальон алжирских стрелков. Среди его солдат были испанские республиканцы, которые нашли убежище во Франции, и французы, бежавшие из вишистской Франции. Мне рассказывали, что одной ротой командовал испанский адмирал, а другой — еврей-доктор.

На других участках союзного фронта большое туниское наступление Александра замедлилось, и теперь войска продвигались черепашьям шагом. 8-я армия Монтгомери застряла в горах у Анфидавиля, а на фронте Андерсона войска были остановлены перед сильными укреплениями противника. Оказавшись в затруднительном положении, Андерсон прочесал фронт в поисках подкреплений, чтобы усилить свою 1-ю армию и прорвать фронт противника.

Прежде всего он позвонил мне во 2-й корпус. Он просил выделить из какой-либо дивизии усиленный полк и придать его 1-й армии. В это время 2-й корпус вел тяжелые бои как у высоты 609, так и у Джефны. Я не мог снять с фронта полк, не подвергнув серьезному риску успех нашего наступления. Любое отвлечение сил могло сорвать последующий прорыв Гармона к Матеру.

Помимо указанных тактических соображений, я считал, что запрос Андерсона противоречил достигнутому между нами соглашению о том, что американские войска будут сражаться под американским командованием. Своей просьбой он, по существу, аннулировал это соглашение и предлагал вернуться к старой практике использования американских войск по частям под британским командованием. Я решил не выделять полка, даже если бы потребовалось вмешательство Айка. Ибо, если бы мы хоть раз вернулись к этой практике, никто не мог сказать, чем это кончится.

Андерсон, несомненно, подозревал о причинах моего нежелания удовлетворить его

просьбу, ибо обосновывал ее ссылкой на сложившуюся обстановку на его участке фронта.

— Хорошо, дайте мне обсудить этот вопрос с моим штабом, — увиливал я от прямого ответа, надеясь выиграть время. — Я позвоню вам позднее.

Штаб корпуса подтвердил мои опасения, и я вновь позвонил Андерсону.

— Мы бы хотели помочь вам, — сказал я ему, — но вы просите меня пойти на такой шаг, который я не могу сделать без приказа самого Айка.

К счастью, Эйзенхауэр должен был прибыть в этот день на наш командный пункт. Я рассказал ему о просьбе Андерсона и о мотивах моего отказа.

— Не сдавайте позиций, Брэд, — сказал Айк. — Я сегодня побываю у Андерсона и поддержу вас.

Вопрос о выделении полка Андерсону больше не поднимался, так как 30 апреля Александер пришел к выводу, что Монтгомери бесцельно растрачивал свои силы на сильно заминированных высотах к северу от Анфидавиля, где 8-й армии не удалось прорвать оборону противника.

В это время в штабе 2-го корпуса и его дивизиях еще находилось несколько британских офицеров, прикомандированных ранее в качестве «советников». Когда мы узнали о прекращении наступления Монтгомери в секторе Анфидавиля, я в разговоре с Кином сказал в шутку:

— Давай пошлем радиограмму Монти и спросим его, не хочет ли он получить от нас несколько американских офицеров в качестве советников, которые поучили бы его воинов пустыни, как нужно пробиваться через эти высоты.

Пока Андерсон перегруппировывал свои войска для возобновления наступления на Тунис, 2-й корпус был занят планированием заключительного этапа боевых действий. С потерей высоты 609 и позиций у Джефны противник, находившийся к югу от них, неожиданно для себя оказался в опасном положении. Ему ничего не оставалось делать, как отступить на восток к следующей гряде высот, тянувшейся на север от Чуиги к горному массиву восточнее Матера.

Эта позиция являлась частью горного пояса, прикрывавшего Тунис с запада. Если бы 2-му корпусу удалось прорваться между высотами у Чуиги или Матера, он мог бы смять фланг армии противника, сосредоточенной на рубеже между фронтом 1-й армии Андерсона и Тунисом.

Теперь, после установления контроля над «Долиной-мышеловкой», пришло время бросить в прорыв танки Гармона. Он должен был наступать вдоль реки Эль-Тин и выйти к Матеру, где целая сеть шоссейных дорог вела в тыл противника (схема 11). Как только Гармон преодолет «Долину-мышеловку», 1-я и 34-я дивизии должны были повернуть на восток, пройти в тылу танков Гармона и наступать в направлении хребта Чуиги. Для захвата прохода Чуиги, через который идет дорога прямо на Тебурбу, всего лишь в 25 километрах от Туниса, я наметил 34-ю дивизию, хотя при этом маршрут ее движения пересекался с маршрутом 1-й дивизии, так как Райдер находился на левом фланге Терри Аллена. 1-я дивизия, однако, была не только истощена в ходе боев за высоты, но к тому времени она понесла сравнительно большие потери, чем другие дивизии. Чтобы упростить ее задачу на завершающем этапе кампании, я отвел 1-й дивизии сектор к северу от прохода Чуиги на левом фланге 34-й дивизии. Она должна была сковывать противника на участке между этим важным проходом и Матером.

2 мая я отдал приказ Эрни Гармону начать наступление и ворваться в Матер. Танки быстро прошли долину и вышли к окраине города. Но когда танки Гармона приблизились к мосту через реку, которая опоясывает Матер, противник взорвал его. Пока саперы Гармона наводили понтонный мост, противник подбросил тяжелую артиллерию, а в воздухе появились немецкие самолеты. Противник проявил крайнюю чувствительность в отношении дальнейшего наступления союзников на этом уязвимом фланге его фронта в Тунисе. Из Матера Гармон мог выйти глубоко в тыл армии Арнима. На следующий день Гармон прорвался через город.

Поскольку войска к этому времени продвинулись далеко вперед от Беджи, я перенес командный пункт корпуса в Сиди-Нсир, под прикрытие высоты 609. Вернувшись из поездки в войска, я обнаружил, что комендант развернул наш штаб в глубоком тылу, замаскировав его в узком ущелье между двумя крутыми высотами. Оттуда имелся только один выход через узкую горловину ущелья, и несколько вражеских бомб могли бы полностью вывести командный пункт из строя.

Комендант имел жалкий вид, когда я вызвал его в свою палатку.

— Перенесите утром командный пункт из этого проклятого ущелья, — сказал я. — Расположите его на открытом склоне высоты в сторону противника. Вы выбрали такое место, как будто мы до смерти боимся, чтобы кто-нибудь не отыскал нас. Ей-богу, я сгорю со стыда, если нас застанут здесь.

На рассвете началась передислокация командного пункта, и к 10 часам утра мы рассредоточились на северо-восточном склоне высоты, обращенном к высоте 609. Эйзенхауэр прибыл в полдень, чтобы позавтракать с нами. Он с одобрением осмотрел местность, где открыто расположился наш командный пункт, как будто бросая вызов авиации противника.

— Брэд, — похлопал он меня по плечу, — я чрезвычайно рад, что вы расположились на открытом месте. Как-то я побывал на командном пункте Фредендолла у Тебессы и обнаружил, что он запрятал свой командный пункт в самое глубокое ущелье, какое только можно себе вообразить.

Кин посмотрел на меня и улыбнулся. Я сделал каменное лицо и промолчал.

К 4 мая Андерсон сосредоточил 1-ю армию, усиленную подкреплениями, на узком участке фронта для наступления вдоль долины реки Меджерда на Тунис (схема 8). Наступление должны были начать две пехотные дивизии с задачей прорвать фронт противника на участке около 3 километров. Затем в прорыв предстояло ввести две бронетанковые дивизии. Сняв противотанковую оборону противника, танки должны были совершить стремительный бросок к Тунису. Начало этого последнего наступления было назначено на 6 мая.

Пока Андерсон завершал приготовления к наступлению, я разработал план глубокого прорыва войсками Гармона за Матер с выходом в тыл противника. Если бы нам удалось разгромить его резервы между Бизертой и Тунисом, мы могли бы серьезно деморализовать немцев.

Между Матером и Ферривилем, в 15 километрах к северу, пояс сильно укрепленных высот господствовал над подступами к позициям противника, которые предстояло преодолеть Гармону. Противотанковые пушки на этих высотах прикрывали дорогу Матер — Ферривиль, а полевая артиллерия блокировала подступы к Тунису с юга. Гармон никак не мог обойти эту позицию и оставить ее в своем тылу. Чтобы выйти в тыл противника, нужно было прорваться через этот барьер.

Выехав за Матер на рекогносцировку, Гармон и я осмотрели гряду высот и местность, лежащую за ней.

— Вы сможете выполнить задачу? — спросил я Гармона, обсудив с ним несколько вариантов выхода в тыл противника.

— Безусловно, но это нам дорого обойдется, — ответил он.

— Сколько же?

Эрни пожал плечами.

— Я думаю, что при выполнении задачи мы потеряем пятьдесят танков.

Это было больше, чем я думал, но, действуя таким образом, мы имели шансы уничтожить противника несколькими смелыми ударами.

— Действуйте, — сказал я ему. — В конечном счете это будет стоить нам дешевле, если мы

быстро расчленим противника.

Неделю спустя Эрни сообщил мне, что этот бой обошелся ему в 47 танков.

Во время наступления к востоку от Матера одна колонна танков Эрни должна была продвигаться в направлении на французский морской арсенал в Ферривиле на берегу озера Бизерта. Оттуда она поворачивала на восток с задачей перерезать дорогу Бизерта — Тунис. Другая колонна танков наносила удар из Матера прямо на восток в обход гряды высот Чуиги-Хиллс и прорывала оборонительный обвод позиций противника у Туниса.

6 мая 1-я армия Андерсона всеми силами перешла в наступление. Район Туниса, где был окружен противник, задрожал под ударами нашей авиации и артиллерии. Весь день в воздухе над позициями противника висели союзные истребители и бомбардировщики. Спаатс бросил авиацию в самое мощное тактическое наступление за все время войны на Средиземном море, чтобы расчистить дорогу для прорыва танков Андерсона на Тунис. «Во время завершающего наступления от Меджез-эль-Баба к Тунису, — писал позднее в докладе генерал Генри Арнольд, — мы сделали 2146 самолето-вылетов, большая часть которых была произведена бомбардировщиками, истребителями-бомбардировщиками и штурмовиками на фронте шириной 5,5 километра. Бомбами и огнем мы проложили путь от Меджез-эль-Баба до Туниса». Это воздушное наступление было поддержано огнем 1000 орудий. Вклинившиеся войска Андерсона вскоре начали набирать темпы по мере того, как они проходили гористую местность и устремлялись через равнины к Тунису.

Когда фронт противника затрещал по всем швам и был почти на грани развала, я был крайне заинтересован в том, чтобы ускорить наступление 9-й дивизии в долине реки Седженан и достигнуть порта Бизерты раньше, чем противник успеет его разрушить. Я позвонил на командный пункт Эдди, располагавшийся в лесной чаще:

— Мэнтон, наш приятель начинает рассыпаться на части. Подтяни тылы и продвигайся к Бизерте.

— Но мы и так быстро наступаем, — объяснил он, — кроме того, на нашем фронте их все еще много.

— К черту их, — сказал я, — разведка сообщает, что противник отступает по всему фронту.

— Но дорога на Бизерту сплошь усеяна минами, Омар. По ней не проедет и джип, пока саперы не расчистят ее.

— Тогда слезайте с грузовиков и направляйтесь пешком, но, черт возьми, вы должны быть в Бизерте.

Мэнтон, возможно, был потрясен моей грубостью. И хотя я нажимал на него, я понимал его осторожность: из штаба дивизии было трудно судить, насколько близок был разгром противника. Но в штабе корпуса признаки разгрома противника были совершенно очевидны. Немцы не могли долго продержаться.

Если признаки краха противника не были столь очевидны на фронте Эдди, они были ясны, возможно слишком ясны, Терри Аллену. Несмотря на приказ держать оборону на возвышенностях севернее Чуиги, грохот орудий на других участках фронта подтолкнул его перейти в наступление. 6 мая 1-я дивизия подошла уже к предгорьям Чуиги-Хиллс. Противник нанес ответный удар неожиданной силы, и 7 мая Терри отступил с большими потерями, наказанный за самовольные действия. Такие действия Терри были ничем не оправданными, так как его наступление не имело перспектив. Если бы ему удалось прорваться через первую гряду возвышенностей, дальнейший путь ему преградила бы вторая гряда высот. Командир наступает, напомнил я ему, чтобы овладеть объектом, а не растрачивать свои силы с целью занять ненужную местность.

Войскам Аллена противостоял отборный полк «Барентин», тот самый полк, который так

долго держался на высоте 609. Он состоял главным образом из добровольцев парашютной школы в Витсоке и планерной школы в Познани. По моральному духу, подготовке и упорству эта часть превосходила любую другую часть фашистских войск на нашем фронте. Полк носил имя своего первого командира полковника Барентина. В Тунисе полк сражался под командованием легендарного майора Байера, огромного, неуклюжего человека, чьи способности мы волей-неволей были вынуждены признавать. Байер участвовал в выброске парашютного десанта на Крите, где во время приземления сломал себе ногу. Поврежденная нога, однако, не мешала ему передвигаться по горам на протяжении всей кампании в Тунисе.

Именно на высотах Чуиги-Хиллс противник прибег к одной из немногочисленных предательских уловок за время войны в Тунисе. Немецкий взвод, обойденный частями 34-й дивизии во время боев за проход Чуиги, направился к нашим войскам, подняв белый, флаг, как будто собираясь сдаться в плен. Подойдя достаточно близко к нашему расположению, немцы залегли и открыли огонь в упор по нашим изумленным солдатам. В течение следующих суток на фронте 34-й дивизии не было взято в плен почти ни одного немца.

Когда танки Андерсона расчистили путь к Тунису, 34-я дивизия 7 мая прорвалась через проход Чуиги, выйдя на фланг 1-й армии. Захватив Чуиги, 2-й корпус выполнил задачу, поставленную перед ним Александером в начале кампании в Северном Тунисе. Только теперь, согласно первоначальному плану, мы должны были присоединиться к англичанам в сражении за Бизерту.

Однако это сражение было уже выиграно.

Как будто подстегнутый моим приказом занять Бизерту, Эдди направил свою истребительно-противотанковую самоходную артиллерию по дороге к северу от озера Гарет-Ашкель. 7 мая в 15 часов дивизион радиовал в штаб дивизии: «Дорога на Бизерту открыта. Просим разрешения продолжать движение». К 15 час. 30 мин. самоходные установки были снова в пути, и через полчаса головные полугусеничные машины гремели по каменным мостовым Бизерты. Всего за 20 минут перед тем, как мы достигли Бизерты, танкисты Андерсона в черных беретах 11-го дербиширского гусарского полка вступили на окраины Туниса. Так с интервалом в несколько минут войска оси потеряли два последних города в Северной Африке. На участке между Бизертой и Тунисом, образующем выступ, вдоль которого проходит шоссе, соединяющее эти два портовых города, оказались полностью изолированными и отрезанными все тыловые подразделения противника.

Хотя порты Сицилии находятся лишь в 160 километрах от побережья Туниса, противник вовсе не желал повторить Дюнкерк. Чтобы эвакуировать хотя бы часть сил своих разбитых армий в Северной Африке, немцам требовалась поддержка корабельной артиллерии итальянского флота. Но итальянский флот благоразумно отстаивался на якорях в Специи и Таранто, где он прятался от англичан почти всю войну. Английский флот, намереваясь уничтожить силы оси во время эвакуации, устремился из дюжины средиземноморских портов в направлении этого угла Туниса. Помня горький опыт Норвегии, Дюнкерка, Греции и Крита, англичане назвали эту морскую операцию «Возмездием». 8 мая, на следующий день после падения Бизерты и Туниса, адмирал Каннингхэм отдал по радио следующий приказ по флоту: «Топите, жгите и уничтожайте, не пропуская никого».

Но ввиду нежелания противника ввязываться в морское сражение при осуществлении операции «Возмездие» англичанам удалось потопить или захватить только два торговых и три небольших грузовых судна, баржу, рыболовную шхуну, несколько лодок и резиновых яликов. Только 704 беглеца были выловлены в Средиземном море. Остальные 250 тыс. человек предпочли более спокойную жизнь в лагерях для военнопленных.

К 8 мая командование противника было полностью парализовано. Танки Гармона нарушали

коммуникации противника на побережье, расчленяя, дезорганизуя и окружая войска противника. Южнее английские войска добились такого же результата. За одну ночь хорошо обученная 250-тысячная армия стран оси превратилась в беспорядочную толпу. Ошеломленные неожиданностью поражения, фашистские войска, казалось, лишились способности оказывать дальнейшее сопротивление.

Позднее некоторые комментаторы приписывали этот крах неспособности германских солдат проявлять инициативу в непредвиденных обстоятельствах. Но эти критики проходят мимо катастрофических последствий наших танковых прорывов в тыл противника. Ни одна союзная армия не выдержала бы такого парализующего удара, ибо деморализованные войска не будут продолжать безнадежную борьбу, если они могут сдаться в плен.^[7]

Утром 9 мая я проснулся рано. Находясь на склоне высоты у Сиди-Нсира, я наблюдал, как из-за отдаленных высот Чуиги-Хиллс на другой стороне долины всходило солнце. Солнечные лучи пересекли «Долину-мышеловку», розовые тени на белых склонах высоты 609 исчезли. В тесной приспособленной для работы в условиях затемнения палатке оперативного отдела дежурный офицер сортировал ночные телеграммы. На кальке, покрывавшей крупномасштабную карту, синими линиями^[8] было обозначено продвижение войск Гармона, которые, подобно венам, проникли в глубину обороны противника. Тунис и Бизерта были обведены толстыми синими кружками, свидетельствовавшими о том, что эти два объекта противника были уже захвачены.

Вскоре после 11 часов утра в штаб корпуса позвонил Гармон. Он был взволнован, и его голос, долетавший по многокилометровой линии проводов, дребезжал в наушнике полевого телефона, связывавшего меня с командным пунктом Гармона у Ферривилля.

— Пара гансов явилась сюда с белым флагом. Они хотят договориться о капитуляции. Что им сказать? Или вы хотите прибыть и заняться этим делом сами?

— Я должен остаться здесь, Эрни, — сказал я, — мало ли что еще может случиться. Просто передайте, что мы не выдвигаем никаких условий. Мы согласны только на безоговорочную капитуляцию.

— Эта банда больше не доставит вам никаких хлопот, — ответил он. — Их здорово побили. Они даже просят перемирия, чтобы прийти в себя, так как потеряли всякую связь. Я уже остановил мои танки и приказал прекратить огонь.

— Хорошо. Я передам другим дивизиям, чтобы они прекратили наступление. Нет смысла нести потери, когда можно избежать этого.

— Я собираюсь послать с ними одного из наших офицеров, чтобы проследить за выполнением наших указаний. Что если я пошлю Мориса Роуза...

Роуз, тогда полковник, был отличным молодым начальником штаба Гармона.

— Прекрасно, Эрни, — сказал я, — но пусть Роуз проследит за тем, чтобы они не уничтожали вооружение. Они должны сложить оружие и собрать вместе машины. Передай им, если мы заметим, что они уничтожают военное имущество, перемирию конец. Мы выйдем из них дурь.

Утром в 11 час. 40 мин. генерал-майор Фриц Краузе, бесстрастный командующий артиллерией африканского корпуса, выслушал молча указания Гармона. Двадцать минут спустя было достигнуто соглашение о капитуляции на участке фронта 2-го корпуса. Так, в полдень 9 мая, через 182 дня после вторжения в Северную Африку и 518 дней после нападения на Пёрл-Харбор, американская армия добилась первой безоговорочной капитуляции войск стран оси.

В тот же день в 15 часов к Краузе в штабе Гармона присоединилась группа его коллег старших офицеров. Они прибыли в огромных штабных машинах «Мерседес-Бенц», нагруженных вещами, в новых мундирах, как будто этим хотели подчеркнуть свое достоинство, несмотря на

поражение.

— Можно подумать, что мерзавцы явились на свадьбу, — такими словами Гармон сообщил мне об их прибытии.

Эрни, в своем потном обмундировании оливкового цвета, подчеркнуто игнорировал их. Когда он сел обедать, его адъютант бросил германским генералам мешок с рационами «К». Мы не собирались разбираться в обычных тонкостях цивилизованной капитуляции, так как сама война не носила цивилизованного характера. Во второй половине дня 9 мая штаб 2-го корпуса перевел свой командный пункт из Сиди-Нсира во двор фермы у разбитой дороги к западу от Матера. Севернее дороги, там, где песчаная равнина простирается в направлении горы Джебель-Ашкель, наши саперы подготовили окруженный колючей проволокой лагерь для немцев. С южной стороны дороги меньший участок был огорожен для их союзников — итальянцев. Мы предполагали, что военнопленных будет 12–14 тыс. человек. К наступлению ночи, однако, оба лагеря были переполнены немецкими ранеными. Были привлечены германские саперы, которые под наблюдением своих унтер-офицеров расширили лагерь. Мы удвоили, а скоро и утроили размеры первоначального участка лагеря для военнопленных.

В течение следующих двух дней, насколько видел глаз, вдоль дороги из Матера тянулась странная процессия военнопленных, как будто собравшихся на праздничный пикник. Немцы уверенно говорили, что их поражение только передышка; Германия выиграла время, чтобы накопить новые силы. Итальянцы были довольны, что им не придется больше воевать, и радовались бесплатной поездке в Соединенные Штаты.

Часть военнопленных была доставлена на американских грузовиках. На крыше кабины каждой машины сидел военный полицейский с винтовкой. Другие военнопленные прибывали в огромных немецких военных грузовиках песочного цвета с изображением пальмы — эмблемы африканского корпуса. Некоторые ехали на велосипедах, крестьянских телегах, мотоциклах, лафетах орудий, даже на ослах, и все, довольные, устремлялись к лагерю. К тому времени, когда поток прекратился, мы насчитали 40 тыс. пленных.

Ни одно другое событие во время войны не вызвало у меня такого подъема, как зрелище этой процессии военнопленных. До сих пор мы считали себя счастливыми, если нам удавалось захватить в плен хотя бы дюжину немцев.

Скоро в итальянском лагере воцарилось праздничное настроение, пленные сидели на корточках вокруг костров и пели под аккомпанемент аккордеонов, привезенных с собой. Противоположное наблюдалось у немцев. Эти были заняты устройством лагеря. Унтер-офицеры отдавали приказы, и скоро кварталы палаток из камуфлированных плащей выросли в пустыне. Солдаты были сведены в роты, вырыты уборные, отведены места для кухонь и налажено нормированное снабжение водой из контейнеров типа Листер. Германские интенданты привезли в лагерь тонны продовольствия. Солдаты доставали из мешков караваи черного ржаного хлеба, завернутые в станиоль, круги голландского сыра и жестянки с датским маслом. В отличие от консервированного масла, доставлявшегося нашим войскам из Соединенных Штатов и прозванного «Маргарин № 1», датское масло по вкусу чрезвычайно напоминало обычное масло. Мы сразу же реквизировали большое количество этого масла. Однако отказались от английских мясных консервов, захваченных немцами год или два назад и теперь снова оказавшихся в руках союзников.

Уже почти стемнело, когда вечером 9 мая в палатку Диксона прибыли для допроса немецкие генералы. Они приехали в собственных штабных машинах в окружении водителей, ординарцев и адъютантов. Диксон спросил меня, не хотел ли бы я посмотреть на них. Я отказался и остался в своей палатке. Я писал письмо жене, сообщив ей, что назначен на должность командира корпуса.

На следующий день Хансен передал военнопленных под опеку 1-й армии.

За долиной, где одиноко возвышалась гора Джебель-Ашкель, несмотря на капитуляцию немцев, продолжали вести бой войска дивизии «Герман Геринг». Они были окружены в заросшей кустарником крепости, находясь в непосредственной близости от лагеря военнопленных на дороге Матер — Бизерта.

Гармон начал штурм этой позиции 4 мая; его разведывательный батальон овладел западной частью позиции немцев, взял в плен 80 человек. На восточном участке позиции более сильная группировка немцев окопалась и подготовилась к осаде. Чтобы не терять времени, Гармон оставил заслон у высоты и продолжал наступление на Ферривиль.

Утром 11 мая, через два дня после капитуляции Краузе, я приказал Диксону позаботиться, чтобы немцы на горе Джебель-Ашкель приняли наши условия и прекратили сопротивление. Он заставил командующего 5-й танковой армией генерала Густава фон Верста написать записку капитану Бранденбергу (или его преемнику) в дивизию «Герман Геринг»:

«5-я танковая армия сложила оружие. Вам надлежит сделать то же самое».

Послание было передано противнику на горе Джебель-Ашкель делегатам, имевшим белый флаг. Американец вернулся в сопровождении немецкого старшего лейтенанта, раненая рука которого висела на перевязи.

Рассказывают, что немец сказал командиру батальона, окружившему гору:

— Эта записка от фон Верста. Прежде чем выполнить приказ, я хочу удостовериться, что она действительно написана им.

— Пошлите его ко всем чертям! — сказал командир батальона своему переводчику.

— ... Хорошо, — ответил германский офицер. — Но перед сдачей мы хотим получить документ от американской армии, подтверждающий, что дивизия «Герман Геринг» последней сложила оружие на этом фронте.

— Послушайте, друг, — возмутился командир батальона, — либо вы сейчас же спуститесь с горы и перестанете валять дурака, либо мы высечем ваши имена на ваших надгробных камнях.

Вниз сошли 300 солдат с эмблемой дивизии «Герман Геринг», вышитой на рукавах.

К 12 мая число пленных, захваченных союзниками, превысило четверть миллиона, больше половины из них были немцы. Среди пленных находились: генерал армии Джиованни Мессе, номинальный командующий войсками стран оси, отдавший приказ о капитуляции итальянских частей, и генерал фон Арним, заменивший Роммеля на посту командующего немецкими войсками.

Чтобы извлечь надлежащие уроки из кампании в Тунисе, я пригласил в штаб 2-го корпуса командиров дивизии и офицеров их штабов на разбор боевых действий. Генерал Кларк прислал представителей от своей 5-й армии в Марокко, офицеры штаба Паттона прибыли на самолетах с нового командного пункта около Орана. В тени фруктового сада, где стояли наши палатки, мы выставили огромную карту Северного Туниса и вокруг нее расставили стулья для 50 человек. Подобно преподавателю в форте Беннинг, я сделал обзор хода боевых действий в масштабе всего корпуса.

За неделю перед началом наступления Эйзенхауэр посоветовал мне быть более строгим с командирами дивизий.

— В заключение, — сказал он, — разрешите дать вам один совет. Вы должны быть жестким. Вы должны быть требовательны к непосредственно вам подчиненным офицерам, а те в свою очередь — требовательны к своим подчиненным. Прошло время, когда мы не могли требовать от войск удовлетворительных результатов после того, как составили хорошие планы, тщательно подготовились и убедились, что поставленная задача может быть выполнена...

Однако для командира корпуса, в составе которого имеются четыре дивизии, одной

требовательности недостаточно. Командир корпуса должен знать своих командиров дивизий, глубоко понимать стоящие перед ними задачи, считаться с их мнением и терпимо относиться к их недостаткам. Нужны редкие качества, чтобы быть безупречным командиром дивизии. Успех достигается правильным сочетанием здравого смысла, уверенности в себе, способности командовать и смелости.

Среди командиров дивизий в кампании в Тунисе никто не руководил войсками лучше, чем Терри Аллен, действия которого нельзя было предугадать. Он отстаивал честь солдат 1-й дивизии, а они в свою очередь отстаивали его честь. Но, беспокоясь о своей дивизии, Аллен был склонен преуменьшать роль других дивизий, требуя привилегий для своей дивизии, которые мы не могли предоставить без ущерба для других дивизий.

Командир 34-й дивизии Райдер подтвердил в боях свою репутацию умелого тактика. Не обладая стремительностью Терри Аллена, он тесно связал свою судьбу с дивизией. Его слабость, однако, заключалась в том, что он слишком терпимо относился к недостаткам офицеров. Вместо того чтобы сместить не справляющихся с работой офицеров, он предпочитал не замечать их недостатков и тем самым наносил вред и дивизии и самому себе.

Сквернослов и темпераментный Гармон принес в корпус редкое сочетание здравого тактического суждения и смелости — качества, которые необходимы для крупного полководца. Он отличался большей настойчивостью по сравнению с другими командирами дивизий в Северной Африке. В Европе он стал наиболее выдающимся командиром танковых войск. Однако, как и все танкисты, Эрни душой и телом был неразрывно связан с «шерманами» и поэтому порой не использовал должным образом пехоту.

Однако из всех этих командиров дивизий никто не был более уравновешен и ни с кем не было так легко работать, как с Мэнтоном Эдди. Он умело проводил боевые действия, как, например, у Джефны. Хотя он был не из робких, но в то же время не отличался и особой смелостью. Мэнтон любил заранее тщательно рассчитать свои действия.

13 мая Эйзенхауэр позвонил мне из Алжира.

— Вы готовы работать совместно с Джорджем? — спросил он, имея в виду планирование высадки в Сицилии.

— В любое время, — ответил я. — Когда я должен явиться?

— А как с пленными?

— Я оставлю здесь часть штаба для организации их отправки. Мы уже ее начали.

Вновь мы свернули палатки 2-го корпуса, но на этот раз направлялись на запад вдоль длинного побережья Африки почти до Орана. За голубыми водами Средиземного моря на севере от Пиренеев до Греции тянулся берег, занятый противником. Только 57 дней оставалось до начала вторжения в Сицилию.

8. Подготовка к вторжению в Сицилию

Наш старый «Седан» испортился в третий раз, водитель вылез из машины и поднял заржавевший капот. Мы стояли на обочине дороги, мимо нас проезжала длинная колонна грузовиков с военнопленными, пыль слепила глаза. Немцы махали нам руками.

Чтобы торжественно вернуться в Алжир из Туниса, мы поехали в закрытой машине вместо джипа, думая, что так будет удобнее. Теперь после трех поломок за три часа мы были готовы просить, чтобы нас подвезли вместе с военнопленными.

Мы выехали из Матера 13 мая рано утром, но когда прибыли в Константину, уже стемнело. Мы поели жареной рыбы, выпили черного кофе и провели ночь в восточном отделении базового участка зоны коммуникаций.

Мне не хотелось терять еще один день в машине, и я позвонил в штаб военно-воздушных сил Тою Спаатсу.

— Позвоните, когда будет нужен самолет, — сказал он, — я пришлю «С-47».

Я злился на себя за то, что не догадался попросить самолет до выезда из Матера. У нас оставалось не так много свободного времени; ведь через семь недель начиналось вторжение в Сицилию.

На аэродроме «Мезон Бланш» около Алжира грязь подсохла. Бросалась в глаза растущая мощь союзников на североафриканском театре. Сотни самолетов «Р-38» с двойным фюзеляжем заменили устаревшие «Р-40», которые Эйзенхауэр использовал во время операции «Торч». Лихорадочная атмосфера, царившая в Алжире в феврале, сменилась спокойной, деловой обстановкой, характерной для всех высших штабов. Между тем уже прибывшие войска обслуживания вызвали необходимость посылки новых войск обслуживания, пока обсаженные тенистыми пальмами бульвары Алжира не стали кишеть американскими солдатами. Изобилие военнослужащих в тылу изумило и расстроило меня — мы только что прибыли с фронта, где в пехотных ротах оставалось всего от 20 до 30 процентов штатного состава. Айк старался сократить численность штаба, однако вопреки его усилиям штаб союзных сил разросся, как это обычно случается с каждым штабом. В нашей армии, в которой мы идем на большой расход танков, грузовиков, орудий и боеприпасов, чтобы спасти жизнь людей, огромные эшелоны обслуживания являются вполне неизбежным явлением. Я часто ворчал по поводу того, что службы снабжения используют слишком много людей, однако мое раздражение исчезало, когда я видел, какие изумительные успехи достигались органами тыла. В отличие от противника, который чересчур экономно расходовал свои запасы и снаряжение, я мог использовать их свободно, если цель оправдывала затрачиваемые средства.

Хотя канцелярия Эйзенхауэра в стеле «Сент-Джордж» все еще посылала ответы на поздравительные телеграммы по случаю победы в Тунисе, сам Эйзенхауэр усиленно работал над планированием операции «Хаски» — условное название вторжения в Сицилию. Четыре месяца назад высадка была назначена на 10 июля в расчете на то, что Тунис будет очищен от фашистских войск к 30 апреля.

— Когда прибудет ваш штаб? — спросил меня Айк, прежде чем познакомиться с планом вторжения.

— Командный пункт выезжает завтра. Однако первая группа уже прибыла в штаб Паттона, чтобы подыскать и привести в порядок помещения.

— Нет ли у вас каких-нибудь затруднений с пленными? — спросил он.

— Никаких, — ответил я, — однако наши солдаты пришли в негодование, узнав, что мы отправляем пленных в Соединенные Штаты.

— А немцы?

— По-прежнему наглы. Им бы хотелось остаться здесь. Они боятся, что их же подводные лодки потопят транспорты с военнопленными на пути в Соединенные Штаты.

Айк подошел к стене и отдернул шторку, прикрывавшую карту Сицилии.

— Только вчера объединенный комитет начальников штабов одобрил наш новый план — операцию «Хаски», — сказал он. — Все наши силы будут сосредоточены против юго-восточной части острова.

Я кивнул головой и посмотрел на карту.

Сицилия находится в Средиземном море между оконечностью Туниса и носком итальянского сапога, образуя естественный мост через море. Всего 150 километров отделяют самую западную часть побережья Сицилии от мыса Бон.

Сицилию можно было использовать, чтобы перенести наше наступление из Африки через Средиземное море в южную часть Европы. Однако, если бы даже союзная стратегия не предусматривала действия наземных войск в Италии, Сицилия могла стать передовым непотопляемым авианосцем для воздушного наступления.

В результате операции «Хаски» противник не только лишился воздушной базы для нанесения ударов на Средиземном море, но мы сами могли использовать остров для воздушной бомбардировки материка Италии.

Генерал Маршалл не хотел соглашаться с оппортунистической стратегией англичан на Средиземном море, так как вторжение в Сицилию неизбежно повлекло бы за собой перенесение военных действий в Италию.^[9] С точки зрения географии такие действия явились бы естественным продолжением вторжения в Сицилию, так как остров отделен от Реджо-ди-Калабрия на материке Италии узким Мессинским проливом шириной всего лишь 3 километра.

19 января 1943 г. в Касабланке объединенный комитет начальников штабов принял решение о вторжении летом 1943 г. в Сицилию. Генералу Маршаллу пришлось согласиться. Хотя он считал вторжение через Ла-Манш более важным, однако понимал, что ввиду ограниченности ресурсов следует отложить вторжение во Францию еще на год.

С другой стороны, если бы союзные армии на Средиземном море бездействовали летом 1943 г., мы бы не выполнили одну из своих основных стратегических задач: сковать германские войска, которые в противном случае могли быть брошены на восточный фронт против Советского Союза. После поражения под Сталинградом прошлой зимой германское верховное командование сосредоточивало резервы для мощного летнего наступления. Россию следовало удержать в войне любой ценой, поэтому союзникам было необходимо сковать возможно большее количество вражеских дивизий своим летним наступлением.^[10]

Генерал Маршалл дал согласие на высадку в Сицилии только как на неизбежную кампанию с целью оттянуть германские силы. Однако он продолжал возражать против дальнейшего расширения войны на Средиземном море, на чем настаивали англичане. Он опасался, что вторжение во Францию будет сорвано даже в 1944 г., если мы израсходуем ресурсы союзников в ходе второстепенной кампании на Средиземном море. Вновь и вновь он подчеркивал, что только вторжением через Ла-Манш мы сумеем добиться решающей победы в Европе.

— Является ли Сицилия, — спрашивал он в Касабланке, — только средством для достижения цели или самой целью?

Одобрив вторжение в Сицилию, генерал Маршалл согласился с тремя убедительными аргументами, выдвигавшимися в оправдание этой кампании: 1) удержать Россию в войне, сковав силы противника; 2) улучшить линии снабжения союзников, сократив морской путь на Средний Восток, и 3) сохранить наступательный порыв союзных армий.

Генерал Маршалл никогда не верил, что союзники могут выиграть войну только путем

оказания помощи России, отвлекая на себя часть германских дивизий. Смертельный удар, настаивал он, должен быть нанесен через Ла-Манш.

22 января 1943 г. объединенный комитет начальников штабов наметил дату вторжения в Сицилию. Вторжение предстояло начать в одну из июльских лунных ночей. В это время союзники могли воспользоваться светом луны для выброски воздушного десанта и темнотой после захода ее для высадки морского десанта.

Позднее, стремясь помешать переброске германских подкреплений в Сицилию после разгрома армий Арнима в Тунисе, объединенный комитет начальников штабов настаивал на том, чтобы Эйзенхауэр передвинул дату вторжения в Сицилию на один месяц раньше и начал операцию в июне. Это было почти невозможно, так как Эйзенхауэр в то время не только нуждался в дополнительных десантных средствах, но ему требовался месяц для подготовки портов погрузки.

Лишь 10 апреля, когда фашистские войска уже отступили в Северный Тунис, Эйзенхауэру удалось окончательно убедить объединенный комитет начальников штабов назначить вторжение на июль. После этого Паттон обратился с просьбой привлечь к участию во вторжении 2-й корпус. Если бы дата высадки была назначена на июнь, как предлагал объединенный комитет начальников штабов, тогда с Паттоном в Сицилию отправился бы 6-й корпус. Мне, по-видимому, пришлось бы командовать 2-м корпусом во время высадки в Салерно. А попав в Италию, я бы мог легко пропустить возможность участвовать в операции «Оверлорд».

С началом планирования вторжения в Сицилию Кларк передал свои десантные средства в Марокко для обеспечения операции «Хаски». Десантные средства Кларка находились в готовности после проведения операции «Торч» с целью предотвратить вторжение немцев в Северную Африку через Гибралтарский пролив. Если бы Испания была использована как мост для продвижения фашистских войск в Северную Африку, тогда Кларк должен был нанести удар по Пиренейскому полуострову, высадив морской десант в Испании. Однако к весне 1943 г. Германия была слишком истощена поражениями на русском фронте прошлой зимой, чтобы думать о действиях в Испании.

Для разработки операции по вторжению в Сицилию Айк выделил из штаба союзных войск группу планирования. Эта группа получила название «Часть № 141» по номеру комнаты в отеле «Сент-Джордж», где она собралась в первый раз. 15 мая часть № 141 была включена в состав штаба группы армий Александера. В то же время 18-я группа армий Александера была переформирована в 15-ю группу армий. Новый номер группы получился при сложении номеров 8-й армии Монтгомери и 7-й армии Паттона.

Чтобы сбить противника с толку и ввести в заблуждение относительно сил вторжения, штаб армии Паттона в приморском городе Мостаганеме продолжал именоваться штабом 1-го бронетанкового усиленного корпуса. Только после отправки войск из Орана 1-й бронетанковый корпус стал именоваться 7-й армией. Паттон позднее отпраздновал преобразование корпуса в армию, отдав памятный приказ по войскам, который начинался словами: «Рожденная в море и окрещенная в крови... увенчанная победами... в битвах...» По соображениям сохранения тайны при подготовке вторжения в Сицилию даже армия Монтгомери временно перестала именоваться 8-й армией и стала называться 12-й английской армией.

В течение двух дней, пока Диксон, Вильсон и начальник оперативного отдела штаба 2-го корпуса полковник Роберт А. Хьюитт совещались с лицами, занимавшими соответствующие должности в части № 141, Кин и я изучали совместно с Эйзенхауэром и его штабом план операции «Хаски».

План предусматривал одновременную высадку английской и американской армий.

Монтгомери с пятью дивизиями высаживался на участке от Южной оконечности Сицилии до Сиракуз на восточном побережье, Паттон с четырьмя дивизиями — в заливе Джела на южном побережье, имеющем форму полумесяца (схема 12).

Участок песчаного побережья, где высаживался Паттон, тянулся на 115 километров, из них 80 километров отводились для высадки 2-го корпуса.

— Мы очень сильно растянемся, — сказал я, зная, что в первом эшелоне 2-го корпуса высаживаются только две дивизии. На левом фланге 1-я дивизия Терри Аллена должна была захватить Джелу, на правом фланге 45-я дивизия высаживалась на побережье протяженностью 25 километров. Нашими первыми объектами при высадке являлись аэродромы в районе Комизо, Бискари и Оливо. Все три аэродрома надлежало захватить на третий день после высадки.

После уточнения пунктов высадки перед нами встала задача, как разместить войска, транспорт и грузы в отведенных нам судах. Паттон получил тоннаж на 80 тыс. человек, из них 45 тыс. должны были высадиться на участке 2-го корпуса, 27 тыс. человек под командованием генерал-майора Лусиана Траскотта — слева от Джелы, а 8 тыс. человек оставались на судах в качестве подвижного резерва. Со 2-м корпусом перебрасывалось 4,8 тыс. автомашин. В составе обеих дивизий первого эшелона корпуса высаживалось 125 танков. Однако мы считали, что 1-я дивизия не встретит больших трудностей при погрузке, так как она накопила богатый опыт еще во время высадки в Северной Африке, а 45-я дивизия была отправлена из Соединенных Штатов уже с учетом требований тактической погрузки.

Тактическая погрузка частей (подразделений) отличается от погрузки целыми частями (подразделениями) или погрузки для перевозки в составе конвоя. При тактической погрузке части (подразделения) личный состав, машины и вооружение размещаются на судне в том порядке, в котором они будут разгружаться на вражеском берегу в случае немедленного вступления в бой. Из трех существующих способов погрузки войск это самый неэкономный способ с точки зрения использования грузоподъемности судна. При погрузке целыми частями (подразделениями) на судне перевозится личный состав части (подразделения) и все ее имущество, но грузоподъемность судна используется лучше, так как нет необходимости размещать машины обязательно в том порядке, в каком будет происходить их выгрузка. При погрузке войск для следования в составе конвоев основное внимание обращается на самое экономное использование грузоподъемности судна.

После двухдневных штабных совещаний в Алжире я торопился развернуть свой штаб и приступить к работе. Чтобы не тратить время на поездки, мне хотелось разместить командный пункт корпуса поблизости от штаба Паттона. Паттон перебросил штаб своего 1-го бронетанкового корпуса из Рабата в отдаленном Марокко в прохладный приморский город Мостаганем, в 65 километрах к востоку от порта погрузки в Ороне. Я прилетел из Алжира на аэродром поблизости от Мостаганема. Там меня ждал большой черный «Паккард» Паттона, чтобы доставить в город, где расположился благоустроенный командный пункт Джорджа.

Там я нашел передовую группу штаба нашего корпуса, все еще искавшую место для нового командного пункта. В конце концов эта группа остановила свой выбор на скромном приморском курорте, расположенном среди дюн к востоку от Мостаганема, но штаб 7-й армии запретил занять это место.

— Что же нам делать? — спросил я коменданта штаба.

— Попробуем найти в Релизане, — ответил полковник. — Он находится в 50 километрах дальше к югу на краю пустыни.

Я обратился к Паттону, чтобы он отменил распоряжение своего штаба. Жара уже становилась нестерпимой, а стоял только май. Однако Джордж отказался сделать это.

— Послушай, Брэд, — сказал он, — если вы откроете лавочку на берегу, в одну прекрасную

ночь фрицы высадутся, перережут вам глотки и захватят с собой наши планы.

Хотя это было маловероятно, однако такая возможность не исключалась. Я приказал своим работникам подготовить помещения в Релизане и подвести туда связь.

20 мая остававшаяся часть штаба 2-го корпуса прибыла в Релизан. К тому времени сотни арабов усиленно скребли и чистили город. Французская колония попряталась за ставнями окон, а мы поливали улицы водой, жгли мусор, заливали нефтью соседние пруды со стоячей водой, установили водоочистное оборудование, Две школы, в которых разместились наши канцелярии, были окружены забором из колючей проволоки. Чтобы сделать жизнь более удобной во время нашего пребывания здесь, местный банкир прислал мне для кабинета письменный стол и кресло. Французы предложили нам пользоваться летом своим прекрасным бетонным бассейном.

20 мая штаб союзных сил отметил победу в Северной Африке, организовав в Тунисе парад, на который Эйзенхауэр пригласил Паттона и меня. Мы вылетели из Мостаганема на бомбардировщике «В-25», пролетели над долиной Меджерды и равниной и, наконец, прибыли в Тунис. Во время полета я видел на севере высоту 609, величественную и не изменившуюся. В Тунис война пришла и ушла, но местность оставалась все такой же.

Среди частей Британской империи по улицам прошел один батальон 34-й дивизии, представлявший на параде американскую армию. Хотя для участия в параде достаточно было лишь символического представительства, однако французы демонстративно выставили большое количество колониальных войск. Для безмятежных арабов и наказанных итальянцев, населявших космополитический Тунис, парад французских частей знаменовал конец эры бессилия Франции. Для 120 тыс. ликующих французов из 340 тыс. населения Туниса парад французских частей означал возрождение Сражающейся Франции.

Паттону, однако, не понравился спектакль, так как Эйзенхауэр не пригласил нас на трибуну, где союзные командующие принимали парад.

— Напрасная трата времени, — проворчал Паттон по возвращении в Мостаганем.

Пока в Тунисе союзные войска проходили церемониальным маршем, буйная 1-я пехотная дивизия Аллена отпраздновала победу в Тунисе на свой лад. На всем протяжении дороги от Туниса до Арзеу дивизия оставляла за собой разграбленные винные магазины и приведенных в бешенство мэров. Однако только в Ороне, то есть в том городе, который дивизия освободила во время операции «Торч», она пришла в настоящую ярость.

Беспорядки начались с того, что солдаты служб снабжения, давно находившиеся в Ороне, закрыли доступ в свои клубы и другие заведения войскам, вернувшимся с фронта. Взбешенная этой дискриминацией, 1-я дивизия двинулась целиком в город, чтобы «освободить» его во второй раз.

Так как промежуток времени между тунисской и сицилийской кампаниями был небольшим, мы отвергли предложение, чтобы личному составу 2-го корпуса была выдана летняя форма цвета хаки, которую носили войска обслуживания. Эта форма была не только непрактичной в полевых условиях, но переход на нее излишне обременил бы наши тылы. Больше того, последующая смена хаки на шерстяное обмундирование раскрыла бы противнику наши намерения вторгнуться в Сицилию.

Таким образом, в Ороне по шерстяной форме обмундирования можно было безошибочно узнать солдат с тунисского фронта. До тех пор пока банды солдат 1-й дивизии гонялись по улицам Орона за солдатами войск обслуживания, одетыми в форму хаки, только пропотевшее шерстяное обмундирование гарантировало безопасность пребывания на улицах города.

Когда беспорядки зашли слишком далеко, штаб командующего войсками на средиземноморском театре военных действий отдал мне строгое указание приказать Аллену немедленно вывести свои войска из города. Хотя беспорядки частично объяснялись нашим

неумением подготовить отдых для солдат, вернувшихся с фронта, они также свидетельствовали о плачевном состоянии дисциплины в дивизии. Солдаты Аллена начали кичиться своей недисциплинированностью, не обращая внимания на уставные требования, обязательные для всех частей без исключения.

— Мы все подчиняемся установленным правилам, — как-то заметил я Терри Аллену, — независимо от нарукавных знаков. Боюсь, что Аллен пропустил мимо ушей мое предостережение.

Ни Терри Аллен, ни заместитель командира дивизии бригадный генерал Теодор Рузвельт, несмотря на свои бесспорные качества хороших командиров, не могли обеспечить должную дисциплину в войсках. Оба рассматривали дисциплину как нежелательный рычаг, на который опираются менее способные командиры, лишённые ярких индивидуальных черт. Установившаяся репутация Терри в армии как бунтовщика уже давно опровергла догму, что без дисциплины нет солдата. А раз он сам не подчинялся этому правилу, он не считал нужным применять его к своим солдатам. Если бы у него был заместителем ревностный сторонник дисциплины, Терри, возможно, пришлось бы распрощаться навсегда с его манерой командовать дивизией. Однако Рузвельт слишком походил на Терри Аллена. Смелый, задорный человек небольшого роста, Рузвельт появлялся в войсках с тросточкой в руках. Его личное обаяние способствовало поддержанию порядка в дивизии. Его бодрый, хриплый голос действовал успокаивающе на солдат в каждом тунисском овраге, где его стрелки дрались с немцами.

Как-то ночью мы стояли с Рузвельтом и наблюдали за колонной 1-й дивизии, медленно двигавшейся по дороге с затемненными фарами. Тедди повернулся ко мне в темноте и сказал: — Брэд, держу пари, что я беседовал с каждым солдатом в дивизии. Давайте испытаем, узнают они мой голос или нет. Слушайте!

Он хрипло закричал в темноту, обращаясь к проходящему грузовику: — Эй, кто там едет?

— Рота «С» 18-го пехотного полка, генерал Рузвельт, — ответил дружеский голос.

Чтобы подбодрить своих усталых солдат в горах Туниса, Рузвельт любил напомнить им об удовольствиях, которые ожидали их по возвращении в Оран.

— Как только мы разделаемся с бошами, — говорил он своим грубым голосом, мы вернемся в Оран и изобьем поголовно всех военных полицейских в городе. Это был один из немногих девизов, которые в 1-й дивизии выполнялись точно.

Беспорядки в Оране указывали на необходимость укрепить дисциплину в дивизии, однако они также демонстрировали, насколько легкомысленно мы относились к организации отдыха солдат, вернувшихся с фронта. Если бы мы быстро направили дивизию в лагерь для отдыха на берегу моря, где она могла постепенно восстановить силы, то мы бы, возможно, избежали этого бунта в Оране. Вместо этого мы поместили 1-ю дивизию в мрачном палаточном лагере, где возобновили утомительные полевые учения. 9-я дивизия оказалась еще в худшем положении. Мы доставили ее на грузовиках из Туниса прямо в Мадженту — пыльный, кишасий мухами и выжженный солнцем город в 80 километрах к югу от Сиди-бель-Аббеса, где находился штаб французского иностранного легиона. Там дивизия дышала чуть ли не песком Сахары.

Подразделения «Рейнджер» разрешили проблему расквартирования с характерной для них изобретательностью. Головной отряд подготовил для батальона стоянку в Немуре во Французском Марокко, устроив на берегу моря временный лагерь. В лагерь было завезено дополнительное продовольствие и машина с пивом. Пиво получили у торговца в обмен на сувениры. В течение нескольких дней солдаты батальона праздновали, бесчинствовали и купались в Средиземном море. После такого отдыха батальон вернулся в лагерь, преисполненный желанием приступить к боевой подготовке.

За спиралями из колючей проволоки, под защитой которых работали наши плановики в

классах женской школы, Диксон и Хьюитт развесили на классных досках карты, помеченные грифом «совершенно секретно» и «для лиц, допущенных к плану операции». На галерее в открытом дворе мы соорудили рельефный макет Сицилии. Макет был изготовлен в форте Бельвуар и доставлен под охраной на самолете.

Между тем изумленный городок Релизан вскоре приспособился к нашим войскам. Слово «Спиди»,^[11] условное обозначение 2-го корпуса, красовалось на всех крупных зданиях города. Даже плохонькая провинциальная гостиница, где разместилась столовая корпуса, была переименована в «Спиди Отель».

— Что такое «Спиди»? — часто спрашивали французы. Когда мы объясняли, они были еще больше сбиты с толку.

В Релизане, как и в других городах Северной Африки, где находились американские войска, арабские чистильщики сапог вскоре внесли расстройство в экономическую жизнь города. Щедрые чаевые американских солдат подняли плату за чистку ботинок с 1 до 15 франков. При обменном курсе 50 франков за один доллар предприимчивый чистильщик сапог мог заработать за день больше, чем его родители за месяц тяжелого труда в деревне. Такие доходы скоро привели к образованию черного рынка в торговле сапожным кремом — одна банка стала стоить доллар. Несколько более предприимчивых чистильщиков сапог в конце концов стали монополистами, скупив весь запас сапожного крема коричневого цвета.

Чтобы не связываться с ежедневными хлопотами по планированию, Паттон назначил генерал-майора Джоффри Кейса своим заместителем. Впоследствии Паттон возложил на Кейса значительную долю ответственности за детальное планирование вторжения в Сицилию. Джордж брал на себя разрешение только основных вопросов, поэтому при планировании нам пришлось иметь дело с Кейсом.

В начале июня наш план стал принимать окончательную форму. 2-й корпус становился основным соединением 7-й армии Паттона. Корпус одновременно высаживал три десанта в заливе Джела на 32-километровом участке побережья, покрытого песчаными дюнами (схема 12). Два батальона «Рейнджеры» высаживались непосредственно в порту Джелы, а 1-я дивизия — к востоку от этой деревни. Ей предстояло продвигаться через холмистую местность в глубь острова, захватить к рассвету следующего дня после высадки аэродром в Оливо. В 10 километрах к югу высаживались два полка необстрелянной 45-й дивизии с задачей пробиться к исходу третьих суток после высадки к аэродрому в районе Бискари. На правом фланге корпуса десантировался третий полк 45-й дивизии, который к рассвету третьих суток после высадки должен был выйти к высотам и захватить аэродром в Комизо. Этот полк устанавливал контакт с войсками Монтгомери в районе города Рагузы, расположенного на возвышенной местности.

Захватив эти ключевые аэродромы, 2-й корпус должен был продвинуться на 30 километров в юго-восточную часть Сицилии и выйти на важную дорогу, соединявшую эту часть острова с центром коммуникаций Сицилии — Кальтаниссеттой. Этот город был узловым пунктом, от которого расходились дороги по всему острову. Ввиду гористой местности нам с самого начала стало ясно, что действия в Сицилии сведутся к борьбе за дороги.

Кратчайший путь к Мессине из юго-восточной части острова, где происходила высадка десанта, начинался у побережья, отведенного Монтгомери, и проходил через Сиракузы вдоль восточной прибрежной дороги. В 30 километрах севернее Сиракуз холмистая местность сменялась малярийными болотами. Здесь вблизи портового города Катании находился огромный и уязвимый аэродром противника «Гербини», окруженный двенадцатью более мелкими аэродромами.

За Катанией на пути к Мессине возвышается гора Этна (высотой 3350 метров), дорога в этом месте проходит вдоль узкой полосы между вулканом и морем.

Другая прибрежная дорога на Мессину идет вдоль живописного северного берега Сицилии. Но для выхода на эту дорогу нам было необходимо прежде всего прорваться с боями через весь остров. Это был не менее трудный путь, вдоль которого на вершинах гор были расположены старинные города, господствовавшие над дорогами в долинах.

При высадке 2-й корпус был разделен на десантные группы. В состав первой десантной группы были включены 1-я дивизия и батальоны «Рейнджеры», вторую группу составляла 45-я дивизия. Слева от нас высаживались войска Траскотта, включавшие 3-ю дивизию и одно из боевых командований 2-й бронетанковой дивизии. [\[12\]](#)

К счастью, 2-й корпус был избавлен от забот, связанных с выброской воздушного десанта. Выброска воздушных десантов была возложена на командующих армиями, то есть на Паттона в американском секторе и на Монтгомери в английском. Нам следовало только указать место, где должны сбрасываться парашютисты.

— В наше распоряжение для выброски четырех пехотных батальонов и дивизиона выючных гаубиц выделено 220 двухмоторных транспортных самолетов «С-47». Где бы вы хотели сбросить воздушный десант? — спросил меня Паттон.

— На возвышенностях за Джелой, где он смог бы прикрыть побережье от контратак противника, сосредоточившего резервы в глубине острова, — ответил я.

Воздушный десант выбрасывался в полночь, приблизительно за три часа до высадки морского десанта.

Разведывательный отдел сообщил, что боевая группа дивизии «Герман Геринг» находится около Кальтаджироне, всего в 30 километрах севернее участка высадки Терри. Если бы эта группа контратаковала до того, как будет выгружена на берег артиллерия Аллена, она могла причинить нам большие неприятности. Поэтому я был заинтересован в том, чтобы занять высоты в глубине побережья, где будут высаживаться войска Аллена, и использовать их в качестве оборонительного рубежа против возможной контратаки противника. В тех случаях, когда на побережье имеются высоты, участок высадки будет всегда находиться под угрозой, пока высоты не будут заняты воздушным десантом с целью прикрыть участок высадки от прицельного огня противника.

Кроме 220 самолетов «С-47», выделенных Паттону, авиационное командование обещало предоставить в распоряжение Монтгомери 137 самолетов для переброски на планерах пехотной бригады в Сиракузы, чтобы ускорить захват этого порта.

В классе, где работал «Монк» Диксон, на рабочие карты было нанесено условными красными знаками расположение оборонительных сооружений противника. Каждый такой знак обозначал вражескую дивизию, наличие и место нахождения которой выявлялись в результате изучения и скрупулезной оценки тысяч отрывочных сведений, полученных из разных источников: от агентов, из протоколов допроса военнопленных, из радиопередач, писем, фото, газет и многих других самых обычных источников, за которыми охотится разведка.

Обе германские дивизии, которые, по нашим сведениям, находились в Сицилии, были нацелены как раз на участок вторжения. К счастью, обе дивизии испытывали недостаток в танках; мы предполагали, что немцы имели всего 85 танков.

Побережье Сицилии, общей протяженностью 800 километров, обороняли шесть итальянских территориальных дивизий. Эти дивизии были не укомплектованы и плохо оснащены, солдаты обленились от безделья на побережье.

— Все это эрзац, — заметил Диксон, — ткни палкой в брюхо — и из них посыпятся опилки.

Более боеспособными были четыре итальянские полевые дивизии, находившиеся в резерве в горах. Одна дислоцировалась в юго-восточной части острова, две находились в западной части

острова и еще одна — в центре. Разведывательный отдел Паттона оценивал численность итальянского гарнизона в Сицилии в 200 тыс. человек.

— Когда дела пойдут туго, — предсказывал Диксон, — боши не будут церемониться с итальянцами. Диксон имел в виду, что немцы столкнут итальянского союзника в яму, чтобы спасти свои войска. Случилось именно так, как говорил Диксон.

Больше всего нас страшила угроза со стороны германской авиации. Наша армия, сосредоточившаяся на небольшом участке побережья, могла понести большие потери, если бы авиация противника прорвалась крупными силами.^[13] Флот, стоявший на рейде, также представлял соблазнительную цель для авиации Геринга.

Только после вторжения я понял, что наши страхи были необоснованными. За май и июнь союзная авиация нанесла серьезные потери военно-воздушным силам противника на Средиземном море. Воздушное наступление началось с уничтожения авиацией Спаатса островных опорных пунктов у побережья Сицилии.

На полпути между Тунисом и Сицилией, в узкой горловине Средиземного моря, возвышается лишенная растительности вулканическая скала — остров Пантеллерия. На этом острове находился аэродром с подземными ангарами, вмещавшими 80 истребителей. Гарнизон острова состоял из 10 тыс. плохо оснащенных второсортных войск.

Несмотря на то, что Пантеллерия находится как раз посредине морских коммуникаций в Средиземном море, остров можно было бы обойти во время вторжения в Сицилию, если бы союзники не нуждались в дополнительных воздушных базах, расположенных в пределах радиуса действия истребителей, для прикрытия с воздуха высадки в Сицилии. Только истребители дальнего действия «Р-38» могли действовать над юго-восточным побережьем Сицилии, базируясь на аэродромы в Тунисе. Между тем возможности Мальты были ограничены. Пантеллерия, таким образом, являлась удобной базой для размещения 80 дополнительных истребителей, которые могли оперировать над побережьем Сицилии.

Более того, пока Эйзенхауэр не подавил противника на Пантеллерии и на трех небольших соседних островах к югу, союзники опасались, что их конвои будут замечены при движении к Сицилии. Пока войска оси удерживали эти аванпосты, мы не могли рассчитывать на обеспечение внезапности операции «Хаски».

В то же время удар по Пантеллерии мог раскрыть противнику наши дальнейшие планы. Если бы для захвата этих аванпостов пришлось выделить крупные силы, тогда при напряженном положении с десантными средствами вторжение в Сицилию могло задержаться.

В конце концов Эйзенхауэр решил, что крайняя необходимость в базах для истребительной авиации вынуждает захватить Пантеллерию. Так как скалистые берега острова круто обрываются к морю и на нем мало участков, пригодных для высадки десанта, Эйзенхауэр решил предварительно ослабить противника сильными ударами с воздуха.

Для выполнения этой задачи Спаатс мог использовать приблизительно 1000 самолетов, включая американские бомбардировщики «Б-17» и английские двухмоторные бомбардировщики «Веллингтон». Силы фашистской авиации на Средиземном море оценивались в 1200 самолетов, причем почти половину их составляли немецкие самолеты. Однако эти силы были разбросаны от Сардинии до Греции, поэтому союзники полагали, что только 900 самолетов противника могли действовать над Пантеллерией.

18 мая средние бомбардировщики и истребители-бомбардировщики начали воздушное наступление против Пантеллерии, нанеся удар по подземным ангарам. Тяжелые бомбардировщики включились в наступление в июне. За дни, предшествовавшие высадке морского десанта 11 июня, на остров было сброшено 4844 бомбы.

Утром 11 июня, когда английские десантные суда приблизились к острову, на высоте

«Семафор» был выброшен белый флаг. Единственной жертвой союзников оказался английский солдат, которого укусил осел.

Тем временем вместо 19 рассредоточенных аэродромов в Сицилии, которые так беспокоили работников штаба Эйзенхауэра, занимавшихся планированием минувшей весной, к маю количество их на острове возросло до 32. Однако, когда Спаатс обрушился на сицилийские аэродромы всей мощью авиации, фашисты перебазировали свои самолеты на более безопасные аэродромы в тылу, вплоть до Фоджи, в центральной части Апеннинского полуострова. Чтобы лишить противника возможности перебрасывать подкрепления через порт Мессина, Спаатс подвергал порт ожесточенным бомбардировкам, пока его пропускная способность с 4 тыс. тонн в сутки не снизилась почти до нуля. К дню высадки морского десанта в Сицилии было выведено из строя 8 аэродромов. В западной части острова остались только два действующих аэродрома. Разгромив авиацию противника на земле и заставив его перебазировать свои самолеты на тыловые аэродромы, Спаатс предотвратил удар авиации врага в день высадки, чего мы больше всего опасались.

45-я дивизия еще следовала в конвое из Соединенных Штатов для проведения учебной высадки вблизи Арзеу перед вторжением в Сицилию, а штаб дивизии уже прибыл на самолетах. Личный состав штаба предварительно снял с рукавов нашивки с эмблемой дивизии — изображение фантастического орла. Дивизией командовал генерал-майор Трой Миддлтон, который до войны был начальником административной части в университете штата Луизиана. Во время первой мировой войны Миддлтон прославился как самый молодой командир полка американской армии. Призванный на действительную военную службу, он стал командиром 45-й дивизии, которая была переведена в регулярную армию из состава национальной гвардии. Миддлтон начал свою вторую блестящую службу в армии с кампании в Сицилии. В Европе он стал командиром корпуса и провел его от Нормандии до Эльбы.

Командующим артиллерией дивизии Миддлтона был бригадный генерал Реймонд Макклейн. В прошлом банкир в Оклахоме, теперь он стал солдатом. Подобно своему начальнику, Макклейн закончил войну командиром корпуса.

10 июня я получил телеграмму из Вашингтона с сообщением о производстве в генерал-лейтенанты. Мое постоянное звание по-прежнему было подполковник. Я был, конечно, рад повышению в звании, однако охотно подождал бы нацеплять на погоны третью звездочку, если бы в обмен можно было получить в мое распоряжение дополнительные десантные средства. Ввиду недостатка десантных судов американские войска высаживались тремя последовательными эшелонами, с промежутками между ними в четыре дня. За этот промежуток времени десантные суда успевали совершить рейс между Сицилией и портами погрузки в Северной Африке в оба конца. Это также означало, что мы должны были обходиться в течение четырех суток теми войсками, которые были в первом эшелоне.

Ограниченность в десантных средствах вынудила нас сократить до минимума количество транспорта, которое мы брали с собой в первом эшелоне. Из 4500 единиц материальной части, выгружавшихся в первый день вторжения, 600 единиц были орудия на механической тяге. Так как мы не рассчитывали за первые четыре дня вторжения продвинуться на значительную глубину, я без особых опасений уменьшил количество транспорта, которое брали с собой дивизии первого эшелона.

Когда мы обратились в штаб военно-воздушных сил с просьбой сообщить, сколько им нужно выделить транспортных средств в первом эшелоне, командование авиационной поддержки потребовало места для 660 машин. Хьюитт и Вильсон были поражены.

— Вы должны сократить свою заявку, — сказал я полковнику, представителю авиации. — Вы требуете почти столько же, сколько мы выделяем дивизии первого эшелона.

— Но ведь мы хотим перебросить бульдозеры и тяжелые грузовики, генерал, ответил он. — Они нам потребуются для ремонта аэродромов.

— Я это знаю, однако мы должны сначала захватить эти аэродромы, и нам понадобятся машины, чтобы добраться до них. Если вам потребуется наша помощь до прибытия вашего имущества со вторым эшелоном, сообщите об этом мне, и я выделю в ваше распоряжение часть наших саперов.

Полковник, однако, отказался сократить свою заявку.

— 660 машин, сэр, наша минимальная потребность. Мы не можем уменьшить, возразил он.

— Прекрасно, — ответил я, теряя терпение, — вы будете высаживаться с вашими 660 грузовиками в первом эшелоне. Очистите от противника побережье, а мы прибудем со следующим эшелоном. Либо вы, либо пехота. Для обоих десантных средств недостаточно.

Полковник снесся по радио со своим штабом и вновь подтвердил свои требования.

— Я весьма сожалею, генерал, — сказал он, — однако либо то, что мы просим, либо ничего. Мы не можем снизить нашу заявку.

— Великолепно, если никто из вас не может принять решения, я приму его за вас, — сказал я. — Вы говорите мне: все или ничего. Прекрасно. Возвращайтесь в свой штаб и доложите, что десантных средств для вас нет. Мы высадимся без авиации.

На следующий день Паттон позвонил мне из Мостаганема.

— Брэд, — сказал он, — у меня здесь представители авиации. Они подняли страшный шум и жалуются, что с тобой невозможно договориться.

— Я еще не так с ними поговорю, Джордж, если они не спустятся с заоблачных высот на грешную землю и по-деловому не договорятся с нами.

Я объяснил существо вопроса Паттону.

— Теперь я знаю, против чего вы возражаете, — сказал он. — Поступайте с ними как хотите. Я вас поддержу.

Командование военно-воздушных сил в конце концов обратилось с жалобой в Алжир, однако на меня никто не оказывал давления. Неделью спустя полковник снова появился у меня, на этот раз более сдержанный и сговорчивый.

— Можете вы предоставить нам место для 234 машин? — спросил он.

— Конечно, — ответил я, — и если вам потребуются саперы до прибытия ваших подразделений, сообщите мне. Мы постараемся полностью удовлетворить вас.

Распределение десантных средств между сухопутными войсками было не менее трудным делом. Хьюитт и Вильсон до поздней ночи торговались и ссорились на совещаниях с офицерами специальной части штаба.^[14] Артиллеристы требовали доставить орудия на побережье даже за счет инженерных войск. Саперы в свою очередь настаивали на выделении десантных средств за счет зенитной артиллерии. А зенитчики просили перебросить больше зенитных средств, урезав заявки квартирмейстерской службы.^[15] И так продолжалось неделями. Каждый требовал для себя побольше тоннажа, утверждая, что если его заявка будет сокращена, то вторжение может кончиться провалом.

Разнообразие частей и подразделений, высаживавшихся в Сицилии, еще более осложняло наши проблемы. В боевое расписание войск 2-го корпуса была включена 151 часть (подразделение), начиная от пехотных полков и кончая саперными отделениями по бурению колодцев, батареями аэростатов заграждения, ротами военной полиции по конвоированию пленных, дополнительными медицинско-хирургическими группами, ротами регистрации могил и батальонами береговой партии.

Количество десантных средств для первого эшелона следовало рассчитать таким образом, чтобы при высадке десанта можно было справиться с любыми непредвиденными

обстоятельствами. Второй эшелон должен был усилить войсками и вооружением первый эшелон и пополнить запасы. Третий эшелон предназначался для усиления первых двух эшелонов, а также для доставки дополнительных запасов горючего для танков и боеприпасов для артиллерии.

В то время как квартирмейстерская служба была занята определением потребного количества запасов и их накоплением, 1-я дивизия Терри Аллена по старой привычке обеспечивала себя разбойничьим путем. Аллен научился действовать таким образом в Тунисе, где он при помощи всяких трюков всегда в случае необходимости обеспечивал себя дополнительными запасами. На этот раз Аллен послал адъютанта в штаб Эйзенхауэра в Алжир, чтобы он там обманным путем раздобыл на складах дефицитные предметы снабжения.

Узнав об этом, я направился к Терри Аллену. У него был вид мальчишки, пойманного с банкой варенья в руках. Пиратство въелось в плоть и кровь 1-й дивизии, никакие приказы, по-видимому, не могли изменить ее привычек.

Для тренировки войск совместно с флотом мы провели на побережье Северной Африки практические учения по десантированию обеих наших дивизий. Паттон, группа генералов и я собрались перед рассветом 23 июня в районе Арзеу для проверки учебной высадки 45-й дивизии Миддлтона. Конвой под эскортом эсминцев, обеспечивавших противолодочную защиту, прибыл прямо из Соединенных Штатов и остановился на рейде. Сквозь шум прибоя до нас доносилось поскрипывание блоков шлюпбалок. Это корабли спускали на воду десантные средства. Затем мы слышали приглушенный звук моторов, когда десантные суда собирались вместе, перед тем как направиться к берегу.

Однако, когда первый эшелон достиг берега, мы узнали, что в результате навигационной ошибки два из трех полков высадились в нескольких километрах в стороне от намеченных участков.

— Боже мой, — сказал я Кину, — что будет, если они повторят эту ошибку в Сицилии?

Кин что-то проворчал про себя.

45-я дивизия расположилась на бивак, чтобы в течение недели привести себя в порядок перед новой погрузкой на суда.

1-я дивизия также провела учебную высадку в районе Арзеу. Паттон и я вместе с генералами Маршаллом и Эйзенхауэром наблюдали за высадкой войск.

Как только первый эшелон выбрался на берег, Паттон направился к нему. Там он предстал перед отделением испуганных пехотинцев.

— Черт возьми, куда вы девали ваши штыки? — заорал он на солдат.

Солдаты беспомощно стояли перед ним, а Паттон осыпал их отборной бранью. Эйзенхауэр слышал все это и застыл в смущении.

Генерал-майор Гарольд Булл, сотрудник штаба Эйзенхауэра, кивнул в сторону генерала Маршалла и шепнул мне:

— Джордж теряет шансы на повышение. Его несдержанность погубит его.

Джордж присоединился к нам через несколько минут, уже забыв об инциденте. Такие вспышки гнева были характерны для него.

— Когда обругаешь их, они лучше запоминают это, — говорил он о солдатах.

При высадке дивизии Аллена снова произошла навигационная ошибка. На этот раз высадка была произведена почти в километре от намеченного участка. Моряки оправдывались, ссылаясь на то, что английские прожектора ослепили их. Они заверили нас, что при настоящей высадке прожектора будут уничтожены.

Когда закончилось последнее совещание у Эйзенхауэра в Алжире, я поспешил в Релизан свернуть командный пункт корпуса. На флагманском корабле «Анконе» оперативной группы,

перевозившей 45-ю дивизию, со мной было только несколько наиболее нужных мне офицеров штаба. Остальной состав штаба находился на пяти танкодесантных судах. Местом сбора офицеров (штаба корпуса) мы наметили старый замок в 5 километрах от побережья в районе расположения 45-й дивизии. На наше несчастье, когда первые подразделения штаба прибыли туда, в замке все еще находились немцы.

Для маскировки неожиданной переброски штаба корпуса из Релизана разведывательный отдел предложил мне, чтобы я в присутствии обслуживающего персонала здания, где мы расположились, сказал о наших планах передислоцировать штаб поближе к побережью, чтобы избежать летних сирокко, которые вскоре будут дуть из Сахары. В течение 24 часов об этом узнал весь город.

В связи с сосредоточением десантных судов в портах Северной Африки и проводившимися учениями наших войск стало невозможно дальше скрывать от вражеских шпионов подготовку высадки на Средиземном море. Мы могли надеяться сохранить в тайне только следующие четыре важнейших элемента нашего плана вторжения: 1) объект, 2) дату, 3) численность и состав войск и 4) тактические методы, которые мы намеревались использовать.

Чтобы сбить с толку как вражеских агентов, так и болтливых офицеров в своем собственном штабе, мы составили ложный план вторжения в Сардинию. Такая операция казалась вполне вероятной. В Касабланке до окончательного утверждения операции «Хаски» серьезно рассматривалась возможность вторжения в Сардинию и Корсику. Если бы на более позднем этапе было принято решение вторгнуться в Италию, тогда, как считали в Касабланке, Сардиния и Корсика явились бы удобными пунктами для организации баз истребительной авиации. Оба острова находились под охраной незначительного контингента итальянских войск, и захват их, по-видимому, не представил бы серьезных затруднений для союзников. Однако, пока Сицилия оставалась в руках противника, фашистская авиация продолжала бы нападать на наши суда в узкой части Средиземного моря на пути к Среднему Востоку. Следовательно, захват Сицилии не только уменьшал опасность для морских перевозок союзников, но и предполагалось, что удары на этом направлении приблизят капитуляцию Италии. По этим причинам и было решено организовать вторжение в Сицилию.

Когда штаб корпуса покинул Релизан и разместился на танко-десантных судах в Бизерте, я отправился в Оран, где провел шесть беспокойных дней в пустом доме, расположенном на отвесном берегу. Мы сумели получить от квартирмейстерских батальонов, разгружавших конвои, прибывшие из Соединенных Штатов, несколько ящиков кокса, одного из немногих предметов, которых мне не хватало после отъезда из США. Планирование было закончено, решение принято, операция «Хаски» уже претворялась в жизнь. Ничего не оставалось делать, как только беспокоиться и ждать.

В солнечный день 4 июля мы покинули нашу виллу на вершине скалы и в последний раз посмотрели вниз на оживленные набережные Орана. Суда теснились у молов и пристаней, шла погрузка 45-й дивизии. Военные корабли спокойно покачивались на рейде.

Мы выехали налегке с вещевыми мешками, в которые были втиснуты пропитанные специальным составом промасленные шерстяные накидки на случай химического нападения. Карты с грифом «совершенно секретно» перевозились в опечатанных алюминиевых контейнерах. Я запасся сменой белья, несколькими ящиками рационов и двумя 20-литровыми канистрами с водой. Все это было уложено в разведывательную машину, погруженную на палубу «Анкана». После высадки мы обнаружили, что кто-то из экипажа корабля стащил консервы. С какой целью это было сделано, я никак не мог понять. Я бы с удовольствием отдал все рационы за один флотский обед.

«Анкон» стоял на якоре в Мерс-эль-Кебуре, французской военно-морской базе в 8

километрах к западу от Орана. Мерс-эль-Кебир, располагавший лучшей якорной стоянкой на побережье Алжира, издавна пользовался дурной славой как логовище пиратов. На причале у мола находились два английских линейных крейсера «Нельсон» и «Родней». За ними стоял авианосец «Индомитебл» водоизмещением 23 тыс. тонн. Из 15 линкоров английского флота шесть находились в Средиземном море для участия во вторжении в Сицилию. Высадка десанта в основном обеспечивалась британским флотом, американский флот смог выделить для участия в операции только 6 крейсеров и 8 эсминцев. Три года назад британский флот подверг артиллерийскому обстрелу гавань Мерс-эль-Кебира в отчаянной попытке не допустить, чтобы находившиеся там французские военные корабли попали в руки немцев.

После капитуляции в июне 1940 г. англичане тщетно обращались с просьбой к французским властям в Северной Африке продолжать сопротивление. Местная колониальная администрация заявила о своей верности Петэну. В связи с разгромом немцами французских сухопутных войск во Франции Дарлан перебросил свой флот в безопасные порты Северной Африки. Англичане в создавшихся условиях не могли допустить передачи флота немцам, и поэтому 3 июля 1940 г. британский флот появился перед гаванью Мерс-эль-Кебира. Направив жерла орудий на корабли, англичане потребовали от командующего французским флотом адмирала Жансула либо присоединиться к ним для борьбы против стран оси, либо отвести флот в порты, где его можно было бы разоружить. Жансул ответил отказом. Тогда британский флот открыл огонь. В этот день в Мерс-эль-Кебуре было убито более тысячи французских моряков.

Три года зверств во время немецкой оккупации Франции помогли улечься негодованием французам по поводу обстрела их флота англичанами. Однако в Мерс-эль-Кебуре, находившемся на другой стороне Средиземного моря и вдали от оккупированной немцами Франции, английский флаг по-прежнему приводил французам в ярость.

Мы нашли «Анкон» пришвартованным к молу у борта «Индомитебл». Раньше «Анкон» был роскошным лайнером, курсирующим на панамериканской линии, теперь он стал флагманским кораблем. На верхушках мачт поворачивались антенны радиолокаторов, блестевшие на солнце, как огромные рефлекторы.

Командир соединения кораблей, перевозивших первый эшелон дивизии Миддлтона, контр-адмирал Аллан Кирк приветствовал меня у входа на трап. Я поднялся на борт, и меня провели в комфортабельную каюту посередине судна.

Через несколько минут ко мне пришел Кирк.

— Теперь, генерал, — сказал он, — вы можете заказать все, что вам угодно. Пока вы на борту корабля, вы наш гость.

— Все что угодно? — спросил я улыбаясь.

— Все, — ответил он.

Я заказал целое блюдо мороженого.

9. Вторжение в Сицилию

Когда 5 июля вечером серые скалы Орана остались за кормой «Анкона», в репродукторе раздался голос лейтенанта Джона Масона Брауна.

Театральный критик, писатель и лектор в Манхэттене, Браун был призван во флот и стал офицером штаба адмирала Кирка. В его обязанности входило знакомить экипаж корабля с ежедневными сводками. Как и всякий хороший командир, Кирк знал, что солдаты выполняют задачу с большим воодушевлением, если они ее понимают.

— Мы направляемся в Сицилию, — сказал Браун. — Наша задача — высадить дивизию в юго-восточной части острова, вблизи небольшого рыбацкого городка Скоглитти.

Так экипажу «Анкона» в первый раз сообщили, куда направляется их корабль в составе огромного союзного конвоя.

За кормой «Анкона» корабли шли веерообразным строем в направлении заходящего солнца. В безоблачном небе над каждым транспортом на тросе был привязан аэростат заграждения. Патрули истребителей «Р-38» прикрывали конвой от наблюдения со стороны вражеских разведывательных самолетов.

Конвой Кирка в составе 96 судов являлся одной из трех американских групп, перевозивших десантные войска, которые вместе составляли огромную армаду для осуществления операции «Хаски» под общим командованием вице-адмирала Хьюитта. Хьюитт в качестве командующего западным оперативным соединением военно-морских сил находился на одном корабле с Паттоном. Вместе с Паттоном на борту флагманского корабля Хьюитта «Монровия» расположился штаб 7-й армии. Общее командование сухопутными и морскими силами, пока они находились в море, осуществлялось Хьюиттом. Паттон вступал в командование своей армией только после ее высадки на берег.

Контр-адмирал Джон Холл (младший) командир оперативной группы, предназначенной для высадки 1-й пехотной дивизии, закодированной под названием «Даим», находился на борту корабля «Самюэль Чейз». Вместе с ним на корабле был Терри Аллен, 1-я дивизия которого высаживалась у Джелы. Дивизия Аллена была усилена двумя батальонами «Рейнджерс», находившимися на борту британских десантных судов и высаживавшимися непосредственно в гавани Джелы. Малая численность этих батальонов (500 человек) более чем компенсировалась их боевым духом.

Адмирал Кирк, являясь командиром оперативной группы, сформированной для высадки 45-й дивизии, закодированной под названием «Сент», находился на одном корабле с Троем Миддлтоном, 45-я дивизия которого высаживалась на участках к востоку и западу от Скоглитти (схема 12). В отличие от двух других американских оперативных групп эта группа прибыла из США, находясь в готовности высаживаться с боем. Сразу же после осуществления операций «Сент» и «Дайм» высадившиеся войска переходили в мое подчинение.

Третью оперативную группу, предназначенную для высадки 3-й пехотной дивизии в районе Ликаты (кодовое название высадки «Джосс»), возглавлял контр-адмирал Ричард Конноли. Он находился на одном корабле с генералом Траскоттом. 3-я пехотная дивизия Траскотта, усиленная танками 2-й бронетанковой дивизии прикрывала высадившиеся на плацдарме войска 2-го корпуса от контратак противника с запада.

Войска, предназначенные для высадки на участках «Дайм» и «Сент», были погружены на океанские суда в Алжире (1-я дивизия) и в Ороне (45-я дивизия). Войска, высаживавшиеся на участке «Джосс», грузились в Бизерте и других тунисских портах непосредственно на десантные суда и сразу же направлялись через тунисский пролив к участкам высадки.

Союзники собрали в общей сложности более 3200 судов. К тому времени это было самым большим сосредоточением морских сил в период второй мировой войны. Почти 2000 судов должны были принять участие при высадке войск первого эшелона в южной части Сицилии.

Для прикрытия высадки от маловероятного удара надводных кораблей итальянского флота англичане сформировали из частей крупных кораблей своего средиземноморского флота две ударные группы. Первая группа, под названием «группа Н», сосредоточивалась в Ионическом море, в районе южнее каблука итальянского сапога. Эта группа не только прикрывала высадку десанта Монтгомери, осуществлявшуюся восточной оперативной группой военно-морских сил союзников, но за день до высадки должна была провести демонстративный маневр в направлении Греции, чтобы ввести противника в заблуждение относительно истинных намерений союзников.

В западной части Средиземного моря район высадки американских войск прикрывала от возможного нападения итальянского флота боевая «группа Z» эскадра английских линейных кораблей. Вначале на эту группу возлагалась задача не допустить подхода военно-морских сил противника к Сицилии со стороны Тирренского моря, а затем демонстрацией против западной части Сицилии попытаться отвлечь туда резервы противника с тем, чтобы ослабить его сопротивление на участке вторжения.

На второй день пребывания в море я стоял на мостике и наблюдал за экраном радиолокатора. На экране стали мелькать импульсы.

— По-видимому, конвой из Англии, — объяснил мне дежурный офицер, сверившись с картой.

1-я канадская дивизия отплыла из Англии в постоянной готовности к высадке с боем. Она покрыла расстояние в 5800 километров, чтобы присоединиться к английским войскам, высаживавшимся на участке 8-й армии Монтгомери.

Монтгомери при сосредоточении своих огромных сил испытал еще большие трудности, чем Паттон. Американские войска грузились только в трех портах Оране, Алжире и Бизерте. Порты же погрузки Монтгомери были разбросаны вдоль всего пути: Бенгази, Александрия, Порт-Саид, Хайфа и Бейрут. Готовясь к вторжению, войска Монтгомери проводили учебные высадки даже на побережье Красного моря.

Планом морских перевозок союзников предусматривалось, что конвои адмиралов Кирка и Холла, направлявшиеся на восток, а также канадская дивизия из Англии будут следовать вдоль побережья Северной Африки, затем пройдут Тунисский пролив, как будто направляясь обычным маршрутом на Мальту.

После поворота на юг за мысом Бон, чтобы создать у противника впечатление, что мы направляемся в Грецию или даже к Криту, наши корабли с наступлением темноты поворачивали на север и, минуя Мальту, подходили к побережью Сицилии.

К полудню 8 июля мы увидели развалины Бизерты, когда находились в самой узкой части Средиземного моря между Северной Африкой и Сицилией. Мы ожидали нападения германских истребителей с аэродромов в Сицилии, однако за весь день не было никаких признаков, что мы замечены. Я пришел к выводу, что противник, возможно, использует свою авиацию для нанесения массированного удара, когда мы подойдем к побережью.

Еще в море адмирал Кирк получил по радио сообщение о результатах последней разведки подводными лодками участка высадки 45-й дивизии. В сообщении указывалось, что десантные суда могут сесть на песчаные отмели, скрывавшиеся под водой.

— Однако раньше разведка доносила, — сказал я, — что мы можем рассчитывать на глубину по крайней мере в один метр в районе этих отмелей. Этой глубины вполне достаточно для беспрепятственного прохода пехотно-десантных судов. Если же мы посадим суда на мель,

тогда, чтобы добраться до берега, нам не только придется пробираться в воде на расстояние сотни метров, но и преодолевать отдельные места, глубина воды в которых достигает полутора метров. Нам чертовски трудно придется при высадке.

Кирк внимательно изучил свои карты.

— Многого здесь не предложить, — заметил он, — но одну-то вещь мы можем сделать. Мы соберем все надувные десантные лодки и обеспечим ими первый эшелон. Если десантные суда застрянут на отмелях, солдаты догребут до берега на лодках.

Лодки, конечно, могли оказать помощь, но они не разрешали проблемы. Суда, застрявшие на отмелях, замедлили бы сосредоточение сил на побережье в первые критические часы высадки. В этот вечер я отправился спать, испытывая глубокое беспокойство.

Когда я проснулся утром 9 июля, «Анкон», водоизмещение которого составляло 10 тыс. тонн, сильно качался на волнах. Я поднялся на палубу и застал Кирка шагающим взад и вперед по мостику. На нем был надет черный непромокаемый плащ. К вечеру ветер достиг скорости 55 километров в час. Небольшие пехотно-десантные суда с тонкими бортами, шедшие бок о бок с «Анконом», трещали по всем швам, зарываясь носом в белые гребни огромных волн. Аэростаты заграждения бешено металась над судами из стороны в сторону, а когда тросы лопались, они один за другим исчезали из виду.

Огромная опасность высадки в такую бурную погоду вызывала у меня растущее беспокойство, однако я представлял себе, что осуществление вторжения зашло так далеко, что его нельзя было отменить даже под угрозой срыва. Хозяином положения стал План, и ничто уже не могло задержать его осуществление.

Когда закончился этот зловещий день и наступила ночь, конвои повернули на север, миновали Мальту и, подгоняемые ветром, направились к побережью Сицилии. Я стоял на мостике и под вой ветра в рангоуте со страхом ожидал с минуты на минуту радиogramмы об отмене выброски воздушного десанта. Предельная скорость ветра для безопасной выброски парашютистов не должна превышать 32 километра. С наступлением темноты скорость ветра достигла 65 километров в час. Отмена выброски воздушного десанта, конечно, не обязательно обрекала на провал нашу операцию, однако в таком случае мы лишались одного из основных средств для отражения контратак противника. Меньше всего мы ожидали, что на Средиземном море разыграется шторм.

Незадолго до полуночи, как бы услышав наши молитвы, ветер внезапно стих и море успокоилось.

Хотя штормовая погода страшно перепугала нас, она помогла обеспечить внезапность высадки. Фашистские разведывательные самолеты не осмелились вылететь в такую погоду, а вражеские дивизии на побережье ослабили бдительность, полагая, что мы не рискнем выйти в море. Шторм даже устранил опасность посадки десантных судов на отмелях; большие волны поднимали наши суда над отмелями, и надувные десантные лодки Кирка так и не понадобились.

Причуды погоды, однако, дорого обошлись воздушно-десантным войскам. Четыре батальона 82-й воздушно-десантной дивизии общей численностью 2700 парашютистов должны были приземлиться в районе Джелы и занять высоты в глубине побережья, где высаживалась дивизия Терри Аллена. Вместо этого десантники оказались разбросанными на участке протяженностью 100 километров, то есть почти по всей длине участка вторжения армии. Больше недели после выброски потерявшие ориентировку парашютисты пробирались к своим войскам. Потери, однако, были главным образом только среди парашютистов; из 226 самолетов, участвовавших в выброске десанта, лишь шесть машин не вернулись на свои базы.

Ветер сбил самолеты «С-47» с курса задолго до последнего их разворота над Мальтой перед выходом в зону выброски десанта, однако такую большую рассредоточенность десанта нельзя

отнести только за счет плохой погоды на Средиземном море. Часть вины следует возложить на командование транспортной авиации, поручившее выполнение такой сложной задачи недостаточно подготовленным экипажам самолетов «С-47». Им было приказано лететь ночью по сложному маршруту над водой, причем неопытные штурманы имели очень мало ориентиров для прокладки курса. Операция была настолько сложной, что даже сейчас генерал-лейтенант Метью Риджуэй, командовавший во время войны 82-й дивизией, утверждает, что в минувшую войну мы так и не научились выбрасывать воздушные десанты в соответствии с планом. Он считает, что это до некоторой степени объяснялось недостаточной совместной подготовкой экипажей транспортных самолетов и воздушно-десантных войск. Проблема совместной подготовки постоянно была слабым местом с момента организации первой воздушно-десантной дивизии. Эта проблема так и не была разрешена до конца войны.

Рассредоточение воздушного десанта на большой площади сыграло до известной степени положительную роль. Когда американские парашютисты оказались разбросанными на всем участке вторжения, противник растерялся, значительно преувеличив наши силы. Отдельные отряды парашютистов рыскали по деревням, уничтожали мосты и нарушали коммуникации противника. Позднее Паттон заявил, что, несмотря на неудачу, воздушный десант позволил нам перейти в наступление с захваченного плацдарма на двое суток раньше, чем мы планировали.

Высадка воздушного десанта на участке вторжения армии Монтгомери оказалась еще более неудачной. Англичане погрузили 1600 солдат 1-й воздушно-десантной дивизии на 133 планера. Только 12 планеров приземлились в районе намеченной цели — у моста через канал южнее Сиракуз. 47 планеров упало в море, а остальные сделали посадку в разных районах острова. К мосту прорвались 8 офицеров и 65 солдат, из которых к тому времени, когда к ним на помощь во второй половине дня после высадки подоспел авангард морского десанта Монтгомери, осталось только 4 офицера и 15 солдат. Этот взвод выдержал все атаки вражеского пехотного батальона, усиленного артиллерией и минометами.

Качка «Анкона» вызвала у меня небольшой приступ морской болезни, но я заставил себя поспать несколько часов и в полночь вернулся на мостик. К этому времени Кирк с замечательным искусством собрал свой многочисленный конвой в залив Джела, имевший полукруглую форму. Противник не обнаружил нас. Я старался не мешать Кирку, так как ничем не мог помочь. В течение первых нескольких часов вторжения, что бы ни случилось, я не имел возможности управлять войсками на берегу. До высадки на берег командиров дивизий и установления с ними связи нам ничего не оставалось делать, как только валяться на своих койках на борту «Анкона», вручив судьбу богу и Плану.

Над берегом, в глубине которого в результате нашей воздушной бомбардировки полыхали пожары, темноту внезапно прорезал луч прожектора. Луч скользнул по воде и исчез так же неожиданно, как и появился. Тысячи пальцев на всех кораблях ослабили нажим на спусковые крючки. Противник еще не заметил нас и, не имея радиолокационного оборудования, не мог обнаружить в темноте конвой. Еще раз луч прожектора нервно скользнул по заливу Джела. На мгновение «Анкон» казался полностью освещенным. Затем по непонятной причине свет померк и исчез.

Начало высадки было назначено на 2 часа 45 мин. утра сразу же после захода луны, когда прилив был максимальным. Наконец этот момент наступил, и корабли, как будто не в силах больше сдерживать дыхание, открыли огонь. Зарницы полыхнули в небе, и два огненных языка лениво поднялись над конвоем. При спуске их движение ускорилося, и они одновременно ослепительно вспыхнули. Через несколько секунд сильный грохот разрывов донесся до кораблей.

С рассветом на «Анкон» начали поступать отрывочные сообщения о начале высадки. 1-я

дивизия высадилась точно в соответствии с планом. Однако большие волны на открытом участке побережья затруднили высадку 45-й дивизии. Везде войска встретили весьма слабое сопротивление, за исключением Джелы, где батальоны «Рейнджеры», отважно высадившиеся прямо на набережной, натолкнулись на небольшую группу итальянских танков. Когда рассвело и стало видно все побережье и пурпурные высоты в глубине, мы установили наблюдение за воздухом, ожидая появления авиации противника. Однако вместо германских самолетов над нами с пронзительным свистом пронеслось несколько толстокрылых «Спитфайров». Германская авиация отважилась появиться над побережьем значительно позднее. Однако и тогда немецкие истребители действовали попарно, быстро наносили удар и стремительно исчезали. Всего несколько дней назад германская авиация упустила благоприятную возможность нанести удар по нашим конвоям с войсками вторжения, когда они, как утки, растянулись по Тунисскому проливу. Теперь у побережья на рейде стояли тысячи судов, высаживавших десант, но противник по-прежнему воздерживался от решительного удара с воздуха. Либо немцы хотели нанести удар неожиданно, либо их положение было значительно хуже, чем мы предполагали. Только в ходе операции мы узнали, насколько эффективны были действия союзной авиации перед вторжением.

Высадку 1-й и 45-й дивизий поддерживала корабельная артиллерия, корректировка огня которой осуществлялась по радио. Группы управления огнем с переносными радиопередатчиками высадились не только вместе с первым эшелоном пехоты, но и были сброшены на парашютах совместно с воздушно-десантными подразделениями 82-й дивизии. Только на следующий день после высадки мы узнали, какую важную роль сыграла корабельная артиллерия в успехе операции. Если бы не было поддержки огнем с кораблей, противник мог сбросить 1-ю дивизию в море.

Организуя оборону побережья Сицилии, противник не мог сосредоточить на всем его протяжении достаточные силы. Ибо, как бы ни были мощны береговые укрепления, нападающий с моря может сосредоточить свои силы против любого выбранного им участка побережья для высадки десанта. Зная об этом, противник прикрыл побережье небольшими силами из состава третьесортных итальянских дивизий береговой обороны. Мы не рассчитывали на серьезное сопротивление и действительно не встретили никаких затруднений при высадке десанта. Реальная угроза ожидала нас в глубине острова, где противник сосредоточил в качестве резерва свои подвижные полевые дивизии. Перед фронтом 2-го корпуса находилась дивизия «Герман Геринг», готовая перейти в решительную контратаку.

Я считал нужным организовать руководство боем корпуса до перехода противника в контратаку. Утром на следующий день после высадки десанта я покинул флагманский корабль Кирка и на пехотно-десантном судне направился к побережью. Пересев с этого судна на проходивший мимо автомобиль-амфибию, мы взяли курс на Скоглитти. Штаб 2-го корпуса развернул свой первый командный пункт в тесном и сыром штабе карабинеров, оставленном противником. Замок, облюбованный нами под штаб по карте до выезда из Релизана, все еще находился в руках немцев. 2,5-тонный автомобиль-амфибия ^[16] с радиоустановкой, который мы хотели использовать в качестве подвижного узла связи, еще не прибыл в Скоглитти. Когда мы подъезжали к берегу с «Анкона», лейтенант-связист заметил брошенный у побережья при высадке джип с радиоустановкой. С помощью бульдозера мы вытащили джип из воды, прицепили его к грузовику и отбуксировали в Скоглитти, где лейтенант принялся за ремонт радиостанции.

Западнее, в секторе 1-й дивизии, я слышал орудийную канонаду, слишком сильную и непрерывную, чтобы ее можно было объяснить развивавшимся по плану наступлением.

— Сколько времени вам потребуется на ремонт, чтобы наладить связь с 1-й дивизией? —

спросил я лейтенанта связи.

— Час или около этого, сэр, а может быть, и больше. Мне нужно поискать в Скоглитти паяльник.

— Билл, — сказал я Кину, — я проеду к Терри Аллену. Уж очень там шумно. Может быть, он попал в беду.

— Но, возможно, вам не удастся пробраться по побережью, не лучше ли ехать на катере?

— Спасибо, — сказал я, — подхватчу где-нибудь на берегу автомобиль-амфибию.

Утром после высадки на берегу обычно наблюдается неприглядная картина. Наша высадка не была исключением. Более 200 десантных судов застряло на отмелях, не дойдя до берега. Бульдозеры, взрывая мягкий песок, оттаскивали волокуши с грузом подальше от воды за поросшие травой дюны, где грузы складывались в кучь. Более 700 автомобилей-амфибий сновали между кораблями и берегом, перевозя грузы. Везде на протяжении 25-километровой линии побережья до Джелы на песке валялись спасательные пояса, брошенные солдатами после высадки. В глубине побережья расчеты зенитных орудий закапывались в землю, ожидая вражеской бомбардировки ночью.

Около Джелы 1-я дивизия вела бой не на жизнь, а на смерть с танками противника, почти прорвавшимися к берегу.

За три месяца до этого (23 апреля) Паттон убедил Эйзенхауэра послать в Сицилию вместо 36-й побывавшую в боях 1-ю дивизию. Возможно, этим он спас 2-й корпус от крупного поражения. Как мы и ожидали, наиболее боеспособная танковая дивизия «Герман Геринг» перешла в контратаку вдоль дороги на Джелу, пытаясь сбросить дивизию Аллена в море. Я сомневаюсь, чтобы какая-нибудь другая американская дивизия смогла остановить танки и не дать им прорваться к побережью. Только своенравная 1-я дивизия со своим не менее своенравным командиром была достаточно тверда и опытна, чтобы отбить танковую атаку. Менее опытная дивизия могла легко впасть в панику и серьезно повлиять на успех высадки.

Усталый как собака Терри Аллен ждал меня на своем временном командном пункте недалеко от берега. Его глаза были красны от бессонницы, а волосы растрепаны. Дивизия все еще отбивалась от сильной контратаки противника.

— Как у вас, все в порядке, Терри? — спросил я.

— Думаю, что да, — ответил он, — но они чертовски жмут на нас.

Он коротко рассказал мне, как началась контратака противника.

11 июля в 6 час. 40 мин. утра Рузвельт сообщил по телефону из 26-го полка, что немецкие танки прорвались на этом участке и движутся к берегу: «Нам будет чертовски трудно задержать их, — сказал он, — если мы не получим противотанковые средства».

Артиллерия и противотанковые пушки Аллена все еще выгружались на берег с десантных судов. Даже противотанковые батареи пехотных полков еще не были приведены в боевую готовность. Тем временем немецкие танки уже смяли пехоту 1-й дивизии, имевшую только стрелковое оружие. Поступили сведения, что 20 танков «Т-4» двигаются по дороге на Джелу, где побережье было завалено грузами. Еще 40 танков прорвали фронт Аллена и устремились к Джеле. Если бы эти танковые колонны соединились и вышли к морю, пехота Аллена была бы отрезана и весь плацдарм оказался бы под угрозой.

Аллен отчаянно нуждался в артиллерии, чтобы остановить танки противника. Он приказал установить все орудия дивизии и вести огонь по вражеским танкам прямой наводкой. Грузовики помчались к берегу, где подхватывали на буксир орудия сразу, как только они выгружались с десантных судов. В то же время группы управления огнем вызвали огонь корабельной артиллерии. Хотя немецкие танки прошли через боевые порядки пехоты Аллена, она не отошла назад. Сидевшие в окопах солдаты пропустили танки и подготовились отбить гренадеров,

двигавшихся за танками. К счастью, использование всей артиллерии помогло войскам сдерживать натиск танков, и они были остановлены на ровной местности у Джелы. Из 60 танков, участвовавших в контратаке, более половины было уничтожено.

Позднее в этот же день противник возобновил контратаку, правда, меньшим числом танков. Однако, когда корабельная артиллерия залп за залпом начала выводить из строя танки, немецкие командиры пришли к благоразумному выводу, что их 26-тонные танки «Т-4» не могут соревноваться с артиллерией крейсеров. Противник повернул назад и укрылся за высоты, где корабельная артиллерия не могла его достать. Однако Аллен был на волосок от гибели: танки подошли на расстояние 2000 метров от берега, прежде чем повернули назад. На других участках союзные войска только в отдельных местах встретили сопротивление со стороны деморализованных итальянских частей береговой обороны и понесли весьма незначительные потери. Дивизии береговой обороны противника рассыпались в горах, и вскоре в наши лагеря начали поступать пленные, предпочитавшие искать убежище в американской армии, чем воевать вместе со своими германскими союзниками. После высадки нам оставалось только закрепиться на плацдармах и развивать дальнейший успех.

В этот же день, когда мы возвращались на автомобиле-амфибии в Скоглитти, нас окликнул солдат в непомерно большой каске.

— Берегитесь, генерал, — сказал он, — в городе спрятался немецкий снайпер.

— Спасибо, сынок, — ответил я.

С карабином под мышкой я вышел на городскую площадь. Там было собрано несколько сотен итальянских пленных. Они стояли лицом к стене под охраной военной полиции. Вокруг площади дюжина солдат находилась в подъездах домов, внимательно наблюдая за окнами в ожидании, когда снайпер обнаружит себя выстрелом.

Я подошел к капитану, руководившему обыском пленных, и передал свой карабин Хансену. Он случайно спустил предохранитель и нажал на спусковой крючок. Над моей головой раздался выстрел. Кто-то крикнул: — Снайпер! — и солдаты бросились на землю.

Хансен пораился вызванному им смятению.

— Друг, — сказал я, — будьте, пожалуйста, осторожнее с этой проклятой штукой.

Прибыл автомобиль-амфибия с рацией; Кин ожидал меня на командном пункте корпуса с телеграммой из штаба армии. [153]

— Риджуэй подбросит сегодня ночью еще один полк по воздуху, — сказал он, протягивая мне написанную карандашом радиограмму:

«Поставьте в известность все части, особенно зенитную артиллерию, что парашютисты 82-й дивизии будут сброшены в ночь с 11 на 12 июля около 23 час. 30 мин. на аэродром Фарелло».

— Это тот самый аэродром западнее Джелы?

Кин кивнул головой.

— Все знают?

Кин еще раз кивнул головой: — Мы дали указания зенитчикам поставить в известность все свои подразделения на побережье.

В начале июня Эйзенхауэр одобрил план накопления сил Паттона на побережье путем переброски двух оставшихся полков 82-й дивизии в Сицилию по воздуху. Предполагали выбросить их за линией фронта. В распоряжении Джорджа оказались бы все три полка 82-й дивизии, которые использовались бы в качестве пехоты в первые несколько дней после десантирования. Однако после создания надежного плацдарма и устранения опасности контратаки войска Риджуэя предполагалось направить в резерв. Подготовка парашютистов обходится слишком дорого, чтобы использовать их в качестве обычной пехоты, если, конечно, крайние обстоятельства не вынудят к этому.

Риджуэй был обеспокоен перспективой переброски своих войск по воздуху ночью над зенитной артиллерией флота и обратился с просьбой гарантировать безопасность полета самолетов через район якорной стоянки флота. Английский советник при Эйзенхауэре по вопросам воздушно-десантных операций ответил, что флот не может ничего обещать. Конечно, можно было предотвратить открытие огня корабельной зенитной артиллерией, однако гарантировать безопасность от огня зенитных средств на торговых и других судах было значительно труднее. Будут приняты все меры предосторожности, сказал он, однако нельзя дать воздушно-десантным войскам полной гарантии.

Уклончивый ответ обеспокоил Риджуэя, и 22 июня он вновь повторил просьбу о гарантиях безопасности, на этот раз в присутствии Айка. Командование флота, однако, продолжало настаивать, что оно не может дать никаких гарантий.

Риджуэй не хотел рисковать ночной выброской десанта без достаточной гарантии их безопасности и поспешил в штаб Паттона с ультимативным требованием.

Если он не получит гарантий, что самолеты с воздушно-десантными войсками не подвергнутся обстрелу своей артиллерии, то он вообще возражает против выброски второго эшелона своей дивизии. Паттону не хотелось лишаться поддержки парашютистов, поэтому его штаб связался с флотом и добился соответствующих заверений. Зенитная артиллерия не будет открывать огня в заранее согласованной полосе, в которой проследуют самолеты с десанниками.

Получив эти заверения, Риджуэй согласился с планом выброски второго эшелона своей дивизии.

Первоначально предполагалось, что парашютисты будут брошены с наступлением темноты 10 июля, то есть в день высадки морского десанта. Но так как выброска воздушного десанта накануне была неудачной, выброска второго эшелона была отложена на сутки.

Вечером 11 июля на тунисских аэродромах 2000 парашютистов 82-й дивизии заняли места в 144 самолетах «С-47». Они должны были выбраться в районе аэродрома Фарелло на участке 1-й дивизии. У парашютистов не было особых оснований для беспокойства, кроме обычных опасностей полета в строю ночью и риска сбиться с курса. Что касается летчиков, то для них оснований для беспокойства было более чем достаточно: самолеты следовали по тому же зигзагообразному курсу, который причинил им столько хлопот две ночи тому назад. Более того, район выброски десанта примыкал к 60-километровому участку побережья, плотно насыщенному зенитными пушками. Но зенитной артиллерии на кораблях и на суше был отдан приказ огня не открывать. Самолеты «С-47» должны были идти над побережьем на небольшой высоте — 200 метров.

В этот вечер, вскоре после наступления темноты, германская авиация снова совершила налет. Из мрачного помещения штаба карабинеров мы видели в небе вспышки разрывов зенитных снарядов. Едва противник сбросил бомбы и затихли зенитные орудия, как послышался звук моторов первого эшелона транспортных самолетов, следовавших на небольшой высоте над заливом и поворачивавших к району выброски десанта.

Стояла безоблачная средиземноморская ночь, не чувствовалось ни малейшего дуновения ветерка. Лунный свет мерцал в волнах, а корабли неподвижно стояли в заливе после суматохи, вызванной налетом германской авиации. Первые транспортные самолеты миновали побережье точно в установленное время, и шум их моторов затих в направлении Джелы.

Внезапно в напряженной тишине прозвучал одинокий выстрел зенитного орудия. Пока я беспомощно смотрел из Скоглитти, небо над нами вспыхнуло от разрывов зенитных снарядов. Вскоре осколки забарабанили по черепичной крыше нашего здания.

Как стая вспугнутых перепелок, строй самолетов рассыпался в разные стороны. Пилоты

старались спасти свои машины. В затемненных кабинах вспыхнул свет, и десантники начали выбрасываться из машин. Некоторые приземлились в районе расположения наших дивизий. Их принимали за немцев и открывали по ним огонь, пока они еще раскачивались на стропях парашютов.

Из 144 самолетов, участвовавших в выброске воздушного десанта, не вернулось 23 машины. Половина уцелевших самолетов, получивших повреждения в результате зенитного огня, едва дотянула до Туниса. Утром перед нашим взором открылась печальная картина: из воды торчали останки сбитых самолетов. Парашютисты потеряли свыше 20 процентов своего состава.

Хотя я считал основным виновником трагедии флот ввиду отсутствия дисциплины огня, но не забывал, что зенитные орудия на берегу также включились в стрельбу. Кто открыл огонь первым и устроил побоище — корабельные или сухопутные зенитчики, — так и не удалось установить. Однако моряки были уже хорошо известны той легкостью, с какой они нажимали на спусковой крючок. Это выявилось в первый же день высадки, когда корабли неоднократно подвергали обстрелу союзные самолеты. Флот даже умудрился обстрелять своего собственного корректировщика огня.

Позднее зенитчики утверждали, что немецкие самолеты повернули назад и пристроились в хвост наших транспортных самолетов для повторной неожиданной атаки наших кораблей. Хотя этому сообщению многие поверили, оно никогда не было ни подтверждено, ни опровергнуто.

Нервозность флота была позднее «объяснена» офицером из штаба адмирала Каннингхэма.

— Имейте в виду, господа, — заявил он, обращаясь к офицерам штаба воздушно-десантных войск, — что до сих пор каждый самолет, который появлялся над нашими кораблями в Средиземном море, был вражеским. И хотя флот сейчас переживает переходный период, все еще чрезвычайно трудно убедить легких на нажим спускового крючка молодчиков, что вполне реальна такая вещь, как появление в воздухе над нашими кораблями своих самолетов.

В результате этой трагедии в Сицилии командование военно-воздушных сил с горечью констатировало, что единственный способ избежать обстрела корабельной зенитной артиллерией своих самолетов заключается в том, чтобы держаться от кораблей как можно дальше. В дальнейшем при организации воздушно-десантных операций мы старательно обходили наш флот.

Сицилийская кампания состояла из нескольких отдельных этапов, первым из которых являлась высадка союзников на побережье острова и последним завершающим этапом — захват порта противника — Мессины, через который эвакуировались его войска на Апеннинский полуостров. Перед вторжением в Сицилию планировалась только высадка десанта на побережье. Дальнейшее руководство операциями должно было осуществляться группой армий Александера.

После закрепления на плацдарме 2-й корпус должен был двинуться в глубь острова и занять три стратегических аэродрома противника, находившиеся в полосе наступления корпуса (схема 12). Затем корпус продолжал наступать до выхода на шоссе Виццини — Кальтаджироне, идущее параллельно берегу залива на удалении приблизительно 40 километров. Эта дорога была «желтой линией» (рубежом), до которой должны были продвинуться наши войска.

Оседлав эту дорогу, 2-й корпус создавал прочные позиции для развития наступления на север. Дорога Виццини — Кальтаджироне представляла собой одну из важных магистралей, которая тянулась от побережья Сицилии в центральную часть острова, к укрепленному узлу дорог у Энны. Эта дорога являлась также основным путем подхода к узлу дорог из юго-восточной части острова, где мы высадились. Впоследствии я узнал, что этот факт не ускользнул от внимания генерала Монтгомери с его обостренным чутьем тактического маневра.

Во второй половине дня 11 июля 45-я дивизия заняла первый из трех намеченных аэродромов в районе Комизо. На аэродроме было захвачено 25 самолетов противника, причем

вокруг аэродрома валялись остатки более ста самолетов. Я быстро направил дивизион зенитной артиллерии в Комизо для прикрытия аэродрома от атак вражеской авиации, пока велись работы по переоборудованию его в американскую воздушную базу.

Первым после захвата аэродрома на поле приземлился двухмоторный средний германский бомбардировщик «Ю-88». Когда самолет выпустил шасси и стал заходить на посадку, наши зенитчики открыли огонь и промахнулись. Подрулив к стоянке, пилот выскочил из кабины, грозя кулаком орудию расчету. Только тогда он узнал, что аэродром занят. Затем появились два «Мессершмита», наши зенитчики не стали открывать огонь и захватили в плен еще двух летчиков. Наконец над полем пролетел на бреющем полете с разведывательной целью «Спитфайр». На этот раз сбитые с толку зенитчики обстреляли свой самолет.

На следующее утро на аэродром должна была перебазироваться эскадрилья «Спитфайров». Опасаясь, что «Спитфайры» могли подвергнуться обстрелу, я послал Хансена в Комизо к командиру зенитного дивизиона.

— Скажи ему, — сказал я Хансену совершенно серьезно, — что если хоть одно орудие откроет огонь при подходе «Спитфайров», он может убираться через горы в Мессину.

* * *

14 июля мы подошли на расстояние действительного артиллерийского огня к дороге Виццини — Кальтаджироне, открывавшей нам путь к Энне. В этот день Паттон вызвал меня в штаб 7-й армии в город Джела. Дорога была забита потоком встречных машин с побережья, мимо нас прошла колонна медицинских сестер. Их лица были грязны и потны. Я застал Паттона в облаке табачного дыма.

Он стоял вместе с начальником оперативного отдела, склонившись над картой.

— Мы получили директиву из штаба группы армий, Брэд. Монти будет наступать по дороге Виццини — Кальтаджироне с целью обойти Катанию и гору Этна с запада через Энну. Поэтому вам придется отвести 45-ю дивизию к западу от дороги.

Я свистнул:

— Это создаст нам чертовские затруднения. Я рассчитывал на эту дорогу. Если лишаете нас права ею пользоваться, наше наступление сильно замедлится.

Первоначально спорная дорога находилась в нашей полосе. Поэтому я хотел ее использовать для наступления к узлу дорог в районе Энны. Однако Монти, по-видимому, пришел к такому же выводу.

— Хорошо, можно ли по крайней мере использовать дорогу для переброски дивизии Миддлтона на левый фланг Терри Аллена? — спросил я Паттона. — Легче перебросить на левый фланг дивизию Миддлтона, чем отодвигать к западу обе дивизии. В этом случае Терри, возможно, сумеет продолжать наступление, не снижая темпа. Мне бы не хотелось, чтобы противник успел закрепиться.

— К сожалению, Брэд, — ответил Паттон, — вы должны освободить дорогу немедленно. Монти ждать не хочет.

— Но для нас создается тяжелое положение. Дивизия Миддлтона находится всего в тысяче метров от дороги. Если я не смогу использовать дорогу для переброски этой дивизии на левый фланг Аллена, тогда мне придется оттянуть 45-ю дивизию до самого побережья и вывести ее на новый участок через тылы войск Терри (схема 14).

Это вызвало бы не только перенапряжение транспорта, необходимого для снабжения войск боеприпасами и горючим. Это означало также, что мы должны будем на несколько дней

прекратить наступление на фронте 2-го корпуса. Противник отступал в беспорядке, мне не хотелось давать ему передышки.

Прочитав директиву Александера, я с мрачным видом вернул ее Паттону. Монтгомери должен был продвигаться на Мессину по двум расходящимся дорогам. Первая дорога шла вдоль восточного побережья острова через болота, Катанию и узкий проход между горой Этна и морем. Вторая дорога проходила через узел дорог в районе Энны, огибала Этну севернее и выходила к Мессине. Эта дорога давала возможность Монти обойти болота и избежать возможных заторов на прибрежной дороге. Однако для захвата узла дорог в районе Энны он нуждался в спорной дороге, идущей через Виццини.

Из директивы Александера вытекало, что наступать на Мессину будут англичане, а действия американских войск Паттона ограничивались западной частью острова. Немцы, опасаясь попасть здесь в ловушку, уже начали отступление к востоку. Противник, по-видимому, собирался сосредоточить свои войска в узкой горловине у Мессины, где местность давала ему возможность задержать численно превосходившие силы союзников. Имея за своей спиной порт, через который можно было эвакуироваться в любое время, немцы могли заставить союзников дорого заплатить за каждый шаг.

Всего к Мессине шли четыре дороги, из них только две подходили непосредственно к этому порту (схема 12). Одна проходила через Катанию на восточном побережье Сицилии, а другая — вдоль северного побережья. Другие две дороги являлись внутренними и шли от узла дорог около Энны. Эти дороги были отдалены друг от друга на 15 километров, причем южная дорога огибала гору Этна с запада, а северная шла параллельно первой через Никозию и Тройну. Последняя дорога находилась всего лишь в 25 километрах от приморской дороги, идущей вдоль северного побережья. Обе внутренние дороги соединялись вместе в Рандаццо на северо-западном склоне Этны. Отсюда одна дорога ответвлялась к шоссе, идущему из Катании, а другая шла на север. Хотя дорожная сеть была невелика, однако ее было достаточно для двух союзных армий, наступавших на Мессину. Если бы Монтгомери ограничил свой обходный маневр использованием южной внутренней дороги, он мог окружить как Катанию, так и гору Этну. Это дало бы возможность 7-й армии наступать на Мессину по двум направлениям: по внутренней дороге через Никозию и по северной приморской дороге. Я надеялся, что Александер примет именно такой план.

Когда у меня отняли дорогу, идущую через Виццини, ничего не оставалось делать, как посадить на грузовики личный состав 45-й дивизии, возвратиться на побережье и оттуда перебросить дивизию Миддлтона на левый фланг 1-й дивизии Аллена. Я был уверен, что Александер не знал, в какое затруднительное положение поставила его директива наш корпус. Из-за того, что в наше распоряжение не была предоставлена дорога через Виццини хотя бы на одни сутки, нам пришлось с большим трудом перебросить свои войска с одного участка фронта на другой.

Несколько недель спустя, уже после окончания кампании в Сицилии, Паттон навестил Монти на его командном пункте. Во время разговора Джордж пожаловался ему на несправедливую директиву группы армий Александера, лишившую нас дороги Виццини — Кальтаджироне. Монти посмотрел на него с улыбкой.

— Джордж, — сказал он, — позвольте мне дать вам совет. Если вы получаете приказ от группы армий, который вам не нравится, не выполняйте его. Я именно так и поступаю.

Монтгомери, конечно, шутил. Он сам был хорошим, хотя иногда и упрямым солдатом. Он выполнял полученные приказы, хотя порой казалось, что он обходил их, в то же время тщательно скрывая это. Совет Монтгомери Паттону, по существу, отражал обычную точку зрения британского командования, которую иногда трудно понять американскому солдату. В

отличие от армии Соединенных Штатов, где требуется безусловное выполнение приказа, англичане рассматривают приказ как базу для дискуссии. Если возникнут разногласия, они принимаются во внимание, и в результате приказ может быть изменен. В американской армии, наоборот, мы стараемся предварительно выяснить все соображения, прежде чем отдавать приказ. После отдачи приказа его никто не может изменить, кроме командира, отдавшего его.

Если бы я знал об этой особенности англичан, я бы наверняка обратился к Паттону с просьбой опротестовать решение группы армий в отношении дороги.

Пока мы занимались переброской 45-й дивизии, Паттон создал временный корпус под командованием генерала Кейса для очистки от противника западной части острова. В состав этого наспех сформированного соединения Паттон включил 3-ю пехотную и 2-ю бронетанковую дивизии, два воздушно-десантных полка Риджуэя и два батальона «Рейнджерс».

Батальоны «Рейнджерс» впервые появились во время операции «Торч» и вскоре заслужили выдающуюся репутацию на тунисском фронте. В эти батальоны вербовались добровольцы, которых не пугали дополнительные трудности, возлагаемые на них нарукавной нашивкой у плеча с надписью «Rangers». Батальоны «Рейнджерс» стали такими же кадровыми частями американской армии, как и любые другие части.

1-й батальон «Рейнджерс» был организован летом 1942 г. майором Уильямом Дэрби. До этого его командир 31-летний майор служил в форте Смит в штате Арканзас. Находясь на должности адъютанта командира 34-й пехотной дивизии в Ирландии, Дэрби пришел к выводу, что нужно создать легкие диверсионно-разведывательные батальоны, способные выполнять задачи, которые не под силу обычному пехотному батальону. Первая группа добровольцев была создана по образцу английских «Коммандос». Дэрби так беспощадно обучал своих людей в незащищенном от ветра учебном лагере в Шотландии, что вскоре они стали умолять, чтобы их отправили на фронт и избавили от изнурительных учебных тренировок.

При отборе добровольцев в батальоны «Рейнджерс» прежде всего обращалось внимание на их общее развитие и наклонности, а также на ловкость и выносливость. В результате такого отбора солдаты «Рейнджерс» к концу войны приобрели такие боевые качества, что, на мой взгляд, не было ни одной задачи, которую они не сумели бы выполнить.

Во время штурма Джелы итальянские танки контратаковали батальоны «Рейнджерс» на улицах города. Дэрби, теперь подполковник, возглавлявший руководство обоими батальонами «Рейнджерс», помчался на своем джипе на побережье. Там он забрал и погрузил в джип 37-миллиметровую противотанковую пушку и поспешил обратно в город. С этой импровизированной «самоходной установкой» он вступил в бой с итальянскими танками. Вскоре было подбито несколько танков, а остальные в панике отступили. За этот подвиг Дэрби наградили крестом «За отличную службу», а подобных подвигов, достойных быть отмеченными наградой, он совершил много.

Когда командование 45-й дивизии обратилось ко мне с просьбой назначить нового командира полка взамен смещенного, я попросил Паттона назначить Дэрби. Этим самым он получал возможность повышения в звании и завидную должность командира полка.

Джордж не стал принимать самостоятельного решения о переводе Дэрби в 45-ю дивизию, наоборот, он предоставил Дэрби возможность самому решить этот вопрос.

— Следовательно, генерал, я могу выбирать? — спросил плешивый Дэрби, улыбаясь. — Однако я не привык выбирать в армии.

— Принимайте полк, и утром я произведу вас в полковники — сказал Паттон, но я не хочу принуждать вас. В армии имеется тысяча полковников, каждый из них с радостью воспользовался бы этой возможностью.

Дэрби сначала взглянул на меня, а затем на Паттона. — Спасибо, генерал, ответил он, — но

я предпочитаю остаться с моими ребятами.

16 июля, через два дня после получения приказа об освобождении дороги через Виццини для войск Монтгомери, Паттон получил из группы армий новую директиву. Директива подтвердила мои прежние подозрения: на Мессину должны были наступать только войска Монтгомери. Это означало, что остров делился на две части: английскую и американскую. Паттон направлял свои усилия против западной части, где сопротивление было незначительным, а на долю 8-й армии Монтгомери выпала задача отбросить немцев за Мессинский пролив.

Паттону надлежало создать надежную базу в центральной части острова, где находились Кальтаниссетта и Энна. Отсюда 2-й корпус должен был продвигаться двумя колоннами: первая колонна двигалась на север, в направлении прибрежной дороги, а вторая — на северо-запад, к Палермо. Временно созданный корпус Кейса наступал со своего плацдарма в Ликате в северном и западном направлениях.

Если с точки зрения занимаемой территории миссия Паттона выглядела более внушительной, то перед Монтгомери стояла весьма трудная задача, так как в результате развала итальянских дивизий и отступления немцев из западной части острова в ее восточной части оказались сосредоточенными все войска противника.

Для Паттона, преисполненного наступательного духа и готового преследовать противника вплоть до Мессины, ограничение деятельности только западной половиной острова было жесточайшим разочарованием. Конечно, захват Палермо был важен для обеспечения снабжения 7-й армии, однако, за исключением этого единственного порта, других объектов в западной части острова не было. Понятно, что в захвате необороняемых высот, пленении послушных крестьян и павших духом итальянских солдат не было ничего героического.

На следующий день командование 15-й группы армий приказало Паттону продолжать наступление на север и перерезать прибрежную дорогу от Палермо к Мессине.

— А затем, — добавил офицер из штаба Паттона, — мы можем спокойно сесть на чемоданы и ждать, когда Монти закончит проклятую волну.

Однако это оказалось не так просто. 8-я армия вела тяжелые бои на равнине у Катании.

К полуночи 16 июля 45-я дивизия освободила дорогу Виццини — Кальтаджироне и, совершив марш круглым путем, заняла позиции левее дивизии Аллена. На рассвете следующего дня Миддлтон сразу же перешел в наступление.

В течение шести суток 45-я дивизия без отдыха наступала в центральной части острова. Это был один из самых упорных и длительных боев за все время войны на Средиземном море. Миддлтон имел в своем распоряжении только одну дорогу, ведущую на север. Вводя в бой свои полки поочередно, он смог продолжать безостановочное наступление днем и ночью.

Даже противник, постоянно находившийся под сильным нажимом, не мог скрыть своего восхищения изнурявшим его темпом наступления войск Миддлтона. Диксон доставил мне письмо, найденное у убитого немца. Оно было адресовано его брату на русском фронте.

«Эти удивительные американцы, — говорилось в письме, — ведут бой и днем и ночью, не прекращая огня».

Однажды, когда я ехал с командного пункта корпуса в Пьетраперции (я прозвал это город Петер Пайпер) в 45-ю дивизию, я взял в машину стоявшего на дороге солдата, направлявшегося на фронт. Он был из 82-й воздушно-десантной дивизии.

— Куда вы направляетесь? — спросил я.

— В мою часть, сэр.

— Но 82-я дивизия находится на другом конце острова.

— Да, сэр, — ответил он, — но я приземлился в расположении 45-й дивизии и решил

остаться в ней.

Я невольно улыбнулся.

— Откуда вы сейчас едете?

— Из госпиталя, сэр. Я сбежал самовольно, не желая подвергаться длинной процедуре медицинского освидетельствования. Иначе я никогда не вернулся бы в свою часть.

— Ранены?

— Так, царапина. В госпитале подлечили.

— Знаете ли вы, что 82-я дивизия, вероятно, сообщила о вас как о пропавшем без вести, когда вы не явились после прыжка в район сбора. Может быть, ваши родные теперь беспокоятся о вас?

Он пожал плечами.

— Сообщите мне вашу фамилию, — сказал я, — и я дам указание, чтобы вас исключили из списка пропавших без вести.

Я передал сведения о нем в отдел личного состава корпуса.

За неделю после вторжения 7-я армия Паттона взяла в плен 22 тыс. человек, из них четверть составляли уроженцы Сицилии, мобилизованные в итальянскую армию. Охранять и размещать эту огромную массу голодных людей с каждым днем становилось все труднее. Предполагалось эвакуировать их морем в лагеря в Северной Африке, а оттуда в Соединенные Штаты. Такая перспектива вовсе не повергала военнопленных в уныние.

На склонах холмов Сицилии к этому времени уже созревали посевы, но для уборки не хватало рабочих рук. Из деревень давно забрали, всех, за исключением стариков, старух и детей. Мы направляли военнопленных сицилийцев в лагеря и тем самым лишали их семьи рабочей силы для уборки урожая. Не собрав урожай, население Сицилии, возможно, оказалось бы на иждивении Соединенных Штатов. Это наложило бы дополнительное бремя на торговый флот союзников. Доводить дело до этого было бессмысленно.

На третью ночь после высадки Диксон доложил, что вблизи командного пункта корпуса был задержан итальянский солдат в гражданской одежде.

— Надеюсь, не шпион?

— Нет, сэр. На него он не похож. Просто бедный крестьянин и перепуган до смерти. Он сказал нам, что был в отпуске в деревне, когда пришли американцы, и хочет остаться дома.

— Мы не имеем права винить его за это, — сказал я.

— Конечно, нет, вероятно, тысячи солдат были бы рады поменяться с ним местами. Им наплевать на войну. Они хотели бы поскорее вернуться домой и приняться за работу.

— Тогда зачем мы их держим в лагерях?

— Убейте меня, генерал, если я знаю зачем.

— Монк, представьте себе, что произойдет, если мы распустим слух, что каждый сицилийский солдат, если он дезертирует, может вернуться домой. Тогда нам незачем будет брать их в плен.

— Я немедленно займусь этим, сэр. Мы можем распустить слух через местных жителей. Посмотрим, как он быстро распространится по виноградникам.

Я сообщил об этом 7-й армии, но когда вышестоящий штаб узнал, он отказался одобрить наш план. Но к этому времени было уже поздно положить конец растущей волне дезертиров, поверивших слухам. Когда 18 июля мы ворвались в Кальтаниссетту, Монк Диксон отправился к местному епископу с просьбой оказать нам помощь. Вскоре все узнали о нашем предложении, и тысячи измученных сицилийцев вышли из своих убежищ. Наши дружественные действия привели к тому, что сицилийцы стали нас радушно приглашать в свои дома.

Наконец вышестоящие инстанции согласились с нашими предложениями об освобождении

военнопленных, и 28 июля нам было официально разрешено освободить на честное слов взятых в плен уроженцев Сицилии. Из 122 тыс. взятых в плен американской армией 33 тыс. были сицилийцами, отпущенными на честное слово в свои города и деревни. В каждом городе, куда мы вступали, со стен соскребали фашистские лозунги, на плакатах замазывали лицо Муссолини. Разъяренные толпы громили помещения фашистской партии, изгоняли функционеров из города и сжигали архивы.

* * *

В голове колонны войск Монтгомери, наступавших в центре горловины у Мессины, находилась 1-я канадская дивизия 30-го английского корпуса генерала Оливера Лиса. Сухощавые, загорелые канадцы в трусах цвета хаки и в плоских стальных касках должны были захватить город-крепость Энну.

К югу от Энны войска Лис наткнулись на немцев, засевших в горах и оборонявших укрепленный город. Атака на город была отбита, тогда Лис попытался обойти Энну справа по проселочной дороге. Поскольку основные дороги из Энны шли в мой ничем не прикрытый тыл, где находились полевые склады, я не мог остаться равнодушным к тому, что своим маневром Лис обнажил мой правый фланг. Я не хотел подвергать себя риску позволить противнику совершить рейд в мой тыл и поэтому написал Лису:

«Я только что узнал, что вы решили обойти Энну справа, оставив мой фланг открытым. Поэтому мы переходим в наступление на Энну, хотя город находится в вашей полосе. Я считаю, что мы имеем право использовать для этой цели любую дорогу в вашей полосе».

Лис ответил так быстро и с такими извинениями, что я пожалел о резком тоне моего письма. Лис полагал, что его штаб информировал меня о намерениях англичан. Он разрешил мне использовать любую дорогу, которая могла потребоваться для наступления. Больше того, чтобы убедить нас, что никто не собирался обижать американцев, Лис вместе с письмом прислал нам две бутылки шотландского виски. Когда через несколько дней Лис навестил нас в роскошном дворце в Кальтаниссетте, мы отплатили ему, подав чай в фарфоровых чашках с изображением герба Савойской династии.

Рано утром два полка 1-й дивизии пошли на штурм Энны с юга и запада. Немцы, опасаясь оказаться в окружении в этой горной крепости, отошли к северу. К 9 часам утра наши войска вступили в древний город, окруженный стенами.

«Неплохо, — комментировал Диксон — совсем неплохо. Сарацины осаждали Энну 20 лет. Нашим ребятам потребовалось всего пять часов, чтобы захватить город».

Вечером Би-би-си сообщила, что английские войска, осуществляя замечательное наступление на север, взяли Энну.

10. Прибрежная дорога к Мессине

Мы продвигались с боями через центральную часть острова к северному побережью. Между тем 8-я армия Монтгомери была остановлена противником перед Катанией на дороге к Мессине. Там, в знойных малярийных болотах, тянувшихся от гор до побережья, путь войскам Монтгомери преградили танки дивизии «Герман Геринг», старавшиеся не допустить англичан к аэродромам в районе Гербини. Монтгомери не мог преодолеть сопротивление противника на прибрежной дороге, поэтому он перебросил часть своих сил на участок Оливера Лиса для проведения обходного маневра через центральную часть острова.

17 июля Паттон отправился к Александру с предложением о совместном использовании американской 7-й и английской 8-й армий против Мессины. Мы все после передачи дороги Виццини — Кальтад-жироне в распоряжение Монтгомери разделяли мнение Паттона, которое коротко сводилось к следующему: на направлении против Мессины пространства достаточно для действий обеих союзных армий. Четыре дороги к Мессине можно было легко распределить между двумя параллельными направлениями, выделив в распоряжение каждой армии по две дороги. Для прорыва оборонительной полосы противника на этом узком участке требовалась ударная мощь обеих армий. Одному Монтгомери такая задача была явно не под силу.

Визит Паттона в штаб группы армий оказался как нельзя кстати. Утром 18 июля, несмотря на выброску воздушного десанта и высадку войск с моря, провалилось последнее генеральное наступление Монтгомери с целью прорвать фронт противника у Катании. Монтгомери не хотел больше терять время и силы на фронте, который стабилизировался и перебросил войска на участок Лиса для наступления в центральной части острова.

К этому времени Александр начал понимать, что Монтгомери взял на себя непосильную задачу, пытаясь наступать на Мессину. Телеграмма от 20 июля подтвердила изменение точки зрения Александра. 7-я армия должна была повернуть на восток и наступать совместно с 8-й армией Монтгомери на Мессину. Обе армии теперь наступали на мессинский перешеек, имеющий важное стратегическое значение, с двух направлений — Монтгомери с юга, Паттон с запада — с задачей отбросить врага за пролив.

2-й корпус находился на правом фланге армии Паттона, поэтому нам пришлось изменить направление нашего движения. Выйдя на северную прибрежную дорогу и тем самым изолировав восточную часть острова от западной, корпус повернул на восток, наступая по двум параллельным дорогам: по северной приморской и по дороге Никозия — Тройна.

Наступление началось с разведки. Сперва, согласно директиве Александра, мы должны были разведать оба маршрута, выслав вперед сильные разведывательные отряды. Затем, «если обстановка позволит», нам следовало поддержать их крупными силами.

Тем временем 45-я дивизия быстро продвигалась на северо-запад, преодолевая ослабевающее сопротивление противника. Днем 22 июля ее дозоры показались на окраинах Палермо. Однако к этому времени 45-я дивизия вышла за пределы своей разграничительной линии. Пока дивизия Миддлтона продвигалась к Палермо, штаб 7-й армии изменил нашу разграничительную линию, и город оказался в полосе корпуса Кейса.

Хотя 45-ю дивизию лишили возможности захватить этот почетный приз, она приветствовала взятие Палермо, так как наши линии снабжения от южного побережья были слишком растянуты. Однако материальное обеспечение не улучшилось так быстро, как мы рассчитывали. В последующие недели сильное сопротивление противника на дороге в Мессину значительно увеличило расход боеприпасов, и своевременный подвоз их на некоторое время оказался под угрозой срыва.

Вначале ответственность за снабжение войск была возложена на оперативные соединения, высаживавшие морские десанты. Однако через неделю ответственность за материальное обеспечение войск взяла на себя 7-я армия. Не имея специальных частей снабжения, армия была вынуждена возложить задачи по материально-техническому обеспечению войск на инженерную бригаду обслуживания участка высадки. Такое решение вопроса оказалось неудачным, так как инженерные части, предназначенные для выгрузки вооружения и запасов на берег, совершенно не знали, как распределить и доставить грузы на фронт. Во всяком случае, они не были подготовлены к тому, чтобы наладить работу складов, обеспечивавших 7-ю армию всеми видами военного снабжения.

Несколько раз я обращался к Паттону с просьбой об улучшении снабжения войск. Однако он относился к моим просьбам так, как будто я поднимал шум из-за пустяков, и не обращал внимания на мои жалобы. Хотя Паттон осуществлял тактическое руководство армией железной рукой, однако он оставался почти безразличным к вопросам ее материального обеспечения. Во время войны, как понимал ее Паттон в то время, для решения вопросов тыла у общевойскового командира оставалось мало времени.

Когда я иногда был вынужден обращаться непосредственно к Паттону по вопросам снабжения, он нетерпеливо отмахивался рукой:

— Пусть ваши люди свяжутся с моим начальником отдела тыла. А сейчас рассмотрим план наступления...

Однако, чтобы быть справедливым к Паттону и штабу его 7-й армии, мы не должны забывать, что эта армия была первой американской армией, принявшей участие в боевых действиях во второй мировой войне. Из ее неудач и недостатков командования мы извлекли большой опыт, который помог нам во время боевых действий в Нормандии.

23 июля Миддлтон сообщил по радио в штаб корпуса в Кальтаниссетту, что 45-я дивизия, разрезав остров на две части и перехватив северную прибрежную дорогу, вышла на побережье Средиземного моря. После этого штаб группы армий более жестко потребовал от нас выполнения первоначальной директивы о наступлении американцев на Мессину. Нам было приказано «продвигаться на восток по прибрежной дороге и дороге Никозия — Тройна — Чезаро, используя при этом максимальные силы, которые можно обеспечить материальными средствами». В соответствии с этой директивой 2-й корпус перегруппировал свои войска и, развернувшись фронтом на 90° в восточном направлении, к 1 августа был готов к наступлению на Мессину крупными силами.

Ожидая наступления союзников на Мессину, немцы сосредоточили на узком участке фронта три дивизии. Вездесущая дивизия «Герман Геринг» занимала восточный участок фронта у Катании, 15-я танковая дивизия находилась в центре, а 15-я гренадерская моторизованная дивизия оседлала прибрежную дорогу на севере. Для прикрытия остальных участков этого оборонительного рубежа, названного Диксоном «позицией у Этны», немцы перебросили по воздуху из Италии части 1-й парашютной дивизии.

После переброски английских войск на левый фланг Оливера Лиса, Монтгомери ограничился удержанием фронта на дороге к Катании. Некоторые американцы считают, что Монтгомери слишком быстро пал духом у Катании и тем самым затянул кампанию в Сицилии. Конечно, если бы он сумел прорваться по восточной прибрежной дороге и блокировать порт Мессину, враг мог оказаться на острове в ловушке и был бы принужден к капитуляции. Однако Монтгомери был привязан к узкой дороге, с одной стороны которой возвышался вулкан, а с другой находилось море, и поэтому наступление его войск могло быть легко остановлено немцами в любом месте к северу от Катании, как это в конце концов и случилось.

45-я дивизия наступала на Мессину по северной прибрежной дороге, а 1-ю дивизию я

направил на восток по дороге Никозия — Тройна. Эти дороги шли параллельно на удалении 30 километров одна от другой, но их разделяли горы, густо поросшие кустарником, через которые было мало троп.

К концу июля, по мере усиления сопротивления противника, наше наступление замедлилось. Пехота Терри Аллена прошла через Никозию, но была остановлена противником, занявшим оборону перед городом Тройна, расположенным на вершине высоты. 45-я дивизия на северной прибрежной дороге также была остановлена противником, занявшим удобные позиции у приморской деревни Санто-Стефано. Период быстрого наступления пришел к концу, и мы остановились перед мощным оборонительным рубежом противника у Этны.

2-й корпус перенес свой командный пункт в редкую оливковую рощу на склоне холма к северо-востоку от Никозии. Однажды вечером ко мне в прицеп зашел Хансен.

— Я разговаривал с Эрни Пайлом, — сказал он, — ему хотелось побыть с вами на фронте пару дней и написать о вас в газету колонку или две.

В те дни я еще осторожно относился к представителям печати. 32 года службы в армии в мирных условиях научили меня заниматься своим делом, держать язык за зубами и не попадать в газеты.

— Нельзя ли избежать этого, не обидев Пайла? — спросил я. — Я значительно лучше себя чувствую без газетной рекламы.

— Однако, генерал, нужно посмотреть и с другой стороны, — искренно сказал Хансен. — Сколько солдат у нас в корпусе?

— Около 80 тыс.

— Ведь на эти 80 тыс. человек приходится больше четверти миллиона отцов, матерей, жен и других родственников в Соединенных Штатах. Все они беспокоятся о своих сыновьях и мужьях, находящихся на фронте. Многие из них, возможно, задают себе вопрос: что за парень этот Омар Бэдли? Хорошо ли он заботится о наших питомцах? Они являются американским народом, генерал, и имеют право получить ответ. Поверьте мне, Пайл принадлежит к числу тех, кто может дать правильный ответ.

Я поднял руки и рассмеялся:

— Когда вы ставите вопрос таким образом, я не могу отказать вам. Когда он хочет начать?

В течение трех дней мы не расставались с Эрни Пайлом. Мы завтракали вместе, довольствуясь блюдами, приготовленными из яичного порошка, и соевой кашей. После совещания в штабе мы, надев очки для защиты глаз от пыли, отправлялись в дивизии. Днем мы закусывали на обочине дороги плавленым сыром из солдатского рациона «К» и липкими фруктовыми плитками. А вечером мы промывали запыленные глотки шотландским виски, присланным Оливером Лисом.

На четвертый день Пайл снова вернулся в войска.

— Мои друзья обвиняют меня в том, что я продался золотопогонникам, сказал он с печальной улыбкой, бросив каску, которую он обязан был носить, пока был со мной, и надев подшлемник.

1 августа Паттон сменил 45-ю дивизию на северной прибрежной дороге 3-й пехотной дивизией Траскотта. 45-я дивизия должна была отправиться с Кларком в Италию, и подготовка к этому вторжению требовала по меньшей мере месяц для отдыха, доукомплектования и планирования.

3-я дивизия высадилась в первый день вторжения в Ликате, однако наступление ее вдоль западного побережья острова встретилось с меньшими затруднениями, чем наступление 45-й дивизии. Поэтому 3-я дивизия была сравнительно в лучшем состоянии для участия в завершающих боях в Сицилии в течение двух последних, наиболее напряженных недель.

Конечно, мы с сожалением расставались с отважной 45-й дивизией, однако замена ее 3-й дивизией не отразилась на боеспособности 2-го корпуса.

Немцы, отступая из Палермо, преградили вход в порт, затопив 44 судна. Однако уже через 6 дней после занятия города американские саперы расчистили проход в гавань, восстановив пропускную способность порта на 60 процентов. Первый конвой, прибывший в порт, доставил весьма кстати 9-ю пехотную дивизию Эдди, которая усилила войска Аллена, наступавшие вдоль дороги на Тройну. 82-я воздушно-десантная дивизия Риджуэя была переброшена в Африку для подготовки к вторжению в Италию. 2-ю бронетанковую дивизию Паттон оставил в западной части острова для очищения территории от противника. Мы все равно не могли использовать танки «Шерман» на узких дорогах перешейка перед Мессиной.

Оборонительный рубеж противника, удерживаемый незначительными силами, проходил от северной прибрежной дороги через крутые высоты к Тройне. В районе Тройны, важного узла дорог, враг создал сильный опорный пункт. От Тройны рубеж обороны тянулся на восток в направлении Адрано, где противник усилил укрепления для прикрытия важного узла дорог у Этны. От Адрано линия фронта шла вдоль дороги, огибавшей Этну с юга, до Катании на берегу моря.

Только одна проселочная дорога соединяла американские войска у Тройны с английскими войсками у Адрано. Как Адрано являлся ключом обороны противника на участке Лиса, так и Тройна была ключевым пунктом на участке нашего фронта. Если бы нам удалось прорваться у Тройны, а Лису — у Адрано, то весь центр обороны врага рухнул бы и противнику пришлось бы поспешно отступать по обеим прибрежным дорогам.

Из Никозии в Тройну вело извилистое щебеночное шоссе, которое проходило через небольшой серый городишко Черами, расположенный на вершине горы. Между Черами и Тройной местность понижалась, образуя впадину без единого деревца, похожую на гигантскую чашу коричневого цвета. Дорога, проложенная по дну впадины, исчезала за грядой невысоких холмов. На дальнем конце впадины Тройна стояла на вершине горы, наподобие древней крепости. А за Тройной находился огромный кратер горы Этны.

1 августа пехота Терри Аллена, смело спустившаяся в эту коричневую чашу, была встречена сильной контратакой противника и отброшена на исходный рубеж.

На следующее утро я позвонил Терри.

— Взять Тройну будет труднее, чем мы ожидали, — сказал он. — Гансы дерутся как дьяволы на этом участке.

Противник, оборонявший Тройну, рассчитывал на два пути отхода, которые вели в тыл от этой горной позиции (схема 15). Один путь шел на юг в направлении Адрано, другой — в Чезаро. Если бы нам удалось обойти противника с флангов и перерезать обе дороги, то противнику пришлось бы либо отступить с основной оборонительной позиции, либо остаться там и попасть в окружение. Аллен быстро перешел в наступление с целью перерезать обе дороги, направив одну колонну с севера, а другую — с юга, чтобы осуществить охват обоих флангов.

Командный пункт Терри расположился в сыром и пустом здании школы в Черами, на стене которой красовался фашистский лозунг: «Верь, повинуйся, борись!» Я прибыл к Терри вместе с Гартом, чтобы согласовать вопросы взаимодействия артиллерии и авиации при наступлении на Тройну. Дивизион 155-миллиметровых пушек занял позицию позади школы, дульная волна при каждом выстреле сотрясала черепитчатую крышу. Терри прислушивался, улыбаясь каждый раз, когда залп прерывал нашу беседу. Наконец, я повернулся к нему и сказал: — Терри, нельзя ли устроить так, чтобы пушки стреляли не в здание, а мимо него? — Терри взял телефонную трубку и приказал орудиям прекратить огонь.

Поддержка авиацией наземных войск в Сицилии все еще была рискованным и ненадежным делом. Хотя мы извлекли некоторые уроки из кампании в Тунисе, организация взаимодействия была далека от совершенства. Офицеры связи от авиации, прикомандированные к каждой дивизии, обращались с просьбой об авиационной поддержке непосредственно в штаб 3-го крыла противовоздушной обороны. Здесь заявки учитывались, и соответствующие приказания направлялись на аэродромы истребительной авиации. Пост подслушивания 2-го корпуса перехватывал заявки дивизий, информируя штаб корпуса. Однако слишком часто ошибки при передаче приказов и заявок вели к тому, что войска оставались без авиационной поддержки.

К концу операций на Сицилии поддержка с воздуха наземных частей начала улучшаться с введением подвижных пунктов управления истребителями с земли. Авиационные офицеры связи в джипах, оборудованных ультракоротковолновыми радиоустановками, продвигались вместе с наземными частями и наводили на цель истребители. Двухсторонняя связь давала возможность пилотам предупреждать наши передовые части о замеченных сосредоточениях войск противника. Когда мы составляли итоговый отчет о боевых действиях в Сицилии, мы пришли к выводу, что «этот метод наведения на цель истребителей-бомбардировщиков заслуживает дальнейшего изучения». Через год авиация стала глазами нашей армии, стремительно наступавшей во Франции.

Пока мы не достигли перешейка перед Мессиной, 2-му корпусу редко приходилось прибегать к помощи истребителей. До этого момента противник вел сдерживающие бои, редко задерживаясь на промежуточных рубежах длительное время, чтобы избежать бомбардировки позиций нашей авиацией. Однако в районе Этны противник зарылся в землю, оказав упорное сопротивление. Стабилизовавшийся фронт создал благоприятные условия для бомбардировки.

Во время боев в Сицилии союзные войска иногда подвергались бомбардировке своей авиацией, ошибочно принявшей их за противника. Мы натягивали люминесцентные полотнища на капоты машин, но даже эти меры не всегда спасали нас от бомбардировок союзной авиации.

Как-то днем во время совещания на командном пункте Терри Аллена звено самолетов «А-36» обстреляло нас, заставив спрятаться в укрытия. Это был уже третий случай задень, когда американские самолеты обрушивались на наши позиции, поэтому я позвонил Паттону, чтобы он дал указание не подниматься самолетам в воздух.

— Но кто вам сказал, что это наши самолеты? — спросил он. — Может быть, они немецкие.

— Генерал, — ответил я, отряхивая грязь с брюк, — я только что вылез из траншеи. Это точно «А-36».

На следующий день звено «А-36» атаковало колонну американских танков. Танкисты зажгли желтые дымовые шашки — предварительно согласованный сигнал для опознания своих войск. Но дым только подзадорил пикирующие бомбардировщики. Наконец танкисты, чтобы защититься, открыли огонь по самолетам. Один из них был подбит, и летчик выпрыгнул с парашютом.

Когда он приземлился поблизости и узнал, что подбит американскими танками, он от испуга растерялся.

— Разве ты, болван, — сказал командир колонны танков, — не заметил наш желтый познавательный сигнал?

— О! — воскликнул летчик. — Так это был опознавательный сигнал?

В течение трех дней атаки Аллена на Тройну разбивались об ожесточенное сопротивление противника. С покрытой лесом горы к северо-востоку от города противник отбил наши атаки прицельным артиллерийским огнем. На каждую атаку враг отвечал стремительной контратакой. Аллену пришлось отразить 24 контратаки за 6 дней. Мы усилили дивизию Аллена еще одним

полком 9-й пехотной дивизии, доведя количество американских полков на этом фронте до пяти. Этому полку была поставлена задача выбить противника с горы, с которой он вел прицельный артиллерийский огонь. Город Тройну предстояло бомбить до тех пор, пока противник не капитулирует или пока сам город не будет стерт в порошок.

Во второй половине дня 4 августа я ожидал на повороте дороги на горе у Черами самого сильного за время операций в Сицилии удара с воздуха по противнику. С другой стороны долины, которую наполовину заволокло пылью, 18 наших артиллерийских дивизионов вели огонь по позициям зенитной артиллерии противника.

Над нами кружили 36 самолетов с 225-килограммовыми бомбами. Артиллерия ослабила огонь, и бомбардировщики ринулись в почти вертикальное пике. Вскоре Тройна скрылась в облаке пыли. К тому времени, когда вторая группа из 36 бомбардировщиков подвергла бомбардировке город, он все еще был наполовину скрыт в облаке серой пыли, сквозь которую еще проступали очертания вершины горы Этны. Снова пехота бросилась вперед, и опять противник удержал свои позиции, перейдя в контратаку.

На следующий день мы возобновили наступление. На этот раз в Черами вместе со мной поехал командующий тактической авиацией армии Паттона генерал-майор Эдвин Хаус, чтобы наблюдать за воздушной бомбардировкой. Намеченное для нанесения удара время прошло, а авиация не появлялась. Мы уже собирались в недоумении вернуться, когда услышали гул моторов далеко к югу. Там, высоко в небе, тройка самолетов «А-36» возвращалась на свой аэродром.

— Черт возьми, — воскликнул я, поворачиваясь к Хаусу. — На кого, по вашему мнению, они сбросили бомбы?

— Будь я проклят, если знаю, — сказал он, — пожалуй, вернемся побыстрее в ваш штаб и узнаем, что случилось.

Когда мы вернулись, раздался телефонный звонок. Это был Оливер Лис из 30-го английского корпуса.

— В чем мы провинились, что ваши ребята сбросили на нас бомбы? — спросил он.

— Что они бомбили? — простонал я в трубку.

— Они сбросили бомбы как раз на мой штаб, — сказал он, — они разнесли весь город.

* * *

К этому времени противник был уже основательно разгромлен на фронте у Тройны. Он отступил, и наши танки двинулись вперед. Солнечным утром 6 августа 16-й пехотный полк Аллена взобрался на кручи Тройны, преодолевая беспорядочное сопротивление арьергарда врага. Оглушенные недельной воздушной бомбардировкой, жители выползали из погребов. Горячие лучи солнца уже нагрели горы развалин, загромождавших улицы, и тошнотворный запах смерти воцарился в городе. Хотя бомбардировка на некоторое время и парализовала жизнь Тройны, потери немцев были незначительные.

Утром, когда Аллен вступил в город вместе с его 1-й дивизией, в Тройну вошел 39-й полк 9-й дивизии Мэнтон Эдди. Во главе полка шагал его смелый и эксцентричный командир, настойчивый полковник Гарри Флинт из г. Сент-Джонсбери в штате Вермонт. Обнаженный до пояса, чтобы его лучше узнавали свои солдаты, Пэдди ^[17] Флинт был в каске, с винтовкой в руке, на шее черный шелковый шарф. Бой за Тройну явился началом его блестящей, но короткой военной карьеры.

Закадычный друг Паттона еще со времени совместной службы в кавалерии, Флинт впервые

появился на командном пункте 2-го корпуса в Бедже с просьбой назначить его на фронт, чтобы иметь возможность участвовать в боевых действиях. В то время он работал в штабе союзных войск в Алжире.

— Черт возьми, Брэд, — жаловался он, — я трачу попусту мои таланты в тылу среди всех этих полковников, спящих на перинах...

Вскоре по завершении боевых действий в Тунисе Мэнтон Эдди попросил меня подобрать кандидата на должность командира 39-го полка, который мог бы встряхнуть его, так как в нем стали проявляться признаки расхлябанности, резко отличавшие его от других полков дивизии.

— В 39-м полку нам нужен человек с характером, — сказал Эдди.

Я направил ему Пэдди Флинта.

После высадки в Сицилии Мэнтон явился в штаб корпуса в Никозии вместе с Пэдди Флинтом. 39-й полк придавался Терри Аллену для участия в штурме Тройны. Остальные полки 9-й дивизии Эдди еще находились в пути.

— Брэд, — шепнул мне Эдди, когда Пэдди легкой походкой направился к палатке оперативного отдела для ознакомления с обстановкой, — вы видели это?

Он взял каску Флинта. Сбоку каски отчетливо выделялись, выведенные по трафарету буквы «ААА-О».

— Черт возьми, что это значит?

— Это означает: все, всегда, везде, несмотря ни на что. ^[18] Пэдди вывел эти буквы на каждой чертовой каске и на каждом чертовом грузовике своего черного полка. Я усмехнулся.

— Разве вы не издавали специального приказа по корпусу об опознавательных знаках каждой части? — спросил Эдди.

— Мэнтон, — ответил я, — я ни о чем не хочу слышать, сегодня я не хочу даже видеть эту каску Пэдди Флинта.

Чтобы приободрить своих солдат под огнем противника, Пэдди прохаживался вдоль линии своих войск беспечно крутя сигарету в одной руке. Другой рукой, в которой была винтовка, он небрежно указывал на окопы противника:

— Поглядите на этих вшивых гансов. Они не умели стрелять в прошлую войну, не научились стрелять и в эту. Не могут попасть даже в такого старого черта, как я.

Рыцарские замашки Флинта беспокоили меня.

— В один прекрасный день, Пэдди, — сказал я ему однажды, — вы будете прогуливаться вот таким образом и вас убьют. Тогда вы докажете своим солдатам как раз не то, чему вы их учите. [175]

Он как-то странно взглянул на меня. — Ерунда, Брэд, — заметил он, — вы ведь знаете, что гансы не умеют стрелять...

Пэдди был убит в Нормандии. Пуля немецкого снайпера угодила ему в голову. Я уверен, что Пэдди назвал бы выстрел удачным, однако лишился даже этого удовольствия. Он прожил несколько часов, но у него отнялся язык. Так и умер этот молчаливый ирландец, постоянно ходивший с усмешкой на устах.

В результате 24 дней боевых действий 1 — я дивизия понесла значительные потери. Офицеров не хватало, и взводами командовали сержанты. Для развития успеха в направлении Рандаццо я бросил 9-ю дивизию Эдди через боевые порядки 1-й дивизии, оставив последнюю в Тройне. В этом городе дивизия провела свой последний бой на Средиземном море, и это был самый упорный бой из всех, которые нам пришлось вести.

Уже в начале кампании в Сицилии я решил снять Терри Аллена с поста командира дивизии на заключительном ее этапе. Это не было наказанием за неспособность или плохое командование, ибо как в Сицилии, так и в Тунисе 1-я дивизия задавала тон в боевых действиях.

Тем не менее я был убежден тогда, Впрочем, как убежден и сейчас, что освобождение Терри от командования дивизией в конечном счете пошло на пользу самой дивизии.

Дивизия — это не только жизнь 15 тыс. человек, их снаряжение и вооружение, стоящее многие миллионы долларов. Дивизия — это бесценные знания, приобретенные месяцами и годами боевой подготовки. 1-я дивизия была особенно ценна благодаря длительному боевому опыту. По своим боевым качествам 1-я дивизия была эквивалентна нескольким необстрелянным дивизиям. Она стала почти незаменимой для вторжения в Нормандию.

Во время войны, при оценке любого соединения (части), решающим фактором является та роль, которую оно сыграло для обеспечения победы. Даже жизнь людей, находящихся в дивизии, есть ни что иное, как только средство для достижения этой цели. На войне не хватает времени и не может быть места чувствам, чтобы заниматься отдельными людьми и вопросами их человеческого достоинства. Люди должны быть подчинены усилиям, необходимым для ведения войны, следовательно, люди должны умирать, чтобы можно было достигнуть поставленных задач. Для командира тяжесть войны заключается не в ее опасностях, лишениях или страхе поражения, а в сознании того, что каждый день люди должны расплачиваться кровью за то, чтобы выполнить поставленную перед ними задачу.

Под командованием Аллена 1-я дивизия становилась все более и более недисциплинированной, с пренебрежением относящейся как к уставам, так и к вышестоящим командирам. В дивизии считали, что месяцы, проведенные на фронте, освободили ее от необходимости повиноваться дисциплине. В дивизии также полагали, что только она одна среди всех других дивизий американской армии полностью выполняет свой воинский долг.

Однако, чтобы хорошо сражаться в составе корпуса, дивизия, самоотверженно выполняя свою частную задачу, всегда должна помнить об общей задаче, поставленной перед корпусом. Для 1-й дивизии это становилось с каждым днем все труднее и труднее. Дивизия уже была намечена для участия во вторжении в Нормандию. Если ей суждено было сражаться там бок о бок с необстрелянными дивизиями в составе необстрелянного корпуса, тогда она остро нуждалась в смене своего командования.

К этому времени Аллен стал слишком большим индивидуалистом, чтобы подчинить себя без сопротивления выполнению общей задачи. Под командованием Аллена 1-я дивизия стала слишком самонадеянной и гордой. Чтобы спасти Аллена от самого себя и оставить незапятнанным его прекрасный послужной список, а также спасти дивизию от пагубного влияния слишком больших успехов, я решил освободить Аллена от командования этой дивизией. Только таким путем я надеялся сохранить огромный боевой опыт дивизии, приобретенный в войне на Средиземном море, который оказался бы неоценимым при высадке в Нормандии.

Кроме того, в 1-й дивизии постепенно развилось соперничество между Терри Алленом и его заместителем Тедом Рузвельтом. Это было неизбежно в результате соединения вместе двух людей с сильными и напористыми характерами. Я понимал, что Аллен будет глубоко оскорблен, если ему придется оставить дивизию, а вместо него останется Рузвельт. Он мог бы счесть себя неудачником, а не жертвой чрезмерных успехов.

По этой же причине претензии Рузвельта на безраздельный авторитет в 1-й дивизии поставили бы любого нового командира с самого начала в невыносимое положение. Любой преемник Аллена оказался бы в беспомощном состоянии, если бы я не разрешил ему самому выбрать себе заместителя. Поэтому Рузвельт должен был уйти вместе с Алленом, ибо он также страдал чрезмерным патриотизмом к своей дивизии.

По существу, вся неприятная обстановка возникла в результате доведения некоторых качеств до крайности: слишком большой блеск и успех дивизии, слишком сильные характеры и слишком большая привязанность двух людей к своей дивизии.

Чтобы сообщить им о моем решении возможно деликатнее, ибо я знал, что оно потрясет обоих, я пытался Аллена и Рузвельта на мой командный пункт в Никозии. По дороге они были задержаны военной полицией корпуса за нарушение правил ношения формы.

Терри сидел в джипе рядом с шофером, зажав каску между колен, его непокорные черные волосы развевались по ветру. Военный полицейский остановил машину. Он смутился, увидев две генеральские звезды Аллена.

— Извините, генерал, — сказал полицейский, — мне дано указание задерживать всех, кто следует без каски. Мой капитан даст мне взбучку, если заметит, что вы проехали без каски.

Аллен улыбнулся, однако Рузвельт вступил в пререкания:

— Послушай, друг, разве ты не видишь, что это командир 1-й дивизии генерал Аллен.

— Да, сэр, — ответил военный полицейский, — а вы генерал Рузвельт, сэр. Однако я вынужден сделать замечание и вам за ношение этой вязаной шапки.

Тед пожал в отчаянии плечами и снял свой головной убор.

— Брэд, сказал он по прибытии в штаб корпуса, — мы лучше уживаемся с Гансами на фронте, чем с вашими людьми в тылу.

Известие об освобождении с постов явилось для обоих жестоким ударом. Сообщать им такое известие было одной из самых неприятных для меня обязанностей за все время войны, но я должен был сделать это. К счастью, оба отнеслись к нему как полагается дисциплинированным солдатам. Аллен возвратился в Европу с прекрасно подготовленной 102-й дивизией, с которой он дошел до Эльбы. А Рузвельт вернулся в Англию и заслужил «Медаль почета» за высадку в Нормандии. Там, в возрасте 56 лет, он совершил четвертую по счету за время войны высадку на вражеский берег.

Опечаленные сторонники Терри Аллена, а их было много, осуждали снятие его с поста командира дивизии, считая, что для этого не было никаких оснований, причем некоторые из них ошибочно приписывали этот факт ссоре между Алленом и Паттоном. Для таких подозрений не было никакой почвы. Возможно, Паттон раздражал Аллена, однако именно Паттон убедил Эйзенхауэра направить в его распоряжение Аллена для участия во вторжении в Сицилию. Ответственность за снятие Терри Аллена с поста нес только я один. Джордж лишь согласился с моим предложением.

В качестве преемника на пост командира 1-й дивизии мы наметили генерал-майора Кларенса Р. Хюбнера, известного в армии как весьма требовательного командира. Хюбнер добровольно вступил в армию в 1910 г. в качестве рядового и был произведен в офицеры во время первой мировой войны. Он не был чужим в 1-й дивизии, так как нарукавный знак с номером этой дивизии он носил во всех званиях от рядового до полковника. Однако Хюбнер вернулся в дивизию и принял командование ею, перейдя со штабной работы в Пентагоне, что, конечно, не облегчало его первые шаги после ухода Аллена.

На второй же день после вступления Хюбнера в командование дивизией в районе Тройны он приказал провести чистку по всей дивизии. Затем он строго начал проводить обучение войск, в том числе строевую подготовку.

— Прохвосты, — возмущались ветераны дивизии, не скрывая своего негодования, — они прислали нам Джони, отсиживавшегося в тылу, чтобы он научил нас маршировать по тем самым горам, в которых мы убивали гансов. Да какого же идиотизма дойдет этот сукин сын?

Однако Хюбнер знал, что он делал, как бы ни были непопулярны его первые шаги. С самого начала он был преисполнен решимости показать дивизии, что ее хозяином был он и что, хотя 1-я дивизия, возможно, была лучшей дивизией американской армии, тем не менее она являлась только ее частью, — факт, который в дивизии иногда забывали. К счастью, он не обращал внимания на враждебное к себе отношение. Он считал, что имел достаточно времени, чтобы

завоевать симпатии дивизии.

Более восприимчивый человек, возможно, не выдержал бы такого напряжения, ибо только год спустя после вторжения в Нормандию последние сторонники Терри Аллена признали за Хюбнером право носить нарукавный знак с номером 1-й дивизии. Когда в конце концов он оставил дивизию, чтобы принять командование корпусом, солдаты жалели о его уходе почти так же, как и об уходе Аллена.

* * *

У деревни Сан-Фрателло на северном побережье Сицилии немцы создали оборонительный рубеж на горе высотой 675 метров, откуда просматривалась прибрежная дорога. Траскотт не мог взять эту позицию фронтальным ударом, поэтому он попытался обойти ее с фланга, погрузив тяжелое вооружение и боеприпасы во выюках на мулов. Однако, как только его войска двинулись в горы, они попали под огонь вражеской артиллерии в высохшем русле реки Фуриано.

За неделю перед этим, когда Миддлтон натолкнулся на подобную же оборонительную позицию у Санто-Стефано, Паттон и я изучали возможность обойти оборону противника на прибрежной дороге путем высадки десанта с моря. Противник, которому угрожал бы с тыла десант, оседлавший его пути отхода, должен был либо оставить свою оборонительную позицию и отступить, либо продолжать удерживать ее, рискуя попасть в окружение и плен.

Однако, чтобы высадка морского десанта оказалась успешной, требовалась умелая организация взаимодействия высадившихся войск с войсками, наступающими с фронта. Вполне естественно, что если бы главные силы не смогли прорвать фронт с нужной быстротой и оказать помощь небольшому десанту, войска противника, находившиеся в тылу, уничтожили бы высадившиеся войска по частям.

Организуя высадку десанта с моря в районе Сан-Фрателло, Паттон оставил деликатную часть уточнения срока десантирования за 2-м корпусом. Выяснив у Траскотта его возможности наступления по суше, мы наметили высадку десанта на 8 августа. Рано утром усиленный батальон пехоты высадился, не встретив сопротивления, у Сант-Агаты, 10 километров за Монте-Сан-Фрателло (схема 16). Противник, на которого Траскотт начал оказывать сильное давление с фронта, дрогнул, когда в его тылу высадился десант с моря. В результате враг оставил свою позицию в горах и отступил, чтобы создать новый рубеж обороны.

Перешедшая в наступление 3-я дивизия продвинулась в направлении Мессины на 20 километров. Она захватила в плен 1500 человек и не дала возможности противнику организованно отступить.

Успех окрылил Паттона, и он вызвал меня на свой передовой командный пункт, приказав 11 августа организовать новую высадку десанта на северном побережье. Немцы, выбитые из Монте-Сан-Фрателло, организованно отошли на новую позицию, закрепившись вдоль гряды холмов за рекой Цаппулла с песчаным открытым руслом.

Переговорив с Траскоттом, я выяснил, что его дивизия не сможет своевременно прорвать эту позицию, чтобы 11 августа соединиться с десантом. Я попросил разрешения у Паттона перенести высадку десанта на 12 августа.

— Сам по себе десант ничего не решит, — настаивал я, — если он не соединится с войсками Траскотта, наступающими с фронта.

Однако теперь Джорджу не терпелось ворваться в Мессину. Он отверг мою просьбу отложить на день высадку десанта и настаивал на ее проведении 11 августа. Я снова запротестовал, но Джордж был непоколебим. В этот день я уехал с командного пункта Паттона с

его директивой в таком раздражении, в каком я никогда не был раньше. Я был подчинен Паттону, и мне ничего больше не оставалось, как выполнить приказ.

11 августа, незадолго перед рассветом, 2-й батальон 30-го пехотного полка дивизии Траскотта высадился с десантных судов около Бролы, в 20 километрах в тылу германской позиции за рекой Цаппулла.

Сначала высадка прошла незамеченной. Однако, когда пехота Траскотта продвинулась от побережья до дороги, показался немецкий мотоциклист. Отделение возбужденных стрелков открыло огонь, мотоциклист был убит. Через несколько минут в небо взлетели ракеты, германские войска были подняты по тревоге для контратаки. Тем не менее к рассвету пехота Траскотта пробилась почти к вершине горы Монте-Креоле, откуда были видны черепитчатые крыши домов в Броле. Но самоходная артиллерия не смогла пройти за пехотой, застряв между берегом и дорогой в паутине дренажных канав. 7-я армия перед высадкой десанта не обеспечила Траскотта аэрофотоснимками местности. К полудню под сильными ударами с фронта и тыла пехота на горе Монте-Креоле стала испытывать острый недостаток в боеприпасах. Тринадцать из 15 вьючных мулов валялись с вздувшимися животами под лучами солнца. Три часа спустя самоходная артиллерия, застрявшая на берегу, была накрыта огнем и атакована танками противника. Теперь батальон остался на вершине горы без артиллерии, и ему ничего не оставалось делать, как удерживать занятый рубеж, ожидая подхода главных сил Траскотта, наступавших с фронта.

Только в 6 час. утра 12 августа войска Траскотта соединились с остатками батальона. У Траскотта не оставалось времени для обходного маневра по суше, и он предпринял штурм позиции противника с фронта. Несмотря на эти усилия Траскотта, батальон понес тяжелые потери.

Неудача, однако, не образумила Паттона. Несмотря на наше успешное продвижение по северной приморской дороге, он ежедневно приезжал на фронт. Такое подстегивание было характерной особенностью в руководстве Паттона войсками. Он как-то признался, что стал хорошим командиром только потому, что был «наиболее ревностным погонщиком ослов в американской армии».

До Мессины оставалось всего 65 километров, и нетерпение Паттона все возрастало, так как он стремился ворваться в город раньше 8-й армии Монтгомери. Я также разделял желание Паттона. Однако я был убежден, что мы добьемся большего успеха, потери будут при этом меньше, если вместо фронтального наступления на прибрежные позиции противника применим обходной маневр. К этому времени быстрый захват Мессины уже не имел большого значения. Как бы стремительно мы ни наступали на город, мы уже не могли помешать врагу переправиться через пролив в Италию.

Командуя 3-й армией в Европе, Джордж заслужил восхищение своих солдат и любовь подчиненных командиров. Однако Паттон был другим человеком на средиземноморском театре военных действий. В этот несчастливый период своей карьеры актерство Джорджа вызывало к нему презрение, а его резкость приводила к сильному недовольству среди подчиненных командиров.

Хотя Джордж был искусным актером, однако он не смог разобраться в психологии солдата. Человек, за плечами которого каждый день стоит смерть, живет в атмосфере страха и ужаса. Он начинает с укоризной относиться к тем, кто находится в безопасности в тылу.

Для солдат командующий армией — это далекая фигура, время от времени появляющаяся на фронте. Люди судят о нем по тому, что видят. Джордж раздражал их своей любовью пускать пыль в глаза. Он всегда появлялся в сопровождении вереницы штабных машин, со свитой с иголки одетых штабных офицеров. Автомобиль Паттона был живописно украшен чрезмерно

большими звездами и опознавательными знаками его армии. Однако эти атрибуты не вызывали у войск того благоговейного ужаса, который, видимо, Паттон рассчитывал вызвать. Наоборот, они вызывали возмущение у солдат, маршировавших в пыли, поднятой этой процессией. В Сицилии Паттон как человек был мало похож на того Паттона, о котором сложились легенды.

10 августа Паттон приехал на мой командный пункт. По дороге он остановился около корпусного эвакуационного госпиталя с целью навестить раненых. Немногие командиры тратили больше времени в палатах госпиталей, чем Джордж. Раны солдат являлись для него реальным свидетельством проявленного ими мужества, а это он ценил больше всего. Этих людей он понимал. Он шутил и разговаривал с ними, пожимал им руки и прикалывал им на грудь медаль «Пурпурного Сердца».

Когда Джордж подъехал к командному пункту корпуса, я вышел встретить его. Он спрыгнул на землю через высокий борт разведывательного автомобиля.

— Извините за опоздание, Брэдли, — сказал он, — я задержался в госпитале по дороге сюда. Там я обнаружил пару симулянтов. Я ударил одного из них, чтобы разозлить и снова поднять у него боевой дух.

Он говорил об этом небрежно, без смущения и без каких-либо признаков раскаяния. Я бы, пожалуй, совсем забыл об этом инциденте, если бы мне не напомнили о нем через пару дней.

Сделал это Кин, вошедший в мой прицеп в сопровождении корпусного хирурга. Он вручил мне лист бумаги с текстом, отпечатанным на машинке.

— Познакомьтесь с этим донесением, генерал. Оно было представлено сегодня утром хирургу корпуса начальником 93-го эвакуационного госпиталя.

Я прочитал донесение и спросил хирурга:

— Знает ли об этом документе еще кто-нибудь?

— Нет, сэр, — ответил он, — только я. Я вернул документ Кину.

— Запечатайте его в конверт, — сказал ему я, — и надпишите, что конверт может быть вскрыт только вами или мною. Храните его в моем сейфе.

Документ представлял собой свидетельские показания относительно того, что позднее стало известно как «случай рукоприкладства». Он был подан по команде начальником госпиталя, в который заехал Паттон по пути в корпус.

По словам начальника госпиталя, Паттон без сопровождающих вошел в приемную палатку 93-го эвакогоспиталя. Затем он начал обходить носилки, разговаривая с ранеными и поздравляя с успешными действиями их дивизий.

Наконец он подошел к пациенту, не имевшему ни лубков, ни повязки. Джордж спросил, что с ним случилось. Последний ответил, что его сильно лихорадит. Джордж отошел от него, не промолвив ни слова.

Рядом сидел другой пациент, который весь трясся.

— Что с вами? — спросил Паттон.

— Нервы, сэр, — ответил пациент, и его глаза наполнились слезами.

— Что вы сказали? — выпрямившись, переспросил Джордж.

— Нервы, сэр, — всхлипнул пациент, — я не могу больше находиться под артиллерийским огнем. Джордж возвысил голос.

— К черту твои нервы, — заорал он, — ты просто гнусный трус. Солдат заплакал, и Джордж ударил его.

— Заткнись, — сказал он, — я не хочу, чтобы мужественные солдаты, страдающие от ран, смотрели на трусливого ублюдка-плаксу.

Джордж ударил его еще раз. Подшлемник солдата соскочил с головы и покатился по грязному полу.

Паттон обратился к дежурному офицеру до приемке раненых:

— Не принимайте в госпиталь этого трусливого ублюдка. С ним решительно ничего не случилось. Я не хочу, чтобы госпитали заполнялись сукиными сынами, боящимися огня.

Затем, повернувшись к пациенту, он сказал:

— Возвращайся на передовую, может быть, тебя убьют, но возвращайся только туда. Если ты откажешься вернуться на фронт, я поставлю тебя к стенке и расстреляю.

Вспышка гнева Паттона повергла в смятение весь госпиталь. К вечеру преувеличенные слухи о происшедшем начали распространяться по всему острову. Через неделю все знали об инциденте в госпитале.

Эйзенхауэру также стало известно о рукоприкладстве Паттона, хотя и не от меня. Наконец об этой истории узнали корреспонденты, прикомандированные к 7-й армии Паттона, которые быстро передали о случившемся в лагерь прессы при штабе союзных войск в Северной Африке. Хотя многие корреспонденты критически относились к Паттону, они не хотели посылать сообщение об инциденте в газеты.

Поведение Паттона заслуживало осуждения, однако Эйзенхауэр не видел оснований смещать из-за этого одного из самых способных генералов американской армии. Он ограничился вынесением выговора Паттону и приказал ему извиниться не только перед ранеными и обслуживающим персоналом госпиталя, но и перед личным составом 7-й армии.

Однако слухи о происшедшем все же просочились в Соединенные Штаты и вызвали дискуссию по всей стране, что едва не стоило Паттону его карьеры. Эйзенхауэр мог воспользоваться накаленной атмосферой, чтобы легко отделаться от Паттона, но он встал на его защиту.

Тем не менее поступок Паттона можно понять, не осуждая его. Для Джорджа война была не столько испытанием, сколько выполнением своего долга, которому он посвятил всю свою жизнь. Он считал войну хроническим недугом человечества, который будет существовать до тех пор, пока существует цивилизация.

Поскольку военные конфликты были неизбежными, Джордж считал, что человек должен примириться с ними и, больше того, даже приветствовать их, как мужественный вызов. Война приводила его в бодрое состояние духа, и он просто не мог понять, чтобы мужчина, за исключением труса, не захотел принять участия в войне. В то же время он не мог понять, что человек может не выдержать огромного психического напряжения в результате тягот войны. Для него было аксиомой, что тот, кто не хочет воевать, — трус. Если пристыдить труса, говорил Джордж, тогда можно помочь такому человеку вернуть уважение к самому себе.

Я не могу поверить, чтобы Джордж, назвав солдата трусом, ударил его преднамеренно. Джордж просто старался пристыдить солдата в его трусости.

Я подробно коснулся этого инцидента с рукоприкладством только потому, что он оказал в дальнейшем значительное влияние на карьеру Паттона. Всю остальную жизнь Джордж был сурово наказан за эту ошибку. Его нельзя больше упрекать за случившееся. Восхищение, с которым мы относимся к памяти Паттона в Европе, слишком велико, чтобы воспоминания об этом инциденте, сделавшем в конце концов из Паттона еще лучшего командира, могли умалить его.

К 15 августа стало ясно, что до конца кампании в Сицилии остались считанные часы. Из Мессины через пролив сновали паромы, перевозившие спасавшихся немцев. Груды брошенного военного имущества валялись вдоль прибрежной дороги, по которой отступали немецкие войска.

Паттон был преисполнен решимости войти в Мессину раньше Монтгомери. Поэтому он приказал высадить в тылу противника третий десант с целью ускорить наступление Траскотта.

На этот раз, заверил он меня, у нас хватит десантных средств для высадки на берег целого полка. Неожиданное счастье, к сожалению, слишком запоздало.

— Нет необходимости высаживать еще десант, — заявил Траскотт, — мы можем продвигаться по дороге настолько быстро, что высадившийся десант окажется в нашем тылу, у гансов ничего не осталось, чтобы остановить нас.

Я сказал об этом разговоре Паттону, но он не хотел и слышать об отмене высадки десанта.

— Прекрасно, генерал, — сказал я, — высаживайте десант, если вам так хочется. Мы встретим его на берегу.

Вечером 15 августа пехотный полк 45-й дивизии погрузился на десантные суда с задачей высадиться в деревне Фальконе в 50 километрах от Мессины (схема 16). В предрассветной тишине 16 августа полк высадился на побережье. Там его уже поджидали наши регулировщики.

Позднее в этот же день батарея 155-миллиметровых орудий «Лонг Том» заняла огневую позицию на прибрежной дороге, и первая сотня снарядов полетела через пролив в Италию.

К ночи пехота Траскотта достигла места, где северная прибрежная дорога поворачивала на юг в направлении Мессины. Отсюда до Мессины оставалось всего 20 километров.

В 6 час. 30 мин. утра 17 августа взвод 3-й пехотной дивизии осторожно вступил на окраину Мессины. Все войска противника полностью эвакуировались, оставив пустой город с засыпанными щебнем улицами. За месяцы воздушных бомбардировок были полностью разрушены тысячи железобетонных зданий города, в котором 34 года тому назад во время землетрясения погибли под развалинами 78 тыс. жителей.

В 8 час. 25 мин. утра пехота Траскотта вместе с дозором от 45-й дивизии подошла к ратуше Мессины. Американские войска опередили всего лишь на несколько минут запыхавшегося английского подполковника, примчавшегося по дороге из Катании, чтобы заявить о претензиях Монтгомери на захват Мессины.

Через два часа в город вступил Паттон со штабом 7-й армии. Прошло 38 дней после нашей высадки в Сицилии, и кампания закончилась без особого эффекта. За шесть недель перед этим на борту «Анкона» я в ответ на вопросы журналистов сказал, что кампания в Сицилии продлится 40 дней.

11. Прибытие в Англию

С высоты почти 3000 метров мы едва могли различить конвои, шедшие через спокойное Средиземное море. Бледно-голубая дымка покрывала поверхность моря, скрадывая очертания кораблей. Всего через 20 минут полета от Трапани остров превратился позади нас в грязно-коричневое пятно, и мы увидели первые суда флота вторжения Кларка, направляющегося к Салерно. Девять танко-десантных судов шли двумя кильватерными колоннами, охраняемыми с фланга тремя сторожевыми кораблями. Пилот покачал крыльями нашего самолета «С-47» и свернул с курса конвоя, так как он уже имел горький опыт, будучи участником операции по выброске воздушного десанта в Сицилии.

В этот же день (8 сентября 1943 г.) в 9 часов утра мы покинули командный пункт 2-го корпуса и погрузили наш багаж на самолет. Перед тем как направиться в Англию, мы сначала побывали в Соединенных Штатах, проделав маршрут общей протяженностью 18 500 километров. Паттон предоставил нам свой самолет до Алжира. Мы должны были сделать крюк через Карфаген, где Эйзенхауэр развернул свой передовой командный пункт для руководства вторжением в Италию. Льюис Бридж должен был дожидаться нас в Алжире вместе с другими офицерами, отобранными мною в корпусе для поездки в Англию. Вместе со мной в Соединенные Штаты направлялись Кин и Хансен. Там я надеялся доукомплектовать мой штаб для подготовки вторжения во Францию.

Накануне вечером хор спел нам боевую песню 2-го корпуса. Каждая строфа была посвящена отдельным этапам боевых действий, а в целом в песне прославлялись победы корпуса на Средиземном море. Стихи были нескромны и хвастливы, но таким уж был сам 2-й корпус, который ничем не отличался от других соединений американской армии.

Я надеялся незаметно уехать на следующее утро, чтобы избежать церемонии проводов. Однако почетный караул уже стоял вдоль дороги, покрытой гравием, которая шла от нашего лагеря через виноградники до прибрежной дороги. Лозы, выросшие в почве, обильно удобренной несколькими поколениями людей, провисали под тяжестью виноградных кистей. Если такой виноград поест без предварительной тщательной промывки, возникают жестокие приступы дизентерии. Если солдаты почетного караула потихоньку наелись винограда, как это однажды сделал я, то их воспоминания о моем отъезде были менее приятными, чем мои.

Хотя мне сильно хотелось приступить к подготовке вторжения через пролив Ла-Манш, расставание с корпусом оказалось тягостным событием. Как первая любовь, так и первое самостоятельное командование в боевых условиях надолго остается в памяти. Проведя семь незабываемых месяцев со 2-м корпусом, я чувствовал себя неуверенным в своих силах молодым человеком, покидающим родной дом, чтобы пробить себе дорогу в жизни.

Когда самолет «С-47» поднялся в воздух, я бросил последний взгляд на командный пункт корпуса, где оставался громадный указатель последнего места расположения штаба корпуса. 7-я армия возражала, когда саперы 2-го корпуса соорудили такой грандиозный указатель. «Теперь осталось только осветить его прожектором ночью, — говорили они, — чтобы показать немецкой авиации, где вы находитесь». Однако в конце концов гордость восторжествовала над осторожностью и огромный указатель уцелел. Противник, возражали мы, может найти куда более важные объекты для бомбардировки, чем командный пункт корпуса, находящегося на отдыхе.

Мы приземлились на аэродроме около Карфагена, а затем проехали мимо руин до группы вилл, расположенных на высоком холме, с которого открывался вид на море. Именно в этих виллах, принадлежащих богатым европейцам, обосновавшимся в колониальной Северной

Африке, расположились высшие штабы, к услугам которых были водопровод и канализация.

Эйзенхауэр вернулся ко второму завтраку только в 2 часа дня. Он выглядел усталым и обеспокоенным.

— Бадольо портит дело, — объяснил он, — мы только что отменили выброску воздушного десанта Риджуэя в районе Рима.

Эйзенхауэр имел в виду соглашение о капитуляции Италии и свой план высадки воздушно-десантной дивизии поблизости от Рима. Совместное заявление о капитуляции должно было передаваться по радио в 18 час. 30 мин. вечера, а в 3 час. 30 мин. на следующее утро Кларк высаживался в Салерно.

До выступления Эйзенхауэра по радио оставалось всего несколько часов, однако у него не было уверенности в том, что Бадольо выполнит соглашение о капитуляции, выступив одновременно по радио в Риме. Если бы он не выступил по радио одновременно с Эйзенхауэром, тогда немцы захватили бы итальянские радиовещательные станции и квалифицировали бы наше заявление как блеф.

Бадольо нарушил предварительную договоренность утром, обратившись по радио из Рима к Айку с просьбой подождать с объявлением о капитуляции Италии до высадки союзников.

Эйзенхауэр ответил без обиняков.

— Я объявлю о перемирии в тот момент, о котором мы договорились, — заявил он. — Если вы или любое соединение ваших вооруженных сил не выполнит условий перемирия, я опубликую по радио полный текст этого документа.

Одновременно Эйзенхауэр с большой неохотой отменил высадку 82-й дивизии Риджуэя в окрестностях Рима. Бадольо известил, что итальянское правительство не берет на себя ответственность за безопасность дивизии.

Эйзенхауэр приказал также бригадному генералу Максвелу Тэйлору, представителю штаба союзных войск, находившемуся в Риме на нелегальном положении, немедленно вернуться в Карфаген. В задачу Тэйлора входило обеспечить беспрепятственную посадку самолетов с людьми и снаряжением 82-й дивизии на аэродромы в окрестностях Рима.

Это неожиданное изменение накануне высадки войск Кларка привело к тому, что 82-я дивизия была выключена из игры, когда мы испытывали в ней отчаянную нужду. Уже не оставалось времени, как это первоначально предполагалось, чтобы выбросить 82-ю дивизию в Капуе для оказания поддержки десанту в Салерно. В результате 82-я дивизия чуть не стала пресловутым гвоздем в подкове в самый критический момент, когда десант в районе Салерно был на краю гибели.

Оставшуюся часть дня Аик пробыл в Карфагене. Когда мне уже надо было вылетать в Алжир, из Рима все еще не поступило сообщения от Бадольо, что он выполнит свое обещание и объявит итальянскому народу в установленное время о капитуляции Италии.

Мы вылетели из Карфагена во второй половине дня и направились вдоль побережья Северной Африки в штаб союзных войск в Алжире. Кин и я задремали в импровизированных мягких креслах нашего самолета. Позади нас Средиземное море потемнело в сумерках и скрыло армию Марка Кларка, приближавшуюся к пунктам высадки на итальянском сапоге.

В 18 час. 34 мин. Хансен выскочил из кабины пилота с наушниками в руке.

— Только что по радио выступил генерал Эйзенхауэр и объявил о капитуляции Италии, — сказал он. — Хотите послушать заключительную часть передачи'

Пилот, не зная о переговорах с Италией, случайно настроился на волну, на которой передавалось заявление Эйзенхауэра. Он взволнованно подпрыгнул на своем сиденье, когда услышал голос Эйзенхауэра.

Я надел наушники и попросил пилота пройтись по всему диапазону волн радиоприемника.

Однако не было никакого намека на выступление Бадольо по радио.

Только после приземления в Алжире я узнал, что Бадольо преодолел свой страх и объявил о капитуляции Италии на 45 минут позже обусловленного времени. В 19 час. 15 мин. вечера он прочитал заявление о безоговорочной капитуляции и призвал по радио итальянский народ поднять оружие против своего немецкого союзника. В этот же вечер король и его правительство в поисках убежища перелетели к союзникам.

В Алжире я встретился с Беделлом Смитом. Он выглядел усталым и озабоченным в ожидании известий о капитуляции итальянского флота. Для дальнейших операций союзников на Средиземном море было важно, чтобы сильный итальянский надводный флот не попал в руки немцев. Мы надеялись, что не возникнет необходимости потопить итальянский флот, как был потоплен французский в Тулоне. Несомненно, что обстановка на море значительно улучшилась с 1940 г., когда англичане были вынуждены обстрелять французский флот в Мерс-эль-Кебуре, чтобы не дать немцам возможности использовать его в соответствии с условиями капитуляции правительства Виши. Теперь союзники имели возможность беспощадно преследовать немецкие подводные лодки в северной части Атлантического океана, и вообще мощь союзников на море возрастала головокружительными темпами. Тем не менее итальянский флот мог создать для нас значительные затруднения, если бы он попал в руки немцев. В этом случае союзникам потребовалось бы дислоцировать часть военно-морских сил в Средиземном море для блокирования итальянского флота. А в 1943 г. союзники могли использовать военно-морские силы с большим успехом в других местах. Сразу же вслед за заявлением Эйзенхауэра о безоговорочной капитуляции Италии адмирал Каннингхэм отдал итальянскому флоту по радио приказ следовать в союзные порты в соответствии с условиями перемирия.

В этот же день вечером итальянский флот снялся с якорей в Таранто, Специи и Генуе и ночью направился к Мальте. На рассвете 9 сентября итальянский флагман-линкор «Рома» был замечен германским разведывательным самолетом у побережья Сардинии. Днем линкор был атакован 15 бомбардировщиками «Ю-88». Командующий итальянским флотом утонул вместе со своим кораблем, орудия которого были направлены против самолетов бывшего союзника.

10 сентября 1943 г. адмирал Каннингхэм сообщил морскому министерству в Лондоне: «Ваши Светлости! Рад информировать Вас, что военный флот Италии стоит на якоре под охраной крепостных орудий Мальты».

Каннингхэм имел право гордиться. В течение трех напряженных лет он держал открытыми морские пути через Средиземное море к Мальте и Суэцкому каналу, хотя действия фашистской авиации привели к гибели сотен британских моряков. Всего год прошел с октября 1942 г., когда Монтгомери удалось у Эль-Аламейна изменить ход войны на этом театре военных действий в пользу союзников. Теперь, спустя 12 месяцев, англичане не только добились контроля над Средиземным морем, но 8-я армия Монтгомери была уже на Апеннинском полуострове, продвигаясь вверх по итальянскому сапогу.

Некоторое время Эйзенхауэр сомневался, следовало ли сообщить войскам Марка Кларка о капитуляции Италии до их высадки на материк. Он знал, что если бы войска не ожидали встретить сопротивление, немцы могли захватить их врасплох. Тем не менее Эйзенхауэр спрашивал себя, имели ли мы право скрывать от войск эту новость, когда итальянцы обещали сражаться на нашей стороне? В конце концов Эйзенхауэр решил, что мы не могли так поступить. Он предпочел рискнуть некоторым ослаблением бдительности войск, но сообщить им приятные известия.

Только через несколько месяцев я узнал, что обстановка была значительно хуже, чем мы предполагали в тот вечер в Алжире. Войска Кларка отбросили всякую осторожность. До того как немцы нанесли удар, многие из них были настолько уверены в благоприятном исходе

высадки, что неожиданное сопротивление противника чуть не привело к панике в некоторых частях.

В Италии немцев не удалось застигнуть врасплох. По тем же соображениям, которыми руководствовался и Эйзенхауэр при выборе места высадки десанта в районе Салерно, противник решил, что именно здесь высадятся войска Кларка. Немцы заминировали побережье, покрыли его проволочными заграждениями, укрепились на ключевых позициях и сосредоточили вблизи Неаполя дополнительные резервы. В конце концов Эйзенхауэр был вынужден бросить всю авиацию средиземноморского театра военных действий, чтобы помочь войскам Кларка удержаться на ненадежном плацдарме.

Разведка, правда, надеялась, что итальянские партизаны смогут замедлить переброску германских подкреплений с севера, однако Беделл по секрету признался, что Эйзенхауэр особенно не полагался на их помощь. Партизанское движение идет от сердца. Только стойкий национальный вождь, олицетворяющий символ морального возрождения, мог преодолеть антипатию итальянского народа к войне. Лишь испытав жестокости немецкой оккупации, итальянцы восстали против немцев под руководством местных вождей. И только после этого несчастный итальянский народ начал проделывать длинный путь, чтобы вернуться в сообщество своих соседей.

Эйзенхауэр лучше, чем кто бы то ни было, охарактеризовал трагедию Италии в своем отчете об этой кампании. «Три года мы старались сломить дух итальянцев, — писал он. — Мы... даже перестарались».

* * *

На следующий день 9 сентября 1943 г. Кин, Хансен и я вылетели на двухмоторном грузовом самолете из Алжира в Марракеш во Французском Марокко. Тогда Марракеш был начальным пунктом линии воздушных коммуникаций командования транспортной авиации из Марокко в Англию. По расписанию в этот вечер из Марракеша в Англию через океан должен был отправиться транспортный самолет «С-54» по маршруту протяженностью 2800 километров. Полет проходил ночью по зигзагообразному курсу на большом удалении от берега, чтобы избежать вражеских истребителей, действовавших с побережья оккупированной Франции.

Диспетчер, проверявший багаж, мельком взглянул на мои генеральские звезды. Он посмотрел по сторонам, а затем шепнул мне через стойку:

— Ведь это грузовой самолет, генерал, а полет продлится девять часов. Подождите до завтра. Мы вам устроим место в прекрасном самолете, который прибудет из Соединенных Штатов.

— Спасибо, — сказал я, — но я тороплюсь. Кроме того, в этом самолете будет не хуже, чем в джипе на фронте.

Поездка в грузовом самолете не беспокоила меня, так как я уже достаточно закалился за месяцы, проведенные в полевых условиях.

Третья звезда на погонах превратила меня в весьма важную персону, и мы были приглашены на обед на виллу Тэйлора, прекрасную зимнюю резиденцию богатого нью-йоркца, построенную в стиле дворцов, описанных в арабских сказках. Здесь в кафельной ванне зеленого цвета, вделанной в пол, я принял первую теплую ванну с того времени, как убыл в Сицилию.

По возвращении на аэродром мы обнаружили, что передняя часть кабины нашего самолета отгорожена и превращена во временную палату для раненого английского генерала. Это был генерал-майор Перси Хоррокс, командовавший продолжительное время корпусом в 8-й армии

Монтгомери. Он был ранен осколком зенитного снаряда во время ночной бомбардировки Бизерты накануне вторжения в Сицилию. Несмотря на серьезное ранение, Хоррокс позднее вернулся в строй в качестве командира корпуса в Европе.

Самолет «С-54» простоял весь день под африканским солнцем, и внутри его было очень душно. Однако через час после вылета из Марракеша на высоте около 4000 метров мы чувствовали себя, как в холодильнике. Большинство остальных пассажиров были летчиками, возвращавшимися в Англию после «челночного» бомбардировочного рейда. Самолет не успел еще подняться в воздух, а они уже отвоевывали себе место на металлическом полу, чтобы выспаться до прибытия в Англию. Я расположился поудобнее на трех откидных сиденьях, укрылся походной шинелью и вскоре уснул.

Проснулся я на рассвете, очолевший и с затекшими членами, с нетерпением ожидая появления побережья Англии. Когда мы повернули из Атлантики к Шотландии, под нами замелькали ярко-зеленые массивы Ирландии. Бодрящий морской воздух благотворно подействовал на нас, когда мы пересекали Ирландское море, затем самолет сделал вираж над поляной для гольфа, и мы приземлились на огромной базе командования транспортной авиации в Престуике.

Здесь нас встретил американский майор — кавалерист в сапогах. Он слышал о действиях наших «кавалеристов» в Сицилии и несколько минут расспрашивал меня, надеясь, что в армии еще сохранились кавалерийские сапоги и седла. Однако его иллюзии быстро рассеялись, когда я сказал ему, что речь шла о вьючных мулах. Он тут же отомстил нам, предложив скудный английский завтрак.

Официантка, коренастая шотландская девушка, говорившая с сильным акцентом, предложила мне на выбор два кушанья, названий которых я не понял.

— Давайте второе, — ответил я беспечно.

Она вернулась с тушеными помидорами. На первое блюдо была вареная рыба. Престуик научил меня завтракать в дальнейшем только в американских военных столовых.

Пока мы ждали попутного самолета до Лондона, в Престуике в специальном самолете приземлился американский посол в России Аверелл Гарриман. Он предложил нам лететь вместе с ним, и через два часа, пробившись через облака, мы увидели сеть аэростатов заграждения, окружавших Лондон.

Деверс приехал на машине в Хенли, чтобы встретить нас. Он учился вместе с Паттоном в Вест-Пойнте в 1909 г. Только четыре месяца тому назад генерал Маршалл назначил Деверса командующим на европейском театре военных действий.

Первым командующим на этом театре был Эйзенхауэр. Он прибыл в Англию в июне 1942 г. в чине генерал-майора. С началом вторжения в Северную Африку в ноябре 1942 г. Эйзенхауэр отправился в Алжир в качестве верховного командующего войсками союзников на этом театре. Но еще в течение нескольких месяцев он одновременно исполнял обязанности американского командующего на европейском театре военных действий. Однако к январю 1943 г. Северная Африка и Европа стали конкурирующими между собой театрами военных действий, и Эйзенхауэр не мог больше разрываться на части между двумя различными театрами. В конце концов военное министерство положило конец такому положению вещей, назначив командующим на европейском театре военных действий генерал-лейтенанта ВВС Франка Эндрюса. Назначение Эндрюса подчеркивало растущее значение нашего воздушного наступления против Германии в 1943 г.

Через четыре месяца Эндрюс погиб. Самолет, на котором он летел, пытался сделать посадку по приборам в Исландии и врезался в гору. Генерал Маршалл назначил Деверса в качестве преемника Эндрюса. Подобно Эйзенхауэру, мне и большинству старших командиров

Деверс был обязан своим назначением тому впечатлению, которое он произвел на Маршалла еще раньше, во время службы в армии.

В 1940 г. генерал Маршалл просматривал список полковников с целью отобрать кандидатов на генеральские должности, нарушил установленный порядок и отобрал двух подающих надежды офицеров для присвоения им внеочередных генеральских званий. Одним был Кортни Ходжес, тогда 53-летний полковник, другим — Джеки Деверс, всего на год моложе первого. В это время Эйзенхауэр и я были подполковниками и считались слишком молодыми даже для должности командира полка. Через шесть месяцев Деверс был произведен в генерал-майоры и направлен в форт Брэгг на должность командира 9-й дивизии. Там ему было приказано расширить помещения, чтобы разместить еще одну дивизию национальной гвардии. Деверс принялся за выполнение задачи с таким рвением, что вскоре стал известен в Вашингтоне как весьма энергичный молодой офицер.

Я познакомился с Деверсом в Вест-Пойнте еще в 1912 г., на втором году обучения. В это время Деверс был назначен в училище преподавателем тактики и одновременно возглавил бейсбольную команду. Три года я играл в его команде. После того как Деверс стал старшим американским командующим на европейском театре военных действий, на него были возложены важные задачи.

В его обязанности входило не только сосредоточение войск и накопление вооружения в Англии для вторжения через пролив Ла-Манш, но он также наблюдал по поручению комитета начальников штабов за планированием совместно с англичанами вторжения во Францию. Самые важные вопросы, конечно, разрешались в Вашингтоне. Но при решении сотен менее важных вопросов, из которых складывался план вторжения, Деверсу было поручено следить за тем, чтобы не ущемлялись американские интересы.

Когда в августе 1943 г. Морган в качестве начальника штаба при верховном главнокомандующем войсками союзников (КОССАК) представил проект вторжения через Ла-Манш объединенному комитету начальников штабов, этим самым его миссия была выполнена. Морган пришел к заключению, что вторжение можно начать в 1944 г. даже при тех скудных ресурсах, которые выделены для выполнения этой задачи. В подтверждение своей точки зрения Морган представил набросок плана. Кодовое название плана «Оверлорд»^[19] было придумано таким мастером красноречия, как У. Черчилль.

Однако на этой стадии операция «Оверлорд» представляла собой только схематичный набросок. Морган наметил участки побережья для высадки десанта, тщательно исследовал пропускную способность портов, определил потребный тоннаж и возможное сопротивление противника. На основе этих данных Морган составил в общих чертах план вторжения. Однако наши трудности только начинались. Чтобы составить детальный план, нам потребовалось еще девять месяцев.

Согласно плану операции «Оверлорд», составленному Морганом, в первом эшелоне высаживалось только три дивизии. Одна американская дивизия высаживалась справа, а две английские — слева. Все три дивизии составляли полевую армию, возглавляемую английским командующим. В дальнейшем при высадке на американский плацдарм других дивизий из них формировалась полевая армия во главе с американским командующим. Одновременно организовывался английский штаб группы армий для руководства обеими армиями. Этот штаб должен был руководить наземными операциями до занятия полуострова Бретань или до развертывания во Франции американской группы армий.

Другими словами, англичане предполагали осуществлять ничем не ограниченное тактическое руководство американскими войсками как при вторжении через пролив Ла-Манш, так и в первые несколько месяцев боевых действий во Франции. Американский штаб Деверса,

помещавшийся в красном кирпичном здании № 20 на площади Гросвенор-сквер, категорически отверг предложение КОССАК. Именно в этот момент острой борьбы за руководство войсками при вторжении через Ла-Манш я и прибыл в Лондон.

Незадолго до моего приезда Деверс попытался ликвидировать тупик, выдвинув свой план. Он предложил, чтобы дивизиями первого эшелона командовали штабы английского и американского корпусов, подчиненные непосредственно верховному главнокомандующему. Однако практически это было невыполнимо, так как Деверс исключил такое основное звено, как армию, ведающую вопросами материально-технического обеспечения войск. ^[20] Кроме того, КОССАК сослался на то, что верховный главнокомандующий физически не сможет осуществлять руководство наземными войсками во время высадки. Я был склонен согласиться с мнением КОССАК.

Когда генерал Маршалл сообщил по радио Эйзенхауэру о том, что я буду во время вторжения возглавлять американскую армию, он указал также, что на меня возлагалась задача развернуть американскую группу армий, чтобы «не отстать от англичан». Полевая армия обычно состоит из двух или более корпусов, в которые входят шесть или более дивизий. В последние несколько месяцев войны в Европе полевая армия часто имела в своем составе двенадцать-пятнадцать дивизий. Однако, когда на фронте действовали две или больше армий, ими должен был руководить вышестоящий штаб. В этом и заключается роль штаба группы армий. К тому времени, когда мы вышли к Эльбе, наша 12-я группа армий состояла из четырех армий, объединявших десять отдельных корпусов в составе сорока трех дивизий.

Хотя генерал Маршалл еще не наметил командующего группой армий, он больше не мог откладывать организацию штаба группы армий на европейском театре военных действий. Если штабы армий и корпусов разрабатывали свои планы вторжения, то и группе армий, чтобы не отстать, было необходимо заниматься планированием. Находясь в США, я должен был не только сколотить штаб 1-й армии, но и укомплектовать штаб группы армий. Эта задача не была особенно трудной, как могло показаться с первого взгляда, так как Деверс уже подобрал начальников для разведывательного и оперативного отделов и отдела тыла штаба группы армий.

За день до моего прибытия в Англию Деверс предложил генералу Маршаллу создать ставку американского командующего по типу ставки Першинга в первую мировую войну. Оперативная группа ставки (первый эшелон) стала бы штабом американских полевых войск, находящихся под непосредственным руководством верховного главнокомандующего. Второй эшелон ставки состоял бы из служб тыла. Генерал Маршалл немедленно отверг этот план. Он не только стремился избежать дублирования в деятельности оперативных и административных органов штаба, но и хотел расположить их как можно дальше друг от друга. Возможно, потому, что он почувствовал в предложении Деверса желание укрыть в недрах штаба американских войск на европейском театре военных действий штаб группы армий, Маршалл пошел еще дальше. Он предложил сделать оба штаба полностью самостоятельными.

«Я хочу, — писал он Деверсу в конце сентября, — чтобы организацией штаба группы армий непосредственно руководил Брэдли под Вашим наблюдением и чтобы этот штаб не стал бы только филиалом или придатком штаба американских войск на европейском театре военных действий».

Получив право на автономию, расширившийся штаб 1-й американской группы армий свернул карты и переехал в новую резиденцию на Брайнстон-сквер, заняв ряд квартир в Вест-Энде, в двух кварталах от Марбл-Арч.

Хотя до отлета в США мне оставалось пробыть в Англии только пару дней, Деверс настоял, чтобы я проехал в Бристоль и посмотрел, подходит ли этот город для размещения штаба 1-й армии.

В американском штабе на европейском театре военных действий уже было принято решение перевести из этого морского порта, являвшегося в свое время центром колониальной работоторговли, штаб 5-го корпуса, чтобы освободить место для штаба 1-й армии. Бристоль был не только удобно расположен всего в трех часах езды на автомашине от Лондона, но имел также стратегическое значение, являясь воротами в юго-западную часть Англии, где сосредоточивались американские войска, готовившиеся к вторжению. Отсюда войска могли без затруднений погрузиться в портах юго-западного побережья Англии.

Я был впервые в Англии и с удовольствием предпринял туристскую прогулку по дороге Лондон — Бристоль, по которой позднее я так часто ездил. От отеля «Дорчестер» в фешенебельном районе Лондона Вест-Энд мы повернули через Гайд-Парк, проехали мимо Альберт-Холла и направились по заполненным народом по случаю субботы улицам Хаммерсмита. Перед заколоченными досками витринами магазинов стояли очереди домохозяек с карточками в руках, терпеливо дожидаясь открытия магазина. Иногда встречались развалины среди запачканных сажей домов, свидетельствовавшие о тех усилиях, которые немецкая авиация прилагала три года тому назад.

Штаб 5-го корпуса расположился в здании колледжа Клифтон, построенном в готическом стиле. Перед фасадом этой закрытой средней школы для мальчиков возвышалась статуя фельдмаршала Эрла Дугласа Хейга, обращенная лицом в поле для игры в рэгби. До августа 1943 г. 5-й корпус находился в Англии в качестве единственного тактического аванпоста в море административных служб. Корпус имел в своем составе только одну дивизию. С того времени, кроме 29-й пехотной дивизии, в Англию были переброшены 3-я бронетанковая дивизия из Соединенных Штатов и 5-я пехотная дивизия из Исландии. К рождеству 1943 г. число дивизий в Англии с трех увеличилось до десяти, а к началу вторжения в Англию было уже двадцать американских дивизий.

5-м корпусом командовал генерал-майор Леонард Джероу, близкий друг Эйзенхауэра еще с тех дней, когда оба они были лейтенантами. Я впервые встретился с Джероу, многообещающим молодым офицером, в 1925 г. Мы оба являлись слушателями пехотной школы. ^[21] 5-й корпус, который в то время был самым крупным американским соединением в Англии, уже был намечен для участия в операции «Оверлорд». 29-ю дивизию предполагалось использовать в авангарде американских войск при высадке в Нормандии, карты которой были развешаны в оперативной комнате Джероу.

Квартира Джероу состояла из одной просто обставленной комнаты на втором этаже старого административного здания колледжа Клифтон. Она находилась непосредственно над его кабинетом, и в ней были слышны телефонные звонки.

— Комната полностью меблирована, Брэд, — сказал он, — вы можете занять ее, когда пожелаете.

— Спасибо, Джи, но она для меня не подходит, — ответил я, — кровать стоит чертовски близко к вашему столу. Я и так спал под оперативной картой почти 9 месяцев. Теперь я хотел бы получить покой хотя бы ночью.

Повседневная кропотливая работа по планированию в Англии была длительным и напряженным процессом. Если бы я просиживал допоздна за письменным столом, мой штаб также считал бы себя обязанным работать до тех пор, пока я не уйду спать. Однако я не видел оснований заставлять работников штаба выбиваться из сил до начала боевых действий.

На следующее утро за завтраком в Клифтоне, к которому были поданы яйца, выпрошенные на американском военном корабле, стоявшем в порту Бристоля, в городе раздался колокольный звон. Хотя было воскресенье, офицеры штаба Джероу переглянулись в изумлении.

— Колокола звонят в первый раз с 1940 г., — объяснил мне улыбающийся Джероу. — Звон

колоколов — это сигнал о вторжении немцев в Англию. Но сегодня они звонят в ознаменование капитуляции Италии.

Мне как-то трудно было представить себе, что всего неделю назад мы сидели с Эйзенхауэром в Карфагене и строили предположения о том, какую позицию займет Бадольо.

В этот же вечер по возвращении в Лондон Хансен и я прогуливались по Гайд-Парку, желая поближе познакомиться с англичанами. На площадке у Марбл-Арч, традиционном месте выступлений уличных ораторов, несколько человек пытались привлечь внимание прогуливающихся жителей Лондона. Пожилой англичанин приятной наружности обращался к своим слушателям с призывом потребовать, чтобы Англия открывала второй фронт.

Седой джентльмен, стоявший с краю толпы, поднял тросточку.

— Ерунда, — сказал он, обращаясь к оратору, — почему вы не займетесь собственными делами и не оставите стратегию военным экспертам?

— Эксперты, говорите вы? — откликнулась женщина. — А кто вы сами, что говорите об экспертах?

Джентльмен покрутил головой и хладнокровно ответил:

— Мадам, вы весьма обяжете меня, если уберетесь ко всем чертям.

Толпа загалдела, и оратор призвал ее к порядку. — Мне бы хотелось напомнить вам, дорогие друзья, — сказал он, — что вопросами стратегии занимается военный кабинет. А военный кабинет создан народными представителями в парламенте. Поэтому любое решение по стратегическим вопросам в этой войне по праву принадлежит вам.

Я подумал, как плохо представлял он себе, что такое «второй фронт», сколько труда требуется, чтобы его открыть. Меньше чем через пять кварталов отсюда, в кирпичном здании на площади Грос-венор-сквер, «второй фронт» уже был нанесен на совершенно секретных картах.

Первая группа офицеров штаба 1-й армии, дислоцирующегося на острове Говернерс-Айленд в Нью-Йорке, прибыла несколько дней тому назад в Лондон, чтобы подготовить помещение для своего штаба. Офицеры рассчитывали, что я возьму целиком штаб 1-й армии из Соединенных Штатов, и чрезвычайно расстроились, когда узнали, что я привез с собой некоторых офицеров из штаба 2-го корпуса. Из четырех основных должностей общей части штаба две отводились для ветеранов 2-го корпуса. Монка Диксона я намечал на должность начальника разведывательного отдела, а Вильсона — на должность начальника отдела тыла. Из восемнадцати должностей начальников отделов и служб специальной части штаба, девять должностей резервировались за офицерами 2-го корпуса.

На должность начальника оперативного отдела штаба 1-й армии мною намечался полковник Трумэн Торсон. Раньше он служил в форте Беннинг, затем к концу кампании в Сицилии прибыл в корпус. До начала войны Торсон был одним из тех офицеров, о которых мы с Ходжесом говорили как о «забытых людях». В армии был введен порядок, согласно которому в командно-штабную школу посылались офицеры только с выдающимися способностями. К сожалению, Торсон в течение трех лет находился в подчинении командира, который не допускал даже мысли о существовании более выдающихся, чем он, офицеров. В результате Торсону не удалось попасть на курсы в Ливенуорте. Когда японцы напали на Пёрл-Харбор, у него на руках был приказ о назначении на какую-то второстепенную должность.

Поскольку Торсон уже раньше занимался составлением плана обороны штата Джорджия на случай чрезвычайного положения, я обратился в военное министерство с просьбой отменить приказ о его переводе и оставить у меня для оказания помощи по разработке плана обороны ключевых объектов в штате. Торсон настолько успешно справился со своей задачей, что когда я стал командиром 82-й дивизии, то взял его к себе в качестве начальника отдела тыла. Затем, после перевода меня в 28-ю дивизию, назначил Торсона командиром полка, в результате чего он

получил повышение в ранге до полковника. Солдаты любили его и прозвали «твердокаменным чертом». На должности командира полка Торсон вновь проявил себя чрезвычайно способным человеком, что сделало его впоследствии ценным офицером в штабе 1-й армии. Мое удачное «открытие» Торсона наглядно показывает, как иногда карьера даже наиболее выдающихся офицеров зависит от случая. Торсон получил временное звание бригадного генерала, став начальником оперативного отдела штаба 1-й армии, и это его звание стало постоянным в конце войны.

В качестве начальника отдела личного состава штаба я наметил полковника Джозефа О'Хейра, который занимал этот же пост в штабе 1-й армии на острове Говернерс-Айленд. О'Хейра, крупного, рыжеволосого ирландца, я знал еще кадетом в Вест-Пойнте, когда мы вместе играли в футбол. После выпуска мы несколько лет служили вместе в Вест-Пойнте, где О'Хейр преподавал французский язык и был тренером футбольной команды.

Хотя О'Хейр был излишне суров в служебных взаимоотношениях, он показал себя исключительно компетентным начальником отдела личного состава. Занимая этот пост сначала в 1-й армии, а затем в группе армий, он всегда действовал решительно и прямолинейно.

— Они считают, что начальник отдела личного состава — сукин сын, — сказал однажды О'Хейр, — и я докажу им, что они правы.

Возможно, по мнению некоторых, О'Хейр являлся для них сукиным сыном, но с моей точки зрения он был одним из способнейших офицеров штаба. Когда во время зимней кампании начальник отдела личного состава штаба служб снабжения, возглавляемых генерал-лейтенантом Ли, запутал вопрос о пополнении войск, не кто иной, как Хейр, разобрался в создавшейся путанице, поставил вопрос перед соответствующими инстанциями в Вашингтоне и в конце концов выправил положение.

Мы провели конец недели в Бристоле, затем направились в Престуик, чтобы оттуда выехать в Соединенные Штаты. Я взял с собой Реда для оказания мне помощи в укомплектовании штаба 1-й армии. Мы позавтракали в Престуике, а пообедали в Исландии в известном «Отеле де Гинк». В тот же вечер наш самолет «С-54» поднялся с острова для следования в Преск-Иль в штате Мэн. Нас сопровождала эскадрилья самолетов «Р-38». Когда остров остался позади и эскадрилья покинула нас, пилот неожиданно сделал вираж и положил машину на обратный курс. Оказалось, что техник забыл закрыть бак в правом крыле самолета и бензин тек оттуда струей.

Пока на стоянке в штате Мэн наш самолет заправлялся горючим, мы торопливо позавтракали ветчиной, яйцами и яблочным пирогом. Через четыре часа мы приземлились в Вашингтоне. По пути мы останавливались в Нью-Йорке для таможенного осмотра. Молодой секретарь начальника генерального штаба блестящий полковник Фрэнк Маккарти сообщил о моем приезде жене и дочери, которые дожидались меня на аэродроме. Элизабет только что приступила к занятиям на старшем курсе в Вассаре. Моя жена поселилась в Вест-Пойнте в отеле «Тэйер» до окончания учебы Элизабет. Элизабет встречалась с матерью в Вест-Пойнте, где она проводила свободное время с одним курсантом, за которого собиралась выйти замуж в июне будущего года. Я представился в Пентагоне, а затем съел целую квартиру мороженого.

Большую часть моего краткого двухнедельного пребывания в Соединенных Штатах я провел в Пентагоне, подбирая личный состав. Нам не трудно было найти нужных офицеров, затруднения возникали, когда ставился вопрос об освобождении их от работы. Вследствие того, что к сентябрю 1943 г. численность армии и ВВС превысила 7 млн. человек, требовалось значительно большее количество хороших офицеров, чем их было налицо. На помощь мне пришел О'Хейр. Он лучше, чем кто-либо другой, знал все тайные пути, которыми мог воспользоваться хороший начальник отдела личного состава. В конце концов ему удалось заполучить большинство необходимых мне людей.

Мне пришлось ждать приема у генерала Маршалла почти неделю. Маршалл не мог принять меня в министерстве ввиду крайней занятости и поэтому пригласил меня сопровождать его в Омаху, где он должен был выступить на национальном съезде Американского легиона. Во время полета в персональном самолете Маршалла мы обсудили кампанию в Сицилии, и я был снова поражен тем, как Маршалл прекрасно знал все детали операции на этом острове. Однако о дальнейших планах не было сказано ни слова, а я от вопросов воздержался. Я мог узнать об этом через начальника штаба при верховном главнокомандующем войсками союзников и через обычные командные инстанции. Маршалла сопровождал еще один генерал, прибывший в США в командировку, — это генерал-лейтенант Симон Воливэр Бакнер. Он только что вернулся из Аляски и собирался направиться на Тихий океан. Я виделся с Бакнером в самолете Маршалла в последний раз 18 июня 1945 г. он был убит японским снарядом на острове Окинава.

Как-то днем, когда я сидел в Пентагоне, просматривая списки полковников, мне позвонил полковник Маккарти из канцелярии начальника генерального штаба: «Из Белого Дома спрашивают, не могли бы вы прибыть туда завтра утром? Президент хотел бы выслушать ваш доклад относительно кампании в Сицилии»

Так состоялась моя первая и последняя беседа с Рузвельтом.

Я не был уверен, должен ли солдат отдать честь своему главнокомандующему, и, подбодрив себя, вошел в кабинет. Президент приветствовал меня из-за своего стола и жестом пригласил сесть. Его крупная голова и массивные плечи возвышались над беспорядочной грудой безделушек на письменном столе.

Мне уже сообщили, что президент особенно интересовался тем, как наши солдаты закалились в боях. Мой доклад был кратким и касался только дела. Президент слушал меня внимательно, показав прекрасное понимание военных вопросов.

Прежде чем я мог сообразить, как это произошло, президент поменялся со мной ролью, посвятив меня в некоторые вопросы. Он сказал мне, что научные силы Америки мобилизованы для осуществления грандиозного проекта — освобождения энергии атома. Он считал, что будет изобретено оружие, которое произведет полнейшую революцию в ведении войны.

Президент назвал это оружие «атомной бомбой».^[22]

Однако в то время он опасался, что немцы могут опередить нас в создании атомной бомбы. Разведка донесла, что немцы вели работу в этом, направлении в Тронхейме в Норвегии, где враг производил «тяжелую воду». Президент хотел познакомить меня с нашими планами на случай, если немцы применят атомное оружие при высадке союзных войск во Франции. Через несколько минут меня проводили из его кабинета, имевшего овальную форму, мимо корреспондентов, находившихся в зале. Никто из них не знал меня в лицо, и я проскользнул незамеченным.

Краткое сообщение в Белом Доме было все, что я слышал об атомной бомбе до возвращения в США спустя месяц после победы над Германией. Я не помню, чтобы за все время войны Эйзенхауэр когда-либо заговаривал со мной об этом. Во время двух посещений нашего фронта в Европе генерал Маршалл даже не намекнул, что у нас делается дома.

Конечно, в двадцатые и тридцатые годы многие военные говорили о необходимости изобрести более сильное взрывчатое вещество, чем тринитротолуол. Ученые создали образцы новых взрывчатых веществ, но они, как правило, были слишком неустойчивы для использования в военных целях. Между тем военная техника делала огромные успехи. Развитие стратегической авиации изменило весь ход войны. Несмотря на это, мы использовали те же взрывчатые вещества, которые применялись еще в первую мировую войну. Все наши усилия свелись лишь к увеличению веса снарядов и дальности нашей артиллерии. Теперь атом должен был заполнить этот разрыв.

Я провел конец недели в Вест-Пойнте, целый день был занят на Говернерс-Айленд, а вечером смотрел в Нью-Йорке «Оклахому». После этого я вернулся в Вашингтон, чтобы закончить подбор офицеров на основные должности как в штабе армии, так и в штабе группы армий. Мой выбор при назначении на должность начальника штаба группы армий пал на Левена Аллена, худощавого, весьма способного штабного офицера. Ему удалось настолько увеличить пропускную способность пехотной школы, что к сентябрю 1943 г. из нее выпускалось ежедневно почти 200 вторых лейтенантов.

В противоположность Кину, отличавшемуся суровым характером и тщательно обдумывавшему каждый свой шаг, Аллен обладал приветливой и непринужденной манерой обращения с людьми. Однако оба они были компетентными офицерами в своей области и как нельзя лучше подходили для работы в своих штабах, резко различавшихся по характеру своей деятельности. Работа в штабе 1-й армии протекала более напряженно и беспокойно, чем в штабе группы армий. Более того, офицеры штаба 1-й армии были хотя и энергичными, но раздражительными и чрезвычайно нервными людьми. Это не отражалось на работе самого штаба, так как офицеры, взятые из 2-го корпуса, прошли суровые испытания во время кампании в Тунисе. Однако ветераны 2-го корпуса в штабе 1-й армии не забыли высокомерного обращения со стороны 7-й армии во время кампании в Сицилии. В результате 1-я армия в своих взаимоотношениях со штабами других армий и особенно с вышестоящими штабами была настроена критически и не признавала других авторитетов, кроме себя. Как будто инстинктивно, штаб 1-й армии замкнулся в своей скорлупе, рассматривая всех посторонних как выскочек, вмешивающихся не в свое дело. Однако, как ни раздражал меня штаб 1-й армии, пока я был командующим группой армий, я никогда не знал лучшего и более преданного штаба, чем тот, с которым я участвовал во вторжении в Нормандию. В штабе группы армий напряжение в работе было значительно меньше, чем в штабе 1-й армии. Штаб группы армий казался развинченным, вялым и не обремененным никакими заботами, за исключением разве отдельных стычек с Монти. Хотя штаб группы армий и не был таким активным, как штаб 1-й армии, он работал не менее эффективно.

Я стремился поскорее приступить к планированию вторжения. 1 октября я вылетел на самолете «С-54» из Вашингтона в Англию по большому северному маршруту, установленному на зимний период.

Прежде чем приступить к разработке операции «Оверлорд», я обеспечил себя квартирами и в Лондоне и Бристоле, так как трудно было определить, сколько времени мне придется потратить в штабе 1-й армии и сколько в штабе группы армий. Поскольку штаб американских войск на европейском театре военных действий, штаб при верховном главнокомандующем войсками союзников (КОССАК) и штаб 21-й группы армий дислоцировались в Лондоне, вначале было важно, чтобы моя резиденция находилась поближе к ним. Поэтому я решил первую половину недели находиться в Лондоне, а вторую половину и воскресенье — в Бристоле. Я прикомандировал Бриджа к штабу группы армий, а Хансена — к штабу 1-й армии. К счастью, 1-я армия переходила в оперативное подчинение группы армий только после переброски штаба группы армий во Францию. В противном случае мне пришлось бы командовать самим собой. Тем не менее иногда поступали телеграммы командующему 1-й армией Брэдли, подписанные командующим 1-й группой армий Брэдли. 1-я группа армий, в целях обмана немцев во время вторжения, была позднее переименована в 12-ю группу армий.

В Лондоне я разместился в отеле «Дорчестер», прекрасном здании в Вест-Энде,

расположенном у Гайд-Парка. Отель находился не только поблизости от американской военной столовой, но и всего лишь в десяти минутах быстрой ходьбы от штаба группы армий на площади Брайнстон-сквер.

— Я должен информировать вас, сэр, — сказал офицер-квартирьер, — что крыша отеля «Дорчестер» усилена. Только большая бомба может пробить ее. Я часто вспоминал об этом, спокойно лежа в постели во время зимних ночных налетов немецкой авиации.

Офицеры из штаба 2-го корпуса только что прибыли на самолетах в Бристоль с желтыми лицами от приема таблеток атабрина, который выдавался войскам на средиземноморском театре военных действий в качестве профилактического средства от малярии. За три недели до этого я также приехал в Англию желтый, как тыква. В последний вечер в Сицилии Кин радостно выпил со мной за то, что он принял последнюю таблетку атабрина. На следующее утро он признался, что его тост был преждевременным. Таблетки нужно было принимать еще 6 недель после отъезда с театра военных действий на Средиземном море.

Штаб 5-го корпуса реквизирует для меня дом за грядой бристольских меловых холмов. Здание было достаточно просторным для размещения основных офицеров штаба и адъютантов. Это была английская усадьба с залом для танцев, теплицами и конюшнями. Нам сказали, что дом предназначался для проживания трудновоспитуемых девушек. Когда первый грузовик американской армии въехал во двор усадьбы, соседи облегченно вздохнули.

Пока в усадьбе шла подготовка к нашему размещению, Кин и я временно расположились в бристольском фешенебельном «Гранд-отеле», находившемся в старинной части города. Когда мы подошли к конторке, чтобы зарегистрироваться, клерк, ведавший распределением комнат, развел руками.

— Извините, господа, — сказал он, — но, честное слово, у нас нет ни одной свободной комнаты. Как вы знаете, в Бристоль приезжает очень много туристов-англичан.

Тупик удалось преодолеть только после звонка полковника Гидли-Китчена, начальника бристольского военного района, который поспешил нам на помощь.

Когда я расписался в книге для приезжающих, клерк приложил пресс-папье и взглянул на меня.

— Я надеюсь, сэр, — сказал он, — что вы у нас не задержитесь.

Я также надеялся на это. Я торопился поскорее пересечь Ла-Манш и узнать, что ожидало нас на другой стороне пролива.

12. Разработка плана вторжения во Францию

Чтобы проследить с самого начала нашу подготовку к вторжению через Ла-Манш, следует вернуться к тому, что происходило в полночь 2 июня 1940 г. В эту ночь английский генерал-майор пробирался на небольшом судне между обломками разбитых кораблей у побережья Дюнкерка. При свете пожаров, возникших в результате налетов германской авиации, он смотрел, не остались ли в гавани и на побережье союзные солдаты, ожидавшие погрузки. Убедившись, что там не осталось ни одного солдата, командир 1-й английской дивизии генерал-майор Гарольд Александер приказал капитану судна взять курс на Англию. Александер был последним из более чем 335 тыс. союзных солдат, эвакуированных с континента у Дюнкерка в Англию.

За два дня до этого командир другой английской дивизии погрузил своих солдат на побережье Северного моря на суда и направился в опасный путь в Англию. Он был третьим сыном епископа англиканской церкви на острове Тасмания, звали его Бернард Лоу Монтгомери.

Обойденный в результате стремительного прорыва немцев и капитуляции бельгийского короля Леопольда, британский экспедиционный корпус численностью 255 тыс. человек оказался в мешке на побережье Северного моря. Английский военный флот с помощью других подручных средств сумел обеспечить погрузку на суда британского экспедиционного корпуса и доставил его в Англию всего за несколько часов до выхода немецких войск на побережье. Когда вверх по Темзе в беспорядке шли суда с усталыми, голодными и упавшими духом английскими войсками, бросившими во Франции оружие и боевую технику и потерявшими почти всякую надежду на будущее, война казалась уже проигранной всего лишь через 9 месяцев после ее начала.

Однако, когда германская армия вышла на побережье Ла-Манша, выяснилось, что она превзошла самые смелые надежды своих штабов. Германское верховное командование не предвидело, что необходимость форсирования Ла-Манша может возникнуть так скоро, и это было одним из главных просчетов немцев во время войны. Они рассчитывали, что после падения Франции Англия также выйдет из войны, и поэтому не подготовили десантных средств для форсирования Ла-Манша. Возможно, этот просчет в большей степени, чем что-либо другое, обрек Германию на поражение.

Не желая подвергать себя риску, связанному с вторжением в Англию, имевшую мощный морской флот, немцы решили предварительно ослабить Англию воздушными бомбардировками. Четыре года германская армия топталась на побережье, пока не превратилась из охотника в дичь. Как битва за Англию была битвой за Ла-Манш, так и битву за Германию следовало начать с овладения Ла-Маншем.^[23] С того момента, когда Александер эвакуировался из Дюнкерка, форсирование Ла-Манша стало неизбежной предпосылкой победы союзников на западе.

Даже после того, как английские военно-воздушные силы отразили сильные удары германской авиации в тяжелое для нас лето и осень 1940 г., трудно было представить себе, как Англия сможет выстоять против превосходящих сил противника. Германия захватила побережье Атлантики от Нарвика в Норвегии до Пиренеев в Испании. С захватом французских портов в Бретани адмирал Карл Дениц приблизил базы германских подводных лодок вплотную к морским коммуникациям Англии. Союзные потери на море возрастали катастрофически, пока к концу 1940 г. они не превысили 5 млн. тонн. Хотя Англия вступила в войну, имея большой надводный флот, что в конце концов спасло ее, она не могла возместить потери в судах, грозившие парализовать ее судоходство.

Германия обеспечивала свою огромную военную машину людскими ресурсами,

продовольствием и другими средствами за счет оккупированных стран Чехословакии, Польши, Дании, Норвегии, Голландии, Люксембурга, Бельгии и Франции. За кордоном захваченных стран Германия расширяла свою военную промышленность, готовясь возобновить наступление. К 1941 г. производство самолетов в Германии увеличилось до 12 тыс. в год против 8 тыс. в начале войны. За этот же период производство танков возросло с менее чем одной тысячи до более чем 3600 машин в год.

Воздушная битва над Англией помогла пробудить наш народ, осознавший грозившую опасность. 31 августа 1940 г. национальная гвардия была призвана на федеральную службу. Через две недели конгресс одобрил первые мероприятия США по подготовке к войне.

В этот критический 1940 г. я в звании подполковника служил в штабе генерала Маршалла. Я видел, как терпеливо подталкивал он конгресс, стараясь шаг за шагом увеличить армию со 191 тыс. человек в 1939 г. до того размера, который был разрешен на 1940 г., - до 280 тыс. человек. 1 сентября, когда генерал Маршалл принял присягу, вступая на пост начальника генерального штаба армии, гитлеровские войска сосредоточились для нападения на Польшу.

Несмотря на скудные военные возможности Соединенных Штатов осенью 1940 г., американские наблюдатели в Англии пришли к выводу, что в случае нашего вступления в войну в первую очередь следовало разгромить Германию. Германия была не только зачинщиком агрессии в мировом масштабе, но, освоив завоеванное, она одна была бы в состоянии доставить нас в безвыходное положение или даже разгромить. На Тихом океане Япония также год от года становилась все более воинственной, однако она могла нанести нам ущерб, но не могла нас уничтожить.

В начале 1941 г., когда первые контингента призывников стали размещаться в неблагоустроенных военных лагерях Соединенных Штатов, английские и американские военные руководители впервые провели в Вашингтоне секретное совещание. В результате этих консультаций в 1942 г. был создан орган, известный под названием объединенного комитета начальников штабов. В него входили командующие видами вооруженных сил как Англии, так и Соединенных Штатов, включая неофициального начальника штаба при Рузвельте адмирала флота Уильяма Леги. Объединенный комитет начальников штабов стал руководящим военным органом союзников. Хотя отдельные члены комитета продолжали подчиняться непосредственно своим главнокомандующим, комитет в целом подчинялся и Рузвельту и Черчиллю. Создание такого органа оказалось весьма полезным, так как этим не только достигалось единство командования, но и устранялась опасность ущемления интересов как той, так и другой стороны.

На совещаниях объединенного комитета в Вашингтоне в феврале и марте 1941 г. военные руководители Англии и США впервые договорились, что если Соединенные Штаты будут втянуты в войну, то первый удар должен быть нанесен по Германии.

22 июня 1941 г. Германия напала на Россию. Между тем положение Англии ухудшилось. ^[24] В Северной Африке фашистские армии создали угрозу прорыва через Египет в стратегически важные районы добычи нефти на Среднем Востоке. Обнаглевшие японцы заставили Англию перебросить дополнительные войска в Гонконг и Малайю, хотя сама Англия находилась под угрозой вторжения немецких войск. Германские подводные лодки стали охотиться еще более усиленно на жизненно важных коммуникациях Англии в северной части Атлантического океана, пока в конце 1941 г. союзные потери на море не превысили 9,5 млн. тонн. К этому времени адмирал Дениц увеличил количество подводных лодок в три раза по сравнению с тем, что Германия имела перед войной.

Хотя Англия разработала план форсирования Ла-Манша еще в 1941 г., однако он был фантастически преждевременным. Восемь дивизий, которые Англия наскребла для обороны метрополии, было слишком мало по сравнению с мощью немецкой армии. Гитлер бросил

против России не менее 165 дивизий, однако еще 63 дивизии оставались в оккупированной Европе.

При наличии таких скудных ресурсов Англии ничего больше не оставалось делать, как только возложить все свои надежды на истощение Германии. Если Германию нельзя было разгромить вооруженным путем, тогда можно было попытаться задушить ее экономически, надеясь на ее крах изнутри. Если этого удалось добиться в 1918 г., рассуждали англичане, то нельзя ли повторить этот опыт еще раз? Таким образом, с осени 1941 г. Англия стала неосновательно строить свои мечты победить Германию на весьма шатком основании, надеясь, что ее можно будет сокрушить морской блокадой, воздушными бомбардировками промышленных объектов, ростом сопротивления в оккупированных странах. Но самое главное, на что рассчитывала Англия, — это истощение Германии в войне с Россией.

Генерал Маршалл сочувствовал англичанам и понимал их трудности, которые заставляли их применять стратегию истощения Германии. Однако уже в сентябре 1941 г. он заявил английским начальникам штабов, что войну нельзя выиграть одним выжиданием, Германию нельзя разбить никакими окольными путями, кроме как наступательными действиями. Чтобы подавить наступательную мощь Германии, говорил Маршалл, необходимо схватиться с германской армией и уничтожить ее в открытом бою. В устах генерала Маршалла эти слова звучали в 1941 г. смело, несмотря на огромный военный потенциал, который находился в это время в процессе мобилизации. Англия не могла еще рассчитывать на эти огромные ресурсы, пока они не были в ее распоряжении. Обстановка диктовала, чтобы ее стратегия основывалась на имевшихся в наличии ресурсах.

7 декабря 1941 г. и Соединенные Штаты оказались втянутыми в войну, причем это произошло так внезапно и последствия были такими катастрофическими в результате нападения Японии на Пёрл-Харбор, что пришлось почти целиком отказаться от наших стратегических замыслов — разгромить Германию в первую очередь. Флот понес значительные потери и с трудом мог обеспечить безопасность морских коммуникаций. К 7 декабря 1941 г., то есть через 15 месяцев после объявления мобилизации, численность армии увеличилась до 1,7 млн. человек, или до 36 дивизий. Но только немногие из них были готовы к боевым действиям. И хотя численность военно-воздушных сил возросла до 270 тыс. человек, они все еще не вышли из пеленок.

Теперь, когда Соединенные Штаты активно участвовали в войне, соображения объединенного комитета начальников штабов могли быть претворены в реальный стратегический план. Почти сразу же вслед за вступлением США в войну Черчилль и его военный штаб отправились в Вашингтон, чтобы объединить свои ресурсы с нашими.

Согласившись проводить стратегию, направленную на то, чтобы в первую очередь разгромить Германию, английские и американские представители, занимавшиеся планированием, руководствовались старым военным правилом: сосредоточивать силы на решающем направлении. Во-первых, разгром Германии значительно затруднил бы Японии дальнейшее ведение войны, и, во-вторых, союзники могли использовать свои объединенные силы для наступления только против Германии. Ни Англия, ни Россия не могли снять войска со своих границ, чтобы сражаться с японцами на Тихом океане. Если бы Япония стала первоочередным объектом возмездия союзников, тогда Соединенным Штатам пришлось бы предпринять наступление против нее в одиночку. В то же время Германия находилась в Европе в тисках между союзными державами. Как Англия, так и Россия могли защитить себя, осуществляя наступление на Германию. Ко всем изложенным соображениям можно добавить еще одно, наиболее важное: для того чтобы Россия могла устоять против Германии как наш союзник, мы должны оказать ей немедленную помощь. Под такой помощью понималось

отвлечение германских войск с русского фронта, что могло быть достигнуто только открытием второго фронта.

Во время тяжелой зимы 1941 г. счастье, наконец, улыбнулось нам. У ворот Москвы, когда германские армии, казалось, должны были восторжествовать, суровая русская зима неожиданно парализовала германскую военную машину. Вновь, как и у Дюнкерка, гитлеровское верховное командование дорого поплатилось за то, что не провело всестороннюю подготовку. В тщательно разработанных планах войны в России не были должным образом учтены сильные холода на ее просторах. Когда Красная Армия прекратила отступление и закопалась в землю, немцы неожиданно оказались в опасном положении на обледенелых пространствах России.^[25] К тому же партизаны нападали на уязвимые коммуникации германской армии. В этих условиях немцы начали стратегическое отступление, чтобы продержаться до наступления весны.

Так в рождество 1941 г. русские неожиданно стали ключом к стратегии союзников в следующие два года. Важнее всего было, чтобы Россия продолжала войну, так как нигде в другом месте нельзя было так ослабить Германию, как на восточном фронте. Благодаря отступлению германской армии от Москвы союзники почти чудом преодолели второй опасный кризис во время войны.

* * *

Почти с первого дня вступления Соединенных Штатов в войну наши штабы начали изучать единственно возможный путь, который привел бы к схватке с германской армией. Как бы ни была трудна задача форсирования Ла-Манша, но ее надо было решить. Ведь до высадки десанта во Франции мы не могли начать наступления на Рур и Берлин. В то же время, в связи с приближением союзных армий к германской границе с запада, Гитлер неизбежно ослабил бы свои войска на восточном фронте. Никакой другой образ действий союзников не мог дать таких решающих результатов.

Однако американские стратеги предвидели необходимость тщательного и длительного планирования операции вторжения через Ла-Манш. Они должны были выяснить, какое значение для успеха вторжения через Ла-Манш будет иметь каждый наш шаг, каждая тонна грузов. Все мероприятия союзников в других районах земного шара нужно было подчинить этой основной задаче.

В конце марта 1942 г. президент Рузвельт, опасаясь поражения англичан в Ливийской пустыне, удивил американских начальников штабов, предложив временно отложить вторжение через Ла-Манш, чтобы дать возможность использовать американские войска в Сирии, Ливии и даже в Северо-Западной Африке.

Генерал Маршалл был крайне изумлен, однако он понимал, что нельзя отвергнуть план президента, не предложив ничего взамен. Через неделю он представил на рассмотрение Белого Дома первый план вторжения через Ла-Манш в 1943 г. Он не хотел отвлекать силы на авантюру в Средиземном море, которая в стратегическом отношении носила бы чисто оборонительный характер. Освобождение Северной Африки привело бы к сохранению Средиземного моря в руках союзников, однако победа на этом театре не дала бы решающих результатов. Если бы союзники израсходовали свои силы на второстепенных театрах, тогда у них не осталось бы войск для осуществления вторжения через Ла-Манш крупными силами.

В апреле 1942 г. генерал Маршалл отправился в Англию вместе с Гарри Гопкинсом. Он имел при себе набросок плана вторжения через Ла-Манш в 1943 г. Чтобы добиться одобрения его плана английскими начальниками штабов, генерал Маршалл основывал его на

неисчерпаемых ресурсах Соединенных Штатов. Если его план будет одобрен, говорил Маршалл, Соединенные Штаты сосредоточат в Англии к весне 1943 г. американские войска численностью в один миллион человек. С редким энтузиазмом англичане отказались от своих оговорок по вторжению через Ла-Манш и сами принялись составлять планы совместной высадки десанта во Франции.

Чтобы обеспечить сосредоточение в Англии в 1943 г. того количества американских войск, которое генерал Маршалл обещал отправить из США, планирующие органы разработали план, известный под шифрованным названием «Болеро». В то время проект плана «Болеро» должен был казаться скорее фантастическим, чем реальным, ибо генерал Маршалл говорил о переброске в Англию в 1943 г. миллиона американских солдат, тогда как к маю 1942 г. мы доставили лишь 32 тыс. человек.

Однако, пока союзники готовились к вторжению, перед ними встала в 1943 г. более настоятельная задача — помочь России продержаться в течение этого года. Несмотря на отступление немцев под Москвой, никто не недооценивал возможностей Гитлера начать весеннее наступление.

Для спасения России, в случае если бы она оказалась перед катастрофой в результате ожидавшегося весеннего наступления немцев, союзники разработали запасный чрезвычайный план вторжения через Ла-Манш летом 1942 г. ^[26] Целью этой операции было ослабить давление немцев на русском фронте, причем ее следовало проводить только в том случае, если бы чрезвычайные обстоятельства вынудили к этому. Ибо с имевшимися у нас в 1942 г. незначительными силами мы могли рассчитывать только на захват плацдарма, надеясь, что этим нам удастся ослабить давление немцев на русском фронте. Операция имела кодовое название «Следжхаммер» (кузнечный молот), однако для нее лучше подошло бы наименование «Такхаммер» (молоток).

За время, истекшее с апреля по июнь 1942 г., когда состоялась новая встреча американских и английских начальников штабов, энтузиазм к проведению операции «Раундап» («Облава» — так назвал генерал Маршалл свой план вторжения во Францию в 1943 г.) начал постепенно ослабевать по обе стороны Атлантики. По возвращении генерала Маршалла в Соединенные Штаты скептицизм англичан вновь возродился, так как английские стратеги все еще не были полностью убеждены в возможности осуществить вторжение через Ла-Манш. Даже в Вашингтоне нашлись лица, возражавшие против приоритета, который генерал Маршалл требовал для плана «Болеро» при подготовке вторжения во Францию в 1943 г. Руководители флота, теперь полностью поглощенные войной на Тихом океане, боялись, что осуществление плана «Болеро» помешает их планам в кратчайший срок сосредоточить силы на Тихом океане.

В конце концов не робость союзников, а действия войск оси привели к отсрочке вторжения через Ла-Манш. 13 июня 1942 г. африканский корпус Роммеля разгромил британские танки в Ливийской пустыне и отбросил имперские войска за египетскую границу. Англичане остановились и окопались у арабской деревни Эль-Аламейн, всего в 100 километрах от своей мощной военно-морской базы в Александрии. Спустя неделю 30 тыс. англичан сдались Роммелю в Тобруке.

Тем временем в России Гитлер сосредоточил 75 дивизий для нового летнего наступления. ^[27] На этот раз, руководствуясь интуицией Гитлера, немецкие войска наступали не на Москву, а в направлении Донецкого промышленного бассейна и огромных нефтяных районов Кавказа. В то время немногие английские и американские военные руководители верили, что Россия сможет продержаться до следующей зимы, когда мороз вновь станет ее самым сильным союзником. Подобно германским генералам, эти офицеры не принимали в расчет огромные ресурсы, сосредоточенные Россией в районе Урала. Если каким-нибудь чудом России удастся

продержаться летом 1942 г, к тогда, считали они, она сможет оказывать сопротивление и дальше.

(В это время никто еще не мог предвидеть Сталинградской битвы.) Однако было понятно, что если фашисты сумеют прорваться через Египет, они перережут Суэцкий канал и изгонят англичан из богатых нефтью районов Среднего Востока. Поражение англичан в Египте подготовило бы условия для еще более грандиозной катастрофы. Если бы Гитлеру удалось объединить свои силы, развивавшие наступление в Африке и России, он осуществил бы мечту Наполеона завоевать Индию и Средний Восток посредством огромного двойного охвата через Кавказ и Аравийскую пустыню (схема 17).

За два месяца фашисты сорвали планы союзников осуществить вторжение через Ла-Манш в 1943 г. Если бы союзники не бросили в борьбу в 1942 г. свои немногочисленные дивизии, они могли проиграть войну еще до введения в действие огромных ресурсов Соединенных Штатов. Именно в предвидении такого чрезвычайного положения и был разработан план операции «Следжхаммер». Но на пути осуществления этого плана встал Черчилль. Он отверг план «Следжхаммер», мотивируя это тем, что «не следует высаживать во Франции значительные силы, если мы не намереваемся закрепиться там». Соединенные Штаты не могли спорить с Черчиллем, так как в случае высадки союзников в 1942 г. основные силы десанта состояли бы из англичан. Кроме того, мнение Черчилля, видимо, было обоснованным, потому что с имевшимися силами западные союзники едва ли смогли бы удержаться на плацдарме в Европе в 1942 г. Если бы мы высадились, а затем были сброшены немцами в море, военное значение такой операции было бы более чем сведено на нет катастрофическим моральным воздействием, которое наша неудача оказала бы на оккупированные народы. Самое главное заключалось в том, чтобы союзники поддерживали среди народов Европы непоколебимую уверенность в их освобождении. Пусть лучше они будут освобождены позднее, чем полностью подорвать их веру в наши силы.

Несмотря на убедительность аргументов Черчилля, Рузвельт настойчиво заявлял, что союзники не могут сидеть сложа руки до лета 1943 г. Лучше предпринять что-нибудь, чем сидеть сложа руки, говорил Рузвельт. Когда 18 июня 1942 г. премьер-министр прибыл в Вашингтон, у него уже был заготовлен ответ Рузвельту. Так как вторжение через Ла-Манш в 1942 г. не могло состояться из-за недостатка ресурсов у союзников, Черчилль предложил провести диверсию против немцев на Средиземном море, чтобы удержать Россию в войне. В его первоначальном плане в качестве объекта для удара был намечен французский порт Дакар. Однако Дакар отделяли от Средиземного моря непроходимая пустыня и в равной степени непроходимые горы Атлас. Еще хуже было то, что Дакар находился на расстоянии 2500 километров по суше от Алжира, в 3500 километрах от Туниса и в 8000 километрах от Эль-Аламейна! Так как захват Дакара не оправдывал ни риска, ни требовавшихся для этой цели ресурсов, вместо плана Черчилля был принят более смелый план под условным названием «Торч».

Осуществление операции «Торч» привело союзников в Северную Африку. Пасмурным утром 8 ноября 1942 г. английские и американские войска высадились в Алжире, Оране и Касабланке, осуществив свою первую большую десантную операцию. Однако операция «Торч» обошлась союзникам дорого. В результате мы не только были вынуждены отказаться от проведения операции «Раундап» в следующем, 1943 г., но и затянули вторжение через Ла-Манш до 1944 г. Предприняв эту отвлекающую операцию на Средиземном море, союзники отклонились в сторону от выполнения своей главной стратегической задачи. Только в январе 1943 г., когда объединенный комитет начальников штабов собрался в Касабланке, генерал Маршалл смог переключить его внимание на организацию вторжения через Ла-Манш. И даже

тогда он был вынужден уступить и согласиться на высадку десанта в Сицилии. Ибо, начав операции на Средиземном море, англичане уже не хотели отказаться от них. Политические преимущества в результате ведения войны на этом театре военных действий хорошо компенсировали недостаточные военные выгоды.

Сумев втянуть нас в войну на Средиземном море, Черчилль не переставал выступать в пользу своей излюбленной стратегии ударов по «мягкому подбрюшью» держав оси. Еще в сентябре 1942 г., то есть за два месяца до высадки союзных войск в Северной Африке, Черчилль замыслил проведение дальнейших операций на Средиземном море. В Касабланке он выступил еще более энергично за продолжение войны на этом театре военных действий.

Генерал Маршалл, однако, был настолько убежден в стратегической необходимости вторжения через Ла-Манш, что остался равнодушным к доводам премьер-министра Англии. Генерал Маршалл больше всего опасался, что стремление англичан добиться легких побед на Средиземном море вовлечет нас в бесперспективную войну. Таким ожиданием у моря погоды, говорил Маршалл, нельзя выиграть войну.

Англичане, соглашаясь с генералом Маршаллом, что стратегическое планирование следует нацелить на вторжение через Ла-Манш, все же настаивали, чтобы мы использовали наши успехи на Средиземном море. Они все еще надеялись, что мелкими уколами во фланги стран оси сумеют выиграть войну. В Касабланке англичане требовали вслед за операцией «Торч» начать другую операцию на Средиземном море.

Хотя операция «Раундап» еще формально не была отменена, отвлечение ресурсов союзников в Северную Африку исключило всякую возможность успешного вторжения через Ла-Манш в 1943 г. Вслед за высадкой союзников в Северной Африке в ноябре 1942 г. последовало сокращение контингентов войск, которые должны были быть переброшены из США в Англию. Вместо 1147 тыс. человек посылалось только 427 тыс. Таким образом, если бы союзникам даже удалось собрать достаточные силы для вторжения в 1943 г., немцы значительно превосходили бы их по численности. В результате англичане имели основания утверждать, что вторжение через Ла-Манш в 1943 г. окажет лишь незначительное влияние на ход сухопутных боев в Европе.

* * *

К этому времени стратегическая обстановка вновь изменилась и то затруднительное положение, в котором союзники оказались всего лишь несколько месяцев тому назад, перестало существовать. В октябре 1942 г. англичане у Эль-Аламейна не только остановили продвижение Роммеля на Средний Восток, но Монтгомери сам неожиданно перешел в контрнаступление. К январю 1943 г., когда объединенный комитет начальников штабов собрался в Касабланке, 8-я армия Монтгомери отвоевала более 2250 километров побережья Северной Африки, разгромив фашистские войска и подойдя к Триполи.

* * *

В России другая охватывающая стратегическая группировка фашистской армии Гитлера, ставившего своей целью прорваться на Средний Восток, была уничтожена на Кавказе. Красная Армия не только сдержала немецкое наступление под Сталинградом, но, разгромив войска фельдмаршала Фридриха фон Паулюса, окончательно подорвала веру германского народа в победу на русском фронте.

При наличии такой стратегической обстановки англичане могли вполне резонно задать вопрос на конференции в Касабланке: зачем подвергать себя риску вторжения в Европу в 1943 г.? Оно не может дать решающих результатов. В то же время не поставит ли оно наши войска на грань катастрофы? Раз так успешно начаты операции на Средиземном море, зачем нам отказываться от них сейчас, когда нам негде больше приложить свои силы?

В самом деле, летом 1943 г. не представлялось возможности осуществить какую-либо операцию в другом месте, и генерал Маршалл был вынужден согласиться. В результате 14 января 1943 г. объединенный комитет начальников штабов дал указание Эйзенхауэру вторгнуться в Сицилию «в наиболее благоприятный период времени — в июле».

Если бы на лето 1943 г. не было запланировано какое-нибудь наступление, тогда союзные войска на средиземноморском театре военных действий бездельничали бы целое лето на побережье Северной Африки. Такая бездеятельность не привела бы к выигрышу войны, в равной степени она не оказала бы никакой помощи русским. Несмотря на то, что зимой русская армия перешла в контрнаступление, союзные стратеги опасались, что Россия все еще может заключить сепаратный мир с Германией. ^[28] Они настаивали на том, чтобы оказывать помощь России и поддерживать ее в войне любой ценой. Хотя вторжение в Сицилию и не оказало бы прямой поддержки русскому фронту, тем не менее оно создавало угрозу Италии. А в случае краха Италии Германия должна была бы за счет своего резерва заменить 33 итальянские дивизии, находящиеся на Балканах и в Южной Франции.

Немалое значение имела для союзных стратегов также перспектива экономии тоннажа судов в результате кампании в Сицилии. С захватом этого острова германская авиация была бы вынуждена базироваться на итальянском сапоге и Средиземное море стало бы открытым для союзных конвоев, направляющихся к Суэцкому каналу. В январе 1943 г. нельзя было легкомысленно отказаться от такого преимущества, так как недостаток морского тоннажа у союзников сильно ограничивал масштабы наступательных операций.

Начиная с 4 сентября 1939 г., когда английский лайнер «Атения» был торпедирован немцами у побережья Шотландии, фашистские подводные лодки потопили суда союзников общим водоизмещением больше чем 17 млн. тонн. Это в полтора раза превышало общий довоенный тоннаж американского торгового флота и было эквивалентно 1500 судам типа «Либерти». Между тем, несмотря на растущие потери на море, к концу 1942 г. германский подводный флот значительно усилился, получив 159 новых подводных лодок. Немцы начали войну в 1939 г., имея всего лишь 59 подводных лодок. После капитуляции в 1945 г. адмирал Дениц заявил, что Германия проиграла битву за Атлантику, еще не начав ее. За пять с половиной лет войны Германия построила 1105 подводных лодок. Если бы в начале войны Германия располагала только половиной этого количества подводных лодок, она могла выиграть войну до того, как мы изменили ее ход в свою пользу.

Стараясь придерживаться стратегии союзников, нацеленной на вторжение через Ла-Манш, генерал Маршалл на конференции в Касабланке прилагал все усилия, чтобы добиться от англичан твердого заверения о проведении вторжения в 1944 г. Однако английские руководители предпочли обойти этот вопрос и обусловили свое согласие различными оговорками. Если генерал Маршалл рассматривал вторжение через Ла-Манш как средство для нанесения решающего удара, который привел бы к разгрому войск оси, то англичане хотели воспользоваться вторжением только для нанесения завершающего удара лишь тогда, когда немцы будут находиться на грани истощения.

Хотя генералу Маршаллу не удалось получить твердых заверений на конференции в Касабланке, тем не менее он подвел базу [216 для осуществления своей цели. В конце совещания объединенный комитет начальников штабов принял решение создать штаб для планирования

вторжения через Ла-Манш, позднее известный под названием «КОССАК». В то же время комитет одобрил усиление темпов накопления сил в Англии, согласно плану «Болеро», для готовившегося вторжения в 1944 г. Если англичане все еще были против вторжения через Ла-Манш, во всяком случае, они не возражали против того, чтобы приступить к его подготовке за полтора года до его осуществления.

Когда объединенный комитет начальников штабов собрался вновь, на этот раз в мае 1943 г., внимание англичан все еще было приковано к кампании в Италии. Опять вторжение через Ла-Манш было отодвинуто на задний план. Захват в плен 267 тыс. фашистских солдат в Тунисе оказался неожиданно высокой наградой за операцию «Торч». Авиация уже усиленно занималась подготовкой вторжения в Сицилию. Что могло быть более логичным, спрашивали англичане, как не прыжок из Сицилии через Мессинский пролив на материк Италии? «Падение Италии, — говорил Черчилль, открыто смакуя такую перспективу, — создаст у германского народа чувство одиночества и может стать началом конца Германии».

Однако с точки зрения американцев, пророчество Черчилля не было обоснованным. Как бы ни было велико психологическое значение крушения Италии, Германия не была бы поставлена на колени из-за потери своего союзника.

Хотя американцы в высшей степени осторожно относились к перспективе новой кампании на Средиземном море, им было трудно возражать против продолжения в 1943 г. операций, начатых в Сицилии. Солдаты не могли сидеть без дела, раз противник был налицо. Однако американцы настаивали на том, что масштабы дальнейших операций на Средиземном море должны соотноситься с ресурсами. В противном случае, опасались они, мы израсходуем на ведение второстепенных операций на Средиземном море стратегические ресурсы, предназначенные по плану «Болеро» для вторжения через Ла-Манш в 1944 г.

Вновь, как уже однажды было в Касабланке, английские и американские стратеги рассматривали эту проблему с разных точек зрения и не пришли к единому мнению. Американцы опасались, что постоянные стремления англичан искать новые возможности для ведения военных действий на Средиземном море в конце концов приведут к истощению ресурсов, необходимых для операции вторжения через Ла-Манш. Со своей стороны, англичане считали, что неуклонное стремление американцев провести вторжение через Ла-Манш помешает Англии использовать благоприятные возможности, чтобы добиться быстрого успеха на Средиземном море.

При рассмотрении этих противоположных точек зрения объединенный комитет начальников штабов пошел на компромисс. Хотя он не считал целесообразным планировать вторжение в Италию задолго до того, как будет произведена высадка десанта в Сицилии, Эйзенхауэру было предложено запланировать ряд «таких последовательных операций», которые помогли бы вывести Италию из войны.

В то же время комитет занялся уточнением вопросов, связанных с вторжением через Ла-Манш. Для операции выделялось 29 дивизий вместе со средствами усиления с задачей «высадиться и закрепиться на плацдарме, с которого можно было бы предпринять дальнейшие наступательные операции». Была даже установлена дата начала операции — 1 мая 1944 г.

Чтобы обеспечить бесспорный приоритет вторжению через Ла-Манш, было намечено перебросить осенью со средиземноморского театра военных действий в Англию четыре американские и три английские дивизии, которые уже приобрели боевой опыт.

В результате соглашения, достигнутого в мае 1943 г., численность американских войск, сосредоточивавшихся в Англии, согласно плану «Болеро», к весне 1944 г., была увеличена до 1340 тыс. человек. Через несколько месяцев эта цифра возросла до 1460 тыс. человек.

Когда объединенный комитет начальников штабов снова собрался 8 августа 1943 г., на этот

раз в Квебеке, было очевидно, что наши военные усилия на Средиземном море дали более значительные результаты, чем мы рассчитывали: Муссолини был свергнут, Сицилия была почти целиком очищена от немцев, а в Италии появились признаки распада. В этот же промежуток времени было принято решение вторгнуться в Италию.

В России в первый раз летнее наступление начала Красная Армия, а не немцы. Теперь немцы стали отступать, и это отступление продолжалось вплоть до Берлина. В Атлантическом океане потери судов союзников уменьшились, после того как американский флот бросил свои конвойные авианосцы и патрульные суда против волчьих стай германских подводных лодок. Даже на отдаленном Тихом океане Соединенные Штаты захватили инициативу. К этому времени были захвачены Соломоновы острова и американские войска прокладывали себе путь через джунгли Новой Гвинеи.

Объединенный комитет начальников штабов, собравшись в Квебеке, впервые не был связан необходимостью проведения в Европе чрезвычайных военных мероприятий. События, начавшиеся с операции «Торч», теперь приближались к кульминационному пункту в связи с крахом Италии. Отныне наступление на Средиземном море нельзя было больше оправдывать необходимостью поддерживать наступательный порыв союзников. Любая новая операция против южной части Европы, все равно — через Южную Францию или через Балканы, имеющие важное политическое значение, потребовала бы немедленно раскрыть карты в отношении стратегии вторжения через Ла-Манш. Наконец-то кончились дни импровизации и можно было приступить к планированию.

В прошлом генерал Маршалл трижды шел на компромисс при подготовке вторжения через Ла-Манш. В результате первого компромисса последовала операция «Торч» в 1942 г., в результате второго — вторжение в Сицилию, в результате третьего — вторжение в Италию. Однако, как ни были ценны эти вспомогательные операции на Средиземном море, на них были потрачены громадные ресурсы союзников. Ясно, что время для компромиссов прошло; любые новые операции союзников на Средиземном море могли только затянуть вторжение через Ла-Манш.

Когда американские стратеги настаивали в Квебеке, что необходимо сосредоточить все усилия на вторжении через Ла-Манш, англичане опять заколебались. На этой конференции англичане разошлись во мнениях с американцами, требуя планирования текущих операций в противовес перспективному стратегическому планированию, на чем настаивал генерал Маршалл. Англичанам приходилось сталкиваться с нехватками и переживать кризисы почти с первого дня войны, поэтому они были вынуждены проводить операции с ограниченной целью, которые улучшали их положение или давали немедленный результат. В противоположность англичанам мы вступили в войну с безграничной уверенностью в изобилии наших почти неисчерпаемых ресурсов. Таким образом, в то время как англичане проявляли сдержанность и осторожность при планировании стратегических операций, мы могли сосредоточить все свои силы для проведения одного большого наступления. Когда английские и американские стратеги столкнулись в Квебеке по вопросу о том, в какой степени следует подчинить наши усилия подготовке вторжения через Ла-Манш, американская позиция была твердой. Однако директива, выработанная на конференции в Квебеке, категорическая по форме, по существу носила компромиссный характер. Вместо того чтобы обеспечить «безусловный приоритет» вторжению через Ла-Манш, на чем настаивал генерал Маршалл, в директиве объединенного комитета начальников штабов было сказано следующее:

«Поскольку для одновременного обеспечения операции „Оверлорд“ и операций на Средиземном море не хватает ресурсов, наличные ресурсы должны распределяться с учетом главной задачи — обеспечить успех операций „Оверлорд“ Операции на Средиземном море

будут проводиться теми силами, которые намечены Рузвельтом и Черчиллем на конференции в Вашингтоне в мае 1943 г., если размер этих сил не будет изменен решением объединенного комитета начальников штабов».

Англичане воспользовались этой лазейкой и снова уклонились.

Однако, несмотря на нежелание объединенного комитета начальников штабов в Квебеке четко подчеркнуть в своих решениях необходимость обеспечения безусловного приоритета вторжению через Ла-Манш, комитет, по существу, обязался это сделать, приняв в августе 1943 г. три основных согласованных решения. В этих решениях комитет:

1) одобрил набросок плана операции «Оверлорд», представленный КОССАК, и предписал Моргану продолжать планирование операции;

2) отверг предложение, чтобы семь дивизий на средиземноморском театре военных действий, предназначенные для участия в высадке во Франции, были направлены в Италию;

3) предложил, чтобы масштабы операции «Оверлорд» были увеличены по сравнению с первоначальным ее вариантом, представленным КОССАК

Черчилль не только согласился с увеличением сил вторжения во Францию, но, со своей стороны, предложил усилить по крайней мере на 25 процентов первый эшелон морского десанта, первоначально намеченный в составе трех дивизий. Он также предложил с целью расширения плацдарма организовать дополнительную высадку десанта на восточном побережье полуострова Котантен. На этот раз премьер-министр попал как раз в точку. Ибо двумя основными изменениями, внесенными позднее в план КОССАК, предусматривалось: во-первых, увеличить силы вторжения еще на две дивизии; во-вторых, произвести дополнительную высадку войск на полуострове Котантен.

В связи с одобрением плана, представленного КОССАК, подготовка операции «Оверлорд», наконец, была поставлена на практические рельсы. Теперь было трудно отменить или даже замедлить подготовку операции.

Оставалось еще одно препятствие, ибо осенью англичане еще раз попытались направить наши усилия на Средиземное море. Эта попытка англичан была сорвана Сталиным на Тегеранской конференции.

13. Проблемы командования

Летом 1943 г. Красная Армия, ставшая достаточно сильной, чтобы бросить вызов захватчику и без помощи зимы, перешла в новое наступление. С 1941 г. в теплые весенние и летние месяцы наступала германская армия, а Красная Армия отступала. Только когда начинались зимние метели, Красная Армия переходила в контрнаступление. Поэтому, когда лето сменилось осенью, а потрясенные германские армии все еще откатывались назад к польской границе, в Англии поднялась волна оптимизма. Оптимизм просочился даже в построенный в классическом стиле Норфолк-Хаус в Лондоне, где КОССАК разместил свои планирующие органы.

Немцев уже изгнали из Африки, их сильно теснили в Италии, за ними охотились в Атлантике, теперь и в России они были деморализованы, одним словом, Германия везде потеряла инициативу. Некоторым казалось, что Германия уже проиграла войну.

Никто не был так убежден в начале конца Германии, как летчики союзной авиации, днем и ночью бомбившие с английских аэродромов германские промышленные центры. Силы бомбардировочной авиации больше не отвлекались на Средиземное море, и количественный рост стратегической авиации в Англии теперь не был ничем ограничен. С января по сентябрь 1943 г. 8-я американская воздушная армия выросла почти в четыре раза — с 225 тяжелых бомбардировщиков до 881. По мере того как общий вес сбрасываемых бомб все более возрастал, в небе над германскими промышленными городами все чаще и чаще полыхали зарницы пожаров. Большинство летчиков было убеждено, что авиация сможет подорвать силы врага задолго до форсирования Ла-Манша наземными войсками.

Однако основная задача воздушного наступления союзников в этом году заключалась в уничтожении вражеских истребителей. Весной 1943 г. германские ВВС осознали опасность стратегических бомбардировок и поторопились ответить на угрозу, увеличив производство истребителей. Командование союзной авиации, опасаясь, что немцы сумеют резко увеличить производство истребителей и не допустят союзных бомбардировщиков в свое воздушное пространство, сосредоточило усилия против германских авиационных заводов. Основная масса этих заводов находилась в глубине Германии за Рейном, вне досягаемости союзных истребителей, которые не могли сопровождать бомбардировщиков. Поэтому наши дневные бомбардировщики вынуждены были прорываться в центр вражеской страны без прикрытия. Кривая потерь поднималась все выше и выше. Только во время одного налета на завод шарикоподшипников в Швейн-фурте 14 октября было сбито 60 бомбардировщиков — «В-17», что составило 25 процентов от общего числа участвовавших в рейде самолетов.

В то время, как мы пытались уменьшить потери, используя для сопровождения истребители дальнего действия, некоторые авиационные командиры все еще считали, что союзники сломают воздушными бомбардировками хребет Германии за несколько месяцев.

Я воздерживался высказывать свое мнение по поводу таких претензий командования военно-воздушных сил, так как для меня было очевидно, что оценка результатов воздушных бомбардировок носила весьма приближенный характер и страдала большими погрешностями. Последующая проверка донесений о результатах бомбардировок летом и осенью 1943 г. показала, насколько военно-воздушные силы переоценили эффективность своих налетов на промышленные объекты Германии. Однако эта переоценка не была умышленной, как полагали некоторые критики, а объяснялась сложностью определения путем наблюдений с воздуха размера нанесенного ущерба. Авиационные командиры недооценивали поразительной способности германской промышленности восстанавливать разрушенное после бомбардировки.

Однако, несмотря на неправильную оценку результатов бомбардировок, осенью 1943 г. становилось все более очевидно, что Германия начинает ощущать последствия усилившегося наступления тяжелых бомбардировщиков. Досье воздушной разведки все более пополнялось аэрофотоснимками разрушенных германских заводов. Донесения разведки из Италии сообщали о растущей озабоченности и страхе германских солдат на фронте за судьбу своих семей в городах, подвергавшихся воздушным налетам.

К ноябрю в линии обороны немцев в России образовался разрыв в районе Пинских болот. В Крыму захватчики были изолированы, а на разоренной Украине русские заняли Киев и немцам грозило окружение.

К этому времени к нам в Англию стали проникать упорные слухи о растущем недовольстве среди тех германских генералов, которые считали, что затеянная Гитлером война на два фронта обрекает Германию на катастрофу. Если в Германии где-нибудь еще оставались здравомыслящие люди, они должны были понимать, что единственный способ предотвратить неизбежную катастрофу — это немедленная капитуляция. В Лондоне союзные офицеры строили догадки по поводу того, насколько глубоко зашло разложение, и многие предсказывали, что Германию ожидает такой же крах, какой она потерпела в 1918 г.

Хотя в начале 1943 г. не было никаких оснований для оптимизма, КОССАК разработал соответствующие планы на случай краха Германии. С характерной для англичан тщательностью в военном планировании КОССАК наметил мероприятия в расчете на три маловероятных, но все же возможных случая: во-первых, распад германского Атлантического вала; во-вторых, поспешное отступление немецких войск к линии Зигфрида и, в-третьих, крах и капитуляция Германии. На каждый из этих вариантов были составлены чрезвычайные планы, известные соответственно под условными названиями: «Ранкин А», «Ранкин В» и «Ранкин С».

Если распад Атлантического вала или отступление к линии Зигфрида не снимали с повестки дня проведение операции «Овер-лорд» в том или ином виде, то полный крах Германии перемешал бы все карты и заставил нас распротиться с операцией «Оверлорд». Для предотвращения хаоса на континенте, мы должны были бросить все наличные силы в Европу, немедленно форсировать Ла-Манш, вторгнуться в Германию, разоружить ее войска и захватить контроль над страной в свои руки. Таким образом, в ноябре 1943 г. 1-я армия занималась не подготовкой к операции «Оверлорд», а чрезвычайным планированием операции «Ранкин С». В случае краха Германии осенью 1943 г. 1-я армия должна была выделить десять американских дивизий для немедленного форсирования Ла-Манша. Поскольку численность войск и количество десантных средств, перебрасываемых в Англию, ежедневно увеличивались, в план операции «Ранкин С» приходилось вносить коррективы каждую неделю.

В Англии наступила осень, укорачивались дни, а в Германии не появлялось новых признаков, говоривших о крахе. Оптимизм, охвативший Англию осенью 1943 г., вскоре исчез. Он появился у нас снова только через год, когда наши колонны бросились от Сены к незащищенной германской границе. До ноября 1943 г. ни один офицер в Лондоне не стал бы держать пари даже на два шиллинга, что Германии грозит крах, хотя план «Ранкин С» вскоре был подшит в дела; время, которое мы потратили на его составление, не пропало даром. Таблицы загрузки десантных средств мы развили дальше и использовали их позднее во время вторжения через Ла-Манш. Тем временем недавно созданный штаб 1-й армии стал исправно действующим механизмом, и офицеры, занимавшиеся планированием, извлекали пользу для себя, изучив дислокацию войск противника и местность.

В ноябре 1943 г., когда штаб Моргана потел над разработкой плана операции «Оверлорд», в Каире собрался объединенный комитет начальников штабов. Там английские и американские начальники штабов провели совещание перед вылетом в Тегеран для встречи со Сталиным.

Англичане, отведя в Квебеке требование генерала Маршалла об использовании ресурсов только для операции «Оверлорд», в Каире опять стремились оставить для себя лазейки.

Вообще англичане не возражали против форсирования Ла-Манша, так как они буквально по уши увязли в подготовке вторжения. Но англичане не хотели связывать себя определенными обязательствами, в особенности назначением конкретного дня вторжения через Ла-Манш.

Если бы англичане согласились на установление определенной даты вторжения, тогда им пришлось бы отказаться от всех надежд на проведение стратегической диверсии на Средиземном море. Как раз этого англичанам и не хотелось. В ноябре 1943 г. Англия имела в Средиземном море выбор богатых возможностей для проведения политически выгодных кампаний.

К этому времени Кларк, наступавший на Рим, застрял у Кассино. Эйзенхауэр нуждался в резервах для нанесения флангового удара с моря, чтобы сохранить инициативу в своих руках и сковать более или менее значительную часть сил противника. Попытка англичан захватить на островах Додеканес несколько опорных пунктов потерпела неудачу, и высадившиеся войска были уничтожены. Англичане заявляли, что для того, чтобы закрепиться на этих островах, им в первую очередь нужно было захватить остров Родос. Они утверждали также, что Турция слишком долго занимает выжидательную позицию. Если бы новым союзным наступлением на Средиземном море удалось вовлечь в войну Турцию, тогда мы открыли бы короткий путь снабжения России через пролив Дарданеллы.

Эти предложения были соблазнительны, но они не создавали больших перспектив, чтобы оправдать отказ или отсрочку вторжения через Ла-Манш. Доклад американского военного атташе в Москве усилил позиции тех, кто не особенно ревностно выступал за вторжение через Ла-Манш. В докладе указывалось, что успехи Красной Армии летом и осенью 1943 г., возможно, привели к изменению точки зрения русских в отношении желательности вторжения в 1944 г. Красная Армия, говорилось в докладе, вероятно, предпочла бы немедленное наступление, даже если бы это наступление было ограничено рамками средиземноморского театра военных действий, чем дожидаться вторжения через Ла-Манш.^[29]

Только один человек мог сказать, была ли необходимость в проведении операции «Оверлорд». Объединенный комитет начальников штабов из Каира направился в Тегеран. Сталин немедленно приступил к делу. Изложив стратегию России в борьбе с германскими армиями, он заявил, что после поражения Германии Советский Союз вступит в войну с Японией. Затем, оценив боевые действия в Италии как не имеющие серьезного значения, Сталин заявил, что очевидным направлением наступления является северо-западный угол Франции — через Ла-Манш. После этого было принято окончательное решение. Таким образом, после двух лет дискуссий, неразберихи, уверток и проведения второстепенных операций вторжение через Ла-Манш стало основным стержнем стратегии союзников в войне в Европе.

* * *

Хотя 1-я армия развернула свой штаб в Бристоле еще 16 октября 1943 г., его роль в планировании вторжения через Ла-Манш все еще была не ясна. В то время мы еще не знали, будем ли мы возглавлять силы вторжения, или же руководство останется за англичанами.

Первоначальный план вторжения через Ла-Манш, составленный КОССАК, предусматривал, что командующий британской армией будет руководить тремя дивизиями первого эшелона: двумя английскими и одной американской (схема 18). Однако американские начальники штабов отвергли этот план. Деверс предложил другой план: вторжение осуществляется силами двух

корпусов (американским и английским), находящихся в непосредственном подчинении верховного командующего. Однако КОССАК, в свою очередь, отверг этот план как практически невыполнимый.

Военное министерство США попыталось преодолеть тупик, предложив компромиссный план, согласно которому на побережье высаживались три корпуса (английский, канадский и американский), общее руководство которыми осуществлялось командующим американской армией. Поскольку в Англии находилась только одна американская армия, а именно 1-я, это означало, что военное министерство имело в виду нас. Таким образом, согласно плану военного министерства США, я должен был руководить силами вторжения в качестве командующего сухопутными войсками союзников (схема 18).

Однако все еще не был разрешен вопрос, кто же будет моим старшим начальником. Здесь возможны были три варианта подчинения: 1) непосредственно верховному командующему; 2) главнокомандующему сухопутными войсками союзников, который являлся бы промежуточной командной инстанцией; 3) командующему группой армий, что было наиболее вероятно. Последний вариант являлся самым целесообразным, так как высадившиеся войска на вражеском побережье по мере накопления сил развертывались в английскую и американскую армии, которые в целях обеспечения четкого управления должны были объединиться в группу армий.

Впервые объединенное союзное командование в полевых условиях было создано в Африке в январе 1943 г., когда командующие английскими и американскими сухопутными войсками, флотом и авиацией были подчинены соответствующим союзным главнокомандующим, являющимся «помощниками» Эйзенхауэра. Александер, которому был подчинен Монтгомери во время наступления 8-й армии от Эль-Аламейна до линии Марет, стал заместителем Эйзенхауэра по сухопутным войскам. Но так как в Африке находились только две армии, объединенные в группу, Александер был назначен командующим группой армий, являясь главнокомандующим сухопутными войсками союзников только номинально.

В Европе положение изменилось коренным образом. Если в Тууисе в подчинении Александера были две небольшие армии, то в Европе мы в конце войны имели восемь армий, объединенных в три группы армий.

Поэтому в Европе в пользу назначения главнокомандующего сухопутными войсками могли быть выдвинуты убедительные аргументы. Более того, в Европе уже был прецедент в отношении создания объединенного командования военно-воздушными и военно-морскими силами. Так, в Квебеке объединенный комитет начальников штабов утвердил главного маршала авиации Траффорда Ли-Маллори главнокомандующим экспедиционными военно-воздушными силами союзников, а адмирала Бертрама Рамзея — главнокомандующим экспедиционными военно-морскими силами союзников. Почему же, говорили некоторые, не завершить создание триумвиата, назначив главнокомандующего сухопутными войсками союзников?

Однако в военном министерстве в Вашингтоне стратеги подошли к вопросу практически. Если уж должен быть главнокомандующий сухопутными войсками, то желательно на эту должность назначить американца, так как в конце концов численность американских сухопутных войск по крайней мере в три раза превзойдет численность английских войск. Дело стало за тем, кого назначить на этот пост. В это время ни один из американских полевых командиров не мог сравниться по авторитету с Александером или Монтгомери. Если уж оставить вопрос о назначении главнокомандующего сухопутными войсками, то все шансы были на стороне одного из этих британских генералов. Поэтому этот вопрос мы тактично замолчали, отодвинув его на второй план.

Тем не менее в Англии нам немало доставлял хлопот вопрос о том, кто будет возглавлять сухопутные войска союзников при вторжении в Нормандию. Конечно, кто-то по должности

выше командующего армией первого эшелона сил вторжения должен был наблюдать за общим планированием действий войск на суше, организуя их взаимодействие с флотом и авиацией как на первом этапе вторжения, так и после. Как только высадившиеся на вражеском побережье английские войска будут развернуты в армию, я останусь только командующим американскими войсками и плацдарм окажется разделенным на два самостоятельных участка между двумя равными по правам командующими армиями. Понятно, что оперативное руководство ими следовало объединить в одних руках.

Таким лицом, несомненно, должен был стать командующий группой армий, по крайней мере до прибытия на побережье верховного командующего войсками союзников. У меня ни на минуту не закрадывалось сомнение в том, что командование этой группой армий должно принадлежать англичанам. Престиж англичан в этот период войны был не только выше нашего, но 21-я группа армий уже была включена в планы КОССАК. Это, однако, не было, как думали некоторые американцы, доказательством пронырливости англичан. Англичане просто раньше американцев приступили к практическим шагам. В начале лета 1943 г., когда Деверс осаждал военное министерство просьбами организовать американскую группу армий, в Лондоне уже был расположен штаб 21-й английской группы армий; к тому времени, когда зачаточный штаб американской группы армий еще только вступал во владение зданием на площади Брайнстон-сквер, штаб британской группы армий уже полностью включился под руководством КОССАК в планирование и подготовку вторжения.

Даже в конце осени 1943 г. мы еще не преодолели затруднений, связанных с запоздалой организацией штаба американской группы армий. Между тем вопрос о командовании все еще висел в воздухе. Единственный экземпляр приказа с грифом «совершенно секретно» о назначении меня командующим 1-й американской группой армий находился у меня в сейфе. Это назначение, по-видимому, было сделано «только для целей планирования». Предполагалось, что пост командующего группой армий займет Деверс, мне же предстояло командовать 1-й армией.

Только в ноябре, после возвращения генерала Моргана из Соединенных Штатов в Англию, мы получили решение относительно структуры командования наземными силами. Об этом решении сообщалось в директиве 21-й группы армий от 29 ноября. В решении говорилось, что командующий 21-й английской группой армий возглавит планирование всех сухопутных операций и будет осуществлять руководство британскими и американскими сухопутными войсками во время вторжения (схема 18). Однако он будет выполнять функции союзного командующего временно, до момента, когда верховный штаб экспедиционных сил союзников даст указание 1-й американской группе армий принять командование американскими полевыми войсками во Франции. На этом этапе кампании временный пост главнокомандующего сухопутными войсками союзников, занимаемый Монтгомери, упразднялся, а Монтгомери становился командующим 21-й группой армий, объединявшей британские и канадские войска. С того момента и до конца войны командующие британской и американской группами армий были на равных правах и подчинялись непосредственно Эйзенхауэру. Верховный штаб экспедиционных сил союзников являлся высшим штабом как для наземных войск, так и для военно-морских и военно-воздушных сил. Такая организация управления обеспечивала нам равные права с англичанами в вопросах стратегии при ведении боевых действий в Европе.

Мы были очень заняты осенью 1943 г. планированием операции вторжения, но у нас не было большой организованности в работе. Хотя Морган энергично осуществлял свои права в качестве начальника штаба при верховном главнокомандующем, планирование операции не могло быть достаточно успешным, пока не был назначен верховный командующий.

Вопрос о кандидате на должность верховного командующего войсками вторжения во

Францию изучался еще со времени совещания в Касабланке в январе 1943 г. В то время вторжение планировалось провести в 1943 г., причем предполагалось, что в операции будут участвовать главным образом англичане. По этим соображениям участники конференции решили, что верховным командующим следует назначить англичанина.

Когда позднее вторжение было отложено на 1944 г., в составе сил вторжения стали преобладать американские войска, что стало возможным благодаря огромным людским ресурсам Соединенных Штатов. Черчилль остался верен своему заявлению в Касабланке и предложил назначить на должность верховного главнокомандующего американца. В Квебеке он предложил Рузвельту назначить на этот пост генерала Маршалла, Генерал Маршалл, как никто другой, заслуживал этого назначения. Однако в армии существует своя иерархия, и назначение генерала Маршалла, занимающего пост начальника генерального штаба армии, верховным командующим фактически означало бы понижение его в должности. Но даже не считаясь с этим, если бы генерал Маршалл выехал из Вашингтона в Европу, никто, даже Эйзенхауэр, не смог бы заменить его на посту начальника генерального штаба армии.

В армии мы часто смеемся над мифом о незаменимых людях. Мы всегда говорим, что незаменимыми людьми заполнено Арлингтонское кладбище. Генерал Маршалл, однако, был исключением. Если во время национального кризиса и был когда-либо незаменимый человек, то таким человеком в США был Маршалл.

Окончательное решение оставить генерала Маршалла в стране принял Рузвельт. В свою очередь, генерал Маршалл с характерной для него солдатской дисциплинированностью воздержался высказать свое мнение о том, какой из двух постов он предпочел бы занять. Такое решение Рузвельта было вызвано тем, что только генерал Маршалл мог так решительно распределять людские и материальные ресурсы между европейским и тихоокеанским театрами военных действий. Несмотря на просьбы Макартура и командования флота, генерал Маршалл никогда не шел на компромисс и никогда не отказывался от своего твердого убеждения, что для выигрыша войны мы должны сначала одержать победу в Европе. Обычно ход истории зависит от выдающихся личностей, которые своим упорством, выдержкой и мужеством изменяют события в нужном им направлении и тем самым определяют судьбу других людей. Среди западных союзников три таких гиганта возвышались над всеми остальными во вторую мировую войну — это Рузвельт, Черчилль и Маршалл. Возможно, что вместе они оказали влияние на судьбу большего числа людей, чем какой-либо другой триумвират в истории человечества.

Когда вопрос о генерале Маршалле отпал, следующей возможной кандидатурой на пост верховного командующего стал человек, занимавший аналогичный пост на средиземноморском театре военных действий. Разбив фашистские войска в Тунисе и Сицилии, Эйзенхауэр теперь пробивался вверх по Апеннинскому полуострову в трудных условиях зимней кампании. Аик во всех отношениях подходил для должности верховного командующего, так как он обладал опытом, был тактичным и весьма способным офицером. Хотя некоторые американские офицеры считали; что он слишком легко шел на компромиссы, особенно в англо-американских спорах, Эйзенхауэр на опыте боевых действий на Средиземном море показал, что идти на компромисс нужно для объединения усилий союзников в борьбе с врагом. Мне самому временами казалось, что Эйзенхауэр слишком старался угодить английскому командованию. Однако должен признаться, что я судил предвзято. Поскольку я сам был американским командиром, то во время споров с англичанами чаще становился на американскую точку зрения.

В начале декабря Эйзенхауэр узнал от президента Рузвельта, что в Каире было решено назначить его верховным командующим при проведении операции «Оверлорд». До начала вторжения оставалось всего 6 месяцев, поэтому Аик поспешил с организацией верховного штаба экспедиционных сил союзников, укомплектовав его офицерами штаба на средиземноморском

театре военных действий. Эйзенхауэру при форсировании Ла-Манша, как никогда, был необходим опытный и хорошо подготовленный штаб.

В качестве своего заместителя Эйзенхауэр взял первоклассного авиационного командира на Средиземном море. Молчаливый англичанин, всегда с трубкой в зубах, главный маршал авиации Теддер заслужил доверие и любовь американских коллег в Африке своей скромностью, мастерством и благоразумием. Ненавязчивый человек, Теддер был правой рукой Эйзенхауэра и оказывал ему помощь в организации успешных воздушных операций на Средиземном море.

Эйзенхауэр назначил своим начальником штаба весьма энергичного и работоспособного Беделла Смита, раньше занимавшего аналогичный пост при нем в штабе союзных войск в Казерте. С прибытием в Англию в 1942 г. они стали неразлучными партнерами. Они не слишком зависели друг от друга, но их взаимоотношения настолько переплелись, что трудно было отличить, где кончается Аик и начинается Беделл Смит.

В отличие от вежливого и обходительного Эйзенхауэра, Смит бывал грубым и резким. Однако во время дипломатических кризисов, иногда случавшихся в верховном штабе экспедиционных сил союзников, он мог быть, подобно своему начальнику, красноречивым и выразительным, двусмысленным и сдержанным.

— Беделл, передайте им, чтобы они убирались отсюда, — однажды сказал Эйзенхауэр, имея в виду какую-то миссию, прибывшую в верховный штаб, — однако сделайте это так, чтобы они не обиделись.

Эйзенхауэр обычно ко всем относился одинаково, редко был резок с офицерами штаба. Смит же был значительно грубее своего начальника.

Уникальные способности Беделла как начальника штаба дали возможность Эйзенхауэру чаще отлучаться из штаба и большую часть времени уделять планированию и пребыванию в войсках. Смит обладал рассудительностью, силой воли и инициативой и поэтому мог принимать решения самостоятельно, не беспокоя Эйзенхауэра по пустякам, за исключением некоторых наиболее важных вопросов. В нем замечательно сочетались инициатива и самообладание, которые так важны в работе начальника штаба.

Сначала командующим 21-й группой армий Эйзенхауэр решил назначить своего хорошего друга и соратника по Тунису генерала Александера. Александер вместе с Эйзенхауэром участвовал в боевых действиях в Тунисе, Сицилии и Италии, где он командовал группой армий, в которую входили армии Кларка и Монтгомери.

Дружба между Эйзенхауэром и Александером зародилась в феврале 1943 г., когда Александер оставил свой пост командующего английскими войсками на Среднем Востоке и прибыл к Эйзенхауэру в Алжир, где он последние четыре месяца кампании в Тунисе командовал 18-й группой армий. Здесь он проявил большое тактическое мастерство, сделавшее его позднее одним из наиболее выдающихся генералов в Европе. Он не давал развиваться националистическим тенденциям и ревнивой подозрительности среди подчиненных ему союзных офицеров. К осени 1943 г., когда в его активе числились Тунис, Сицилия, а затем и Салерно, Александер занимал исключительное положение среди высшего командования союзников. Он был нашим единственным и, следовательно, самым опытным командующим группой армий. В то же время он продемонстрировал несравненное мастерство, объединив усилия двух союзных армий для достижения общей цели. Если бы Александер командовал в Европе 21-й группой армий, нам, возможно, удалось бы избежать раздражения, которое омрачало позднее наши взаимоотношения с Монтгомери. В отличие от крайне самоуверенного генерала Монтгомери, Александер проявлял благоразумие, терпение и скромность, отличающие великого полководца. В каждой кампании на Средиземном море он завоевывал восхищение подчиненных ему американцев.

По натуре сдержанный скромный я пунктуальный солдат, Александер не особенно обижался на то, что почести по завершении кампании доставались не ему, а подчиненным командирам. Поэтому вскоре фигура Бернарда Монтгомери в берете заслонила Александера. Однако если Монтгомери появился на сцене как символ возрождения Англии в войне, то союзники, знавшие обоих генералов, значительно выше ценили Александера как полководца.

Хотя я в то время не догадывался об этом, англичане отвергли просьбу Эйзенхауэра о назначении Александера и предложили оставить его в Италии, чтобы активизировать военные действия на полуострове. Отказ англичан заставил Эйзенхауэра остановиться на кандидатуре Монтгомери.

Мое знакомство с Монтгомери к этому времени ограничивалось двумя короткими встречами. Первый раз мы встретились в Тунисе, когда он приехал принимать парад наших войск в ознаменование победы, и второй раз в Сицилии, когда он устроил завтрак в честь завершения кампании на этом острове. Поэтому мне пока было трудно судить о нем как о полководце. Уже по одной этой причине я предпочел бы иметь на посту командующего 21-й группой армий не Монтгомери, а Александера. Так как я знал Монтгомери только по легендам, которые рассказывали о нем, то был убежден, что с Александером я работал бы более спокойно и слаженно.

Однако у меня не возникало особых затруднений во взаимоотношениях с Монтгомери в Европе. Хотя мы часто не соглашались по поводу планов и тактики, наши деловые взаимоотношения никогда не были натянутыми, а при личных контактах мы не тяготились друг другом. Возможно, моя оценка достижений Монтгомери менее восторженна, чем оценка британского народа, однако я никогда не буду умалять полководческого искусства Монтгомери и его выдающейся роли в войне.

Несравненный талант Монти по организации «классического» сражения, то есть тщательно подготовленного наступления, сделал его неоценимым при вторжении во Францию. Форсирование Ла-Манша должно было проводиться строго по плану, случайности и импровизация в управлении войсками исключались. Пока войска не закрепились на плацдарме, мы все свои надежды возлагали на План.

Лишь через семь недель после высадки, когда мы начали наступление с захваченного плацдарма, сложившаяся благоприятная обстановка потребовала от нас умения быстро развить успех, что явилось испытанием способности нашего командования обеспечить непрерывное управление войсками. В быстро меняющейся обстановке, которая была характерна до самого конца войны, слава Монтгомери несколько померкла не из-за его нерешительности, как утверждают некоторые критики, а из-за его явного нежелания использовать до конца те преимущества, которые создавались в результате наших успехов на фронте. Монти настаивал на том, чтобы войска наступали по всему фронту «равномерно», даже если бы для этого пришлось замедлить темп наступления. Наоборот, американцы предпочитали стремительно продвигаться вперед, не сдерживая инициативы войск в преследовании, чтобы не дать противнику возможности закрепиться на промежуточных рубежах, стабилизировать линию фронта. Ибо стабилизация линии фронта означала бы, что нужно снова взламывать оборону противника, а это могло привести к излишним потерям и замедлению темпов наступления.

В психологическом отношении назначение Монтгомери командующим английскими войсками вторжения через Ла-Манш подействовало на всех нас ободряюще. Худощавая, костлявая физиономия аскета над высоким воротником свитера невоенного образца менее чем за год стала символом победы в глазах всего, союзного лагеря. Ничто так не делает генерала знаменитым, как успех в сражениях, а Монтгомери добивался успеха с такой верой в силу британского оружия, что английский народ, уставший от бесчисленных поражений, чуть ли не

обожествовал его.

Нигде тонкая, прямая фигура Монтгомери в мешковатой и неглаженной куртке не внушала такого доверия, как среди английских солдат. Даже Эйзенхауэр при всей его простоте обращения никогда не мог вызвать такого восторга среди американских солдат, с каким английские солдаты приветствовали Монти. Среди этих людей легенда о Монтгомери стала непререкаемой истиной.

Монтгомери назначил начальником штаба 21-й группы армий веселого гугенота генерал-майора из 8-й армии Фрэнсиса де Гингана. Подобно Беделлу Смитсу, де Гинган был прекрасным штабистом, отличался скромностью и преданностью своему делу. Однако де Гинган в значительно большей степени, чем Беделл Смит, дополнял качества своего начальника. В лице Фредди, как с любовью прозвали американцы де Гингана, мы нашли хорошего посредника и миротворца. Когда высокомерие Монтгомери начинало раздражать американский штаб, на сцене появлялся милый и бодрый друг Фредди, улаживавший разногласия. Де Гинган, способный кадровый солдат, был начальником штаба Монтгомери со времен Эль-Аламейна. Он был опытным и симпатичным администратором, своевременно реагирующим и не теряющим самообладания духа перед трудностями, возникающими в ходе войны. Хотя популярность Фредди среди американских офицеров частично объяснялась его способностью налаживать хорошие отношения между американцами и англичанами, он был неизменно предан и верен своему начальнику. Де Гинган завоевал нашу любовь не потому, что льстил нам, а потому, что помогал разрешать наши противоречия с присущей ему справедливостью и благоразумием.

Одновременно Монтгомери взял к себе генерал-лейтенанта Майлса Демпси, которого высоко ценил как командира корпуса в 8-й армии. Демпси был назначен командующим 2-й британской армией, высаживавшейся во Франции совместно с 1-й американской армией.

В Демпси Монтгомери нашел способного и опытного командира, который, будучи вполне компетентным для командования армией, в то же время не возражал против привычки Монти узурпировать иногда власть своих командующих армиями. Монтгомери настолько ревниво следил за выполнением своих тщательно разработанных планов, что часто довольно грубо вмешивался в управление войсками, чего никогда не потерпели бы в американской армии. Однако Монтгомери и Демпси настолько привыкли друг к другу, что это вмешательство не вызывало возражений со стороны Демпси. Последний умел подавить в себе чувство обиды или возмущения. Если бы Монтгомери также вмешивался в функции подчиненных ему американских офицеров, мы бы резко протестовали, ибо мы никогда бы не отказались от традиционной самостоятельности в ведении операций, которая предоставлена нам директивами высшего командования. Монти признавал существование этого различия и поэтому никогда не проявлял придиристичности к проводимым нами операциям.

Перед отъездом со средиземноморского театра военных действий в Англию для руководства планированием вторжения через Ла-Манш Эйзенхауэр просмотрел списки старших американских командиров, чтобы подыскать заместителя своему преемнику на этом театре английскому генералу Майтленду Вильсону. Заместителю Вильсона пришлось бы заниматься главным образом административными вопросами, так как на него была возложена ответственность за материальное обеспечение 5-й армии Кларка. Таким образом, если для этой должности не требовался опытный боевой генерал, тем не менее нужен был человек, способный разрешать сложные административные вопросы. Больше всех других на эту должность подошел бы Деверс. По прибытии Эйзенхауэра в Англию Деверс автоматически освобождал пост командующего на европейском театре военных действий. Став верховным командующим союзными войсками, генерал Эйзенхауэр в то же время являлся бы командующим американскими войсками на европейском театре.

23 декабря 1943 г. Эйзенхауэр сообщил по радио генералу Маршаллу из штаба на Средиземном море, что он рекомендует назначить меня командующим наземными войсками при вторжении через Ла-Манш, а Деверса направить на юг в качестве заместителя Джамбо Вильсона. Эйзенхауэр наметил меня для занятия поста командующего американской группой армий, очевидно, потому, что учитывал мой боевой опыт, так необходимый при планировании крупной десантной операции. Эта рекомендация означала, что я должен был командовать 1-й американской группой армий не только в период планирования операции, но и после высадки ее на побережье Франции.

Командование группой армий, однако, не означало, что я буду освобожден от командования 1-й армией во время вторжения. Наоборот, я должен был руководить высадкой и сосредоточением сил 1-й армии на плацдарме. Когда на вражеском побережье будут высажены силы, равные по величине двум армиям, я должен был сдать командование 1-й армией и стать командующим группой армий, объединяющей обе армии. До этого момента я являлся одновременно командующим 1-й американской армией и командующим 1-й американской группой армий.

На деле двойное командование не было настолько сложно, как могло показаться с первого взгляда, так как каждый из штабов работал над своим кругом вопросов. Штаб 1-й армии находился в Бристоле, а штаб группы армий — в Лондоне, то есть были удалены друг от друга почти на 200 километров и работали совершенно самостоятельно. Управление всеми американскими силами вторжения было сосредоточено в штабе 1-й армии. В это время штаб группы армий существовал только как планирующий орган. Однако, несмотря на некоторую путаницу, такая двойная система командования имела многие преимущества, так как позволяла организовать отличную преемственность в работе штабов армии и группы армий. По плану штаб 1-й армии отвечал за переброску войск на вражеское побережье в течение первых двух недель после высадки десанта, затем подкрепления направлялись уже группой армий. Так как штаб группы армий развертывался сразу же после того, как свертывался штаб армии для передислокации вперед, естественно, что, если во главе армии и группы армий находилось одно лицо, оно могло лучше организовать их взаимодействие.

Назначение командующим группой армий было для меня неожиданным, и узнал я об этом случайно в утренней газете. 18 января я проходил через вестибюль отеля «Дорчестер», направляясь в столовую позавтракать. По дороге я остановился купить газету «Дейли Экспресс», издававшуюся тогда на четырех страницах...

Продавец киоска улыбнулся при виде меня.

— Для вас, сэр, это уже не новость, — сказал он, показав на напечатанную в газете заметку, в которой генерал Эйзенхауэр сообщал, что 51-летний генерал-лейтенант Омар Нельсон Брэдли, командовавший 2-м американским корпусом в Тунисе и Сицилии, станет американским генералом Монтгомери при вторжении в Западную Европу.

Все же это сообщение оказалось для меня новостью. Так я впервые узнал, что командование группой армий не было для меня временным. Эйзенхауэр только что прибыл в Англию, и я еще не успел переговорить с ним. На пресс-конференции, состоявшейся за день до этого сразу же по прибытии Эйзенхауэра, его спросили, кто будет командовать американскими наземными войсками во время вторжения.

— Генерал Брэдли будет возглавлять сухопутные войска Соединенных Штатов, ответил он.

Сначала это заявление не было достаточно ясным, ибо Эйзенхауэр не уточнил, имел ли он в виду 1-ю армию, которая высаживалась в Нормандии, или группу армий, выступающую в качестве американского эквивалента группе армий Монтгомери. Только позднее Эйзенхауэр сказал, что он имел в виду группу армий.

14. Планирование вторжения

Прежде чем покинуть средиземноморский театр военных действий и занять новый пост в Англии, предварительно побывав в Соединенных Штатах, Эйзенхауэр изучил проект плана, составленный КОССАК для вторжения через Ла-Манш. Его недовольство подтвердило те отрицательные выводы, которые мы уже сделали в Англии при ознакомлении с этим планом. Согласно плану, в первом эшелоне сил вторжения было три дивизии, во втором эшелоне — две дивизии (схема 19). Из этого видно, что в самой ответственной операции вторжения КОССАК планировал действия весьма ограниченными силами.

Конечно, в выделении такого незначительного количества войск нельзя винить только КОССАК, ибо Морган не мог сделать больше того, что позволяли его ресурсы. Получалось так, что во всех других десантных операциях Морган с самого начала испытывал острый недостаток в десантных средствах. Из наших десантных средств, разбросанных по всему свету, мы могли выделить суда для перевозки только пяти дивизий. Даже в 1944 г. производство десантных судов сильно отставало от наших потребностей. В результате вторжение через Ла-Манш предстояло осуществлять с недостаточным количеством десантных средств. Если бы даже три дивизии, высаживавшиеся по плану в первом эшелоне, сумели закрепиться на побережье, их плацдарм оказался бы настолько ограниченным по фронту, что немцы могли бы легко сбросить их в море, проведя контратаку. Меня крайне тревожил недостаток десантных средств при подготовке операции «Оверлорд», но успокаивало только одно соображение, что, как только верховный командующий узнает о затруднениях, которые мешали успешному проведению операции, он перевернет небо и землю, чтобы усилить нас десантными средствами, даже за счет свертывания операций на Тихом океане.

До тех пор пока планировалось высадить в первый день вторжения лишь три дивизии, я предвидел трудности, которые возникают при захвате большого порта вскоре после высадки десанта. КОССАК исходил из того, что в конце концов на плацдарме будет высажено всего от 26 до 30 союзных дивизий. Для материального обеспечения такой огромной армии, кроме выгрузки грузов на побережье, требовалось наличие в руках союзников крупного порта. Поэтому после высадки мы обязательно должны были расширить плацдарм и захватить крупный порт. Если бы мы не сумели этого добиться до того, как в проливе установится плохая погода, тогда темпы сосредоточения наших войск на плацдарме снизились бы.

Согласно плану КОССАК, мы высаживали войска на побережье, отстоящем на значительном удалении от Шербура (схема 19) Предварительно намеченный район для высадки десанта занимал 40-километровый участок, покрытый галькой побережья Нормандии, расположенный почти посередине между Гавром и Шербуром.

Гавр представляет собою прекрасный порт, однако он явно находился вне нашей досягаемости. Город находился на противоположном от нас берегу широкого устья Сены. Подступы к порту прикрывали орудия береговой обороны. Кроме того, гарнизон Гавра можно было легко усилить германскими подкреплениями, сосредоточенными в районе Па-де-Кале.

Мы полагали, что сумеем захватить Шербур без особых затруднений, если обойдем его с тыла. Однако и здесь были трудности, вызывавшие у меня тревогу. Между Шербуром и участком высадки в департаменте Кальвадос течет множество рек и речек, которыми покрыто почти все основание полуострова Котантен. Если бы у немцев оказалось время для укрепления этого болотистого основания полуострова, тогда трудно было сказать, когда нам удалось бы прорваться к Шербуру.

Береговые укрепления в районе Шербура не давали возможности осуществить

охватывающий маневр' с моря, поэтому наша единственная надежда быстро овладеть городом заключалась в том, чтобы одновременно с остальным десантом высадить также войска на побережье полуострова Котантен. Таким путем мы могли надеяться высадить десант в тылу войск противника, которые он мог бы сосредоточить для удержания основания полуострова Котантен с целью не допустить нас к Шербуру.

Следовательно, нам следовало расширить участок высадки десанта в первый день операции «Оверлорд», используя для этой цели еще одну или две дивизии. К счастью, Эйзенхауэр пришел к аналогичному, заключению и приказал Монтгомери выехать в Англию и изучить возможности расширения плацдарма. Пробыв несколько дней в штабе КОССАК, Монти согласился с нами, что необходимо расширить фронт высадки, включив в него полуостров Котантен.

До того как для высадки десанта был намечен участок побережья департамента Кальвадос в Нормандии, штаб Моргана тщательно изучил побережье Европы от Голландии до Испании. Из архивов своей разведки англичане извлекли тома с детальным исследованием структуры подпочвенных слоев земли, мостов, якорных стоянок, портов, рек и тысяч других вопросов, которые учитывались при составлении плана вторжения через Ла-Манш.

Характерным для предприимчивости англичан при проведении этой разведывательной работы был ответ, который они дали на наш запрос относительно состояния подпочв на участке высадки «Омаха». Изучая одно из возможных направлений наступления после закрепления на плацдарме, мы опасались, что ручей, протекающий здесь, мог отложить слой ила под песком и галькой на побережье. Если бы наши опасения оправдались, грузовики могли легко застрять на побережье при разгрузке с судов.

— Какую информацию вы можете получить о состоянии подпочвы на этом участке? — спросил я Диксона, когда оперативный отдел поставил передо мной этот вопрос.

Через несколько дней на нашем совещании в Брайнстон-сквере появился худощавый подтянутый лейтенант английского флота. Он достал из кармана толстую стеклянную трубку и подошел с нею к карте, висевшей на стене.

— Позапрошлой ночью, — спокойным тоном начал он, — мы побывали на участке высадки «Омаха», пробурили скважину и взяли пробу. Как вы можете судить по этому образцу, там нет ни малейших следов ила. Галька лежит на твердом скалистом, основании. Маловероятно, чтобы ваши грузовики застряли.

Для получения этих сведений лейтенанту пришлось воспользоваться подводной лодкой, которая прошла через минные поля у побережья Франции. Затем ночью он подплыл в надувной лодке к берегу прямо под дулами огромных германских орудий, глядевших из казематов.

При изучении побережья Ла-Манша и Бискайского залива, с точки зрения их пригодности для высадки десанта, офицеры штаба КОССАК руководствовались следующими соображениями:

1. Можно ли обеспечить прикрытие района высадки истребителями, базирующимися в Англии?
2. Сколько дивизий можно высадить в первый день вторжения?
3. Сколько дивизий сможет использовать противник против, высадившихся войск в первую неделю вторжения?
4. Сколько военных кораблей и транспортных самолетов потребуется для обеспечения высадки?
5. Сколько тонн грузов можно доставлять ежедневно на побережье и в ближайшие порты?

Поскольку мы знали, что все важнейшие порты подготовлены немцами к уничтожению в случае высадки союзников, мы в наших расчетах исходили из того, что любой порт, занятый нами, будет серьезно поврежден. Это, конечно, означало, что мы должны были рассчитывать на

грузы и пополнения, выгружаемые непосредственно на побережье.

Поэтому в штабе «КОССАК» было намечено шесть возможных участков высадки (схема 20): 1) на голландском и бельгийском побережье Северного моря; 2) в проливе Па-де-Кале, побережье которого, находится под огнем артиллерии фортов Дувра; 3) в устье Сены у Гавра; 4) в районе Кана и полуострова Котантен, на котором расположен порт Шербур; 5) на побережье полуострова Бретань, имеющего большое количество портов, включая немецкую базу подводных лодок в Бресте, и, наконец, 6) на побережье Бискайского залива вплоть до Бордо. Высадка на германском и датском побережье Северного моря была отвергнута с самого начала, так как это побережье находилось за пределами радиуса действия союзных истребителей.

С самого начала изучения возможных участков высадки четыре участка из указанных выше шести были исключены как слишком опасные. Побережье Голландии и Бельгии находилось, по нашему мнению, слишком далеко от баз союзных истребителей в Англии. Кроме того, от побережья в этом районе в глубь страны вело слишком мало дорог, а мягкие песчаные дюны представляли серьезное препятствие для подвоза грузов. Если бы мы высадились в устье Сены у Гавра, тогда наши войска оказались бы в опасном положении, будучи изолированными друг от друга рекой, и противник мог бы разбить их по частям. Кроме того, артиллерия противника могла обстрелять их из береговых укреплений порта Гавр, а войска, высадившиеся севернее Сены, могли подвергнуться контратаке противника из района Па-де-Кале.

Большая часть побережья полуострова Бретань была неудобна. Для высадки десанта из-за скалистых берегов. Здесь было большое количество первоклассных портов, но они охранялись сильными гарнизонами немецких войск и, кроме того, полуостров Бретань находился на расстоянии более чем 320 километров от баз истребительной авиации в Англии. Последнее обстоятельство определенно вынуждало исключить этот участок из числа пригодных для высадки.

Далее к югу побережье Бискайского залива никогда не рассматривалось в качестве возможного участка высадки, так как оно находилось слишком далеко от баз союзных истребителей. Кроме того, для высадки на этом участке потребовалось бы совершить большой переход морем. А это, в свою очередь, не дало бы нам возможности использовать мелкие десантные суда, которые с успехом могли применяться при форсировании Ла-Манша.

Все эти возможные участки высадки десанта были быстро исключены из плана и началось детальное изучение оставшихся двух участков. Первый участок побережье пролива Па-де-Кале — находится всего лишь в 30 километрах от Дувра. Когда немцы сосредоточили в районе Па-де-Кале войска и одели в бетон Атлантический вал, стало очевидно, что противник ожидает союзного наступления именно здесь. Поэтому этот вариант высадки отпал. Последний оставшийся участок высадки охватывал побережье протяженностью 100 километров. Он проходил от Кана через эстуарии Карантана почти до Шербура. С точки зрения противника, этот отдаленный, провинциальный участок побережья, расположенный в 320 километрах от Парижа и в 640 километрах от линии Зигфрида, представлял менее соблазнительный объект для вторжения союзников, чем побережье пролива Па-де-Кале. В результате здесь немцы почти не возводили укреплений, и только незадолго до высадки началось укрепление района по приказу Гитлера, почувствовавшего, что союзники могут здесь высадиться.

Не говоря уже о том, что побережье у Кана было слабо укреплено, этот участок был выгоден для нас еще и потому, что он находился на значительном удалении от резервов и баз противника. В то же самое время побережье у Кана представляло идеальное место для высадки десанта. Побережье, правда, не было защищено от ветров, однако оно не было так открыто, как у Па-де-Кале. Хотя от побережья шло не так много дорог в глубь страны, как нам хотелось, те немногие дороги, которыми мы могли воспользоваться, были в хорошем состоянии. Кроме того,

этот участок Нормандии был прикрыт со стороны Па-де-Кале, Бельгии и Голландии такой водной преградой, как Сена. В случае уничтожения союзной авиацией мостов через Сену можно было задержать переброску вражеских подкреплений. От этого, собственно, и зависело, будет ли вторжение успешным или немецкие войска сбросят нас в пролив. Благоприятные условия, которые создавались для нас благодаря затруднениям противника по переброске резервов через Сену, были столь значительными, что оправдывали наш выбор участка высадки у Кана.

При высадке в районе Кана самолетам приходилось лететь дальше до плацдарма и, следовательно, они могли находиться в воздухе над участком высадки меньше времени. Хотя это затрудняло прикрытие с воздуха высадившихся войск, однако все же прикрытие было достаточно надежным. Из 190 аэродромов, имевшихся в Англии, почти одна треть находилась в радиусе до 246 километров от плацдарма, причем большинство остальных аэродромов также находилось достаточно близко. Другими словами, высадка в районе Кана потребовала бы от союзной авиации не больших усилий по прикрытию, чем охрана Нью-Йорка истребителями, базирующимися на аэродромах в Балтиморе.

Вторжение на участке Кана несколько удлиняло переход через пролив по сравнению с высадкой на побережье Па-де-Кале. Но этот более длинный путь был значительно лучше вторжения через пролив Па-де-Кале под дулами немецких орудий.

Ко времени прибытия Эйзенхауэра в Англию 15 января 1944 г. Монтгомери уже ожидал его со своими предложениями усилить войска первого эшелона, переправляющиеся через Ла-Манш, и использовать для высадки войск также и полуостров Котантен. У меня отлегло от сердца, так как высадка пяти дивизий в первом эшелоне и двух дивизий во втором давала возможность прорваться как в районе Кана, так и на полуострове Котантен. Теперь можно было захватить Шербур с минимальной потерей времени. А широкий фронт высадки давал нам возможность нащупать слабое место в обороне противника с тем, чтобы прорвать ее.

Через неделю, 23 января, Эйзенхауэр впервые собрал высших офицеров экспедиционных сил союзников в историческом Норфолк-Хаусе в Лондоне, где родился король Георг III. Кроме Теддера, Монтгомери, Смита и меня, были приглашены главнокомандующий военно-воздушными силами союзников Ли-Маллори и главнокомандующий флотом Рамзей. Той Спаатс также присутствовал на совещании, хотя как командующий стратегической авиацией он пока не подчинялся Айку. Спаатс получал приказы непосредственно от объединенного комитета начальников штабов, за исключением специальных заданий.

Эйзенхауэр одобрил предложения Монтгомери о расширении фронта высадки и немедленно поставил в известность Вашингтон о необходимости довести количество высаживающихся войск до пяти дивизий.

— С меньшими силами, — заявил он, — нельзя рассчитывать на успех.

Хотя для высадки пяти дивизий требовалось больше десантных средств, Эйзенхауэр не хотел откладывать вторжение на более поздний срок и изменять уже намеченную дату — начало мая. Он хотел использовать для кампаний весь летний период до наступления плохой погоды. Тем не менее Эйзенхауэр признавал, что увеличение масштаба операции может привести к ее отсрочке из-за недостатка десантных средств. Эйзенхауэр считал, что если возросшие потребности нельзя удовлетворить за счет расширения производства, тогда необходимые суда следует взять из резерва, выделенного для обеспечения других десантных операций.

За пять недель до этого в Каире, когда объединенный комитет начальников штабов рассматривал вопрос об источниках получения десантных средств для планировавшегося вторжения в Южную Францию, он, естественно, рассчитывал на наши ресурсы на Тихом океане. Однако адмирал Кинг наотрез отказался удовлетворить просьбу комитета. Он считал неправильным рассматривать военно-морские силы на Тихом океане в качестве резерва для

войны в Европе. Однако суда надо было изыскать. Как бы ни было сильно желание командования флота вести войну на Тихом океане, решение Рузвельта и Черчилля сокрушить в первую очередь Германию было обязательным и для него.

Союзники планировали в Европе, кроме основной операции «Оверлорд», еще одну операцию отвлекающего характера — вторжение в Южную Францию со стороны Средиземного моря. Этой операции было присвоено условное название «Энвил» («Наковальня»), которое позже было изменено на «Драгун».

Согласно плану вторжения, на побережье Южной Франции следовало высадить только две дивизии, однако и для этих сил требовалось огромное количество десантных средств. Между тем Эйзенхауэр уже наметил высадку десанта в районе Анцио, чтобы обойти с моря стабилизировавшийся фронт в Италии. Когда Эйзенхауэр еще находился в Соединенных Штатах, куда он заехал, направляясь со средиземноморского театра военных действий в Англию, то был предупрежден Монтгомери и Смитом, что для обеспечения высадки в Нормандии пяти дивизий придется взять суда, предназначенные для вторжения в Южную Францию. Они рекомендовали уменьшить силы, высаживающиеся в Южной Франции, до одной дивизии, а освободившиеся суда перебросить в Англию для обеспечения вторжения через Ла-Манш.

Однако Эйзенхауэр не согласился с этим. Он стремился во что бы то ни стало провести высадку в Южной Франции, хотя бы ценою отсрочки вторжения через Ла-Манш на месяц. В свою очередь, я от всего сердца желал, чтобы десант в Южной Франции был высажен, хотя отказ от операции «Энвил» значительно облегчил бы стоявшие передо мною трудности при подготовке вторжения через Ла-Манш. В связи с тем, что авиация все больше и больше разрушала железнодорожную сеть Франции, становились очевидными те затруднения, которые возникнут в работе тыла при наступлении союзных войск во Франции. Высадка на юге этой страны не только привела бы к изгнанию немцев из южной части Франции, но и дала бы возможность создать новый путь снабжения от Марселя к Эльзасу вдоль долины реки Роны.

В течение зимы и ранней весной 1944 г. целесообразность проведения операции «Энвил» все время ставилась под сомнение. Ее проведению мешал не только недостаток судов в связи с подготовкой вторжения через Ла-Манш, но и выявившиеся разногласия между американцами и англичанами в отношении оценки этой операции.

Для американских стратегов высадка в Южной Франции была неотъемлемой частью нашей стратегии в Европе, преследовавшей цель зажать в клещи немецкие войска во Франции.

Между тем англичане отрицали какое-либо стратегическое значение этой операции. Для них высадка в Южной Франции была не чем иным, как только отвлекающим тактическим маневром. Они считали эту операцию желательной, но не необходимой. На такое отношение англичан, несомненно, повлияла затянувшаяся кампания в Италии. Высадка в Анцио 22 января вызвала сильное разочарование. В создавшихся условиях они были склонны спрашивать: не приведет ли операция «Энвил» к чрезмерному истощению наших людских ресурсов на Средиземном море?

В Лондоне последние недели перед операцией проходили с ужасающей быстротой. В связи со стремлением союзников использовать суда, выделенные для операции «Энвил», в операции «Оверлорд», а также в связи с неудачным исходом высадки десанта в районе Анцио Эйзенхауэра убеждали, да и сам он уже был склонен, отказаться от проведения операции «Энвил». Тем не менее его не покидала слабая надежда, что удастся провести обе операции.

Верховный штаб экспедиционных сил союзников пытался найти выход из создавшегося положения, предложив нагрузить суда сверх установленной нормы. Однако Монтгомери и я возражали, так как перегрузка судов могла создать беспорядок при высадке на берегу. При планировании операции «Оверлорд» мы соблюдали принцип, чтобы на каждое судно было

погружено боевое подразделение вместе с его вооружением и боеприпасами. Если бы мы нарушили этот принцип, при высадке потребовалось бы много времени, чтобы войска разобрались по подразделениям, что могло привести к серьезным затруднениям.

— Хватит играть в прятки, — сказал я Кину, — мы не можем больше ходить вокруг да около вопроса о тоннаже. Если придется отказаться от высадки в Южной Франции, то лучше пойти на это, чем нарушить установленный нами порядок погрузки войск на суда.

Решение отказаться от высадки в Южной Франции было, наконец, принято 21 марта. Когда верховный штаб экспедиционных сил союзников выяснил, что судов для обеспечения операции «Оверлорд» не хватает, Эйзенхауэр понял, что медлить больше нельзя. Крайне неохотно он предложил отсрочить высадку десанта в Южной Франции до тех пор, пока не будет произведено вторжение через пролив Ла-Манш.

В конце января 1944 г. было решено перенести вторжение через Ла-Манш с начала мая на июнь. Когда Эйзенхауэр вскоре после того, как он прибыл в Англию, выяснил, что десантных судов не хватает, он проявил большую нервозность в связи с приближением дня вторжения. 24 января, излагая свои соображения о расширении фронта высадки при вторжении через Ла-Манш, Эйзенхауэр докладывал военному министерству, что «с точки зрения армии проведение операции в мае более выгодно». Однако в этом же докладе Эйзенхауэр указывал: «Чем подвергать себя риску при проведении операции небольшими силами, я предпочел бы отложить ее на месяц, чтобы сосредоточить необходимое количество войск».

Английские начальники штабов, также встревоженные к этому времени угрожающей нехваткой судов, поддержали предложение Эйзенхауэра отложить вторжение, а 31 января к ним присоединились американские начальники штабов. Понятно, что я также выступал за отсрочку вторжения, пока мы не будем обеспечены дополнительными десантными средствами. Однако мне все же было трудно понять, почему при проведении этой самой решающей наступательной операции за всю войну мы должны были конкурировать с действиями на Тихом океане, когда речь шла об удовлетворении наших самых насущных нужд. Артиллерийская поддержка кораблями флота операции «Оверлорд» была запланирована в таком же масштабе, как и при проведении операций на Тихом океане. Я не представлял себе тех усилий, которые флот делал на тихоокеанском театре военных действий, но меня раздражало стремление флота рассматривать операцию «Оверлорд» как европейского пасынка.

Наши военно-воздушные силы приветствовали решение отложить вторжение через Ла-Манш на целый месяц. Дополнительные несколько недель давали им возможность продолжать подавление противника с воздуха. Даже русские, находившиеся далеко от нас, приветствовали отсрочку вторжения.^[30] Почва на восточном фронте к июню бы подсохла, и это дало бы возможность Красной Армии возобновить наступление.

Еще до прибытия Монтгомери в Англию английский штаб 21-й группы армий начал длительное и детальное планирование разных аспектов вторжения, которые позднее вошли в план операции «Оверлорд». Первым документом штаба был так называемый «первоначальный совместный план». Этот план штаб 21-й группы армий разрабатывал совместно со штабами десантируемых армий, и в нем ставились задачи армиям после высадки на побережье. Исходя из плана, каждая армия разрабатывала свой приказ, который являлся основным документом для действий корпусов первого эшелона армии. Затем дивизии первого эшелона разрабатывали свои детальные планы под контролем командира корпуса. Потом план спускался из дивизии в полк, из полка в батальон и, наконец, доходил до командиров рот в форме боевого приказа.

Для составления «первоначального совместного плана» штаб 21-й группы армий организовал специальные планирующие группы, которые получили название «синдиката», причем каждой из них поручалось разработать определенный этап вторжения. В состав

синдикатов, или комитетов, входили представители штабов группы армий Монтгомери, 2-й британской армии Демпси и моей 1-й американской армии. Кроме того, в каждом синдикате были представлены авиация, флот, верховный штаб экспедиционных сил союзников, английское правительство, штаб европейского театра военных действий и штабы общевойсковых соединений. После шестинедельной работы этих синдикатов был составлен совместный план, который был нами одобрен.

Хотя англичане по многим вопросам спорили с нами во время совещаний, они не злоупотребляли сложившимися между нами отношениями. Большей частью английские офицеры были старше нас по рангу. По работе так и следовало. Большинство из них было лучше знакомо с планом вторжения, чем мы. Это объяснялось главным образом тем, что они занимались планированием вторжения уже много месяцев до того, как мы включились в эту работу.

Пока штаб 1-й армии был занят на ежедневных заседаниях в синдикате, из штаба 1-й группы армий была выделена особая группа и прикомандирована к штабу Монтгомери. Здесь они совместно с англичанами разработали план переброски подкреплений на плацдарм союзников во Франции. Ответственность за усиление высадившихся американских войск в течение первых 14 дней вторжения возлагалась на 1-ю армию. После этого за переброску подкреплений отвечал штаб американской группы армий.

Сначала я полагал, что штаб группы армий может ограничиться небольшим количеством офицеров, занятых планированием на высшем уровне, и не хотел раздувать штат, что является обычным в высших штабах. Однако штаб группы армий не просуществовал и трех месяцев, как начальник штаба Монтгомери уже затребовал прикомандировать к штабу 21-й группы армий 14 офицеров инженерно-технической службы. В это время в Брайнстон-сквере у нас было только три таких офицера. После этого я махнул на все рукой и не мешал штабу группы армий разбухать. Вскоре после окончания войны, находясь в Висбадене, я был изумлен, узнав, что в штабе группы армий и его специальных подразделениях числилось более 900 офицеров. Это превышало численность офицерского состава полностью укомплектованной пехотой дивизии. Чудовищное увеличение личного состава штаба группы армий повергло меня в ужас, но заместитель начальника штаба успокоил меня, сообщив, что обычно за день через штаб проходило 1100 пакетов с корреспонденцией. Между тем ежедневно мне докладывали не более 30 документов.

Так как большинство высших штабов размещалось в Лондоне, этот шумный, переполненный город стал центром союзного планирования. В декабре англичане предложили, чтобы мы передислоцировали штаб 1-й армии из Бристоля в Лондон, расположив его вместе с другими штабами. Однако, вместо того, чтобы перебрасывать штаб целиком, я перевел в Лондон только офицеров, занятых планированием. Возглавлял эту группу, состоявшую из 30 офицеров, Билл Кин. Они расположились в свободных помещениях, предоставленных в их распоряжение штабом нашей группы армий на Брайнстон-сквер.

Оперативная комната штаба 1-й армии была расположена на втором этаже кирпичного здания, занимаемого штабом группы армий. Это здание входило в ансамбль фешенебельных квартир Вест-Энда, оборудованных каминами из итальянского мрамора, лепные потолки были выполнены в стиле рококо, а из окон открывался живописный вид на тенистый бульвар, тянувшийся вдоль всего квартала. Окна днем и ночью были задрапированы тяжелыми светомаскировочными шторами. Гостиная была заполнена письменными столами ролевого образца, стены увешаны совершенно секретными картами. Карты были накрыты листами кальки, на которые были нанесены разграничительные линии, объекты, промежуточные рубежи, то есть те секреты, за которые противник охотно пожертвовал бы несколькими дивизиями. В

одном из углов гостиной Диксон расположил разведывательный отдел. На картах условными знаками красного цвета были обозначены огневые позиции и орудия противника. От побережья Франции, занятого противником, были проведены дуги, показывающие дальность орудий береговой обороны, секторы обстрела орудий накидывались один на другой и почти полностью покрывали пролив Ла-Манш. В конце переполненной комнаты огромный Табби Торсон, имя которого часто путали, возглавлял работу оперативного отдела. Здесь два сержанта перепечатывали на пишущих машинках боевое расписание войск, которое ежедневно изменялось. Каждый список частей занимал от 25 до 30 страниц, так как нужно было перечислить 1400 и даже более американских соединений, частей и подразделений, высаживавшихся в Нормандии в первые две недели вторжения.

Вход в гостиную круглые сутки находился под охраной военной полиции. Перед тем как позвонить, чтобы дверь открыли изнутри, полицейский проверял специальный пропуск у каждого входящего. Имевший такой пропуск допускался к любым секретным документам, которые были на европейском театре военных действий. Пропуск давал возможность ознакомиться со всеми деталями вторжения, включая день высадки.

Во время одного из ночных налетов немецкой авиации несколько зажигательных бомб упало на Брайнстон-сквер. В некоторых зданиях, занятых нами, вспыхнул пожар. Одна из магнелиевых бомб пробила крышу и упала на пол моего кабинета. К счастью, она не разорвалась. С улицы устремились добровольцы с гидropультами тушить пожары, и наш охранный кордон был прорван. Однако, на наше счастье, часовой у двери оперативной комнаты остался на своем посту, и секреты были сохранены. Если бы сгорела оперативная комната, тогда были бы безвозвратно потеряны тысячи часов, потраченные на планирование. Еще страшнее была опасность разглашения в возникшей суматохе материалов, находившихся в оперативной комнате.

Из всех военных тайн мы тщательнее всего сохраняли дату начала вторжения. Хотя в наших штабах агенты контрразведки проверяли по ночам столы и сейфы, стремясь обнаружить нарушение инструкций об охране военной тайны, за весь период, пока дата вторжения оставалась Великой Тайной, было обнаружено только одно серьезное нарушение.

Это случилось в конце апреля 1944 г., когда в мой кабинет на Брайнстон-сквер утром вошел бригадный генерал Эдвин Сиберт, спокойный и чрезвычайно способный начальник разведывательного отдела штаба группы армий.

— Генерал, — начал он, — мне бы не хотелось докладывать вам по этому делу.

— По какому делу? — спросил я.

Сиберт объяснил. Накануне вечером он с одним американским генерал-майором и группой союзных офицеров присутствовал на обеде в Клэридже. Перед обедом подавались коктейли. Жалуясь на трудности со снабжением, генерал-майор заявил, что некоторые остродефицитные материалы будут доставлены в Англию только после вторжения. А вторжение, добавил он многозначительно, состоится до 15 июня.

Я знал этого генерала еще с того времени, когда мы были курсантами в Вест-Пойнте. Я уважал его и ценил дружбу с ним, но у меня не было выбора. Я позвонил Айку.

Сразу же состоялось расследование, подтвердившее вину генерала. Он в течение 24 часов был отстранен от должности, снижен в звании до полковника и отправлен в Соединенные Штаты. Агенты контрразведки предложили лицам, присутствовавшим на обеде вместе с ним в Клэридже, держать язык за зубами. Это предупреждение, возможно, было излишним, так как все они страшно перепугались.

Позднее некоторые офицеры заявляли, что Аик проявил излишнюю суровость, однако я не разделял их точки зрения. Если бы я был на месте Эйзенхауэра, то поступил бы точно так же.

Хотя случившееся не имело никаких последствий, наказание показало, что никто не может пользоваться привилегиями, когда речь идет о жизни людей. В то же время оно убедило англичан, что мы не допустим никакой болтовни.

Из всех планов вторжения каждый штаб разрабатывал свои планы. Самыми сложными, самыми детальными и тщательно разработанными были планы для армии первого эшелона. Когда 25 февраля 1944 г. мы закончили составление плана вторжения через Ла-Манш для 1-й армии и сброшюровали его вместе с планами корпусов, у нас получился огромный том, отпечатанный на ротаторе, в котором было больше слов, чем в романе Маргариты Митчелл «Унесенные ветром». Всего 1-я армия отпечатала 324 экземпляра этого секретного документа.

Только в первый день вторжения 1-я армия высаживала на вражеском побережье войска, для которых потребовалось бы более 200 воинских эшелонов. Через две недели после начала вторжения американцы сосредоточивали во Франции армию, численность которой в два раза превышала численность американской армии в начале второй мировой войны, то есть в 1939 г. В течение двух недель после прорыва обороны немцев мы сосредоточили в Нормандии такое количество транспортных средств, что если их выстроить в две колонны, то они растянулись бы от Питтсбурга до Чикаго.

На американском участке плацдарма высаживалось более 55 тыс. человек. В состав десанта входило 200 различных отдельных соединений, частей и подразделений от дивизии численностью в 14 тыс. человек до фотографической команды из двух человек. Каждый человек, каждая машина становились частью гигантского механизма, который надо было разобрать перед переброской через Ла-Манш и снова собрать на противоположном берегу.

Мы перевозили с собой имущество и материалы от стальных ферм мостов длиной 36 метров до таблеток сульфидина. Мы даже брали с собой питьевую воду — более 1200 тыс. литров на первые три дня после высадки.

На начальника оперативного отдела Торсона и начальника отдела тыла Вильсона выпала тяжелая задача по определению очередности погрузки грузов на суда. Торсон отвечал за погрузку боевых машин и личного состава, а Вильсон за погрузку предметов снабжения и подразделений обслуживания. Через месяц оба были утомлены до крайности, так как почти нельзя было найти человека, который не был бы убежден, что если его не высадят на побережье в день вторжения, то вся операция «Оверлорд» будет сорвана.

Чтобы обеспечить места для войск, служб и средств усиления, требовалось сократить перевозимый транспорт во всех частях и соединениях первого эшелона до абсолютно необходимого минимума. В результате даже 1-я дивизия была вынуждена оставить в тылу больше половины положенного ей по штату транспорта. Когда же один из офицеров дивизии пожаловался на это, Табби огрызнулся:

— Послушайте, друг, вы все равно далеко не продвинетесь в первый день вторжения. Если же вы застрянете из-за недостатка транспорта, тогда сообщите мне и я донесу вас до Парижа на своей спине.

Даже мягкого и безобидного Вильсона довели до того, что он стал грубить. Когда офицер по работе с гражданским населением потребовал места на судах для перевозки в первый же день вторжения продовольствия для французов, Вильсон в изумлении посмотрел на него через стол, заваленный срочными требованиями на боеприпасы, горючее и мостовое оборудование.

— Доставка этого продовольствия так важна? — спросил он.

— Безусловно, сэр, — ответил офицер.

— Прекрасно, — сказал Вильсон, — теперь слушайте внимательно. Вы получите необходимый тоннаж, но высадитесь за день до вторжения. Ни одна душа не помешает вам на побережье. Там вы сможете накормить всех французов, которых разыщете. А на следующее утро

вы можете помахать нам флагом, когда мы начнем высадку.

Этот трюк — предложение высадиться за день до вторжения — был всегда наготове у Вильсона. Он считал его самым убедительным аргументом, который когда-либо имел в своем распоряжении.

* * *

Когда Эйзенхауэр предложил генералу Маршаллу, чтобы я командовал 1-й американской группой армий во Франции, он предвидел, что кто-то должен заменить меня на посту командующего 1-й армией. «Командующим одной из его армий, — писал Эйзенхауэр, имея в виду момент, когда я стану командующим группой армий во Франции, — будет, возможно, Паттон. Другой армией будет командовать генерал, отличившийся в ходе вторжения во Францию, и в крайнем случае Ходжес или Симпсон, при условии, конечно, что намеченный кандидат сможет своевременно прибыть в Англию и вместе с Брэдли примет участие во вторжении с самого начала». Когда Эйзенхауэр сказал мне о его выборе, я был доволен обеими кандидатурами. Любой из них был достойным кандидатом. Тогда я еще не знал, что получу их обоих.

Неудачливый однокурсник Паттона в Вест-Пойнте в 1904 г., Ходжес провалился на втором году обучения по математике. Ему заявили, что он неспособен к военной службе. Однако спокойный выходец из штата Джорджия знал себя лучше. В 1906 г. он поступил в армию солдатом и через три года был произведен в офицеры.

В феврале 1943 г., когда генерал-лейтенант Вальтер Крюгер был отозван из 3-й армии и направлен в распоряжение Макартура на Тихий океан, Ходжеса с поста командующего 10-м корпусом перевели в Сан-Антонио, где он получил свою третью звезду. За месяц до отправки 3-й армии в Англию Ходжес выехал туда в распоряжение 1-й армии. В качестве заместителя командующего 1-й армией Ходжес наблюдал за подготовкой армии к вторжению и замещал меня во время высадки. Он принял командование армией в тот день, когда я стал командующим группой армий, то есть 1 августа 1944 г., и провел свою армию от Авранша до Эльбы. Он по-прежнему носил опознавательные знаки этой армии четыре года спустя, когда ушел в отставку и поселился в Техасе.

Худошавый, спокойный уроженец штата Джорджия, Ходжес был уравновешенным, не бросающимся в глаза и выдержанным человеком. Поэтому он и не выдвинулся на первый план во время войны в Европе. Ходжес был прежде всего военным человеком, безусловно знавшим свое дело, специалистом в области тактики, что выдвинуло его в ряды наиболее талантливых генералов, находившихся под моим командованием. Возможно, он знал о тактике пехоты и боевой подготовке не меньше, чем другие офицеры. Однако, поскольку Ходжес не был претенциозен и держался в тени, его роль в войне была почти незаметна. Тем не менее с Ходжесом мог соперничать среди наших американских командиров один только Симпсон. В Ходжесе удачно сочетались гибкость ума и здравый смысл, в результате чего из него получился великолепный и уравновешенный командир. Я, безусловно, доверял его суждениям, искусству и сдержанности. Из всех моих командующих армиями он меньше всех нуждался в моем контроле.

Талант Ходжеса как командующего виден из достижений его 1-й армии. Эта армия продвигалась по Европе с серьезной и суровой решительностью, не полагаясь на чутье, как это делала 3-я армия Паттона, или на удачу, подобно 9-й армии Симпсона. 1-я армия раньше других пересекла германскую границу, первой форсировала Рейн, первой вышла к Эльбе и соединилась с русскими. Во время своего наступления она захватила в плен больше немцев, чем любая другая

американская армия. Потери в людях в процессе своих длительных наступательных действий эта армия также понесла больше, чем другие.

В связи с тем, что Эйзенхауэр окончательно решил провести вторжение пятью дивизиями, первый эшелон нашей 1-й армии был увеличен с одной дивизии до двух, а британские силы — с двух до трех. Одна американская дивизия высаживалась на побережье департамента Кальвадос, правее англичан, в 32 километрах к западу от Кана. Другая дивизия высаживалась на восточном побережье полуострова Котантен с целью ускорить захват Шербура. Участки высадки находились на удалении 30 километров друг от друга, их разделял эстуарий Карантана. Здесь нам предстояло соединить наши участки высадки и создать общий плацдарм. Высадкой дивизий первого эшелона руководили командиры соответствующих корпусов. 3-й корпус находился во втором эшелоне и высаживался в промежутке между двумя вышеуказанными участками. Участок высадки эстуария Карантана был известен под условным названием «Омаха», правее — «Юта» (схема 22).

Поскольку 5-й корпус Джероу прибыл в Англию раньше, он получил для высадки участок «Омаха». Фактически Джероу приступил к разработке плана вторжения корпуса с того момента, когда получил копию первого варианта операции «Оверлорд», составленного КОССАК. По требованию Деверса были переброшены из Соединенных Штатов еще два корпуса вместе с их командирами.

7-й корпус под командованием генерал-майора Роско Вудраффа руководил высадкой войск на участке «Юта». 19-й корпус под командованием генерал-майора Виллиса Криттенбергера находился во втором эшелоне и высаживался вслед за корпусом Джероу на участке «Омаха». Хотя высадка в Нормандии на участке «Омаха» была первым серьезным испытанием для Джероу, я без колебаний поручил ему руководство высадкой десанта. Джероу был не только добросовестным, уверенным в себе и настойчивым генералом, он был также хорошо посвящен во все детали плана вторжения во Францию.

Что касается Криттенбергера и Вудраффа, то они впервые участвовали в десантной операции. Эйзенхауэр и я сомневались в целесообразности возложения ответственности за руководство американскими войсками вторжения на трех неопытных генералов. Как Криттенбергер, так и Вудрафф прибыли в Англию с безупречной характеристикой, обоих я знал много лет. Однако ни один из них не участвовал в боях во время второй мировой войны. К этому и сводилось мое единственное возражение против их кандидатур. Конечно, они заслуживали того, чтобы испытать свои силы, и я бы был счастлив иметь любого из них или обоих вместе под моим командованием, однако в менее ответственной операции.

Пока мы оба, Эйзенхауэр и я, ломали головы над тем, как выйти из создавшегося положения, в верховном штабе экспедиционных сил союзников была получена радиограмма от генерала Маршалла. В Соединенных Штатах находились два побывавших в боях командира дивизий, которые имели за своими плечами опыт войны на Тихом океане и подходили для должности командиров корпусов. Маршалл спрашивал нас, подходят ли для нас кандидатуры этих генералов. Мы дали положительный ответ. Так пришлось пожертвовать Криттенбергером и Вудраффом, чтобы гарантировать успех вторжения через Ла-Манш. Криттенбергер был направлен в Италию, а Вудрафф — на Тихий океан. Оба они стали командирами корпусов и отличились в боях, показав тем самым, что наши опасения были неосновательны.

Одним из офицеров, предложенных генералом Маршаллом, был уроженец штата Луизиана генерал-майор Дж. Лоутон Коллинс. Командуя 25-й пехотной дивизией, Коллинс сменил морскую пехоту на острове Гуадалканал и быстро очистил его от противника. Коллинса много лет знали в армии как одного из выдающихся молодых офицеров. Коллинс оказался слишком молодым для войны на Тихом океане. Бодрый в свои 64 года, Макартур предпочитал иметь в

подчинении офицеров, близких ему по возрасту. 48-летний Коллинс казался ему слишком молодым. Таким образом, если Коллинс был слишком молод для командования дивизией, то едва ли Макартур доверил бы ему командование корпусом. На европейском же театре военных действий большинство из нас имело постоянное звание подполковников, а наши генеральские звезды были временными. Очевидно, Коллинс мог продвинуться по службе лучше всего в Европе.

Коллинс был одним из наиболее выдающихся командиров в Европе и, без сомнения, также наиболее энергичным. Тщательно подобрав свой штаб, он принимал безупречно правильные тактические решения, осуществляя их с достаточной смелостью, обеспечившей успех всех его действий. Он был не только энергичным, но и безгранично уверенным в себе человеком. Такую самоуверенность можно терпеть только у людей, которые оказываются правы, а Коллинс, к счастью, почти всегда был прав.

Генерал-майор Чарльз Корлетт был вторым командиром, рекомендованным генералом Маршаллом. Командуя 7-й пехотной дивизией во время штурма острова Кваджелейн, Корлетт весьма искусно высадил свои войска на берег. Он не стал штурмовать остров в лоб, а сначала захватил у нижней оконечности острова атолл, на котором были незначительные силы противника. Там он расположил свою артиллерию, начавшую обстрел через узкую лагуну участков высадки на острове. За семь дней боев войска Корлетта уничтожили больше 8 тыс. японцев, потеряв только 286 человек.

В награду за успешные действия на Тихом океане Корлетт был назначен командиром 19-го корпуса. К несчастью, у него был больной желудок, и через пять месяцев войны в Европе в декабре 1944 г. Корлетт был вынужден уйти с поста командира корпуса и направился для лечения в Соединенные Штаты.

Только после высадки во Франции Эйзенхауэру удалось добиться, чтобы, прежде чем направлять в наше распоряжение из Соединенных Штатов командиров корпусов и дивизий вместе с их соединениями, предварительно запрашивали нашего согласия. Против большинства кандидатур командиров дивизий мы не возражали, полагая, что, подготовив свои дивизии в США, они имеют право испытать их в бою.

Однако Вашингтон направлял в наше распоряжение из Соединенных Штатов также командиров корпусов, которые, не побывав в боях, должны были руководить командирами дивизий, имеющими боевой опыт. До тех пор пока к нам продолжали прибывать эти новички, причем каждый со своим штабом корпуса, у нас не было возможности выдвигать достойных командиров дивизий на пост командира корпуса.

— Мы несправедливы к нашим командирам дивизий, — как-то сказал я Айку Стоит только командиру дивизии провиниться, и мы либо понижаем его в должности, либо отсылаем в Соединенные Штаты. Однако, если командир дивизии прекрасно командует и достоин выдвижения на должность командира корпуса, у нас нет никакой возможности повысить его.

Айк кивнул головой.

— Я знаю, что вы имеете в виду, Брэд. Если мы наказываем плохих, то должны поощрять достойных. Хорошо, если бы у нас была возможность отбирать командиров корпусов еще до отправки их из Соединенных Штатов и брать только тех, кто нам подходит. В этом случае к нам прибывали бы некоторые штабы корпусов без своих командиров. На вакантные должности командиров корпусов мы могли бы выдвинуть командиров дивизий.

Это предложение было принято, и до конца войны 11 командиров дивизий стали командирами корпусов. В то же время в Соединенных Штатах один командир корпуса добровольно отказался от корпуса и принял командование дивизией, чтобы иметь возможность отправиться за море.

Эйзенхауэр оставил Паттона на всю осень 1943 г. размышлять в реквизированном дворце в Палермо. Джордж, теперь командующий армией без армии, был наказан Айком за пресловутый инцидент с «рукоприкладством». По мере того как зимние дожди делали пейзаж Сицилии все более унылым, раскаявшийся Паттон впадал в меланхолию. Он опасался, что ему придется сгнить на им же завоеванном острове.

Айк, однако, не забыл Джорджа, хотя он осуждал его за инцидент, приведший к его дискредитации. Вера Эйзенхауэра в боевые качества Паттона от этого не уменьшилась.

— Ну и характер у Паттона, черт бы его побрал, — как-то сказал один офицер, — он дает ему возможность одерживать блестящие победы и в то же время доставляет ему много хлопот.

Хотя Паттон иногда причинял беспокойство, тем не менее Эйзенхауэр считал его достойным командиром.

Я узнал о предложении Эйзенхауэра назначить Паттона командующим армией только после прибытия Айка в Англию. Если бы Эйзенхауэр спросил мое мнение об этом назначении раньше, я бы высказался против. Я не только ставил под сомнение правильность действий Паттона во время кампании в Сицилии, но и серьезно сомневался, разумно ли подвергать Паттона страданиям в результате перемены со мной ролями. В Сицилии Паттон был моим начальником, теперь мы менялись ролями и я становился его начальником. Айк заверил меня, что Джордж примет это без озлобления.

— Единственно, что он хочет, это снова принять участие в войне. Одно время он думал, что для него все кончено.

Как и Эйзенхауэр, я не оспаривал прекрасных способностей Паттона в наступлении, а между Ла-Маншем и Берлином было, где развернуться. Однако даже этот блистательный талант Паттона не мог подавить во мне сомнения, когда он становился моим, подчиненным. Я не стал сообщать Эйзенхауэру о моих опасениях. Если Эйзенхауэру хотелось иметь Паттона, я не должен был возражать ему.

До сих пор я не могу без огорчения вспомнить, как я колебался, узнав о назначении Паттона. Когда в августе 1944 г. Джордж стал моим подчиненным, он принял это просто, по-дружески, без оскорбленного самолюбия, озлобления или обиды. Год совместной службы с Паттоном в Европе останется одним из самых лучших воспоминаний моей военной службы.

Джордж прибыл в Англию в марте 1944 г. вместе с основными офицерами из штаба 7-й армии. Он разместил штаб 3-й армии в центральной части Англии, подальше от южных районов, где шла активная подготовка к вторжению. Так как штаб 3-й армии, оставался без войск до высадки во Франции, последний был причислен к штабу европейского театра военных действий и Джордж, находился под опекой Эйзенхауэра до августа. Но прошло не много времени, и Джордж опять выставил себя на позор. В английском городке неподалеку открывался клуб для союзных солдат, и Джорджу неожиданно предложили выступить. Вместо того чтобы ограничиться известными истинами об англо-американской дружбе, Джордж пошел дальше.

— Идея, положенная в основу организации таких клубов, — заявил он, — как нельзя своевременна, ибо, несомненно, нам предначертано судьбой править всем миром.

Если бы это сказал местный болтун, едва ли последовали бы какие-нибудь отклики. Однако говорил сам Паттон, и когда его заявление получило гласность, оно быстро вызвало большой международный резонанс. К несчастью, заявление Паттона было пропущено цензором, так как оно не нарушало военной тайны.

За ночь непродуманное заявление Паттона стало делом государственной важности, и никто не был больше удивлен этим, чем сам раскаявшийся виновник. Сенат отложил рассмотрение рекомендации о присвоении Паттону постоянного звания генерал-майора. Все газеты в Соединенных Штатах в передовых статьях язвительно отзывались о верховном командовании

экспедиционных сил союзников.

Однако снова, как в Сицилии, Эйзенхауэр отбил волчью стаю. Опять Джордж принес свои извинения. На этот раз Эйзенхауэр с раздражением отметил, что его терпение достигло предела.

— Я сыт по горло, — сказал он в разговоре со мной о Паттоне. — Если мне еще раз придется извиняться публично за Джорджа, я сниму его с должности, как бы он ни был для нас ценен. Мне все это надоело и я устал защищать Паттона. Жизнь слишком коротка, чтобы растрачивать ее на подобные вещи.

15 месяцев спустя Паттон заставил Эйзенхауэра выполнить свое обещание. Будучи командующим 3-й армией, оккупировавшей Германию, он нарушил приказ верховного штаба экспедиционных сил союзников, запрещавший использовать бывших нацистов при восстановлении железных дорог и предприятий общественного пользования. Не считаясь с политическими соображениями, Джордж полагал, что только немецкие должностные лица, работавшие во время войны, подходили для занятия этих постов. Но что они могли оказаться нацистами, меньше всего беспокоило Паттона, который прежде всего заботился о восстановлении этих отраслей экономики.

Объясняя свои действия представителям печати, Джордж вызвал сенсацию, заявив: «Хорошо, я объясню вам, кто такие нацисты. Их распри похожи на борьбу между республиканской и демократической партиями во время выборов».

Джордж заверял, что он больше всех ненавидит нацистов. Однако из опыта работы военной администрации он сразу же установил, что «немцы, не принятые на работу, обычно заявляют, что на всех постах засели нацисты... Больше половины немцев были нацистами, и чертовски трудно разобраться, кто из них не нацисты».

Эйзенхауэр выполнил свою угрозу. Джордж был снят с поста командующего 3-й армией и направлен в «ссылку» в 15-ю армию. От последней остался только «бумажный» штаб, занимавшийся составлением отчета о военных действиях.

Друзья Джорджа Паттона утверждают, что он до самой смерти переживал эту «неблагодарность» Айка. Однако Эйзенхауэра меньше всего следует винить в неблагодарности. Дважды перед этим он спасал Паттона, хотя мог легко и с полным основанием освободиться от него. Эйзенхауэр, несомненно, проявил большое мужество, защищая Джорджа Паттона. Бесспорно, он многое прощал ему. Большинство командиров на его месте так не поступило бы.

Мало кто из генералов мог превзойти Паттона как военачальника. Однако у Паттона был один враг, которого он не мог победить, и этим врагом был его язык.

Именно эта способность Паттона создавать серьезные кризисы заставила меня усилить цензуру, как только он стал моим подчиненным.

— Офицеры по связи с прессой проклянут меня за это, — сказал я Биллу Кину, — но черт с ними, у меня нет другого выхода. Передайте цензорам, чтобы они не пропускали в прессу ни одного высказывания любого командира без моей визы. Я хочу сам предварительно просматривать все их выступления в прессе.

Неукоснительное выполнение этого запрещения видно из следующего эпизода. Во время сражения в Арденнах вскоре после освобождения Бастони меня подозвали к телефону.

— Мы записали слова генерала Маколиффа, — сообщил офицер с другого конца провода. — Можно передать их в печать?

— А что он сказал? — спросил я.

— Катись ты... — последовал ответ.^[31]

Выступая за высадку войск на полуострове Котантен, чтобы обеспечить быстрый захват Шербура, я убеждал Монтгомери и Смита выбросить воздушный десант в глубине побережья. Участок высадки «Юта» был широким и ровным и, следовательно, пригодным для высадки

морского десанта, однако выходы в глубь территории ограничивались несколькими узкими дамбами, пересекавшими затопленную болотистую местность. Пока противник удерживал дамбы, он мог сковать нас на участке «Юта».

— Хотя я хочу организовать высадку на участке «Юта», — сказал я офицерам, занимавшимся планированием в штабе КОССАК, — но я скорее откажусь от проведения этой операции, чем пойду на риск из-за отсутствия поддержки со стороны воздушного десанта.

Более того, чтобы захватить Шербур и предупредить опасность задержки накопления наших сил на плацдарме, было важно не допустить переброску вражеских подкреплений в Шербур. Для этого нам следовало перерезать полуостров в наиболее узкой его части. Если бы противник имел возможность перебросить свои войска на полуостров до того, как мы ворвемся в Шербур, трудно сказать, сколько нам потребовалось бы времени для захвата порта. Сумей немцы продержаться в Шербуре до сентября, плохая погода в Ла-Манше создала бы серьезную угрозу снабжению наших войск, если бы грузы пришлось выгружать непосредственно на берег.

Из Нормандии на полуостров Котантен в сторону Шербура идут две основные железные дороги (схема 21). Одна проходит у основания полуострова через Карантан, другая — вдоль западного побережья. Между этими дорогами две трети основания полуострова перерезает река Дув. Чтобы изолировать полуостров, мы должны были сначала захватить горловину у Карантана и укрепиться на рубеже реки Дув до западной прибрежной дороги. Затем нам следовало прикрыть 15-километровый промежуток между этой дорогой и морем. Эти задачи были возложены на 82-ю и 101-ю воздушно-десантные дивизии.

101-я дивизия выбрасывалась в районе севернее Карантана, в тылу участка «Юта». Она должна была держать открытыми выходы с участка «Юта» и не дать возможности противнику взорвать дамбы. В то же время дивизия продвигалась на юг к Карантану на соединение с войсками Джероу, высадившимися на участке «Омаха».

Перед 82-й дивизией была поставлена еще более смелая задача. Она должна была перерезать западную прибрежную дорогу, ведущую в Кутанс, и закрыть западную часть полуострова Котантен. В отличие от 101-й дивизии эта дивизия выбрасывалась на довольно большом удалении от наших морских десантов. Мы надеялись, что, если дивизия не будет разбросана на большой площади, она сумеет продержаться до подхода наших наземных войск с плацдармов. Оба командира воздушно-десантных дивизий без возражений согласились с поставленными перед ними задачами.

На совещаниях совместно с Монтгомери в здании школы Сан-Поль, на которых был разработан первоначальный вариант выброски воздушного десанта, Ли-Маллори не имел никаких возражений против плана. Наоборот, он даже предложил выбросить 82-ю дивизию еще южнее, поблизости от узла дорог Ла-Э-дю-Пюи. Но я не согласился с этим, предпочитая занять более сильную позицию в 10 километрах к северу.

Однако позднее Ли-Маллори неожиданно изменил свою точку зрения, предложив, чтобы мы не выбрасывали воздушный десант для обеспечения высадки на участке «Юта». Он не только возражал против намеченного подхода самолетов к зоне выброски десанта со стороны западного побережья, но и выброску самого десанта считал неоправданным риском,

— Я не могу одобрить ваш план, — заявил Ли-Маллори. — Это весьма рискованное предприятие. Вы понесете слишком большие и неоправданные потери. К сожалению, генерал Брэдли, я не могу согласиться с вами.

— Прекрасно, сэр, — ответил я, — если вы возражаете против воздушного десанта, тогда я должен отказаться от высадки на участке «Юта». Я не могу высаживать войска на побережье, если не буду уверен, что выходы с побережья находятся в наших руках.

Ли-Маллори бросил на меня быстрый взгляд.

— Я хочу разъяснить, — сказал он, — если вы настаиваете на выброске воздушного десанта, то вы делаете это, не считаясь с моими возражениями.

С этими словами он откинулся в кресле, повернулся к Монтгомери и добавил:

— Если генерал Брэдли будет упорствовать, он должен взять на себя всю ответственность. Я лично не верю в успех воздушно-десантной операции,

— Полностью согласен с такой постановкой вопроса, — ответил я. — Я привык нести ответственность за свои действия. Монтгомери слегка постучал по столу.

— В этом нет необходимости, господа, — сказал он, — я беру на себя ответственность за операцию.

Получив согласие Монти, мы приступили к дальнейшему планированию воздушно-десантной операции на участке «Юта».

Ли-Маллори, однако, продолжал возражать против этой операции. Если бы его опасения оправдались, тогда высадка морского десанта на участке «Юта» могла оказаться под угрозой в результате неудачи воздушного десанта. На карту было поставлено слишком много, поэтому он апеллировал к Айку, прося внести изменения в план выброски воздушного десанта. Эйзенхауэр запросил мое мнение по поводу опасений главнокомандующего экспедиционными военно-воздушными силами союзников.

— Конечно, риск есть, — согласился я, — однако он значительно меньше того риска, которому подвергнутся наши войска в случае высадки на участке «Юта» без поддержки воздушного десанта.

Я согласился, что самолеты «С-47» Ли-Маллори, потолок которых небольшой, сразу же окажутся под воздействием огня зенитной артиллерии, как только они покажутся над побережьем Франции. Посадка планеров на пересеченные живыми изгородями поля Нормандии была затруднительной и могла привести к большим потерям. Однако, настаивал я, мы должны пойти на этот риск, учитывая важность высадки на участке «Юта» и возможность быстрого захвата Шербура. Конечно, я не хотел подвергать риску 17 тыс. десантников, если бы мы могли обойтись без них. Однако я сознательно шел на риск, чтобы обеспечить успех высадки морского десанта. В этом и заключалась суть вопроса.

Эйзенхауэр подверг анализу непримиримые взгляды своих сухопутных и авиационных командиров. Затем, когда на карту была поставлена судьба всей операции вторжения через Ла-Манш, он высказался в пользу выброски воздушного десанта на участке «Юта».

Между тем Ли-Маллори все еще не сдавался. Взяв на себя миссию спасти нас от катастрофы, он обратился к Айку с последним призывом. В конце концов не Ли-Маллори, а сами немцы заставили нас в последний момент внести изменения в план выброски воздушного десанта на участке «Юта».

В конце мая помощник начальника разведывательного отдела 1-й армии майор Роберт Лоу сообщил нам печальную новость о прибытии подкреплений противника в район южнее Шербура. Агентурными данными было подтверждено, что в этот район переброшены три германские дивизии и, следовательно, для десанта Риджуэя создавалась серьезная угроза. Если бы нам не удалось прорваться с участка высадки морского десанта в глубь полуострова, тогда 82-я дивизия была бы уничтожена на своих в высшей степени уязвимых позициях. Выбора у нас не было, и нам пришлось изменить район выброски 82-й дивизии, приблизив его к побережью.

26 мая Мэтью Риджуэй и Макс Тэйлор, командиры 82-й и 101-й воздушно-десантных дивизий, прилетели в Бристоль, чтобы в последнюю минуту внести изменения в план. Темная, с забитыми окнами оперативная комната в Клифтоне была уже заполнена ящиками с документами штаба 1-й армии, приготовившегося к вторжению.

Мы поспешно внесли изменения в план. 101-я дивизия выполняла прежнюю задачу, однако

82-я дивизия теперь выбрасывалась к северу от 101-й дивизии на небольшом удалении от участка высадки «Юта» (схема 21). Дивизия должна была захватить перекресток дорог у Сент-Мэр-Эглиз и отразить возможные контратаки с северо-запада.

В тот же день, когда рассылался измененный план выброски воздушного десанта, Ли-Маллори еще раз обратился к Айку, находившемуся на своем командном пункте в Портсмуте. Ли-Маллори предлагал отказаться от выброски десанта на участке «Юта», а вместо этого выбросить воздушный десант в районе Кана. Он считал, что в случае, если мы будем придерживаться утвержденного плана, мы потеряем 50 процентов парашютистов и 70 процентов планеристов. Эйзенхауэр был встревожен, что вновь речь зашла о проблеме, которую он считал давно улаженной. Если окажется прав Ли-Маллори, тогда Эйзенхауэр будет нести ответственность за эти потери. С другой стороны, последовав совету своего главнокомандующего военно-воздушными силами, он мог поставить под угрозу нашу высадку на участке «Юта». Эйзенхауэр удалился в палатку для принятия окончательного решения. Позднее вечером он заявил, что выброска воздушного десанта должна проводиться по плану.

Я узнал об этом последнем обращении позднее, уже находясь во Франции. Эйзенхауэру, однако, не приходилось выбирать между двумя возможными вариантами выброски воздушного десанта: на участке «Юта» или в районе Кана. Вопрос заключался в другом: либо воздушный десант высаживается на участке «Юта», либо мы вовсе не производим высадку морского десанта на этом участке. При организации наиболее значительной операции за всю войну Аик никогда не решился бы отказаться от высадки на участке «Юта», не рискуя потерпеть поражение.

Еще до моего приезда в Англию 29-я дивизия уже претендовала на участок высадки «Омаха». Эта дивизия прибыла в Англию в октябре 1942 г. Командовал ею бывший кавалерист, вспыльчивый 48-летний генерал-майор Чарльз Герхардт. Его энтузиазм иногда брал верх над здравым суждением солдата. Когда операцией «Оверлорд» была предусмотрена высадка морского десанта также и на участке «Юта», мы решили вместе с 29-й дивизией высадить 4-ю пехотную дивизию. Однако, хотя обе дивизии уже прошли значительную подготовку по десантированию, ни одна из них не была еще под огнем. Не желая подвергать себя риску, связанному с высадкой двух необстрелянных дивизий, я решил одну из них заменить дивизией, побывавшей в боях.

В Англии находилась только одна дивизия, имевшая боевой опыт в десантных операциях. Это была 1-я пехотная дивизия. Она к этому времени была сыта по горло героическими делами и хотела вернуться домой. Когда в дивизии узнали, что им предстоит третья высадка, на этот раз во Франции, солдаты начали горько жаловаться на свою судьбу. Среди пехотинцев, уцелевших в двух кампаниях на Средиземном море, только немногие верили, что счастливая звезда поможет им пережить третью кампанию.

Мне не хотелось подвергать 1-ю дивизию дальнейшим испытаниям, однако я, как командующий, не имел другого выхода. Я должен был высадить войска, закрепить на плацдарме и уничтожить немцев. При выполнении этой задачи едва ли приходилось быть чересчур щепетильным. Я был вынужден использовать самые лучшие войска, имевшиеся в моем распоряжении, чтобы свести до минимума риск и любыми средствами добиться успеха. В результате на дивизию, которая заслуживала поощрения за прошлые испытания, теперь выпал неизбежный жребий выполнить наиболее трудную задачу. Хотя это может показаться и несправедливым, но пусть лучше каждый вынесет на своих плечах столько тягот в пути, сколько достанется на его долю, чем подвергать армию риску разгрома из-за стремления возложить на всех одинаковые военные испытания.

Войска, высаживавшиеся на участке «Омаха», должны были установить контакт с английскими войсками слева и соединиться со своими войсками на участке «Юта». Если обе

эти задачи возложить на одну дивизию, то ее фронт растянулся бы на 40 километров. В то же время после прибытия на плацдарм последующих эшелонов 1-ю дивизию пришлось бы собрать на участке «Омаха» в одном определенном месте, чтобы избежать заторов на побережье, что было бы неизбежно при перекрестных передвижениях войск, высаживавшихся на участке «Омаха». В первый эшелон войск я включил два полка 1-й дивизии и один полк 29-й дивизии. Таким образом, 1-я дивизия сосредоточивала свои войска в левой части плацдарма, 29-я дивизия — в правой. Третья дивизия, прибывавшая на плацдарм, располагалась в центре.

Чтобы десантируемые войска могли познакомиться со своим командующим армией, а также чтобы проверить их боевую подготовку, весной 1944 г. я объездил всю юго-западную часть Англии, инспектируя одиннадцать дивизий, предназначенных для вторжения во Францию. Я побывал во всех ротах и батареях этих дивизий, расположенных на самой различной местности — от мрачных, заросших вереском пустошей Дартмура до крутых зеленых высот Корнуолла.

Я не хотел мешать нормальному ходу занятий и поэтому приказал командирам дивизий не вносить никаких изменений в распорядок дня с целью произвести на меня впечатление. Только в одной дивизии мой приказ был нарушен, где командир батальона заставил роту повторно атаковать «противника». Когда я наблюдал за солдатами, подвигавшимися в подозрительно хорошем порядке, я догадался, что учение проводится повторно, и спросил об этом командира батальона. Когда он признался, что рота проводит атаку второй раз, командир дивизии освободил его от занимаемой должности. Оставалось слишком мало времени, чтобы растрачивать его на смотры.

Во время инспектирования 29-й дивизии Герхардта я выяснил, что настроение войск подавленное из-за опасения больших потерь во время высадки. Некоторые говорили даже о 90 процентах потерь. На общем собрании офицеров и сержантов дивизии я рассказал о наших потерях на Средиземном море, надеясь рассеять их преувеличенные страхи.

— Все эти разговоры о колоссальных потерях являются вздором, — сказал им я, — некоторые из вас не вернутся, но таких будет очень немного.

Несколько дней спустя в дивизии побывал предприимчивый репортер из газеты «Старс энд Страйпс». Он увидел копию моего выступления. Через две недели я уже обнаружил свое заявление в вырезках из газет, присланных из Соединенных Штатов. Я был раздражен тем, что цитировали мою речь, произнесенную без подготовки и обращенную только к моим солдатам. Я был также расстроен тем, что мое заявление противопоставлялось мрачным предсказаниям Черчилля, Рузвельта и генерала Маршалла.

Через месяц после высадки во Франции мы опубликовали данные о наших потерях. Американский народ с облегчением узнал, что потери были ниже ожидавшихся. Из 55 тыс. солдат, высадившихся в первый день вторжения, мы потеряли 4649 человек, из них одну треть убитыми, остальные были ранены или пропали без вести.

Через несколько лет после войны мать одного пехотинца, который перед вторжением находился в Англии, напомнила мне о моем у заявлении.

— Я сделал это заявление для успокоения своих солдат, — сказал я, — чтобы убедить их, что не все они будут убиты при форсировании Ла-Манша.

— Я рада, что это заявление стало известно в Соединенных Штатах, — сказала она, — вы не можете представить себе, как оно успокоило нашу семью, находившуюся в состоянии крайней тревоги.

Когда эти строки прочтет несчастный цензор, которого я приказал сурово наказать за то, что мое заявление попало в прессу Соединенных Штатов, пусть они принесут ему хотя бы некоторое утешение.

К весне 1944 г. гостеприимные города юго-западной части Англии были переполнены американскими войсками. Американские солдаты заполнили мощенные булыжником улицы деревень графства Девоншир, выпили все пиво в местных кабаках и завели любовные интриги с англичанками. В самом деле, нигде англо-американская дружба не расцветала так пышно, как в домах английских отцов с их прелестными незамужними дочерьми.

Вторжение янки в Англию было хорошо подкреплено долларами. Американский солдат получал в три раза больше, чем английский. Американский штабной сержант посылал домой своей семье столько же денег, сколько получал капитан английской армии. Поскольку значительную часть своих доходов американцы тратили на девушек, нет ничего удивительного в том, что привычки и обычаи английской провинции претерпели неожиданные изменения. Нужно отдать должное вежливости англичан, которой у них хватило на все время пребывания американских войск в Англии.

При подготовке любой десантной операции мероприятия по укреплению уверенности в успехе являются более важными, чем меры по сосредоточению войск, накоплению десантных средств и увеличению воздушной мощи. Когда количество войск вторжения через Ла-Манш было увеличено до пяти дивизий в первом эшелоне, наш скептицизм рассеялся и мы воспрянули духом. На этот раз я уже не терзался сомнениями, обуревавшими меня во время вторжения в Сицилию. Я уже имел опыт одного вторжения и теперь был свободен от всех тревог при подготовке второго.

При первом посещении оперативной комнаты штаба 1-й армии в Брайнстон-сквер Эйзенхауэр с особой силой подчеркивал необходимость уверенности в успехе вторжения.

— Операция планируется в расчете на успех, — сказал он, — нельзя ни на минуту сомневаться в благополучном исходе операции. Я заверяю вас, что провал невозможен.

По мере развертывания нашей подготовки даже самые закоренелые скептики согласились бы с ним.

Я уже предупредил офицеров своего штаба, что ни при каких обстоятельствах они не должны проявлять ни малейших признаков сомнений или колебаний. Проявление самого незначительного скептицизма со стороны старших командиров может разрастись до катастрофических размеров в дивизии, полку и батальоне. Но чтобы внушить эту уверенность в успехе, план должен быть образцовым. По мере того как план операции «Оверлорд» принимал окончательную форму, мы уже были уверены, что добьемся успеха.

7 апреля Монти устроил генеральную репетицию вторжения во Францию по карте. В репетиции принимали участие командующие военно-воздушными, наземными и морскими силами. Всего было две такие репетиции, на которых присутствовали Эйзенхауэр и Черчилль. На второй репетиции присутствовал также английский король. Рельефная карта Нормандии шириной с улицу была развернута на полу большого зала в здании школы Сан-Поль. С редким искусством Монти проследил по карте план маневра 21-й группы армий, расхаживая прямо по карте Франции.

В первом эшелоне союзных войск высаживались две воздушно-десантные и две пехотные дивизии американцев, одна воздушно-десантная и три пехотные дивизии англичан, причем английские войска находились под командованием Демпси (схема 22). Закрепившись на побережье Нормандии, 1-я армия должна была объединить участки высадки «Омаха» и «Юта» и установить контакт с войсками Демпси, действующими слева. Пока 1-я армия продвигалась в глубину полуострова Котантен, чтобы не допустить подхода с востока подкреплений противника в Шербур с дальнейшей задачей захватить порт Шербур, 2-я английская армия в первый день вторжения овладевала железнодорожным узлом Кан и расширяла свой плацдарм в южном направлении. Затем американские войска, опираясь на английские позиции, совершали

широкий обходный маневр, наступая на Париж. По мере нашего продвижения сначала в южном, а затем в восточном направлении мы изолировали полуостров Бретань вместе с его портами, занятыми противником. Задача по очистке от противника полуострова Бретань возлагалась на 3-ю армию. Тем временем мы завершали наш поворот и выходили на рубеж протяженностью 225 километров, обращенный фронтом к Сене. Левый фланг этого рубежа примыкал к английскому плацдарму, правый неприкрытый фланг — к Луаре. В дальнейшем мы должны были развивать наступление на Сену, где, по нашим расчетам, немцы должны были организовать оборону на противоположном берегу реки.

Во время боевых действий в Нормандии британская и канадская армии должны были отвлечь резервы противника, сковав их на восточном фланге плацдарма союзников. Таким образом, пока Монти сковывал резервы противника у Кана, мы должны были прорвать его фронт на западе и глубоким обходным маневром выйти к Парижу. С точки зрения национальной гордости такая отвлекающая миссия была для англичан жертвой, ибо, пока мы продвигались в обход внешнего фланга, английские войска должны были сидеть на месте и сковывать немцев. Однако в стратегическом отношении такое разделение труда было вполне логичным, так как именно к Кану устремились бы вражеские резервы, как только они услышали бы сигнал тревоги.

Противник не мог не считаться с опасностью английского наступления на Кан. От Кана до Сены по прямой меньше 80 километров, до Парижа только 200, а до линии Зигфрида около 500 километров. Еще большие опасения у противника должен был вызывать открытый характер местности. За Каном простиралась слегка холмистая местность, представляющая собой идеальную территорию для действий танков. Поэтому нельзя винить немцев за то, что они были склонны поверить в намерение Монти прорвать их фронт в районе Кана и развивать наступление к границам Германии.

Нам именно и хотелось создать у немцев такое впечатление. Если бы противник направил свои резервы в район Кана, нам было бы легче выполнять свою задачу.

Когда Монти говорил в школе Сан-Поль о своих планах по захвату Кана, он был настроен очень оптимистически. Показывая на Фалез, он утверждал, что его танки прорвутся в этот город в первый же день высадки. Расстояние от побережья до Фалеза по дороге всего 50 километров, и Монти потребовалось 63 суток, чтобы добраться туда.

В дальнейшем Монти убеждал меня, чтобы я попробовал сделать прорыв танками, наступая с участка высадки «Омаха». Я знал, что провести такой маневр трудно, однако разработал соответствующий план. Как я и предполагал, мы никогда даже не пытались реализовать этот план. В отличие от Монти я предвидел, что мы встретим сильное сопротивление противника на побережье Нормандии.

Монти запретил курить во время совещания в школе Сан-Поль, хотя оно и затянулось. Объявив десятиминутный перерыв, Монти ухмыльнулся, почувствовав подозрительный запах табака. «Когда мы снова соберемся, господа, — сказал он, — можете курить, если хотите».

В комнате послышался смех, так как после перерыва на совещании должны были присутствовать премьер-министр Черчилль и Эйзенхауэр.

До этого времени я видел Черчилля только дважды. В начале весны 1944 г. я сопровождал Черчилля и Эйзенхауэра во время трехдневной инспекторской проверки американских дивизий. 69-летний премьер-министр, который во время англо-бурской войны был военным корреспондентом, бодро ходил по полям, улыбаясь солдатам из-под своего знаменитого котелка. Каждый вечер во время обеда в своем персональном поезде он рассказывал за виски с содой о трудностях и превратностях войны. Раньше Черчилль был настроен против вторжения через Ла-Манш, теперь он относился к нему с энтузиазмом.

Во время инспектирования 9-й дивизии Черчилль признался, что ему до смерти хотелось

пострелять из нового американского карабина. Немедленно были поставлены мишени для Черчилля, Эйзенхауэра и меня. Мою мишень поставили на расстоянии 70 метров, Эйзенхауэра — на 45 метров и премьер-министра — на 20 метров от нас. Мы быстро расстреляли по 15 патронов. Мантон Эдди предусмотрительно увел нас, прежде чем мы успели посмотреть наши мишени.

Как-то премьер-министр пригласил несколько старших союзных офицеров на обед в свою резиденцию на Даунинг-Стрит, 10. Зная о привычке Черчилля поздно ложиться спать, я уже примирился с этим, как вдруг заметил приписку на пригласительном билете: «Конфиденциально, возможно будет король».

— Это хорошо, — сказал я Айку. — Может быть, мы пораньше вернемся домой.

Однако король не торопился уходить. После обеда мы перешли в гостиную, где он непринужденно беседовал с нами о предстоящей операции. На время ранги были забыты, и король, кажется, был особенно благодарен нам за неофициальный характер вечера. В первый раз я понял, какая одинокая жизнь должна быть у монарха и как трудно ему иметь друзей вне круга своей семьи.

Мы разошлись в половине второго ночи.

В отличие от вторжения в Сицилию, где мы высаживались в целях маскировки подхода наших кораблей к побережью в 3 часа 30 минут утра, высадка в Нормандии была приурочена к рассвету. При высадке на подготовленное к обороне побережье Франции мы рассчитывали, что наша огневая мощь более чем компенсирует недостаточность маскировки. Мы жертвовали скрытностью подхода к побережью в пользу более точной и сильной бомбардировки. Наметив час высадки после рассвета, мы в два раза повышали эффективность бомбового удара нашей авиации по побережью. Ночью до рассвета ночные бомбардировщики английских военно-воздушных сил подавляли оборонительные сооружения противника на побережье. Едва только они заканчивали обработку побережья, с рассветом наносили удар американские тяжелые и средние бомбардировщики. Флот также мог лучше корректировать огонь артиллерии главного калибра при дневном свете. Это само по себе было чрезвычайно важно, ибо на корабельную артиллерию возлагалась главная задача по обеспечению высадки десанта.

Чтобы с максимальной эффективностью использовать авиацию и флот, мы решили высадить десант не раньше, как через полчаса после рассвета, и не позже, как через полтора часа после рассвета.

Если бы высадка была произведена позднее, противник мог оправиться после бомбардировки английской авиацией. Больше того, каждая лишняя минута светлого времени дала бы врагу возможность усилить сопротивление и подбросить подкрепления.

Кроме значительного превосходства союзников в воздухе и на море, мы имели еще одно решающее преимущество — это выбор времени и места высадки. Пока мы занимались подготовкой вторжения, противник мог только ожидать и гадать, где мы высадимся.

Не зная, где мы нанесем удар, противник был вынужден распылить свои силы вдоль побережья Европы на протяжении 1400 километров. Немцам, несшим все большие потери в России при отступлении на запад, с каждым днем было труднее и труднее оборонять Атлантический вал. Для высадки на берег нам было достаточно сосредоточить силы против какого-либо одного участка обороны противника. При нашей огневой мощи мы могли прорвать этот вал и ввести в прорыв свежие войска.

Хотя противник не мог задержать нас на оборонительных позициях, он мог замедлить наше продвижение, пока Роммель подтянул бы резервы. По существу, к этому и сводилось назначение Атлантического вала. Он должен был ослабить наш удар и расколоть наши силы. Тем временем противник мог бы подтянуть резервы и нанести контрудар. Долговременные оборонительные

сооружения являются неоценимыми, если под их прикрытием сосредоточиваются подвижные резервы. Однако без подвижных резервов они теряют всякую ценность. Именно в результате отсутствия подвижных резервов линия Мажино стала ловушкой для французской армии.

Во время штабной игры в школе Сан-Поль Монтгомери сообщил нам, что Роммель обычно вводит резервы в бой сразу же, как только они поступают в его распоряжение. Если он после нашего прорыва будет придерживаться этой тактики, тогда мы сумеем разгромить его резервы по частям и избежим опасности сильного контрудара со стороны противника.

Германия, израсходовав свои силы в войне против Красной Армии, стремилась уменьшить количество войск на западе, усилив укрепления Атлантического вала. Эта задача была возложена на Роммеля, охранявшего побережье на протяжении от Фризских островов Голландии до устья Луары. С характерной для него энергией Роммель увеличил количество казематов для орудий, используя для этой цели тысячи кубических метров бетона. Он также применил две эффективные новинки, создавшие нам затруднения при высадке в Нормандии. Одну из них мы обнаружили в феврале при аэрофотосъемке побережья на участке вторжения. Роммель приказал соорудить на побережье подводные препятствия, расположенные на уровне средней точки прилива, чтобы на них проламывали днища союзные десантные суда при приближении их к берегу. Самолеты «Р-51» разведывательных эскадрилий сфотографировали эти препятствия на бреющем полете.

Затем, чтобы не допустить посадки планеров, он приказал врыть в землю столбы в наиболее удобных для посадки планеров районах Нормандии. Между столбами была натянута проволока, к которой были присоединены спусковые механизмы противотанковых мин. Заграждения против планеров мы обнаружили также при помощи воздушной разведки. Риджуэй принес мне аэрофотоснимки с озабоченным лицом. В то же время Роммель прикрыл побережье и возвышенности противотанковыми минными полями, которые он расположил с таким же искусством, с каким он применял их во время войны в Ливии.

К весне 1944 г. часть сил союзной стратегической авиации была направлена на решение тактических задач. Теперь противник лишался подвижности не только посредством уничтожения промышленных объектов, и в частности нефтеперерабатывающих заводов, но и бомбовыми ударами по железнодорожным коммуникациям, сортировочным станциям и остальной части континента.

Пока разведка продолжала гадать по поводу резервов, которые противник сумеет подтянуть к участкам вторжения, авиация предприняла действия, спутавшие все расчеты разведки. Тем не менее, чтобы не просчитаться, мы весьма осторожно оценивали результаты этих бомбардировок. Любая задержка резервов противника благодаря действиям авиации была нам на руку. Однако при планировании переброски войск на плацдарм мы исходили из максимального варианта сосредоточения противником своих резервов.

С самого начала воздушного наступления оно оказалось в тупике в результате расхождения во взглядах среди авиационного командования. Одни считали, что в первую очередь следует бомбить железнодорожные коммуникации, другие — заводы синтетического горючего. В конце концов Той Спаатс настоял на первоочередной бомбардировке заводов синтетического горючего. Последующие события показали, что он был прав, ибо к моменту нашего вторжения во Францию противник стал испытывать острую нужду в горючем. Автомобильные переброски войск противника по дорогам становились все более редкими. Дело дошло до того, что мы стали захватывать исправные автомашины, брошенные противником на дороге из-за отсутствия горючего. Перефразируя известное изречение Наполеона применительно к современным условиям, можно сказать: передвижение войск зависит не от желудка, а от наличия горючего. Голодный желудок легче насытить пищей, чем удовлетворить двигатель внутреннего сгорания,

нуждающийся в постоянном питании. Во время нашего наступления во Франции пехотная дивизия потребляла горючего в шесть раз, а бронетанковая дивизия — в восемь раз больше, чем продовольствия.

14 апреля, после ожесточенных споров с англичанами относительно использования стратегической авиации, Эйзенхауэр добился, чтобы усилия военно-воздушных сил союзников были сосредоточены для непосредственного обеспечения операции «Оверлорд». В течение последующих пяти недель удары с воздуха возросли в ужасающих размерах. Только в апреле бомбардировщики и истребители 8-й воздушной армии сделали 33 тыс. самолето-вылетов. В мае в воздушных боях над Европой было сбито больше тысячи вражеских самолетов. Наши летчики давали возможность немецким самолетам находиться в воздухе только до тех пор, пока они не попадали в перекрестие прицела.

По мере того как соединения стратегической и тактической авиации, поднимавшиеся ежедневно с английских аэродромов, наносили противнику непрерывные удары, он все более и более терял свою подвижность. Только в мае военно-воздушные силы уничтожили 900 паровозов и 16 тыс. товарных вагонов. Кроме того, были выведены из строя во время дневных прицельных бомбардировок десятки сортировочных станций. Даже когда мы вносили коррективы в данные некоторых летчиков, имеющих тенденцию преувеличивать результаты бомбардировки, все равно итоги были внушительными, внушительными настолько, что мы перестали опасаться быстрого сосредоточения противником своих резервов.

Преследуя цель изолировать район высадки десанта, военно-воздушные силы сначала подвергли бомбардировке северо-западную часть Франции, а затем нарушили ее коммуникации с остальной частью страны. Район, подвергнутый бомбардировке, был по размеру приблизительно равен штату Индиана. Его граница проходила от Гавра вверх по Сене до Парижа, затем спускалась к Орлеану в верховьях Луары, шла вдоль этой реки до Нанта, расположенного с южной стороны основания полуострова Бретань. Эту самую западную часть Франции обороняла 7-я германская армия. Эта армия была одной из двух армий, входивших в состав группы армий Роммеля. Армия состояла из семнадцати дивизий, не считая гарнизонов, размещенных в Шербуре и в портах полуострова Бретань. Из семнадцати дивизий три были танковые, которые находились в резерве.

К концу весны 1944 г. во Франции находилось всего 58 немецких дивизий, из них десять дивизий были танковые и гренадерские моторизованные; в отношении боеспособности и подвижности они были крайне неоднородны. Семнадцать дивизий являлись полевыми и предназначались для нанесения контрударов. Однако большинство из них давно уже осталось без транспорта, за исключением самого необходимого. Поэтому они не обладали подвижностью, требующейся в маневренной войне. Двадцать четыре дивизии береговой обороны также были крайне неоднородны по своему составу и обладали еще меньшей подвижностью из-за недостатка транспорта. Остальные семь дивизий являлись учебными соединениями, укомплектованными главным образом новобранцами.

Изолируя участок высадки морского десанта от района Па-де-Кале и Бордо, где немцы сосредоточили крупные силы, командование союзной авиации надеялось не допустить подхода немецких подкреплений, пока мы вели операции против 7-й германской армии. Мы рассчитывали, что сумеем уничтожить эту армию до прибытия подкреплений.

Одновременно с изоляцией северо-западной части Франции авиация наносила удары также и по Нормандии, нарушая железнодорожные коммуникации и парализуя автомобильные перевозки. Это не давало возможности Роммелю замкнуть кольцо окружения вокруг нашего плацдарма, прежде чем мы осуществили прорыв. Действия авиации оказались настолько успешными, что одна вражеская дивизия, чтобы вступить в бой, была вынуждена совершить

походным порядком 160-километровый марш.

В начале действий авиации по разрушению мостов во Франции я запасся терпением в ожидании результатов бомбардировки. Я уже видел в Тунисе, как однажды немецкие пикирующие бомбардировщики «Ю-87» неоднократно бомбардировкой пытались разрушить небольшой колейный мост Бейли и ничего у них не выходило. В самом Лондоне, несмотря на «блицкриг» 1940 г., на Темзе не было уничтожено ни одного моста. Однако теперь командование авиации вместо того, чтобы засыпать бомбами с большой высоты мосты, казавшиеся сверху величиной с карандаш, направило истребители-бомбардировщики бомбить устои мостов. К 4 июня все железнодорожные мосты на Сене между Руаном и Парижем были уничтожены. К 6 июня не только вся северо-западная часть Франции оказалась изолированной, но бомбардировками была также парализована железнодорожная сеть Франции. Пропускная способность железных дорог снизилась до 60 процентов, что особенно сказалось на армии, лишенной автотранспорта.

Для проверки организации огня, средств связи и инженерных подразделений обслуживания на побережье мы наметили провести в конце апреля и в начале мая генеральные репетиции по высадке войск на участках «Омаха» и «Юта». Для создания реальной обстановки, которая нас ожидала на побережье Нормандии, мы наметили для тренировки побережье у деревни Слептон-Сендс в графстве Девоншир, в нескольких километрах южнее английской военной морской базы в Дартмуте. Тем временем войска вторжения были переброшены из своих лагерей и биваков в юго-западной части Англии в районы сосредоточения на небольшом удалении от пролива Ла-Манш. Таким образом, они совершили первый марш в направлении к портам погрузки. В этих районах войска герметизировали свои боевые машины, получили специальное снаряжение и освободились от всего лишнего имущества. Из районов сосредоточения войска направились в передовые районы, прозванные «колбасами» за их продолговатую форму. Недалеко от передовых районов находились песчаные участки побережья и специально сделанные железобетонные скаты для погрузки войск на десантные суда.

Чтобы набрать 54 тыс. человек, необходимых для хозяйственного и технического обслуживания в районах сосредоточения войск, пришлось расформировать целую бронетанковую дивизию. В частях обслуживания было 4500 специально подготовленных поваров. Передовые районы были окружены колючей проволокой, так как войска получали там окончательный инструктаж относительно своих задач. После того как они были ознакомлены с предстоящей задачей, им не разрешалось общаться с местным населением. Движение гражданских машин в прибрежном районе не допускалось, на дорогах были развернуты контрольно-пропускные пункты, 2000 агентов контрразведки были направлены в прибрежную зону, чтобы предотвратить разглашение военной тайны.

Проведение учебных высадок было связано с известным риском, так как нам приходилось сосредоточивать десантные суда в гаванях. Однако, несмотря на эти очевидные признаки подготовки к вторжению, германская авиация почти не беспокоила нас. Передовые районы были тщательно замаскированы, а движение военного транспорта было настолько рассредоточено, что противник не заметил наших перебросок войск.

* * *

Я находился на борту пехотно-десантного судна. В носовой части судна, которое имело в длину 37 метров, по бортам были прикреплены штурмовые трапы. Судно зарывалось носом в волнах беспокойного Ла-Манша, когда мы проходили мимо транспортов в залив Старт, где нам

хотелось посмотреть учебную высадку на участке «Юта». Хотя было уже 28 апреля, однако ветер больно хлестал по лицу и брызги заливали стекла наших биноклей, направленных на скрывавшийся в тумане берег. На узкой полоске белого побережья виднелась группа коттеджей, наполовину окутанных дымкой хмурого утра. Это была деревня Слептон-Сендс. Командующий 9-й тактической воздушной армией генерал-лейтенант Льюис Бреретон стоял на мостике пехотно-десантного судна, похожем на башню. Он посмотрел на покрытое облаками небо и глубже спрятал голову в воротник шинели. Авиация, которая должна была нанести удар по побережью, уже запаздывала.

— Как вы думаете, они пробьются через облака? — спросил я.

Бреретон пожал плечами.

— Если самолеты находятся сейчас над облаками, то им лучше вернуться на базы, — сказал я, направляя бинокль на суда, приближавшиеся к берегу. — При таком запоздании они могут поразить наши войска.

Ответ Бреретона потонул в грохоте разрывов. Казалось, что один из кораблей взорвался у берега. Оставляя за собой дымные хвосты, ракеты со свистом прорезали небо, и на сером, затянутом туманом побережье сверкнули разрывы. Над заливом пронесся грохот. Это наше первое судно с ракетной установкой обстреляло побережье с близкой дистанции перед непосредственной высадкой десанта.

Вечером Коллинс сообщил мне, что германские торпедные катера прорвались через охранение и атаковали конвой на пути к Слептон-Сендс. В сообщении говорилось, что один или несколько кораблей были повреждены. Я спросил, были ли потери, мне ответили, что потери были, но какие, точно установить не удалось. Только после сбора войск по окончании учений можно было установить точные потери.

Между тем разведывательный отдел проявлял растущее беспокойство. Если вражеские торпедные катера подобрали спасшихся с потопленных судов, тогда противник мог узнать о приближавшемся сроке вторжения. Мы заранее предусмотрительно составили план дезинформации врага, согласно которому вторжение намечалось на середину июля. К счастью, войска, участвовавшие в учениях, еще не были проинструктированы и противник, по-видимому, не знал места, где мы вторгнемся во Францию. Однако в результате потопления наших судов противник мог узнать, когда мы собираемся нанести удар. Поэтому я тоже разделял опасения разведывательного отдела.

Прошли недели, и никто больше не докладывал мне об этом инциденте. Я решил, что потери были небольшие и было маловероятно, чтобы противнику удалось что-либо узнать.

На обратном пути в Дартмут я поделился своими замечаниями о ходе учений с Кином, Диксоном, Торсоном и Вильсоном. Они, как и я, были обеспокоены двумя обстоятельствами. Инженерные подразделения, оборудовавшие побережье, не справились со своей задачей, а авиация вообще не приняла участия в операции. Первый недостаток мы могли устранить своими силами, ибо причины были для нас ясны. Что касается второго недостатка, то тут дело обстояло значительно сложнее. Бреретон, по-видимому, совершенно не беспокоился по поводу того, что авиация не выполнила своей задачи.

Инженерно-десантная бригада занимается оборудованием побережья для облегчения высадки войск, перевозкой и хранением выгруженных на побережье грузов, регулированием движения. Недостатки в деятельности этого соединения могут не только поставить под угрозу срыва высадку десанта, но и замедлить накопление резервов на плацдарме. В течение критического периода десантной операции, пока не были захвачен Шербур и организована зона коммуникаций, необорудованное для приема грузов побережье могло поставить под угрозу всю операцию. Я предложил Коллинсу подобрать нового командира инженерно-десантной бригады

для оборудования побережья на участке высадки «Юта».

Только через четыре года после войны я узнал, что недостатки в инженерном оборудовании побережья при проведении учебной высадки на участке «Юта» были не по вине командира инженерно-десантной бригады. Они возникли в результате атаки германских торпедных катеров. Инцидент, который я рассматривал как небольшую схватку с врагом, оказался одной из крупных трагедий в ходе войны в Европе. Германские торпедные катера потопили два танко-десантных судна, при этом погибло более 700 человек. По непонятным для меня причинам мне никто об этом не доложил. Потери Коллинса на учениях превысили потери его войск на участке «Юта» в первый день высадки в Нормандии.

Если бы наша вера в воздушную поддержку измерялась тем безразличием, которое проявила к нам 9-я тактическая воздушная армия в Англии, мы бы приступили к проведению десантной операции с большими опасениями. Частично наши опасения объяснялись высокомерным отношением к сухопутным войскам самого Бреретона. Когда мы попытались убедить его в необходимости совместной подготовки авиации и наземных сил, нам дали понять, что вся авиация брошена в битву за Францию. Если он и представлял себе значение совместной подготовки военно-воздушных сил и сухопутных войск, то он никак этого не показал. Однако, чтобы быть справедливым к Бреретону, следует помнить, что, пока мы занимались планированием вторжения и подготовкой войск, 9-я воздушная армия участвовала в воздушном наступлении против стартовых площадок самолетов-снарядов.

9-я воздушная армия была организована в Англии в октябре 1943 г. после выделения командования тактической авиации из состава 8-й воздушной армии. С января 1944 г. она стала принимать участие в воздушных сражениях над Европой, находясь под общим командованием Ли-Маллори, главнокомандующего экспедиционными военно-воздушными силами союзников. Так как 9-я воздушная армия должна была оказывать поддержку наземным войскам только после вторжения, она всю весну участвовала в воздушных операциях совместно с тяжелыми бомбардировщиками, лишая возможности германскую авиацию использовать передовые аэродромы.

Установив места расположения стартовых площадок самолетов снарядов противника, 8-я и 9-я воздушные армии сосредоточили значительную часть своих усилий против этих объектов. Несмотря на склонность разведки недооценивать возможности ракетного оружия, мы опасались, что противник может использовать ракеты против наших переполненных портов во время погрузки войск на суда. За шесть месяцев до вторжения союзная авиация совершила 30 тыс. самолето-вылетов против стартовых площадок.

Только за месяц до вторжения командование 9-й воздушной армии сообщило, что оно закончило воздушные операции и может приступить к совместной подготовке с наземными войсками.

— К сожалению, — ответил я, — мы уже завершили нашу подготовку. Войска перебрасываются в передовые районы.

Не сумев наладить взаимодействие с авиацией в Англии, мы высадились во Франции, не будучи подготовленными к совместным действиям. Нам посчастливилось, что во главе 9-го тактического авиационного командования, поддерживавшего 1-ю армию, оказался энергичный и молодой генерал-майор Элвуд Квесада. Этот 40-летний генерал больше чем кто-либо другой помог нам организовать взаимодействие между наземными войсками и воздушными силами, что дало нам возможность так стремительно промчаться по Франции после прорыва в Нормандии. Он прекрасно справился с задачей, которая не удавалась другим авиационным командирам, отчасти благодаря тому, что не боялся идти на риск. В отличие от большинства авиационных командиров, рассматривающих необходимость оказания поддержки сухопутным войскам как

ненужную затею, отвлекающую внимание авиации от войны в воздухе, Квесада подошел к этому вопросу как к неизведанной области, таящей огромные возможности.

Во время вторжения через Ла-Манш Монтгомери должен был находиться вместе с главнокомандующими военно-воздушными и военно-морскими силами союзников при ставке Эйзенхауэра в Портсмуте. Отсюда Эйзенхауэр мог осуществлять непосредственный контроль за действиями своих трех основных командующих. Первоначально планировалось, что в первый день операции я буду находиться в Англии и осуществлять руководство десантными операциями 1-й армии из подземного командного пункта в районе Плимута. В дальнейшем этот вариант отпал и мне было приказано быть вместе с Монтгомери в Портсмуте. Это обосновывалось тем, что в случае усложнения обстановки могли потребоваться совместные действия. Однако такая мотивировка показалась мне неосновательной, и я доложил об этом Айку.

— Если возникнут затруднения при высадке десанта, — сказал ему я, — то решения будут приниматься на борту флагманского корабля Кирка. На этом корабле находится наш узел связи, и именно там должен находиться я. Если что-нибудь случится на побережье, я лучше смогу руководить с корабля, чем из Англии.

Айк согласился с моими доводами, и я подготовился к посадке на корабль.

К 31 мая в передовых районах было сосредоточено больше четверти миллиона сухопутных войск, которые обучались, знакомились с предстоящей операцией и готовились к дню вторжения.

15. Первый день вторжения в Нормандию

3 июня в 7 час. 15 мин. утра я спустился к завтраку в моей квартире в Бристоле. Накануне мы допоздна засиделись за обедом — это был наш последний вечер в Англии. Сегодня нам предстояло погрузиться на флагманский корабль адмирала Кирка. День высадки был намечен на 5 июня, и теплые солнечные лучи, струившиеся через оконные стекла нашего дома «Холмс», предвещали хорошую погоду. Табби Торсон опорожнял третью чашку кофе.

— Доброе утро, генерал, — приветствовал он меня, — как вам спалось после получения нового звания? — Вильсон хихикнул.

Накануне мне сообщили о присвоении очередного постоянного воинского звания бригадного генерала. Приказ о присвоении звания был датирован 1 сентября 1943 г. Однако мое постоянное звание полковника было утверждено 1 октября этого же года, поэтому мы не были уверены, получил ли я повышение или понижение. До этого я был калифом на час: все три генеральские звезды были временными, и я сохранял звание генерала только во время войны и шесть месяцев после войны. Теперь по крайней мере мне была гарантирована одна постоянная звезда на моем надгробном памятнике на Арлингтонском кладбище.

Большая часть штаба 1-й армии, дислоцировавшегося в Бристоле, уже несколько дней находилась на штабном корабле армии и двух танкодесантных судах, стоявших у причала в Портленде. Тыловой эшелон штаба оставался в Англии в ожидании транспорта. На берегу флагманского корабля «Аугуста» места не хватало, и моя оперативная группа была вынуждена тесниться в отведенном для нас помещении. Кроме Кина, в группу входили Диксон, Торсон, Вильсон, представитель связи, пять писарей и чертежников. Мой заместитель Ходжес находился на борту штабного корабля армии «Ейкернер». Хансен был при мне на «Аугусте», а Бридж остался в Лондоне с заданием возможно чаще посещать ночные клубы. Мы опасались, что его исчезновение из Лондона может насторожить вражеских агентов.

Мы знали, что в Лондоне есть агенты врага. Более того, некоторые из них продолжали свою деятельность под негласным надзором английской контрразведки. Они могли сыграть полезную роль, посылая в Берлин наши дезинформационные материалы. Однако, за исключением агентов, находившихся под наблюдением, мы настолько надежно организовали контрразведывательную службу в Англии весной 1944 г., что только немногим шпионам врага удалось разведать наши секреты. По мере приближения дня вторжения меры по охране военной тайны становились все более жесткими и даже было прервано сообщение с Ирландией.

Вскоре после 8 часов утра мы выехали из Бристоля на юг, проехали через Эйвон по дороге на Плимут, где нам предстояло встретиться с Коллинсом. Хансен сидел в машине, держа между коленками алюминиевую трубку с вложенными в нее «совершенно секретными» картами плана вторжения. Кин, Диксон, Торсон и Вильсон следовали за нами на другой закрытой машине. День был субботний, и мы замедлили скорость движения, проезжая через рынок в Тонтоне, где перед магазинами уже выстроились очереди терпеливых английских домашних хозяек. Хотя передовые районы уже были переполнены войсками, сосредоточение войск было произведено так скрытно, что как в Тонтоне, так и в других южных городах Англии люди находились в блаженном неведении, что день вторжения был уже близок.

Коллинс ожидал нас на перекрестке дорог к северу от Плимута. Он помог нам проехать через контрольно-пропускные пункты военной полиции к причалу, у которого стоял катер с «Аугусты». В первый раз со времени кампании в Сицилии я пристегнул к поясу кобуру с пистолетом и склонил свою голову под тяжестью стальной каски. Я бросил вещевой мешок в промасленном защитном чехле (на случай химического нападения) на палубу катера и сам

прыгнул за ним.

«Аугуста», быстроходный крейсер, выделялась своими стройными линиями среди тупоносых танко-десантных судов, стоявших на рейде. Закругленный, как у яхты, нос корабля и 8-дюймовые башенные орудия были обращены в сторону Ла-Манша. Кирк находился на берегу, и нас на корабле встретил его начальник штаба контр-адмирал Страбл. Мне отвели каюту капитана, ту самую, в которой помещался Рузвельт во время встречи с Черчиллем в 1941 г. у берегов Ньюфаундленда для подписания Атлантической хартии.

Оперативная комната штаба армии была размещена на юте, где обычно находился разведывательный самолет крейсера. Под оперативную комнату было приспособлено временное помещение размером 3x7 метров, металлические стены которого содрогались при каждом выстреле зенитной установки, находившейся сверху. Три лампочки на потолке были защищены проволоочными сетками, а на стекло стенных часов были наклеены полоски бумаги. На одной из стен висела дорожная карта Франции Мишлена. Рядом с нею находилась схема района вторжения с условными обозначениями, выполненными в разных красках. Между картой и схемой была наклеена фотография обнаженной девушки, лежащей на куда более привлекательном пляже, чем наш плацдарм высадки. На другой стене висела крупномасштабная карта побережья Нормандии. Нанесенные на нее концентрические дуги показывали дальнобойность орудий береговой обороны противника. Еще на одной карте условными знаками красного цвета было показано расположение немецких дивизий. Середину комнаты занимал длинный стол, на котором была развернута оперативная карта. Лейтенант флота наносил на нее оборонительные сооружения противника на побережье. Вдоль наружной стены на уровне пояса тянулась полка, на которой стояли пишущие машинки штаба.

Я посмотрел прогноз погоды в журнале разведывательного отдела: «Пасмурно с воскресенья до среды, низкая облачность и плохая видимость по утрам. Ветер не выше 17–22 узлов. В Ла-Манше волнение, высота волн в проливе 1,5 метра, у побережья — 1,2 метра».

— Хорошего мало, — сказал я.

Диксон выразился более сильно: — Дело дрянь.

Кирк и я уже проводили совместные действия во время вторжения в Сицилию. Теперь он снова был моим коллегой в качестве командующего западным оперативным соединением. Однако я получал приказы от Монтгомери, а Кирк — от главнокомандующего военно-морскими силами союзников Рамзея.

Флот Кирка был разделен на три группы. Первой группой «О», обеспечивавшей высадку десанта на участке «Омаха», командовал контр-адмирал Джон Холл-младший, мой старый знакомый по вторжению в Сицилию. Вторая группа «U», обеспечивавшая высадку десанта на участке «Юта», была под флагом контр-адмирала Дона Муна. Холл находился вместе с Джероу на борту флагманского корабля 5-го корпуса «Анкон»; Мун вместе с Коллинсом — на борту флагманского корабля 7-го корпуса «Бейфилд». Третья группа обеспечивала переброску войск второго эшелона армии из Бристольского залива на побережье Нормандии. Второй эшелон армии состоял из 2-й дивизии, предназначенной для высадки на участке «Омаха», и 90-й дивизии — на участке «Юта».

Весной в период планирования десантной операции Кирк и я прилагали все усилия, чтобы добиться у командования флота в Вашингтоне выделения дополнительных военно-морских сил для усиления поддержки корабельной артиллерией. Военно-морские силы, первоначально выделенные для этой цели, были крайне недостаточны. Даже в апреле 1944 г. американский флот мог выделить только два линкора, четыре крейсера, двенадцать эсминцев и ряд мелких судов для поддержки высадки американских войск. Мы не ожидали большого сопротивления со стороны германского флота, который был в состоянии наносить только короткие удары и тотчас

же скрываться. Мы больше опасались орудий береговой обороны. Я с удовольствием пожертвовал бы дюжиной бомбардировщиков «В-17» за каждое 12-дюймовое орудие. Как и в Сицилии, недостаток американских военных кораблей должны были восполнить англичане. Однако, поскольку огневая мощь американского эсминца почти равнялась огневой мощи британского крейсера, а американский крейсер превосходил английский, мне хотелось, чтобы выделенные в наше распоряжение военно-морские силы поступили за счет американского флота.

В то время основные силы американского флота были сосредоточены на Тихом океане, так как победа на этом театре зависела главным образом от морской мощи. Однако в 1944 г. стало ясно, что японская экспансия перешла границы, которые позволяли силы и ресурсы Японии. В конце концов мы могли разбить ее, она не могла выиграть войну. В Европе, однако, такой уверенности не было. Германия истекала кровью в Африке, в Италии и в России, но она все еще сохраняла наступательную мощь. И мы никак не могли отделаться от мысли, что Сталин может пойти на сделку с Германией и оставить нас один на один с фашистами. Если бы мы потерпели неудачу при вторжении через Ла-Манш, нам, быть может, никогда больше не представилось бы возможности повторить эту операцию. Я умолял командование флота выделить нам дополнительные силы даже за счет уменьшения размаха наступательных операций на Тихом океане. Наконец Вашингтон согласился, и флот Кирка был увеличен до четырех линкоров (два из них остались после первой мировой войны), четырех крейсеров и 26 эсминцев. По масштабам морской войны на Тихом океане эти силы нельзя было назвать значительными, однако по крайней мере дни крохоборства остались позади.

Утром 6 июня мы могли только благодарить небо за то, что эти дни миновали. Хотя наши войска на участке высадки «Омаха» могли продержаться даже без этой дополнительной поддержки корабельной артиллерией, первое сообщение, поступившее ко мне из штаба 5-го корпуса, гласило: «Благодарим бога за флот Соединенных Штатов!» Несмотря на неблагоприятный прогноз погоды, от Айка из Портсмута не было никакого намека на возможность отсрочки вторжения. На следующий день, 4 июня, он должен был в 4 часа утра встретиться с начальником метеорологической службы и главнокомандующими сухопутными войсками, военно-воздушными и военно-морскими силами союзников, лишь после этого Эйзенхауэр мог принять важное решение, зависящее только от него самого: начать операцию в условиях плохой погоды или отложить ее в ожидании улучшения погоды.

Вечером я сел на катер, чтобы известить Ходжеса и штаб 1-й армии. Они располагались на борту грузового судна «Эйкернер», переоборудованного в штабной корабль и оснащенного для этой цели антенной и радиостанцией.

Вереницы танко-десантных судов уже направлялись во внешнюю гавань, за ними на тросах тянулись аэростаты заграждения. В отличие от мрачных серых танко-десантных судов более мелкие десантные суда были окрашены в различные маскировочные цвета. Солдаты, находившиеся на этих судах уже второй день, с трудом примирились со своим положением. Они лежали на нагруженных доверху грузовиках, писали письма, читали или просто дремали под лучами вечернего солнца, все еще оживляющего обдуваемую ветром гавань. На соседнем танко-десантном судне штурмовой трап был спущен до самой воды, и десяток смелых солдат использовал его как площадку для прыжков в воду. На другом судне солдаты пытались рассеять скуку стиркой белья. Солдатское белье висело на веревке, натянутой между антеннами двух танков «Шерман».

Вечером Кирк спросил меня, не смогу ли я познакомить корреспондентов, находившихся на борту «Аугуеты», с планом вторжения 1-й армии. К штабу Кирка были прикомандированы только три корреспондента. Сначала я рассказал им о задачах воздушного и морского десантов.

— Чтобы облегчить высадку десанта на побережье, — сказал я, — мы подвергнем оба участка бомбардировке и сбросим на каждый по восемьсот тонн бомб. За десять минут до высадки первой волны десанта мы произведем огневой налет, выпустив по участку «Омаха» восемь тысяч, а по участку «Юта» пять тысяч ракетных снарядов. Этим налетом мы надеемся уничтожить проволочные заграждения, подорвать мины и заставить противника спрятаться в укрытиях непосредственно перед высадкой войск. — Я показал на подробную карту побережья.

— Затем, ровно в час «ч», — продолжал я, — мы направим на берег шестьдесят четыре танка.

— Они подойдут к берегу по воде? — спросил кто-то.

— Это танки «ДД», — ответил я, на мгновение забыв, как тщательно мы хранили этот секрет.

Являясь экспериментальным образцом, танк «ДД» мог передвигаться как по воде, так и по суше. Для этой цели он был оснащен брезентовыми поплавками и гребным винтом. Сначала корпус танка подвергался герметизации и устанавливался гребной винт. Затем специалисты артиллерийско-технической службы прикрепили к корпусу танка трубчатый каркас, на который натягивались брезентовые поплавки, охватывающие корпус танка со всех сторон. Водитель танка мог натянуть брезентовые поплавки на каркас при помощи простого механического приспособления как раз в тот момент, когда стальное чудовище сползало со штурмового трапа танко-десантного судна.

Когда я впервые увидел такой танк на острове Уайт в декабре прошлого года, то вытаращил глаза: 30-тонный танк «Кромвель» выполз из воды и с грохотом двинулся по побережью в готовности открыть огонь.

Подрывом специального заряда поплавки с каркаса танка сбрасывались на берегу. Мы легко установили это приспособление на наших 34-тонных танках «Шерман».

С тактической точки зрения танки «ДД» решали проблему обеспечения мощного прицельного огня по береговым укреплениям в момент высадки десанта на побережье. До создания танков «ДД» нам приходилось рассчитывать только на пулеметы и минометы, которые выгружались вместе с пехотой.

Сразу же после подавления оборонительных сооружений противника мы должны были создать передовые базы для наших истребителей. Мы могли увеличить почти в два раза эффективность нашей истребительной авиации, так как для нее отпала бы необходимость совершать почти 500-километровый рейс из Англии и обратно. На следующий день после высадки нам надлежало создать взлетно-посадочные полосы на каждом из двух участков высадки для эвакуации раненых по воздуху. Через две недели после высадки мы планировали создать десять взлетно-посадочных полос для десяти авиагрупп. А на 35-й день после высадки, то есть через пять недель, мы рассчитывали создать в американской зоне 18 аэродромов на огороженных живыми изгородями полях Нормандии.

Так же как и в Сицилии, командование военно-воздушных сил выразило недовольство, когда мы сократили количество десантных средств, выделенных для перевозки с первым эшелоном десанта имущества аэродромно-строительных батальонов. Однако, когда Квесадá обжаловал наше решение, мы не отступили от своих позиций.

— Пет, — напомнил я ему, — вместо каждого вашего большого четырнадцатитонного грейдера мы можем перевезти целую кучу пехотинцев. А в первые часы после высадки я предпочитаю иметь солдат, а не машины для строительства аэродромов.

Один из корреспондентов, прикомандированных к штабу Кирка, кивнул головой в сторону карты, на которой была жирно обведена красным карандашом надпись на немецком языке: «Крепость Шербур».

— Когда вы рассчитываете взять Шербур? — спросил он.

— Я не хочу, чтобы меня ругали, — сказал я ему, — но в настоящий момент я был бы рад, если бы мы захватили Шербур через пятнадцать дней после высадки или даже через двадцать. Срок, указанный здесь на карте, взять Шербур через восемь дней после вторжения, видимо, нереальный.

Оптимистические расчеты были внесены в план вторжения через Ла-Манш задолго до того, как Роммель начал укреплять оборону Нормандии. Сначала наш участок вторжения удерживали только три «стационарные» дивизии. Теперь в этот сектор были переброшены еще три полевые дивизии. Диксон подсчитал, что противник сможет бросить против нас в первый день вторжения всего семь дивизий.

Я указал на карту, висевшую на стене.

— Вы должны, однако, — сказал я, — помнить, что сразу же после высадки все дело сведется к проблеме накопления сил. Высадиться почти всегда удастся, однако не всегда можно закрепиться на побережье. В ходе вторжения нам придется пережить три критических периода. Первый период — высадка на побережье. Она будет трудной, однако мы не слишком беспокоимся за нее. Второй период может наступить спустя шесть или семь дней, когда противник соберет резервы для нанесения контрудара. Этот удар, по-видимому, создаст для нас самые большие трудности. Затем по отражении его наступит третий период, когда мы организуем прорыв фронта противника.

Наступила светлая лунная ночь, вода в гавани Плимута приобрела почти радужный оттенок. Мы провели первый день на судах почти без помех со стороны вражеской авиации. Несколько кораблей противника, ведущих разведку, сунулись было в гавань, но были отогнаны зенитной артиллерией с берега. На корабле пробили четыре склянки. Отряды флота уже вышли из северных портов в море на randevу с главными силами Кирка.

План операции «Оверлорд» уже начал претворяться в жизнь в расчете на высадку морского десанта утром 5 июня. Эйзенхауэр имел еще возможность приостановить операцию рано утром 4 июня. Позднее этого срока было бы уже слишком поздно.

В полночь я вернулся в каюту и лег спать. Было уже почти 6 часов утра, когда я проснулся в воскресенье 4 июня. В гавани Плимута стояла сырая погода, туман застилал все вокруг, и видимость была весьма ограниченная. Когда я одевался, меня пробирала дрожь. Вошел Кин с копией радиогаммы адмиралтейства Кирку.

— Операция отложена? — спросил я.

— На двадцать четыре часа.

Как только Эйзенхауэр принял это решение, командование флота направило быстроходные эсминцы, чтобы вернуть уже вышедшие в море корабли в свои порты. Теперь боевой дух войск на этих кораблях упадет, а количество заболевших морской болезнью увеличится в результате того, что им придется провести еще один день в бурном Ла-Манше. Мы посмотрели прогноз погоды, занесенный в наш журнал. Прогноз был еще менее обещающим, чем на 3 июня: высота волн в Ла-Манше 1,5 метра и никаких признаков уменьшения облачности до 7 или 8 июня.

Если бы мы не перенесли начало высадки десанта на более позднее время, условия прилива 8 июня исключили бы возможность высадки войск. Приливная волна достигла бы своего среднего уровня спустя много времени после рассвета. И хотя мы планировали вторжение уже после рассвета, поздняя высадка устрашала нас, так как противник мог прийти в себя после ожесточенной ночной бомбардировки.

Торсон приказал своим офицерам штаба на борту «Эйкернера» известить все соединения и части 1-й армии об отсрочке операции. В эфир были переданы закодированные слова «Хорнпайп боусприт», означавшие, что операция «Оверлорд» отложена на один день. Штаб на

«Эйкернере» также знал об отсрочке операции, получив радиogramму из штаба Монтгомери в 5 час. 15 мин. утра. Оперативный отдел предусмотрел возможность отсрочки операции «Оверлорд», заранее разослав в войска закодированное наименование. Отсрочив высадку десанта, Эйзенхауэру приходилось теперь решать, когда следует ее произвести. Он решил провести новое совещание в Саутвик-Хаусе в Портсмуте рано утром 5 июня. Вторично ему одному предстояло сказать «да» или «нет» при решении самого важного вопроса войны. От этого выбора зависел успех или провал операции.

Днем в воскресенье 4 июня я должен был отправиться на берег вместе с Кирком, чтобы согласовать наши рекомендации на случай вторичной отсрочки операции. Я чувствовал себя в своей каюте беспокойно. Я принялся было читать «A Bell for Adano», однако был настолько взволнован, что не смог продолжать чтение и потянулся за вчерашним номером газеты «Старс энд Страйпс». В газете сообщалось, что бейсбольная команда Детройта выиграла матч у команды Нью-Йорка. Я бросил газету и вернулся на мостик. Только что принесли несколько новых аэрофотоснимков. На них была видна 6-орудийная батарея 115-миллиметровых орудий, выведенная из строя нашей бомбардировкой с воздуха. Разведывательный отдел сообщал, что противник бросил эту батарею.

Перед тем как сойти на берег, я еще раз поднялся на борт «Эйкернера», чтобы провести последнее совещание в штабе армии. Мы собрались в помещении для сбора донесений штаба ВНОС, где офицеры разведывательного отдела штаба военно-воздушных сил будут следить за воздушной обстановкой во время вторжения через Ла-Манш. На огромном планшете были нанесены маршруты конвоев с десантами от побережья Англии до Франции. Эти маршруты, бравшие свое начало в восточной части Англии, где находились порты погрузки англичан, и в западной части, где расположены порты погрузки американцев, сходились в районе сбора южнее острова Уайт. Затем они шли параллельно на протяжении 80 километров в направлении побережья Нормандии и в 50 километрах от него расходились к пяти участкам высадки (схема 23, 22).

Однако, несмотря на деятельность вражеской авиации за последнее время, мы смело могли превратить пункт сбора донесений ВНОС, в картежный зал. Хотя до сих пор кажется невероятным, но остается; фактом, что авиация Геринга не обнаружила подхода нашего флота. Плохая погода укрыла нас от наблюдения противника лучше, чем мы могли на это надеяться. Даже после высадки Геринг предпочел экономить свои силы и не бросать их против наших кораблей, сгрудившихся у берега.

День высадки первоначально был намечен объединенным комитетом начальников штабов на «благоприятный период мая». Позднее, по предложению Эйзенхауэра, начало операции «Оверлорд» было перенесено «на благоприятный период» в июне. Выбор точной даты вторжения был оставлен на усмотрение верховного командующего. Однако при выборе дня высадки Эйзенхауэр должен был считаться с приливами. Лунный цикл давал нам возможность воспользоваться всего шестью днями в месяц, в течение которых условия прилива удовлетворяли нашим требованиям при высадке войск на побережье. Первые три таких дня приходились на 5, 6 и 7 июня. Если бы плохая погода не дала возможности произвести вторжение в эти три дня, тогда пришлось бы отложить его еще на две недели. Если бы плохая погода опять не дала возможности высадиться, тогда вторжение пришлось бы перенести на июль. Между тем войска уже были ознакомлены с планом операции «Оверлорд» и с пунктами высадки. Поэтому, чтобы сведения об операции не просочились к противнику, нужно было войска полностью изолировать от местного населения. Задача была не из легких: сохранить в течение 28 дней секрет, известный 140 тыс. человек.

Однако более устрашающими, чем проблема сохранения военной тайны, были бы

возможные результаты задержки операций союзников во Франции на месяц. Эта затяжка не только сократила бы на одну треть время нашей летней кампании, она также сократила бы время, необходимое для захвата Шербура до наступления штормовой погоды. Нам сообщили, что мы не должны рассчитывать после 1 сентября на выгрузку грузов с судов непосредственно на побережье. Если бы немцы сумели удержать Шербур еще 50–60 дней после нашей высадки в июле, то это создало бы для нас серьезные трудности в снабжении войск в зимний период. Таким образом, в любом месяце мы могли использовать для высадки только шесть дней, в течение которых были наиболее благоприятные условия в отношении утреннего света и прилива. Как военно-воздушные силы, так и флот настаивали на том, чтобы непосредственная авиационная и артиллерийская подготовка высадки десанта проводилась на рассвете. В то же время командование сухопутных войск предпочитало совершить подход к берегу под покровом темноты, а высадку десанта на побережье произвести с началом рассвета. Это дало бы нам возможность скрытно подойти к берегу и высадить войска без значительных затруднений. Чтобы обеспечить более эффективную бомбардировку с моря и с воздуха на рассвете, командование армии пошло на компромисс: оно отказалось от высадки ночью, согласившись произвести высадку десанта через 30 минут после рассвета.

Однако в вопросе о приливе командование армии заняло более решительную позицию, ибо здесь мы не могли уступить. Дважды в сутки побережье Нормандии затоплялось во время прилива, причем уровень воды поднимался на шесть метров. При отливе до береговых укреплений нужно было пройти более чем 400 метров по влажному песчаному грунту. Во время прилива волны Ла-Манша плещутся почти у самой дамбы, расположенной в глубине участка высадки «Омаха».

Чтобы высадиться на берег с минимальными потерями, нам следовало во время прилива подойти на десантных судах как можно ближе к дамбе. При отливе десантные суда сели бы на мель более чем в 400 метрах от берега. Высадившимся войскам пришлось бы преодолеть это расстояние, продвигаясь по открытому песчаному дну. Это могло бы привести к новой Тараве.^[32]

Следовательно, перед нами был только один выбор: высаживаться на берег при максимальном приливе. Однако подводные заграждения, которыми Роммель усеял побережье Нормандии, не позволяли это сделать. При подходе к берегу во время прилива наши десантные суда могли напороться на эти препятствия, проломить днища и затонуть вместе с войсками и имуществом на глубине 2,5 метров.

Выход заключался в том, чтобы организовать высадку десанта на побережье при среднем уровне прилива. Однако определить этот средний уровень прилива нам было трудно. Чтобы разрешить эту проблему, мы провели опыты по подрыву подводных препятствий, созданных по образцу немецких, на английском побережье Ла-Манша. В конце концов, преодолев большие трудности, мы пришли к выводу, что потребуется 30 минут для проделывания проходов через пояс подводных препятствий. Саперы могли подрывать эти препятствия при глубине воды не выше 0,6 метра. Поскольку во время прилива подъем воды увеличивался каждые 15 минут на 30 сантиметров, саперы имели в своем распоряжении 30 минут до того, как уровень воды поднимался до 60 сантиметров.

Таким образом, выход из положения был найден. Мы должны начать штурм побережья тогда, когда прилив достигнет полосы препятствий. У саперов будет 30 минут времени для уничтожения препятствий до того, как глубина станет слишком большой. Последующие эшелоны десанта смогут после этого пройти через проделанные проходы на десантных судах ближе к дамбе.

Самым благоприятным днем для высадки десанта было 6 июня, так как к моменту подхода

прилива к линии препятствий на участке «Омаха» было бы уже достаточно светло. 5 июня нас тоже устраивало, хотя мы теряли 30 минут светлого времени, в то время как 7 июня мы выгадывали 30 минут. 8 июня волна прилива подошла бы к линии препятствий только спустя два с половиной часа после рассвета. Промежуток времени в два с половиной часа между наступлением рассвета и высадкой десанта мы считали слишком рискованным, так как утрачивалась внезапность. Аик сначала наметил вторжение на 5 июня. Если бы испортилась погода, он мог перенести начало операции на 6 или 7 июня. Учитывая все это, 17 мая Эйзенхауэр обвел красным карандашом 5 июня как дату вторжения.

4 июня погода оказалась настолько плохой, что Эйзенхауэр перенес день начала операции на 6 июня. Днем 4 июня в Плимуте моросил дождь, и на изменение погоды к лучшему надежды были невелики. Мы были уверены, что вечером последует новая отсрочка вторжения.

Но тут возникла новая проблема. Аик, принимая окончательное решение о дне высадки, должен был учесть, что конвои с войсками, находящиеся в наиболее удаленных западных портах Англии, должны были сняться с якорей и выйти в море значительно раньше, чем конвои в южных портах, с тем чтобы своевременно прибыть в контрольный район. В первый раз, когда операция была отложена, мы их просто вернули в свои порты. Если бы оказалось необходимым вернуть их в порты вторично, тогда этим конвоям потребовалось бы пополнить запасы горючего. Это заняло бы по крайней мере 48 часов. Следовательно, они смогли бы вновь выйти в море не раньше утра 7 июня.

Поэтому при вторичной оценке условий погоды Эйзенхауэр не мог отделаться простым «да» или «нет». Выбор становился значительно сложнее:

1. Он мог не обращать внимания на неблагоприятную погоду и начать операцию 6 июня.
2. Он мог еще раз отложить операцию на две недели в ожидании следующей благоприятной фазы луны.
3. Он мог примириться с менее благоприятными условиями прилива и светлого времени, рискнув начать вторжение 8 или 9 июня.

Рамзей спросил Кирка:

— Если операция будет отложена вторично, когда можно будет ее начать?

Необходимо было выбирать между двумя днями, двумя неделями или даже более продолжительным периодом времени. Кирк пригласил меня вместе с моим штабом на совещание. Мы собрались днем 4 июня в штабе английской военной базы Плимут и сели за огромный стол, покрытый сукном. Два бесстрастных английских солдата морской пехоты охраняли дверь. В мрачной комнате была расставлена дюжина старых плетеных кресел. В одном конце комнаты на истыканной булавами стене висела выпцветшая схема. Адмирал Мун сошел на берег, чтобы принять участие в совещании, а Холл остался в Портсмуте со своими силами, предназначенными для действий на участке «Омаха».

Оказавшись перед возможностью двухнедельной отсрочки, я немедленно снял свои прежние настойчивые возражения против высадки десанта 8 или 9 июня. В создавшихся условиях даже высадка в дневное время была предпочтительнее двух недель мучительного долгого ожидания.

— Что касается армии, — сказал я Кирку? — то мы согласны лучше высадиться восьмого или девятого, а не ожидать еще две недели. Если нам опять придется выгрузить войска на берег, мы подвергнем себя страшному риску, так как сведения о высадке могут оказаться разглашенными. В то же время мы не можем, держать солдат взаперти на десантных судах еще две недели. Если мы будем высаживаться восьмого или девятого, я предпочел бы начать вторжение во время прилива, как мы и запланировали, если даже придется высаживаться в светлое время.

Другим выходом, разумеется, была высадка ранним утром, однако при значительно меньшем приливе.

Кирк машинально водил карандашом по блокноту.

— Говоря от имени флота, я предпочел бы начать операцию днем, чтобы по крайней мере было видно, куда мы стреляем. По этим же соображениям, по-видимому, и авиация предпочла бы бомбить днем. Как вы думаете Ройс?

Генерал-майор Ральф Ройс находился вместе со мной на борту «Аугусты» в качестве заместителя командующего 9-й воздушной армией. Мы внимательно изучили условия прилива и наметили ориентировочно час «ч» на 8 и 9 июня. Чтобы саперы могли проделать проходы среди прибрежных препятствий, мы должны были отложить штурмы побережья до 8 часов утра, то есть начать высадку почти через два с половиной часа после рассвета. 9 июня обстановка была бы еще хуже. Чтобы прилив достиг необходимого уровня, штурм побережья должен был начаться в 8 час. 35 мин. утра.

— Конечно, это значительно осложнит положение воздушно-десантных войск, предупредил я Ройса. — Им придется продержаться на два часа больше, прежде чем мы сможем облегчить их положение. Но я думаю, что они смогут продержаться, если вы окажете им поддержку с воздуха.

— Об этом не беспокойтесь, — заявил Ройс, — мы окажем им помощь всем, что только может потребоваться.

Затем поступило сообщение из Портленда от Холла и Джероу. Оба высказались за более раннюю высадку, несмотря на недостаточный прилив. Однако в этом случае они высадились бы раньше англичан на час или даже более. Берег на участке англичан был скалистым, и поэтому английские войска могли высаживаться только при максимальном приливе.

— Боже мой, — воскликнул я, обращаясь к Кирку, — понимают ли они, что говорят? Если они высадутся раньше на участке «Омаха», то привлекут на себя также весь огонь противника и с английского участка высадки.

Кирк был обеспокоен не меньше меня.

— Конечно, Джим Холл попадает под огонь всех орудий береговой обороны с обоих участков, — сказал он. — Противник сначала расправится с нами, а затем обрушится на англичан.

С точки зрения сухопутных войск, выбора не было. Мы должны были высаживаться во время прилива, не считаясь с тем, что высадка будет производиться после рассвета. В случае необходимости мы должны были рискнуть и построить волны первого эшелона десанта под угрозой прицельного огня артиллерии противника. Эту опасность мы могли преодолеть, используя нашу огневую мощь. Таким образом, мы пришли к согласию, что если нам не удастся начать операцию 6 июня, то вместо того, чтобы оттягивать ее дальше, мы попытаемся провести ее 8 или 9 июня. Кирк сообщил о нашем решении Рамзею. Совещание закончилось, и мы в последний раз вернулись на крейсер «Аугуста».

В воскресенье 4 июня в 21 час. 30 мин. Эйзенхауэр еще раз собрал своих командующих в Портсмуте для обсуждения прогноза погоды. На этот раз прогноз подавал кое-какие надежды. Ожидалось, что грозовые тучи, нависшие над побережьем, рассеются через два или три часа. Хорошая видимость могла сохраниться до вторника 6 июня. Сообщалось, что ветер ослабевал, а нижняя кромка облаков поднималась. Хотя прогноз подорвал некоторые надежды на улучшение погоды, он не особенно вдохновлял нас пойти на риск. Наоборот, прогноз погоды причинял Айку, не знавшему на что решиться, танталовы муки. Ожидавшаяся на 6 июня облачность могла легко лишить нашу авиацию возможности действовать и создать помехи прицельному огню корабельной артиллерии. Хотя это было рискованным, но Эйзенхауэр и Смит были рады некоторому улучшению погоды. Любые действия казались им предпочтительнее тех тяжелых

испытаний, которыми грозила новая отсрочка. Монти придерживался такого же взгляда. Однако Ли-Маллори ратовал за отсрочку вторжения, а Теддер был в нерешительности.

В 21 час 45 мин. Эйзенхауэр с большими колебаниями принял решение.

— Я убежден, — сказал он, — что ним следует отдать приказ... Хотя мне и не хочется, но другого выхода нет... иного пути я не вижу.

День начала вторжения теперь был установлен, оставалось только в последний раз обсудить прогноз погоды в 4 часа утра 5 июня, чтобы убедиться что не потребуется откладывать операцию.

На Борту «Аугусты» мы ожидали сообщения об отсрочке вторжения. Однако такого сообщения не поступило, и к полуночи мы узнали, что Эйзенхауэр принял решение начать операцию. Осуществление вторжения началось, теперь хозяином положения стал План. В следующие 24 часа судьба войны в Европе решалась не на больших флагманских кораблях, а на мокрых, плоскодонных десантных судах, на скользких металлических палубах, где многие солдаты страдали морской болезнью при переправе через бурный Ла-Манш.

* * *

— У Айка есть прогноз погоды, и он, конечно, знает что делает, — сказал я Кину, — однако, черт возьми, погода отвратительная.

Палубы намокли от мелкого дождя, ветер хлестал по брезенту, закрывавшему вход в нашу оперативную комнату. Антенна радиолокационной станции на верхушке фок-мачты то появлялась то исчезала в низких облаках, затянувших темное небо.

Вечером, укладываясь спать и беспокоясь о погоде, я сильно волновался за исход предстоящей операции. Особенно меня мучили следующие обстоятельства:

1. Если ветер и волнение не затихнут, тогда волны могут захлестнуть наши танки «ДД» при подходе их к открытому участку высадки «Омаха». Мы рассчитывали на ударную силу этих танков. Мы потерпели бы серьезный урон в случае их гибели.

2. Если низкая облачность не даст возможности самолетам корректировать огонь корабельной артиллерии, мы лишимся нашего основного средства огневой поддержки войск первого эшелона десанта. При незначительном превосходстве в наземных силах мы больше всего рассчитывали на поддержку корабельной артиллерии во время прорыва укреплений противника на побережье. Перспектива лишиться поддержки корабельной артиллерии беспокоила меня больше, чем возможность отмены действий тяжелых бомбардировщиков.

3. Переход через Ла-Манш мог пагубно сказаться на самочувствии солдат. Сильное волнение могло вызвать у них морскую болезнь, и они были бы совершенно измучены еще до высадки.

Однако все эти опасности, рассуждал я, известны и Айку В его распоряжении имелись более точные и длительные прогнозы погоды, чем у нас. Положившись на благоразумие Айка, я отправился спать.

На рассвете следующего дня на «Эйкернер» прибыл курьер с телеграммой из Портсмута, в которой подтверждалось, что «Вторжение начнется, как намечено, во вторник 6 июня». Вскоре воды в гавани Плимута вспенились, когда сотни кораблей стали послушно выстраиваться в кильватер. Когда линия кильватерных колонн судов вытянулась в направлении Ла-Манша, крейсер «Аугуста» вышел в море, быстро обгоняя неуклюжие, тихоходные десантные суда. На восточной оконечности гавани на сваях у берега виднелся одиноко стоявший старый дот. На покрытом галькой побережье за дотом виднелись еще с полдюжины блокгаузов, обращенных

амбразурами в сторону Ла-Манша. Они были поспешно сооружены в 1940 г, когда Англия готовилась к отражению германского вторжения.

Торсон посмотрел на доты.

— Послезавтра Черчилль может спокойно взорвать их.

— Надеюсь, что он этого не сделает, — ответил я. — Англичане должны сохранить их для себя и всего мира на память о мужестве, проявленном ими, когда строились эти доты. Этого у них не отнимешь.

Идя на небольшой для него скорости — 15 узлов, — крейсер «Аугуста» обошел сбоку конвой с десантом, направлявшимся из гавани Плимута на участок высадки «Юта», и взял курс к острову Уайт. Там из района сбора «Йок» крейсер направлялся через протраленный проход к побережью Нормандии во главе конвоя с десантом, шедшего к участку высадки «Омаха». «Аугуста» должна была поддержать высадку огнем первых подразделений. Насколько мы могли видеть с кормы и носа корабля, вдоль всего побережья Англии были сосредоточены суда. Ветер трепал аэростаты заграждения, болтавшиеся на тросах. Быстроходные эсминцы прикрывали нас со стороны моря.

Только через несколько недель мы смогли должным образом оценить значение решения Эйзенхауэра пересечь Ла-Манш при плохой погоде. Если бы он отложил вторжение на две недели в ожидании благоприятных условий прилива, это привело бы к задержке вторжения на целый месяц. 18 июня над Ла-Маншем разразился необычайно сильный шторм. На берег были выброшены сотни десантных судов, причиненный ущерб значительно превысил те потери, которые мы понесли в первый день вторжения от вражеской артиллерии. Этот шторм заставил бы Эйзенхауэра отложить вторжение еще на две недели до наступления более благоприятного периода фазы луны в июле. К тому времени нам пришлось бы считаться с новым фактором — обстрелом вражескими управляемыми снарядами. 12 июня на Лондон упал первый самолет-снаряд «Фау-1». Если бы переполненные судами порты Англии подверглись обстрелу самолетами-снарядами накануне вторжения, это могло бы серьезно расстроить нашу подготовку.

Даже после высадки на континент мы оказались бы в затруднительном положении, если бы высадка была отсрочена на месяц. Только в августе мы смогли бы рассчитывать на получение значительного количества грузов через Шербур. Следовательно, только в сентябре мы смогли бы осуществить прорыв с плацдарма. Вместо того, чтобы остановиться на зиму перед линией Зигфрида, мы в лучшем случае смогли бы достигнуть только Сены. Поэтому скорее Франция, а не Рейнская область подверглась бы опустошению во время зимней кампании. Если бы не смелое решение Эйзенхауэра, пожалуй, даже Париж не избежал бы разрушений от воздушных бомбардировок.

В понедельник 5 июня, во второй половине дня, «Аугуста» обогнала конвои с десантом, направлявшиеся к участку высадки «Юта», и взяла курс в район randevu с конвоем, который должен был высадить десант на участке «Омаха». Высоко над мостиком крейсера медленно поворачивалась антенна радиолокационной станции. На центральном штурманском посту офицер склонился над экраном радиолокатора в поисках импульсов, которые свидетельствовали бы о появлении в воздухе вражеских самолетов. Но прошел день, наступил вечер, а никаких сообщений о замеченных вражеских самолетах не поступило.

— Трудно поверить, — сказал я Кирку, — но, может быть, повторится история с Сицилией.

Там мы также, затаив дыхание, ожидали удара с воздуха по конвоям. Однако в Сицилии противник прозевал нас, пока мы не высадили крупные силы. Здесь в узком проливе Ла-Манш мы не могли рассчитывать на то, чтобы проскользнуть незамеченными. В ясный день самолет, летящий на высоте 3000 метров над Гавром, может прекрасно наблюдать за Саутгемптоном.

Радиолокационные станции врага были расположены вдоль всего французского побережья Ла-Манша, торпедные катера каждую ночь несли регулярную патрульную службу. Весь день мы ожидали сообщений о появлении вражеских самолетов-разведчиков с другой стороны Ла-Манша. После разведчиков должны были последовать первые атаки с воздуха. Мы ожидали, что в день вторжения германская авиация нанесет сильный ответный удар по нашим транспортам, сосредоточившимся на якорных стоянках. Никогда за время войны в Европе Геринг не смог бы найти таких соблазнительных целей для бомбардировки.

Позднее мы узнали, что плохая погода спасла нас от разведки противника и удара с воздуха. Противник, зная о таком прогнозе погоды, не мог поверить, что мы отважимся выйти в бурный пролив. Немцы не располагали метеорологическими данными, имевшимися у нас со станций в Гренландии и Северной Атлантике, и поэтому германские синоптики не знали о предстоящем улучшении погоды, которое подтолкнуло Айку принять решение. Из-за сильного ветра и большой облачности выход германских патрульных судов в море 5 июня был отменен, а минные заградители стояли в портах. Даже обычно бдительная разведывательная авиация оставалась на аэродромах. В неустойчивой погоде мы обрели троянского коня.

Даже в июне 1944 г. противник не был особенно встревожен ожидавшимся вторжением. Среди немцев были такие, которые рассматривали угрозу высадки десанта союзником как маловероятную и почти невозможную. Сосредоточение нами судов в районе побережья не заставило их насторожиться, а усиление мероприятий по охране военной тайны рассматривалось всего лишь как новый маневр в войне нервов. Роммель вернулся в Германию для инспекционной поездки вместе с Гитлером и сейчас проводил конец недели в своем старом доме в Ульме. Германские солдаты в глухих бетонных казематах на побережье Нормандии уже многие месяцы изнывали от скуки.

В 23 часа я спустился в каюту, расстегнул спасательный пояс и лег на постель в ботинках. Кирк остался на мостике, застегнув на все пуговицы непромокаемый плащ. «Аугуста» бесшумно шла мимо буйков, отмечавших протраленный проход. Только ветер посвистывал в рангоуте и плеск воды по бортам нарушали тишину ночи. В 3 часа 35 мин. утра зазвенел звонок. Это был сигнал экипажу занять боевые посты. Я схватил каску, застегнул спасательный пояс и побежал на мостик к Кирку. Луна тускло проглядывала сквозь облака, и ветер по-прежнему свистел в Ла-Манше. Мы получили сообщение, что ветер стих, однако по разбушевавшимся волнам вокруг крейсера этого пока еще не было заметно. Почти в 50 километрах от нас к западу обе воздушно-десантные дивизии были уже сброшены на полуострове Котантен. Штаб германской 7-й армии, разместившийся в 65 километрах от побережья Нормандии в древнем, расположенном на террасах городе Ле-Ман, уже поднял войска по тревоге. Однако в комфортабельной вилле в Сен-Жермене под Парижем, которую позднее занимал Эйзенхауэр, фон Рундштедт пока хранил молчание. Он опасался, что высадка воздушно-десантных войск является диверсией с целью отвлечь внимание и силы немцев от района Па-де-Кале, где ожидался главный удар союзников.

Отдаленный грохот прокатился по Ла-Маншу, и справа от нас оранжевые вспышки осветили небо, когда более 1300 бомбардировщиков английских военно-воздушных сил обрушились на французское побережье от Сены до Шербура. Зенитная батарея противника открыла огонь вслепую. Темноту прорезал сноп искр, узкая полоска огня протянулась по небу, когда подбитый бомбардировщик стал резко снижаться в сторону «Аугусты». Он на мгновение выровнялся, сделал вираж над кормой и с грохотом врезался в воду. К 5 час. 30 мин. первые лучи света рассеяли мрак и над нами со свистом пролетело звено «Спитфайров», прикрывавшее нас с воздуха. Выше над облаками американские истребители образовали второй эшелон прикрытия.

Наш крейсер со скоростью 5 узлов приближался к исходной позиции для обстрела побережья. С высокого открытого мостика крейсера я смотрел на затянутый утренним туманом

берег. Наступило время для выгрузки танков «ДД» на участке «Омаха». Они должны были покинуть десантные суда за 50 минут до начала высадки и добраться до берега своим ходом через проходы, проделанные саперами в линии подводных препятствий. Пехота должна была следовать за танками «ДД» и продвигаться в глубину побережья под прикрытием их огня.

Торсон посмотрел на бурно вздымавшийся темный пролив и покачал головой:

— Мне не нравится это, генерал. Танкам «ДД» достанется в такую погоду.

— Боюсь, что вы правы, Табби. Но теперь мы ничего не можем поделать.

— Нет никаких признаков, что волнение стихает?

— Пока нет. Кирк считает, что при таком волнении танки «ДД» могут затонуть, если им придется добираться до берега своим ходом. Или их следует высадить непосредственно на берег с танко-десантных судов, или нам придется действовать без них.

Решение о том, следует ли доставлять танки «ДД» до берега на судах или они достигнут берега своим ходом, нельзя было принять на борту «Аугусты». Это решение зависело от командиров самих танковых подразделений. К этому времени осуществление операции уже вышло из-под контроля генералов и адмиралов. В течение следующих нескольких мучительных часов мы могли только ходить взад и вперед по палубе, полагаясь на солдат, которым было вверено выполнение плана.

В 5 час. 47 мин. в разведывательный отдел поступило донесение о том, что 15 торпедных катеров противника вышли из порта Шербур для удара по нашим кораблям. Кип улыбнулся и сунул в рот жевательную резинку. Всего 15 торпедных катеров против нашей армады.

8-дюймовые башенные орудия «Аугусты» были повернуты в сторону побережья. Мы заткнули уши ватой. В 5 час. 50 мин. утра корабль содрогнулся от залпа, орудия открыли огонь по заранее намеченным для крейсера целям на берегу. Вся армада открыла огонь, и мы следили за разрывами снарядов на берегу. Цели были тщательно выбраны на основании изучения тысяч аэрофотоснимков. Каждое орудие, каждый окоп и каждый дот были нанесены на карты крупного масштаба.

В 6 час. 15 мин. утра побережье заволкло дымом, когда тяжелые бомбардировщики 8-й воздушной армии показали над нашими головами. Только позднее мы узнали, что большая часть 13 тыс. бомб, сброшенных ими, не причинила противнику никакого ущерба. Разбрызгивая фонтан грязи, они взрывались на полях в 5 километрах от побережья. Подвергая бомбардировке позиции противника сквозь облака, авиация умышленно задержала сбрасывание бомб, чтобы уменьшить опасность поражения десантных судов, приближавшихся к побережью. Эта забота о безопасности уменьшила эффективность налета тяжелых бомбардировщиков. Такие действия авиации вели к увеличению потерь на участке «Омаха» среди измученных морской болезнью пехотинцев, высаживавшихся с десантных судов в бурном прибое.

Между тем из 32 танков «ДД», спущенных на воду у участка «Омаха», 27 затонули из-за сильного прибоя. Наши войска еще не высадились на побережье, а уже лишились двух важных средств поддержки. В 6 час. 45 мин., то есть через 15 минут после начала операции, на «Аугусту» поступило сообщение, что первый эшелон штурмующих войск достиг побережья. Надеяться на получение донесений от самих высадившихся войск было еще рано. Я проглотил чашку горячего кофе. Наступил день, но солнце было скрыто в дымке и панорама перед нами была серой. До сих пор береговые батареи противника не открывали ответного огня.

— Этого я никак не могу понять, — заметил Кин. — Противник имел достаточно времени, чтобы изготавиться к стрельбе.

Торсон, прищурившись, посмотрел на скалу, возвышавшуюся на берегу.

— Может быть, «Рейнджерс» подавили орудия противника. Второму и пятому батальонам «Рейнджерс» было приказано вывести из строя 6-орудийную батарею 155-миллиметровых

пушек на мысе Пуант-дю-О, прикрывшую подступы к участку высадки «Омаха».

Ни один из подчиненных мне командиров не желал так горячо взять на себя трудную задачу, как 34-летний командир временной оперативной группы «Рейнджерс» подполковник Джеймс Раддер, фермер из Брэди в штате Техас, — он должен был с группой в 200 человек высадиться у подножья 35-метровой скалы, затем вскарабкаться на скалу и уничтожить находившуюся там батарею береговой обороны.

— Первый раз, когда вы сказали об этом, — вспоминал Раддер, — я думал, что вы хотите напугать меня.

Чтобы подготовить своих солдат, Раддер занимался с ними на скалистом побережье острова Уайт. Там они учились забрасывать на скалы при помощи миномета кошки, к которым были прикреплены канаты. Этот способ забрасывания канатов на скалы впервые был применен английскими «Коммандос». Кроме того, они учились обращению с легкими разборными стальными лестницами, которые можно быстро приводить в готовность. К этим английским изобретениям американские «Рейнджерс» добавили свое собственное. Они одолжили у пожарной охраны Лондона четыре длинные раздвижные пожарные лестницы и укрепили их в кузовах грузовиков-амфибий. Грузовики выбирались на покрытый галькой берег, подходили к подножию скалы, выдвигали лестницы, солдаты взбирались по ним на скалу. Раддер решил сам возглавить штурмовую роту на берегу. Хюбнер высказался против, напомнив Раддеру, что ему как командиру части придется отвечать за всю операцию.

— Вы не можете подвергать себя риску в первом же раунде, — сказал он.

— Извините, сэр, — ответил Раддер, — однако я вынужден не подчиниться вашему приказу. Если я не возглавлю роту, то мы можем не выполнить задачу.

Пока Раддер штурмовал скалу, остальные подразделения «Рейнджерс» ожидали у берега сигнала о взятии Пуант-дю-О. Было условлено, что если по истечении 30 минут не появится сигнальная ракета, то «Рейнджерс» высаживаются вместе с главными силами на участке «Омаха» и добираются до батареи по суше.

Когда Раддер с запозданием на 40 минут подошел к Пуант-дю-О, артиллерия противника обстреляла его десантно-штурмовые суда. Стрелки выстрелили из минометов, однако большая часть кошек не была заброшена до вершины скалы, так как мокрые канаты сильно отяжелели. Подножие скалы было покрыто воронками от бомб, в которых застряли грузовики-амфибии с лестницами. Расчеты минометов выстрелили вторично и забросили полдюжины кошек на вершину скалы. Но когда солдаты Раддера стали взбираться по канатам, противник забросал их сверху ручными гранатами. Подоспевший эсминец артиллерийским огнем очистил вершину скалы от немцев, и спустя пять минут после высадки у основания скалы Пуант-дю-О первый солдат взобрался на скалу. Через несколько секунд к нему присоединились другие.

Здесь они нашли только пустую площадку, которая носила следы многократных бомбардировок с воздуха. Орудий, однако, не оказалось, добыча ускользнула. Продвинувшись вперед, патрули «Рейнджерс» обнаружили орудия в яблоневом саду в 1100 метрах от скалы. Это были подвижные, длинноствольные французские тяжелые орудия. Дальность стрельбы их составляла 18 километров, они могли обстреливать оба участка высадки. На огневых позициях были сосредоточены большие запасы снарядов, однако из орудий не было сделано ни одного выстрела. «Рейнджерс» перебили расчеты, которые не разбежались от огня корабельной артиллерии и остались у своих орудий. Затем «Рейнджерс» вывели орудия из строя, подорвав затворы. К этому времени противник контратаковал в районе Пуант-дю-О. «Рейнджерс» двое суток пробыли в окружении, пока с участка «Омаха» не пробились войска и не освободили их. Время шло, и меня охватывало все большее беспокойство в связи с тревожными и отрывочными сообщениями, перехватываемыми радиостанцией крейсера. Из этих сообщений мы могли

представить себе только весьма смутную картину гибели кораблей, увязания наших войск в болотах, сильного огня противника на участках высадки. К 8 час. 30 мин. утра ожидалось, что два полка, высадившиеся на участке «Омаха», преодолеют оборонительные сооружения противника на побережье и выйдут к дороге, проходившей параллельно в полутора километрах от побережья. Однако к этому времени от 5-го корпуса еще не было получено подтверждения, что высадка войск произведена. Мы пытались успокоить себя, надеясь, что сведения о высадке запаздывали из-за перегрузки линий связи. Было уже около 10 часов утра, когда от Джероу поступило первое сообщение. Его донесение, как и ранее полученные нами отрывочные данные, было лаконичным, но не вполне ясным, обнадеживающим. Оно только подтвердило наши худшие опасения в отношении танков «ДД»: «Препятствия заминированы, продвижение медленное... танки „ДД“, предназначенные для высадки на участке „Фокс Грин“, затонули».

На борту «Анкаона» Джероу и Хьюбнер прильнули к своим радиоприемникам с такой же беспомощностью, как и я. Едва ли они могли сделать что-нибудь большее. В это время они могли оказать влияние на ход боя не больше, чем я. Хотя мы наблюдали за боем сквозь легкий туман и слышали грохот орудий, однако исход боя в это утро решали тонкие цепи промокших пехотинцев, залегших на побережье Франции. Кирк, обеспокоенный чрезмерным скоплением судов на участке «Омаха», приказал своему артиллерийскому офицеру выяснить обстановку. Вместе с ним на торпедном катере я отправил Хансена. Они вернулись через час, промокшие до нитки, с неутешительными вестями об обстановке на берегу. 1-я дивизия была прижата к земле перед дамбой, причем противник поливал ее ружейно-пулеметным огнем. Артиллерия обстреливала десантные суда, которые старались уйти из-под огня. Самые серьезные трудности создавали подводные препятствия. Команды подрывников понесли огромные потери, кроме того, в море затонула большая часть их снаряжения. В полосе подводных препятствий было проделано только шесть проходов, до того как прилив заставил подрывников прекратить дальнейшую работу. Десантные суда не могли преодолеть полосу подводных препятствий на своих участках высадки, поэтому они направились к участку «Изи Ред»,^[33] где имелись проходы. По мере того как следующие эшелоны судов прибывали к загроможденному побережью, у проходов создавались пробки.

Когда в полдень 5-й корпус сообщил, что в районе всех четырех выходов с побережья обстановка продолжает оставаться критической, я с большой неохотой решил изменить маршрут подходивших частей и соединений второго эшелона и высадить их на участке «Юта» и на английских участках высадки. Скудная информация с этих участков говорила о том, что высадка здесь прошла по плану.

Высадка войск на участке «Омаха» значительно отставала от плана, назревал неизбежный кризис при высадке последующих эшелонов. В полдень в район стоянки транспортов у участка «Омаха» должен был прибыть, пользуясь очередным приливом, конвой с десантом численностью 25 тыс. человек. Кроме того, с конвоем прибывало еще 4400 машин. Однако на побережье была выгружена только часть войск первого эшелона общей численностью в 34 тыс. человек с 3300 единицами транспортных средств. Если бы нам не удалось выгрузить в первый день вторжения оба эшелона, тогда был бы нарушен весь сложный процесс сосредоточения сил на плацдарме. К каким бы чрезвычайным мерам ни пришлось прибегнуть, мы должны были выполнить наш план накопления сил, чтобы отразить контрудар противника. Несмотря на неудачи из-за плохой погоды и неэффективной бомбардировки, я был потрясен тем, что мы решили высадиться на участке «Омаха», не приняв достаточных мер предосторожности. В момент отплытия мы предполагали, что застрахованы от подобных осложнений.

Только в полдень из сообщения Джероу мы поняли причину наших неудач при высадке на участке «Омаха». Оказалось, что вместо второсортных малоподвижных войск, которые мы

ожидали встретить на побережье, нам пришлось столкнуться с одной из лучших полевых дивизий Роммеля.

Планируя вторжение, мы считали, что у противника между Каном и Шербуром находятся только две «стационарные» дивизии. Было известно, что Роммель сосредоточил свои лучшие резервы в глубине, в том числе и 352-ю дивизию, дислоцированную в Сен-Ло.

Как раз перед посадкой на «Аугусту» в гавани Плимута Диксон узнал, что 352-я дивизия была переброшена из Сен-Ло в район десантирования наших войск для проведения учений по обороне побережья. Он немедленно поставил об этом в известность штабы 5-го корпуса и 1-й дивизии, но не смог сообщить войскам, уже находившимся на судах.

Если бы такое упорное сопротивление встретила не 1-я, а менее опытная дивизия, возможно, она была бы легко сброшена в море. Может быть, я поступил несправедливо, наметив 1-ю дивизию в первый эшелон войск вторжения, однако это дало нам возможность закрепиться на участке «Омаха» и предотвратило катастрофу при высадке.

Хотя кризис был преодолен еще за несколько часов до полудня, только в 13 час. 30 мин. штаб 5-го корпуса рассеял наши страхи, прислав на крейсер короткую телеграмму: «Войска, прижатые противником к земле на участках побережья „Изи Ред“, „Изи Грин“ и „Фокс Ред“, продвигаются к высотам в глубине побережья».

За участком «Омаха» местность круто поднимается вверх, достигая высоты 30–50 метров над уровнем моря, склоны высот покрыты кустарником. В четырех местах на побережье протяженностью 6,5 километров среди утесов были проходы с редкой растительностью, через которые можно было пройти в глубь страны. В этих проходах враг соорудил наиболее сильные укрепления, и в них он оказывал более упорное сопротивление. Только в одном месте проходило шоссе, в остальных проходах были лишь проселочные дороги. Через несколько дней эти дороги стали самыми оживленными магистралями Европы.

Я не хотел всецело полагаться на лаконичные сообщения, поступающие из штаба 5-го корпуса. Поэтому я приказал Кину отправиться на плацдарм посмотреть, насколько сильно загружено побережье и как далеко продвинулись наши войска с тем, чтобы можно было рассчитать, сколько новых сил из состава второго эшелона мы сумеем выгрузить ночью. Кин отправился на побережье вместе с Хансеном на торпедном катере. В тысяче метров от берега они пересели на пехотно-десантное судно и на нем проделали последнюю часть пути через препятствия. Прилив уже достиг своей высшей точки, и вода начала спадать, оставляя на мели танкодесантные суда и сотни других более мелких десантных средств. Крейсер «Аугуста» подошел теперь к берегу на расстояние до 3,5 километра, вокруг него плавало разное имущество, брошенное и оставленное при высадке десанта.

По возвращении Кин доложил более оптимистическую оценку обстановки, чем я ожидал. Несмотря на скопление транспорта на участке «Омаха», наши войска преодолели укрепленную полосу врага между хорошо защищенными проходами и продвинулись на 1,5 километра вглубь к востоку от участка «Изи Ред», перерезав первую рокадную дорогу. Хотя имевший большое значение проход на участке «Изи Ред» все еще обстреливался пулеметным огнем противника, бульдозеры уже прокладывали вдоль него дорогу на плато, которым заканчивался подъем местности. По мере отступления моря саперы пробирались среди брошенного и оставленного имущества, проделывая новые проходы среди подводных препятствий, как только они выступали из воды.

Несмотря на улучшение обстановки, действия на участке «Омаха» развивались значительно медленнее, чем намечалось по плану. Побережье после отлива было усеяно севшими на мель судами, затонувшими машинами и сгоревшими танками. Десятки убитых солдат лежали на гальке там, где их настигла смерть. При сильном прибое на госпитальные суда можно было

доставить только легко раненных. Тяжело раненных пока укладывали в щелях, открытых у дамбы. На всем протяжении участка высадки берег был усеян различным военным имуществом, которое неизбежно выносится морским прибоем при каждом вторжении.

Огромные потери в материальной части при высадке на участке «Омаха» требовали немедленного принятия мер по их возмещению.

— В чем войска больше всего нуждаются? — спросил я Кина.

— В бульдозерах, — ответил он, — в бульдозерах и орудиях Они понесли серьезные потери в тех и других.

Бульдозеры были необходимы не только для своевременной расчистки побережья от брошенного имущества и устранения препятствий до начала следующего прилива. Без них наши потери в автотранспорте возросли бы еще больше. Ибо как только машины с танко-десантных судов доставлялись на берег на самоходных паромов, они застревали в мягком влажном песке. Из 16 бульдозеров, которые мы направили утром, только 6 достигли берега, причем три были сразу же выведены из строя вражеской артиллерией.

Хотя критический момент на участке «Омаха» прошел, опасность еще не миновала. Плацдарм не имел достаточной глубины, к тому же на нем не было ни танков, ни артиллерии. Поэтому нас могли легко выбить с этого непрочного плацдарма и опрокинуть в море контратакой. Я поторопился на «Анкон», чтобы посоветоваться с Джероу.

Какой бы ни была отчаянной обстановка, старший командир должен всегда сохранять спокойствие в присутствии своих подчиненных. Если старший начальник проявляет беспокойство, то оно может быстро охватить, подобно раковой опухоли, все подчиненные ему части и подразделения.

Пока мы пробирались на торпедном катере к «Анкону», я рассчитывал застать Джероу и Хюбнера обеспокоенными из-за затянувшейся борьбы на побережье. Оба впервые принимали участие в боевых действиях как старшие командиры, и, несмотря на то, что ни один из них не мог предотвратить создавшееся критическое положение, они за него несли персональную ответственность. Поэтому, хотя я стремился уточнить обстановку и ускорить высадку на побережье последующих частей, я поехал к ним отчасти с целью укрепить у них уверенность в своих силах, если в этом была необходимость. По прибытии на «Анкон» я увидел на карте Джероу, что наши войска вклинились в оборонительную полосу противника на участке «Омаха» в пяти местах. Рокадная дорога была перерезана в Вьервиле, а также в Колевиле на левом фланге. Отдельный отряд продвигался также к Пуан-дю-О с целью оказать помощь находившимся там подразделениям «Рейнджерс». Узнав обо всем этом, мы приободрились и решили выполнить первоначальный план, то есть высадить к наступлению ночи на участке «Омаха» пять полков.

Хюбнер собирался вечером сойти на берег и возглавить командование частями и подразделениями 1-й дивизии, высадившимися на берег.

— А как вы, Джи? — спросил я. — Когда вы передислоцируете на берег штаб 5-го корпуса?

— На рассвете, Брэд. К тому времени мы обеспечим его средствами связи.

— К черту вашу связь...

Джероу улыбнулся.

— Тогда мы высадимся на берег сегодня вечером.

В тот же вечер в 20 час. 30 мин. 5-й корпус развернул свой первый командный пункт во рву на высоте, в тылу участка «Изи Ред». Мне хотелось, чтобы Джероу сам руководил своими войсками на побережье и ускорил разгрузку 2-й пехотной дивизии на следующий день после вторжения.

Наш торпедный катер полным ходом прорезал волны через эстуарий у основания

полуострова Котантен, направляясь к участку «Юта». Два наблюдателя на палубе катера следили, не появятся ли плавающие мины. Капитан вел свое хрупкое суденышко сквозь слепившие глаза водяные брызги. На якорной стоянке у участка «Юта» мы опознали «Бейфилд» по его антеннам, установленным на вершинах мачт. Когда торпедный катер оказался на гребне двухметровой волны, я ухватился за веревочную лестницу и вскарабкался на высокий стальной борт «Бейфилда». В отличие от высадки на участке «Омаха», где тень катастрофы висела над нашими головами весь день, вторжение на участке «Юта» прошло более гладко, чем учения, состоявшиеся пять недель тому назад. Как информировал разведывательный отдел, оборону здесь занимали второсортные «стационарные» войска. За исключением артиллерии, находившейся в казематах к северу от участка «Юта», сопротивление противника было быстро подавлено. Через неделю, просматривая донесения отдела личного состава, я выяснил, что Коллинсу удалось прорвать прибрежные укрепления, потеряв при этом меньше 350 человек, то есть менее половины того, что мы потеряли во время учений у Слэптон-Сендс.

Однако в самом начале высадка на участке «Юта» подавала мало надежд. Головной полк войск первого эшелона был высажен почти в 2000 метрах к югу от назначенного места. Очевидно, что на помощь здесь пришло само провидение. На участке «Юта» оказалось не только меньше подводных препятствий, но и береговые укрепления были менее развиты, чем дальше к северу.

Бригадный генерал Тед Рузвельт, прикомандированный к 4-й дивизии, вызвался возглавить штурмовые части первого эшелона. С искусством и инстинктом ветерана, он быстро организовал захват прохода через лагуну, вызывавшую у нас большое беспокойство при планировании. Когда головной полк преодолел болотистую местность и вышел на рокадную дорогу в 5 километрах от побережья, он сообщил по радио утешительные вести в штаб 4-й дивизии на «Бейфилде». Коллинс немедленно передал их в штаб армии. Таким образом, пока мы боролись за то, чтобы зацепиться на участке «Омаха», мы по крайней мере обеспечили себе успех на участке «Юта». Но если Коллинс легко создал плацдарм на побережье, то иную картину представляла та борьба, которую уже в течение 5 часов до высадки 7-го корпуса вели в битве за Францию воздушно-десантные войска в глубине, на удалении 8 километров от берега. Когда рассвело, парашютисты 82-й и 101-й дивизий уже дрались не на жизнь, а на смерть в глубине предательского лабиринта живых изгородей и болот полуострова Котантен.

Выброска пошла скверно почти с того самого момента, когда 432 транспортных самолета с войсками 101-й воздушно-десантной дивизии приблизились к западному побережью полуострова Котантен после ночного полета из Англии. Сильная облачность заставила самолеты, летевшие в тесном сомкнутом ночном строю, рассредоточиться. Когда самолеты приблизились к зонам выброски, к этому времени уже обозначенным отрядами наведения, зенитная артиллерия противника вынудила самолеты еще более рассредоточиться. Хотя парашютисты приземлились сравнительно компактной массой, в особенности по сравнению с нашим начальным опытом в Сицилии, тем не менее 6600 парашютистов дивизии Тэйлора оказались сброшенными на значительном удалении от дамб, которые им было приказано захватить. Более 60 самолетов сбросили парашютистов за пределами намеченных зон на удалении от 13 до 32 километров. Часть парашютистов была сброшена в районе между участком «Юта» и лагунами. Тем не менее остальные подразделения 101-й дивизии смело рванулись в направлении дамб, которые простирались от участка «Юта», причем часть их направилась на юг, чтобы отрезать Карантан и воспрепятствовать подход подкреплений врага.

Две трети 82-й дивизии предполагалось выбросить в 12 километрах западнее реки Мердере, в районе, где она течет параллельно участку «Юта». Здесь они могли прикрыть с запада участок высадки войск Коллинса и помешать противнику подбросить подкрепления в Шербур.

Остальные части дивизии выбрасывались к востоку от этой реки вдоль основной дороги от Шербура к участку высадки. Риджуэй мог блокировать подходы с севера и «создать прочную оборонительную базу» в деревне Сент-Мэр-Эглиз.

Однако 82-я дивизия Риджуэя, как и 101-я, оказалась сильно разбросанной при выброске, особенно были рассеяны подразделения, сброшенные западнее реки Мердере... В результате в первый день выброски дивизия потеряла значительное время на выполнение трудной задачи по сбору частей и подразделений. Тем не менее дивизия сумела закрепиться в Сент-Мэр-Эглизе силами подразделений, высадившихся вблизи этого небольшого городка, занятого производством молочных продуктов. 82-я дивизия, так же как и 101-я, повергла противника в панику в большинстве тыловых районов в первые критические часы после высадки.

Вскоре после полудня в первый день вторжения Коллинс установил контакт с 101-й дивизией Тэйлора. Однако судьба 82-й дивизии, отделенной от прибрежного плацдарма многими километрами живых изгородей, все еще оставалась неизвестной.

— От Риджуэя нет никаких известий? — спросил я Коллинса.

— Никаких, однако я не беспокоюсь за Матта. 82-я дивизия может постоять за себя. Как дела у Джероу?.. Обстановка у него прояснилась?

— Сейчас дела у него значительно лучше, чем были в полдень, но он весь день висел на волоске. Германская 352-я дивизия дала нам хорошую встряску, но худшее, по-видимому, осталось позади. Джи прибывает на побережье сегодня вечером. Он надеется привести войска на побережье в порядок и выгрузить завтра 2-ю дивизию.

Командир 4-й дивизии уже сошел на берег, а Коллинс все еще оставался со штабом 7-го корпуса на борту «Бейфилда», чтобы поддерживать связь и сдерживать адмирала Муна. Мун, обеспокоенный потерей нескольких судов во время вторжения, поддался на уговоры своего штаба и решил прекратить высадку на участке «Юта» ночью. Когда Коллинс узнал о решении Муна, он решительно запротестовал, и вскоре адмирал отказался от своего намерения.

— Пусть флот жертвует своими судами, — сказал я Коллинсу, — если это потребуется. Но мы должны высадить войска на берег, если бы даже для этого потребовалось устлать все дно проклятого Ла-Манша нашими судами.

С наступлением сумерек я спустился по трапу с «Бейфилда». Внизу торпедный катер бешено содрогался всякий раз при ударе сильной волны. Выбрав момент, я спрыгнул на мокрую палубу. На носу матрос с багром размахивал руками, пытаясь сохранить равновесие, но не удержался и упал за борт в белую кипящую воду между катером и металлическим корпусом «Бейфилда», о который билось наше суденышко. Чтобы не раздавить человека, капитан дал катеру задний ход, мы бросили в воду веревку и вытащили матроса из воды.

Позднее, при приближении в темноте к якорной стоянке около участка «Омаха», эсминец запросил наш опознавательный знак. Мы приближались к стоянке судов со стороны эстуария, и нас могли принять за немецкий торпедный катер.

— Черт побери, опознавательный сигнал! — заревел внизу капитан, бросаясь за фонарем. — Живо дайте его мне, иначе весь проклятый флот обрушит на нас огонь.

— Я надеюсь, он найдет сигнал, — сказал я Хансену. — Что может быть хуже для солдата таким путем закончить войну — погибнуть от разрыва 5-дюймового снаряда и утонуть на глубине 30 метров.

Капитан нашел наконец нужный сигнал и ответил эсминцу.

Пробираясь среди судов, мы увидели крейсер «Аугуста» в тот момент, когда в воздухе разорвался осветительный снаряд. Трассирующие пули описали в небе дугу. Начался ночной воздушный налет противника.

Капитан катера схватил мегафон и окликнул крейсер:

— Эй, на «Аугусте», можно подняться на борт?

— Отойдите, — ответили с палубы, — отойдите, пока не дадут отбой.

Должен признаться, что, когда мне приходилось находиться на корабле во время воздушного налета, я чувствовал себя не совсем спокойно. Однако если уж суждено было снова оказаться в таком положении, то я предпочел бы находиться на крейсере водоизмещением 9 тыс. тонн, чем на этой скорлупе. В течение 20 минут мы кружили на одном месте. Когда нам показалось, что налет подходит к концу, мы вновь окликнули «Аугусту».

— Отойдите! — последовал ответ. — Отойдите.

— Но у нас на борту пассажиры, — закричал наш капитан в темноту.

— Пленные? — откликнулись с любопытством с палубы. — Подойдите, мы примем пленных на борт.

Я вскарабкался по веревочной лестнице, спущенной с корабля, и перелез через поручень, весь замерзший, промокший, голодный и усталый.

Экипаж ринулся вперед, чтобы рассмотреть «пленных».

— О, черт возьми! — воскликнул один матрос. — Это всего-навсего генерал Брэдли.

Несмотря на беспорядок, еще царивший в некоторых мелких подразделениях, действовавших самостоятельно, к утру 7 июня наше положение значительно улучшилось.

В то же время опасность еще не миновала. На узкой 8-километровой полоске земли на участке «Омаха» мы далеко не выполнили задач, поставленных перед нами в первый день вторжения. Германская артиллерия продолжала обстреливать побережье, где обломки мешали движению транспорта. Мы еще не вышли на дорогу Карантан-Кан, которая должна была связать наши плацдармы. Тем не менее нас несколько утешало, что к рассвету на участок «Омаха» высадилось пять полков. Это было удивительным достижением, если учесть хаос, царивший на побережье. Однако, чтобы высадить эти полки и обеспечить их боеприпасами, нам пришлось отказаться от доставки на побережье некоторых других грузов. Если бы мы в первый день вторжения не взяли с собой 90 грузовиков-амфибий, наши войска могли оказаться без боеприпасов.

Противнику дорого обошлась задержка нас на участке «Омаха»: 352-я дивизия врага была перемолота там, и тем самым Роммель лишился еще одной полевой дивизии. За первые 12 критических часов нашего пребывания на берегу противник не смог провести ни одной организованной контратаки против нашего плацдарма. Но наши результаты оказались хуже, чем обещали перспективы.

Обстановка у Коллинса на участке «Юта» сложилась лучше, чем у Джероу. Хотя Коллинс не смог расширить плацдарм в северном направлении и перевыполнить задачу, поставленную на первый день вторжения, зато он продвинулся к югу. Там он закрепился у основания полуострова Котантен, где мы намеревались соединить оба плацдарма вместе. Ночью войска Коллинса соединились с 82-й воздушно-десантной дивизией Риджуэя.

Пока еще было рано оценивать успех воздушного десанта. Слишком большая разбросанность его настолько подорвала нашу веру в ночные десантные операции, что мы больше никогда не пытались высаживать десанты ночью. Первые сведения после выброски десантов свидетельствовали о весьма больших потерях, и некоторые опасались, что предсказания Ли-Маллори могли оправдаться. Однако, когда «пропавшие» подразделения стали переходить линию фронта, мы установили, что потери среди воздушно-десантных войск в первый день вторжения не превысили 20 процентов. Только после перехода войск с участка «Юта» в наступление на север в направлении Шербура мы выяснили, как сильно воздушный десант парализовал тыл противника.

На следующий день после вторжения германское верховное командование в Берлине

ожидало сообщения от Роммеля о том, что высадившиеся союзные войска скованы и вскоре будут сброшены в море. Но первый день вторжения прошел, и противник потерял лучшие возможности, чтобы уничтожить нас. К утру следующего дня после вторжения мы не только прочно закрепились на побережье, но и начали накапливать подкрепления.

Задолго до высадки я предполагал, что противник бросит против наших плацдармов всю свою авиацию, которую Геринг сумеет собрать. Именно тогда, когда мы еще не закрепились на побережье, вражеская авиация могла нанести нам самые чувствительные потери.

За весь день 6 июня только несколько вражеских самолетов прорвалось через кордон союзных истребителей и провело малоэффективную атаку побережья. А во время воздушного налета ночью, когда мы находились на борту торпедного катера, германская авиация смогла направить против нас лишь незначительные силы. В результате действий союзных военно-воздушных сил численность германской авиации на западе ко дню вторжения не превышала 400 машин первой линии. Более того, массированные налеты союзников на базы истребительной авиации во Франции заставили немцев передислоцировать их ближе к германской границе. Чтобы сохранить свои быстро убывающие силы, Геринг уклонился от воздушного боя в тот самый момент, когда смелый удар мог бы спасти его.

Планируя вторжение в Нормандию, мы считались с возможностью химического нападения со стороны противника и в первый, раз за время войны обсудили вопрос о том, решится ли противник на это. Пожалуй, только при высадке, являющейся одним из крупнейших событий войны, враг мог решить исход сражения в свою пользу, применив стойкие отравляющие вещества. Начиная с вторжения в Африку, мы постоянно имели при себе противогазы. Мы всегда считали маловероятным химическое нападение, однако не хотели рисковать и оказаться без средств защиты во время высадки. Хотя применение немцами боевых отравляющих веществ на нормандском побережье вызвало бы решительные ответные меры союзников против германских городов, я считал, что Гитлер, в своем стремлении сопротивляться до конца мог пойти на химическую войну в качестве своей последней ставки. Конечно, нельзя было рассчитывать на то, что враг, зверски уничтоживший больше миллиона людей в концентрационных лагерях, откажется от химической войны из гуманных соображений. Когда прошел первый день вторжения, а в воздухе так и не запахло горчичным газом, я почувствовал огромное облегчение. Ибо даже небольшое воздействие стойкими отравляющими веществами на участок «Омаха» могло бы стоить нам этого плацдарма.

Вскоре после 6 часов утра 7 июня на борту британского эсминца прибыл Монтгомери. Эсминец пришвартовался рядом с «Аугустой». Монтгомери хотел соединить плацдармы высадки союзников до того, как Роммель сумеет сосредоточить достаточные силы против отдельного плацдарма и осуществить прорыв. Если нам пришлось трудно в первый день высадки, то англичане стремительно рванулись вперед на своем участке и углубились в районе Байе на 11 километров. Однако им не удалось захватить свой основной объект — Кан. Немцы оказались чрезвычайно чувствительными к наступлению англичан на этот важный узел коммуникаций и ответили из района Кана контрударом танков.

Эйзенхауэр сообщил, что он прибудет в район разгрузки судов в 11 часов утра. Между тем я отправился на участок «Омаха», чтобы в соответствии с приказом Монтгомери обязать Джероу принять меры к более быстрому объединению участков высадки союзников в один общий плацдарм. Джероу, исходя из этого, должен был направить 29-ю дивизию Герхардта в западном направлении на соединение с Коллинсом у основания полуострова Котантен, а 1-ю дивизию Хюбнера — в восточном направлении для установления контакта с английскими войсками на левом фланге участка «Омаха».

Командир 5-го корпуса укрыл свой штаб в овраге за изгородью на дороге, ведущей с участка

«Изи Ред» в глубь побережья. Я сел в проходившую мимо машину и направился туда по еще строившейся дороге. Колонна пехотинцев в тучах пыли, поднятой грузовиками, поднималась по склону холма. На ровной поверхности прибрежных возвышенностей саперы уже расчищали взлетную площадку для самолетов, эвакуировавших раненых в Англию.

Джероу находился на командном пункте Хюбнера, и я отправился туда, чтобы повидать его. В ходе наступления в первый день вторжения 1-я дивизия обошла небольшие очаги сопротивления противника и теперь занималась их уничтожением, чтобы положить конец стрельбе снайперов в тылу.

— Эти проклятые боши никак не хотят прекратить стрельбу, — пожаловался Хюбнер.

Он стремился очистить от противника побережье, чтобы двинуться в глубь страны и овладеть своими первыми объектами.

— Для этого, возможно, потребуется больше времени и боеприпасов, — сказал ему я, — чем мы предполагали.

* * *

Флагманский корабль адмирала Рамзея стал на якорь рядом с «Аугустой». Рулевой направил пехотно-десантное судно прямо под штурмовой трап. Я ухватился за трап и вскарабкался на борт. Айк приветствовал меня у перил.

— Ей-богу, Брэд, — воскликнул он, пожимая мне руку, — вы всех нас до смерти перепугали вчера утром. Почему, черт возьми, вы не сообщили нам, как у вас идут дела?

Я был поражен.

— Но мы сообщали, — возразил я. Мы передавали по радио все, до мельчайших подробностей. Передавали все, что получали от Джи и Коллинса.

Айк покачал головой.

— Я ничего не получал от вас почти до самого вечера. Ни одного слова. Я не знал, что с вами случилось.

— Однако ваш штаб подтверждал получение каждого донесения. По возвращении вы можете проверить это и убедиться, что все наши донесения были вашим штабом получены.

Через 20 минут я вернулся на «Аугусту» и подверг перекрестной проверке наши журналы учета документов. В результате я установил, что все наши донесения были переданы, а получение их подтверждено. Позднее я выяснил, что дешифровальщики на командном пункте Монтгомери были не в состоянии справиться с большим объемом работы. В первый день вторжения радиообмен был настолько интенсивным, что дешифровальщики отстали на 12 часов в расшифровке поступавших сообщений.

Однако едва ли Айк пережил большие мучения, чем пережили мы на борту «Аугусты». Ибо новости, пусть даже неприятные, причиняют меньше беспокойства, чем опасения, которые возникают в результате томления в неизвестности. Неделью спустя я признался Монти, что никогда не расскажу Айку, как я был встревожен в то утро, когда мы не знали, что творится на участке «Омаха».

Вечером 7 июня Кирк доставил меня на «Аугусте» к участку «Юта». Я попросил рулевого, проходившего мимо танко-десантного судна, увешанного сушившимся бельем, подвезти меня к берегу. У берега мы заметили грузовик-амфибию. Я окликнул водителя, чтобы он доставил меня на берег.

— Конечно, генерал, — откликнулся он, — прыгайте ко мне.

— Не могли бы вы подвезти меня в штаб генерала Коллинса? — спросил я.

Водитель покачал головой.

— С большим удовольствием, генерал, но мой капитан задаст мне сильную трепку. Он приказал после этого рейса вернуться в подразделение.

Я не отменил приказа его капитана. На второй день после вторжения первостепенное значение имела доставка грузов. Обрадованный тем, что мне не пришлось промокнуть в воде, я спрыгнул на берег и доехал до штаба Коллинса на проходившем мимо «Визеле».

Коллинс устроил командный пункт 7-го корпуса на обнесенной стеной нормандской ферме. Сам он убыл в войска, а в штабе остался его заместитель генерал-майор Юджин Лэндрам. Мы познакомились с обстановкой по карте, висевшей в одном из стойл в конюшне. 4-я дивизия продвигалась на север, чтобы уничтожить огневые точки противника, обстреливавшие побережье, а 101-я дивизия наступала в южном направлении для соединения с 5-м корпусом. Хотя Риджуэю удалось собрать подразделения 82-й дивизии к востоку от Мердере, подразделения этой дивизии, находившиеся западнее реки, все еще были отрезаны.

— Матт сообщал что-нибудь сегодня?

Лэндрам показал мне отпечатанное на машинке донесение об обстановке на фронте 82-й дивизии.

— Положение у Матта, по-видимому, неплохое, если он имеет возможность печатать на пишущей машинке.

Риджуэй создал сильную позицию к северу от Сент-Мэр-Эглиз. Здесь, надежно оседлав дорогу Карантан-Шербур, он прикрыл левый фланг 4-й дивизии.

— Прекрасно, Джин, — сказал я Лэндраму перед тем, как тронуться в обратный путь на «Аугусту», — вам нужно поторопиться с победой в этой войне, чтобы я успел на свадьбу моей дочери.

— Когда свадьба? — засмеялся он.

— Завтра, на третий день после вторжения.

Лэндрам развел руки.

Моя единственная дочь Элизабет за месяц перед этим окончила Вассар. Она выходила замуж за Генри Бекема, сына полковника Германа Бекема, известного преподавателя политических и социальных наук в Вест-Пойнте, где он учился вместе со мной в 1915 г. Свадьба должна была состояться в церкви в Вест-Пойнте 8 июня, спустя два дня после производства молодого Бекема в лейтенанты военно-воздушных сил. Через несколько дней после свадьбы корреспондент Национальной радиовещательной корпорации вручил мне на побережье Нормандии подробное описание свадебной церемонии, написанное Мэри Маргарет Макбридж, подругой моей жены по учебе в Миссурийском университете. Копии описания свадьбы были разосланы всем корреспондентам Национальной радиовещательной корпорации «для вручения лично генералу Брэдли в случае встречи с ним».

В пятницу 9 июня офицеры штаба армии сошли с «Эйкернера» на берег. Первый командный пункт армии был развернут в саду за Пуан-дю-О, где подразделения «Рейнджеры» настигли батарею французских тяжелых орудий. После организации связи на берегу мне уже не было никакой необходимости оставаться на «Аугусте». Поэтому в субботу утром я также сошел на берег, и наш плавучий командный пункт прекратил свое существование. Молодой адъютант Кирка, способный лейтенант Макджордж Банди из Бостона в штате Массачусетс, вновь стал самым старшим офицером армии на борту флагманского корабля адмирала. Он напомнил мне, что, когда я вступил на борт «Аугусты», я узурпировал его права.

Монти созвал совещание утром 9 июня в рыбацкой деревушке Порт-ан-Бессин, чтобы согласовать действия 1-й армии с действиями 2-й британской армии. Демпси намеревался перейти в наступление к югу от еще не пострадавшего города Байе с целью расширить свой

плацдарм и обойти Кан с запада. Я встретил Монти, ожидавшего вместе с Демпси в поле, где английские военные полицейские несли наружную охрану. На Монти была выцветшая габардиновая куртка, серый свитер со свободным воротником, плисовые брюки и темный берет танкиста. Оперативная карта была развернута на капоте его штабного автомобиля «Хамбер». Перед Каном окопались две немецкие танковые дивизии, и Демпси планировал обойти их, перейдя в наступление из района Байе. Мы должны были наступать на юг в направлении Комона, двигаясь параллельно оси движения английских войск. В районе Комона Джероу должен был создать сильную оборонительную позицию. Мы считали, что наступление на этом направлении могло также помочь отвлечь резервы противника от войск Коллинса, наступавших на Шербур.

Монти собрался в этот же день вернуться на самолете в свой штаб в Портсмуте.

— Вам что-нибудь привезти? — спросил он.

— Да, сэр, газету, все равно какую.

Я чувствовал себя отрезанным от мира без газеты за завтраком.

К субботе 10 июня Джероу расширил свой первоначальный небольшой участок «Омаха» до довольно значительных размеров. Ему не только удалось установить контакт с Демпси, но его войска продвинулись также за рокадную дорогу, соединявшую их участки высадки. На правом фланге корпуса Джероу 29-я дивизия продвинулась через горящие улицы Изиньи и достигла равнины в районе Карантана. В нескольких километрах отсюда десантники, высадившиеся на планерах, провели маневр, чтобы обойти Карантан с северо-востока. Тем временем парашютисты 101-й дивизии продвигались по направлению к этому ключевому городу вдоль шоссе, ведущего на юг от Шербура к Карантану. Дорога проходила через большие болота, затопленные противником, пытавшимся заставить нас наступать только по дорогам.

— Мы должны соединиться с Джероу как можно скорее, — сказал я Коллинсу, предвидя большие трудности при продвижении по болотистой местности. — Если окажется необходимым выиграть время, сбросим пятьсот или тысячу тонн бомб на Карантан, чтобы разбить его вдребезги. Затем рванемся вперед — и город будет в наших руках.

Позднее в штаб армии поступило сообщение, что участки высадки «Омаха» и «Юта» связаны между собой проселочной дорогой, проходившей через эстуарий. Десантно-планерная рота с участка «Юта» пробилась к деревне Овиль-сюр-ле-Вей, где в нескольких километрах за Изиньи ее поджидали разведчики 29-й дивизии. Я проехал через Изиньи вместе с Хансеном, чтобы посмотреть, можно ли по этой дороге добраться до расположения войск Коллинса.

Изиньи, маленький городок с населением в 2800 человек, занятых выработкой молочных продуктов, и известный производством сыра «Камамбер», был разрушен за день до этого огнем корабельной артиллерии, когда 29-я дивизия вызвала его, чтобы выбить немцев из города. Кое-где жители с печальными лицами рылись в развалинах своих жилищ. Пожилая чета выносила из развалин одного дома исковерканную металлическую кровать. Дальше по улице женщина осторожно снимала занавеску с окна в единственной уцелевшей стене городского кафе. Стекла в окне были выбиты. Население Изиньи более четырех лет ожидало освобождения. Теперь оно с укором смотрело на нас, стоя у развалин, под которыми были погребены их близкие.

Переправившись через реку Вир, мы остановились вблизи Овиль-сюр-ле-Вей. На перекрестке дорог впереди нас броневик перестреливался с немецким снайпером, ведя огонь из 37-миллиметровой пушки. Свист пуль терялся в громе стрельбы броневика.

Около нас остановился джип, в котором находился командир бригады зенитной артиллерии бригадный генерал Эдвард Тимберлейк-младший.

— Сэр, дальше ехать — безумие, — сказал он. — Дорога может оказаться заминированной. Давайте я поеду впереди вас.

— Не надо, но за предупреждение спасибо, — сказал я, — мы не собираемся ехать дальше. Пока водитель разворачивал джип, я повернулся к Хансену.

— Глупо погибнуть от пули вражеского снайпера на прогулке, — сказал я, будем лучше находиться на торпедном катере, пока не захвачен Карантан.

К рассвету 12 июня парашютисты Тэйлора блестящим маневром окружили Карантан. В 6 часов утра они вступили в город. Теперь связь между участками «Омаха» и «Юта» была обеспечена. Так на седьмой день после высадки мы создали общий плацдарм протяженностью 67 километров (схема 24).

Теперь нам предстояло пробиться через полуостров Котантен, воспретить подход подкреплений противника с юга и занять порт Шербур.

16. Падение Шербура

Только после войны мы узнали, что вечером 6 июня офицеры в штабе 7-й германской армии, располагавшемся в замке в Ле-Мане, изучали карту Франции, пытаясь раскрыть наши дальнейшие намерения. Спокойное течение длительной германской оккупации Франции было прервано в 1 час 30 мин. утра 6 июня, когда 84-й германский корпус коротко сообщил о высадке воздушных десантов союзников на участке от Кана до Котантена включительно. Известия о высадке союзников на полуострове Котантен сразу же встревожили 7-ю германскую армию, опасавшуюся, что союзники попытаются изолировать порт Шербур, отрезав полуостров Котантен. Однако германское верховное командование сочло такой вывод поспешным. Как в штабе группы армий Роммеля, так и в главном командовании войск Запада, которое возглавлялось фон Рундштедтом, осторожно взвешивали первые сообщения о высадке, колеблясь поверить в слишком очевидные признаки.

Большинство офицеров в обоих этих штабах предполагало, что союзники вторгнутся во Францию через пролив Па-де-Кале. Они были настолько в этом уверены, что никак не могли согласиться, чтобы союзники нанесли основной удар через Нормандию. С самого начала они решили, что высадка в Нормандии имела своей целью отвлечь внимание 15-й армии от Па-де-Кале. Противник гордился тем, что раскрыл наши «намерения», не подозревая, что он был введен в заблуждение ложным планом, которым мы искусно прикрыли план операции «Оверлорд». Таким образом, расценив высадку на Котантене как трюк янки, противник попал в ловушку, расставленную нами в Па-де-Кале. В течение следующих шести недель, пока 7-я германская армия терпела поражения в битве за Францию из-за отсутствия резервов, стратеги в Берлине продолжали придерживаться своей ошибочной точки зрения, приведшей к фатальным последствиям. Только после прорыва немецкой обороны они сообразили, насколько сильно ошибались в своем предположении о «высадке» союзников в районе Па-де-Кале. Однако к этому времени 7-я армия была разгромлена и вся Франция оказалась открытой вплоть до германской границы. Поражение Германии во Франции объяснялось до некоторой степени истощением ее сил и промахами Гитлера. Однако долю ответственности за поражение несет и германский генеральный штаб. Именно германские генералы оказались наиболее податливыми и попались на удочку, поверив в высадку союзников в районе Па-де-Кале.^[34]

По мере того как первый день вторжения клонился к вечеру, уверенность германской 7-й армии в том, что Шербур не является нашим главным объектом, поколебалась. В 6 час. 45 мин. утра, то есть через 15 минут после начала операции, штаб армии сообщил на командный пункт Роммеля, что ведение огня корабельной артиллерией союзников по участку «Омаха», возможно, является составным элементом тщательно разработанного плана союзников, чтобы отвлечь внимание немцев от участка высадки главных сил в другом месте. Незадолго до полудня штаб армии решил, что основной удар наносится в английской зоне высадки. К этому времени штаб германского корпуса сообщил о быстром преодолении англичанами прибрежных преград и движении в направлении ровной местности, удобной для действий танков, которая начинается за Каном и простирается к Сене.

Предположение 7-й армии о том, что высадка английских войск представляет основную угрозу, было подкреплено полученным донесением от корпуса о провале вторжения союзников на всем участке от реки Вир до Байе. Этот район как раз и охватывал участок «Омаха». 352-я немецкая дивизия была настолько уверена в поражении войск Джероу, что в 13 час. 35 мин. донесла в штаб корпуса, что американские войска сброшены в Ла-Манш.

К вечеру 7-я армия передала в штаб группы армий более осторожную оценку обстановки.

Опасения армии о наступлении на Шербур еще не подтвердились, так как даже к 16 час. 20 мин. в штабе армии еще не было сведений о высадке Коллинса на участке «Юта». Наш воздушный десант сильно расстроил линии коммуникаций противника. Штаб армии поэтому пришел к заключению, что страхи в отношении Шербура необоснованны. Выброску воздушного десанта на Котантен немцы рассматривали как диверсию с целью оттянуть германские войска из района Кана, где вели наступление англичане. Однако через несколько минут штаб армии торопливо отрекся от своего прогноза; были получены сообщения, что воздушно-десантные войска на Котантене были усилены крупными подкреплениями с моря.

К 18 часам сильно потрепанная 352-я дивизия внесла поправки в свой сильно преувеличенный доклад о затруднении союзников на участке «Омаха». Американцы не только закрепились на берегу, но и, просочившись между опорными пунктами на побережье, пробивались в глубь страны.

Между тем Рундштедт потребовал от 7-й армии ликвидировать к вечеру плацдарм союзников. А из Берлина поступил приказ генерал-полковника Альфреда Йодля бросить все наличные резервы в сражение. Однако под «наличными» силами он имел в виду только войска, расквартированные в северо-западной части Франции, а не 15-ю армию, находившуюся на побережье Па-де-Кале, где она вела наблюдение за проливом, ожидая появления нового флота союзников.

Вечером 7-я германская армия сделала новую оценку сложившейся обстановки. На полуострове Котантен германские войска казались достаточно сильными, чтобы сковать союзный десант, так как по интуиции Гитлер еще в мае приказал усилить этот стратегический сектор двумя дивизиями, доведя общее количество войск до четырех дивизий. Вдоль нормандского побережья от устья реки Вир до Байе 7-я армия еще не выяснила подлинных масштабов нашей высадки на участке «Омаха». Поэтому противник решил, что главный удар союзники наносят в районе Кана, где наступали английские танки. Немцы направили сюда свои танки и попали в расставленные нами сети. Пока англичане отвлекали врага и вводили его в заблуждение относительно наших истинных намерений, мы стремились объединить американские участки высадки и занять порт Шербур. Но когда Коллинс начал продвижение в направлении западного побережья, стремясь отрезать полуостров Котантен, противник снова стал рассматривать Шербур как вероятный первоначальный объект союзников. На третий день после вторжения растущие подозрения противника получили подтверждение, когда в проливе немцами была найдена копия боевого приказа 7-го корпуса. То, что противник вначале считал тонко рассчитанной диверсией, теперь он расценил как второй главный удар. Для отражения этого удара противник перебросил на Котантен резервы с полуострова Бретань, чтобы любой ценой помешать нам захватить порт Шербур. Немцы не менее нас понимали, что мы остро нуждаемся в подкреплениях.

* * *

Мы отчетливо представляли себе, что, если противник сумеет усилить оборонительный обвод вокруг Шербура, это может на несколько недель отсрочить захват нами порта. Поэтому 9 июня я приказал Коллинсу прорваться через полуостров к западному берегу и отрезать его, и только затем наступать к северу на Шербур. Плацдарм, созданный 82-й дивизией к западу от реки Мердере, на одну треть уже сузил ширину коридора на полуостров Котантен. Однако операцию с целью отрезать Котантен нельзя было начинать без прочного закрепления на побережье путем объединения участков «Омаха» и «Юта» в один общий плацдарм и захвата

Карантана.

Вечером 11 июня на берег высадился адъютант Кирка с галлоном мороженого; адъютант сообщил, что на следующий день к нам придут адмирал Кинг и генерал Арнольд. Позднее в тот же вечер нас известили, что вместе с ними придет и генерал Маршалл, Эйзенхауэр будет сопровождать генерала Маршалла из Англии. Я попросил разрешения у Монтгомери не присутствовать на совещании, намеченном на 10 час. утра на следующий день, и впервые после высадки достал чистую смену белья.

Группа прибыла на участок «Изи Ред» рано утром. Эта встреча с генералом Маршаллом была третьей из четырех коротких встреч, которые я с ним имел за все время войны. Он соскочил с грузовика-амфибии на берег, окинул взглядом побережье, затем посмотрел на пролив, где покачивалась на якорях огромная армада. За неделю участок «Омаха» был очищен от имущества, брошенного и оставленного в первый день вторжения, и теперь стал одним из крупных портов Европы. Бульдозеры расчистили побережье от препятствий: колючей проволоки, разбитых грузовиков и прочего имущества, сбросив все это в огромный противотанковый ров, отрытый на достаточном удалении от линии максимального прилива. Пункты разгрузки были обозначены флажками, и военные полицейские регулировали движение колонн, направляя их к выходам с побережья. Несмотря на все это, с каждым приливом на берег выбрасывались новые партии оставленного и затонувшего имущества, которое в беспорядке валялось на побережье. Когда грузовик-амфибия генерала Маршалла выходил на берег, в глаза бросилась сломанная теннисная ракетка, наполовину скрытая в мокром песке. Поблизости в глубокой коле, оставленной гусеницей танка, лежала набухшая от воды боксерская перчатка.

На некотором удалении от берега нами были затоплены суда «Либерти» и устаревшие военные корабли, образовавшие волнорез, дававший возможность вести выгрузку на участке «Омаха» при помощи лихтеров. «Гузберри», так назывался этот волнорез, был предшественником крупного искусственного порта, сконструированного и изготовленного в Англии. Внутри защищенного от волн пространства самоходные паромы, нагруженные до отказа машинами и орудиями, мирно сновали между открытыми носами танко-десантных судов и берегом, на котором саперы положили стальные маты, чтобы создать твердые площадки для разгрузки.

Высоты, с которых в день высадки огонь врага прижимал солдат Хюбнера к земле, теперь были изрыты окопами. Здесь береговые партии флота и саперы, обслуживавшие побережье, зарывались в песок от осколков зенитных снарядов и вражеских бомб во время ночных воздушных налетов. Более изобретательные солдаты покрыли свои убежища различными обломками, подобранными на берегу. Лавируя в густой сети аэростатов воздушного заграждения, на площадки садились санитарные самолеты «С-47», эвакуировавшие раненых в Англию. За две недели с участка «Омаха» было эвакуировано более 15 тыс. раненых. А на высоте, расположенной в проходе, ведущем от участка «Изи Ред», лежали накрытые белыми покрывалами американские солдаты, ожидавшие погребения на кладбище, устроенном на возвышенном месте у побережья.

Утром 101-я дивизия заняла Карантан, однако город еще не был полностью очищен от противника, который продолжал обстреливать важную дорогу между участками «Омаха» и «Юта». Объехав участок «Омаха» на машине, мы собирались пересечь на торпедный катер, чтобы добраться до участка «Юта». Рано утром Хансен произвел рекогносцировку пути, однако движение транспорта на перегруженных дорогах оказалось настолько интенсивным, что нам потребовалось бы расставить вдоль дороги слишком много военных полицейских, чтобы упорядочить его. Пробка где-либо на дороге могла привести к задержке прибытия транспорта к урезу воды и замедлить разгрузку судов. Я был убежден, что генерал Маршалл лучше сам

отправится пешком, чем позволит не доставить хотя бы один грузовик боеприпасов.

Я предвидел, что генерал Маршалл может критически отнестись к колоннам автомашин, шедшим без интервалов, и счел лучшим объяснить ему это нарушение правил, не откладывая в долгий ящик. Сначала мы стремились навести порядок при движении машин, требуя от водителей выдерживать установленную дистанцию между грузовиками в 20 метров. Водители просто-напросто игнорировали этот приказ и следовали друг за другом без всякого интервала.

— Солдаты — народ практичный, — объяснил я Маршаллу. — Если бы хоть раз они подверглись обстрелу или бомбардировке с воздуха, они никогда бы не сбивались в кучу. Однако, если бы я набросился на водителей с бранью за несоблюдение дистанции, то они, вероятно, посмотрели бы на меня и подумали: «Разве этот идиот не знает, что германской авиации пришел капут?»

Наша вереница разведывательных машин двигалась между колоннами грузовиков, поднимавших на нормандских дорогах тучи удушающей белой пыли. Пыль забивала нам глотки, заставляла слезиться глаза и выбелила аккуратную синюю форму Кинга. От участка «Омаха» мы повернули в направлении Изиньи, проехали мимо высохшего, зловонного водоема у Гранкам-ле-Бена, образовавшегося вследствие прилива, где противник уничтожил с дюжину рыболовных судов и повредил ворота плотины. С моря донесся грохот залпа, когда линкор «Техас» начал обстрел равнины за Карантаном, куда отступил враг из города.

После моих настойчивых требований выделить крупные боевые корабли для артиллерийского обстрела побережья мне не терпелось показать адмиралу Кингу результаты огня крупнокалиберной артиллерии флота на улицах Изиньи. Хансен расположил два бронеавтомобиля на площади деревни, чтобы прикрыть огнем их орудий нашу группу. Генералы Маршалл, Кинг, Арнольд и Эйзенхауэр следовали в открытых автомашинах, и один германский снайпер мог обессмертить свое имя как герой Германии. Мы позавтракали в палатке-столовой на командном пункте 1-й армии, довольствуясь рационом «С» и бисквитами. После того как я изложил наши планы захвата Шербура, генерал Маршалл коротко познакомил нас с глобальной войной. Позднее он упомянул, что командование флота просило его назначить меня командующим силами вторжения на Тихом океане. Должно быть, у меня был удивленный вид, потому что Маршалл сразу же добавил, что он отказал флоту, сообщив, что я буду использован на другой работе. Он имел, конечно, в виду командование группой армий, которое я принимал на себя сразу же после прорыва обороны противника. Побывав на участке «Юта» и поговорив с Коллинсом, Маршалл, Кинг, Арнольд и Эйзенхауэр в этот же день вернулись на минный тральщик и отбыли обратно в Англию.

Когда Гитлер, находившийся в Зальцбурге, узнал о вторжении союзников 6 июня, он, как говорят, обрадовался. Гитлер был убежден, что еще до конца недели Роммель сумеет должным образом наказать нас, потопив в Ла-Манше. Однако вечером 12 июня мы отпраздновали свою первую неделю пребывания на берегу и не подверглись ни единой серьезной контратаке в американской зоне высадки. Пока пострадали только англичане от немецких танков при продвижении к Кану, а также при попытке соединиться с Хюбнером у Комона. Тем временем к немцам прибывали подкрепления из других районов Франции, и они усилили свои позиции, особенно в районах ключевых узлов коммуникаций Кана и Сен-Ло. Однако даже после недели лихорадочных усилий по переброске подкреплений у Роммеля все еще недоставало сил, чтобы организовать наступление в направлении побережья. Между тем за первую неделю пребывания на берегу мы уже успели удвоить свои силы. К вечеру 12 июня во Франции высадилось шестнадцать союзных дивизий, из них семь дивизий были английскими и девять — американскими. Англичане и мы высадили примерно по одинаковому количеству танковых подразделений, всего около трех бронетанковых дивизий.

После прорыва нами железобетонных укреплений Роммеля на побережье в первый день вторжения он стал испытывать острую нужду в резервах, чтобы остановить наше продвижение. Пехоты не хватало, и три танковые дивизии, переброшенные Роммелем к Кану, заняли там оборону, пытаясь в последнюю минуту спасти город. В результате, когда давление Монти на Кан усилилось, Роммель не мог отвести часть танков для организации контратаки, не подвергая себя риску, что англичане прорвут его фронт в этом секторе.

Танк является весьма эффективным средством в наступлении. В обороне танки эффективны только тогда, когда используются в качестве резерва, располагающегося за оборонительным рубежом для контратак против прорвавшейся вражеской пехоты или танков. Использовать танки в обороне вместо пехоты для удержания оборонительного рубежа и нецелесообразно и неэкономно.

С момента нашей высадки Роммель был сильно стеснен в своих действиях из-за нехватки пехоты и артиллерии. Более того, каждая часть противника, прибывавшая на фронт в Нормандию, носила на себе следы ударов союзной авиации во время опасного пути через Францию. Наша авиация наносила урон подходившим резервам, но она не могла остановить или уничтожить их. Каждый вечер, когда после захода летнего солнца наши истребители возвращались на аэродромы, противник под покровом темноты возобновлял движение войск по дорогам. Это было трудно и опасно, однако немцы проявили удивительную изобретательность при переброске своих войск на фронт.

Несмотря на недостаток резервов у противника, я не скидывал со счетов возможности мощного контрнаступления немцев и поэтому все больше и больше тревожился по поводу двух уязвимых мест в линии нашего фронта. Оба этих места приходились на стыки наших секторов, причем стыки были настолько слабы, что могли соблазнить противника нанести па ним удар. Первый такой стык находился на разграничительной линии между американской и британской зонами высадки. Второй стык проходил через Карантан, где смыкались участки «Омаха» и «Юта».

Место стыка двух союзных армий всегда является слабым местом, которое противник может легко использовать. Слабость заключается в тех трудностях, которые могут возникнуть при организации взаимодействия двух армий во время обороны данного сектора. На участке, который нам прирезали от плацдарма Демпси, эта слабость особенно бросалась в глаза. 1-я дивизия Хюбнера смело устремилась через перегороженные живыми изгородями поля к Комону, продвинулась на 32 километра к югу от побережья и окопалась там. Эта дивизия вклинилась в оборону противника глубже, чем любая другая союзная дивизия. В отличие от дивизии Хюбнера англичане, действующие слева от нее, продвинулись в два раза меньше, не прикрыв на большом протяжении ее левый фланг и тем самым подставив его под удар германских войск, сосредоточившихся у Кана. Демпси попытался продвинуться с целью выровнять фронт, но был остановлен германскими танками. Англичане отошли на исходный рубеж, и Хюбнер должен был теперь сам беспокоиться об обеспечении своего ненадежного клина. Чтобы прикрыть обнаженный фланг протяженностью 13 километров, он выставил небольшой заслон. Когда противник создал угрозу этому флангу, я немедленно направил в распоряжение Хюбнера танки 2-й бронетанковой дивизии, создав из них резерв.

Тем временем противник отошел еще несколько дальше за Карантан и остановился в 10 километрах от него. Здесь противник закрепился, зная, что, если ему удастся отбить город, он разрежет американский плацдарм пополам и не даст нашим войскам возможности свободно передвигаться между участками высадки. Вечером 12 июня Диксон ворвался в мою палатку с сообщением, что на следующий день ожидается наступление немцев на Карантан. Наступление должна была возглавить 17-я гренадерская моторизованная дивизия СС. Хотя Макс Тэйлор

укрепил свои позиции после занятия города, 101-я воздушно-десантная дивизия не располагала необходимым количеством тяжелого вооружения для отражения танковой атаки. Я приказал по телефону Джероу направить Мориса Роуза с боевым командованием из состава 2-й бронетанковой дивизии в Карантан. Джероу застонал, когда услышал мой приказ. Без танков он мог попасть в затруднительное положение, если бы противник нанес удар со стороны фланга Хюбнера.

— Атака у Карантана может оказаться только диверсией, чтобы ослабить наш фланг здесь, — сказал Джероу.

— Может быть, — согласился я, — но мы не можем допустить, чтобы дом Тэйлора сгорел только из-за того, что Хюбнер боится, что может загореться его дом.

К счастью, противник оказался не столь хитрым, как думал Джероу. Утром 13 июня немцы ударили по Карантану, подойдя к городу на расстояние 500 метров, прежде чем десантники Тэйлора сумели отбить врага огнем из стрелкового оружия. В 10 час. 30 мин. в город прибыли танки Роуза. С их помощью 101-я дивизия контратаковала 17-ю дивизию СС и отбросила ее на равнину, усеянную трупами германских солдат.

На следующий вечер я вызвал Джероу на свой командный пункт. Он с готовностью прибыл, надеясь вернуть Роуза и его боевое командование, так как открытый фланг Хюбнера все еще тревожил его. Когда он вошел, я никак не мог справиться со слишком большой для моей палатки картой.

— Я буду очень рад, — сказал ему я, — когда Джо Коллинс возьмет Шербур. Тогда мы сможем отрезать от карты этот выступ с полуостровом Котантен и она свободно поместится в палатке.

— Я также буду рад, — согласился Джероу. — Как только Коллинс займет Шербур, меня перестанет тревожить нехватка грузов, которые прибывают на мой участок.

Джи пододвинул стул к карте и указал на петлю, образовавшуюся в линии его фронта по соседству с английским сектором.

Слева от фланга Хюбнера на стороне противника были обведены красным карандашом два прямоугольника. Над каждым из них были поставлены два значка «х» — это были дивизии, а овалы внутри прямоугольника указывали на то, что эти дивизии были танковыми.

— Брэд, я очень обеспокоен... — начал Джероу. — Посмотрите на карту, вы убедитесь, что мое положение не из блестящих. Пока англичане не продвинутся на одну линию с нами, мой левый фланг будет находиться под постоянной угрозой. Боши могут прорваться через тыл Хюбнера и отрезать наши войска у Комона. А моя оборона недостаточно эшелонирована в глубину, чтобы остановить противника.

— Я понимаю ваше положение, Джи. Оно тревожит меня не меньше вас. Мы пошли на большой риск, сняв танки с вашего фланга. Однако Роуз теперь находится в Карантане и останется там по крайней мере на ночь. Мы отбили танки врага, а если бы они прорвались, нам было бы дьявольски трудно удержаться у Карантана. Если бы немцы перерезали дорогу и изолировали Коллинса, мы лишились бы свободы маневра.

Джероу кивнул в знак согласия.

— Давайте сделаем так, Джи. Я отдам приказ Роузу выступить завтра обратно, но при одном условии, что не получу от Диксона тревожных сообщений относительно Карантана. Мне бы не хотелось еще раз в спешке перебрасывать боевое командование Роуза.

Я не успел отдать приказ, как тут же отменил его. Потерпевшая поражение дивизия ОС снова начала проявлять активность в районе Карантана. Тем временем Монти бросил на помощь Джероу часть 7-й британской бронетанковой дивизии. Английские танки сосредоточились на открытом фланге Хюбнера, и, таким образом, немцы упустили последний прекрасный случай

воспользоваться нашей слабостью в этом стыке.

Прошла только неделя после высадки, а мы уже начали посматривать в сторону Сен-Ло, стоящего на скалистой возвышенности, откуда открывался вид на долину реки Вир. В давние времена этот город, находящийся на полпути между нашим участком вторжения и западным побережьем Котантена, был цитаделью Карла Великого. Высокая, поврежденная бомбами церковь города стоит на перекрестке дорог, имевших важное значение для Роммеля. Сам город расположен на кратчайшем пути от Байе в департаменте Кальвадос до Кутанса на западном побережье. Эта дорога как бы отсекала нормандский выступ от остальной части Франции. Заняв Сен-Ло и продвинувшись до Кутанса, мы не только отрезали бы Шербур от основных сил Роммеля, но и в значительной степени сократили бы линию союзного фронта и тем самым облегчили сосредоточение американских войск для организации прорыва немецкой обороны.

Противник не хуже нас понимал стратегическое значение Сен-Ло, расположенного на возвышенности, и сосредоточил здесь значительную часть своих скудных резервов пехоты. В результате, когда 29-я дивизия находилась от города уже в пяти километрах, сопротивление противника усилилось и Герхардту пришлось нести большие потери, чем мы могли себе позволить. Нашей первостепенной целью был Шербур, и я вовсе не желал сковывать наши силы у Сен-Ло, пока мы не захватили Шербур.

— По существу, — сказал я Херсону по поводу Сен-Ло, — даже в случае занятия нами города у нас будет мало шансов продвинуться к западу от него. Немцы прекрасно укрепились, создав глубокую оборону. Лучше сначала захватить возвышенность восточнее и западнее Сен-Ло. Если нам удастся их занять и начать артиллерийский обстрел дорог, готов побиться об заклад, что Сен-Ло будет наш. Тогда немцам не будет смысла за него цепляться.

— Однако Герхардту хотелось бы продвинуться и взять город, — сказал Торсон.

— Если бы Герхардт смог взять Сен-Ло, не сломав при этом хребет 29-й дивизии, я бы не возражал. Однако я крайне сомневаюсь, что ему удастся сделать это. Конечно, занятие Сен-Ло было бы сенсацией и дало бы материал для корреспондентов. Однако мы не можем жертвовать дивизией ради этого. Мы можем пока прекрасно обойтись без Сен-Ло.

15 июня на фронт прибыл 19-й корпус Корлетта, который сменил войска Джероу у Сен-Ло и принял на себя участок фронта в районе Карантана. Как и Джероу, Корлетт хотел ворваться в Сен-Ло. Заботясь о сохранении американских войск я сдержал стремление Корлетта и приказал ему закрепиться на своем рубеже.

Торсон посмеивался над моей борьбой с Корлеттом.

— Они подготовились для охоты на медведя, — заметил он. — Как Корлетту, так и Герхардту не терпится взять Сен-Ло.

— Они останутся на своих рубежах, — проворчал я, — даже если бы для этого потребовалось отнять у них все боеприпасы. Никто не сдвинется с места, пока Джо не захватит Шербур. Я хочу, чтобы Пет и Джи прочно закрепились на своих рубежах. Противник все еще может нанести удар и мы не будем рисковать тем, что враг прорвется к участку «Омаха».

Я отменил свой запрет наступать на Сен-Ло только за несколько дней до прорыва. К тому времени нам для развития наступления были очень нужны дороги, проходившие через этот город.

9 июня я отдал приказ Коллинсу до начала наступления на Шербур перерезать полуостров Котантен у его основания. Выполнение этой задачи возлагалось на 82-ю и 9-ю дивизии, в то время как 4-я и 90-я дивизии должны были продвигаться на Шербур. Пока 9-я дивизия выгружалась на берег, на 90-ю дивизию была возложена задача расширить плацдарм 82-й дивизии к западу от реки Мердере.

Наш выбор 90-й дивизии оказался неудачным. Три дня дивизия мешкала с переходом в

наступление. На четвертый день Коллинс попросил меня заменить командира дивизии. Дивизия прибыла в Англию в апреле 1944 г. под командованием бригадного генерала Джея Маккелви, в прошлом командующего артиллерией этой же дивизии. Незадолго перед отправкой из Соединенных Штатов старый командир 90-й дивизии был назначен на должность командира корпуса. Таким образом, Маккелви пришлось взяться за дело, к которому он не был должным образом подготовлен. Тем не менее работа Маккелви в течение двух месяцев пребывания в Англии убедила меня, что можно попытаться доверить ему командование дивизией. К сожалению, в наследство ему досталось много неспособных командиров, и в результате 90-я дивизия оскандалилась в самом же начале наступления.

Через основание полуострова Котантен тянулись пересеченные живыми изгородями поля, которые представляли собой естественную линию препятствий, значительно более мощную, чем мог создать Роммель. В течение столетий широкие, тучные равнины постепенно делились на все более мелкие участки пастбищ, огороженные земляными стенами, превратившимися со временем в настоящие крепостные валы. Часто эти стены достигали высоты и ширины танка, их венчали густые заросли деревьев и колючих кустов. Корни деревьев укрепили уплотненные временем стены, как стальной каркас усиливает бетон, превращая его в железобетон. Вдоль многих земляных стен проходят глубокие дренажные канавы, которые использовал противник в качестве готовых ходов сообщения. Чтобы продвигаться от пастбища к пастбищу, потребовалось проделывать проходы в этих стенах под сильным огнем хорошо замаскировавшегося противника. Даже в Тунисе мы не встречали такой подходящей для обороны местности. Коллинс считал, что такая местность представляла не меньшие трудности, чем джунгли Гуадалканала.

Большинство необстрелянных дивизий в первых боях приходит в замешательство в результате сильного нервного напряжения людей. Пока солдаты не привыкнут к мучениям раненых и не перестанут бояться смотреть смерти в глаза, они от страха и смятения инстинктивно сбиваются вместе. Их нельзя бросить в атаку одних, а нужно вести самому командиру, иногда даже прибегая к уговорам. Через несколько дней это состояние обычно проходит, дивизия получает крещение огнем, и войска нормально реагируют на уверенные и разумные действия командования.

Если была возможность, мы старались смягчить силу психологического воздействия боя, направляя каждое новое соединение на «спокойный» участок фронта, перед тем как использовать его в наступлении. Но когда 90-я дивизия выгрузилась на участке «Юта» вслед за 4-й дивизией, на фронте не было «спокойных» участков. У нас не было выбора, и мы бросили дивизию в наступление в условиях, в которых даже ветераны могли испытать большие трудности. Однако такое неожиданное испытание выпало не только на долю 90-й дивизии. И другие не имевшие опыта дивизии вводили в бой иногда еще в более тяжелых условиях, однако большинство из них с честью выдержало эти испытания. Но почти с самого момента перехода в наступление 90-я дивизия стала «трудной» дивизией. Действия дивизии настолько раздражали командование, что штаб 1-й армии опустил руки и потребовал ее расформирования и использования в качестве пополнений для укомплектования других дивизий. Однако мы сохранили дивизию, и впоследствии она стала одной из лучших дивизий на европейском театре. Из этого примера видно, как быстро волевой командир может вдохновить подчиненные ему войска. Более того, этот пример еще раз подтвердил то, на чем мы давно настаивали, а именно, что, с точки зрения личного состава, все дивизии одинаковы, они различаются только искусством и умением своих командиров.

Когда Коллинс назначил вместо Маккелви командиром 90-й дивизии своего заместителя Лэндрама, мы предупредили Джена, чтобы он основательно почистил командный состав

дивизии. Лэндрам, ветеран экспедиции на острове Кыска, прибыл в распоряжение Коллинса в Англию по просьбе последнего. Обрадовавшись возможности получить дивизию, Лэндрам опрометчиво пообещал мне доставить с западного берега Котантена «коктейль из морской воды».

Однако прошли еще три недели ничем не примечательного участия дивизии в боевых действиях и она опять себя опозорила. Две роты сдались врагу, немцами были захвачены оборонительные позиции целого батальона. Лэндрам почистил дивизию, но недостаточно. Моральный дух дивизии был подорван, и ее уверенность в себе исчезла. Лэндрам не сумел зажечь дивизию и должен был уйти. Хотя мой штаб продолжал настаивать на расформировании дивизии и использовании ее в качестве пополнений для укомплектования других дивизий, я имел основания надеяться, что сильный командир может спасти дивизию. 30 июля мы нашли такого командира в лице бригадного генерала Реймонда Маклейна, который заслужил свое звание в национальной гвардии. Я открыл Маклейна во время кампании в Сицилии, где он был командующим артиллерией дивизии Миддлтона. Оттуда я перевел его в Англию, где он находился в моем распоряжении на случай непредвиденных обстоятельств, подобных случившемуся.

В Сицилии Маклейн зарекомендовал себя командиром, не любившим находиться на командном пункте. Он все время проводил с солдатами на фронте, культивируя среди них наступательный дух, который так характерен для 45-й дивизии. Несмотря на мое убеждение в способности Маклейна в корне изменить положение в 90-й дивизии, я считал своим долгом предупредить его, что за один месяц в дивизии сменилось уже два командира. Мы сознательно назначили его на такое место.

— Мы хотим сделать дивизию боеспособной, — сказал я ему, — даже если для этого потребуется сменить всех старших офицеров. Я твердо убежден, что дивизия нуждается только в хорошей перетряске сверху донизу командного состава.

— Вы мне поможете избавиться от нежелательных офицеров и дадите замену? спросил Маклейн.

— Все что угодно, Рей. Поезжайте на двое суток в дивизию и изучите обстановку на месте. Затем возвращайтесь ко мне со списком, и мы избавим вас от всех офицеров, которые вам будут не угодны,

Маклейн вернулся точно через два дня со списком, в котором значились 16 строевых офицеров. Я передал список рыжему О'Хейру и приказал откомандировать их всех из дивизии, а взамен дать Маклейну любых, кого он захочет. Когда в октябре 1944 г. Маклейн ушел из дивизии, приняв корпус, его преемник получил в наследство одну из лучших боевых дивизий на союзном фронте.

С прибытием 9-й дивизии Эдди, Коллинс отвел в тыл незадачливую 90-ю дивизию, а ветераны Эдди и 82-й дивизии начали наступление с целью отрезать Котантен и изолировать Шербур. Дивизия Эдди устремила к западному побережью, а Риджуэй прикрывал ее с юга, за рубежом реки Дув. Посередине полуострова, где река поворачивает на север, 82-я дивизия, имевшая легкое вооружение, остановилась, и Эдди, разделив дивизию на две колонны, смело бросился к морю.

Восемь недель спустя Мэнтон Эдди стал командиром корпуса. Он получил назначение через неделю после прорыва и за первый день командования корпусом прошел 115 километров. При следующей встрече со мной он ухмыльнулся:

— Чертовщина, Брэд, — ваши парни долго не давали мне ходу. Мне больше по душе командование корпусом. Я попусту терял время, будучи командиром дивизии.

Когда дивизия Эдди приблизилась к последней рокадной дороге, шедшей через полуостров

Котантен, стало ясно, что, если противник не сумеет остановить ее продвижение и предотвратить выход на западное побережье, важнейший порт Шербур будет нашим. Подкрепления могли бы помочь противнику отсрочить падение Шербура, однако подкреплений не было. Противнику не хватало сил, чтобы сдерживать нас вдоль всей линии фронта.

Враг не решался снять силы с английского участка перед Каном, опасаясь, что танки Монти могут прорваться в направлении Парижа. Равным образом немцы не могли рисковать и у Сен-Ло. Если бы американцы прорвали фронт немцев на этом участке, вражеские войска на Котантене оказались бы в ловушке, и тогда рассеялись бы все их надежды сковать, а затем и уничтожить наши войска на плацдарме.

Предвидя наступление Эдди через Котантен, немцы решили разделить свои силы на полуострове. Две дивизии отходили к Шербуру для усиления обороны порта, а две поворачивали на юг и создавали оборонительный рубеж на перешейке полуострова Котантен.

Через два дня после броска Эдди 14 июня Монк Диксон пришел обедать в столовую, размещавшуюся в палатке, насвистывая песенку: «Они звали меня старым брюзгой». Он улыбнулся и согнул длинную шею:

— На сегодня у меня приятные новости — боши отходят. Они уступают нам полуостров.

На следующий день по приказу Гитлера немецкие войска перед фронтом Эдди разделились: одна часть отошла на север, другая — на юг. Вечером 17 июня Коллинс сообщил по телефону, что полуостров перерезан. Так, всего через 11 дней после высадки, мы соединили плацдармы и отрезали Шербур. Оставалось только 9 дней, чтобы взять Шербур в установленный срок, то есть через 20 дней после вторжения.

На следующий день состоялась первая после высадки пресс-конференция в штабе 1-й армии. О'Хейр составил список американских потерь по 15 июня включительно, и мне хотелось, чтобы о них узнали в Соединенных Штатах. Наши потери за 10 дней после высадки составили 15 тыс. человек, однако они были значительно ниже ожидавшихся. Мы надеялись, что незамедлительная передача сведений в печать о размерах потерь успокоит американский народ, которому сообщалось так много различных преувеличенных оценок до вторжения. Верховный штаб экспедиционных сил союзников, однако, запросил Монти о целесообразности опубликования этих данных в печати. Монти воспротивился и сделал мне выговор, утверждая с очевидным раздражением, что такие сведения были преждевременны, так как они помогли бы противнику определить численность наших войск.

— Противник, — успокоил я Монти, — просто не поверит нашим данным, потому что они значительно ниже тех цифр, которые сообщали немцы. Кроме того, мы не поместили бы в печати ничего такого, чего не знал бы враг.

Берлинское радио оказало мне большую услугу, перехватив, наше сообщение, переданное Би-би-си. Оно назвало наши данные чудовищной ложью, состряпанной с целью скрыть от американского народа размеры катастрофы, постигшей нас на побережье. Эта перебранка была единственным случаем, когда Монти оспаривал правильность уже принятого мною решения. В дальнейшем никто из нас больше не вспоминал об этом факте.

Во время войны в Европе я зачастую испытывал далеко не теплые чувства к Монти, однако это никогда не отражалось на наших личных и служебных взаимоотношениях. Мы так тщательно скрывали свое раздражение действиями Монти, что я сомневаюсь, догадывался ли он сам об этом. Если бы между нами на самом деле существовал такой сильный антагонизм, как хотелось некоторым сплетникам, Эйзенхауэр вполне обоснованно мог бы выгнать нас обоих.

Довольно часто во время войны я оспаривал соображения Монти, критиковал его решения, сомневался в разумности его мероприятий. В отличие от английских подчиненных Монти, я не был настолько запуган легендой о Монтгомери, чтобы без колебаний принимать его решения

как непогрешимые. Монти, как и все мы, был смертным, а раз смертным — он делал ошибки.

Для наступления на Шербур Коллинс наметил три направления к северу от участка прорыва Эдди. На каждом направлении наступала одна дивизия. Справа, в сильно укрепленной полосе, действовала 4-я дивизия Бартона, в центре — только что высадившаяся 79-я дивизия и слева — 9-я дивизия Мэнтон Эдди (схема 25). Начало наступления было намечено на 3 часа утра 19 июня. Уложиться в этот срок не представляло особых затруднений для 4-й и 79-й дивизий, так как они уже вышли на исходные рубежи. Однако 9-я дивизия Эдди должна была круто изменить направление своего наступления. Мэнтон достиг последнего намеченного рубежа на западном побережье Котантена только в 5 часов утра 18 июня. За 22 часа ему предстояло повернуть войска численностью в 20 тыс. человек с западного направления на северное в сторону Шербура, эвакуировать больных и раненых, проложить линии связи, разведать местность, наметить разграничительные линии, отдать приказы, перебросить склады боеприпасов и других предметов снабжения, а затем начать новое наступление на фронте протяженностью 14,5 километра. Однако Эдди даже не моргнул глазом, и, когда пришел час наступления, его дивизия рванулась вперед.

Эдди полагалась передышка, так как его солдаты устали после стремительного продвижения, но, чтобы не дать врагу возможности опомниться, следовало наступать с максимальной быстротой. Если бы немцы получили хотя бы один день для подготовки своих позиций, дальнейшее продвижение обошлось бы нам значительно дороже. В результате быстрого изменения фронта наступления 9-я дивизия Эдди застигла немцев врасплох и тем самым обеспечила стремительные темпы наступления корпуса Коллинса. После занятия Шербура немцы признали, что быстрое изменение направления движения дивизии Эдди лишило их ожидавшейся передышки для организации обороны этого портового города.

Направив 7-й корпус к северу для наступления на Шербур, Коллинс был вынужден повернуться спиной к врагу у основания полуострова Котантен. Чтобы прикрыть его с тыла, я расположил вдоль основания полуострова 8-й корпус Миддлтона. Этих сил было не так много для удержания 29-километрового фронта. 82-я и 101-я дивизии имели большой некомплект личного состава, а 90-я дивизия была морально подавлена. Однако, пока Миддлтон находился за болотами, тянувшимися через основание полуострова Котантен, ему нечего было опасаться вражеского наступления. Но это преимущество сводилось на нет той возможностью, которая предоставлялась противнику по усилению обороны. Чем больше времени мы давали ему для создания оборонительного рубежа за болотами, тем с большими трудностями пришлось бы нам встретиться в дальнейшем при прорыве этих позиций. Я предпочитал подвергнуться контратаке сейчас, чем дать возможность противнику окопаться. Поэтому я приказал Миддлтону продвинуться за болота. Но так как у него не было сил для мощного наступления, он должен был постепенно расширять свой фронт и продвигаться до тех пор, пока Коллинс не захватит Шербур.

Когда мы проходили с Троем по его командному пункту, предварительно договорившись о плане действий, я взял его за плечо и сказал:

— Ей-богу, я буду страшно рад, когда Джо возьмет Шербур и мы сможем начать действовать против главных сил противника. Сейчас враг бежит, и мы не должны давать ему передышки.

Утром, когда Коллинс устремился к Шербуру, мы проснулись под зловеющий свист ветра, небо было обложено свинцовыми тучами, и холодный косой дождь хлестал по полотнищам палатки. Кин, с трудом переставляя ноги по вязкой земле, проводил меня в расположенную в палатке столовую, посредине фруктового сада. Он нахмурился, глядя на небо из-под каски:

— Да, сегодня у Коллинса мало шансов на поддержку истребительной авиацией.

В трех километрах за нашим командным пунктом Ла-Манш был покрыт белыми гребнями

волн, и у выщербленных скал Пуан-дю-О кипела пена. Прогнозы погоды говорили о надвигающемся шторме. Однако только после сообщения Вильсона о прекращении разгрузки на участке «Омаха» мы поняли, какой серьезный кризис вызвал шторм.

Накануне второго дня шторма отдел тыла сообщил, что участок «Омаха» завален судами, потерпевшими аварию. Волны Ла-Манша выбрасывали пачками плоскодонные суда на берег. На третий день шторма искусственный порт у участка «Омаха» был сильно разрушен. Огромные железобетонные кессоны, изготовленные в Англии и отбуксированные через Ла-Манш с целью сооружения искусственного порта для разгрузки судов в любую погоду, были выброшены волнами на берег. Англичане сконструировали и изготовили два таких огромных сооружения — одно для своего участка высадки, а другое для нашего. К счастью, искусственный порт на участке Монти выдержал шторм, тем самым доказав, что был одним из самых замечательных сооружений службы тыла во время войны.

22 июня мы прибыли на побережье, чтобы выяснить размеры причиненного ущерба. Картина, которая предстала перед нашими глазами, повергла меня в ужас: разрушения оказались значительнее, чем в первый день вторжения. Деятельность на участке «Омаха» замерла. Даже саперы, работавшие на побережье, попрятались по своим сырым норам в поисках защиты от ветра и дождя. Четыре дня шторма создали большую угрозу операции «Оверлорд», чем все неприятельские орудия за 14 дней нашего пребывания на побережье. На гальке валялись сотни изуродованных судов, выброшенных морем. В том самом месте, где мы высадились на участке «Изи Ред», разбитый металлический паром при каждой новой набегавшей волне ударялся о борт другого парома. На отмели был виден нос затонувшего танко-десантного судна, вода бурлила внутри корпуса судна. В море на волнах беспомощно болталось еще одно такое судно, и волны перекачивались через брошенные машины на его вздувшейся палубе. Лейтенант флота в куртке, которую носят солдаты частей «Рейнджерс», подбежал к нам. Я криво улыбнулся:

— Трудно поверить, что все это мог наделать один шторм...

Лейтенант покосился на мои звезды.

— Генерал, — сказал он, — лучше если бы на нас налетел весь распроклятый германский военно-воздушный флот.

Нам было очень жалко потерянных судов и другого военного имущества, но больше всего нас огорчало то, что прекратилась доставка огромного количества грузов. Дефицит возрастал с каждым днем, в конце концов достиг тысяч тонн недоставленных грузов, особенно боеприпасов. Между тем немцы использовали постигшее нас несчастье. Пока союзные летчики проклинали погоду, приковавшую истребители к земле, они подбрасывали по дорогам подкрепления.

Однако даже в самые мрачные часы разыгравшегося шторма мы благодарили бога за то, что шторм не разразился неделей раньше. За две недели пребывания на берегу мы накопили запасы, без которых нас легко было сбросить в море. Тем не менее потеря боеприпасов в результате шторма принудила нас потуже затянуть пояса. На наших складах оставалось боеприпасов только на три дня, поэтому мы сократили норму отпуска боеприпасов Коллинсу, наступавшему на Шербур, и немедленно ограничили задачи Миддлтона, наступавшего у основания полуострова Котантен.

Я побывал у Троя как раз накануне наступления. На обратном пути в штаб армии меня остановил Кин, вместе с которым был полковник Джон Медарис (из города Цинциннати в штате Огайо). Медариса я взял к себе из 2-го корпуса и сделал его начальником артиллерийско-технической службы 1-й армии.

— Медарис хочет сообщить вам кое-что, — сказал Кин.

Запасы боеприпасов настолько уменьшились, что армия могла обеспечить ими наступление Миддлтона только за счет сокращения нормы отпуска боеприпасов Коллинсу.

— Вы хотите, чтобы я отменил наступление Миддлтона?

— Да, сэр.

— Вы знаете, насколько важно наступление Миддлтона для нас?

— Конечно, сэр, — ответил Медарис.

— Вы знаете, что если мы начнем наступление сейчас, то спасем потом много жизней?

— Да, сэр.

— И тем не менее вы против?

— Я предлагаю, генерал. Я не думаю, что мы сможем обеспечить это наступление боеприпасами.

Я повернулся к Кину:

— Свяжитесь с Табби Торсоном и передайте ему, что наступление 8-го корпуса отменяется. Я вернусь к Миддлтону и сообщу ему об этом. Затем я поеду к Джо.

Две недели Миддлтон ожидал боеприпасов на своем участке фронта, в то время как противник укреплялся с южной стороны болот. Когда в конце концов, мы, готовясь к прорыву, пробились через основание полуострова, то нам стало ясно, насколько успешно немцы использовали это время. Однако, как бы нам ни хотелось помешать противнику укрепить свои позиции, недостаток боеприпасов не давал возможности это сделать.

Впрочем, недостаток в боеприпасах, ставший особенно ощутимым после шторма, мы испытывали постоянно. Мы остро нуждались в боеприпасах всю осень и зиму вплоть до форсирования Рейна. Планируя наши потребности в боеприпасах, Медарис довольно свободно составлял заявки на них, а Вильсон не менее свободно предоставлял тоннаж. Однако при любой высадке на вражеский берег количество поступающих грузов ограничивается главным образом возможностями инженерных подразделений по разгрузке судов. Кризис, возникший на участке «Омаха» в первый же день вторжения, опрокинул расчеты Вильсона с самого начала. Мы не смогли доставить на берег ни одной тонны из 4600 тонн, намеченных к выгрузке в первый день. К концу недели дефицит составил уже 35 тыс. тонн. По данным адмирала Рамзэя, сухопутные войска в результате шторма потеряли 20 тыс. машин и 140 тыс. тонн грузов. Только в американской зоне высадки за дни шторма задержалась выгрузка на берег 83 тыс. солдат.

Мы могли бы оказаться в еще худшем положении, если бы не выгрузили на берег неприкосновенный запас боеприпасов, перевезя их на дюжине больших мореходных барж. За несколько месяцев перед вторжением я рекомендовал Айку принять меры предосторожности и переправить через Ла-Манш большое количество боеприпасов на баржах.

В Англии не было барж водоизмещением в одну тысячу тонн, и он обратился в Вашингтон с просьбой доставить такие баржи. Генерал Бреон Сомервелл, начальник служб снабжения, вскоре прислал нам эти баржи, и мы переправили на них через пролив 12 тыс. тонн боеприпасов.

Через несколько лет после войны судовладелец из Нью-Йорка рассказал мне как-то вечером, что за пару месяцев до вторжения у него забрали самые большие баржи.

— Их пришлось тащить через Атлантический океан, — добавил он с улыбкой. Мы полагали, что какой-нибудь смысленый юнец в штабе Эйзенхауэра подшутил над Вашингтоном, подсказав ему эту дикую идею. Правда?

— Да, сэр, — смутился я, — вы правы.

Ответственность за недостаток боеприпасов в первый месяц после высадки лежала на командованиях обслуживания флота и армии, дислоцированных в Англии. Несмотря на их прекрасные достижения во время вторжения, оба командования потерпели неудачу при осуществлении ряда важных мероприятий, которые могли бы сделать выгрузку значительно более эффективной.

Сложная система организации снабжения при выгрузке грузов, на необорудованное побережье, в особенности когда ежедневно выгружаются тысячи тонн, должна действовать чрезвычайно слаженно, чтобы удовлетворять потребности войск во всех предметах снабжения. Для определения очередности разгрузки транспортов мы попросили начальника служб снабжения генерал-лейтенанта Дж. Ли заблаговременно до прибытия судов направлять нам самолетом декларации судового груза. При наличии этих деклараций мы могли регулировать очередность разгрузки грузов и тем самым избежать создания ненужных запасов излишних предметов снабжения за счет остродефицитных. Однако декларации мы не получали и поэтому были вынуждены разгружать все суда подряд, независимо от важности доставленных грузов. Вскоре побережье было загромождено тысячами тонн ненужных запасов, в то время как мы остро нуждались в некоторых особенно важных, как например артиллерийских боеприпасах. Мы несколько раз обращались по этому вопросу в службы снабжения. Они давали нам заверения, но деклараций от них мы так и не дождались.

Положение стало невыносимым, и я пожаловался прямо Айку. — Этот вопрос должен быть решен через два дня, — ответил он, или виновник будет отстранен от должности.

После этого мы стали получать декларации судового груза без дальнейших извинений или объяснений.

Однако, чтобы окончательно устранить трудности со снабжением, нам пришлось иметь дело также с командованием флота Соединенных Штатов. Если декларация судового груза помогала нам при разгрузке судов, то не менее важно было установить, какое именно судно прибыло на рейд. Оказалось, что командование флота не только не располагало точными сведениями о судах в конвоях, но, как только суда становились на якорь, оно теряло с ними всякую связь. Возможно, во флоте никогда не отдавали себе полностью отчета в том, насколько трудной была возникшая проблема. По крайней мере так продолжалось до конца июня, когда Кирк назначил контр-адмирала Джона Уилкса, прибывшего из Англии, начальником военно-морских сооружений во Франции.

Не менее неприятным оказался и отказ флота разгружать танко-десантные суда непосредственно на побережье. Хотя эти суда были плоскодонными, что позволяло им приставать прямо к берегу, командование флота возражало против подхода судов к урезу воды, опасаясь вражеской артиллерии. Оно предпочитало ставить танко-десантные суда на якорях на рейде и перевозить груз с них на берег на самоходных паромов. Как только побережье перестало подвергаться обстрелу противником, мы настойчиво потребовали от флота снять свои возражения, подводить танко-десантные суда прямо к берегу и сократить тем самым время их разгрузки в два раза.

Наше предложение, однако, пропустили мимо ушей. Если, по мнению некоторых капитанов, можно было терять танки, то суда не должны были подвергаться такой участи. Лишь когда противник был оттеснен от берега, капитаны получили приказ подводить свои танко-десантные суда прямо к берегу.

Нормирование расхода боеприпасов началось сразу же после выхода Джероу на рубеж, на котором он должен был закрепиться, пока Коллинс наступал в северном направлении на Шербур. Сначала Джероу был ограничен 25 снарядами на орудие в сутки. Ему предоставлялось право экономить снаряды, чтобы иметь возможность в случае необходимости вести усиленный огонь. При контратаке противника ограничение на расход снарядов снималось и он имел право вести огонь, не считаясь с нормой расхода боеприпасов. Однако, когда на линию фронта вышел 19-й корпус, командир корпуса Пет Корлетт возразил против скудной нормы для его артиллерии.

— Пет, — увещевал его я, — я не менее вас ненавижу эту систему нормирования. Однако

мы должны помнить, что у нас нет иного выхода. Либо мы установим норму сейчас, либо мы расстреляем все снаряды, свернемся и поедем домой.

Нормирование расхода боеприпасов было не только во время боев на плацдарме, наша артиллерия страдала от недостатка снарядов, пока мы не вышли к Руру. Хотя мы испытывали нехватку боеприпасов на четырех различных этапах войны в Европе, причем на каждом этапе были свои причины нехватки, результат оставался один и тот же: мы никогда не имели нужного количества боеприпасов.

1. В Нормандии наши трудности начались сразу же, как только мы высадились на побережье. Даже когда мы стали разгружать до 35 тыс. тонн в сутки, что в три раза превышало пропускную способность порта Шербур в мирное время, нам не хватало боеприпасов, а увеличить объем разгрузочных работ на побережье мы не имели возможности.

2. При стремительном наступлении во Франции по пятам отступавшего врага возникли новые трудности в связи с нехваткой транспортных средств. Хотя мы накопили к этому времени много боеприпасов на складах в Нормандии, даже при помощи специальных дорог «редболл экспресс»^[35] не могли обеспечить подвоз достаточного количества боеприпасов к линии фронта.

3. После вклинения в линию Зигфрида снова возникли затруднения в снабжении из-за недостатка портов. Плохая погода мешала разгрузке непосредственно на побережье, и до открытия порта в Антверпене в портах Ла-Манша не хватало причалов для разгрузки союзных транспортов. Одно время в Англии скопилось более 250 судов «Либерти» в ожидании места для разгрузки в портах Франции.

4. Наконец зимой 1944/45 г. и весной 1945 г. мы расплатились за оптимизм, охвативший нас в сентябре 1944 г. Причины наших затруднений на этот раз переместились через Атлантический океан в Соединенные Штаты, где розовые перспективы близкого окончания войны в Европе привели к сокращению выпуска военной продукции.

Еще до начала шторма 19 июня я подумывал о переброске пехоты на плацдарм по воздуху. Но когда количество боеприпасов уменьшилось до трех боекомплектов и Коллинсу, наступавшему на Шербур, пришлось урезать норму расхода боеприпасов еще на одну треть, мы решили использовать для перевозки боеприпасов наше последнее средство — транспортную авиацию.

Квесада поморщился, когда узнал, чего мы от него хотим. Тяжело нагруженные самолеты «С-47» повредили бы взлетно-посадочные дорожки, сооруженные для истребителей. Однако без всяких колебаний он потянулся к телефону, и на следующее утро прибыли первые транспортные самолеты. Вскоре мы стали получать по воздуху до 500 тонн боеприпасов в сутки.

Пока штаб 1-й армии с большим трудом решал вопросы тыла, 7-й корпус наступал на север по плодородным зеленым полям Котантена в направлении обреченного города Шербура. Коллинс в своей выцветшей полевой шинели носился по фронту в разведывательном броневике, подталкивая, подстегивая и приказывая своим дивизиям ускорить наступление. К вечеру 21 июня он замкнул кольцо окружения вокруг этих ворот во Францию для туристов, едущих через Атлантику.

Чтобы ускорить взятие Шербура, Коллинс направил начальнику гарнизона города ультиматум, предлагая сложить оружие к 9 часам следующего утра, угрожая в противном случае истреблением гарнизона. Однако генерал Карл Вильгельм фон Шлибен с гарнизоном в 30 тыс. солдат получил приказ Гитлера стоять насмерть.

«За отход с занимаемых позиций расстрел, — объявил генерал в приказе по войскам. — Я даю право командирам всех степеней расстреливать на месте каждого, кто по трусости покинет свой пост».

Я узнал об ультиматуме Коллинса вечером из передачи Би-Би-Си и вызвал для объяснения офицера, ведавшего вопросами военнопленных в армии.

— Откуда британская радиовещательная корпорация узнала об этом проклятом ультиматуме? — спросил я.

— От 7-го корпуса, генерал.

Я тяжело вздохнул

— Нужно позаботиться о том, чтобы штаб Коллинса впредь не болтал о таких вещах. Немцы, отвергнув ультиматум, будут выглядеть героями, а не дураками, кем они являются на самом деле.

Прошло девять часов, а от фэн Шлибена не поступило никакого ответа. Тогда Коллинс вызвал авиацию, чтобы подавить важнейшие объекты перед тем, как начать штурм Шербура.

Этот удар с воздуха был нашим первым опытом проведения массированной бомбардировки. Операция была поспешно разработана совместно с Квесадой, который связался с командованием авиации в Англии. Десять эскадрилий английских «Мустангов» и «Тайфунов» с реактивными снарядами наносили удар в 12 час. 40 мин. дня, то есть за 80 минут до начала наступления корпуса. За ними следовали 562 американских истребителя-бомбардировщика и 387 средних бомбардировщиков 9-го командования бомбардировочной авиации. Для наблюдения за операцией из Англии прилетели Той Спаатс и помощник военного министра по авиации Роберт Ловетт.

Тревожные сообщения поступили еще до перехода в атаку наземных войск. Два полка дивизии Эдди и полк 4-й дивизии передали, что они подверглись обстрелу своей авиации. Несколько истребителей-бомбардировщиков ошиблись при опознании целей, и до конца войны подразделения 9-й дивизии побаивались союзных самолетов. Однако если этой первой попыткой массированного бомбардировочного удара и не удалось уничтожить укрепления Шербура, тем не менее бомбардировка подтолкнула защитников Шербура игнорировать приказы фон Шлибена. Немцы, взятые в плен, были настроены цинично, ибо, пока авиация союзников громила их на земле, в воздухе было очень мало самолетов германских военно-воздушных сил.

— Если мы должны умереть за Шербур, — жаловались пленные, — тогда почему не появляются наши самолеты и летчики не умирают вместе с нами?

Значительно более важным было то, что опыт массированной бомбардировки заставил нас подумать об использовании ее в качестве эффективного тактического оружия. Если нам удалось использовать 1000 самолетов в торопливо подготовленной операции против Шербура, почему бы нам не применить вдвое или втрое больше самолетов для тщательно подготовленной операции? Я долго просидел с Кином в этот вечер, размышляя над открывавшимися возможностями.

Ультиматум, направленный Коллинсом начальнику гарнизона Шербура, был характерен для разворачивания психологической войны с обеих сторон. Перед наступлением на Шербур мы засыпали город листовками. Поскольку противник был уже в западне и не имел никаких надежд на спасение, мы использовали его затруднительное положение, предлагая легкий путь избавления от смерти капитуляцию. В наших листовках всегда говорилось: «И не забудьте захватить с собой котелок и ложку».

На фронте корпуса Джероу офицер по работе с военнопленными из 2-й бронетанковой дивизии каждый вечер выдвигал вперед машину с громкоговорителем и играл вальсы Штрауса для вражеских солдат, истосковавшихся по дому. Проиграв пластинку, он спрашивал немецких солдат на их языке, помнят ли они свою родину такой, какой она была до войны.

— Вы прекрасно сражались, — говорил он им, — и честно вели себя по отношению к

соотечественникам. Однако вам нет смысла сражаться. Наши бомбардировщики разрушили ваши города. Перед вами стоят превосходящие силы. Сдавайтесь сейчас, и вы вернетесь невредимыми к своим близким, оставшимся в тылу. Если вы не сдадитесь и не перейдете, тогда у нас не остается другого выхода, как попотчевать вас еще вот этим.

Вслед за этими словами артиллерия дивизии давала залп из 48 орудий по позиции противника.

Немцы также по-дилетантски занимались листовками, перебрасывая их на нашу сторону в агитационных снарядах. Аргументы врага не были убедительными, зато они компенсировали этот недостаток изобилием порнографии и сарказма. Текст одной из листовок заканчивался следующими словами: «Послушай, парень из Америки, разве ты не с улицы, где живет беднота?»

И тут же давался ответ на заданный вопрос: «Сынки Франклина Делано Рузвельта тоже в армии, но они щеголяют по улицам Лондона в чистенькой форме и с регалиями. Они-то с улицы богачей»,

24 июня Айк переправился через Ла-Манш для ознакомления с нашими планами использования 7-го корпуса на новом направлении после взятия Шербура. Захватив этот порт, Коллинс должен был двинуться на юг и присоединиться к Миддлтоу на основании полуострова Котантен. Затем мы должны были наступать на юг через болота и занять фронт на линии от побережья департамента Кальвадос до Авранша. Я уже давно отказался от плана прорваться через Сен-Ло, чтобы выйти к морю у Кутанса. Противник здесь слишком сильно укрепился, и я не желал растрачивать свои силы против самого сильного пункта в его обороне. Чтобы нанести немцам значительно большие потери, мы сосредоточивали наши войска только против тех объектов, где наиболее эффективно можно было подорвать силы врага.

Лишь после посещения Эйзенхауэром побережья в конце июня мы узнали, насколько опасна и разрушительна была бомбардировка Англии самолетами-снарядами «Фау-1». Немцы стали использовать самолеты-снаряды против Англии с 15 июня. Однако большинство стартовых площадок, с которых запускались «Фау-1» против Лондона, находилось на большом удалении от расположения наших войск, и поэтому мы не могли за ними следить. В результате мы легкомысленно сбросили со счета самолеты-снаряды.

— Это просто еще одно германское оружие, — заверяли мы друг друга, изобретенное слишком поздно, чтобы спасти Гитлера.

Когда Эйзенхауэр прибыл к нам, я подшутил над его адъютантом подполковником Эрнестом Ли из Индианаполиса.

— Зачем вы сюда приехали? — спросил я. — Чтобы спокойно поспать на нашем плацдарме после Лондона?

Однако в моей шутке оказалось больше правды, чем юмора. Хотя самолеты-снаряды никогда не создавали угрозы Англии, подобной угрозе «блица» в 1940 г., лондонцы вскоре поняли, что в новом оружии таилось значительно больше опасности, чем предполагалось. В июле Черчилль сообщил, что за первые три недели бомбардировки самолетами-снарядами погибло 2752 англичанина. Тяжело раненных насчитывалось в три раза больше. Однако новое устрашающее орудие появилось слишком поздно, чтобы повлиять на исход войны. Даже до вторжения разведка указывала, что противник не имеет возможности наладить производство самолетов-снарядов в таком количестве, чтобы их воздействие было ощутимым.

Почти в течение всех 18 дней нашего пребывания на побережье Эйзенхауэр нетерпеливо метался по просторным комнатам роскошной тюрьмы для генералов, известной всему миру в качестве резиденции верховного штаба экспедиционных сил союзников. Пресыщенный решением вопросов стратегии на высшем уровне, статистическими выкладками, докладами тыловиков и тактиков, Айк стремился выскользнуть из утонченной атмосферы верховного штаба

экспедиционных сил союзников Англии и увидеть реальное положение вещей в войсках на фронте.

Некоторые утверждают, что лучшим стратегом является такой командующий, который находится на значительном удалении от своих войск. Когда соединения и части существуют для него в виде условных знаков на карте, стратег работает как бы в вакууме и никакие посторонние мотивы не отражаются на принимаемых им решениях. Если бы можно было вести войну простым нажатием кнопок, тогда нетрудно было бы разработать целую науку управления войсками. Однако война является в такой же степени столкновением страстей, как и столкновением сил, поэтому ни один командующий не может стать стратегом, если он сначала не изучит своих солдат. Проявление человеческих чувств вовсе не мешает управлению войсками, напротив, оно облегчает руководство ими. Если командир не ценит жизни своих солдат и не обращает внимания на их лишения, тогда он не пригоден к командованию. В этом случае он не сможет определить потери, в которые обойдется ему захват того или иного объекта.

Жертвуя жизнями людей сознательно, обдуманно и иногда даже жестоко, командующий должен закалить свою волю, зная, что если он сейчас потратит меньше людей, то в будущем он может потратить их больше. Если командующий начнет чрезмерно беспокоиться о размерах потерь, он подвергает себя опасности потерять стратегическую перспективу. При потере стратегической перспективы война затягивается и стоимость ее в человеческих жизнях неизмеримо возрастает.

Эйзенхауэр, так же как и мы, считал, что источником скромности является общение с войсками. Какими бы трудными ни были обязанности командира, он не может смотреть в глаза солдатам, идущим на смерть по его приказу, не сознавая при этом, насколько легче его задача сравнительно с задачей, полученной солдатами.

В течение всей войны в Европе Эйзенхауэр часто выезжал из верховного штаба экспедиционных сил союзников на фронт и беседовал с солдатами. Там Айк, как и мы, видел войну такой, какой она была в действительности, с ее безжалостным уничтожением культурных ценностей. В тылу война может иногда выглядеть как приключение. На фронте картина иная.

Вместе с Айком мы приехали в сектор 79-й дивизии, занимавшей центральное положение на фронте Коллинса. Там мы взяли с собой командира дивизии и подъехали к стоявшему на отдыхе полку. Перед наполненной водой каской, служившей в качестве зеркала, капитан в нижней рубашке намыливал щеки, готовясь к бритью. Он с досадой взглянул на нас, когда мы заслонили свет. Сначала он выпучил глаза, затем в них появилось выражение отчаяния, когда он перевел взгляд с широко улыбавшегося лица Айка на физиономию командира дивизии, искаженную гримасой. Капитан, спотыкаясь, вскочил на ноги и с полотенцем вокруг шеи отдал честь и отрапортовал верховному командующему.

Эйзенхауэр быстро обходил солдат, а капитан следовал за ним. Держа руки на бедрах, с высоко поднятым подбородком. Эйзенхауэр слегка хмурился, отрывисто разговаривая с солдатами.

— Солдат, — обратился он к одному из них, — сколько отличных стрелков в вашем отделении?

— Три, сэр, я думаю.

— Вы думаете? Солдат должен знать, черт возьми. Знать точно, что у вас есть.

Он подошел к другому, стоявшему дальше в строю.

— А сколько отличных стрелков у вас?

— Четыре. Я один из них, сэр.

— Хорошо. Это замечательно. Вы сами откуда?

— Из штата Кентукки, сэр.

— У вас хорошее отделение?

— Лучшее в роте, сэр.

— А солдаты роты думают также?

— Видите ли, сэр...

— Они глупцы, не правда ли?

Айк засмеялся. Солдат улыбнулся. Мы сели в джип.

В новом летнем обмундировании и щеголеватой пилотке Эйзенхауэр бросается в глаза среди заполнивших дороги войск в пропотевшем обмундировании и тяжелых касках. Солдаты весело приветствовали нас, некоторые посмелее кричали из машин: — Здорово, Айк!

Эйзенхауэр, сидевший на переднем сиденье джипа, повернулся ко мне.

— Как мне не хочется возвращаться назад, — сказал он, — я буду страшно рад, когда мы будем находиться вместе с вами.

На пятый день наступления на Шербур Коллинс прорвал внешний обвод обороны, однако дорогу к порту закрывала цепь опорных пунктов, в которых засел противник. Против нас были брошены дивизионы зенитных орудий, стрелявших по наземным целям. Войска генерала фон Шлибена, укрепившиеся в цитадели Форт-дю-Руль, откуда просматривался порт, обстреливали нас сверху. Цитадель находилась на эскарпе, круто поднимавшемся за Шербуром. Орудия береговой обороны противника, расположенные на эскарпе, держали под обстрелом не только подступы к Шербуру с моря, но и улицы самого города. Мы не могли обойти форт, не рискуя попасть под огонь тяжелых орудий.

Я не хотел терять время на осаду, когда нам следовало уже выступить на фронте Миддлтона у основания полуострова. Поэтому я попросил Кирка подвергнуть бомбардировке орудия береговой обороны форта с моря. Если бы Кирк предложил мне немного подумать, он был бы совершенно прав, ибо орудия в Шербуре обладали большей дальностью и их было значительно больше, чем на наших самых крупных кораблях.

Кирк, зная, что может понести серьезные потери, спросил:

— Разве это действительно необходимо?

— Да, — ответил я, — мы должны взять Шербур по возможности скорее.

Кирк без возражений согласился, несмотря на сопряженный с этим риск, и немедленно приказал трем линкорам отплыть для действий против укреплений гавани. Оказавшись в пределах обстрела крепостных орудий, линкоры попали под огонь и вскоре были вынуждены отойти в неравной дуэли с батареями береговой обороны. Однако готовность Кирка помочь нам, несмотря на риск потери своих кораблей, заставила меня пожалеть о прежней ярости, с которой мы критиковали флот за медленную разгрузку наших судов у побережья Нормандии.

К счастью, доблестный жест Кирка не повлек за собой катастрофы и флот отошел, понеся незначительные потери. Тем временем пехота поднялась по скалам к Форт-дю-Руль и подорвала его укрепления.

Вечером 26 июня, то есть на 21-й день после вторжения, Мэнтон Эдди доложил мне по телефону, что фон Шлибен вместе с 800 солдатами взят в плен в подземной крепости. Однако бои в некоторых районах Шербура еще продолжались. Несмотря на отчаянное положение, гарнизон выполнял приказ фон Шлибена с большой стойкостью, которой мы от него не ожидали.

Мэнтон сообщил, что он направляет фон Шлибена в штаб армии для допроса.

— Нельзя ли заставить его предварительно отдать приказ о прекращении сопротивления в Шербуре? — спросил я. — Вы уже пытались это сделать? Он отказывается? Хорошо, тогда отправляйте его. Мы перешлем его прямо к Монти.

Генерал-майор Эверетт Хьюз, представитель верховного штаба экспедиционных сил

союзников при моем штабе, находился со мной в машине, когда я разговаривал с Эдди.

— Мы поймали в Шербуре большую птицу, — объяснил я, — но он не хочет отдать приказ о капитуляции своих войск. Хьюз нахмурился:

— Вы собираетесь пригласить его к обеду? Я внимательно посмотрел на него.

— Вы думаете, что нам следует пригласить его? — спросил я.

— К черту, конечно, нет, — воскликнул Хьюз.

— Если бы ублюдок капитулировал четыре дня назад, — сказал я, — я, может быть, пригласил бы его. Но с того времени мы потеряли много жизней. Я надеюсь, что они накормят его солдатской пищей и направят в Англию на пехотно-десантном судне через бурный Ла-Манш.

Позднее фон Шлибен пожаловался на «недостойное цивилизованных людей» обращение с захваченным в плен генералом такого высокого ранга. Он холодно посмотрел на завтрак, приготовленный для него из солдатского рациона, и выразил сильное недовольство начальнику разведывательного отдела за то, что в деревенском доме, где он помещен, не было душа. Чтобы как-то скрасить свое пребывание в плену и сохранить память о лучших днях, он захватил с собой меню обеда, состоявшегося в его честь в Шербуре менее чем месяц назад. В меню были омары и голландский сыр, паштет из гусиной печенки, запеченная рыба «блюфиш», зажаренная нога ягнjenка, персики и мороженое, изысканные вина, марочное шампанское и брэнди времен Наполеона.

— Хм, — громко фыркнул Диксон, — прочитав меню, — и сейчас он едет в Англию! Как раз в разгар сезона брюссельской капусты.

Фон Шлибен, однако, претерпел новые унижения, пока находился в наших руках. Машина с чемоданом генерала, шедшая из Шербура, столкнулась при следовании на командный пункт армии с грузовиком. Мундиры генерала оказались разбросанными на дороге, и, прежде чем подроспела военная полиция, жадные к сувенирам солдаты содрали с них галуны и знаки различия.

Стремясь вывести порт из строя, немцы уничтожили в Шербуре все портовые сооружения. Причалы, портовые краны, депо, мосты, электрогенераторы и трансформаторы были взорваны и сожжены. В самом порту было затоплено множество судов, и он был основательно заминирован. Однако инженерно-восстановительные подразделения вступили в порт по пятам пехоты, и через 21 день первые союзные корабли бросили якоря в гавани. К ноябрю Шербур пропускал 15 тыс. тонн грузов в день. Только за один ноябрь в Шербуре было разгружено 433 тыс. тонн грузов.

Когда пленные из Шербура заполнили наши поспешно расширенные лагеря, общее число взятых в план за первые три недели после вторжения достигло 38 тыс. человек. Молодые офицеры сохраняли высокомерие, но солдаты были ошеломлены и упали духом. Удары нашей авиации заставили их, как никогда, беспокоиться о безопасности своих семей, оставшихся в Германии. На наши вопросы о германских военно-воздушных силах они отвечали презрительным фырканьем. Если бы Геринг попал к ним в лагерь, мы бы избавились от хлопот, связанных с преданием его суду.

Для войск в Нормандии стратегическое значение Шербура скоро отступило на задний план в сравнении с огромной добычей, захваченной нами. Именно с момента захвата этого города слово «освободить» широко вошло к лексикон армии. Войска фон Шлибена, готовясь к продолжительной осаде, заботливо заполнили свои подземные склады большими запасами вин. И если приказы об уничтожении сооружений в порту выполнялись самым строжайшим образом, то сердца немецких солдат восставали против святотатства: уничтожить или вылить на землю прекрасные вина и брэнди. В результате нам достался не только трансатлантический порт, но и огромный подземный винный погреб.

Известия о доставшейся добыче распространились еще до завершения боев, и любители выпить уже ринулись наперегонки в пещеры с вином. Возникла проблема, к которой меня не готовили в Ливенуорте, и я обратился к Айку за советом. Он одобрил наше предложение по охране добычи и о справедливом распределении ее между дивизиями. Если бы мы пустили распределение вин на самотек, тогда все запасы захватили бы тыловые части, а дивизии, овладевшие складами, остались бы без вина. На этот раз, однако, полевые войска в знак благодарности Франции получили свою долю запасов вина. Мне Коллинс также прислал пол-ящика шампанского. Я сохранил шампанское и привез его после войны в Соединенные Штаты, чтобы отметить крестины моего внука.

17. Прорыв

К началу июля мы не только захватили порт, который должен был обеспечить нам возможность закрепиться на занятых позициях, но и за короткий срок сумели значительно увеличить численность наших войск на берегу. Войска выгружались непрерывно, и за какие-нибудь три недели одна только 1-я армия превратилась в более грозную силу, чем армии Паттона и Монтгомери, вместе взятые, в период сицилийской кампании. Кроме двух флажков, обозначавших воздушно-десантные дивизии, которые давно уже пора было сменить, на нашей оперативной карте появилось еще 11 голубых флажков, обозначавших американские дивизии. Две из них были бронетанковые, остальные девять — пехотные.

Наш 65-километровый фронт в американском секторе начинался с выступа в Комоне, где был стык войск Джероу с англичанами. У Сен-Ло линия фронта проходила севернее этого пункта, огибая его, шла через Карантанские болота, затем пересекала полуостров Котантен и выходила к западному побережью Ла-Манша (схемы 26, 27). Этот фронт был разделен на четыре корпусные полосы; Джероу занимал «спокойный» участок фронта слева, Корлетт — дугу перед Сен-Ло, Коллинс — восточную часть основания полуострова Котантен, перебросив туда свои войска из Шербур, Миддлтон — западную часть основания полуострова, выйдя к берегу в том месте, где Мэнтон Эдди ранее перерезал полуостров.

В английском секторе 65-километровый фронт Монти круто поворачивал от Комона к Байе, затем снова вдавался в оборону противника западнее Кана и, огибая с севера этот осажденный город, выходил к предмостному укреплению восточнее реки Орн.

На этом узком плацдарме Монти втиснул четыре корпуса в составе шестнадцати дивизий, в том числе пять бронетанковых. Накопление сил шло столь быстрыми темпами, что сосредоточенные в Нормандии англо-американские войска уже превосходили по численности войска союзников, сражавшиеся на итальянском фронте. За 25 дней после начала высадки мы перебросили на берег свыше миллиона союзных войск. Наши военно-морские силы перевезли более 560 тыс. тонн различных грузов — количество, достаточное для того, чтобы загрузить товарный состав длиной 300 километров.

Но даже этот все расширяющийся плацдарм был уже слишком мал для наших моторизованных армий. Участки, занятые 8-м корпусом Миддлтона и 7-м корпусом Коллинса, были наполовину затоплены разлившимися реками и заболочены. Вся местность была покрыта густой сетью живых изгородей. Только на английском фронте близ Кана эти заросли изгородей редели и переходили в открытые холмистые равнины. Но здесь на нашем пути стояли немецкие танки.

Как только нам удалось наладить бесперебойную доставку грузов через порт Шербур независимо от погоды, мы получили возможность перейти в наступление, которое следовало начать с прорыва немецкой обороны. Общий порядок этого наступления был предусмотрен планом операции «Оверлорд». Францию предполагалось освобождать по этапам, и теперь мы стояли на пороге первого из них — стремительного броска с травянистых пастбищ Нормандии к пологим берегам Сены.

Весь фронт союзников намечалось повернуть на восток, имея осью поворота Кан, осажденный Монтгомери. Темп движения войск союзников на восток должна была задать 1-я армия, наносящая удар со своих позиций в западной части нашего фронта. Нам предстояло совершить стремительный рывок с полуострова Котантен на юг и, пройдя Авранш, отрезать полуостров Бретань. Закрепившись в Бретани с ее глубоководными портами, американские войска должны были затем повернуть на восток и, оставляя справа от себя сухие песчаные

берега Луары, выйти на рубеж между Сеной и Орлеаном, южнее Парижа. Войска, занимавшие остальную часть фронта союзников, поворачивали свой фронт на восток по мере нашего наступления и двигались к Сене между Ла-Маншем и Парижем. Мы предполагали, что по выходе к Сене нам придется произвести перегруппировку войск и подвезти горючее и боеприпасы, а за это время противник успеет сосредоточить против нас на восточном берегу Сены все свои силы, находящиеся во Франции.

Эйзенхауэр, Монтгомери и я быстро договорились по поводу намеченного плана, ибо он больше всех других обеспечивал достижение наших двух первоначальных целей в битве за Францию.

Первая цель была ясна даже при беглом взгляде на карту. Наш фронт все еще был обращен на юг с того момента, как мы высадились. Его надо было повернуть на восток, заходя правым крылом и опираясь на позиции Монти, на побережье Ла-Манша.

Вторая цель возникала в значительной степени из деспотических ограничений в области снабжения, которые отбрасывали свою зловещую тень на любые тактические действия. Начальник отдела тыла не раз подчеркивал необходимость захвата портов Бретани, пока сентябрьские штормы не исключат возможность выгрузки грузов непосредственно на берег и мы не очутимся в полной зависимости от Шербура. В то время мы полагали, что пропускная способность Шербура позволит обеспечить не более четырнадцати дивизий.

Это наступление, в ходе которого линия фронта наших союзных войск должна была переместиться к Сене, в общих чертах было запланировано еще несколько месяцев тому назад в Англии, однако сейчас мы должны были уточнить наши планы и внести в них изменения, учитывая особенности нашего положения во Франции. Мы уже договорились, что основные силы наступающей группировки будут сосредоточены на американском участке. Но мы еще не пришли к соглашению относительно того, как лучше нанести удар.

С первых же дней планирования операции «Оверлорд» я был абсолютно убежден в том, что мы должны любой ценой избегать ловушек, которые могли бы задержать наше продвижение вперед и привели бы к стабилизации фронта, как это было в первую мировую войну. В Тунисе, где местность нам не благоприятствовала, мы все же сумели навязать противнику быстротечную маневренную кампанию. Я считал, что к подобной тактике можно прибегнуть и здесь и что в нашей власти совершить молниеносное продвижение по Франции. При той подвижности и огневой мощи, какие мы обеспечили и английским и американским дивизиям, мы могли без особого труда победить немцев на открытой местности в маневренной войне.

Но для того, чтобы использовать наше преимущество в подвижности, мы должны были пробить брешь в обороне противника, а не теснить его назад шаг за шагом. Только прорыв мог позволить нам вырваться в тыл противника и навязать ему маневренную войну, к которой мы были лучше подготовлены. Пока немцы приковывали нас к сети живых изгородей Нормандии, где мы не могли использовать наше превосходство в силах, нам дорого обошелся бы каждый жалкий метр земли.

Каким же образом можно было превратить затяжные бои среди живых изгородей в маневренную войну?

Прежде всего надо было нащупать слабое место в немецкой обороне и сосредоточить против него наши силы. Затем, прорвав оборону на этом участке мощным ударом, ввести в образовавшуюся брешь механизированные колонны, не давая противнику опомниться.

При выборе места прорыва мы должны были руководствоваться следующими соображениями:

1. Не наступать по Карантанским болотам, которые находятся в нижней части полуострова Котантен. Наши войска могли завязнуть в этих болотах, прежде чем им удалось бы пробить

брешь в обороне немцев.

2. Обходить опорные пункты противника, дабы не израсходовать преждевременно наступательный порыв в атаках, которые могут нам слишком дорого обойтись в начальный период прорыва.

3. Прорывать немецкий фронт на этом участке, где есть несколько дорог, идущих параллельно оси наступления, которые позволили бы нашим механизированным колоннам быстро выйти в тыл противника.

Мы уже давно пришли к выводу, что самое выгодное место для прорыва находится где-то на 25-километровом участке между Сен-Ло и Кутансом, но для сосредоточения войск на этом рубеже потребовались бы слишком большие усилия. За несколько недель до этого мы с сожалением признали, что упорное сопротивление немцев у Сен-Ло может заставить нас заплатить слишком дорого за попытку пробиться от Сен-Ло к Кутансу. В то же время, если бы мы решили пробиться с Котантенского перешейка вблизи Карантана, нам пришлось бы предварительно пересечь трудно проходимые болота. И хотя этот путь казался менее трудным, чем путь от Сен-Ло, можно было предвидеть, что и он обойдется нам очень дорого.

Третьим вариантом могло быть наступление прямо по дороге, проходящей по западному берегу полуострова Котантен от Ла-Э-дю-Пюи, через торфяные, поросшие вереском болота у Лессе, до Кутанса. Если бы нам удалось ворваться в Кутанс, двигаясь по этой дороге, противнику пришлось бы отойти, очистив остальную часть основания Котантенского полуострова, иначе он мог попасть в окружение в результате нашего охватывающего удара из Сен-Ло. Выйдя на дорогу Сен-Ло Кутанс, мы обеспечивали себе исходные позиции для общего наступления, которому должен был предшествовать прорыв немецкой обороны.

На третьем варианте мы и остановились. 24 июня я отдал Миддлтону приказ начать наступление вдоль дороги, проходящей по западному берегу. Коллинсу отводилась часть полосы 8-го корпуса, проходящей по Карантанским болотам; он должен был теснить противника с перешейка, пока Миддлтон будет продвигаться на Кутанс. Еще Шербур не был взят, а Коллинс уже получил приказ на новое наступление. На перегруппировку сил и подготовку к прорыву ему давалось всего пять дней, в том числе один день на отдых, два — на переброску и по одному дню на разведку и отдачу боевого приказа на наступление.

Это была очень трудная задача даже для «молниеносного Джо» Коллинса и еще более трудная для его войск. Но я не мог медлить и предоставить противнику возможность окопаться. Немцы уже выгадали от нехватки у нас боеприпасов, которая вынудила меня отложить ранее назначенное наступление Миддлтона. Каждое утро мы обнаруживали новые тревожные признаки усиления немецкой обороны. 82-я дивизия выявила многочисленные минные поля, а разведывательный дозор 90-й дивизии вернулся с вызвавшим тревогу трофеем — пленными из 2-й танковой дивизии СС.

27 июня я обсудил с Монти план наступления Миддлтона вдоль дороги на Кутанс. Этот план не явился для английского командующего неожиданным, так как мы еще раньше обсуждали с ним возможность такого наступления вместо наступления из района Сен-Ло. Через три дня Монти включил этот план в свою директиву по 21-й группе армий. В этой директиве он всесторонне изложил стратегический замысел операции «Оверлорд» в связи с продвижением к Сене, вновь подчеркивая, что главный удар наносит 1-я армия, в то время как армия Демпси будет сковывать бронетанковые силы противника у Кана.

Во время боевых действий на плацдарме 1-я армия США входила в состав 21-й группы армий и подчинялась Монтгомери как командующему группой армий. При этом он проявил здравый смысл, терпение и сдержанность — качества, необходимые для командующего союзными войсками. Монти увязывал наши передвижения с передвижениями войск Демпси и

тщательно избегал вмешательства в решения американского командования, предоставляя ему свободу действий. Он никогда не позволял себе совать нос в дела 1-й армии с тем снисходительным видом, который он напускал на себя всякий раз, когда находился в обществе подчиненных ему англичан. Я не мог бы желать для себя более терпеливого или рассудительного командующего. Не было случая, чтобы он отдал нам необдуманное распоряжение или отверг разработанный нами план.

3 июля в 5 час. 30 мин. утра 8-й корпус Миддлтона начал наступление вдоль западной прибрежной дороги. Мы надеялись, что этим наступлением обеспечим себе исходные позиции для прорыва. Но за шесть дней Миддлтон продвинулся на юг всего лишь на несколько километров, а войска Коллинса застряли в Карантанских болотах. Только 82-я воздушно-десантная дивизия Риджуэя выполнила свою задачу, но у нее был такой стимул, какого не было у других соединений. Выполнив задачу, войска Риджуэя должны были вернуться в Англию. Пехотинцы обычно не могут надеяться на такую награду. Они не могут рассчитывать на то, что, выполнив, 25 или 50 заданий, получают право вернуться на родину. Пехотинец, идет в бой, зная, что с каждым новым боем его шансы уцелеть уменьшаются. Он сражается, не надеясь ни на вознаграждение, ни на смену. За рекой его ждет новая высота, за высотой — другая река. Он находится в боях недели и месяцы, и только ранение может сохранить ему жизнь и обеспечить кров и постель. Его товарищи продолжают сражаться, зная, что с каждым днем у них остается меньше шансов остаться в живых. Если не придет победа, то рано или поздно эта игра со смертью должна кончиться носилками или могилой.

14 июля я приказал Миддлтону прекратить наступление на Кутанс. Преодолевая сильное сопротивление противника и минные поля, он за 12 дней продвинулся всего лишь на 11 километров. Хотя Коллинс продолжал наступать с боями через Карантанские болота, было очевидно, что линия Кутанс — Сен-Ло стала слишком дорогостоящей целью и не оправдала себя как исходная позиция для прорыва.

— Нужно, — говорил я, — для подготовки к прорыву остановиться где-то, не доходя до этой линии.

1 июля Эйзенхауэр переправился через Ла-Манш и был с нами с первого дня неудачного наступления Миддлтона по дороге на Кутанс. Хотя корреспонденты уже начали острить по поводу неоднократных неудач Монти под Каном, Эйзенхауэр не казался ни разочарованным, ни огорченным ходом нашего сражения за плацдарм. Когда командный пункт армии переместился вперед с фермы на побережье, расположившись во фруктовом саду в Коломбьере, в 25 километрах западнее Сен-Ло, мы с Эйзенхауэром поехали к Монти, чтобы обсудить дальнейшие планы.

Монти перебросил свой комфортабельный подвижный командный пункт в американский сектор; грузовики и прицепы были тщательно укрыты под маскировочными, сетями. В конце поля стояла просторная палатка, в которой размещались столовая и ординарцы. Монти жил в уютном прицепе, построенном в свое время для одного итальянского генерала и захваченном у Роммеля в Ливии. Недалеко в английском автофургоне, изготовленном по специальному заказу самого Монти, размещалась сложная полевая канцелярия. Здесь Монтгомери мог развесить свои карты на двух хорошо освещенных стенах, и никто не мешал ему спокойно размышлять в тишине и тепле.

В то время как я предпочитал жить, работать и питаться в полевых условиях, вместе со своим штабом, Монти искал уединения, размещаясь обособленно от командного пункта 21-й группы армий. При нем находились три адъютанта: американец, канадец — личный адъютант и англичанин — оперативный, для поручений. Отряд связи и охрана, разъезжавшая на американских джипах, окрашенных в темный цвет, дополняли состав этого маленького

передвижного лагеря. Было воскресное утро, когда мы прибыли на командный пункт Монтгомери. С высокой каменной колокольни, возвышавшейся над деревьями, доносились мерные удары колокола, а с юга, где находился участок Джероу, долетал грохот оружейной стрельбы.

На командный пункт Монти были доставлены два подбитых немецких танка. Один из них был приземистый 63-тонный «Тигр Е» марки «VI». Эти танки в горах Туниса оказались лучше вооруженными, чем наши танки «Шерман». Рядом с ним стоял 50-тонный танк «Пантера» марки «V» с клиновидной лобовой броней, от которой отскакивали снаряды наших противотанковых орудий. В массивной круглой башне «Тигра» была установлена длинноствольная 88-миллиметровая пушка. В передней части танка броня имела толщину 180 миллиметров. В Европе, как и два года тому назад в Африке, «Тигр» выходил победителем в единоборстве с любым танком союзников. К счастью для нас, у него был слабый мотор, мощностью всего лишь 650 л. с., и по этой причине танк часто выходил из строя. По-видимому, немцы больше потеряли танков «Тигр» из-за аварий мотора, чем от огня артиллерии союзников.

Более легкий танк «Пантера», или танк марки «V», имел соответствующий его весу мотор. Вместо грозной 88-миллиметровой пушки, установленной на «Тигре», он был вооружен длинноствольной 75-миллиметровой пушкой с большой начальной скоростью снаряда. При наличии такого орудия и конусообразного корпуса «Пантера» превосходила по тактико-техническим данным танки «Шерман».

Вначале танк «Шерман» был вооружен 75-миллиметровой пушкой, снаряд которой не пробивал толстую лобовую броню немецких танков. Наши «Шерманы» могли вывести танки противника из строя только прямым попаданием в боковую броню. Но очень часто американские танкисты жаловались, что каждый подбитый немецкий танк обходится в один или два наших танка вместе с их экипажами. Таким образом, мы могли разгромить танки противника только ценою потери большого количества своих танков, чего мы не могли себе позволить. Тогда артиллерийско-техническое управление заменило 75-миллиметровую пушку на наших танках новой 76-миллиметровой пушкой, имеющей большую начальную скорость снаряда. Но даже это новое орудие больше царапало, чем пробивало броню немецких танков.

Эйзенхауэр был возмущен, услышав об этих недостатках новой 76-миллиметровой пушки:

— Вы хотите сказать, что наша миллиметровка не сможет вывести «Пантеру» из строя. А я то думал, что она будет чудодейственным оружием в этой войне.

— О, она лучше 75-миллиметровки, — сказал я, — но заряд у нее слишком мал. Он не дает снаряду достаточного запаса живой силы, чтобы пробить немецкую броню.

Айк покачал головой и выругался:

— Почему я всегда последним узнаю о всякой чертовщине? Артиллеристы уверяли меня, что эта 76-миллиметровка справится с любым немецким танком. А теперь, черт побери, я вижу, что вы не в состоянии с ними справиться.

Только англичане нашли оружие, которое смогло пробить толстую лобовую броню «Пантеры», — это были их старые 17-фунтовые пушки, которыми они вооружили танки «Шерман», полученные по ленд-лизу. Я рассказал Айку, что командир одной американской дивизии видел эти пушки в действии, и предложил установить их в наших танках «Шерман». Но когда я попросил Монти выяснить, могут ли англичане вооружить 17-фунтовыми пушками хотя бы один танк «Шерман» в каждом американском танковом взводе, он ответил, что английское артиллерийско-техническое управление и без того перегружено английскими заказами. Тогда я предложил дать нам 17-фунтовые пушки на мехтяге, но и эти пушки также оказались дефицитными. Было совершенно ясно, что в поединке с «Пантерами» нам придется обходиться собственными силами.

К этому времени мы уже доставили на берег восемь дивизионов длинноствольных 90-миллиметровых зенитных пушек. Подобно 88-миллиметровым орудиям, 90-миллиметровые пушки представляли собой универсальные орудия, из которых можно было вести огонь не только по самолетам, но и стрелять прямой наводкой по наземным целям. Но, подобно 88-миллиметровым пушкам, 90-миллиметровые орудия также были громоздки и тяжелы. Их трудно было передвигать и устанавливать на огневых позициях. Тем не менее мы отдали приказ перебросить на фронт несколько дивизионов 90-миллиметровых пушек для создания второго рубежа противотанковой обороны в тылу наших «Шерманов». В дальнейшем на протяжении всей войны наше превосходство в танках было, в первую очередь, за счет их количества, а не качества.

В тот вечер Эйзенхауэр отдыхал, беседуя с нами за трофейной бутылкой хорошего вина. Мы натянули светомаскировочные шторы на окна палатки, в которой обедали. Засиделись допоздна.

За несколько дней до этого Айк рассказал нам, как он спросил у одного молодого солдата, чем тот занимался до армии. Юноша ответил, что он фермер из Канзаса, выращивал пшеницу.

— Сколько акров земли у вас? — спросил Айк, оживившись при упоминании его родного штата.

— Двенадцать тысяч, сэр.

— Двенадцать тысяч? — переспросил Айк. — А сколько же у вас под пшеницей?

— Девять тысяч, сэр,

— И какой урожай?

— Сорок один бушель с акра.

— Мистер, — сказал Айк (передавая нам эту историю, Айк ухмыльнулся), постарайтесь запомнить мое имя. Когда война закончится, я приеду к вам наниматься на работу.

— Когда я был ребенком, — сказал в заключение Айк, — иметь двести пятьдесят акров канзасской земли под пшеницей было самой большой мечтой для любого парня из Абилина. Да, сэр, это было для меня очень заманчиво, да и для вас, Брэд, я думаю это было бы неплохо.

— В Моберли я согласился бы и на сто шестьдесят акров, — ответил я.

Прежде чем покинуть нашу палатку-столовую и отправиться спать, Эйзенхауэр спросил меня, удалось ли нам очистить порт Шербур. Инженерные части под командой Ли приступили к работе в доках, а корабли тралили гавань, где противник установил контактные, магнитные и даже акустические мины. Между тем, пока Эдди не захватил западную оконечность Котантена, береговая артиллерия противника продолжала обстреливать наши минные тральщики.

— Когда вы перебросите обратно девятую дивизию? — спросил Айк, когда я упомянул об Эдди.

— Как только мы сможем снять их оттуда. Коллинс говорит, что они нашли городок, в котором уцелели целых четыре душа.

Когда мы шли по сырой траве к моему грузовику, вспышки зениток осветили небо над участком высадки «Омаха», в 8 километрах к северу от нас. Айк остановился посмотреть; над плацдармом раздавалось эхо орудийной стрельбы.

— Немного шумнее, чем в Лондоне, — сказал я. Он рассмеялся.

— Вы еще не знаете, что такое самолеты-снаряды.

* * *

Ежегодно в полдень 4 июля армия отмечает национальный праздник салютом из 48 орудий. Завтракая с Джероу за два дня до этого, я предложил соблюсти традицию и дать салют боевыми

снарядами по позициям противника.

— Только из сорока восьми орудий? — улыбнулся он.

— Нет, черт побери, нет, Джи. Мы выстрелим из всех наших орудий.

Эдди «Кэнон» («Пушка») — это прозвище наш артиллерист Гарт получил от Диксона — в этот вечер отдал по армии приказ произвести салют «ТОТ». Для артиллеристов термин «ТОТ» означает, что открытие огня должно быть произведено с таким расчетом, чтобы все снаряды разорвались над объектами противника ровно в 12.00.

Гарт дал указание своим артиллеристам выбрать в качестве целей наиболее важные объекты.

Ровно в полдень 4 июля на головы пораженных немцев, бросившихся в укрытия, с оглушительным грохотом обрушилось 1100 снарядов из 1100 орудий. Это был самый большой и самый полезный салют, когда-либо производившийся американской армией.

Сделав выстрел из 155-миллиметровой пушки, я возвратился на командный пункт армии и застал там Эйзенхауэра, примостившегося на заднем сиденье истребителя «Р-51». Эйзенхауэр собирался вместе с Квесада в полет над плацдармом. Оба они застенчиво улыбнулись, как школьники, пойманные с арбузами на чужом поле. Бреретон предупредил Квесада, что он принесет гораздо больше пользы, если будет находиться в штабе во Франции, чем в кабине истребителя. Эйзенхауэр также испугался, как бы корреспонденты не пронюхали о его полете.

— Генерал Маршалл, — признался он, — задал бы мне перцу,

Я не сомневался, что опасения Эйзенхауэра были основательны.

В то время как Коллинс поднимал флаг 7-го корпуса над Шербуром, Монтгомери бесплодно тратил свои силы в ожесточенной осаде старинного университетского города Кана. В течение трех недель он бросал свои войска на те танковые дивизии, которые он сам же умышленно привлек к Кану в соответствии с нашим стратегическим замыслом, требовавшим отвлечения сил противника. Кан был важным узлом дорог, который в дальнейшем мог потребоваться Монтгомери, однако в данный момент захват этого города имел лишь побочное значение. Основная задача Монти состояла в том, чтобы оттянуть германские войска к английскому фронту и облегчить захват нами Шербура и занятие исходных позиций для прорыва.

Выполняя эту задачу, Монтгомери добился большого успеха: чем более мощные удары наносили его войска на подступах к Кану, тем больше соединений бросало в этот сектор немецкое командование. Однако многие корреспонденты преувеличивали значение самого Кана, и когда Монти не смог взять город, они стали обвинять его в медлительности. Но если бы мы попытались реабилитировать Монтгомери, объяснив, насколько успешно обвел он немцев вокруг пальца, отвлекая их к Кану от полуострова Котантен, мы тем самым выдали бы наш замысел. Мы очень хотели заставить немцев поверить, что Кан действительно находится на направлении главного удара союзников.

Хотя отвлекающий маневр, предпринятый Монти, блестяще удался, сам Монти сделался объектом критики, так как он слишком подчеркивал значение своего удара по Кану. Если бы он просто ограничился сковыванием противника, не превращая Кан в символ, его хвалили бы за успех, а не обвиняли, как это произошло, за неудачу под Каном. Ведь успех Монти надо было оценивать по числу танковых дивизий, которые противник выставил против него, пока Коллинс продвигался к Шербуру. Однако читатели газет в союзных странах требовали города, называемого Каном, который Монти обещал взять, но не сумел выполнить своего обещания.

Сковывание сил противника, порученное Монти в соответствии с планом операции «Оверлорд», не было рассчитано на усиление национальной гордости англичан. Ведь люди в большинстве случаев измеряют успех сражения темпами продвижения вперед и размерами

занятой территории. Им было трудно понять, что чем большее количество немецких дивизий Монти оттягивал на себя, тем труднее было ему продвигаться вперед.

В течение еще четырех недель англичанам пришлось сковывать превосходящие силы противника в этом секторе, пока мы маневрировали, выходя на исходные позиции для прорыва. Несмотря на то, что общественное мнение в странах-союзниках в первую неделю после нашей высадки шумно требовало молниеносной войны, англичане выполняли свою пассивную роль стойко и терпеливо. Однако в конечном счете огорчения, которые они испытали под Каном, через несколько месяцев вызвали болезненную реакцию с их стороны на быстрое продвижение Паттона во Франции. Создавая возможность для нашего прорыва, англичане вынуждены были терпеть уколы критиков, которые стыдили их за неспособность продвигаться вперед так же стремительно, как американцы. Можно сказать, что острое соперничество, омрачившее в дальнейшем отношения между английским и американским командованиями, психологически было порождено этой пассивной миссией англичан на плацдарме.

К концу июня Роммель сосредоточил против Монти семь танковых дивизий. Для американского фронта он смог выделить лишь одну такую дивизию. Крайняя нервозность, которую противник проявлял в отношении английской угрозы Кану, частично объяснялась боязнью, как бы Монти не прорвался и после гигантского обходного маневра не соединился на Сене с новой группой союзных войск, которая высадится на побережье Па-де-Кале. Немцы предполагали, что именно для этой цели и предназначена армия Паттона, оставшаяся в Англии. Проводя в жизнь наш хитроумный план дезинформации противника, мы всячески старались поддерживать в нем эту уверенность.

* * *

Когда в конце июня Монти попытался облегчить наши действия под Кутансом, создав угрозу перехода в наступление, он обнаружил, что подразделения трех германских танковых дивизий сосредоточивались против выступа, образованного в линии союзного фронта между американским сектором и городом Кан. Три другие дивизии, по имеющимся сведениям, также двигались к линии фронта. Из этих шести дивизий пять были эсэсовскими, имеющими на вооружении современную технику, хотя и в недостаточном количестве. Поскольку в то время Монтгомери также начал наступление восточнее реки Орн, его стала беспокоить возможность контрудара противника. Он связался со мной и попросил выделить ему нашу 3-ю бронетанковую дивизию в качестве резерва.

Хотя я не оспаривал необходимость усилить Монти 3-й бронетанковой дивизией, однако сам нуждался в ней еще больше, ибо на весь мой растянутый фронт приходилось всего лишь две бронетанковые дивизии. Кроме того, я знал, что, когда опасность минует, нам трудно будет получить эту дивизию обратно. Однако еще больше, чем потери одной дивизии, я боялся, как бы удовлетворение просьбы Монти не привело к тому, что передача американских дивизий в распоряжение английского командования станет обычным явлением. Эта опасность была вполне реальной, так как людские ресурсы у Монтгомери уже почти истощились. К концу третьей недели нашего пребывания во Франции Англия послала на фронт почти три четверти всех войск, которые она могла выделить для действий в Европе.

В отличие от англичан, для нас, американцев, одиннадцать дивизий были лишь началом. 20 июня из Вашингтона прилетел офицер с планами военного министерства, согласно которым к февралю 1945 г. в Европу намечалось перебросить сорок шесть американских дивизий.

Хотя численность американских войск в конечном счете в три раза превысила численность

английских, мы не должны забывать, что вклад, внесенный Англией в операцию «Оверлорд», потребовал от нее предельного напряжения сил. Конечная победа стоила английскому народу больших жертв, мук и лишений, чем нам.

Занимая пост старейшины союзных командующих, Монтгомери завоевал огромный престиж. Поэтому и он сам и английский народ вполне логично рассчитывали, что в наступлении Эйзенхауэра 21-я группа армий займет ведущее положение. Но для того, чтобы оправдать эти большие надежды, нужно было усилить английские войска Монти значительным количеством американских войск. Английских соединений на европейском театре военных действий было недостаточно, чтобы использовать 21-ю группу армий на направлении главного удара.

Вспоминая трудности, с которыми сталкивался генерал Першинг в первую мировую войну, я решительно отвергал всякие предложения о передаче американских войск в распоряжение английского командования. Дело заключалось не только в том, что мы были достаточно компетентны и могли сами руководить боевыми действиями наших войск. Я не мог забыть пагубных последствий объединения частей различных национальностей в период тунисской кампании. Я решительно выступал против передачи американских корпусов и армий под командование английской армии или группы армий, но еще энергичнее возражал против более опасной практики передачи в подчинение англичан отдельных американских дивизий. Ведь если крупные соединения еще могли отстоять свою самостоятельность, то дивизии легко могли ее утратить. Поэтому, отправившись на командный пункт Монтгомери, чтобы обсудить вопрос о передаче 3-й бронетанковой дивизии, я уже принял твердое решение отказать ему. В случае необходимости я был готов апеллировать к Айку. Монти, однако, проявил благоразумие и не стал настаивать, и когда стало ясно, что с ним можно найти общий язык, я предложил компромиссное решение.

Джероу уже ожидал меня на командном пункте 5-го корпуса. Он знал, что Монти просил передать ему 3-ю бронетанковую дивизию и опасался, что уход этой дивизии поставит под угрозу его открытый левый фланг.

— Как дела, Брэд? — спросил Джи.

Я расстегнул каску, взял цветной карандаш и подошел к висевшей на стене оперативной карте.

— Может быть я не умею торговаться, Джи, но, во всяком случае, мне удалось договориться за полцены. Смотри сюда. — Я стер разграничительную линию 5-го корпуса и провел новую несколько левее, в английской полосе. — Вместо того, чтобы передать Монти 3-ю бронетанковую дивизию, я согласился взять часть его полосы. Он, со своей стороны, обещал прислать танковую бригаду для прикрытия вашего фланга от немецких танков.

Чтобы рассеять опасения Джероу за его открытый фланг, мы придали ему «резиновую дивизию». Эта дивизия представляла собой небольшой отряд, имевший резиновые надувные танки и средства связи, симулировавшие радиообмен в таком же объеме, как в обычной бронетанковой дивизии. Джероу впервые узнал о существовании резиновой дивизии от офицера связи, который явился в 5-й корпус и попросил Джероу указать, где расположить «бронетанковую дивизию».

— Этот молодчик, очевидно, подумал, что я сумасшедший, — рассказывал впоследствии Джероу. — Но я раньше никогда даже и не слышал о ваших дутых танках.

Спустя несколько дней Монти решил положить конец упорной борьбе под Каном и взять город, бросив против него все силы, он обратился к маршалу английской авиации Артуру Треверсу Гаррису с просьбой оказать тактическую поддержку с воздуха тяжелыми бомбардировщиками и расчистить путь для атаки танков. 7 июля незадолго до полуночи 460

ночных бомбардировщиков «Веллингтон» пересекли Ла-Манш, достигли французского берега и повернули в глубь страны; там они сбросили свои 225- и 450-килограммовые бомбы на указанный Монти участок шириной 3500 метров и 1500 метров глубиной. На рассвете следующего дня саперы, танкисты и пехотинцы Монти ворвались в оглушенный и изрытый воронками Кан. Свыше 14 тыс. зданий было повреждено и разрушено в ходе продолжавшихся целый месяц боев за этот старинный город. Десять веков назад в нем жил нормандский герцог, который вошел в историю после покорения Англии под именем Вильгельма Завоевателя. К 10 июля Монти сломил сопротивление противника. Ему понадобилось 33 дня на то, чтобы взять город, который он рассчитывал захватить в первый же день высадки десанта.

Занеся наступление на Кутанс в графу неудач, я начал искать на картах новый трамплин, с которого можно было бы совершить прорыв обороны противника. К этому времени я вынужден был признать что выход на дорогу Сен-Ло — Кутанс обошелся бы нам слишком дорого и поэтому решил остановиться на промежуточном рубеже, не доходя до этой дороги. Но какой бы рубеж мы ни выбрали, все равно исходное положение должно было находиться на сухом месте. А достигнуть сухого места мы могли лишь пробравшись через Карантанские болота, что было неизбежно связано с ведением ближних боев, характеризующихся медленным продвижением и тяжелыми потерями.

— Мне тошно становится при мысли, что нам придется пробиваться через эти болота, — сказал я Торсону, — но я не вижу другого выхода. А вы что думаете?

Длинное худое лицо Табби сморщилось.

— Чтобы заработать деньги, иногда приходится пойти на расходы. Мне самому не по душе медлительность, но мы должны захватить надежную опору, прежде чем начинать прорыв.

Я вернулся к себе, чтобы взглянуть на карты. Наш плацдарм все расширялся и выходил за пределы карты, развешанной в моем штабном автофургоне; нам пришлось добавить к ней еще несколько листов. Ежедневная карта обстановки занимала всю боковую стену, и негде было повесить другую карту, на которой можно было бы разрабатывать планы. Я дал указание Хансену поставить рядом с автофургоном палатку и в ней натянуть подробную карту плацдарма на самой большой доске, которую ему удастся разыскать.

На командном пункте не хватало палаток, и комендант нашего штаба поднял шум, когда Хансен отобрал у него палатку, в которой была столовая, для размещения большой доски с картой. От дождей почву развезло, и когда Хансен приказал настлать доски, комендант не выдержал:

— Вы балуете старика. Слыханное ли дело, чтобы в полевой палатке настилали деревянный пол?

Две ночи подряд я расхаживал по сухим доскам пола, нанося разграничительные линии, поднимая дороги и реки на большой 2,5-метровой карте плацдарма. Когда, наконец, по карте можно было определить мой замысел, я вызвал сперва Ходжеса, затем Кина, Херсона и Диксона, чтобы выслушать их соображения.

К 10 июля был, наконец, составлен план, который Торсон назвал «Кобра». Но плану суждено было стать известным как «Прорыв в Нормандии». Это было самое решающее сражение в войне, которую мы вели в Западной Европе.

Прорыв имел важнейшее значение, ибо он сразу же рассеял всякие сомнения в исходе войны. Пока противник сковывал нас на плацдарме, он все еще мог надеяться, что мы вступим с ним в переговоры и заключим мир. Но как только мы прорвались с плацдарма и стремительно двинулись через Францию к германской границе, последние надежды немцев на победу Германии или хотя бы на затяжную войну лопнули как мыльный пузырь.

От груды камней в том месте, где когда-то была старинная крепость Сен-Ло, идет прямая

как стрела дорога протяжением 30 километров. Она пересекает нормандские рощи, выходит к небольшому городку Перье и идет дальше к западному побережью Контантенского перешейка. Эта дорога из Сен-Ло в Перье и должна была заменить нам шоссе, идущее от Сен-Ло в Кутанс, в качестве исходной позиции для прорыва. С северной стороны этой дороги Карантанские болота сменяются сухой почвой, а южнее еще на 40 километров в сторону Бретани тянется постепенно редущая сеть живых изгородей. В нескольких километрах от Сен-Ло я начертил на дороге в Перье прямоугольник шириной 6 километров и глубиной 2,5 километра. Через этот прямоугольник на юг проходили две магистральные дороги, а также несколько проселочных дорог (схема 28).

По плану «Кобра» противника следовало прежде всего подавить массированными бомбардировками с воздуха на этой площади. Кстати, именно мысль о массированных бомбардировках и заставила меня обратить внимание на дорогу в Перье. Легко распознаваемая с воздуха, она длинной прямой линией отделяла наши позиции от немецких. Бомбардировщики, рассуждал я, могут лететь параллельно этой дороге без опасения, что они не опознают нашу линию фронта.

Согласно плану, после бомбардировки площади с воздуха мы прорывали оборону противника силами двух пехотных дивизий; одна из них расширяла участок прорыва в сторону правого фланга, другая — в сторону левого фланга, вплоть до реки Вир южнее Сен-Ло. Как только оба фланга прорыва будут обеспечены, в прорыв вводились моторизованная пехота и две бронетанковые дивизии. Моторизованная пехота двигалась к Кутансу, в 25 километрах к юго-западу, с задачей захватить в мешок остатки семи германских дивизий, сковывавших Миддлтона. Тем временем танки устремлялись к Авраншу, а оттуда на полуостров Бретань.

Для того чтобы приступить к операции «Кобра», мы должны были сначала вплотную подойти к дороге в Перье. Я сосредоточил корпус Коллинса на узком участке фронта и нацелил его на прямоугольник у Сен-Ло. Корлетту предстояло прорваться в Сен-Ло и захватить этот узел дорог для ввода в прорыв войск второго эшелона, а Миддлтон должен был в это время форсировать болота и быть готовым начать продвижение на Кутанс, как только мы прорвемся через прямоугольник, подвергнутый воздушной бомбардировке.

Командиром корпуса, действующего на главном направлении в операции «Кобра», я наметил самоуверенного и честолубивого Коллинса. Для осуществления прорыва обороны противника и прикрытия флангов я выделил в его распоряжение 9-ю и 30-ю пехотные дивизии. Затем, чтобы обеспечить стремительность наступления, я расположил во втором эшелоне за ними 1-ю дивизию. К этому времени 1-я дивизия уже больше месяца «отдыхала» на спокойном фронте под Комоном. Для нас не представлял проблемы вопрос о выборе бронетанковых дивизий для ввода их в прорыв, так как у нас всего было только две дивизии: 2-я дивизия, закаленная в боях, и 3-я. Все три дивизии предполагалось перебросить на исходные позиции перед самым началом наступления, да и то лишь ночью при соблюдении тщательной маскировки.

На совещании, состоявшемся за неделю до начала операции «Кобра», Эдди раздраженно заявил, что 9-й дивизии выделена слишком широкая полоса наступления. «Участок прорыва слишком велик даже для двух дивизий», жаловался он.

— Хорошо, в таком случае, как насчет еще одной дивизии? — спросил я, повернувшись к Коллинсу. — Вы можете получить 4-ю дивизию.

Эта дивизия только что была отведена с линии фронта на отдых.

Лицо Табби Торсона вытянулось, и я рассмеялся.

— Черт побери, я никогда не думал, что мы сможем с такой легкостью отдать дивизию, — сказал я.

— Слишком легко, — отпарировал он. — Теперь мы бросили в бой все, что у нас есть. В резерве не осталось ни одной дивизии, только норвежско-американский батальон — один батальон в резерве на всю проклятую 1-ю армию.

— В Тунисе у нас никогда не было столько войск, — успокоил я Торсона. Что вы еще хотите иметь? — спросил я, снова обращаясь к Коллинсу. — Вы получили теперь абсолютно все, кроме моего револьвера.

Коллинс протянул мне руку.

Пока Миддлтон пробивался с боями к Кутансу, 90-я дивизия снова проштрафилась, на этот раз под командой Лэндрама. Передо мной встала задача заменить Лэндрама другим человеком, который мог бы встряхнуть дивизию. С этой целью я принялся за изучение списка бригадных генералов.

Я остановился на фамилиях Реймонда Маклэйна и Теодора Рузвельта (младшего).

Рассматривая кандидатуру Рузвельта, я вспомнил, как мы с Эйзенхауэром еще в Сицилии решили, что, поскольку Тэдди пренебрегает дисциплиной, он, по-видимому, не сможет шагнуть дальше одной звезды.

— Солдаты боготворят Тэда, — объяснял я Айку, — но он слишком мягкосердечен, чтобы командовать дивизией, и мало чем отличается от своих ребят.

Но сейчас 90-й дивизии был нужен не строгий начальник для поддержания дисциплины, а живой и храбрый человек, который мог бы без посторонней помощи вести дивизию в бой и вселить в солдат уверенность. Если кто-либо удовлетворял этим требованиям, то это был именно Тэд Рузвельт. Если ему дать в помощники строгого и требовательного человека, рассуждал я, то через пару недель Тэд сможет повести 90-ю дивизию на бой с немцами.

13 июля почти в полночь я позвонил по телефону в верховный штаб экспедиционных сил союзников, намереваясь сообщить Айку о своей рекомендации. Однако Айк уже лег спать. Тогда я связался с Беделлом Смитом.

— Вы хотите дать 90-ю Тэду? — кричал он в телефон, не отличавшийся хорошей слышимостью. — Хорошо, Брэд, я утром поговорю об этом с Айком.

Направить в Вашингтон рекомендацию о назначении Тэда мог только Айк, как командующий театром военных действий.

Беделл позвонил мне на следующий день рано утром. Я еще не садился за завтрак.

— Вопрос относительно Рузвельта решен. Айк одобрил вашу рекомендацию. Кандидатура вполне подходящая.

— Слишком поздно, Беделл, — ответил я. — Тэд умер от разрыва сердца вчера в полночь.

Об этом мне сообщили по телефону из 4-й дивизии, куда он был прикомандирован. Сердечный приступ начался внезапно, и Тэд, чему было трудно поверить, умер спокойно в своей палатке. Уйдя из 1-й дивизии в Сицилии вместе с Терри Алленом, Рузвельт получил назначение к генералу Анри Жиро в тот момент, когда французы начинали вторжение на Корсику. Там в возрасте 56 лет он принял участие в третьей десантной операции.

В течение осени ему было не по себе среди штабных офицеров и он всем сердцем стремился вернуться обратно туда, где шла настоящая война. Наконец, окончательно истомившись, он написал мне в Англию, умоляя дать ему какую-нибудь работу, связанную со вторжением.

«Если потребуется, я поплыву через Ла-Манш с 105-миллиметровой гаубицей на спине, — писал он. — Все что угодно, только помогите мне выбраться из этой крысиной дыры».

4-я дивизия еще не была обстреляна, и трудно было предвидеть, как она будет вести себя в наступлении. Если бы Рузвельт находился в первой волне десанта, никто лучше его не возглавил бы штурм побережья. Тэд не ведал страха, он беззаботно прогуливался под огнем, добродушно

высмеивал солдат, бросавшихся в укрытия, и подгонял их вперед. Я написал Тэду, что могу предложить ему только одно: высадиться с первой волной десанта 4-й дивизии на участке «Юта» и показать необстрелянным солдатам, как следует вести себя под огнем.

— Вас, наверно, убьют во время высадки, — писал я ему.

Тэд не ответил на мое письмо. Он вырвался из госпиталя в Италии, где болел воспалением легких, и несколько дней спустя явился ко мне в Лондон, еще мучимый сильной лихорадкой.

Мало кто в такой степени, как Рузвельт, заслужил пост командира дивизии, но мы слишком долго медлили с его назначением. Он бросал вызов смерти с таким равнодушием, что, глядя на него, тысячи и тысячи молодых людей забывали о своем страхе. Я никогда не встречал более храброго человека и более преданного своему долгу солдата.

Пока мы отрабатывали последние детали плана операции «Кобра», к нам приехала делегация русских военных наблюдателей. Они снова приезжали во время прорыва и еще несколько раз осенью. В кителях, затянутых ремнем, в бриджах и русских сапогах, советские офицеры всюду совали свой нос, вдаваясь во все детали наших действий на плацдарме. Особенно они интересовались нашими методами снабжения; огромное количество грузовиков поразило их. Мы, со своей стороны, горячо приветствовали их и ничего от них не скрывали.

Сопровождавший их англичанин был менее экспансивен, чем мы. Старый работник английского посольства в Москве, он рассказывал о русских со сдержанной неприязнью.

— Когда мы шутя расспрашиваем этих парней о Красной Армии, — сообщил он по секрету Хансену, — они либо уклоняются от ответа, либо говорят неправду.

В то время мы думали, что английский бригадный генерал слишком строго судил о наших союзниках.

Русские оказались очень щепетильны в отношении рангов и приветствовали нас в строгом соответствии со своими званиями. Старший по чину молодой адмирал шел впереди двух генералов Красной Армии. Он был подтянут и подчеркнуто корректен, но лицо его было бесстрастным.

Во время своего первого визита советские представители попросили разрешения посетить лагерь немецких военнопленных. Когда они бродили по лагерю, один из советских офицеров остановился около высокого мускулистого немецкого капитана с нашивками парашютиста.

— Что, по вашему мнению, ждет Германию после того, как мы выиграем войну? — бегло спросил русский по-немецки. Парашютист вздрогнул, потом решительно выпрямился.

— Германия, — сказал он, — очевидно, будет раздроблена на мелкие части.

— Не Германия, — советский офицер медленно выговаривал слова, — не Германия, герр гауптман, а немцы.

К середине июля мы начали чувствовать усиливающееся нетерпение корреспондентов, которым казалось, что на плацдарме создан тупик. Наступление Миддлтона на Кутанс сначала пробудило их надежды, но затем вызвало еще большее разочарование. Те из них, кто ожидал, что взятие Кана послужит сигналом к прорыву союзных войск, возвратились разочарованные в свои унылые пресс-лагери, убедившись, что англичане больше не продвигаются. Уже несколько недель шли непрерывные дожди и плацдарм был окутан мрачным покровом серых туч, приковывавших авиацию к земле, в то время как противник беспрепятственно подтягивал подкрепления. Пока 19-й корпус Корлетта продирался сквозь заросли густого кустарника к Сен-Ло, а части Коллинса медленно ползли через Карантанские болота, корреспонденты все чаще начали задавать вопрос, научились ли союзники чему-нибудь с тех пор, как они вылезли из окопов во Франции 26 лет назад.

Эти унылые настроения были наиболее ярко выражены в одном газетном сообщении, появившемся за два дня до прорыва. Оно было написано очень известным корреспондентом,

который поддавался атмосфере уныния, царившей в пресс-лагерях. Корреспондент объяснял «застой» на плацдарме чрезмерной осторожностью.

«Критики стратегии генерала Бернарда Монтгомери, — писал он, — обвиняют его главным образом в том, что он старается действовать наверняка и тем самым превращает осторожность в порок. Армия Соединенных Штатов все время действовала так, чтобы это стоило ей как можно меньших потерь в людях. Подобная тактика оказалась заразной и повлияла на действия английского командования».

В тот момент мы могли лишь усмехаться и терпеливо сносить все уколы. План операции «Кобра» быстро приобретал конкретные очертания, но мы еще не отваживались сообщить о нем корреспондентам. Противник уже проявлял признаки беспокойства на карантанском фронте и к середине июля собрал против нас остатки своих двенадцати дивизий. Больше всего обеспокоила нас переброска двух немецких танковых дивизий из сектора Монти в наш сектор.

Мне больше, чем кому бы то ни было, надоело медленное продвижение, дюйм за дюймом, через кустарники Сен-Ло и болота Карантана. Меня бесила мысль, что пока мы пешие, увязая в болотах, продвигаемся к дороге в Перье, наша мощная техника стоит в бездействии под маскировочными сетями. Тем не менее, пока мы не дошли до намеченных исходных позиций, мы могли пробираться только ползком, мирясь с тяжелыми потерями.

Хотя мне было известно о все усиливающейся критике со стороны корреспондентов, я считал, что мы не должны ни перед кем оправдываться и доказывать, что у нас имеются успехи. В конце первой недели после высадки мы объединили плацдармы. В течение второй недели мы отрезали полуостров Котантен. На третью неделю мы захватили Шербур. В течение четвертой недели мы начали наступать с перешейка. А к концу пятой недели мы разработали план операции «Кобра» и подготовились к прорыву.

Всякий, кто был знаком с нашей тактикой во время средиземноморской кампании, не поверил бы, что мы ничему не научились и сознательно расходуем силы в боевых действиях, развивающихся черепашьями темпами. В Тунисе мы прорвали сильно укрепленные позиции, чтобы начать маневренную войну. Но там мы также сочли необходимым сперва захватить трамплин, используя для этого пехоту, а уж затем бросить в бой бронетанковые силы. Было безумием говорить о молниеносной войне, пока не очищены Карантанские болота, где в нашем распоряжении было всего лишь несколько дорог. Прежде всего мы должны были выйти на местность с твердым грунтом, где нашим танкам будет открыт путь в любом направлении.

Кроме тех критиков, которые обвиняли нас в трусости, были и такие, которые искали в нашей тактике признаки заговора против красных. Один английский журналист спрашивал, не является ли наше «отсиживание» частью плана, направленного на то, чтобы истощить силы русских, предоставив им одним воевать с рейхом. А один американский журналист говорил мне за неделю до прорыва, что если таковы наши намерения действительно, то мы потеряем право принимать участие в послевоенном устройстве мира. Я заверил его, что мы не вероломны, и посоветовал не торопиться с приговором.

— Подождите примерно недельку, прежде чем выносить окончательное суждение, — сказал я, жалея, что не имел возможности рассказать о плане «Кобра».

Обвинение в том, что мы тайно замысливаем что-то против Советов, было чепухой. Я знал о продвижении русских не больше, чем любой читатель, а по существу, и того меньше, так как редко читал газеты. Пока мы не подошли к Эльбе и перед нами не встала проблема встречи с Красной Армией, я воевал, оставаясь в полном неведении относительно советских намерений. Даже когда Красная Армия значительно продвинулась и находилась в 160 километрах от наших войск, причем разрыв между нами уменьшался с каждым днем, мы наносили положение советских войск на карту, основываясь лишь на сведениях, транслировавшихся Би-Би-Си. Это

был наш единственный канал связи с советским командованием. [36]

Пока Коллинс разрабатывал план действий войск в операции «Кобра», Квесадас со всем пылом молодого человека, стремящегося поскорее добраться до Парижа, решительно взялся за разработку плана воздушных операций. Он разместил командный пункт 9-го тактического авиационного командования на лугу, возле нашего командного пункта. Там, за живой изгородью, он поставил переоборудованную авторемонтную мастерскую, которая служила ему жильем.

Широкая открытая улыбка, лоснящиеся зеленые штаны и помятая, но лихо заломленная фуражка делали Квесада похожим на простого летчика, «рубашу-парня», однако на самом деле он был блестящим, требовательным и отважным командиром авиации поддержки сухопутных войск. Он пришел на войну молодым, полным инициативы человеком, не обремененным предрассудками и теориями по использованию тактической авиации, которыми были напичканы многие его начальники. Для Квесадас истребитель был еще мало известным оружием с огромными, неизведанными возможностями в деле поддержки наземных войск. Он считал своим долгом изучить эти возможности. В Англии Квесадас вначале производил эксперименты с увеличением бомбовой нагрузки своих истребителей, подвешивая под крылья и под фюзеляжем все более тяжелые бомбы и все в большем количестве. Он даже превратил эскадрилью скоростных «Спитфайров» в эскадрилью истребителей-бомбардировщиков. Когда англичане стали протестовать против такого отношения к истребителям, которые были их гордостью, невозмутимый Квесадас ответил:

— Но это уже не ваши самолеты, а мои. А я буду делать с ними все, что захочу.

Кульминационной точки эти эксперименты достигли в тот день, когда Квесадас подвесил под своими истребителями «Р-47» по паре 450-килограммовых бомб.

* * *

Прорвавшись через брешь в обороне противника, танковые и моторизованные колонны Коллинса должны были устремиться к Бретани, не обращая внимания на свои фланги и тыл. Каждую колонну с утра до вечера должны были прикрывать истребители-бомбардировщики, защищая войска от засад противника и помогая прорваться через опорные пункты. Таким образом, авиация вела разведку и атаковала все объекты, мешавшие продвижению колонн.

Для связи с самолетами командиру каждой колонны была придана специальная группа связи.

— Можете ли вы обеспечить нашим колоннам постоянную радиосвязь с авиацией? — спросил я Квесада.

— Конечно, можем, — усмехнулся тот, — но моим парням будет трудно действовать с вашими колоннами. Им придется передвигаться в открытых джипах, в то время как ваши находятся в танках.

— А почему бы не посадить ваши группы связи с авиацией в танки?

— Вы это серьезно говорите, генерал? — спросил он. — Ей-богу, это было бы здорово! Но нам придется проверить, могут ли наши радиостанции действовать, если их установить в танке.

— Прекрасно, Пет. К полудню я пошлю на ваш командный пункт парочку «Шерманов».

Квесадас уехал, а я дал указание начальнику артиллерийско-технической службы немедленно направить в распоряжение 9-го тактического авиационного командования два танка «Шерман».

Дежурный взглянул на запись, сделанную им во время телефонного разговора со мной. «9-е

тактическое авиационное командование? — подумал он. Не может быть, ведь это же авиация. Какого черта они будут делать с танками? Вот проклятый старик. Он, очевидно, имел в виду 9-ю пехотную дивизию Мэнтон Эдди».

Два танка «Шерман» прогромыхали на командный пункт Эдди. Дежурный офицер прогнал их обратно.

— Это не нам, — сказал он водителям. — Очевидно, произошла ошибка. Нам танки не нужны.

Мне позвонили из отдела артиллерийско-технической службы: — Мы по поводу этих танков, генерал.

— А, относительно двух танков для Пета Квесада? — спросил я. — Он уже получил их?

— Вы имеете в виду генерала Квесада? Квесада из 9-го тактического авиационного командования?

— Да, они должны отправиться на соседний командный пункт.

— Черт возьми, — пробормотал мой собеседник. В телефоне что-то щелкнуло, и я повесил трубку.

Когда, наконец, танки пришли на командный пункт Квесада, дежурный офицер штаба хотел немедленно отправить их обратно.

— Здесь авиация, — протестовал он. — Какого черта мы с ними будем делать?

Только поздно вечером танки были, наконец, вручены авиаторам и начались испытания. Радио работало хорошо, и Квесада имел теперь собственные бронетанковые силы.

* * *

Использование бомбардировочной авиации в операции «Кобра» для того, чтобы проделать проход для танков и пехоты, по существу, ничем не отличалось от обычной артиллерийской подготовки. Цель авиации и артиллерии состоит в том, чтобы проложить путь для наступления, уничтожить или деморализовать противника и вынудить его спрятаться в укрытия. Мы рассчитывали, что в результате воздушной бомбардировки противник на участке прорыва будет уничтожен или подавлен. Первоначально Гарт возражал против нашего предложения использовать стратегическую авиацию, предпочитая пробить брешь в обороне противника с помощью своих пушек. Если бы он располагал в десять раз большим количеством орудий для обеспечения прорыва, я, очевидно, встал бы на его сторону. Но Гарт не мог обеспечить желательные для меня темп и плотность огня — для этого у него не хватало ни орудий, ни боеприпасов. Усилив нашу артиллерию стратегической авиацией, мы могли нанести противнику сокрушительный удар и лишить его возможности подтянуть подкрепления.

Еще в 1939 г., когда некоторые из моих сослуживцев в армии питали иллюзии, считая, что средства обороны превосходят средства наступления, Беделл Смит и я утверждали, что германская авиация может проделать узкий проход в линии Мажино, подвергнув ее сильной бомбардировке. Однако справедливость этой теории была подтверждена только в 1943 г. в Северной Африке, когда генерал Андерсон, сосредоточив четыре дивизии на фронте, который обычно занимают две дивизии, прорвался к Тунису, поддержав действия войск тактической авиации, совершившей 2600 самолето-вылетов.

Стратегическая авиация впервые была использована в больших масштабах 15 марта 1944 г., когда Марк Кларк бросил для бомбардировки Монте-Кассино 503 тяжелых бомбардировщика. Но Кларк ставил себе целью захватить объект, а не проделать проход войскам бомбардировками с воздуха. Бомбардировка Монте-Кассино не сломила сопротивления противника. Более того, до

нас в Англию дошли слухи, что часть бомб была сброшена на позиции союзных войск, а подобные факты могли отбить охоту использовать стратегическую авиацию для ударов по тактическим объектам. Даже бомбометание по площадям у Шербура не было особенно эффективным, но там мы использовали для этой цели только средние бомбардировщики и истребители-бомбардировщики.

Наступление Монти на Кан самым убедительным образом показало нам, как можно применить стратегическую авиацию в тактическом наступлении. Но и Монтгомери испытал трудности. Тяжелые бомбы английских бомбардировщиков в такой степени разворотили местность, что танки Монти не могли пройти, пока бульдозеры не засыпали воронки.

В течение нескольких недель, предшествовавших разработке плана операции «Кобра», я стремился обнаружить сосредоточение войск противника, чтобы ударами стратегической авиации постараться уничтожить целую дивизию. Пока я занимался поисками такой цели, мне неожиданно пришла в голову мысль: почему бы не объединить эту задачу с прорывом, то есть сперва разгромить дивизию с воздуха, а затем прорвать фронт на этом участке?

К 18 июля разработка плана операции «Кобра» была закончена, и Монтгомери его одобрил. На следующий день я вылетел в штаб Ли-Маллори близ Лондона, чтобы согласовать план с командованием стратегической авиации. Хансен обратился в штаб 9-го тактического авиационного командования с просьбой одолжить самолет «С-47» для перелета через Ла-Манш, но получил отказ. Не желая прибегать к протекции Квесады, я сел в залатанный «С-78», который был выпрошен несколько недель назад в Англии адъютантом Корнти Ходжеса. Это был двухмоторный четырехместный самолет (не считая летчика) с фюзеляжем, обтянутым холстом, предназначенный для начального обучения экипажей многомоторных самолетов. Застегнув пряжки парашюта и надев спасательный пояс «Ма Уэст», я сел на место второго пилота. Хансен поместился на заднем сиденье, держа в руках два алюминиевых футляра, в которых находились наши планы и карты операции «Кобра». Третий футляр я зажал между коленями.

Мы взяли курс на Селби-Пойнт и через полчаса, обогнув сортировочную станцию в Харроу, сели на аэродроме Нортхолт. Меня встретили Бреретон и Конингем. Они иронически посмотрели на наш «С-78», когда он подруливал к ангару.

Несколько недель спустя Той Спаатс выделил мне новый «С-47» вместе с экипажем из состава командования транспортной авиации, находившегося в Англии. Этот самолет, названный «Мэри К» в честь моей жены, был в моем распоряжении на протяжении всей войны и даже в течение нескольких лет после ее окончания. Только в 1948 г. он был передан военному училищу в Вест-Пойнте. Летчик, майор Олвин Робинсон из Сан-Антонио, бывший помощник аптекаря во флоте и искусный радист, все еще служит у меня. Я никогда не летал с летчиком, суждению и мастерству которого я доверял бы в большей степени.

Командный пункт Ли-Маллори находился в Стенморе, в заброшенном большом особняке, выходившем фасадом в запущенный сад, за которым видны были шпили Харроу. Кроме Теддера и Спаатса, Ли-Маллори пригласил английских и американских командиров стратегической и тактической авиации. Среди офицеров в парадной авиационной форме странно выглядел одетый в штатский шерстяной костюм Солли Цуккерман, эксперт английской авиации по бомбометанию. С этим Цуккерманом Спаатс предыдущей весной крепко поспорил по вопросу о том, по каким стратегическим объектам следует в первую очередь наносить бомбовые удары. Цуккерман настаивал на том, чтобы подвергнуть бомбардировке главным образом железнодорожные коммуникации, в то время как Спаатс предлагал сначала вывести из строя нефтеперерабатывающие заводы, чтобы ограничить действия авиации противника и создать напряженное положение для маневра его наземных войск. Дальновидность Спаатса оправдала себя во время битвы в Арденнах, когда танки фон Рундштедта остановились из-за отсутствия

горючего.

По приглашению Ли-Маллори я быстро изложил план операции «Кобра», подчеркнув, что мы выбрали дорогу в Перье потому, что она может служить хорошим наземным ориентиром для тяжелых бомбардировщиков при подходе к цели. Если бомбовый удар будет нанесен утром, авиация сможет прилететь со стороны солнца и держать курс вдоль дороги на запад к Перье. Но если даже погода задержит вылет бомбардировщиков до второй половины дня, авиация без труда сможет изменить свой маршрут и лететь с запада со стороны солнца в направлении Сен-Ло. В том и другом случае дорога в Перье послужит бомбардировщикам надежным ориентиром, который помог бы самолетам избежать бомбардировки по ошибке американских войск, находящихся с северной стороны дороги. Чтобы исключить всякую случайность, войска Коллинса отводились на 1500 метров к северу от дороги на Перье. Мэнтон Эдди вначале протестовал против этого приказа. Ему не по душе была мысль о том, что придется отдать полоску земли шириной в полтора километра, за которую он так отчаянно сражался и за которую, может быть, снова придется драться. Но я не хотел подвергать наши войска риску, допустив бомбардировку своей авиацией целей в непосредственной близости от наших линий

Кроме того, я с самого начала настаивал на том, чтобы авиация ограничивалась сбрасыванием 45-килограммовых осколочных бомб. Эти небольшие бомбы обеспечивали не только большую плотность поражения, но и не делали слишком глубоких воронок, затруднявших продвижение Монти к Кану. Это ограничение автоматически исключало использование английской авиации в операции «Кобра» — отсеки в фюзеляжах английских самолетов не были приспособлены для таких небольших бомб.

Командование авиации отнеслось к операции «Кобра», пожалуй, с еще большим энтузиазмом, чем наши наземные войска. Для него бомбардировка позиций противника под Сен-Ло была исключительно удобным случаем проверить возможность подавления обороны с воздуха. Ли-Маллори предложил выделить столько бомбардировщиков, сколько союзники еще никогда до этого не поднимали одновременно в воздух. Узнав о моем нежелании привлекать к участию в операции английские военно-воздушные силы, он был очень разочарован, хотя и соглашался со мной, что чрезмерно большое количество воронок создало бы серьезные затруднения для действия наших наземных войск.

В полдень, когда мы на самолете Бреретона «С-47» вылетели из Нортхолта во Францию, я заручился обязательством авиации провести значительно более мощный налет; чем я мог надеяться раньше.

Коллинс, узнав от меня о полученном обещании, скептически отнесся к моим словам. Позднее он признался, что подумал, не преувеличил ли я все это. Ведь нас должны были поддержать 1500 тяжелых и 396 средних бомбардировщиков и еще 350 истребителей-бомбардировщиков, всего 2246 самолетов на 13 квадратных километров нормандских кустарников.

Каждый из 1500 самолетов «Либерейтор» и «Летающая крепость» брал сорок 45-Килограммовых бомб, то есть всех бомб было достаточно для того, чтобы усеять бомбардируемую площадь 60 тыс. воронок. Операцию «Кобра» мы планировали начать 20-минутным налетом 350 истребителей-бомбардировщиков на узкую полосу фронта вдоль дороги на Перье. Следом за ними должны были появиться тяжелые бомбардировщики на высоте 2500 метров и в течение часа обрабатывать позиции противника. Когда последняя группа тяжелых бомбардировщиков сбросит свой груз, три ударные дивизии Коллинса устремятся вперед при поддержке тысячи с лишним орудий. Пока Коллинс будет продвигаться к дороге на Перье, 350 истребителей-бомбардировщиков вновь пробомбят узкую полосу на северной кромке прямоугольника. Как только истребители отбомбятся, появятся средние бомбардировщики и в

течение 45 минут будут обрабатывать южную кромку прямоугольника.

Пока офицеры авиационных штабов в Англии производили при помощи счетных линеек скрупулезный расчет времени сбрасывания бомб эшелонами бомбардировщиков, сержант-танкист сделал из металлического лома, подобранного в одном из немецких дорожных заграждений, приспособление, которое, наконец, должно было обеспечить нашим танкам превосходство при действиях среди живых изгородей и кустов.

Изобретение было сделано чрезвычайно своевременно. Живые изгороди, мешавшие действиям наших танков в Нормандии, тянулись не только через полосу прорыва, но и дальше, вдоль всего пути, по которому должны были двигаться наши войска. Для успеха операции «Кобра» важно было, чтобы наши бронетанковые силы могли свободно прорваться в тыл противника, не снижая темпов продвижения при преодолении кустарников. Предыдущие попытки преодолеть нормандские изгороди окончились неудачей. Наши танки «Шерман» не прорывались сквозь изгороди, а переползали через них, подставляя под огонь противника незащищенные броней днища, беспомощно задрав пушки кверху.

* * *

Однажды утром, менее чем за неделю до операции, Джероу позвонил и спросил меня, не могу ли я приехать к нему во 2-ю дивизию.

— Возьмите с собой вашего начальника артиллерийско-технической службы, сказал он, — мы вам такое покажем, что у вас глаза на лоб полезут.

Я нашел Джероу и несколько офицеров его штаба у легкого танка, к которому был приварен поперечный брус. Из бруса выдавались вперед четыре зубца, похожие на клыки. Танк попятился назад, затем ринулся вперед к живой изгороди со скоростью 16 километров в час. Его клыки вонзились в стену, не давая танку вздыбиться кверху, и танк прорвался через изгородь в облаке пыли и грязи. «Шерман», имеющий такое же приспособление, повторил эту операцию. Он также врезался в изгородь и, вместо того чтобы задрать носовую часть кверху, прорвался вперед. До нелепости оказалось простым то, перед чем армия вставала в тупик в течение пяти с лишним недель. Автором изобретения был 29-летний сержант Кэртис Калин-младший, из Нью-Йорка.

Медарис поспешил на командный пункт и приказал всем артиллерийско-техническим подразделениям армии круглые сутки заниматься производством новых противоигородных приспособлений. Материалом послужили подводные заграждения, поставленные Роммелем у побережья. Через несколько часов Медарис вылетел в Англию, чтобы использовать имевшиеся там мастерские. В 18 часов было обнаружено, что у нас не хватает сварочного оборудования, и через 2 часа в Англию уже летел самолет. На следующее утро, когда вернулся самолет, грузовики уже ожидали его на аэродроме. Через неделю на трех из каждых пяти танков, выделенных для участия в прорыве, были смонтированы противоигородные приспособления. За свое изобретение Калин был награжден командиром корпуса орденом «Почетного легиона». Четыре месяца спустя он потерял в Гюртгенском лесу ногу и отправился домой в Нью-Йорк.

Начало операции «Кобра» было намечено на 21 июля. Однако за день до этого небо над плацдармом затянуло тучами — ожидалась дождливая погода. Но Эйзенхауэр так горел желанием приступить к осуществлению наших планов, что, несмотря на плохую погоду, отправился к нам на бомбардировщике «В-25». Это был единственный самолет, который мы видели в тот день в воздухе.

— Вы сломаете себе шею, если будете летать на «В-25» в такую погоду, сказал я ему.

Айк стряхнул пепел с сигареты, усталая улыбка скользнула по его лицу.

— Это одна из привилегий, которые дает мне моя должность, — сказал он. Никто здесь не может запретить мне это.

Вернувшись позже на аэродром, Аик с тоской посмотрел на хмурое небо.

— Когда я умру, — сказал он Хансену, — не хороните меня, пока не пойдет проливной дождь. Эта проклятая погода доведет меня до смерти.

Вечером мне позвонили из штаба военно-воздушных экспедиционных сил союзников в Англии и сообщили, что операция «Кобра», назначенная на 21 июля, должна быть отложена до более благоприятной погоды.

Тем временем противник стал проявлять повышенный интерес к участку, на котором мы наметили совершить прорыв. Две немецкие танковые дивизии были переброшены с фронта Монти под Каном в американский сектор. В результате количество немецких войск, находившихся против нас, увеличилось до девяти дивизий. Номера дивизий теперь почти ничего не значили, так как это были импровизированные соединения, сколоченные наспех из всяких остатков.

Пять танковых дивизий оставались на фронте против Монти, и мы надеялись, что ему удастся удержать их там до начала наступления. Однако по мере подхода свежих частей противник старался вывести танки в резерв и заменить их пехотой. Несмотря на налеты авиации союзников и острую нехватку транспортных средств, немцы проявили способность поразительно быстро восстанавливать свои силы. Они увеличили количество дивизий, находившихся на западе в день высадки союзников, с 58 до 65. Но даже это наращивание сил не могло скрыть того факта, что положение противника становилось все серьезнее. Хотя Роммель все еще говорил о ликвидации плацдарма союзников, было совершенно ясно, что его слова предназначались в первую очередь для поднятия боевого духа немцев. Фон Рундштедт уже был сделан козлом отпущения и отстранен от поста главнокомандующего на западе за то, что не смог предотвратить вторжения. Вместо него был назначен седовласый прусский юнкер фельдмаршал Гюнтер фон Клюге. Едва фон Клюге занял этот пост, как операция «Кобра» подорвала его репутацию. Фон Рундштедту удалось второй раз избежать поражения лишь потому, что он был вовремя отстранен от должности; первый раз это ему удалось под Москвой в 1941 г.

Хотя 7 — я армия противника пыталась, несмотря на тяжелые бои и большие потери, в течение июля и августа сковать нас на плацдарме, германское верховное командование не принимало мер к усилению ее войсками из района Па-де-Кале. Там, пока шли решающие бои на плацдарме в течение семи недель, 15-я армия немцев ожидала вторжения, которое так и не последовало. Она все еще была убеждена в том, что главный удар нанесут союзные войска во главе с Паттоном через узкую часть пролива Па-де-Кале. Таким образом, в то время, когда фон Клюге терпел поражение за поражением в битве за Францию, в 150 километрах от него противник держал в бездействии девятнадцать дивизий, играя нам прямо на руку, поддавшись на крупнейший в истории этой войны обман.

Противник был разгромлен во Франции не только благодаря действиям авиации и большой подвижности войск союзников. Нельзя было одержать столь решительную победу, если бы германский генеральный штаб не законсервировал свою 15-ю армию, совершив, таким образом, крупную военную ошибку.

Во время решающей борьбы за наращивание сил в первые две недели вторжения в Нормандию мы больше всего рассчитывали, во-первых, на авиацию, которая должна была закрыть все подступы к плацдарму и задержать переброску вражеских подкреплений, во-вторых, на отвлекающие действия с целью сковать противника в районе Па-де-Кале, пока мы будем громить по частям его войска в Нормандии. Наш план дезинформации был рассчитан на обман

противника в больших масштабах. План был основан на искусном обмане известных нам вражеских агентов, на фальшивых радиосообщениях и создании ложного флота вторжения. Цель его состояла в том, чтобы ввести противника в заблуждение и заставить поверить, будто мы сосредоточили целую группу армий на восточном побережье Англии для главного удара против Па-де-Кале. Ложным штабом этой фиктивной группировки должен был стать штаб 1-й американской группы армий. Паттон, прибытие которого в Англию было предано широкой гласности, изображался как командующий армией «вторжения», входящей в эту группу армий.

Пока английская разведка снабжала немецких агентов в Англии вымышленными данными относительно фиктивного вторжения, мы создали специальную радиосеть, чтобы имитировать лихорадочную деятельность группы армий, якобы готовящейся к штурму через пролив Па-де-Кале. В устье Темзы и вдоль восточного побережья Англии инженеры построили макеты судов, единственная роль которых состояла в том, чтобы получались отчетливые изображения на аэрофотоснимках авиации противника. В период бомбардировок побережья Франции перед вторжением авиация подавляла оборону противника в районе Па-де-Кале с такой же силой, как и на побережье Нормандии.

Разрабатывая план дезинформации при подготовке операции «Оверлорд», мы надеялись лишь на некоторую отсрочку, на неделю или самое большее на две, пока нам не удастся сосредоточить на плацдарме достаточное количество дивизий, чтобы закрепиться на побережье Нормандии. Мы полагали, что противник быстро раскроет наш обман, как только выявит численность войск, высадившихся в Нормандии. Но он настолько поверил в наши намерения, что к концу июня все еще держал свои войска в районе Па-де-Кале, будучи уверенным, что перехитрил нас. Когда мы расширили плацдарм в Нормандии, немцы перебросили туда из Бретани почти все свои войска, кроме гарнизонных. Они подчистили все, что оставалось в Южной Франции, несмотря на усиливающуюся угрозу проведения операции «Энвил». Чтобы изыскать резервы, противник пошел на значительное сокращение гарнизонов в Норвегии и Дании. И, несмотря на эти усилия, 19 дивизий, находившихся на обрывистых берегах Па-де-Кале, продолжали бездействовать.

Когда в июле мы решили перебросить штаб 1-й группы армий на фронт во Францию, нам пришлось изменить номер этой группы, чтобы не дать противнику возможность раскрыть наш обман.

В результате 1-я группа армий превратилась в 12-ю, и когда штаб 12-й группы армий отбыл во Францию, фиктивная 1-я группа армий осталась в Англии в соответствии с нашим планом дезинформации.

Во главе этой фиктивной группы армий нам нужно было поставить реального командующего, чтобы придать больше правдоподобия нашему обману. Военное министерство прислало нам генерала Макнейра в роли наблюдателя и фиктивного командующего. К этому времени Макнейр почти закончил выполнение своей задачи в США по укомплектованию и подготовке полевой армии.

Даже теперь я не могу понять, почему противник в течение столь долгого времени верил в этот явный обман. Ведь после того, как мы высадились в Нормандии, только дурак мог считать нас способными предпринять такие же гигантские усилия еще в каком-то другом месте. Я могу объяснить это только тем, что противник считал нас гораздо более сильными, чем мы были на самом деле.

Вечером 20 июля, после обеда, я поехал по Коломбьерской дороге к сельскому домику, где штаб 1-й армии разместил своих корреспондентов. Отдел печати и психологической войны штаба просил меня изложить в общих чертах план предстоящего наступления. Проторчав две томительно скучные недели в Карантанских болотах, корреспонденты немного оживились 18

июля, когда Кор-летт, наконец, преодолел последние несколько километров и захватил груды развалин — все, что осталось от города Сен-Ло. Корреспонденты внимательно выслушали наш план, изложенный в общих чертах, вытягивая шеи, когда я показывал им участок прорыва, и качая головами, когда я рассказывал о том, какие силы авиации нам выделены. В конце нашей беседы один из корреспондентов спросил, предупредили ли мы французов, живущих в пределах участка прорыва, о предстоящей бомбардировке. Я покачал головой, как бы для того, чтобы избежать необходимости сказать «нет». Любой наш намек французам послужил бы предостережением для немцев. Противник мог отвести войска, и пока мы вели бы бомбардировку по пустому месту, он собрал бы резервы для контратаки. Успех операции «Кобра» зависел от внезапности действий. Внезапность была совершенно необходимым условием, даже если бы она привела к массовому истреблению невинных людей.

Другой корреспондент с добродушным видом показал на Кутанс, расположенный в 25 километрах юго-западнее Сен-Ло.

— Как скоро вы рассчитываете добраться туда на этот раз? — спросил он

Я не ожидал вопроса о наступлении, которое вел Миддлтон, и решил рубануть сплеча:

— Думаю, что за сорок восемь часов.

Сильно удивленный корреспондент поднял глаза от своего блокнота: двадцать шесть километров за двое суток?

Я кивнул головой, хотя и с чувством некоторого беспокойства, вспоминая, что за последние две недели мы редко продвигались более 500 метров в сутки.

Через неделю мне сказали, что я ошибся в своем предположении на 7 часов во времени и на 3500 метров в расстоянии. Проснувшись в воскресенье 23 июля, мы снова увидели, как и прошлые три дня, серое, затянутое облаками небо. К этому времени я стал раздражительным. Я опасался, что сведения о готовившейся операции проникнут в печать или немецкое командование начнет что-то подозревать.

— Проклятие, — позвонил я Кину, — я предам капеллана военному трибуналу, если погода не изменится.

Не знаю, что помогло — воскресный ли день или мой ультиматум, но поздно вечером из Стенмора мне сообщили по радио, что к полудню завтра ожидается хорошая погода. Коллинс приказал своим дивизиям приготовиться, и незаметная дрожь пробежала по всему фронту американских войск.

Несмотря на предсказание хорошей погоды на понедельник, утро было сырое и тучи покрывали небо. Вместе с Квесада и Торсоном я отправился на джипе к Коллинсу для последней проверки. Я намеревался остаться с ним на время бомбардировки и в первые решающие часы наступления.

К 11 час. 30 мин. большие облака все еще закрывали нашу цель. Тяжелые бомбардировщики поднялись в воздух, но в 11 час. 40 мин. то есть за 20 минут до начала бомбардировки, по радио им было передано приказание вернуться на аэродром. Атака откладывалась еще на 24 часа.

Лишь возвратившись на командный пункт армии, я узнал, что группа тяжелых бомбардировщиков пересекла побережье и сбросила бомбы на цель сквозь облака. Однако получился недолет. Бомбы упали на позиции 30-й дивизии, на расстоянии более полутора километров от рубежа бомбометания.

— Недолет? — закричал я. — Но как это могло случиться? Ведь бомбардировщики должны были лететь вдоль дороги на Перье параллельно нашей линии фронта.

— Они летели не этим путем, сэр, — ответил начальник оперативного отдела штаба, — они подходили к цели под прямым углом к линии фронта.

Ли-Маллори явился на командный пункт через несколько минут. Хотя еще не было

известно число жертв, он, так же как и я, был страшно огорчен этой ошибочной бомбардировкой.

— Но больше всего меня беспокоит то, — сказал я ему, — что тяжелые бомбардировщики пролетели над нашими головами, вместо того чтобы лететь параллельно дороге на Перье. Я уехал из Стенмора после того, как было ясно договорено, что они будут лететь параллельно этой дороге.

Ли-Маллори не мог подтвердить факт такой договоренности, так как он был вызван с совещания в Стенморе до того, как оно окончилось.

— Если они будут лететь перпендикулярно дороге, — сказал я, — то мы идем на чертовский риск, гораздо больший, чем я мог себе позволить, поскольку мои войска находятся на расстоянии всего лишь полутора километров от цели.

Ли-Маллори обещал немедленно уточнить у командования 8-й воздушной армии курс самолетов.

Он позвонил только в 11 час. 30 мин. вечера. Я в ожидании его звонка сидел в тесной кабине затемненного автофургона, не сводя глаз с часов, висевших над моей койкой.

— Я все выяснил в штабе 8-й, — сказал маршал авиации, — они заявляют, что курс, по которому летели сегодня бомбардировщики, не был случайным. Они планируют выход на цель перпендикулярно нашим позициям над головами наших войск.

— Почему? — спросил я. — Ведь они твердо обещали нам, что будут лететь параллельно дороге на Перье. Когда мы выбрали для прорыва именно это место, то, кроме прочих соображений, учитывали также и эту дорогу.

— Оперативный отдел сообщил, — ответил Ли-Маллори, — что для пропуска тысячи пятисот тяжелых бомбардировщиков по узкому коридору, идущему параллельно дороге на Перье, потребуется более двух с половиной часов.

— Если вы будете настаивать на подходе к цели вдоль дороги на Перье, добавил он, — то они, по их словам, не смогут нанести удар завтра.

Оставалось всего несколько часов до того момента, когда экипажи бомбардировщиков должны были получить инструкцию для вылета ранним утром.

Я был поражен и рассержен ответом командования авиации, ибо расценивал его как серьезное нарушение обещаний, данных мне при составлении плана операции. Пять дней назад я покинул Стенмор в полной уверенности, что самолеты полетят курсом вдоль дороги на Перье. Если бы я знал заранее о намерении командования авиации направить самолеты к цели перпендикулярно нашим позициям, то никогда на это не согласился бы. Я не хотел рисковать корпусом, так как при сбрасывании 60 тыс. бомб с высоты 2500 метров решают доли секунды.

Как бы я ни был раздражен тем, что планирующие органы ВВС обманули меня, у меня не было другого выхода, как только согласиться с ними или перенести атаку на неопределенный срок. Но мы уже приняли решение и не могли больше оттягивать операцию, не выдав противнику наши намерения.

— Должен ли я передать им, чтобы они начали действовать утром? — спросил Ли-Маллори.

— У нас нет иного выхода, — ответил я. — Боши закрепятся на нашем фронте, если мы будем медлить. Но мы идем на ужасный риск. Еще одно неточное сбрасывание бомб может все погубить.

Я задумался на мгновение.

— Хорошо, пусть будет так. Мы будем готовы к переходу в наступление завтра утром.

Когда я рассказал Квесада об изменении плана действий авиации, он был поражен не меньше меня. А когда поступили первые сообщения о приближении самолетов

перпендикулярным курсом к нашим позициям, он отказался поверить им. Но после того, как несколько свидетелей подтвердили правильность этих сообщений, Квесада по радио запросил у Бреретона объяснений.

Бреретон и не подумал оправдываться. — Да, таков был план, — заявил он, и — Брэдли знает об этом.

Бреретон, очевидно, был введен в заблуждение своим штабом. Мне ничего не было известно об этом изменении, пока Ли-Маллори не позвонил через одиннадцать часов после первой бомбардировки. Если бы я знал, я отвел бы свои войска еще дальше в тыл.

В течение всего утра 25 июля воздух дрожал от гула тяжелых бомбардировщиков, пока я волновался у телефона на командном пункте Коллинса. Эйзенхауэр снова перелетел через Ла-Манш, — он хотел быть с нами в момент прорыва. После трех дней отсрочки и неудачной бомбардировки накануне наши нервы были напряжены до предела.

Едва затих грохот разрывов, как начали поступать сообщения о потерях. Торсон протянул мне телетайпные донесения.

— Они снова ошиблись, — сказал он.

— О боже! — вскричал я. — Неужели еще один недолет?

Он кивнул головой и стал тщательно изучать сообщения, которые все еще держал в руке. Авиация нанесла серьезные потери 9-й и 30-й дивизиям. Обе дивизии понесли большой урон, и, когда бомбардировщики удалились, в образовавшиеся бреши были спешно брошены резервы.

Позднее в тот же день Коллинс по телефону сообщил мне, что во время бомбардировки был убит Макнейр. Макнейру не везло: в Тунисе он был серьезно ранен во время инспектирования войск, а здесь, приехав в наступавший в первом эшелоне батальон для проверки подготовки, был убит в результате прямого попадания бомбы в окоп.

Боясь, что известие о смерти Макнейра может помешать осуществлению нашего плана приковать внимание противника к Па-де-Кале, мы тайно похоронили Макнейра через два дня, на похоронах присутствовали лишь старшие офицеры. Цензуре было дано распоряжение не пропускать сообщений о его смерти до тех пор, пока не будет найден преемник, который займет место Макнейра в качестве «командующего» несуществующей группой армий.

Вечером, когда Эйзенхауэр вылетел в Англию, исход операции «Кобра» был еще не ясен. Несколько сот американских солдат было убито и ранено в результате воздушной бомбардировки своей авиацией. Бомбардировки мешали наступлению Коллинса, и не было почти никакого основания думать, что мы на пороге успеха. Скорее создавалось впечатление, что операция провалилась.

Два дня спустя на пресс-конференции Бреретон вынужден был заявить, что недостаточные темпы операции «Кобра» вначале объяснялись медленным продвижением наших наземных войск. Однако он не счел нужным добавить, что задержка была вызвана необходимостью убрать убитых и раненых американцев, которыми союзная авиация усеяла наш путь.

Как я ни был обеспокоен, но Айк находился в еще более удрученном состоянии. В этот вечер на аэродроме Эйзенхауэр заявил своему спутнику капитану Джозефу Райяну из Нью-Йорка, неутомимому помощнику Кина, что он никогда больше не будет использовать тяжелые бомбардировщики против тактических объектов.

— Я не думаю, что их можно применять для поддержки наземных войск, объяснил он. — Это задача артиллерии. На сей раз я дал разрешение, но обещаю вам, что это в последний раз.

Однако зимой мы снова потребовали этой поддержки. Ибо хотя вечером 25 июля нам и могло показаться, что операция «Кобра» закончится неудачей, тем не менее противнику был нанесен более сокрушительный удар, чем мы могли надеяться.

18. Окружение германской армии

В этот тревожный день 25 июля Коллинс пробивался с боями к изрытому бомбами участку у Сен-Ло и прокладывал путь для армии, состоявшей теперь уже из двадцати одной американской дивизии. Это было крупнейшее объединение, какое мы рискнули вверить одному армейскому командованию. Собрал вместе в полтора раза больше дивизий, чем это предусмотрено уставами для одной полевой армии, мы создали чрезмерную перегрузку для штабов и тыловых служб 1-й армии.

Еще в начале июля Эйзенхауэр предоставил мне право в случае необходимости разделить американские войска, находившиеся на континенте, на две полевые армии. При этом я должен был передать 1-ю армию Ходжесу и взять на себя командование 12-й американской группой армий. В связи с этим Монти оставлял свой временный пост командующего наземными войсками союзников и возвращался на пост командующего 21-й английской группой армий. Мы с ним, как командующие двумя группами армий, на равных правах подчинялись главному командованию экспедиционных сил союзников.

Первоначально ограниченные размеры нашего плацдарма делали нецелесообразным разделение американских сил на две полевые армии, так как оно привело бы к увеличению количества частей обслуживания, которых и без того было слишком много. Я не имел оснований просить, чтобы меня вывели из подчинения Монтгомери, возглавлявшего английскую группу армий. Монти отнюдь не ограничивал наших прав и не давал нам повода к недовольству. Поскольку он предоставлял американским войскам полную свободу действий, мы готовы были оставаться под его командованием, пока обстановка на фронте не потребует изменений.

20 июля Аик прилетел к нам, чтобы принять участие в совещании по поводу операции «Кобра». Он с тревогой посмотрел на флажки дивизий, которыми была сплошь утыкана оперативная карта штаба 1-й армии, и спросил, когда мы предполагаем создать группу армий. Штаб 12-й группы армий высадился на берег, но получил приказ оставаться в резерве до формирования второй

американской армии. Тем временем Паттон разместил командный пункт своей 3-й армии, скрытно переброшенной из Англии, в северной части полуострова Котантен за 8-м корпусом Миддлтона. При нем находились штабы трех корпусов, ожидавшие прибытия войск. Несмотря на горячее стремление Паттона помочь нам в проведении операции «Кобра», я, желая облегчить управление войсками, решил, что в наступлении будет участвовать только 1-я армия — по крайней мере до тех пор, пока дивизии первого эшелона не закончат прорыв обороны противника. Пока Коллинс рассекал германскую линию фронта и прорывался к побережью, стремясь отрезать войска противника на Котантенском перешейке, Миддлтон должен был нанести удар вдоль дороги на Кутанс и соединиться с Коллинсом (схема 28). Вслед за тем Миддлтон двигался на Авранш и поворачивал на полуостров Бретань. Мы предполагали, что в том месте, где встретятся войска 7-го и 8-го корпусов, на дорогах создастся затор, который удастся устранить только после того, как для корпусов будут определены новые разграничительные линии. Нам пришлось бы производить перегруппировку войск в ходе операции, чтобы не снижать темпов наступления. Я заверил Аика, что нам будет гораздо легче ликвидировать затор, управляя войсками с командного пункта 1-й армии, чем договариваться об этом на совещании с командующими двумя армиями на командном пункте группы армий. На этом этапе операции важна была каждая минута, а затем мы с Паттоном уже без труда разделили бы войска 1-й армии и создали новое звено в цепи американского командования.

— Не хотите ли вы установить срок организации группы армии? — спросил Аик,

предоставляя мне право решения вопроса.

Я предложил 1 августа. Это давало мне возможность по крайней мере неделю после прорыва непосредственно руководить войсками с командного пункта 1-й армии.

— Прекрасно, — сказал он. — Пусть будет 1 августа.

Но даже после того, как была создана наша американская группа армий, Эйзенхауэр не сразу вывел нас из подчинения 21-й группы армии Монтгомери. Пока верховный штаб экспедиционных сил союзников оставался в Англии, Эйзенхауэр не мог осуществлять повседневное руководство наземными войсками, находившимися во Франции. По этой причине Монти и был назначен заместителем Эйзенхауэра на время вторжения. Теперь, когда наша группа армий была уравнена в правах с группой Монти, предполагалось, что Эйзенхауэр возьмет на себя командование наземными войсками и прямую ответственность за взаимодействие обеих групп. Однако такое прямое руководство войсками через Ла-Манш было сопряжено с риском, так как трудно было обеспечить надежную связь с Эйзенхауэром. Например, погода могла задержать Эйзенхауэра в Англии как раз в тот момент, когда ему необходимо было срочно прибыть во Францию для принятия какого-нибудь решения. Эта проблема отпадала с переброской верховного штаба экспедиционных сил союзников на плацдарм, но мы еще не захватили такого крупного города, в котором мог бы разместиться этот штаб. Поэтому, пока штаб не перебрався во Францию, Эйзенхауэр возложил на Монти обязанности своего заместителя и поручил ему временный оперативный контроль над американской группой армий. Однако права англичанина были ограничены, на него были возложены лишь координация действий и определение разграничительных линий между нашими группами. Несмотря на передачу некоторых своих полномочий Монти, Эйзенхауэр по-прежнему возглавлял командование обеими группами армий.

Хотя это компромиссное решение не обеспечивало нашей группе армий ту самостоятельность, которая нам была обещана в Англии, я не возражал против него. Если, будучи командующим армией, я пользовался полной свободой действий, то у меня не было оснований полагать, что Монти попытается ограничить меня теперь, когда я стал командующим группой армий.

Верховный штаб экспедиционных сил союзников не разрешил опубликовать сообщение о переменах в союзном командовании. Однако 14 августа корреспондент агентства Ассошиэйтед Пресс нарушил запрет и сообщил, что 12-я группа армий США уравнена в правах с группой армий Монти. Это, в сущности безобидное, сообщение опередило события только на две недели: полное равенство между нами предполагалось установить после того, как Эйзенхауэр переедет во Францию. И все же оно немедленно вызвало бурю возмущения в Англии. Англичане восприняли уравнивание в правах американского командования с командованием 21-й группы армий Монти как преднамеренное оскорбление английского национального героя. Не зная о первоначальном соглашении, содержавшемся в плане операции «Оверлорд», который предусматривал англо-американское равенство в области командования, английская печать утверждала, будто роль Монтгомери незаслуженно умилили, что его престиж как командующего наземными силами подорван требованием США о «равенстве». Некоторые корреспонденты расценили все происшедшее как «снижение в должности» Монти и незаслуженную обиду для английского народа. Газетные статьи настолько дезориентировали общественное мнение, что я предложил немедленно внести ясность в вопрос об англо-американской системе командования.

Вопрос о равном положении американского командования и командования 21-й группы армий Монти был решен в Англии за несколько месяцев до вторжения, и это решение было зафиксировано в плане операции «Оверлорд». Никто не собирался навсегда сохранить за Монтгомери пост заместителя Эйзенхауэра по сухопутным войскам. Если бы подобное

предложение было сделано, я решительно возражал бы против него. Зная, что Соединенным Штатам придется выделить две трети всех сухопутных войск, я не видел никакого основания ставить нас в подчинение английскому командованию.

Эйзенхауэр был возмущен преждевременным разглашением нашей договоренности, так как бурная реакция английской печати грозила нарушить дружественные отношения между войсками союзников, которые он с таким усердием налаживал. Если бы он тут же объявил о своем плане предоставить равные права и английскому и американскому командованию, ему, возможно, удалось бы предупредить это нелепое разногласие. Но, может быть, опасаясь обидеть англичан, он воздержался от объяснений

Наконец 31 августа 12-я группа армий была изъята из-под командования Монтгомери, и верховный штаб экспедиционных сил союзников предоставил равный статут английской и американской группам. К этому моменту было приурочено опубликование сообщения о присвоении генералу Монтгомери звания фельдмаршала.

Хотя мы не обращали внимания на шум, поднятый английской печатью, но все же меня удивляло, почему Монти не заставил газеты замолчать. Он мог бы легко успокоить английских корреспондентов, неофициально разъяснив им, как решался вопрос о командовании в плане операции «Оверлорд». Может быть, я был несправедлив по отношению к Монти, но не мог не прийти к выводу, что он просто не хочет давать разъяснений.

Стремительное продвижение американских войск в середине августа подорвало престиж англичан. Пока мы мчались к Парижу, обходя очаги сопротивления противника, 21-я группа армий сражалась у Кана, выполняя задачу, которая была поручена ей по плану операции «Оверлорд». Сознание того, что Монтгомери выполняет свой долг, было слабым утешением для англичан, жаждавших играть руководящую роль в наземных операциях. У Англии недоставало людских контингентов, поэтому англичане могли надеяться на удовлетворение своих претензий только при условии, что за Монтгомери будет сохранен пост командующего всеми сухопутными войсками союзников. Пока Монти оставался на этом посту, даже американские войска можно было называть «войсками Монтгомери», и любое упоминание о них могло содействовать увеличению престижа англичан. Когда 3-я армия в течение месяца после прорыва монополизировала газетные заголовки, даже наша 1-я армия стала испытывать зависть, которая так омрачала настроение англичан. Задача, которая была поставлена перед 1-й армией, не давала возможности развернуться так, как бы ей этого хотелось.

Эта несчастная трещина в наших отношениях, возникшая в августе, так и не была полностью ликвидирована. В течение всего периода зимних боев шли закулисные разговоры о том, что необходимо вернуть Монти на пост командующего сухопутными войсками. Во время сражения в Арденнах сторонники Монтгомери открыто заявляли, что прорыв фон Рундштедта можно было предотвратить, если бы Эйзенхауэр согласился объединить управление обеими группами армий. Однако эти предположения опровергаются документами, ибо накануне наступления, предпринятого фон Рундштедтом, Монтгомери невольно признался в том, что он был не более прозорливым, чем все мы.

Хотя Монтгомери и на этот раз мог обуздать своих сторонников, однако он старательно не обращал на них внимания. Кстати, в период наступления от Сены до государственной границы Германии он даже сам намекал на то, что, если бы командование наземными войсками было поручено ему, он сократил бы продолжительность войны. Монти считал, что верховный штаб экспедиционных сил союзников находится слишком далеко от поля боя и не в состоянии повседневно руководить действиями трех независимых групп армий. Он, Монти, мог бы исправить положение и устранить затруднения, которые испытывал верховный штаб. Для этого надо было только создать командование сухопутных войск во главе с ним, которое являлось бы

промежуточным звеном управления между Эйзенхауэром и штабами групп армий.

Такая позиция Монти до некоторой степени содействовала распространению ложного слуха, будто Эйзенхауэр действовал в Европе в первую очередь как политический руководитель и не сталкивался с повседневными тактическими проблемами. В этом измышлении нет ни грана истины, ибо Эйзенхауэр показал себя как превосходный тактик, прекрасно знающий и понимающий обстановку на фронте. Благодаря тому, что Беделл Смит взял на себя значительную часть административных обязанностей, Эйзенхауэр смог заниматься главным образом руководством боевыми действиями. Его таланты в области тактики проявились еще задолго до войны в Ливенуорте, где он в 1926 г. окончил курс с самыми лучшими оценками. Именно в Ливенуорте самые способные офицеры американской армии изучают тактику и организацию службы тыла высших соединений и объединений.

Руководство боевыми действиями войск Айк осуществлял большей частью путем личных бесед с командующими группами армий. Поэтому только три человека Монтгомери, Деверс и я — могли оценить его исключительную проницательность в роли командующего полевыми войсками. Очень часто даже офицеры оперативного отдела верховного штаба не знали о вопросах, которые обсуждались на наших конфиденциальных совещаниях с Эйзенхауэром. Не были в курсе этих вопросов и офицеры оперативного отдела моего штаба. После октября мы с Эйзенхауэром почти ежедневно поддерживали телефонную связь, и он был полностью информирован о каждом моем шаге. Очень часто мы вырабатывали наши перспективные планы во время бесед поздно ночью на командном пункте Айка или моей группы армий. Иногда мы сидели до двух или трех часов утра, обмениваясь мнениями и обсуждая планы последующих этапов кампании. Поэтому историкам трудно будет установить точку зрения того или иного командующего или распределить между ними лавры за принятие принципиальных решений. Однако Эйзенхауэр давал нам больше, чем получал от нас. Говоря это, я не собираюсь умалить достоинства Монтгомери или навести тень на его славу для того, чтобы показать, что Эйзенхауэр превосходил его как полководец.

Во время зимней кампании Эйзенхауэр был до крайности удивлен, когда узнал, что Монтгомери претендует на командование всеми сухопутными силами союзников. В то же самое время Монти не хотел отказаться от командования своей группой армий с тем, чтобы иметь право стать заместителем Эйзенхауэра по сухопутным войскам. Таким образом, Монти хотел сохранить за собой 21-ю группу армий и вдобавок взять на себя также роль командующего всеми сухопутными войсками союзников.

— Монти мало синицы в руках, — сказал с раздражением Айк, — подавай ему и журавля в небе.

6 июля Паттон переправился через Ла-Манш и высадился во Франции с первым эшелоном штаба 3-й армии. Его прибытие было окружено строжайшей тайной, ибо если бы противнику стало известно о предстоящей задаче его армии — следовать во втором эшелоне вслед за войсками прорыва, — то наш обман с Па-де-Кале оказался бы разоблаченным. Мы отвели Джорджу бивак на полуострове Котантен, где его войска должны были ожидать до 1 августа, а затем, то есть через неделю после прорыва 1-й армии, вступить в бой в составе 12-й группы армий.

Я лично относился к Джорджу со смешанным чувством. Не я предложил назначить его командующим армией, и меня беспокоило, как он будет реагировать на то, что мы поменялись ролями. Ведь Джордж в течение шести лет был старше меня и во время кампании в Сицилии командовал армией, в которой мне довелось быть командиром корпуса. Я не очень-то хотел иметь Джорджа под своим командованием и боялся, что обуздание его строптивого нрава будет стоить мне слишком большого труда. Но в то же время я знал, что при Паттоне у меня не будет

необходимости подгонять 3-ю армию. Мне пришлось бы лишь следить за тем, чтобы он не отклонялся в сторону от указанного ему направления.

Вскоре Джордж заставил меня раскаяться в моих недостойных опасениях, ибо он не только не проявил по отношению ко мне никакого недоброжелательства, но и выполнял мои приказания с исключительным рвением и преданностью своему долгу. Вскоре после окончания войны один офицер 3-й армии рассказал мне, что Паттон часто резко критиковал своих старших начальников. «Но, — сказал он, — я никогда не слышал, чтобы генерал произнес хотя бы одно резкое слово по вашему адресу».

Прошло немного времени, и новый Паттон совершенно рассеял все мои необоснованные опасения. Мы с ним составили самую дружелюбную и довольную друг другом пару в рядах высшего командования. Паттон больше не был таким чванным солдафоном, каким он бывал порою в Сицилии. Теперь это был здравомыслящий, рассудительный и располагающий к себе командир.

Несколько месяцев спустя, когда Джордж в общих чертах обрисовал план одного маневра, я указал ему на некоторые ошибки. Вместо того чтобы ответить мне с раздражением, как он сделал бы год назад, Джордж лишь прищурил глаза и сказал, посмеиваясь:

— Вы правы, Брэд, черт возьми! Вы всегда правы!

Однако нельзя сказать, чтобы Паттон полностью переродился, — он сохранил свою порывистость. Даже в Европе эта неугомонная натура продолжала причинять беспокойство окружающим. Первый неправильный поступок был совершен им всего лишь через 12 дней после прибытия на плацдарм, когда 3-я армия нетерпеливо топталась на месте на полуострове Котантен.

Как только план операции «Кобра» был готов, я рассказал о нем Паттону, поскольку ему предстояло включиться в боевые действия после того, как они развернутся. 18 июля, за два дня до того, как мы намеревались изложить наш план корреспондентам, находящимся при 1-й армии, Диксон явился ко мне, багровый от возмущения.

— Мы узнали от наших корреспондентов, генерал, — сказал он, — что Паттон рассказал об операции «Кобра» представителям прессы при 3-й армии.

— Проклятье! — воскликнул я и бросился к телефону, но Джорджа на месте не было.

Паттон сам позвонил мне в этот вечер и принес свои извинения и объяснения. Да, он рассказал своему штабу о плане прорыва 1-й армии, но корреспонденты не были допущены на это совещание. План разгласил корреспондентам его офицер по связи с прессой.

— Я выгоню его, — пообещал он. — Можете не сомневаться, я выгоню его, как только мы найдем другого.

Я повесил трубку. Джордж так сильно сокрушался, что не стоило огорчать его замечаниями. В конце концов он убрал этого офицера, но по другим причинам.

Два дня спустя, 20 июля, нас обрадовали известием о покушении на Гитлера. Кстати, Черчилль выразил наше единодушное мнение, когда он, как передают, сказал:

— Они не убили этого ублюдка, но время еще не ушло.

Нас очень обнадежил тот факт, что чувство недовольства толкнуло какую-то прослойку германской армии на заговор, дабы спасти рейх путем убийства фюрера. В течение нескольких дней мы ждали признаков внутреннего краха, но покушение оказалось неудачным и благоприятный случай был упущен. Мало кто из нас предвидел, с какой беспощадностью Гиммлер начнет наводить порядок, дабы отбить всякую охоту покушаться на фюрера в другой раз.

Впоследствии я неоднократно удивлялся, почему германские командиры не прекращают бессмысленное сопротивление, которое могло лишь усилить катастрофу, грозившую Германии.

Мне дал ответ Джордж Паттон, который приехал в штаб группы армий в начале августа, когда мы затачивали петлю вокруг 7-й германской армии.

— Немцы либо сошли с ума, либо они не знают, что происходит, — сказал я. Кадровые офицеры, конечно, должны понимать, что их песенка спета.

Вместо ответа Джордж рассказал про одного германского генерала, захваченного в плен 3-й армией всего лишь несколько дней назад. Начальник разведывательного отдела штаба спросил у него, почему он не сдался раньше, хотя бы для того, чтобы уберечь Германию от дальнейших жертв.

— Я солдат, — спокойно ответил немец, — и выполняю приказ.

Большинство кадровых военных дало бы такой же ответ. Ведь мало кто из солдат способен определить, в какой момент военное сопротивление становится бессмысленным с моральной точки зрения и превращается в политическое самоубийство. Петэн был одним из тех, кто отважился вынести свое суждение; но его пример не мог поощрить других.

Когда известие о покушении на Гитлера дошло до Паттона, находившегося в этот момент на Котантенском полуострове, он бросился на наш командный пункт в Коломбьере.

— Ради всего святого, Брэд, — умолял Джордж, — вы должны отправить меня в бой, прежде чем закончится война. Я торчу сейчас в этой собачьей конуре и могу умереть, если не совершу чего-нибудь экстраординарного, чтобы выбраться отсюда.

Я часто спрашивал себя, в какой мере это настроение человека, которому нечего терять, помогло Паттону в его стремительном продвижении во Франции. Ведь, конечно, никакой другой командир не мог сравниться с ним в безрассудности действий и смелости. Когда-нибудь в подробной биографии Паттона этот вопрос будет освещен более полно. Пока же я склонен думать, что солдат, которому он дал пощечину в госпитале в Сицилии, сделал больше для победы в Европе, чем любой другой рядовой в армии.

Всего лишь через 34 дня после того, как Джордж включился в битву за Францию, он вместе со мной просил Айка сохранить за ним выделенный ему тоннаж, необходимый для обеспечения движения в германской границе.

— Если вы не урежете нашу норму снабжения, мы сможем обойтись с тем, что получаем, — сказал он. — Ставлю под заклад свою репутацию!

— Осторожно, Джордж, — сострил Аик, — ваша репутация немного стоит.

Паттон подтянул ремень и улыбнулся:

— Сейчас она недурна.

И действительно, судя по газетным заголовкам, так оно и было.

Как только Коллинс произвел перегруппировку своих войск в том месте, где его фронт был разорван нашими бомбардировщиками, и закрыл брешь на участке, доходившем до дороги Перье — Сен-Ло, он стремительно двинулся вперед по дымящейся земле. Уже первые его сообщения о результатах действий нашей авиации рассеяли уныние, которое охватило нас, подобно сырому туману. Хотя авиация причинила и нам некоторый ущерб, противнику она нанесла сокрушительный удар. Изрытые воронками поля и дороги были усеяны черными корпусами сгоревших танков, изуродованными телами солдат и раздувшимися трупами животных. К полудню 26 июля, через 24 часа после начала наступления, мы поняли, что первый острый момент прошел и настало время смело развить успех прорыва.

Вечером 27 июля 1-я дивизия прорвалась в предместья Кутанса, в то время как Миддлтон преодолевал минные поля, установленные противником в его полосе наступления. Учитывая, что 8-й корпус войдет в состав 3-й армии Паттона, как только последняя будет введена в сражение, я дал приказ Джорджу следовать за колоннами Миддлтона с тем, чтобы оказать им в случае необходимости помощь. 1 августа, когда мы разделили 1-ю армию, передав половину ее

Паттону, две бронетанковые дивизии уже обогнули Авранш и вступили на полуостров Бретань (схема 29). Наше быстрое продвижение застигло противника врасплох, и теперь, торопясь выправить положение, он перебрасывал бронетанковые силы с фронта Монтгомери на наш фронт.

Уходя 1 августа из 1-й армии, чтобы взять на себя руководство 12-й группой армий, я спокойно оставил армию на Ходжеса, моего старого товарища по охоте в бытность в форте Беннинг, намеченного шесть месяцев назад моим преемником. Спокойный и методичный командир, он прекрасно знал свое дело и считался в армии одним из наиболее способных специалистов по подготовке войск. Паттон редко заботился о деталях, но Ходжес с исключительной тщательностью изучал все вопросы и лучше Джорджа был подготовлен к руководству более сложными операциями. Всегда уравновешенный, надежный человек, не позволявший себе никаких театральных жестов, но обладавший большим упорством и настойчивостью, Ходжес стал, по существу, душой разгрома 7-й германской армии, оставаясь в тени, в то время как Паттон наносил завершающий удар. Ходжес идеально подходил для выполнения своей задачи, а Паттон — своей.

С уходом из 1-й армии закончился для меня незабываемый период войны. Большая часть офицеров штаба этой армии прошла вместе со мной долгий путь от Туниса до Франции. Им я в значительной мере был обязан удачей, неизменно сопутствовавшей мне во всех кампаниях. Но штаб группы армии, в отличие от штаба армии, являлся планирующим и контролирующим органом. Он не занимался вопросами тыла, поэтому в нем нельзя было использовать организаторские способности офицеров специальной части штаба 1-й армии. Кроме того, я принял общую часть штаба группы армий, укомплектованную еще Деверсом. Поэтому не было необходимости вводить в нее офицеров общей части штаба 1-й армии. Но так как нам предстояла большая работа по отбору командиров и получению пополнений, я забрал с собой из 1-й армии О'Хэйра на должность начальника отдела личного состава штаба группы армий. Никто не обладал таким умением проникать с черного хода в различные официальные инстанции и никто не умел успешнее обдeldывать дела, чем рыжий О'Хэйр.

Дав согласие на перевод О'Хэйра, Кортни вынул мундштук, взглянул на меня и с улыбкой спросил:

— Еще кого-нибудь?

Я еще раньше договорился с ним, что забираю Хансена и Бриджа.

— Еще одного, — начал я. Кортни вздрогнул: он боялся, как бы я не забрал Билла Кина.

— Вы не возражаете, если я возьму сержанта Дадли?

Кортни облегченно вздохнул:

— Раз дело дошло до сержантов, то могу ли я считать, что мои полковники в безопасности?

— Ну конечно, Дадли — это моя последняя просьба.

— Хорошо. Вы сами нашли его, — ответил Ходжес. — Я думаю, мы должны его отпустить.

Тридцатипятилетний сержант Ричард Дадли из Скарсдейла в штате Нью-Йорк до армии был заведующим типографией в Манхэт-тене. Он попал в наш штаб в Бристоле, где был назначен комендантом здания Холмс. Мы взяли его из батальона военной полиции. Во Франции он скоро показал себя одним из самых изобретательных ловкачей и снискал себе довольно неприятную славу. Видя, что наш комфорт все увеличивается, я спросил Дадли, каким образом ему удастся обеспечить такие удобства в полевых условиях.

— Генерал, — ответил он со свойственной ему резкостью, — ваше дело вести войну, а мое — заботиться о ваших удобствах.

Дадли отказывался от офицерского чина до конца войны и принял его лишь незадолго до своего увольнения из армии.

— Я не хотел терять свое место, — объяснил он позднее О'Хэйру.

В отличие от наших примитивных помещений в 1-й армии, штаб 12-й группы армий разместился в замаскированном палаточном городке в живописном месте в нескольких километрах севернее Кутанса. Вначале меня беспокоила чрезмерная разбросанность штаба. Опасаясь отстать и оторваться от фронта, я дал указание начальнику штаба группы армий генерал-майору Ливену Аллену организовать оперативную группу штаба, которая могла бы поспевать за стремительно продвигающимися вперед армиями. Эту группу мы окрестили «Игл ТАК». Игл (Орел) было кодовым названием 12-й группы армий, а ТАК ^[37] отличало оперативную группу от основного штаба и тылового эшелона штаба. Кроме подразделений связи и обслуживания, в «Игл ТАК» имелся только костяк следующих отделов штаба: разведывательного, оперативного, тыла и инженерного. Все они по большей части размещались в автофургонах, что позволяло оперативной группе в случае необходимости быстро передислоцироваться. Всего в оперативную группу «Игл ТАК» в момент ее создания входило 65 офицеров и примерно в два раза больше сержантов и рядовых.

Однако, подобно всякому штабу, «Игл ТАК» стал расти как гриб, и, несмотря на все усилия О'Хэйра сократить его персонал, за три месяца численность оперативной группы почти удвоилась. Но даже этот раздутый оперативный штаб отличался высокой подвижностью. Не в пример большинству высших штабов на европейском театре военных действий, отличавшихся чрезвычайной громоздкостью, «Игл ТАК» сохранял простоту, придававшую ему вид деревушки, расположенной на перекрестке дорог, в которой было приятно жить и работать. В то время как «Игл ТАК» стремительно двигался вперед вместе с армиями, основной штаб и тылы тащились где-то позади. До того момента пока мы в конце войны не собрали вместе весь штаб в Висбадене, «Игл ТАК» совершил десять переходов, а основной штаб и тылы — только четыре.

Название «Игл» было дано 12-й группе армий, чтобы подчеркнуть ее старшинство в американской цепи командования. Обычный порядок кодированной связи требовал, чтобы я, как генерал, командующий этой группой, значился как «Игл 6». Когда Монтгомери узнал о нашем наименовании, он дал 21-й группе армий условное название «Лайон» (Лев). Для Паттона мы стали «Игл» и «Лайон». Другие штабы позволили себе такие же шутки со своими условными названиями. С тщеславием, простительным штабу, имевшему за плечами две кампании, 1-я армия присвоила себе наименование «Мастер». (Хозяин). И, как бы для того, чтобы посмеяться над неудачей, преследовавшей 3-ю армию в Сицилии, Паттон дал ей название «Лаки» (Счастливая). Когда 9-я армия в конце августа прибыла на фронт, она получила условное название «Конкерор» (Покорительница), а верховный штаб экспедиционных войск союзников решил назвать себя «Шелбёрст» (Разрыв снаряда).

Пока 8-й корпус Миддлтона под командованием Паттона огибал Авранш, направляясь к портам Бретани, я приказал Джорджу выставить сильные заслоны в центре основания полуострова Бретань. Там они могли бы отразить любую угрозу с востока, в то время как колонны Миддлтона будут продвигаться к Сен-Мало, первой крепости на северном побережье Бретани. Пока остальная часть фронта союзников осуществляла свое поворотное движение к Сене, 1-я армия должна была держать открытым проход у Авранша, отражая натиск германских бронетанковых сил, поспешно брошенных на этот участок. Посетив 2 августа командный пункт Миддлтона, я нашел командира 8-го корпуса обеспокоенного тем, что его левый фланг и тыл были открыты для ударов противника. Паттон игнорировал приказ группы армий создать сильный заслон у основания полуострова Бретань и вместо этого приказал Миддлтону быстро двинуться к Ренну и Бресту. В результате между растянувшимися колоннами Миддлтона и главными силами 7-й германской армии, оказавшимися у них в тылу, не было никаких сил прикрытия.

Миддлтону не хотелось нарушить приказ командующего армией, но в то же время он опасался немецкой контратаки. Он показал на карту.

— Мне не хотелось бы наступать, когда у меня в тылу такие большие силы противника, — сказал он, — особенно потому, что тыл так обнажен. Если немцы прорвутся у Авранша к побережью, они запрут меня в Бретани.

К этому времени две пехотные и две бронетанковые дивизии Миддлтона уже миновали Авранш. Если бы противник прорвался к морю у Авранша, он мог отрезать свыше 80 тысяч человек.

— Черт побери, — сказал я недовольно Миддлтону, — Джорджа, по-видимому, интересуется только одно: захватить Брест и попасть в газетные заголовки. Ему лень подумать над планом операции. Мне безразлично, возьмете ли вы Брест завтра или через десять дней. Раз мы отрежем Бретань, мы уж как-нибудь захватим и Брест. Но мы не можем оставить фланг открытым. Вот почему я приказал Джорджу блокировать основание полуострова.

79-я дивизия остановилась севернее Авранша, но в этот момент ее части уже снова грузились на машины, чтобы двинуться дальше в Бретань. Я позвонил Паттону на командный пункт 3-й армии, но мне сказали, что его нет. Тем временем Миддлтон ломал голову, пытаясь найти выход из создавшегося положения.

— Прикажите 79-й дивизии направиться к Фужеру, и мы создадим там заслон, который было приказано сделать Джорджу, — сказал я. — Мы не можем терять время. Если немцы нанесут нам удар по открытому флангу силами хотя бы двух дивизий, нам придется туго.

Когда к вечеру я приехал на командный пункт Паттона, он только что вернулся туда на своем джипе. После дня, проведенного в передовых частях, он весь был покрыт густым слоем пыли.

— Ради бога, Джордж, — начал я, — что вы думаете делать с открытым флангом Миддлтона? Я только что приказал 79-й дивизии отправиться туда. Но мне не хотелось бы отдавать приказы корпусу через голову командующего армией.

Джордж растерянно улыбнулся и обнял меня за плечи.

— Прекрасно, прекрасно, Брэд, — сказал он, — именно так я и поступил бы. Но довольно об этом, давайте я покажу вам, как мы продвигаемся.

* * *

Стратегическое значение Бретани было основано на той предпосылке первоначального плана операции «Оверлорд», что нам придется произвести перегруппировку на Сене и преодолеть там сильный укрепленный рубеж немцев, прежде чем двинуться в рейх. Во время этой остановки предполагалось реорганизовать наши линии коммуникаций, учитывая штормовую погоду в Ла-Манше и потери тоннажа при выгрузке на побережье. Мы должны были передать Шербур Монтгомери как базу снабжения английских войск и наладить разгрузку наших атлантических конвоев в более удобных для нас портах Бретани.

Предвидя, что противник, прежде чем эвакуироваться из Бреста, разрушит его, мы планировали превратить бухту Киброн в базу снабжения американских армий. Бухта Киброн тянется от порта Лориан до порта Сен-Назер. Чтобы использовать ее, мы должны были построить причалы. Одновременно мы расчистили бы порт Сен-Мало на севере для ввоза угля, нужного французам.

Несмотря на то, что противник перебросил часть войск из Бретани для противодействия высадке десанта в Нормандии, прибрежную полосу этого полуострова обороняли немецкие

гарнизонные войска, насчитывающие 50 тыс. человек. Чтобы не дать немцам разрушить железные дороги и мосты, Паттон должен был быстро оттеснить их в укрепленные районы вокруг крупных портов. Затем нам пришлось бы выкуривать их оттуда. В малонаселенных сельских районах Бретани французские партизаны стали нашим ценным союзником. Самолеты по ночам снабжали их оружием и даже небольшими джипами, хотя и в ограниченном количестве. С помощью наших специально обученных диверсионных групп, сброшенных на парашютах, французские партизаны блокировали дороги Бретани и принуждали немцев укрываться в фортах. В то время противник еще не научился объединять свои силы. Когда командующий немецкими войсками в Бретани попытался объединить все силы, гарнизоны авиационных и морских баз отказались ему подчиниться. Сам Гитлер содействовал этому разброду в войсках. Он приказал всем командирам, не считаясь с тем, насколько это целесообразно, во что бы то ни стало удерживать занимаемые позиции, а главное, не уступать союзникам ни пяди территории. В результате противник не смог организовать эффективного противодействия нашему продвижению и вынужден был укрыться в своих укрепленных прибрежных городах. Одна наша пехотная дивизия подошла к порту Сен-Мало, расположенному на скалистом берегу, а танковая колонна форсированным маршем двигалась к Нанту. Другая колонна устремилась в западном направлении к крепости Брест, находившейся на самой оконечности полуострова Бретань.

6 августа Паттон позвонил ко мне на командный пункт группы и сообщил о взятии Бреста. Мне трудно было поверить этому известию, ибо противник обычно не отдавал столь ценную добычу без борьбы. Однако Паттон стоял на своем, так как он был уверен в достоверности сообщения. Оно поступило, сказал он, прямо из Бреста от командира танковой колонны.

Все еще не веря этому, я уведомил командующего авиацией о сообщении Паттона. Английская авиация планировала бомбардировку бетонированных укрытий для подводных лодок в Брестском порту с целью преградить выход тем подводным лодкам, которые могли еще там остаться. Из боязни поразить свои войска бомбардировка была отменена. Через два дня, пытаясь получить от танкистов подтверждение сообщения о взятии Бреста, мы узнали, что Джордж поспешил со своим сообщением и что противник вовсе не капитулировал, а укрепился в Бресте и приготовился к осаде. Гарнизоны в Лориане и Сен-Назере также укрылись за своими укреплениями.

С Лорианом и Сен-Назером можно было подождать до тех пор, пока немцам не надоест обороняться или пока голод не заставит их капитулировать. Но Брест надо было брать, если только мы хотели иметь свободными морские коммуникации, которые шли мимо этой крепости в бухту Киброн. В конце концов для осады Бреста были выделены три дивизии. Лишь 19 сентября, то есть через 44 дня после того, как Паттон сообщил о взятии Бреста, гарнизон крепости, насчитывавший 20 тыс. человек, капитулировал. К тому времени осада дала свои плоды. Разрушения, произведенные противником, а также артиллерийский обстрел и бомбардировки авиации союзников превратили порт в груды развалин.

В Лориане и Сен-Назере немцы просидели до конца войны. Для блокирования этих портов нам понадобилась целая пехотная дивизия. Но и ее не хватило бы, если бы из французских сил сопротивления не набралось 17 пехотных батальонов, которые помогли нам блокировать немцев. Мы могли бы выбить противника из этих двух крепостей, как мы сделали с Брестом, но нам было выгоднее их блокировать, так как гарнизоны Лориана и Сен-Назера оказались менее агрессивными, чем гарнизон Бреста, и поэтому не угрожали нашим линиям снабжения.

Осада Бреста иногда изображается как ненужная и расточительная кампания, которая велась главным образом потому, что мы слепо цеплялись за устарелый план операции «Оверлорд», предусматривавший взятие Бреста. Действительно, необходимость в портах

Бретани, служившая предпосылкой всего плана операции «Оверлорд», отпала, как только наше быстрое продвижение вперед открыло нам порты Ла-Манша и Антверпен. С захватом Антверпена, одного из крупнейших и лучших портов мира, мы отказались от наших грандиозных планов строительства базы в бухте Киброн и от Бреста. Ни одна тонна груза не прошла через эти порты.

Зачем же в таком случае мы израсходовали три дивизии на Брест, потеряв почти 10 тыс. американцев убитыми и ранеными? Почему было не окружить Брест, как Лориан и Сен-Назер, или не поступить так, как Монтгомери сделал с портами на Ла-Манше? Разница заключается в характере сопротивления противника. Гарнизон в Бресте был совершенно не похож на немецкие гарнизоны в других портах. Он был укомплектован солдатами прославленной 2-й парашютной дивизии. Командовал крепостью Брест генерал-майор Герман Рамке, энергичный и фанатически настроенный солдат, который не мог довольствоваться отсиживанием в бетонном мешке. Для того чтобы сковать Рамке и помешать ему мародерствовать на наших линиях снабжения, понадобилось бы больше войск, чем мы могли выделить для такого второстепенного фронта, как у Бреста. Следовательно, решение взять Брест отнюдь не было продиктовано устаревшим планом операции «Оверлорд». Я приступил к дорогостоящей осаде Бреста с одобрения Эйзенхауэра не потому, что нам нужен был порт, а потому, что Рамке не давал нам покоя. Будучи не в состоянии блокировать Брест, мы должны были взять его и получить возможность сосредоточить наши войска на главном направлении. Я не могу согласиться с теми крепкими задним умом стратегами, которые утверждают, что мы должны были блокировать полуостров Бретань и всеми остальными силами двинуться на восток через вакуум, создавшийся во Франции в результате прорыва. Для удержания 120-километрового фронта на открытом фланге нашей главной линии снабжения понадобилось бы гораздо больше войск, чем я мог оставить в тылу во время наступления.

В начале августа, когда 3-я армия двигалась через деревни Бретани, Черчилль вдруг заявил, что он не согласен с планом Эйзенхауэра высадить на средиземноморском побережье Франции группу армии генерала Деверса. После многочисленных оттяжек операции «Энвил» в течение предыдущей зимы и весны, наконец, было решено начать ее 15 августа. Однако, когда Деверс сосредоточил свои войска в переполненном кораблями порту Неаполя, готовясь к высадке в Каннах, Черчилль решил сорвать план Эйзенхауэра и внес предложение отменить высадку на юге. Между югом Франции, доказывал он, и нормандским фронтом нет прямой тактической связи. Кроме того, Черчилль полагал, что противник сможет ограничить район действий Деверса участком Ривьеры. Он предлагал перебросить войска Деверса в Бретань, где их можно безопасно высадить и присоединить к силам, действующим в Нормандии.

Однако Эйзенхауэр ожидал, что порты Бретани будут разрушены и поэтому пропускная способность их будет невелика, пока не закончится строительство гавани в бухте Киброн. Но даже если случится невозможное и мы получим в Бретани несколько пригодных портов, они все равно не помогут нам разрешить основную проблему снабжения — переброску грузов из этих портов на фронт. Высадка на юге Франции даст нам порт Марсель. Из Марселя Деверс может наладить вторую линию снабжения до Саара и, таким образом, вывести нас из тупика, ибо Саар ближе расположен к Марселю, чем к портам Бретани.

Если бы южная часть Франции была оставлена в руках немцев, как предлагал Черчилль, то Эйзенхауэру пришлось бы растянуть коммуникации по всей Франции, имея открытый фланг протяженностью 800 километров от Бретани до швейцарско-германской границы. Для защиты этих линий коммуникаций от вражеского нападения потребовалось бы выставить заслон вдоль всего их фланга. В конечном счете Эйзенхауэру пришлось бы послать для борьбы с противником в южной части Франции целый корпус, если не больше.

Не сумев отговорить Эйзенхауэра от высадки десанта на средиземноморском побережье, Черчилль выехал на фронт для того, чтобы постараться выяснить мнение командиров на местах и, может быть, завоевать себе среди них сторонников. 7 августа он появился на нашем командном пункте в Сен-Совер-Ленделене, подъехав к дворцу по дороге, обсаженной тополями. В прицепе, который я реквизирувал для временного использования его в качестве оперативной комнаты, премьер-министр сказал, кивнув на крупномасштабную карту Нормандии, висевшую на стене: «Трудно поверить, что, когда я был здесь последний раз, вы находились там», — и указал концом сигары на наш плацдарм в верхней части карты под самым потолком. На карте такого крупного масштаба наше продвижение после прорыва обороны немцев у Сен-Ло выглядело весьма эффектно.

Когда я показал по карте, как быстро двигались наши бронетанковые колонны к Бресту, Черчилль ткнул своим коротким пальцем в этот портовый город.

— Гарнизон, находящийся там, — изрек он, — умрет, как срезанные цветы.

Затем, кивнув на голубые флажки на карте за Авраншем, где мы удерживали 32-километровый проход между 7-й немецкой армией и морем, Черчилль спросил: Это дивизии?

— Да, сэр, — ответил я. — Мы пропустили более десятка дивизий через этот проход.

— Боже мой, как вы обеспечите их продовольствием? — снова спросил Черчилль и показал на единственную шоссейную дорогу, проходившую через узкий коридор.

— Фактически там две дороги, сэр — объяснил я, — вторая является вспомогательной. Машины движутся по обеим дорогам без всяких интервалов и днем и ночью.

Черчилль потребовал черный кожаный ящичек, который держал под мышкой его морской адъютант. Ключом, висевшим на часовой цепочке, он открыл ящичек и вынул коробку с гаванскими сигарами. Закурив, британский премьер аккуратно положил потухшую спичку в угол и начал оживленно говорить о возможной переброске войск Деверса.

— Зачем, — проворчал он, — зачем ломиться с черного хода, когда парадный подъезд уже открыт вашей замечательной американской армией?

Не желая вступать в спор по вопросу, который относился к компетенции главного командования экспедиционных сил союзников и объединенного комитета начальников штабов, я слушал, но не высказывал своего мнения. Наконец, замолчав, премьер-министр тяжело опустился в кресло, взглянул поверх очков и вопросительным тоном сказал:

— Но я, конечно, не уверен, что такое запоздалое изменение планов будет целесообразным. И снова промолчал.

К счастью, все осталось без перемен, и операция «Энвил», переименованная в «Драгун», была проведена по намеченному плану.

Операция «Кобра» захватила противника в тот момент, когда равновесие его сил было опасно нарушено; шесть из его восьми танковых дивизий были сосредоточены на фронте Монтгомери. Когда мы прорвали оборону противника у Сен-Ло, он направил свои бронетанковые части к участку прорыва. Но затем, когда наступавшие войска Миддлтона по дороге на Кутанс отрезали немцев от западного берега Котантенского полуострова, противник вдруг обнаружил, что его левый фланг открыт и находится под угрозой. Сейчас, когда Паттон направил свои танки в промежуток между Сеной и Орлеаном, а Ходжес охватывал открытый фланг противника, немецкому командованию предстояло принять трудное решение — где именно оно должно добиваться решительной битвы на западном фронте. Здесь могло быть два выхода: либо отвести войска с открытого левого фланга назад, выпрямить линию фронта в направлении с севера на юг и удерживать ее, обеспечивая организованное отступление к Сене; либо рискнуть армией и нанести удар на Авранш, пытаясь закрыть брешь и снова примкнуть левый фланг к морю. Важно было не только принять правильное решение, но и принять его

своевременно. Ведь до тех пор, пока наш коридор у Авранша оставался открытым, 7-я германская армия имела незащищенный левый фланг и тыл. Чем дольше фон Клюге откладывал принятие решения, тем опаснее становилось его положение.

Отход к Сене ставил противника перед серьезной проблемой транспорта. Железные дороги были разрушены и лишь немногие немецкие дивизии имели свои транспортные средства в количестве, достаточном для передвижения по шоссейным дорогам. Кроме того, чтобы избежать ударов авиации союзников, им пришлось бы передвигаться только по ночам. Однако, несмотря на эти трудности, противник, вероятно, все же успел бы отвести свои основные силы за линию Сены. Хотя авиация могла беспокоить его колонны и задерживать их движение, она была не в состоянии их остановить. Перейдя на правый берег Сены, противник мог усилить свою оборону войсками из района Па-де-Кале. В этом случае он также сокращал свои линии коммуникаций и занимал позиции, находящиеся поблизости от баз немецкой авиации, которая получала возможность обеспечить поддержку с воздуха своим наземным войскам.

В противоположность трудностям вынужденного отхода к Сене, другой путь открывал перед противником соблазнительную возможность перейти в наступление, восстановить равновесие и выправить линию фронта в Нормандии.

Ведь если бы немцам удалось прорваться через наш коридор у Авранша к морю и снова закрепиться на берегу, они создали бы более узкий фронт и свели бы на нет наше преимущество в подвижности. В то же время они снова заставили бы нас воевать на местности, пересеченной живыми изгородями, которая была их лучшим союзником. Более того, если бы фон Клюге смог закрыть проход у Авранша, через который мы уже пропустили много войск, то эти войска вскоре оказались бы без горючего и боеприпасов. В случае удачи противник может окружить их и уничтожить. Итак, этот вариант был довольно рискованным, но в то же время весьма соблазнительным.

Однако, прежде чем идти на серьезный риск, связанный с наступлением, противник должен был взвесить все возможные минусы. Стратегические преимущества наступления у Авранша были несомненны, однако оно превышало тактические возможности немцев. Если бы выбор был предоставлен немецким командирам на местах, они, несомненно, отказались бы от наступления и предпочли безопасный отход за Сену. Они знали о вакууме, который был позади них, и сознавали, что разгром на нормандском фронте мог открыть союзникам путь до самого рейха. Они знали гораздо лучше, чем гитлеровские подхалимы в Берлине, насколько они были слабее нас в Нормандии. Но для нацистского режима было характерно, что такое ответственное решение мог принимать только сам фюрер, а не его командующие. И вот Гитлер, находившийся в далекой ставке на восточном фронте, безапелляционно приказал фон Клюге держаться на занимаемых им позициях в Нормандии и перейти в контрнаступление с задачей закрыть проход и восстановить фронт у Авранша. Именно это решение в большей степени, чем что-либо другое, определило поражение немцев в битве за Францию.

* * *

Лишь к часу ночи с 6 на 7 августа противник собрал достаточно сил для того, чтобы начать роковое для него наступление. Он направил удар на Мортен, находящийся в 32 километрах восточнее мелководной бухты Мон-Сен-Мишель. Пять танковых и эсэсовских дивизий образовали ударный кулак наступательной группировки. Это было первое большое контрнаступление немцев во Франции, их вторым и последним контрнаступлением была битва в Арденнах. Для наступления противник снял свои танки с фронта Монтгомери, а пехоту взял из

района Па-де-Кале. Только сейчас, через два месяца после вторжения союзников, немецкое командование поняло, что оно обмануто и что целая немецкая армия напрасно простояла в бездействии в решающий час битвы за Францию.

Всего лишь за одну ночь до этого 30-я дивизия генерал-майора Леланда Гоббса сменила 1-ю дивизию, брошенную в обход немецкого фланга. Поредевшие и измотанные в двухнедельных боях части 30-й дивизии заняли позиции, освободившиеся после ухода 1-й дивизии. Эти позиции были выбраны 1-й дивизией еще в ходе наступления и не имели достаточной глубины для обороны. Через несколько часов противник прорвал первые линии Гоббса. 2-й батальон 120-го полка был смят и отрезан от главных сил. Шесть дней этот обреченный батальон огнем отвечал на требования немцев капитулировать и с твердой решимостью продолжал оборонять свои позиции. 8 августа он по радио запросил срочно доставить ему медикаменты. Мы выслали звено самолетов «С-47», но противник открыл сильный зенитный огонь и самолеты сбросили более половины груза в расположение противника. Тогда 30-я дивизия начинила артиллерийские снаряды пузырьками с морфием и сульфопрепаратами и выпустила их через головы противника в расположение батальона. 12 августа наши войска прорвались к батальону, и он был выведен со своих позиций, окруженных горами трупов немецких солдат. За этот бой, являющийся одним из наиболее героических боев за все время войны, батальону была объявлена благодарность президента.

Своим безрассудным наступлением на Авранш через позиции 30-й дивизии у Мортена противник заставил нас принять самое важное решение за всю кампанию во Франции. Оно стоило противнику армии, а нам дало Францию. Уинстон Черчилль через шесть месяцев назвал его «одним из самых смелых за всю войну». Когда немцы нанесли удар, только дивизия Гоббса преграждала путь танкам фон Клюге к морю. К полудню наступление немцев приняло угрожающие размеры, и Ходжес спешно направил подкрепления из 1-й армии на помощь Гоббсу с тем, чтобы не допустить вклинения противника в наши линии. Две пехотные дивизии подошли к 30-й дивизии слева, а бронетанковая дивизия вышла на ее правый фланг в готовности начать наступление на открытый фланг противника.

К этому времени двенадцать американских дивизий уже прошли через коридор у Авранша. Если бы противник двинулся через Мортен, он мог бы перерезать их коммуникации и запереть в глубоком тылу за своими линиями. Из двенадцати дивизий четыре еще не участвовали в бою. Они должны были стремительно двинуться на восток, выйти на рубеж между Сеной и Орлеаном и отрезать путь отхода противнику.

Нам предстояло сделать выбор:

1. Либо поступить осмотрительно и вернуть эти последние четыре дивизии для того, чтобы укрепить оборону Ходжеса у Мортена и, таким образом, обеспечить безопасность наших коммуникаций в Бретани.

2. Либо рискнуть и, воспользовавшись прорывом противника в районе Мортена, бросить эти четыре дивизии на его открытый фланг и попытаться уничтожить 7-ю немецкую армию.

Сделав ставку на успех контрнаступления танков фон Клюге, Гитлер обнажил перед нами весь растянутый фланг немецких войск, подставив его под удар и окружение с юга. Если бы мы смогли двинуть большие силы в восточном направлении, пока противник наступает у Мортена, и повернули их затем на север, мы тем самым осуществили бы широкий охватывающий маневр и отрезали всю его армию. Я решил пойти на это и уничтожить немецкие войска на западе (схема 32).

Через неделю это решение привело к созданию аржантан-фалезского котла. Там в одном из ожесточеннейших сражений на западном фронте противник потерял свою 7-ю армию, а с ней и свою последнюю надежду удержаться во Франции. Ему пришлось спасаться бегством от

Аржантана до германской границы, покрыв расстояние почти 500 километров.

Однако в отличие от Гитлера мы тщательно взвесили у Мортена все шансы на успех. Возможность окружить армию противника оправдывала риск, но мы не хотели действовать опрометчиво. В течение первых 24 часов наступления противника я держал южнее Мортена наготове четыре дивизии как резерв.

Тем временем правее 30-й дивизии в линии нашего фронта образовался широкий разрыв. Для того чтобы прикрыть этот разрыв, прежде чем немцы обнаружат его, я взял у Паттона 35-ю дивизию и передал ее Ходжесу. Если бы противник направил свои танковые соединения южнее на несколько тысяч метров, он мог бы прорваться к Авраншу в первый же день. []

Утром 8 августа я проверил обстановку у Ходжеса и установил, что он держится крепко. Немцам не удалось углубить свое вклинение, и они явно выдохлись. Я решил, что Ходжес выстоит, особенно если поддержать его авиацией; начальники разведывательного и оперативного отделов согласились с моим мнением.

Нам нужен был только прогноз хорошей погоды для того, чтобы ударить в восточном направлении и затем повернуть на север и охватить открытый фланг противника. Такой прогноз мы получили в то утро: нам была обещана безоблачная хорошая погода в течение нескольких дней. Я передал метеосводку Левену Аллену.

— Начнем, — сказал я ему, — и бросим на восток все, что у нас есть.

Приказ был направлен Паттону. Пока Миддлтон преследовал противника в Бретани, 20-й корпус генерал-майора Уолтона Уокера должен был нанести удар в направлении прохода между Сеной и Орлеаном. В то же время 15-й корпус генерал-майора Уэйда Хэйслипа, находившийся в окрестностях Ле-Мана, поворачивал на север к стыку дорог в Аржантане с задачей блокировать главный путь отхода противника.

6 августа, после того как противник снял свои танки с фронта у Кана и перебросил их к Мортену, Монтгомери приказал британской и канадской армиям двинуться к Сене. Крерар, командующий канадской армией, действовавшей слева, должен был направиться по дороге из Кана на Фалез, а оттуда повернуть на северо-восток к Руану. Демпси, находившийся справа, двигался по главной магистрали, которая шла в восточном направлении через Аржантан, в 40 километрах южнее Фалеза. Противник еще не начал наступления на Мортен, и планы Монтгомери были основаны на предположении, что фон Клюге отойдет со своих позиций в Нормандии на оборонительный рубеж по реке Сене.

За несколько дней до этого, когда Монтгомери изложил свои планы на совещании, Демпси весело предложил пари, что он обгонит американские войска и раньше придет к Аржантану. Я не стал оспаривать оптимизм Бимбо Демпси, ибо при проведении широкого обходного маневра, который должен был вывести нас к Аржантану, нам предстояло пройти значительно больший путь.

Вечером 7 августа (утром в этот день противник начал наступление на Мортен) канадцы двинулись по дороге на Фалез. Бомбардировочная авиация расчищала им путь. Однако к полудню следующего дня они натолкнулись на упорное сопротивление, ибо противник укрепился в Фалезе, прикрывая свои коммуникации, обеспечивающие ему переброску войск к нашему коридору в Мортене.

Увидев, что в результате наступления противника на Мортен обстановка изменилась, Монтгомери пересмотрел свои планы. Он решил присоединиться к нам и захватить фон Клюге в клещи. Пока американские войска заходили с юга, он должен был двигаться с севера через Фалез, с задачей отрезать противника, находящегося западнее, и уничтожить его 7-ю армию. Как представитель Айка, Монти отвечал за координацию действий всех четырех союзных армий.

15-й корпус Хэйслипа должен был обойти противника с юга и выйти к Аржантану. Этот город находился в полосе действий англичан, в 20 километрах от разграничительной линии. Но поскольку здесь был стык дорог, имеющий стратегическое значение, где наши клещи должны были сомкнуться, Монти охотно простил нам нарушение границ.

— Мы дойдем до Аржантана и закрепимся там, — сказал я Паттону. — Нам надо быть осторожными и не наткнуться на Монти, наступающего от Фалеза.

Замыкая свою половину клещей с севера, Монти должен был стремительно наступать по дороге из Кана через Фалез и задержаться на рубеже в 20 километрах южнее Фалеза. После того как он закрывал проход между Фалезом и Аржантаном, последний путь отступления противника из Мортена был бы отрезан. Но для того, чтобы подойти к Аржантану с юга и сомкнуть клещи, нам нужно было время, и мы надеялись, что немцы достаточно долго будут продолжать свое бесплодное наступление и дадут нам возможность обойти их фланг.

На второй день наступления противника у Мортена министр финансов Генри Моргентау во время очередного объезда театра военных действий посетил нашу группу армий. 30-я дивизия Гоббса держалась на своих позициях с таким мужеством и упорством, что мы называли ее Мортенской скалой. Тем временем английские самолеты «Тайфун», вооруженные реактивными снарядами, присоединились к американским военно-воздушным силам и атаковали танки фон Клюге до тех пор, пока позиции противника не покрылись черными плюмажами дыма от горящих танков.

Знакомя в то утро Моргентау с обстановкой, я показал на карте то место, где линия германского фронта южнее Мортена поворачивала назад, и объяснил, как мы ждем на противника со стороны его открытого фланга. «Такая возможность выпадает на долю командующего не чаще, чем раз в сто лет, — сказал я. — Мы скоро уничтожим целую вражескую армию».

Моргентау отнесся к моим словам скептически, но я показал на немецкий клин у Мортена и изложил причины, дававшие мне право сделать такое заявление.

— Если противник будет продолжать наступление в районе Мортена еще 48 часов, — сказал я, — он даст нам время замкнуть кольцо окружения у Аржантана и полностью уничтожить его. А когда он потеряет в этом котле свою 7-ю армию, у него не останется сил для борьбы с нами. Мы беспрепятственно двинемся отсюда к германской границе.

Я не уверен, что Моргентау поверил мне. До границы надо было пройти еще 560 километров на восток.

11 августа, ровно через 48 часов после приезда Моргентау, фон Клюге, наконец, признал, что он больше не может выполнять приказ Гитлера о наступлении в районе Мортена. Он рекомендовал отказаться от безрассудного наступления и отойти к Сене.

На следующий день Гитлер согласился на отход, но с тем условием, что фон Клюге оттеснит противника от своего левого фланга и тыла. С таким же успехом Гитлер мог приказать своему командующему повернуть вспять течение Сены. Наш 15-й корпус в составе двух пехотных и двух бронетанковых дивизий уже подошел к стыку дорог в Аржантане и вот-вот должен был закрыть проход.

Тем временем Монти действовал на севере все с меньшим и меньшим успехом. За пять дней наступления он продвинул канадскую половину клещей к Фалезу только наполовину. Вечером 12 августа Хэйслип достиг Аржантана, но Монти застрял на севере, и между английскими и американскими войсками оставался разрыв в 30 километров.

Паттон телефоновал мне в тот вечер со своего командного пункта близ Лавала.

«Наши части в Аржантане, — сообщил он. — Позвольте мне двинуться в Фалез, и мы сбросим англичан в море, устроив им второй Дюнкерк».

«Ни в коем случае, — ответил я, ибо опасался столкновения с войсками Монтгомери. — Вы не должны двигаться за Аржантан. Остановитесь на достигнутом рубеже и закрепитесь. Зиберт говорит, что немцы начинают отходить. Лучше приготовьтесь встретить противника».

Паттон давно уже сомневался в том, что Монти сможет закрыть проход у Аржантана, и поэтому он приказал 15-му корпусу двинуться через Аржантан к Фалезу. К тому времени, когда Джордж позвонил мне, танки Хэйслипа уже выступили из Аржантана. Однако мои распоряжения были настолько категоричными, что Джордж без единого слова вернул Хэйслипа.

Пока мы нетерпеливо ожидали Монти в Аржантане, противник усилил оборону коридора. Авангарды танковых войск и частей СС уже отходили через коридор, направляясь к Сене. Но вместо того, чтобы удвоить усилия и отрезать немцам путь отхода, Монти увеличил давление на противника, оставшегося в западной части котла. Он не закрыл брешь у Фалеза, а продолжал оттеснять противника к Сене. Если тактика Монти озадачивала меня, то Эйзенхауэра она просто пугала. А на командном пункте 3-й армии, где пораженные офицеры беспомощно наблюдали, как ускользает от них добыча, Паттон проклинал Монтгомери за грубую ошибку. Джордж был раздражен вдвойне, потому что ему самому не разрешили закрыть проход. Но Монти никогда не возражал, а я никогда не предлагал закрыть проход между Аржантаном и Фалезом силами только американских войск. Я вполне довольствовался нашей первоначальной задачей и не хотел брать на себя другую.

Хотя Паттон мог закрыть эту узкую горловину, я сомневался, что он сможет удержать ее. Девятнадцать немецких дивизий панически стремились вырваться из ловушки, а Джордж с четырьмя дивизиями и без того блокировал три главных пути отхода через Алансон, Се и Аржантан. Если бы он продвинул свои войска до Фалеза, ему пришлось бы охватить дополнительный участок в 65 километров. Стремительно отходящий противник мог не только прорваться, но и смять Паттона. Я, конечно, предпочитал прочно удерживаться на рубеже у Аржантана вместо того, чтобы идти на Фалез, рискуя сломать шею.

Кроме того, я не хотел рисковать столкновением двух армий, что могло случиться, если бы Паттон двинулся на Фалез. Всякое встречное движение становится опасным и не поддающимся контролю маневром, если каждая из сторон не будет остановлена на определенном рубеже в соответствии с заранее согласованным планом. Беспорядочное вклинение американцев в боевые порядки наступающих войск Монтгомери легко могло привести к опасной путанице, так как англичане могли принять нас за немцев. Однако, задержав Паттона в Аржантане, я не поставил об этом в известность Монтгомери. Это решение было только моим. Оно никогда не выходило за пределы моего командного пункта.

Хотя заранее подготовленные позиции противника на дороге в Фалез, несомненно, были сильнее тех, через которые мы прорвались на пути в Аржантан, все же я был недоволен Монтгомери, который не закрыл своевременно этот проход. Ведь, получив отпор на дороге в Фалез, он мог двинуться дальше на восток и захлопнуть дверцу западни в Шамбуа, что ему и пришлось сделать через неделю.

Пока берлинское радио потешалось над нами, называя наши действия отчаянной попыткой уничтожить немецкую армию до того, как мы капитулируем перед самолетами-снарядами, Паттон в ярости бегал из угла в угол на своем командном пункте, сжимая в руках донесения разведки о бегстве дивизий противника через проход.

— Черт побери, теперь они все ушли, — кричал он. — Вместо того чтобы ждать здесь Монти, мы должны были идти дальше. Между мной и Сеной нет никакого противника.

Хотя я разделял возмущение Джорджа по поводу того, что ему приходится бездействовать на аржантанском выступе, однако не был с ним согласен относительно количества немцев, выскользнувших из ловушки. Авиация союзников бомбила колонны противника, а артиллерия

вела усиленный огонь по дорогам, и фон Клюге за два дня и две ночи мог вывести лишь небольшую часть тех девятнадцати дивизий, которые перемалывались внутри медленно затягивающейся петли.

Решив несколько дней тому назад, что я не могу закрыть фалезский проход, не поставив под угрозу свой аржантанский выступ, я теперь должен был выбрать один из трех возможных вариантов действий.

1. Мы могли не двигаться с места до тех пор, пока все немцы не уйдут из котла.

2. Мы могли уменьшить количество наших войск на выступе, продвинуться на 16 километров в северо-восточном направлении к Шамбуа и перерезать еще один путь отхода противника.

3. Наконец, мы могли оставить часть наших сил у Аржантана и ожидать соединения с приближающимися войсками Монтгомери, а остальные силы бросить в восточном направлении для того, чтобы захватить плацдарм на противоположном берегу Сены.

Первый вариант означал, по существу, ничегонеделанье и не мог дать конкретных результатов. Второй обещал небольшое вознаграждение. Хотя мы не могли закрыть западную взятием Шамбуа, однако сузили бы горловину и, может быть, замедлили бы бегство противника из котла. Третий вариант — стремительный бросок к Сене — открывал наибольшие тактические возможности. Ведь если бы Паттон захватил плацдарм на восточном берегу Сены, он лишил бы противника последнего надежного шанса закрепиться на этом рубеже. Но здесь мы сами шли на риск. Наступая в направлении к Сене, а не на Шамбуа, мы давали противнику возможность уйти из фалезского котла. Обычно первой целью воюющей стороны является уничтожение армии противника. Был ли плацдарм на Сене достаточно важным, чтобы оправдать нарушение этого закона войны?

Джордж помог мне разрешить сомнения. 14 августа он попросил у меня по телефону разрешения снять с аржантанского выступа две из четырех дивизий Хэйслипа и бросить их к Сене. Я сразу же отказался от двух первых вариантов и согласился с Паттоном относительно третьего. Если Монтгомери, думал я, хочет, чтобы мы ему помогли, пусть он попросит нас об этом. Но раз такая просьба была маловероятна, мы двинемся на восток.

Продвигаясь к Сене, Паттон должен был вести 3-ю армию по трем направлениям: один корпус — на юге — к Орлеану, другой — в центре — на Шартр, третий (Хэйслипа) — на севере — к Дре, в 65 километрах западнее Парижа. Из Дре Хэйслип должен был повернуть на северо-восток к Манту и там, в 56 километрах севернее Парижа, форсировать Сену.

Едва Хэйслип двинулся к месту форсирования Сены, как Монтгомери предложил нам передвинуть нашу южную охватывающую группировку от Аржантана на северо-восток к Шамбуа. Монти уже направил туда польскую бронетанковую дивизию, ставя своей целью замкнуть кольцо окружения противника.

— Я согласен с вами, сэр, — сказал я Монти. — Мы должны двинуться на северо-восток. Я, собственно, уже послал две дивизии на северо-восток — к Сене.

Мант был на 120 километров восточнее объекта Монтгомери — Шамбуа. Пока Монти переводил дух на другом конце провода, я старался побороть охватившие меня сомнения. Правильно ли я поступил? Ведь если бы мы не двинулись к Сене, то могли бы закрыть фалезский проход в Шамбуа и захватить больше пленных. Во время моего разговора с Паттоном я не знал решения Монти двинуться на юго-восток к Шамбуа. Первый и единственный раз во время войны я лег спать, испытывая мучительное чувство неуверенности. И сейчас я все еще не знаю, не следовало ли нам отложить наше наступление к Сене и двинуться вместо этого к Шамбуа. Хотя плацдарм на противоположном берегу Сены ускорил наше дальнейшее продвижение, однако взятие Шамбуа позволило бы захватить больше пленных.

19 августа, то есть через 12 дней после того, как противник атаковал нас у Мортена, и через шесть дней после того, как Паттон достиг Аржантана, Монтгомери замкнул кольцо окружения в Шамбуа, в 25 километрах юго-восточнее Фалеза. Более 70 тыс. деморализованных немецких солдат было убито или захвачено в плен в этом котле. Тем не менее, за пять дней, которые Паттон ожидал Монти в Аржантане, тысячи немцев вырвались из окружения. Но даже это обстоятельство не могло умалить значения нашей победы под Мортеном, которая была достигнута вследствие тупого упрямства Гитлера. Основная масса девятнадцати немецких дивизий была перемолота в котле. Вырвались только подвижные части, они выскользнули отдельными небольшими группами. Противник западнее Сены был уничтожен, и после этого освобождение Франции было уже делом нескольких дней. Между Орном и Сенной германские войска все еще блокировали 21-ю группу армий Монти. Но после того, как американские войска достигли Сены, фон Клюге ничего не оставалось, кроме отхода, чтобы спасти хотя бы остатки своей армии.

Весь мир с удивлением смотрел, с какой скоростью Паттон продвигается к Сене, однако основную тяжесть боев с немцами в фалезском котле вынесла на своих плечах 1-я армия Ходжеса, ибо противник, несмотря на безнадежность его положения, отнюдь не легко впадал в отчаяние. Даже командиры дивизии удивлялись ожесточенности сопротивления немцев в фалезском котле. Один командир дивизии, побывав в передовом батальоне, который вел бой с окруженным противником, пытался заверить утомленных офицеров штаба батальона, что против них находятся лишь «второсортные» немцы. Осунувшийся от усталости лейтенант, начальник разведки батальона, поднял воспаленные глаза и сухо сказал своему командиру:

— Генерал, я думаю, вам следовало бы иначе оценивать бошей. Они, видимо, сами не знают о том, что они так плохи, как вы думаете.

Во время сражения в районе Аржантан — Фалез успехи Паттона измерялись пройденными километрами, а успехи Ходжеса — количеством убитых врагов. Таким образом, ни один из них не мог претендовать на превосходство, так как их задачи были совершенно разные. Тем не менее, если количество убитых служит показателем ожесточенности и напряженности боя, то 1-я армия может претендовать на то, что на ее долю пришлось основная тяжесть наступления. За 19 дней 3-я армия прошла от Авранша до Сены, а 1-я армия, ликвидировавшая аржантанский котел, потеряла 19 тыс. человек. Ее потери почти в два раза превышали потери 3-й армии, действовавшей на открытом фланге противника.

19 августа, в туманное утро, когда мы замыкали кольцо окружения в районе Шамбуа, Монтгомери созвал совещание, для того чтобы согласовать свое продвижение к Сене с нашим. Мы встретились на полпути между нашими командными пунктами и уселись с планшетами в руках под стогом свежего сена у дороги.

Хотя мы уже вышли на рубеж Мант — Орлеан в соответствии с планом операции «Оверлорд», англичане еще не подошли к Сене. Намереваясь окружить немецкие части, которые вырвались из фалезского котла, и в то же время проложить путь для продвижения англичан, я предложил Демпси направить две английские дивизии в обход Авранша по пути следования армии Паттона к Сене и там повернуть на север, чтобы замкнуть внешнее кольцо окружения западнее Сены (схема 33).

— Мы дадим вам грузовики для того, чтобы совершить этот бросок, — пообещал я, полагая, что ему потребуется помощь при совершении такого длительного перехода.

Бимбо ответил, ковыряя соломинкой в зубах: — О, нет, Брэд, благодарю. Нам это не по силам. Я не могу выделить две дивизии для такого большого броска.

Для того чтобы не упустить возможность замкнуть второе кольцо окружения противника западнее Сены, я предложил повернуть американские войска в северном направлении в

английский сектор и отрезать противника на левом берегу.

— Если вы не можете сделать это, Бимбо, — сказал я, — вы не будете возражать, если мы попытаемся? Но это будет означать, что мы вклинимся в расположение наших войск.

— Почему же нет, — ответил он. — Мы будем рады, если вы это сделаете. Жаль только, что мы сами не можем выделить войска для этой цели.

Монти кивнул головой в знак согласия. Мы предвидели, что движение американских войск через боевые порядки англичан внесет значительную путаницу. Ведь 80 тыс. солдат, которые прошли на север, должны будут вернуться назад и пересечь дорогу англичанам,двигающимся к Сене.

Тем не менее нам так хотелось перехватить противника, бегущего на восток, что мы направили четыре дивизии на север вдоль левого берега Сены. К 25 августа они прошли свыше 50 километров через линию английского фронта и подошли к окрестностям готического города Руана. Этот неожиданный маневр вызвал панику у противника, отступавшего перед войсками Монтгомери. Мы не только закрыли Сену между Мантом и Руаном, мы заставили немцев форсировать ее на узком участке недалеко от устья. Когда немецкие колонны скопились у паромной переправы, появилась авиация союзников и начала обстреливать и бомбить их. Затем в течение двух дней наша артиллерия обстреливала эти войска, и район переправы был издалека замечен по столбам дыма, которые поднимались к летнему небу.

Теперь Демпси продвигался вперед, почти не встречая сопротивления, к тому участку западнее Сены, который мы расчистили для него. Когда он вышел к Сене в районе Манта, мы предоставили ему готовый плацдарм. Затем, чтобы отвести американские войска назад через линию английского фронта, где дороги были забиты грузовыми машинами, Ходжес и Демпси договорились о регулировании движения на всех перекрестках. Английским и американским колоннам поочередно предоставлялось по два часа для прохождения этих перекрестков до тех пор, пока американские войска не были полностью отведены в свой сектор.

Через несколько дней, когда корреспонденты английских газет расспрашивали Демпси о его продвижении к Сене, он заявил, что он мог бы идти быстрее, если бы не американские грузовики, которые мешали движению его войск. Хотя мы были, может быть, чрезмерно чувствительными ко всякому порицанию, однако мое самолюбие было задето, когда я узнал, что тот, кто больше всего выиграл от нашего маневра, расценил его как помеху. Я напомнил Монти, что Демпси было гораздо выгоднее пользоваться половиной дня дорогами, очищенными американцами от противника, чем продвигаться в течение целого дня по дорогам, еще занятым немцами.

Если бы мы не направили наши войска в северном направлении на помощь Демпси, мы могли бы продвинуться далеко на восток от Парижа и захватить большую территорию. — Но опять-таки хочется сказать, что мы готовы были отказаться от завоевания территории для того, чтобы истребить как можно больше немцев.

Позднее Монти принес свои извинения за выступление Демпси перед корреспондентами.

— Бимбо, — объяснил он, — сказал мне, что его неправильно поняли.

19. Освобождение Парижа

В начале августа 3-я армия, двигаясь от Лавалля на восток, достигла Ле-Мана, города, расположенного всего лишь в 175 километрах к юго-западу от Парижа. Однажды днем на наш командный пункт около Сен-Совер-Ленделена спешно прибыл курьер из Лондона. Он сжимал в руках конверт с сургучной печатью. Расстегнутый карман его военной тужурки был туго набит документами, удостоверяющими, что их обладатель облечен особыми полномочиями. Эти документы и обеспечили курьеру место в самолете, совершающем рейсы через Ла-Манш.

Хансен разорвал конверт и извлек из него миниатюрный американский флажок. На пол упала визитная карточка. «Для джипа генерала Брэдли, по освобождении Парижа», — гласила приложенная к ней записка. Курьер был послан майором Робертом Коеном из Бостона, энергичным, небольшого роста офицером квартирмей-стерской службы; он встретил меня в мой первый приезд в Лондон и вместо приветствия снял с меня мерку. Отныне по этой мерке мне должны были шить все обмундирование, какое только может потребоваться.

За своим рабочим столом в управлении генерал-майора Роберта Литтлджона в Лондоне Коен заразился лихорадкой, охватившей американскую армию при приближении к Парижу. Для поколения, воспитанного на рассказах о легендарных подвигах отцов в первую мировую войну, Париж имел особую притягательную силу. Однако в тактическом отношении он не представлял никакой ценности. Этот город, овеянный славой в прошлом, был всего лишь небольшим пятном на наших оперативных картах, и мы должны были обойти его, двигаясь на восток к Рейну. Освобождение Парижа могло поставить в тупик наших снабженцев, так как за его красивыми фасадами жило четыре миллиона голодных французов. Отправка в Париж продовольствия осложнила бы работу наших и без того перегруженных линий снабжения. Снабжение продовольствием Парижа означало бы сокращение подвоза бензина на фронт.

За несколько дней до того, как противник начал наступление в районе Мортена, я еще раз проверил наш перспективный план освобождения Парижа. Некоторые офицеры штаба считали, что немцы обязательно попытаются спасти Париж от разрушения и объявят его «открытым городом», как это сделали французы в 1940 г. Я не разделял эту точку зрения. По нашим данным, противник сосредоточил в Париже крупные запасы продовольствия, а если это было так, то перед ним не было иного выбора, как оборонять город. Однако это не означало, что мы должны были обложить город и начать осаду. Мы разработали план широкого обхода Парижа с юга, затем предполагали повернуть на север, соединиться с войсками, охватывающими город с севера, и перерезать немецкому гарнизону пути отхода на территорию рейха. Стремясь выйти на рубеж Сена — Орлеан, мы разработали план выброски воздушного десанта в окрестностях города Шартра, знаменитого своими соборами. При этом мы исходили из предположения, что противник создаст оборонительный рубеж от Кана на юг в направлении к Луаре. Прорвавшись через этот рубеж, 3-я армия совершит бросок севернее Луары и соединится с десантом, выброшенным в Шартре. К 10 августа план воздушно-десантной операции был уже составлен. Спустя неделю мы предложили его аннулировать. Противнику не удалось создать новый оборонительный рубеж, более того, командование 3-й армии заявило, что армия может выйти на рубеж Сена Орлеан без помощи воздушно-десантных войск. Отказ от десантной операции в районе Шартра позволял использовать транспортные самолеты для перевозки грузов в 3-ю армию.

День 19 августа был ознаменован для армии Паттона открытием внеплановых воздушных перевозок; в этот день 21 самолет «С-47» доставил на аэродромы близ Ле-Мана 47 тонн продовольствия. Уже в это время мы начали испытывать недостаток горючего и боеприпасов,

замедлявший темпы нашего продвижения, и воздушные перевозки должны были послужить залогом успеха в нашей ожесточенной борьбе за снабжение. Через несколько дней темпы нашего наступления стали определяться уже не силой сопротивления противника, а количеством запасов, доставленных союзным войскам.

К 21 августа 3-я армия форсировала Сену севернее и южнее Парижа. Противник, все еще находившийся к западу от Сены, прилагал все усилия к тому, чтобы оторваться от 1-й армии, войска которой вытягивались вдоль левого берега Сены в направлении Руана. В последней отчаянной попытке спасти свои деморализованные войска, фон Клюге отдал приказ разбиться на небольшие группы и просачиваться сквозь наши линии. Затем, не будучи в состоянии пережить катастрофу, виновником которой был Гитлер, немецкий фельдмаршал покончил с собой.

Паттон еще не успел форсировать Сену, а ко мне уже явилась делегация корреспондентов с просьбой не подвергать Париж артиллерийскому обстрелу, несмотря на то, что в городе остался немецкий гарнизон. Хотя я и не разделял их любви к городу, в котором мне ни разу не пришлось побывать, однако заверил корреспондентов, что мы не повредим ни одного булыжника на его улицах. «Вместо того чтобы ворваться в город через западные ворота, — объяснил я, — мы сначала возьмем Париж в клещи, а затем вступим на его улицы, когда нам заблагорассудится».

— Какая дивизия возьмет город? — задал вопрос один из корреспондентов.

— Они все хорошо дрались, — ответил я, пытаясь уклониться от прямого ответа. — Нам будет трудно сделать свой выбор...

— Если разрешено выставлять кандидатов, — засмеялся он, — считайте, что один голос уже подан за первую.

— А почему бы вам самим не взять город? — предложил я. — Для этого у вас достаточно корреспондентов. Seriously, вы можете взять его, когда вам вздумается, и избавить нас от массы хлопот. Я могу признаться, что мы отнюдь не рвемся освободить Париж именно сейчас, хотя я прошу вас не передавать мои слова французам.

За четыре недели, истекшие после прорыва в Нормандии, американские линии снабжения растянулись от Сен-Ло до Сены. Теперь снабжение предмостного укрепления 3-й армии юго-восточнее Парижа зависело от шоссейной дороги протяженностью 400 километров, идущей от порта Шербур. Наступая, мы слишком быстро преодолели все рубежи сопротивления противника, которые были приняты в расчет при планировании темпов продвижения наших тылов. Более того, численность войск, получавших снабжение по вышеупомянутой шоссейной дороге из Шербура, возрастала со дня на день по мере общего накопления наших сил. А впереди нас ждала вспышка бензинового голода, которая остановила наши танки в нескольких километрах от линии Зигфрида.

Железнодорожные пути были восстановлены до Ле-Мана в 225 километрах восточнее Шербура, но ремонт разрушенных бомбами мостов шел крайне медленно: не доставало инженерно-строительных батальонов. Чрезвычайная изношенность подвижного состава французских железных дорог вызвала перебои в работе железнодорожного транспорта. В то же время железнодорожные составы, специально сформированные в Англии, и железнодорожное оборудование ждали своей очереди погрузки в английских портах, уступая место грузовикам. Недостаток железнодорожного транспорта мы компенсировали грузовиками; эти машины грузоподъемностью 2,5 тонны не знали отдыха. Перебросив войска и запасы к линии фронта, они немедленно возвращались назад за новым грузом. Для удовлетворения наших потребностей, растущих с каждым днем, требовалось все больше и больше автотранспорта, и мы даже начали отбирать строевые машины у прибывающих в Шербур новых дивизий и включать их в состав автотранспортных колонн. Но даже эти крайние меры не помогли бы нам оттянуть кризис со

снабжением до сентября, если бы мы не урезали поставки армиям и не организовали воздушные перевозки.

Между тем мы могли продвигаться на восток только ценой предельного напряжения всех наших тылов, и я опасался, что освобождение Парижа нарушит всю нашу систему снабжения. Каждая тонна продовольствия, прибывшая в этот город, означала, что фронт получит на одну тонну меньше боеприпасов или горючего. Начальник отдела военной администрации штаба группы армии (G-5) подсчитал, что в первое время парижанам потребуется не менее 4 тыс. тонн различных грузов в сутки. Было бы хорошо, если бы Париж потуже затянул свой пояс и пожил с немцами еще немного. Ведь каждые сэкономленные 4 тыс. тонн обеспечивали трехдневный марш моторизованных частей по направлению к границе Германии. Но лишенный своей молочной базы в Нормандии и отрезанный от зерновых районов Франции, Париж истощил все имевшиеся запасы. Наши агенты сообщали о растущем продовольственном кризисе.

Намереваясь создать неприкосновенный запас на случай взятия Парижа, мы отправили 20 августа в верховный штаб экспедиционных сил союзников радиogramму с требованием выслать нам по воздуху 3 тыс. тонн продовольствия. Однако, несмотря на угрозу голода в Париже, я твердо решил не отступать от намеченного плана. Если мы сможем обрушиться на линию Зигфрида, не испытывая недостатка в припасах, это приблизит конец войны и вознаградит Париж за лишнюю неделю оккупации. Но мы не приняли в расчет нетерпения парижан, которые в течение четырех лет ждали союзные армии, наконец, приблизившиеся к воротам их города. Мой план взятия Парижа в клещи лопнул на аэродроме близ Лавалля утром 23 августа.

* * *

Уже 7 августа Париж стал проявлять лихорадочное беспокойство в связи с приближением армий освобождения. В этот день танки 7-й американской дивизии грохотали по булыжным мостовым Шартра, а гестапо в Париже спешно грузилось в машины, готовясь к эвакуации.

Рауль Нордлинг, в течение 18 лет занимавший пост генерального консула Швеции в Париже, только в это утро сумел добиться освобождения из городской тюрьмы 4213 политических заключенных. Опасаясь, что гестапо скорее казнит всех узников, чем согласится на их освобождение, Нордлинг, как представитель нейтральной страны, за несколько дней до этого посетил Отто Абеца гитлеровского посла во Франции. Он предупредил германского проконсула, что зверства гестапо в Париже сделают суд народов после войны еще более беспощадным.

— Ерунда, — вскричал Абец, взбешенный вмешательством Нордлинга, — мы никогда не убивали политических заключенных. — Затем, как бы выговаривая шведу за его дерзость, посол добавил:

— Положение на фронтах восстановлено. Мы не собираемся уходить из Парижа и не готовимся к эвакуации.

Обескураженный резким ответом гаулейтера, Нордлинг обратился к Лавалю, находившемуся тогда в Париже. Но этого коллаборациониста, постаревшего от переживаний, по-видимому, больше беспокоила только собственная судьба и нисколько не интересовала просьба консула. Ничего не добившись от Лавалля, Нордлинг оставил его наедине со своими тревожными мыслями.

С помощью одного австрийца, который, как говорили, сочувственно относился к французскому движению сопротивления, Нордлингу удалось испросить аудиенцию у генерала Дитриха фон Хольтица, начальника немецкого гарнизона в Париже.

Генерал спокойно выслушал Нордлинга.

— Как командующий, я не могу вмешиваться в судьбы гражданских лиц. Возможно, их для безопасности отправят в Германию.

— Но поезда из Парижа больше не ходят, — резко возразил шведский консул. Вы не можете вывезти заключенных в Германию. Почему бы вам не передать их правительству Швейцарии или моему правительству? Мы поручимся, что они не поднимут против вас оружие.

Фон Хольтиц недовольно поморщился.

— Нет, — ответил он с некоторым замешательством. — Я не могу этого сделать. Для того чтобы освободить этих заключенных, я должен получить соответствующий приказ.

Он смотрел с минуту на Нордлинга, затем медленно произнес:

— Если вы дадите мне пять немцев-военнопленных за каждого заключенного, я выдам их вам.

— Но вы же знаете, что я не имею отношения к военнопленным, — начал Нордлинг.

— Хорошо, давайте запишем все это на бумаге.

Обмен, который предлагал фон Хольтиц, не вызывал никаких сомнений. Немецкий комендант успокаивал свою совесть и сохранял голову. Нордлинг молча пожал плечами и скрепя сердце составил документ, в котором «обязался» своим честным словом добиться выдачи пяти германских военнопленных в обмен за каждого освобожденного француза.

«Обмен» был назначен на 17 августа, но вечером в этот день начальник тюрьмы заупрямился и отказался отпустить своих подопечных. — Если я их выпущу, они нарушат приказ об осадном положении, — пояснил он.

Нордлинг согласился подождать до утра. Но утром начальник тюрьмы снова заколебался. На этот раз он сомневался в «правильности» своих действий. Карманные деньги заключенных были изъяты при аресте, и по закону их нельзя было освободить до тех пор, пока не будут возвращены деньги. К несчастью, начальник тюрьмы не располагал денежными фондами. Нордлинг поспешил в банк, взял 700 тыс. франков со счета шведского консульства и отдал их немцу. Комендант возвратил деньги заключенным и распахнул перед ними двери тюрьмы.

К этому времени подпольные отряды французского движения сопротивления начали обстреливать немецкие патрули; завязались уличные бои. Опасаясь, что начальник немецкого гарнизона прибегнет к репрессиям, штаб движения сопротивления направил одного из своих представителей, Александра де Сэн-Фалль, к шведскому консулу сообщить ему о своих опасениях. Если уличные бои примут стихийный характер, Париж может стать полем боя и подвергнется ненужным разрушениям. Если бы только удалось убедить противника в безнадежности его положения, можно было бы заключить перемирие и спасти город.

Когда уличные бои утром 19 августа начали принимать стихийный характер, Нордлинг снова отправился в штаб фон Хольтица в отеле «Мёрис». Он застал генерала в подавленном состоянии духа.

— Революция в Париже началась, — заявил Хёльтиц. — Я должен отдать приказ моим самоходным орудиям выступить и атаковать префектуру полиции.

Взгляд фон Хольтица скользнул по садам Тюильри и площади Согласия и остановился на мосту через Сену.

— Мне жаль, что все обернулось таким образом, — сказал он. — Начиная со Сталинграда, мне не везет. Мне всегда выпадало на долю защищать тыл германской армии. И каждый раз при этом я получал приказ уничтожить город, который оставлял.

Он сардонически усмехнулся и повернулся к Нордлингу.

— Теперь я войду в историю как человек, разрушивший Париж.

— Но это совсем не ваш долг разрушить Париж, — возразил Нордлинг. Конечно, народ

восстал, но не против вас. Народ поднялся против правительства Петэна.

Фон Хольтиц едко ответил:

— Да, против правительства Петэна. Но беда в том, что она стреляют в моих солдат.

Генерал покачал головой и снова посмотрел в сторону Сены,

— Все это может окончиться только разрушением Парижа.

Не сомневаясь больше в том, что немцу не по душе была возложенная на него миссия, Нордлинг сделал попытку выиграть время. Не делайте этого, — попросил он. — Подождите, пока я не проконсультируюсь с руководителями движения сопротивления.

Руководители движения сопротивления, также обеспокоенные тем, что действия французов могут вынудить фон Хольтица выполнить приказ Гитлера и уничтожить город, согласились вступить в переговоры с немцами о перемирии через посредство Нордлинга. Уличные бои были моментально приостановлены, но в воскресенье 20 августа они вспыхнули вновь. В этот день отдельные группы французских партизан открыли огонь по германским войскам. На этот раз фон Хольтиц предъявил французам ультиматум: либо нападения прекратятся, либо он отдаст приказ бомбардировать Париж. Одновременно он приступит к выполнению приказа относительно самого безжалостного разрушения города.

Руководители движения сопротивления не располагали средствами связи, и необходимость быстро передать приказ о прекращении огня поставила их в затруднительное положение. Нордлинг предложил установить на грузовиках громкоговорители и таким образом довести условия перемирия до широких масс населения города. Немецкий комендант Парижа признавал правительство, выдвинутое восставшими, а французы брали на себя только одно обязательство прекратить стрельбу по немецким войскам. Шумные толпы парижан с восторгом приняли это сообщение, и на улицах появились флаги союзных держав.

Но перемирие снова было сорвано, когда Париж наводнили подпольные коммунистические газеты, призывавшие парижан не вступать в соглашение с бошами.

— На баррикады! — снова зазвучал на улицах старинный боевой клич.

Ответные действия Фон Хольтица не заставили себя ждать: он прекратил выдачу продовольствия населению. Но руководство движения сопротивления уже не в состоянии было заставить французов соблюдать условия перемирия. В свою очередь, фон Хольтиц был бессилен сдержать свои войска. Он решил, что у него не остается другого выбора, как выполнить полученный приказ.

— Я никогда не сдамся нерегулярной армии, — заявил он. Это замечание не ускользнуло от Нордлинга. Если немецкий комендант не хочет иметь дела с нерегулярной армией, то, может быть, он войдет в переговоры с армией союзников. Консул вызвался установить связь с союзниками и предложить американцам войти в город, что дало бы фон Хольтицу возможность с честью сдать столицу Франции. Фон Хольтиц принял предложение шведа, он даже выразил готовность в целях безопасности послать офицера, который провел бы делегатов через немецкие линии.

Во вторник вечером в здании консульства тайно собралась странная группа людей. К этому времени 62-летний Нордлинг заболел, и главой делегации был избран его брат Рольф, французский подданный. Кроме него, в делегацию входило четыре человека: де Сен-Фалль — представитель комитета национального освобождения в Париже, таинственный господин Арму из английской Интеллидженс Сервис, некий Жан Лоран, отрекомендовавшийся как бывший секретарь кабинета при генерале де Голле и австриец-антифашист. Документы Лорана показались подозрительными, и он был зачислен в состав делегации только после того, как за него поручился английский агент.

В небольшом консульском автомобиле «Ситроен» со шведским и белым флагами делегация

выехала из Парижа через Версаль в сопровождении немецкой штабной машины, в которой ехал немецкий офицер Герман Бендер, сопровождавший парламентариев по приказу фон Хольтица. Вскоре после 7 часов вечера они прибыли в расположение немецкого сторожевого охранения близ Траппа на дороге в Рамбуйе. Здесь их остановил капитан СС и с каменным лицом выслушал немецкого офицера, сообщившего о полученных инструкциях.

— После 20 июля, — сказал капитан, — мы не обязаны подчиняться некоторым германским генералам.

Он арестовал делегацию и отправился в Версаль за подтверждением полученного приказа. Спустя полтора часа осторожный капитан вернулся. Он вызвал связного мотоциклиста и поручил ему передать немецким батареям, находившимся впереди, приказ пропустить машину.

Уже в сумерках машина делегации со всяческими предосторожностями въехала в деревню Нофль-ле-Вьё. Навстречу не раздалось ни одного выстрела, и никто не остановил автомобиль со шведским флагом, когда он появился в расположении американских войск. В центре деревушки Рольф Нордлинг наткнулся на американский танк «Шерман», экипаж которого был настолько поглощен празднованием одержанной победы, что не обратил никакого внимания на странный автомобиль.

Рольф Нордлинг, несколько озадаченный этим безразличием, отыскал командира танка.

— У меня поручение к генералу Эйзенхауэру, — пояснил он.

— К какому там генералу, — фыркнул сержант, — пройдемте лучше со мной к нашему командиру полка.

Поздно вечером Нордлинга и его спутников допросил дежурный капитан в отделе разведки корпуса. Только после того, как английский агент удостоверил свою личность, подозрения капитана отпали и он отпустил их. На этот раз Нордлинг обнаружил, что его везут в штаб 3-й армии Паттона, разместившийся юго-западнее Шартра.

В среду утром 8 августа Паттон выслушал предложение Нордлинга. Он позвонил мне как раз в тот момент, когда я покидал Лаваль, направляясь на командный пункт Айка. Джордж погрузил членов делегации в самолеты и доставил на аэродром, где я ожидал их.

Как только начальник разведки проверил достоверность слов Рольфа Нордлинга, я вызвал начальника оперативного отдела и отдал 2-й французской бронетанковой дивизии приказ немедленно выступить маршем на Париж. Одновременно с юга должна была выступить 4-я американская пехотная дивизия. Я сел в самолет и поспешил в Гранвиль доложить о принятых мною мерах Айку.

2-я французская бронетанковая дивизия, укомплектованная французами из Северной Африки и беженцами, находившимися в Англии, имела на вооружении американские танки. Дивизия храбро билась в Аржантане, где она в течение двух недель удерживала выступ в линии фронта армии Паттона. Ее всеми уважаемый командир, прославленный генерал-майор Жак Леклерк, в 1940 г. был взят в плен немцами, но бежал. В 1943 г. в Ливии он провел группу войск из Форта Лами через Сахару, чтобы соединиться с 8-й армией Монтгомери в Триполи. Имя Леклерк было псевдонимом, взятым генералом для того, чтобы уберечь от преследований семью, оставшуюся в оккупированной немцами Франции. Прекрасный танкист, Леклерк уже по собственному почину сделал попытку освободить Париж. Когда 5-й корпус занял позиции у Аржантана, командир корпуса Джероу заметил французские разведывательные танки двигавшиеся на восток.

— Куда вас черт несет? — спросил Джероу командира колонны.

— В Париж, не правда ли? — весело ответил французский капитан. Джероу разразился проклятиями и повернул танки назад, приказав им не оставлять больше своих позиций.

Мне гораздо легче было послать на Париж любое количество американских дивизий, но я

намеренно избрал французские части. Я хотел помочь французам снова воспрянуть духом после четырех лет оккупации. На Париж двинулись «Шерманы» с трехцветными флажками на башнях. Вспомнив первую попытку Леклерка проскользнуть в Париж, Левей Аллен засмеялся.

— Эти французы, — сказал он, — вступят в город с западной стороны, но, запомните мои слова, они никогда не выйдут из него с восточной.

Слова Аллена оказались почти пророческими. В течение недели мы выискивали танки Леклерка во всех переулках Парижа. Мне пришлось даже пригрозить, что я расформирую дивизию, чтобы заставить ее снова выступить в поход.

Леклерк получил приказ 22 августа выступить немедленно, но только на следующее утро приказ был исполнен. В течение следующих 24 часов 2-я французская бронетанковая дивизия медленно пробиралась сквозь толпы французов, на всем пути население встречало ее вином и бурными приветствиями. Я не мог осудить французских солдат за то, что они отвечали на приветствия своих соотечественников, но я также не мог ждать, пока они продефилируют до Парижа. Мы должны были выполнить условия соглашения с фон Хольтицем.

— К черту престиж, — сказал я, наконец, Аллену, — отдайте приказ 4-й дивизии выступить и освободить город.

Узнав об этом приказе и испугавшись за честь Франции, танкисты Леклерка сели в свои машины и быстро двинулись вперед. В 10 часов вечера 24 августа капитан Дронн из 2-й французской бронетанковой дивизии выстроил перед отелем де Билль дивизион легких танков и роту пехоты.

На следующее утро 25 августа, французский взвод прибыл к отелю де Мёрис, где находился штаб начальника немецкого гарнизона. На втором этаже фон Хольтиц собрал всех своих офицеров с видимым намерением сдаться. Французские солдаты бросили три дымовые гранаты в вестибюль отеля, и немцы вышли с поднятыми руками. Их отвезли на вокзал Монпарнас, где фон Хольтиц официально сдал Париж французам. Он направил немецких офицеров с белыми флагами в части гарнизона, чтобы сообщить им о капитуляции. В этот вечер Париж начал праздновать свое освобождение.

В течение первых двух недель после прорыва обороны немцев в Нормандии действия 8-й армии находились под строгим цензурным контролем. Скрывая силы и состав нашей правофланговой группировки, мы надеялись ввести противника в заблуждение относительно наших намерений. Если бы Гитлер знал, что танки Паттона обходят фланг фон Клюге, он мог бы отказаться от наступления у Мортена. Я знал, как раздражало Паттона это вынужденное пребывание в неизвестности, и поэтому с нетерпением ждал момента, когда можно будет предать гласности действия его армии. Кричащие газетные заголовки подстегивали Джорджа, — чем крупнее был их шрифт, тем отчаяннее он сражался.

Несколько ранее я обещал Хэйслипу снять подобные же цензурные ограничения с его 15-го корпуса после того, как он возьмет Алансон. 12 августа я предложил Айку одновременно с Хейслипом снять цензурный запрет и с Паттона, так как к тому времени он должен был захватить с юга Аржантан. Аик засмеялся и согласился с моим предложением, но только в отношении 15-го корпуса, отказавшись снять цензуру с Паттона.

— Пока подождем, — сказал он, — после всех неприятностей, которые мне пришлось претерпеть из-за Джорджа, на моей бедной старой голове осталось всего несколько седых волос. Нет, пусть Джордж еще немного поработает для своих любимых заголовков.

Через несколько дней Аик смягчился, и 3-я армия замелькала в газетных заголовках. Слава Джорджа в Соединенных Штатах начала пробивать выход из закутка, в который она попала в Сицилии.

Незадолго до падения Парижа мы, следуя за нашими армиями, переместили «Игл ТАК» из

Лавалля в тенистый город Шартр, расположенный в 180 километрах. Связисты отставали от быстро двигавшихся колонн, и мы в штабе группы армий оказались перед проблемой: либо тащиться позади и поддерживать телефонную связь с Айком, теряя связь с армиями, либо двигаться вместе с армиями и поддерживать связь с Айком только по радио. Аик ворчал; он не разделял нашего мнения о невозможности поддерживать телефонную связь с верховным штабом экспедиционных сил союзников, но перед нами не было другого выхода: мы не могли потерять связь с фронтом. Отсутствие телефонной связи с тылом делало штаб 21-й группы армий еще более недоступным, чем штаб главного командования. Но об этом мы не жалели.

В начале августа я перенес свою походную канцелярию из скромного грузовика в прекрасно оборудованный штабной прицеп длиной в половину пульмановского вагона. Сзади на петлях была устроена площадка, которая образовывала как бы веранду, соединявшуюся с 2,5-тонным грузовиком. Этот грузовик я по-прежнему использовал под квартиру. Когда 4 июля Аик посетил наш плацдарм, ему пришлось скорчиться в самой неудобной позе внутри маленького грузовика, где я жил и работал.

— Почему вы не откажетесь от этого проклятого чулана, — сказал он, — и не приобретете удобный прицеп, как Монти?

Этого разрешения как раз мы и добивались.

Мой прицеп, оборудованный в Англии по тщательно продуманным указаниям Хансена, был так богато отделан, что я часто испытывал чувство стыда зато, что живу в таком комфорте. В потолок были вмонтированы четыре лампы из плексигласа для освещения в дневное время; ряд флуоресцирующих ламп освещал стенды с картами, установленные вдоль боковых стен. Передняя часть прицепа, отделанная красным деревом и устланная коврами, имела полукруглую форму и напоминала церковный алтарь. Действительно, когда маршал авиации Теддер впервые посетил меня, он подошел к перилам, разгораживавшим помещение, опустился на колени на скамью перед «алтарем» и сказал:

— Причастите меня, пожалуйста.

В 1947 г. я через различные каналы пытался разыскать этот штабной прицеп, но в хаосе демобилизации отчетность на европейском театре военных действий была приведена в столь запутанное состояние, что никаких следов прицепа обнаружить не удалось. Что касается грузовика, который служил мне квартирой, удалось установить, что его отправили в Англию.

Один фермер написал мне, что он купил этот грузовик во время распродажи излишков американского имущества и что он служит прекрасным убежищем для его пастуха в торфяных болотах.

* * *

На другой день, по освобождении Парижа, я вернулся на командный пункт, помещавшийся в амбаре близ Шартра, после непродолжительного полета в Брест. Я застал Эйзенхауэра, примостившегося на пороге. Хотя Аик приехал по весьма серьезным делам, он все же предложил мне прогуляться на другое утро в Париж и посмотреть город.

— Завтра воскресенье, — сказал он, — и все будут долго спать. Мы сможем побывать в Париже и вернуться без всякого шума.

Он радировал Монти и пригласил его присоединиться к нам, но Монти принес свои извинения и отказался, — он был слишком занят в связи с продвижением английских войск к Сене.

На следующее утро еще не было 8 часов, когда наши машины втиснулись в колонну,

продвигавшуюся по сонным бульварам Шартра. Защитного цвета «Кадиллак» Айка, украшенный французским, английским и американским флажками, двигался между двумя бронеавтомобилями. Зиберт прокладывал дорогу на своем джипе. По мере приближения к Парижу нам навстречу стало попадаться все больше и больше велосипедистов; создавалось впечатление, будто половина Парижа в это утро села на велосипеды и отправилась за город в поисках продовольствия. Время от времени мы давали сигнал, проезжая мимо какого-нибудь допотопного грузовика с большими колесами, газогенераторная установка которого отравляла воздух выхлопными газами. То там, то здесь вдоль дороги спали солдаты 4-й дивизии, которые завернулись в свои походные одеяла и не обращали никакого внимания на шум.

Джероу поджидал нас на углу оживленной улицы у Орлеанских ворот, разукрашенных флагами. Мы проехали через Монпарнас, миновали бульвары, изрытые канавами, которые должны были служить убежищами от бомбардировок, и направились в префектуру полиции, занятую штабом де Голля. На широкой лестнице, идущей со двора до самой канцелярии де Голля, была выстроена республиканская стража в наполеоновских мундирах, с красными полковыми значками и в черных лакированных шляпах. Де Голль ждал нас в своем кабинете. На его длинном угрюмом лице появилась приветливая улыбка. Это была моя первая встреча с этим суровым солдатом армии сопротивления, и я не мог отыскать в чертах его лица ничего, кроме мрачной и непреклонной решимости. Де Голль заговорил о крайней необходимости показать парижанам, что на этот раз союзники достаточно сильны и смогут оттеснить немцев на территорию Германии и там их уничтожить. Он предложил провести одну или две наши дивизии по улицам Парижа, дабы произвести должное впечатление на парижан и вдохнуть в них бодрость.

Айк повернулся ко мне и спросил, что мы можем сделать. План очередной наступательной операции был уже готов и предусматривал выступление наших войск из Парижа в восточном направлении.

Поэтому я ответил, что, возможно, мы смогли мы провести одну из дивизий прямо через площадь Этуаль, чем направлять ее кружным путем через окрестности Парижа.

— Когда мы сможем это сделать? — спросил Айк.

— О, возможно, через два-три дня, я не могу сказать точно.

В сопровождении генерала Жозефа-Пьера Кёнига, назначенного генералом де Голлем военным комендантом Парижа, мы направились к бульвару Инвалидов, где под позолоченным куполом дома инвалидов находилась гробница Наполеона. Бегло осмотрев гробницу, мы пересекли Сену и выехали на широкую площадь Согласия, затем направились к утопающим в зелени Елисейским полям. Огромное трехцветное полотнище обвивало Триумфальную арку сверху донизу. Как только Эйзенхауэр вышел из машины, чтобы поклониться могиле Неизвестного солдата, к нему устремилась ликующая толпа. Обратный путь к автомобилю был прегражден толпой, и, чтобы расчистить дорогу, потребовалось вмешательство военной полиции. Но когда Айк находился уже в двух-трех шагах от спасительной дверцы автомобиля, его сзади обхватил огромный взъерошенный француз и покрыл обе щеки бесчисленным количеством поцелуев. Побагровевший Айк барахтался, пытаясь высвободиться из этих объятий, а окружающая толпа выпускала неистовые крики восторга. Будучи отрезанным от своей машины, я все же сумел пробиться к одному из охранявших нас джипов, около которого хорошенькая молодая женщина что-то нашептывала водителю. Несколько минут спустя, стирая со щек губную помаду, я шутя сказал Айку, что счастливее его.

— Ваших почестей оспаривать не буду, — сказал я ему, — а попытаю счастья в толпе.

28-я дивизия помогла проташить на север наш бредень через фронт Монтгомери, а затем отошла в американский сектор и остановилась у Версаля, готовясь принять участие в

предстоящем наступлении 1-й армии восточнее Сены. Эта дивизия была наиболее подходящим кандидатом для участия в предстоящем марше союзников через Париж.

День 29 августа выдался безоблачный и тихий; приведенные в порядок колонны 28-й дивизии в полном походном снаряжении промаршировали по Елисейским Полям от Триумфальной арки до запруженной народом площади Согласия. Там под звуки дивизионной песенки «Хаки Билл» процессия разделилась на две колонны, и каждая колонна направилась в свой район сосредоточения. То, что парижане принимали за парад, в действительности было тактической переброской войск на фронт. За 26 часов, считая с момента выступления на марш, дивизия покрыла расстояние от Версаля до бивака в Булонском лесу. Там она сделала привал и счистила с обмундирования и с грузовиков грязь, накопившуюся за 36 дней боев и походов. Воспользовавшись остановкой, командование дивизии довело до войск инструкцию о «параде» и отдало боевой приказ на переход с марша в наступление.

В этот день Айка в Париже не было; своим отсутствием он хотел подчеркнуть, что не хочет обидеть англичан, которые могли расценить наш парад как заигрывание с французами. Хотя мы и предложили Монтгомери присоединиться к нам, нас несколько не удивил его отказ. Тактичный поступок Эйзенхауэра был сделан с самыми наилучшими намерениями, однако он не смягчил сердца тех британцев, которые полагали, что мы незаслуженно унизили их престиж. Часть лондонской прессы яростно обрушилась на «парад» американцев, чего мы как раз и опасались, и расценила его, как преднамеренный подрыв британского авторитета.

Если бы де Голль не потребовал немедленной демонстрации сил союзников в Париже, я никогда не согласился бы на этот парад американских войск. Освобожденный Париж стал символом Свободной Франции, и никто так не заслужил чести участвовать в празднествах на освобожденной земле, как английский народ. Однако авторитет англичан в Париже не был окончательно поколеблен. Когда отдел военной администрации сформировал подвижную колонну, которая впервые должна была привезти в Париж продовольствие, отряд английских грузовиков присоединился к этой миссии доброй воли. На ветровом стекле каждой английской автомашины развевался британский национальный флаг, а по бокам были прикреплены полотнища с надписью: «Продовольствие жителям Парижа». Сотни американских грузовиков в этой колонне вступили в город скромно, без флагов и полотнищ.

* * *

В середине августа между Монти и мной произошло первое столкновение по поводу стратегии, которой союзники должны придерживаться восточнее Сены. Подобные стычки продолжались между нами и при разработке планов последующих крупных операций, вплоть до весны 1945 г., когда Эйзенхауэр развязал мне, наконец, в Ремагене руки и я окружил Рур.

Однако первое время наши разногласия ограничивались вопросом предстоящего наступления восточнее Сены. Этот вопрос назрел раньше, чем мы могли предположить, вследствие неудачного наступления противника у Мортена, которое было задумано как ответ на наш прорыв в Нормандии. Мы ждали, что противник создаст на Сене оборонительный рубеж, но вместо этого для нас был открыт путь через всю Францию от Парижа до линии Зигфрида.

Теперь Эйзенхауэр должен был остановить свой выбор на одном из двух планов ведения боевых действий за Сеной. Один план предусматривал перенесение центра тяжести всех операций на американскую армию, другой — отдавал предпочтение английским войскам (схема 34).

В первом, или американском, плане упор был сделан на то, чтобы ударить по рейху прямо

из центральной части, Франции через Саар с последующим выходом к Рейну в районе Франкфурта. К 25 августа 3-я армия расчистила путь до Труа, находящегося в 130 километрах юго-восточнее Парижа и всего лишь в 240 километрах от германской границы. По нашим расчетам для выполнения этого плана потребовалось бы привлечь 1-ю и 3-ю американские армии. Операция должна была сопровождаться наступлением на вспомогательном направлении вдоль побережья пролива к Антверпену силами английской и канадской армий под командованием Монтгомери.

Второй план, предложенный англичанами, предполагал сосредоточение всех наших сил на севере для нанесения удара через Амьен и Брюссель, при этом наши армии должны были покрыть расстояние, почти в два раза превышающее маршрут через Саар, предложенный американцами. Англичане настаивали на наступлении, на севере и ради него готовы были пожертвовать наступлением на Саар.

Основное преимущество американского плана, предусматривавшего стремительный бросок на Франкфурт, заключалось в том, что путь наступления к границам рейха проходил через лишенную оборонительных вооружений местность в полосе 3-й армии. Выбор такого направления главного удара не только давал возможность обойти укрепления Меца и пересечь линию Мажино, но и просочиться сквозь не занятые гарнизонами позиции линии Зигфрида. Кроме того, в случае успешного продвижения наших главных сил к Рейну противник лишался Саарского бассейна, имеющего для него важнейшее значение.

Отрицательной стороной этого плана являлась прежде всего слабость 21-й группы армий Монтгомери, которая все еще не могла преодолеть сопротивление дивизий противника в районе Па-де-Кале. Если Монти не смог бы наступать такими же темпами, как мы, нам обоим грозила опасность при продвижении вперед оказаться с открытыми флангами, что было чревато серьезными последствиями. Больше всего мы боялись, что Монтгомери сочтет свою армию недостаточно сильной для захвата Антверпена. Погода в районе побережья ухудшалась, и мы в очень скором времени оказались бы в полной зависимости от этого порта. Более того, если бы Монти не удалось очистить побережье Бельгии и Голландии от установок для запуска самолетов-снарядов, эта неудача почти наверняка вызвала бы в Лондоне весьма неприятный политический резонанс.

План англичан содержал в себе целый ряд совершенно очевидных преимуществ, хотя выполнение его и было связано с преодолением большего расстояния и, возможно, упорного сопротивления врага. Имея в своем подчинении две английские армии и одну американскую, Монтгомери мог с минимальным риском освободить Нидерланды. Это, в свою очередь, означало:

1. Быстрый захват Антверпена и портов на побережье проливов. Антверпен стал бы объектом величайшей важности, как только мы отказались бы от наших планов использования портов Бретани.

2. Занятие бельгийских аэродромов, которые дали бы возможность организовать непосредственную поддержку истребителями тяжелых бомбардировщиков, совершающих дневные налеты.

3. Освобождение побережья, где были оборудованы площадки для запуска самолетов-снарядов, с которых обстреливался Лондон.

В то же время продвижение на севере вывело бы английские армии прямо к Руру, откуда, как позднее заявил Монтгомери, была лучшая дорога на Берлин.

Выдвинув предложение, основная суть которого заключалась в том, чтобы Эйзенхауэр сосредоточил все свои силы на северном главном направлении, Монтгомери тем самым предлагал Айку остановить 3-ю армию Паттона на Маасе, пока он, Монтгомери, будет

стремительно мчаться на Берлин. Это предложение сильно напоминало тактику Монти во время сицилийской кампании, когда он предложил американским войскам ограничиться оборонительными действиями и предоставить ему возможность одному захватить Мессину.

Предвидя, что Эйзенхауэр будет стремиться обеспечить безопасность побережья Ла-Манша, я выдвинул план двойного удара, который объединял бы положительные стороны как английского, так и американского планов. Вместо того чтобы бросить всю 1-ю армию Ходжеса на поддержку наступления Монтгомери, я предложил Айку ограничить нашу помощь одним корпусом. «Этого будет вполне достаточно, чтобы поддержать наступление Монти», — заявил я. Другие корпуса 1-й армии совместно с 3-й армией должны были наступать через Саар в направлении Рейна. Монти, однако, и слушать не хотел о компромиссе — он требовал всю 1-ю армию.

Отстаивая свою точку зрения относительно необходимости ограничить американскую помощь Монтгомери одним корпусом, я отнюдь не умалял значения выдвинутого им плана наступления на севере.

— Но почему он требует три корпуса? — спрашивал я. — Ведь это ровно на два корпуса превышает его действительные потребности. Если бы только Монти рискнул предпринять наступление, не требуя подавляющего превосходства в силах, мы могли бы два оставшихся корпуса использовать для усиления нашей группировки, наступающей на Рейн южнее. В дальнейшем этот удар можно было увязать с действиями 7-й армии, что дало бы возможность окружить и тех немцев, которые ушли от Деверса, наступающего вверх по Роне.

Оценивая преимущества нашего плана, мы также принимали в расчет возможность достичь Рейна, овладеть Сааром и прервать движение судов на Рейне. На этом, однако, останавливались мои дерзновенные замыслы. Никогда я не допускал мысли, что мы сможем одни форсировать Рейн. Ведь если бы нам и суждено было оказаться по ту сторону Рейна, мы смогли бы удержаться там, только создав обширный плацдарм. Все те, кто впоследствии утверждал, что Паттон мог бы начать наступление на Берлин, если бы верховный штаб экспедиционных сил союзников не урезал поставки бензина для его армии, не учитывали один весьма существенный фактор: внутри Германии, по ту сторону Рейна, все еще существовала германская армия. Нам пришлось дважды вспомнить об этом: первый раз еще до конца этого месяца и второй раз — 16 декабря в Арденнах.

23 августа Эйзенхауэр принял предварительное решение в пользу удара на одном направлении. В директиве 21-й группе армий он предписывал Монтгомери нанести главный удар вдоль побережья пролива. Монти одержал верх в первом столкновении. Я получил приказ обеспечить поддержку наступающим английским войскам силами всех девяти дивизий 1-й армии.

Что касается 3-й армии, то и она не оставалась на месте, хотя наше предложение наступать на южном направлении через Мец силами пяти корпусов было сведено к отвлекающему маневру силами трех корпусов. Добившись преимущества в отношении количества выделенных в его распоряжение войск, Монтгомери мог претендовать на преимущество и в снабжении. В результате 12-й группе было дано распоряжение в первую очередь обеспечивать всеми видами снабжения 1-ю армию. 3-я армия в вопросах снабжения отодвигалась на задний план.

Тем временем 3-я армия должна была продвинуться до Марны, в 115 километрах восточнее Парижа. Там ей предстояло «готовиться к дальнейшему наступлению с задачей захватить переправы через Рейн на участке от Мангейма до Кобленца». Однако при отдаче приказов группе армий на наступление приходилось считаться с имевшимся в ее распоряжении запасами. По ту сторону Марны мы могли наскрести для 3-й армии только жалкие крохи, оставшиеся от 1-й армии и от наших английских коллег на севере.

Я был огорчен, но не спорил, а просто согласился с решением Эйзенхауэра. Я хорошо понимал его желание захватить Нидерланды с их аэродромами и порты на побережье пролива. Но я решительно возражал против его предложения отдать в распоряжение Монтгомери все три корпуса 1-й армии. Одного корпуса, упорно твердил я, будет вполне достаточно. Монти, на мой взгляд, предъявляет также непомерные требования в области снабжения.

Однако вскоре я должен был признать, что Эйзенхауэр, возможно, был прав, приняв решение выделить в распоряжение Монтгомери еще два корпуса, так как я недооценивал силу сопротивления противника, с которой столкнулся Монти. Если бы наша помощь англичанам ограничилась всего лишь одним корпусом, Монти никогда не смог бы развить достаточно быстрые темпы наступления, используя смятение и деморализацию в рядах противника. Как только войска Монтгомери стали продвигаться вдоль побережья, ему пришлось оставлять в тылу одну дивизию за другой для блокирования немецких гарнизонов в портах пролива. К 10 сентября более трети его сил было занято ликвидацией очагов сопротивления в нашем тылу.

С другой стороны, я считаю, что Монти мог наступать и при более умеренных требованиях в отношении транспортных средств. Вначале он утверждал, что не может обеспечить снабжение 21-й группы армий, если американцы не усилят его транспорт. Для того чтобы восполнить недостаток транспорта у англичан, мы были вынуждены взять грузовики у Ходжеса. Затем, чтобы не задержать продвижение Ходжеса, мы отобрали грузовики у Паттона. В результате наступление Джорджа приостановилось из-за нехватки бензина. Если бы Монти сократил свои требования в отношении боеприпасов и больше беспокоился о бензине, Паттон смог бы продвинуться дальше. Но Монти упорно не соглашался (и, может быть, он был прав) идти на риск даже при наличии незначительного сопротивления, если его полевые склады не были заполнены боеприпасами. Я отчаянно спорил с Эйзенхауэром по поводу чрезмерных запросов Монти в отношении снабжения, но не мог сдвинуть его с места.

Между тем Паттон сначала проявлял беспокойство, затем стал жаловаться и, наконец, начал бушевать, так как в результате все возрастающего недостатка грузовиков запасы горючего в его армии стали сокращаться.

Для того чтобы Джордж мог достигнуть Марны и переправиться через нее, продвинувшись вперед, насколько это могли позволить имевшиеся в его распоряжении запасы бензина, мы призвали на помощь военно-транспортную авиацию. С 23 августа бензин стал доставляться по воздуху. Но и эту небольшую отдушину нам вскоре закрыли. В своей директиве Эйзенхауэр одобрил план Монтгомери и предписал использовать воздушно-десантные войска для расчистки пути наступления северной группировки. Воздушный десант предполагалось выбросить в славящемся производством ковров бельгийском городе Турне, расположенном в 20 километрах восточнее Лилля. Эйзенхауэр рассчитывал с помощью этого десанта окружить 15-ю армию противника, отступавшую от берегов Па-де-Кале. Я просил Айка отказаться от этого плана и предоставить нам возможность использовать авиацию для доставки предметов снабжения. Воздушно-десантная операция была запланирована на 3 сентября.

— Мы будем в Турне раньше, чем вы сбросите этот десант, — предупреждал я, но Эйзенхауэр упорно стоял на своем.

В какой степени Бреретон подогревал энтузиазм Айка по поводу плана десантной операции, я не знаю. Бреретон, который ранее командовал 9-й воздушной армией, в начале августа был назначен командующим вновь сформированной 1-й воздушно-десантной армией союзников. Кроме транспортной авиации, Бреретон имел в своем подчинении английский и американский воздушно-десантные корпуса, в каждый из которых входило по две воздушно-десантные дивизии. Почти с первого дня своего создания эта воздушно-десантная армия союзников стала проявлять поразительную способность изобретать для себя задачи, в которых

не было никакой необходимости. Но даже независимо от заклинаний штаба Бреретона Эйзенхауэр имел достаточно веские основания высказаться в пользу десанта в Турне. Наступление Монти в этот период растерянности и развала в рядах противника имело столь огромное значение, что Эйзенхауэр считал своим долгом использовать каждое имевшееся в его распоряжении средство. А так как мы могли оценить все возможности воздушно-десантной армии только после испытания ее в бою в условиях маневренной войны, то Эйзенхауэр и считал, что ему как раз и представляется удобный случай произвести эту проверку.

С каждым днем все больше подразделений самолетов «С-47» снималось с переброски предметов снабжения для нашей группы армий, пока, наконец, 31 августа количество грузов, доставляемых нам по воздуху, не сократилось до 30 тонн. Между тем из 400 тыс. галлонов бензина, на которые представил заявку Паттон за день до этого, на его передовые склады было доставлено только 31 тыс. тонн. К этому времени перебои в снабжении горючим сковали действия 3-й армии. Не имея транспортной авиации, мы не могли надеяться изменить положение.

На следующий день Паттон, как ураган, обрушился на наш командный пункт со своего командного пункта к юго-востоку от Парижа.

— Черт возьми, Брэд, — взмолился он, — дайте мне только четыреста тысяч галлонов бензина, и я доставлю вас в Германию через два дня.

Хотя Джордж обычно преувеличивал даже самые оптимистические расчеты своего штаба, на этот раз я не мог спорить с ним. Он уже прошел через Верден, находящийся всего лишь в 55 километрах от Меца и в каких-нибудь 100 километрах от Саара, причем на его дальнейшем пути не было никаких препятствий, если не считать брошенных противником дотов на линии Зигфрида.

Но где взять 400 тыс. галлонов бензина? С таким же успехом Джордж мог просить меня достать с неба луну. План Айка сбросить воздушный десант в Турне развеял нашу последнюю слабую надежду поддержать наступление Паттона.

— Когда парашютисты приземлятся в Турне, — предсказывал я, — мы будем уже ждать их там.

Вечером 2 сентября колонна танков Ходжеса достигла предместий Турне, откуда виднелись пять башен кафедрального собора Богоматери. Хотя Турне находился в полосе наступления Монтгомери, в 10 километрах от разграничительной линии, я отдал Ходжесу приказ прорваться к нему и захватить город. — Я обещал Айку, что мы будем там, — сказал я. — Я должен быть уверен, что город уже занят, когда я буду ему звонить.

В 5 часов 15 минут утра 3 сентября Хансен разбудил меня и подал телеграмму от Монти, который жаловался, что американские войска в Турне преградили путь англичанам, наступающим на Брюссель. Я связался с 1-й армией и отдал распоряжение дежурному офицеру оперативного отдела вывести войска из города. Хотя мы и выполнили свое обещание и необходимость в выброске воздушного десанта отпала, тем не менее мы были не в состоянии компенсировать недополученные нами предметы снабжения. Лишь с 6 сентября в ежедневных сводках подполковника Гарри Хеншеля, офицера, ответственного за доставку грузов по воздуху, стали появляться сведения, свидетельствовавшие об оживлении воздушных перевозок. За шесть дней бездействия, к которому нас вынудило решение Эйзенхауэра сбросить десант в Турне, мы недополучили в среднем 823 тонны грузов в день. А количество не доставленного нам бензина исчислялось в полтора миллиона галлонов, которых было бы вполне достаточно для четырехдневного перехода 3-й армии в направлении к Рейну.

Хотя я и не могу утверждать, что если бы 3-я армия получила то, что она потеряла из-за планировавшейся выброски десанта в Турне, она достигла бы Рейна в начале сентября, но

совершенно очевидно, что Паттон продвинулся бы дальше, если бы он получил то, что ему полагалось. Он, возможно, мог бы пройти Мец и вступить в Саар. Понеся большие потери, мы вынуждены были спустя три месяца вспомнить старое военное правило: не воспользоваться представившейся возможностью — значит навсегда потерять ее. Только 2 декабря 3-я армия прорвалась, наконец, к Саару, и то лишь после ожесточенного зимнего наступления через сильно укрепленную линию обороны противника.

Поддержав стремительный бросок Монтгомери на северном направлении, Эйзенхауэр взял на себя ответственность за материальное обеспечение 21-й группы армий, причем в случае необходимости — за счет американских войск. Затем, чтобы быть уверенным в том, что наши основные усилия будут направлены на поддержку Монти, Эйзенхауэр установил такой порядок распределения поступающих грузов между моими двумя армиями, при котором львиная доля передавалась Ходжесу. Паттон должен был пробивать себе дорогу к границам рейха, довольствуясь наличными ресурсами. Снабжение армий Монтгомери и Ходжеса должно было осуществляться в первую очередь и любой ценой, даже если бы для этого пришлось остановить продвижение Паттона.

Кризис в материальном обеспечении, угрожавший остановить нас там, где это был бессилён сделать сам противник, возник не в результате недостаточной организованности нашей системы снабжения, а явился неизбежным следствием непредвиденно быстрых темпов наступления. Даже американская служба тыла, несмотря на все свои достижения и возможности, была не в состоянии угнаться за нашими темпами. К концу августа 3-я армия достигла Вердена, в 500 километрах от Шербура. Даже система «Ред Болл Экспресс» с ее односторонним движением машин по дорогам на высоких скоростях не могла удовлетворить минимальные потребности наших армий в предметах снабжения. Время оборота машин за один рейс увеличилось до пяти дней. Это означало, что количество грузовиков, нужное для доставки на фронт необходимых предметов снабжения, также должно было быть увеличено в пять раз. Восточнее Парижа железнодорожное сообщение было восстановлено, но в районе к западу от Сены, подвергшемся ожесточенным налетам авиации союзников, инженерные части, работая в неимоверно трудных условиях, все еще восстанавливали сотни разрушенных мостов и прокладывали проходы через развороченные бомбами сортировочные станции. При виде этих развалин, доставшихся нам, я невольно посочувствовал фон Рундштедту, представив себе, какой ад обрушили на него наши самолеты.

В конце августа и в сентябре во время преследования противника по полям Франции бензин составлял основную часть получаемых нами предметов снабжения. Это объяснялось тем, что мы встречали на своем пути лишь отдельные очаги сопротивления, а не глубоко эшелонированные оборонительные рубежи, и расход боеприпасов значительно сократился. Если в Нормандии бронетанковая дивизия обычно расходовала четыре тонны боеприпасов на каждую потребляемую тонну бензина, то теперь соотношение изменилось в обратную сторону и расход боеприпасов стал значительно меньше расхода горючего.

Еще в 1942 г. лорд Льюис Маунтбэттен, в то время начальник управления морских десантных операций, предвидел, что перед нами встанет проблема снабжения бензином, и внес предложение проложить по дну Ла-Манша бензопровод для снабжения горючим армии вторжения во Франции. По этому подводному бензопроводу, названному ПЛУТО, [\[38\]](#) 12 августа были перекачаны первые галлоны горючего на берег Нормандии. Но строители бензопровода, точно так же как и батальоны по строительству линии связи, не выдерживали быстрых темпов нашего наступления. К концу августа бензопровод был доведен только до Алансона, находившегося в 320 километрах позади нашего фронта.

Вначале, когда развернулись боевые действия восточнее Сены, 3-я армия по приказу Айка

была ограничена 2 тыс. тонн горючего в день. Этого горючего едва хватало на удовлетворение потребностей армии, продвигавшейся вперед почти без всякого сопротивления. Паттон вначале не обратил особого внимания на то, что ему выделено очень мало бензина, но как только сообразил, что его интересы ущемлены, он вышел из себя и приехал на мой командный пункт неистовый, как разъяренный буйвол. Когда я напомнил ему о больших потребностях армий, действовавших на северном направлении, он совершенно резонно возразил, что урегулирование всех заявок на снабжение — дело вышестоящего штаба. У него душа болела только за 3-ю армию, до других армий ему не было дела.

— К черту Ходжеса и Монти, — ревел Джордж, когда бывал в хорошем настроении. — Мы выиграем эту проклятую войну, если вы будете держать 3-ю армию на колесах.

Скудная суточная норма горючего теоретически обрекала Паттона на полное бездействие. Но он все же ухитрился заправлять имевшимися у него каплями бензина несколько танков и упрямо продвигался вперед. В самой 3-й армии он остановил тысячи автомашин, а для остальных ввел железную экономию расхода бензина. Когда Джордж приезжал на командный пункт группы армий для доклада, его джип обычно подкатывал почти с пустым баком и он отдавал своему шоферу приказание заправиться в нашем парке.

Пока Паттон продолжал двигаться вперед, испытывая острый недостаток бензина, который теоретически должен был остановить его где-нибудь на Маасе, Монтгомери обвинял меня в нарушении приказа Айка снабжать в первую очередь Ходжеса. Это обвинение было нетрудно опровергнуть, так как распределение предметов снабжения между армиями производилось по указаниям самого Айка. Мы строго выполняли его указания, но одновременно помогали Паттону продвигаться вперед, отправляя в счет выделенных ему запасов в основном горючее и лишь незначительное количество боеприпасов.

Хотя сентябрьский кризис в снабжении и был неизбежен, он все же вызвал у американских солдат чувство раздражения. Взбешенные тем, что пустые баки для горючего остановили их победный марш, они во всех своих неудачах обвиняли злополучную зону коммуникаций. Хотя органы зоны коммуникаций не могли предвидеть столь быстрого разгрома противника, тем не менее они были весьма подходящим козлом отпущения. Командование зоны коммуникаций, героически пытаясь предотвратить кризис в снабжении, было вынуждено пускаться на различные уловки, которые отнюдь не способствовали поддержанию его престижа среди боевых командиров. Я не мог целиком взвалить на зону коммуникаций всю вину за то, что мы застряли в двух шагах от линии Зигфрида, но, с другой стороны, я не мог также полностью оправдать ее. Зона коммуникаций была отчасти повинна в постигшей нас неудаче, а зону коммуникаций представлял генерал Ли.

Несколько капризный, но талантливый, командующий зоной коммуникаций генерал-лейтенант Дж. Ли был у Эйзенхауэра начальником тыла всей американской армии. Энергичный и находчивый командир, выдающийся и смелый администратор, Ли, однако, страдал напыщенностью, которая часто заслоняла его положительные качества. Ли выполнял, пожалуй, самую трудную задачу на всем европейском театре военных действий, и хотя он напускал на себя сухую важность педанта, однако обеспечивал снабжение войск.

Охваченный честолюбивым желанием лично руководить снабжением войск во Франции, Ли в начале августа перевел передовой эшелон штаба зоны коммуникаций из Лондона в Шербур. Для того чтобы разместить в полевых условиях свой огромный командный пункт, он построил барачный городок, для чего потребовалось колоссальное количество транспортных средств как раз в момент острого недостатка в них.

Задолго до освобождения столицы Франции Эйзенхауэр объявил, что категорически запрещает штабам размещаться в Париже и резервирует его отели для личного состава войск,

находящегося в отпуску.

Но, по-видимому, распоряжение Айка не дошло до Ли, так как 30 августа мы узнали, что штаб зоны коммуникаций покинул свой барачный городок и перекочевал на комфортабельные бульвары Парижа. Я был раздражен, узнав об этом пиратском налете на парижские отели. Но меня привела прямо в бешенство мысль, что Ли погрузил весь свой штаб на машины и тащил его 320 километров в самый разгар кризиса со снабжением. Как бы тщательно ни был разработан план этого перебазирования, такой переезд мог сказаться только отрицательно на работе подведомственных Ли органов тыла. Никто не мог подсчитать, во что обошлась передислокация штаба Ли фронту. Но каков бы ни был ущерб, известие о перебазировании штаба зоны коммуникаций в Париж вызвало раздражение на фронте. Солдаты на фронте всегда завидуют комфорту, которым пользуются части снабжения в тылу. Когда пехота узнала, что комфорт, окружавший личный состав зоны коммуникаций, дополнен чарами Парижа, сознание совершенной несправедливости глубоко запало в солдатские души и сохранилось в них до конца войны.

20. Кризис со снабжением

Сентябрь 1944 г. отмечен в наших календарях как месяц большого банкротства. Но банкротству обычно предшествует бум, и пока наши танки не застряли в стальных зубах линии Зигфрида, мы победно шествовали по дорогам Европы, исполненные оптимизма и радужных надежд.

Поражение противника восточнее Парижа было столь сокрушительным, что наши войска, несущиеся вперед на 2,5-тонных грузовиках, начали считать столь стремительное наступление предвестником скорой переброски их на китайско-бирманско-индийский театр военных действий. Это чувство оптимизма охватило даже и штабы, офицеры которых без устали учитывали транспортные средства и вели разговоры относительно возможности попасть домой к рождеству.

К северо-востоку от Парижа, где дороги буквально прогибались под тяжестью колонн нашей тяжелой техники, противник уже не мог оказывать организованного сопротивления, так как телефонная связь в вихре вынужденного отступления непрерывно выходила из строя. Отлично вымуштрованные солдаты вермахта, от которых всего лишь четыре года тому назад по этим дорогам убегали в панике французские беженцы, теперь сами удирали, охваченные ужасом. Противник, лишенный средств связи, потерял управление войсками. Не имея возможности завязать арьергардные бои, он беспорядочно ринулся к границам рейха и еще раз потерпел поражение — на этот раз у Монса.

2 сентября 7-й корпус Коллинса, обеспечивавший фланг наступающих на Брюссель войск Монти, пересек бельгийскую границу. Коллинс направил свои войска на Монс, где в 1914 г. армия Кайзера столкнулась с британскими экспедиционными войсками. Разрозненные части двадцати немецких дивизий, отступавших под натиском армии Монти с нормандского плацдарма и из района Па-де-Кале, приближались к Монсу со стороны побережья Северного моря. Войска противника, в беспорядке отступавшие к германской границе, которая близ Ахена клином вдается в территорию Бельгии, у города Монса столкнулись с корпусом Коллинса. Столкновение было неожиданным для обеих сторон; завязалось встречное сражение. Когда оно закончилось, немцы потеряли более 2 тыс. солдат и офицеров убитыми и 30 тыс. пленными.

Это сражение у Монса стоило противнику последних резервов 7-й и 15-й армий. Отныне дороги Бельгии были свободными вплоть до границ рейха. Ходжес не только открыл путь на Льеж и Ахен, но и уничтожил последние резервы, в которых противник отчаянно нуждался для прикрытия не занятых гарнизонами укреплений линии Зигфрида. Именно эта малоизвестная победа у Монса дала 1-й армии возможность прорвать линию Зигфрида и через шесть недель захватить Ахен.

На других участках фронта, где наши колонны продвигались на восток, отступление противника принимало форму беспорядочного бегства. В полосе 21-й группы армий был взят в плен немецкий генерал, ехавший в своей штабной машине на север, затесавшись в колонну английских грузовиков. Солдаты принимали немца за офицера английских военно-воздушных сил, и он спокойно совершал свой путь, пока его не обнаружило всевидящее око военной полиции.

— Куда вас черт несет? — последовал вопрос полицейского. Немец направлялся к Сомме, у него был приказ организовать оборону на этом рубеже. Только сейчас он узнал, что англичане переправились через Сомму два дня тому назад.

В полосе наступления 1-й армии пути отхода немцев пересекались с осью наступления Ходжеса. Здесь мы подвергались риску неожиданного столкновения с колоннами противника.

Но, по крайней мере на этот раз, наши колонны проскочили через перекресток с молниеносной быстротой, как на показательном марше. Генерал-майор Эдвард Брукс поставил свою машину на перекрестке дорог близ Камбре, чтобы наблюдать за прохождением колонны своей

2-й бронетанковой дивизии. Едва хвост дивизии миновал перекресток, как к генералу подлетел запыхавшийся французский фермер, изо всех сил нажимавший на педали велосипеда.

— Боши, боши, — кричал он, указывая назад на дорогу, по которой приехал.

— Сколько? — спросил Брукс, подавая знак своему радисту включить передатчик, установленный в джипе.

— Много, много, — ответил француз, задыхаясь. Брукс повернул часть своих танков как раз вовремя, чтобы захватить противника в момент подхода к перекрестку.

Обрадованный сообщениями о полной дезорганизации немцев, я пристально следил за Брестом, пытаясь найти ключ к разгадке непостижимого для меня упорства, с которым противник оборонял эту крепость. Несмотря на безнадежность своего положения, гарнизон Бреста отражал удары трех американских дивизий. Поэтому я не был склонен принимать на веру предсказания о полном разгроме немцев, прежде чем мы дойдем до Рейна. Может быть, там, на Рейне, немцы поймут всю бессмысленность дальнейшего сопротивления и попытаются спасти то, что еще может быть спасено. Для этого им придется признать свое поражение, прежде чем они задохнутся в тисках между нашим фронтом и русскими. Но если противник вздумает оказать сопротивление на Рейне, мы могли с полной уверенностью считать, что он будет драться до конца.

Таким образом, для того чтобы приблизить конец войны, мы должны были прорваться к Рейну и заставить противника капитулировать. Но мы могли надеяться выйти к Рейну только при условии, что сохраним темпы наступления, взятые нами после прорыва у Сен-Ло, пока не преодолеем линию Зигфрида. Ведь по быстрому темпу нашего продвижения противник легко мог сделать вывод, что наши линии снабжения чрезмерно перегружены. Если бы он был в состоянии задержать нас на линии Зигфрида, он смог бы заставить нас остановиться для перегруппировки и пополнения запасов. Либо он должен был остановить нас на линии Зигфрида, либо ему нужно было откатиться назад да Рейн,

Логически рассуждая, противник должен был сдаться на том этапе, когда наше наступление перешло в преследование, так как именно в последующие восемь месяцев войны Германия понесла самые тяжелые жертвы и подверглась наиболее ожесточенным воздушным бомбардировкам. Более того, если бы немецкая армия сбросила Гитлера, пока ее не раздавили на глазах немецкого народа, охваченного сомнениями и недоверием, она могла бы сохранить миф о своей непобедимости, приписав поражение нацистам.

Но всякая надежда на восстание против Гитлера к этому времени была уже потеряна; чрезвычайные меры, принятые Гиммлером после покушения на Гитлера 20 июля, заставили германскую армию замолчать. Что касается самих нацистов, то у них, конечно, не могло быть колебаний, так как иного выхода для них не было. Они, как никто другой, отдавали себе отчет в том, что их преступления не останутся безнаказанными. Стремясь продлить свою жалкую жизнь еще на несколько недель или месяцев, они предпочли увлечь за собой в пропасть весь немецкий народ.

Однажды ясным сентябрьским утром, когда я сидел в своем прицепе близ Шартра, занятый расчетами потребного количества транспортных средств для наступления к Рейну, вдруг раздался легкий стук в дверь и на пороге появился сутулый человек в помятой военной форме. В руке он держал выдавшую виды каску. На усталом лице бродила слабая улыбка. Это был Эрни Пайл, наш неизменный спутник еще со времен сицилийской кампании.

— Эрни! — воскликнул я, — Эрни, входите. Я слышал, будто вы собираетесь домой?

Он бросил каску на кожаный диван, кивнул головой и с усилием улыбнулся.

— Я только что прибыл из Парижа, Брэд, и хочу попрощаться.

— Вы вернетесь?

Эрни отрицательно покачал головой и пожал плечами под мешковатой курткой танкиста.

— Отдохните пока, вам и так досталось.

— Даже слишком, — согласился он.

Тунис, Сицилия, Италия и теперь Франция — 22 месяца боевой страды. 22 месяца! А сколько друзей пришлось завернуть в тюфячные чехлы, в которых мы хоронили своих солдат и офицеров. Для человека, который выстрадал все это, как Пайл, этого было вполне достаточно, даже слишком много.

За время своей последней болезни Эрни задолжал огромное количество строчек, и теперь он героически вылезал из долгов, отсылая каждый день новое сообщение. Хуже всего было то, сказал Эрни, что он совсем исписался. Война выжала из него все, до последней капли.

— Пара месяцев отдыха, — сказал я, — и вы снова будете с нами на фронте.

Эрни выжал еще одну улыбку.

— Говорят, к тому времени война уже кончится...

— Может быть, — согласился я. — Но если противник окажет такое же сопротивление, какое Рамке оказывает в Бресте, кто знает, сколько времени она еще протянется. Сейчас как раз время прекратить войну, но все признаки говорят об обратном. Если немцы не сложат оружия на Рейне, нам, может быть, придется искрошить их на мелкие кусочки, прежде чем они сдадутся.

Пайл с удивлением посмотрел на меня.

— Чем ближе к фронту, тем люди настроены куда оптимистичнее, особенно в 1-й армии. Я пожал плечами.

— Может быть потому, что сейчас кажется, что все идет так гладко.

Эрни вернулся в Париж к завтраку. Больше я его никогда уже не видел. Однажды вечером на обеде в Висбадене, всего лишь за шесть дней до встречи с русскими, мне была вручена телеграмма, переданная по телетайпу Хью Бейли, сотрудником агентства Юнайтед Пресс. Эрни был убит японским пулеметчиком на одном из островов близ Окинавы. Американские солдаты потеряли своего лучшего фронтового друга.

Несколько озадаченное легкостью, с которой Монти продвигался северо-восточнее Сены, главное командование экспедиционных сил союзников пересмотрело свою стратегию наступления в Восточной Франции и 4 сентября приняло решение не препятствовать Паттону наступать на Саар. Главное командование считало, что в условиях полной деморализации противника можно было обеспечить снабжение армии Паттона без ущерба для Монти. Хотя основные усилия союзников все еще были направлены на поддержку наступления Монти, на этот раз главное командование начало склоняться к нашей стратегии наступления на двух операционных направлениях.

Вместо того чтобы повернуть все три корпуса 1-й армии севернее Арденн, Ходжес должен был оказывать поддержку наступлению Монти силами двух корпусов, а третьим корпусом, охватывая этот лесной барьер с юга, поддержать наступление Паттона на Франкфурт. Такой двойной удар севернее и южнее Арденн неожиданно принес нам тактическую удачу. Эйзенхауэр не был больше связан одной осью наступления, на которой противник мог сосредоточить свои средства обороны. Наступая на широком фронте на двух направлениях, Эйзенхауэр получил возможность маневрировать и скрывать от противника свои намерения. Если бы немецкое командование сосредоточило свои войска на севере, чтобы отразить наступление на Рур, оно было бы вынуждено ослабить оборону Саара и поставило бы этот участок фронта под удар армии Паттона. С другой стороны, если бы оно сосредоточило свои войска в Сааре, оно могло

это сделать только за счет риска прорыва англичан на севере. Пока мы держали инициативу в своих руках на широком фронте, линия обороны противника неминуемо чрезмерно растягивалась и наши войска имели полную возможность прорвать ее.

К 1 сентября на западном фронте осталась жалкая горстка деморализованных солдат противника. Общее количество всех уцелевших немецких войск к северу от Арденн составляло всего лишь одиннадцать дивизий, из которых танковых дивизий было только две. Противник мог противодействовать наступлению Паттона на Саар силами не более чем пяти дивизий. Правда, с побережья Бискайского залива отступала стотысячная немецкая армия, но из этих ста тысяч войск можно было набрать боеспособных подразделений не более как для одной дивизии. Что касается многочисленных войск противника, отступавших вверх по течению Роны под натиском 7-й американской армии, то из них можно было скомплектовать не более двух с половиной боеспособных дивизий. Таким образом, общее количество немецких войск на западном фронте едва достигало двадцати дивизий.

В то время как силы противника таяли, к нам через Ла-Манш непрерывно переправлялись подкрепления и наши силы росли. К этому времени в группе армий Монти насчитывалось пятнадцать дивизий, тогда как в моей группе их число увеличилось до двадцати. Кроме того, после завершения операции «Драгун» освободилось еще восемь дивизий, которые двигались от Канн вверх по долине реки Роны. Кроме того, в Англии размещались три воздушно-десантные дивизии, составлявшие резерв 1-й воздушно-десантной армии союзников. Еще четыре дивизии, находившиеся в пути из США, по плану должны были прибыть в распоряжение 12-й группы армий в середине сентября.

Однако при выходе на германскую границу мы утрачивали подавляющее превосходство в силах. Там нам предстояло преодолеть полосу укреплений, известную под названием линии Зигфрида, где немцы построили прочные бетонные сооружения, которые компенсировали наше превосходство в дивизиях. Чтобы выйти к Рейну, нам важно было захватить оборонительные сооружения линии Зигфрида, прежде чем противник придет в себя и займет их гарнизонами. В противном случае наш перевес в войсках противник мог нейтрализовать дотами и крепостной артиллерией.

Что касается вопросов материально-технического обеспечения, то переход верховного штаба союзников к стратегии наступления на двух операционных направлениях оказался очень выгодным для Паттона, ибо в связи с приказом возобновить наступление на Саар 3-я армия Паттона была уравнена в правах на снабжение с 1-й армией Ходжеса.

Однако, несмотря на обещание полного равенства в снабжении, мытарства Паттона на этом не закончились, ибо он, подобно Ходжесу, страдал не столько от недостатка предметов снабжения, сколько от нехватки автотранспортных средств. Становилось все более очевидным, что раньше или позже нам придется остановиться, произвести перегруппировку войск и организовать снабжение через новые глубоководные порты на побережье пролива к северу от Сены. До тех пор, пока не были освоены эти новые, более короткие коммуникации, мы не смели даже и помышлять о форсировании Рейна крупными силами. Тем временем мы намеревались двигаться вперед, пока у нас еще сохранился наступательный порыв, и с хода преодолеть линию Зигфрида.

Командир менее воинственный, чем Паттон, возможно, приберег бы выпавшие на его долю скудные крохи и остановился на спокойную зимовку под прикрытием реки Маас. Но Джордж смело ринулся вперед и прошел 50 километров за Маас, достиг Мозеля и быстро захватил предмостное укрепление южнее крепости Мец.

Солнечным днем 13 сентября танки 3-й бронетанковой дивизии 7-го корпуса перешли германскую границу на слабо обороняемом участке линии Зигфрида в 16 километрах южнее

Ахена (схема 35).

Немецкая армия, которая в течение последних 70 лет трижды успешно вторгалась в Западную Европу, теперь впервые откатывалась назад на территорию своей собственной страны. Я узнал об этом в Дуэ, в нескольких километрах восточнее Парижа, где оперативная группа штаба 12-й группы армии заканчивала приготовления к переезду в Верден.

Но известие о переходе германской границы не могло скрыть того факта, что наше наступление выдохлось. Не успели наши войска перейти границу, как мы вынуждены были остановиться. Закончилась шестая неделя головокружительного похода. В течение последующих двух месяцев мы были вынуждены топтаться на месте перед линией Зигфрида, ожидая, пока длинные линии снабжения из Шербура не будут заменены более короткими из Антверпена. Получив подкрепления из областей восточнее Рейна, противник кое-как восстановил свое положение на фронте. Наш рывок к Рейну оказался неудачным, и вместе с ним развеялась наша заветная мечта на скорую капитуляцию Германии.

Утром накануне того дня, когда Коллинс пересек германскую границу, я пригласил Ходжеса и Паттона к себе на командный пункт, чтобы вместе с ними рассмотреть наши возможности продолжать наступление, несмотря на все усугубляющийся кризис с горючим и боеприпасами. Вечером того же дня о результатах нашего совещания я доложил Айку. В течение предыдущих десяти дней в 1-ю армию в среднем поступало 3300 тонн грузов в день, в 3-ю армию — 2500 тонн, ибо преимущество в снабжении 1-й армии было отменено только 6 сентября. Ходжес доложил, что боеприпасов у него осталось на пять дней боев, а бензина хватит до Рейна. Основываясь на нормах снабжения, установленных в его армии, Ходжес подсчитал, что он сможет выдержать десять дней напряженных боев на всем почти 200-километровом фронте 1-й армии. Паттон доложил, что у него имеется четырехдневный запас боеприпасов и запас бензина, достаточный для того, чтобы добраться до Рейна.

За пять дней до этого Монтгомери жаловался, что передача части бензина Паттону замедлила темп продвижения 1-й армии Ходжеса, наступавшей на правом фланге англичан. Кортни признавал, что из-за нехватки горючего он, возможно, потерял целые сутки. Однако основную причину задержки своей армии он объяснял сложностью наведения переправ через Маас и заметно усилившимся сопротивлением противника.

К концу сентября запасы горючего в 1-й армии истощились, а Ходжесу так и не удалось прорвать упорно обороняемую противником линию Зигфрида. До наступления ноябрьских дождей он был вынужден ограничиться незначительными действиями, а в ноябре мы еще раз попытались предпринять наступление.

На южном участке фронта ниже Арденнских лесов 80-я дивизия Паттона захватила плацдарм на восточном берегу реки Мозель между городами Мец и Нанси. Но когда Джордж попытался расширить этот плацдарм и переправить через реку дополнительные войска, он неожиданно натолкнулся на сильное сопротивление противника. 12 сентября я дал Паттону еще два дня для переправы основных сил через Мозель. Если бы Паттону не удалось выполнить эту задачу за два дня, ему пришлось бы перейти к обороне на фронте от Нанси и к северу до Люксембурга, а затем начать наступление севернее реки Мозель, там, где она у Трира поворачивает на восток. Джорджа не требовалось понукать. Все еще не теряя надежды прорваться к Рейну, он форсировал Мозель на 80-километровом фронте и вечером 14 сентября доложил, что четыре дивизии благополучно переправились через реку. Но к этому времени Паттон почти полностью израсходовал скудные запасы и, подобно Ходжесу, дошел до предела своих сил.

Почти за две недели до этого Монти и я договорились о направлении, по которому наши войска будут наступать на Рейн, после того как Брюссель останется у нас в тылу. Для этого

наступления мы должны были выделить два корпуса, Монти — один. По нашему плану все три корпуса двигались в одной линии и наносили удар на участке между Дюссельдорфом и Бонном. Тем временем левофланговый корпус 2-й английской армии Демпси должен был повернуть на северо-восток, а 1-я канадская армия — выйти на побережье пролива. Там она должна была захватить порты и площадки, с которых велся обстрел Лондона самолетами-снарядами, и продолжать наступление к Шельде — внутреннему водному пути, соединяющему Антверпен с морем.

Правее направления главного удара оставшийся корпус Ходжеса должен был блокировать Арденны небольшими силами и наступать вдоль долины реки Мозель в направлении на Кобленц. Два левофланговых корпуса Паттона, находившиеся южнее Арденн, продвигались к Саару. Третий корпус должен был, если у него хватит сил, наступать к северу от Вогез в направлении на Карлсруэ, расположенный на Рейне.

Пока канадская армия Крерара, наступая от рубежа к рубежу, двигалась к портам пролива, армия Демпси освободила Брюссель и Антверпен. Из Антверпена она должна была наступать на восток к Маасу, продвигаясь на одной линии с армией Ходжеса. От Намюра до Льежа Маас течет на восток, у Льежа он снова поворачивает на север и несет свои воды к морю.

4 сентября Монтгомери захватил Антверпен, но за Антверпеном он, подобно нам, встретился с внезапно усилившимся сопротивлением немцев. Это сопротивление организовал пруссак, фельдмаршал Вальтер Модель, который прошлым летом остановил русское наступление на Висле и за это был награжден Гитлером.^[39] После самоубийства фон Клюге Гитлер назначил Моделя на западный фронт, поставив ему задачу восстановить линию обороны. Модель, один из наиболее инициативных и находчивых германских генералов, сумел отсрочить разгром вермахта. Он пресек панику и реорганизовал деморализованные немецкие войска, сформировав из них устойчивые боевые группы. На фронте от Антверпена до Эпиналя протяженностью 415 километров Модель чудом создал новый мощный оборонительный рубеж.

В начале сентября Монтгомери пришел к заключению, что он сможет закончить войну одним умелым ударом, наступая от Рейна на Берлин через Нидерланды. Вместо того чтобы пробивать себе путь к Руру, используя также приданные ему три корпуса 1-й армии, Монти решил смелым рывком на север обойти с фланга новый оборонительный рубеж, созданный Моделем. Эта рискованная авантюра закончилась крупным поражением союзников под Арнемом.

Эта авантюра Монти поразила меня. Кажется, если бы этот набожный трезвенник ввалился в верховный штаб экспедиционных сил союзников вдребезги пьяным, я не был бы так удивлен. На этот раз Монтгомери изменил присущей ему осторожности. План арнемской операции предусматривал выброску воздушного десанта на глубину 100 километров. Хотя я никогда не мог примириться с этим рискованным предприятием, тем не менее охотно признаю, что, составляя план арнемской операции, Монтгомери проявил большую силу воображения.

Арнемская операция, получившая условное наименование «Маркет-Гарден», преследовала цель вклиниться в оборону противника на 100 километров. Если бы операция увенчалась успехом, Монтгомери обошел бы с фланга оборонительные сооружения линии Зигфрида и, переправившись через низовья Рейна, вышел бы на кратчайшую дорогу к Берлину. Но путь между Антверпеном и целью Монти — Арнемом преграждали пять крупных водных преград. Первые две — это каналы к северу от Эйндховена, третья — река Маас в 40 километрах восточнее. В 13 километрах за Маасом течет река Вааль, через которую перекинут арочный мост в Неймегене. И, наконец, низовье Рейна представляло последний барьер перед слабо укрепленной германской границей, до которой оставалось всего лишь 30 километров.

Три воздушно-десантные дивизии должны были захватить переправы через эти водные

преграды. Предполагалось выбросить 101-ю дивизию в Эйндховене, 82-ю — в Неймегене и 1-ю английскую — близ Арнема (схема 36). Задачу связать воедино эти три изолированных плацдарма Монтгомери возложил на свою отборную гвардейскую бронетанковую дивизию.

Я не был посвящен в этот план и услышал о нем от нашего офицера связи при 21-й группе армий через несколько дней после того, как Монтгомери представил его Айку в окончательном виде. Секретность, в которой Монти держал весь ход планирования операции, озадачила меня; хотя англичане не выходили за пределы отведенной им полосы, все же их действия нарушали план совместного наступления, утвержденный несколько дней тому назад. Отклонение на северо-восток от намеченного направления, на котором Монтгомери совсем недавно ввел в бой один из своих корпусов, обнажало левый фланг Ходжеса и ставило его под угрозу контрудара немцев. Для прикрытия этого фланга мне пришлось бы взять у Паттона одну из его трех бронетанковых дивизий, перебросить ее на север и передать в распоряжение Ходжеса.

Узнав о плане Монти, я немедленно позвонил Айку и решительно запротестовал. Отказываясь от совместного наступления, Монти хотел вырваться вперед, оставив нас на месте. Однако Аик замял этот вопрос; он полагал, что игра стоила свеч. Если бы замысел Монти удался, мы бы обошли линию Зигфрида с фланга и, может быть, даже захватили плацдарм на восточном берегу Рейна.

Каждая новая дивизия, прибывавшая во Францию, увеличивала перевес в силах американских войск над английскими. К 15 сентября Монти закончил накопление сил для наступления; не хватало лишь трех канадских дивизий, которые должны были прибыть из района Средиземного моря в апреле. Опасаясь, как бы Аик не уступил неотступным мольбам Монти об усилении его войсками, я с непоколебимой твердостью отстаивал право американских войск сражаться под американским командованием.

Но мое несогласие с арнемской операцией было вызвано не только тем, что англичане нарушили ранее утвержденный план. Мне казалось, что Монти, который стремился во что бы то ни стало обойти фланг Моделя, недооценивает силы немцев в низовьях Рейна. Я считал, что претензии Монти необоснованны и не соответствуют его силам. Ему следовало бы сосредоточить свое внимание на районе Шельды и открыть антверпенский порт. До тех пор, пока этот порт нельзя было использовать для разгрузки союзных судов, мы не могли начать наступление восточнее Рейна.

В воскресенье 17 сентября небо над Голландией потемнело от бесчисленного множества самолетов воздушно-десантной армии союзников под командованием Бреретона. Это была первая дневная выброска воздушного десанта за всю войну. Вечером я прибыл на командный пункт Монти в Брюсселе, где несколько подбитых самолетов «С-47» сели на «брюхо». Несмотря на частые контратаки противника, десантники удерживали захваченные плацдармы. Танки Монти прорвались и 20 сентября проскочили по мосту в Неймегене на восточный берег реки Вааль.

Однако между Ваалем и Арнемом гвардейская бронетанковая дивизия, встретила возросшее сопротивление противника и остановилась. Между тем противник непрерывно контратаковал 1-ю воздушно-десантную дивизию англичан на восточном берегу нижнего Рейна. В течение пяти дней английские парашютисты в красных беретах отстаивали захваченный плацдарм, пока 25 сентября Монти, отчаявшись в успехе операции, не отдал им приказ отойти за Рейн. Из 9 тыс. английских парашютистов, выброшенных восточнее Рейна, обратно вернулось менее 2,5 тыс. человек. Отличительной чертой англичан является то, что их доблесть особенно ярко проявляется в трудную минуту, и в результате героические действия часто настолько затмевают поражения, что память о них сохраняется в веках, в то время как поражения уже давно забыты. Сражение под Арнемом подтвердило эту английскую традицию. Монти вынужден был

повернуть назад, чуть не достигнув своей цели, причем его войска проявили такую доблесть, что стратегическая неудача прошла незамеченной.

Правда, англичане захватили предмостное укрепление через Вааль, но это стоило им огромных жертв. Только спустя шесть месяцев Монти удалось форсировать Рейн, но и то на расстоянии почти 80 километров вверх по реке от Арнема. Между тем действия по очистке Шельды от противника, отодвинутые на второй план, тянулись весь октябрь. И только к 26 ноября этот чрезвычайно важный для союзников путь был, наконец, открыт для судоходства.

Монти впоследствии приписывал неудачу в Арнеме неблагоприятным условиям погоды; слов нет, погода сыграла здесь какую-то роль. Так, на второй день наступления пасмурная погода, установившаяся в Нидерландах, сорвала доставку грузов и подкреплений по воздуху. За все время операции истребительная авиация союзников имела только два летных дня, все остальное время плохая погода ограничивала ее действия и противник имел возможность переходить в контратаки, не опасаясь ударов с воздуха. За период с 19 сентября, когда гвардейская бронетанковая дивизия достигла Неймегена, до 4 октября, когда Монти отказался от дальнейшего наступления, противник двенадцать раз контратаковал вклинившиеся английские войска, причем в каждой контратаке участвовало до дивизии. Монти скрепя сердце признался, что его «легкий» путь оказался усыпан скрытыми терниями.

* * *

Готовясь к совещанию командующих группами армий в верховном штабе экспедиционных сил союзников, назначенному на 22 сентября, Эйзенхауэр запросил мнение каждого из нас относительно стратегического замысла, который должен быть положен в основу завоевания самого рейха. Мы в оперативной группе штаба группы армий заранее знали, что Монти потребует в первую очередь обеспечить его действия на северном направлении. В то время Монти полагал, что, если его группа армий будет усилена американскими дивизиями, он сможет одним броском форсировать Рейн, вторгнуться в Рур и проложить дорогу на Берлин. Мне казалось, что он сильно недооценивает резервы противника по ту сторону Рейна. Я был уверен, что план Монти построен на песке и его замыслы будут расстроены ударом противника во фланг наступающим англичанам.

В течение нескольких недель мы в штабе 12-й группы армий изучали план двухстороннего охвата Рура. Монти считал, что он будет форсировать Рейн, а мы прикроем его с фланга, поэтому нам незачем выходить к Рейну южнее Кельна (схема 37). По моему мнению, мы должны были выйти к Рейну на широком фронте, который тянулся бы на юг, во всяком случае, до Кобленца, а еще лучше вплоть до швейцарской границы.

Излагая Айку свою точку зрения, я остановил его внимание на трех моментах:

1. До тех пор пока мы полностью не очистим Шельду от противника и не обезопасим Антверпен, мы не можем рассчитывать на крупное наступление восточнее Рейна.

2. При любом продвижении на территорию Германии мы должны двигаться эшелонированно, сохраняя крупные силы в тылу для отражения контратак противника и борьбы с диверсиями.

3. Независимо от выбора направления главного удара следует организовать наступательные действия на вспомогательных направлениях. Только наступление на широком фронте может лишить противника возможности сосредоточить крупные силы на направлении нашего главного удара.

Нашей главной целью был Рурский бассейн — сердце германской военной машины с его

густой сетью промышленных центров и лесом высоких заводских труб. Питаясь за счет богатейших залежей каменного угля, Рур стал играть преобладающую роль в период первой империи Бисмарка. Начиная с 1942 г. Рур выдержал сотни налетов авиации союзников. После каждой бомбардировки убирались обломки, устранялись повреждения и снова продолжался выпуск военной продукции. Хотя авиация и причинила Руру в конечном счете большие повреждения, ей все же не удалось вывести из строя основные промышленные предприятия. Без Рура Германия не смогла бы обеспечивать свои армии на фронте. Для того чтобы погасить эту гигантскую доменную печь, я предложил Эйзенхауэру изолировать ее посредством двухстороннего охвата. Пока Монти охватывал Рур с севера, двигаясь через равнины Вестфалии, мы окружали его с юга.

Кратчайшим путем для нашего охватывающего удара была дорога восточнее Кельна, но она петляла по горам Зауерланда, где местность благоприятствовала организации обороны. Гораздо удобнее была южная дорога, которая шла от Франкфурта на северо-восток по холмам Гессена. «Возможно, мы используем оба пути, — писал я, — но для нанесения главного удара мы выберем путь через Франкфурт и завершим окружение Рура в районе Падерборна». Этот город был расположен на северо-восточной границе Рура, всего лишь в 230 километрах от Берлина. Спустя шесть месяцев, когда в рурском мешке оказалось более 300 тыс. войск группы армий Моделя, мы замкнули кольцо окружения в Липштадте, всего лишь в 32 километрах от пункта, намеченного нами в сентябре. Мы действовали точно по плану. Все же вряд ли выполнение какого-либо плана сопровождалось такими невероятными трудностями, которые пришлось преодолеть нам, пока Эйзенхауэр не открыл для нас «зеленую улицу».^[40]

Верховный штаб экспедиционных сил союзников переехал из скромного приморского городка Гранвиля в Версаль, расположившись неподалеку от дворца. Канцелярия Дика разместилась в небольшом белом каменном флигеле позади величественного здания отеля «Трианон Палас». В зеркальном холле бронзовый бюст Геринга был повернут лицом к стене. Айку вначале был отведен огромный зал, но затем по его настоянию зал был перегороден фанерной стенкой.

— Слишком элегантно, — сказал он, передернув плечами, — я буду болтаться здесь как неприкаянный и в конце концов потеряюсь.

Деверс прибыл на самолете в Версаль из штаба 6-й группы армий, находившегося неподалеку от гор Вогеzy. Его группа состояла теперь из двух армий: 7-й американской под командованием генерал-лейтенанта Александра Пэтча, и 1-й французской генерала Жана де Латтр-де-Тассиньи. Укомплектованная вначале добровольцами «Свободной Франции» в Северной Африке, солдатами и офицерами колониальных войск и местными воинскими частями, французская армия была вооружена американским оружием и носила американское обмундирование.

Тем временем в состав 12-й группы армий вошла еще одна американская армия. Это была 9-я армия, прибывшая из Англии на смену частям 3-й армии Паттона, блокировавшим порты Бретани. 9-я армия была необстрелянной, но честолубивой армией, стремившейся в бой. Она быстро возмужала под руководством генерал-лейтенанта Уильяма Симпсона. По сравнению с шумливой и самонадеянной 3-й и темпераментной 1-й армиями 9-я армия ничем особенным не выделялась.

Я впервые почувствовал, что на совещаниях в Версале не все обстоит гладко, только после того, как Хансен рассказал мне, что в верховном штабе экспедиционных сил союзников держат пари: явится Монти на совещание или нет? Поэтому я не был удивлен, когда совещание открыл Фредди де Гинган, искусный примиритель Монти, представлявший своего начальника на совещании. Хотя Эйзенхауэр сохранял невозмутимый вид, отсутствие Монти рассматривалось

другими командирами как оскорбление главнокомандующего вооруженными силами союзников. Правда, положение в Арнеме было критическим, но я уверен, что Монти в тот день при желании мог выкроить несколько свободных часов. Отсутствие Монти на совещании ограничило круг нашей работы. Хотя де Гинган прибыл как представитель Монти, готовый изложить его точку зрения, он не мог взять на себя какие-либо обязательства за своего шефа. Если Айк и был недоволен отсутствием Монти, то он скрывал свои чувства с поразительным самообладанием. Спустя два дня мне самому пришлось не по душе поручение посетить Монти и ознакомить его с решениями, принятыми в Версале. Мы вылетели в штаб Монти. Погода стояла отвратительная, наш самолет сбился с курса и едва не попал в расположение противника, так как у нас вышла из строя радиостанция.

Теперь верховный штаб экспедиционных сил союзников так же настоятельно, как и мы в штабе группы армий, требовал открытия какого-нибудь близлежащего крупного порта с тем, чтобы несколько разгрузить наши перегруженные до предела коммуникации, растянувшиеся от Шербура и различных пунктов на побережье. Хотя Монти захватил город Антверпен 17 дней тому назад, он все еще почти ничего не сделал для освобождения от противника устья Шельды. А пока этот водный путь не был открыт, Антверпен не мог нам принести никакой пользы. На совещании в Версале 22 сентября Айк особо подчеркнул, что нам необходим глубоководный порт. Он сказал, что этот порт будет «необходимой предпосылкой для решающего наступления в глубь Германии». Однако, несмотря на это, Эйзенхауэр не предложил Монти сначала очистить Шельду, а потом уже идти дальше. Вместо этого он гарантировал ему, что английские войска во время наступления на Рур будут снабжаться в первую очередь. На направлении главного удара должна была действовать 2-я английская армия Демпси, которой оказывала поддержку 1-я американская армия Ходжеса, прикрывавшая правый фланг англичан. Решение Эйзенхауэра было сокрушительным ударом для Паттона, надеявшегося получить разрешение на стремительное наступление к Рейну в направлении на Франкфурт. Уточнив задачу, поставленную перед 1-й армией, верховный командующий отдал распоряжение «остальным войскам 12-й группы армий не предпринимать дальнейших наступательных действий, пока не выявятся возможности материально-технического обеспечения после того, как сначала будут удовлетворены все требования группировки, действующей на направлении главного удара». На обычном языке это означало, что 3-я американская армия должна была отсиживаться на Мозеле.

Для того чтобы помочь Монти сосредоточить свои войска на узком участке фронта, я получил предписание перенести разграничительную линию 12-й группы армий еще на 65 километров к северу и очистить от противника территорию западнее Мааса, оставшегося в тылу у Монти. Затем Эйзенхауэр принял меры к тому, чтобы облегчить снабжение американских войск на южном участке фронта, приказав нам передать корпус Хэйслипа в составе двух дивизий группе армий Деверса. В соответствии с этим планом войска Ходжеса растягивались вдоль 150-километрового участка фронта от Рура почти до Мозеля. Поэтому правее армии Ходжеса на участке Арденн я расположил 9-ю армию Симпсона. Фронт в районе Арденн, восточнее которых находится массив Эйфель, казался спокойным. Арденны представляют собой почти непроходимые горы, покрытые лесом, пересекающие люксембургскую границу.^[41]

Только 9 октября Монти окончательно убедился в невозможности быстрого продвижения через Рейнскую область к северной границе Рура. После 20-дневных боев на узком фронте между рекой Ваал и нижним Рейном Демпси не удалось сломить сопротивление противника. Более того, создалась угроза, что Модель ударит по открытому флангу англичан со стороны предмостного укрепления западнее Мааса, обойденного Монти при попытке захватить Арнем. Воздушный десант, выброшенный Монтгомери в Арнеме, не сумел отвлечь противника от устья Шельды и прекратить блокаду важного порта Антверпена.

В конце сентября фон Рундштедт, вышедший было в отставку, снова был призван на действительную службу и назначен командующим западным фронтом. Отчетливо представляя наши трудности со снабжением, он понимал, что блокада Антверпена оттянет новое наступление союзников. И пока канадцы прокладывали себе с боями путь к Шельде вдоль побережья Северного моря, противник переправился на остров Валхерен, окопался там, а затем укрепился на полуострове, соединяющем Валхерен с материком. Когда Монти в октябре приостановил наступление, чтобы подсчитать свои запасы, он выяснил, что наличных средств для возобновления наступления недостаточно. Не желая перегружать свои тылы, он согласился отложить на неопределенный срок наступление на Рур с тем, чтобы сначала очистить устье Шельды от противника и открыть порт Антверпен.

Между тем со дня совещания в Версале 22 сентября, на котором Эйзенхауэр подчеркнул значение Антверпена, прошло 18 драгоценных дней. Тридцать пять дней тому назад английская 11-я бронетанковая дивизия вошла в Антверпен, расположенный в устье р. Шельды. Если бы Монти немедленно приступил к очистке Шельды от противника, вместо того чтобы тешиться к Берлину, мы могли бы уже получать грузы через этот бельгийский порт. Вместо этого он потерял целый месяц, и мы вынуждены были прождать еще месяц, пока в Антверпен не прибыл наш первый морской конвой. Если бы Монти очистил Шельду, как это ему предлагал верховный штаб экспедиционных сил союзников, Антверпен вступил бы в строй гораздо раньше и мы избежали бы кризиса в снабжении, который парализовал нас в октябре.

Действительно, из всех возможных неудач на европейском фронте ни одна не была чревата более серьезными последствиями, чем запоздалое открытие Монти Антверпенского порта. Если бы мы имели возможность обеспечить быстрый подвоз грузов на фронт через Антверпен, мы могли бы гораздо раньше предпринять осеннее наступление. Вместо этого мы были вынуждены отсиживаться до ноября, пока не были накоплены запасы горючего и боеприпасов, доставленных длинным путем из Шербура на фронт. К этому времени погода испортилась, наступила зима, да и немцы не сидели сложа руки. За период с начала сентября до середины декабря противник втрое увеличил количество своих войск на западном фронте, доведя его до семидесяти дивизий. А из его пятнадцати танковых дивизий восемь имели на вооружении танки типа «Пантера» и «Тигр».

Когда, наконец, Монти отказался от Арнема и решил приступить к освобождению от противника подходов к Антверпену, Эйзенхауэр был особенно озабочен судьбой этого порта, в котором мы ощущали крайнюю необходимость. Поэтому он в весьма недвусмысленных выражениях дал понять Монтгомери, что Антверпен должен быть открыт, прежде чем мы предпримем какое-либо наступление в сторону Рейна.

Монтгомери так долго откладывал освобождение устья Шельды от противника, что теперь оно превратилось в весьма сложную операцию. Для захвата острова Валхерен канадцам пришлось высадить морской десант. Наша авиация, стремясь затопить позиции противника, разбомбила плотины на острове. В результате канадцам пришлось пробивать себе путь в чрезвычайно трудных условиях, преодолевая поля, затопленные морской водой. Наконец 9 ноября штаб 21-й группы армий донес, что устье Шельды свободно, а 17 дней спустя, 26 ноября, в Антверпене встали под разгрузку суда первого конвоя союзников. Через несколько недель Антверпен полностью заменил Шербур, с его протяженными и причинявшими беспокойство линиями коммуникации.

Позиционная война, парализовавшая наши армии на целых шесть убийственно долгих недель, пока грузы с большими трудностями доставлялись из Шербура, началась вскоре после совещания в Версале. Паттон первым получил приказ «удерживать занятые позиции, пока не будут созданы запасы, позволяющие возобновить наступление». Спустя две недели, 9 октября, когда Монтгомери пришлось отказаться от наступления к Рейну, вынужденное бездействие, на которое был обречен Паттон, распространилось также и на 1-ю армию. В связи с этим наши надежды на быстрый разгром германской армии улетучились. 29 сентября я сообщил Эйзенхауэру свои соображения по поводу Антверпена. Я считал, что Монти в лучшем случае освободит Шельду не ранее начала ноября и Антверпенский порт сможет оказать нам существенную помощь не раньше 1 декабря. Самое лучшее, на что мы могли надеяться, заключил я, это начать наступление в середине ноября.

Ходжес должен был накапливать запасы для этого ноябрьского наступления и, используя свое вклинение в линию Зигфрида, захватить город Ахен, чтобы превратить его в опорный пункт на территории рейха. Позднее, когда его полевые склады будут снова пополнены запасами, он должен был двинуться к Рейну, к готическим башням Кельна.

Хотя надежды одержать победу этой осенью и не оправдались, солдаты не забыли стремительных темпов нашего сентябрьского наступления. Для многих было совершенно непостижимо, каким образом разбитые армии противника могли снова собраться с силами и оказать сопротивление столь мощному ударному кулаку, как семь армий союзников, сосредоточенных на западном фронте. 28 сентября штаб 1-й армии прислал мне великолепный бронзовый бюст Гитлера со следующей надписью на пьедестале: «Найден в штабе нацистов в Эйпене, в Германии. Дайте 1-й армии семь боекомплектов и еще одну дивизию — и мы беремся доставить оригинал через тридцать дней». Однако, прежде чем прошли эти 30 дней, Гитлер уже познакомил своих генералов с планом контрнаступления в Арденнах.

Однажды вечером в течение нескольких коротких часов 1-й армии даже казалось, что она сможет доставить оригинал раньше, чем можно было надеяться. Начальник разведки армии Ходжеса ворвался к нему в фургон с донесением радиоразведки. Перехваченная радиограмма гласила, что полковник СС вручил фон Рундштедту в Кельне приказ германского верховного командования немедленно перейти в контрнаступление. Фон Рундштедт отказался выполнить приказ, заявив, что это приведет к уничтожению его войск. Завязался спор, и полковник СС был застрелен. Далее сообщалось, что фельдмаршал отдал приказ войскам разоружить части СС и одновременно объявил, что берет на себя всю полноту власти в Кельне. Далее он якобы обратился по радио к немецкому народу с призывом поддержать его и дать ему возможность заключить почетный мир с союзниками.

Все это оказалось блефом. Когда начальник разведки снова связался со своим подразделением радиоперехвата и потребовал подтверждения, то оказалось, что перехваченное сообщение исходило не из Кельна, а от радиостанции Люксембурга, которую 12-я группа армий использовала для так называемой «черной» пропаганды, то есть для передачи ложных сведений, имеющих целью обмануть немецкий народ и подорвать его моральный дух.

Наши ограничения действий 3-й армии в сентябре были более строгими, чем те, которыми мы позднее сковали Ходжеса. Для Джорджа Паттона, питавшего глубочайшее отвращение к оборонительной войне, приказ остановиться и перейти к обороне был жестоким и тяжелым ударом. До самой своей смерти Паттон был глубоко убежден, что если бы приоритет в снабжении имел он, а не Монти и Ходжес, то 3-я армия прорвалась бы через Саар к Рейну. Предложение Монти держать 3-ю армию на Мозеле, пока он победным маршем пойдет на Берлин, мало способствовало уменьшению нескрываемой неприязни, с которой Паттон относился к английскому фельдмаршалу. Однако трудно было ожидать от Паттона полного

бездействия. В течение октября он не раз самочинно предпринимал вылазки против укрепленных позиций противника в районе Меца. Узнав об этом, я попытался урезонить его.

— Ради бога, Джордж, прекратите, — сказал я. — Я дам вам возможность отличиться, когда мы снова перейдем в наступление. Тогда вы легко обойдете Мец и захватите его с тыла. Зачем биться лбом о стену?

Джордж кивнул головой в знак согласия, но вылазок против Меца не прекратил.

— Мы атакуем Мец, — пояснил он, — чтобы испытать в бою наши новые дивизии.

Хотя меня и раздражала настойчивость, с какой Джордж продолжал делать набег на немецкие укрепления под Мецом, тем не менее я не стал поднимать шума. В этих атаках редко участвовало более одного батальона, и я, конечно, не мог запретить командующему армией произвести атаку силами батальона.

В этот период Паттон был беспокоен и раздражителен; он метался по войскам своей армии, как тигр в клетке. Когда один из командиров корпусов, которого Джордж страшно не любил из-за какого-то столкновения в прошлом, расположил свой корпус на бивак в полосе его армии, Паттон ворвался на командный пункт корпуса для предварительной инспекции. Чем дальше шло знакомство командующего армией с новым корпусом, тем раздражительнее он становился. Идя по затемненному коридору школьного здания, где расположился штаб корпуса, Джордж споткнулся о неподвижную фигуру задремавшего солдата. Разбуженный пинком сапога Паттона в бок солдат пробурчал в темноту:

— Черт бы тебя взял, болван, смотри, куда ступаешь! Не видишь, что ли, что я хочу спать?

У Паттона перехватило дыхание, и он проревел:

— Ты здесь первый сукин сын, который знает, что делает,

* * *

В конце сентября из штаба зоны коммуникаций стали поступать жалобы на организованное хищение груза, идущего из Шербура. Тысячи галлонов бензина, тонны продовольствия и обмундирования ежедневно попадали на французский черный рынок. В отчаянии Ли молил Айку выделить несколько пехотных батальонов для охраны его тыловых складов.

Я сообщил Паттону о просьбе Ли. Взбешенный Паттон помчался на свой командный пункт и продиктовал официальное письмо в мой адрес, в котором излагал свои возражения. Уже по обращению «Уважаемый генерал Брэдли» я понял, что это письмо принадлежало к числу тех официальных документов, которые Джордж предназначил для истории. Обычная форма его обращения ко мне была «Дорогой Брэд».

«Будучи одним из подчиненных Вам командующих армиями, — писал Джордж, — я считаю своим долгом самым убедительным образом довести до Вашего сведения, что использование боевых частей, в особенности пехоты, в каких-либо иных целях, кроме ведения боевых действий против немцев, считаю крупнейшей ошибкой... Если командование зоны коммуникаций может использовать транспортные средства для перевозки солдат с фронта в Париж, то армии, конечно, могут изыскать необходимые транспортные средства для перевозки солдат из Парижа на фронт».

Ли впоследствии понял, что попал впросак, и извинился. Он обошелся без нашей помощи, сформировав из внештатного состава зоны коммуникаций несколько караульных батальонов. Эти батальоны укомплектовывались солдатами, признанными ограниченно годными к несению военной службы.

Едва мы смирились с мрачной перспективой затяжной зимней кампании, как из верховного штаба экспедиционных сил союзников позвонил Айк и сообщил, что к нам на фронт прибывает генерал Маршалл. Маршалл прибыл в Верден 7 октября. Он пролетел на небольшой высоте над возвышенностью Аргонн, чтобы взглянуть на местность, знакомую ему еще со времен первой мировой войны. С первых же его слов стало ясно, что отрезвляющее дыхание действительности, заставившее нас пересмотреть наши сентябрьские расчеты относительно срока окончания войны, еще не достигло Вашингтона и военного министерства. Мы уже свыклись с мыслью о необходимости томительного ожидания конца войны, в то время как Маршалл говорил о делах на фронте все еще с тем веселым задором, который мы потеряли уже три недели тому назад. Маршалл одобрил наши планы ноябрьского наступления и предсказал, что под нашим натиском противник, несомненно, предпочтет капитуляцию, чем подвергать себя испытаниям еще в течение одной суровой зимы. Такое расхождение во взглядах у лиц, находящихся на различных ступенях командования, — обычное явление в большой войне, когда высшие штабы удалены от фронта на сотни и тысячи километров. Они в своей оценке фронтовой обстановки обычно отстают на целые недели от командиров на местах. Наиболее типичным примером этого может служить битва в Арденнах. Мы уже давным-давно одержали победу на фронте, а верховный штаб экспедиционных сил союзников все еще пребывал в состоянии тревоги и полнейшей неуверенности.

Генерал Маршалл потребовал, чтобы мы не нарушали обычного распорядка дня в связи с его приездом. Он предполагал пробыть некоторое время на фронте для ознакомления с подготовкой наших войск и их оснащением. Тем не менее 8 октября я настоял на том, чтобы лететь вместе с ним на самолете «С-47» к Ходжесу и Монти.

Обычно наши самолеты «С-47» летали без сопровождения истребителей. 9-я воздушная армия генерал-лейтенанта Хойта Ванденберга так тщательно прочесывала небо, что появление в воздухе немецких самолетов стало для нас редкостью. Но Робинсон все же предпочитал летать бредущим полетом, чтобы избежать встречи с истребителями противника.

Опасаясь, как бы немецкая разведка не пронюхала о нашем полете, мы вызвали истребителей 9-го тактического авиационного командования для сопровождения нашего самолета «С-47», который стоял на импровизированном аэродроме, устроенном на пастбище близ вышедшего из берегов Мааса. Истребители должны были встретить нас в воздухе непосредственно над Верденом. Мы сели в самолет, и Робинсон начал выруливать к концу поля, чтобы прогреть моторы. Вдруг он резко развернул самолет в сторону и свернул с дорожки. Первый истребитель, шедший на посадку, едва не сел нам на голову.

Мы не имели радиосвязи с истребителями. Наши отчаянные попытки показать, чтобы они не садились на короткую неутрамбованную дорожку, не имели успеха. Два тяжелых истребителя «Р-47», несмотря на все наши сигналы, шлепнулись на аэродром подобно воздушно-десантным танкам. Когда четвертый самолет попытался свернуть в сторону от взлетно-посадочной дорожки, восьмитонная машина увязла в грязи. Была сделана попытка вытянуть самолет при помощи лебедки, но «Р-47» еще глубже зарылся носом в землю. Его хвост загородил почти две трети взлетно-посадочной дорожки. Я спросил Робинсона, может ли он обойти его, не задев, и подняться в воздух. Робби отпустил тормоза, открыл дроссель, снял ноги с педалей — и мы оторвались от земли.

Несмотря на то, что застрявший в грязи самолет почти перегородил взлетно-посадочную дорожку, три остальных истребителя также начали выруливать для взлета. Первый прошел всего

лишь в нескольких дюймах от застрявшего самолета и поднялся в воздух. Второй врезался в хвост самолета, загородившего взлетно-посадочную дорожку, каким-то чудом поднялся в воздух с поврежденным шасси и, с трудом набрав высоту, взял курс на свой аэродром. Третий благополучно миновал поврежденный самолет, пролетел на бреющем полете над деревьями и пристроился к нашему самолету сбоку.

В Эйндховене, где находился штаб Монти, рваные облака заволакивали небо; только случайно сквозь разрывы облаков можно было разглядеть бетонированную взлетно-посадочную полосу. Робинсон сделал два захода и, наконец, на третьем благополучно приземлился. Два наших истребителя спускались все ниже и ниже. Командир звена сделал заход, затем еще один, еще и еще. На пятом заходе он скользнул на крыло параллельно взлетно-посадочной полосе. Истребитель потерял скорость и упал на землю. Мотор отбросило в сторону, машина опрокинулась почти у конца крыла нашего самолета. Через мгновение истребитель взорвался, объятый пламенем. Но англичане успели предупредить об опасности аварийную машину, которая была выделена специально на случай аварии при нашей посадке, и взрыв произошел почти под самыми соплами ее огнетушителей. Когда пламя было сбито, аварийная машина перевернула самолет в нормальное положение, спасательная команда открыла покрытую пеной кабину. Пилот вылез без посторонней помощи с усмешкой на его юном лице.

Между тем летчик четвертого истребителя испугался вспышки пламени и не пошел на посадку. Таким образом, за какой-нибудь час мы лишились всех четырех эскортировавших нас самолетов без какого-либо воздействия со стороны противника. К счастью, генерал Маршалл не сказал ни слова.

Вечером Хансен связался по телефону с авиационным штабом и сообщил о наших потерях.

— Очень плохо, — ответил полковник, — я вышлю вам другую четверку.

— Нет, спасибо, полковник, — ответил Хансен. — Я уверен, генерал не пожелает пережить еще один такой день.

Мы больше ни разу не обращались к авиации с просьбой выделить истребители для сопровождения «Мэри К».

* * *

В начале октября на горизонте вновь замаячил знакомый призрак: мы начали испытывать первые признаки недостатка боеприпасов, которые заставили замолчать нашу артиллерию на целый месяц.

Наши запасы бензина также таяли, пока, наконец, в один прекрасный день начальник отдела тыла не доложил мне, что запасов бензина на театре военных действий хватит только на два дня. Я потребовал от Ли увеличения запасов бензина, и командование зоны коммуникаций спешно приступило к сооружению дополнительных бензохранилищ в Нормандии.

Однако нехватка боеприпасов оказалась проблемой куда более сложной. Мы не могли быстро разрешить этот вопрос из-за недостатка причального оборудования; только вступление в строй Антверпенского порта могло вывести нас из тупика. Штормовая погода задерживала разгрузку судов у побережья Нормандии, а для разгрузки кораблей с боеприпасами в портах Ла-Манша можно было выделить всего лишь несколько причалов. В течение первой недели октября был разгружен только один транспорт с боеприпасами; 35 других транспортов стояли на рейде в ожидании разгрузки. Между тем зона коммуникаций израсходовала все свои резервы, а то количество боеприпасов, которое поступало на фронт непосредственно с транспортов, не могло удовлетворить даже наши минимальные требования.

2 октября, то есть в тот день, когда Ходжес начал наступление на Ахен, мы снова ввели нормирование расхода боеприпасов. Но спустя неделю мы поняли, что даже при таком заниженном режиме огня мы полностью израсходуем наши запасы к 7 ноября.

Хотя командование зоны коммуникаций могло взвалить вину на Монти, затянувшего открытие Антверпенского порта, но и само оно отнюдь не было безупречным. Запасов на складах в Нормандии не хватало для всех огневых средств, полученных нашими армиями в сентябре.

9 октября я созвал совещание в штабе 12-й группы армий, чтобы попытаться найти выход из кризиса со снабжением, который грозил оттянуть начало ноябрьского наступления. Паттон явился со своим начальником штаба и начальником отдела тыла. Кин представил Ходжеса; он приехал в сопровождении Медариса и Вильсона. Когда Паттон увидел Медариса, которого он знал по совместной службе во 2-м корпусе как человека, умеющего обделять свои дела за столом совещания, он спешно вызвал своего начальника артиллерийско-технической службы.

— Посмотрите на эту пару, — предупредил Паттон своего начальника штаба, исподтишка кивая в сторону Медариса и Вильсона. — Я знаю этих ребят как облупленных. Одно время они работали на меня.

Предупреждение Джорджа не было необоснованным. Никто лучше его не знал, что 1-я армия вполне заслуживала свою репутацию пирата, способного нагло захватить любые запасы. Следуя известной пословице, что в любви и на войне все средства хороши, 1-я армия продолжала всеми правдами и неправдами запасаться горючим и боеприпасами, пока штаб армий не замечал ее проделок.

По нашей просьбе Эйзенхауэр вызвал из Версаля Беделла Смита вместе с начальником тыла штаба экспедиционных сил союзников и предложил ему разъяснить нам положение с боеприпасами. Хотя Беделл сочувствовал нашим затруднениям, тем не менее он подозревал, что наше недовольство отчасти объяснялось извечным антагонизмом между фронтовиками и снабженцами. Верховный штаб союзников, опасаясь, как бы командование зоны коммуникаций не стало для нас козлом отпущения, взял Ли под защиту и оградил его от критики со стороны фронтовиков. 1-я армия совершенно откровенно критиковала позицию, занятую командованием зоны коммуникаций, а Паттон также не скрывал своего раздражения деятельностью Ли.

Как ни скудна была норма расхода боеприпасов для армий, мы были вынуждены еще больше сократить ее, чтобы накопить достаточные резервы для ноябрьского наступления. В течение всего октября наши армии владели жалкое существование, находясь на голодном пайке. За это время верховный штаб экспедиционных сил союзников должен был довести масштабы разгрузки транспортов с боеприпасами до 6 тыс. тонн в день и направлять излишки сверх этого в армейские полевые склады. Хотя этот способ разрешения проблемы был далеко не совершенным, он удовлетворял Беделла Смита.

— Зона коммуникаций сможет выполнить ваши требования и обеспечить вас боеприпасами к 22 октября, — заверил он.

— Мы дадим им еще десять дней, — сказал я. — Пусть они обеспечат нас запасами к 2 ноября.

Беделл был недоволен моим ответом, но когда наступило 22 октября и зона коммуникаций не смогла нас обеспечить запасами, он позвонил мне и извинился.

— Я не думал, что для этого потребуется так много времени, — пояснил он, обозленный задержкой.

— Не думайте больше об этом, Беделл, — сказал я, — мы лучше знаем этот народ, чем вы. Пытаясь заслужить наше расположение, зона коммуникаций вновь переоценила свои возможности в области снабжения.

14 октября Ходжес завершил окружение оставшегося без крыш города Ахена. В этот день мы ждали английского короля, совершавшего поездку по фронту, и пригласили на командный пункт 1-й армии весь старший командный состав. Ходжес развернул свой командный пункт прямо на голой земле около полуразрушенного замка близ бельгийского города Вербье. В то время штаб 1-й армии был единственным из всех наших высших штабов, который все еще размещался в палатках; Паттон и Симпсон с приближением зимы перевели свои штабы в здания. Как раз в этот день оперативная группа 12-й группы армий свернула свои палатки в Вердене и перебралась в здание с паровым отоплением в Люксембурге всего лишь в 20 километрах от линии фронта немцев.

Генерал Гарт отправился на командный пункт Монти, чтобы сопровождать короля Георга во время поездки через Бельгию в американский сектор. За завтраком Гарт выпил несколько чашек чая и теперь, проезжая по выложенным кирпичом дорогам, развороченным снарядами, испытывал страшную неловкость. Он знал, что его спутники в джипе находятся в таком же состоянии и не менее его жаждут остановки. Не зная, как объяснить королю необходимость остановки, Гарт пробормотал, что он должен остановить колонну «по санитарным соображениям».

Когда машины снова тронулись в путь, король, улыбаясь, посмотрел на Гарта.

— Так Вы сказали, что остановка была вызвана санитарными соображениями?

Он повернулся к своему секретарю и засмеялся:

— Не забудьте записать это в наш дневник.

Штаб 1-й армии по случаю посещения короля вынужден был сделать уступку комфорту и перенести свою столовую из палатки в закрытое помещение. За завтраком в этой бедно обставленной столовой Паттон занимал гостей рассказами о своих похождениях в Африке. Он говорил о врожденной склонности тунисских арабов к воровству и, потягивая кофе, заявил королю:

— Я лично застрелил, наверное, не менее дюжины арабов.

Айк подмигнул мне.

— Сколько, вы сказали, Джордж? — спросил он.

Паттон затянулся сигарой.

— Ну, может быть, только полдюжины, — ответил он с лукавой усмешкой.

— Сколько? — настаивал Айк.

Джордж пожал плечами, засмеялся и повернулся к королю:

— Во всяком случае, сэр, двоим из них я дал сапогом прямо в... на улице в Гафсе.

Вечером Эйзенхауэр вернулся со мной в оперативную группу штаба 12-й группы армий в Люксембург. Мы проехали Арденны по лесным дорогам, насквозь пропитанным сыростью после затяжных осенних дождей, мимо бельгийских торфяных болот, и миновали городок Бастонь. На окраине городка расположилась полевая хлебопекарня, и в воздухе чувствовался соблазнительный запах печеного хлеба.

В Люксембурге старые каменные здания были украшены национальным флагом и полотнами, на которых был выведен гордый девиз: «Мы хотим остаться теми, кто мы есть». На празднично разукрашенных улицах в витринах магазинов были выставлены цветные литографии, с которых благожелательно взирала великая герцогиня Шарлотта. Близ отеля «Альфа», отведенного нам под квартиру, лавочник выставил в витрине своего магазина большую фотографию президента Рузвельта, но только не Франклина, а Теодора. Вечером во время обеда

сержант Дадли подал к столу огромный разукрашенный торт, присланный из Парижа. Эйзенхауэру исполнилось в этот день 54 года.

Через четыре дня, 18 октября, когда Ахен содрогался под огнем артиллерии 1-й армии, Эйзенхауэр созвал в штабе 21-й группы армий в Брюсселе совещание по разработке стратегического плана ноябрьского наступления. Совещание было намеренно созвано в районе расположения командного пункта Монти, поэтому он никак не мог уклониться от встречи с нами.

* * *

С приближением зимы Эйзенхауэр мог выбрать один из двух вариантов действий:

1. Он мог окопаться со своими 54 дивизиями на 800-километровом фронте, растянувшемся от берегов Северного моря до швейцарской границы. Отказавшись от ноябрьского наступления, он мог подождать до весны, пока в Антверпен не придут свежие американские дивизии и не будут сосредоточены большие запасы, позволяющие нанести сокрушающий удар.

2. Он мог перейти в ноябре в наступление с теми войсками, которые у него были, рассчитывая только на запасы, которые можно было доставить по имеющимся коммуникациям.

Но Эйзенхауэр не мог ждать до весны, пока союзники, наконец, не накопят необходимые силы и средства, потому что немцы могли опередить нас в темпах наращивания сил. Они уже продемонстрировали нам, с какой поразительной быстротой они могут восстанавливать свои силы. Каждая неделя отсиживания союзных войск в окопах осенью давала немцам возможность оснастить дивизии новыми танками и нанять больше фольксштурмистов и усовершенствовать свою оборону. И каждый месяц приносил с собой новые огорчения для Тоа Спаатса; ему внушало сильное беспокойство непрекращающееся производство реактивных истребителей и новые радиовзрыватели, изобретенные немцами. Спаатс еще задолго до этого опасался, что любая из этих новинок могла вытеснить наши бомбардировщики из воздушного пространства.

В то же время превосходство, которым мы располагали на суше, еще не могло обеспечить нам длительный успех в зимнем наступлении. Противник уже сумел сколотить 32 дивизии, которые в любой момент могли появиться на фронте. Более того, за исключением участка вклинения Коллинса в районе Ахена, прорвать линию Зигфрида на других направлениях не удалось.

Все же никто не верил, что мы сможем пассивно отсиживаться всю зиму. Не говоря уже о том, что подобная тактика была чревата неприятными последствиями, она непременно вызвала бы резкий протест со стороны наших союзников в Кремле.^[42]

Айк сделал свой выбор, частично руководствуясь интуицией. Он рассчитывал, что мы обрушимся на противника всеми нашими силами и постараемся расчленить его армии западнее Рейна. Возможно, когда мы выйдем к Рейну, моральный дух рейха будет сломлен и мы кончим войну. Генерал Маршалл еще ранее отважился высказать эту же самую слабую надежду. Мы оба с Эйзенхауэром уцепились за нее, хотя и чувствовали всю ее эфемерность.

Решение Эйзенхауэра возобновить наступление в ноябре снова возродило нескончаемые споры между Монтгомери и мною по поводу сравнительных преимуществ удара на одном или двух направлениях. Снова Монти требовал, чтобы Эйзенхауэр собрал все силы для концентрированного наступления на Рур севернее Арденн. И снова я настаивал, чтобы он нанес удар на двух направлениях — по Руру и Саару, «дав Паттону возможность вторгнуться в Саарский промышленный район, расположенный на пути наступления к Рейну». И хотя мы

продолжали препираться относительно характера наступления только западнее Рейна, оба мы отлично понимали, что это решение определит и характер дальнейшего наступления восточнее Рейна. Монти все еще продолжал отстаивать свой план наступления вдоль северной границы Рура на одном направлении, тогда как я ратовал за двухсторонний охват этого промышленного центра рейха. Монти утверждал, что американские войска должны были выйти к Рейну только на участке севернее Кёльна, включая и Кёльн. Я же заявлял, что мы должны занять весь западный берег Рейна, прежде чем думать о каком-либо наступлении восточнее его. В конце концов Эйзенхауэр должен был выбрать одну из этих двух противоположных точек зрения.

Мои доводы в пользу двойного удара были очень просты. Если бы Эйзенхауэр начал ноябрьское наступление только на одном направлении севернее Арденн, противник, в свою очередь, сконцентрировал бы там все свои средства обороны. С другой стороны, если бы мы разделили свои силы и осуществили двухсторонний охват, направив одну охватывающую группировку в направлении Франкфурта, мы бы поставили противника в затруднительное положение и лучше использовали превосходство наших армий в маневренности. Больше всех в этом был заинтересован Паттон, так как, если бы восторжествовала точка зрения Монтгомери, 3-я армия была бы вынуждена ограничиться оборонительными действиями южнее Арденн и, возможно, застряла бы за рекой Мозель до окончания войны. «Неужели нельзя более разумно использовать дивизии Паттона, двинув их на Саар?» — спрашивал я верховный штаб экспедиционных сил союзников.

На этот раз Айк, видимо, склонился в пользу двухстороннего охвата Рура. По его плану 12-я группа армий должна перейти в наступление силами 1-й и 9-й армий севернее Арденн и силами 3-й армии южнее этого лесного барьера (схема 39). Перед всеми тремя армиями ставилась задача пробиться к Рейну и постараться захватить переправы через него. Монти в первую очередь предстояло очистить от противника территорию западнее Мааса, где он во время наступления на Арнем оставил в своем тылу отдельные очаги сопротивления. Затем он должен был пробиваться в направлении на Рур к югу от Неймегена в междуречье Рейна и Мааса. Начало наступления 1-й и 9-й армий было назначено на 5 ноября, 3-я армия должна была выступить 10-го.

Готовясь к этому новому наступлению, я снял Симпсона с арденнского фронта и перебросил его к северу от Ходжеса на участок, прилегающий к фронту Монтгомери в Голландии. Когда 9-я армия в начале октября прибыла на наш фронт, я отвел ей менее активный арденнский участок фронта, намереваясь использовать для наступления на Рейн более опытные 1-ю и 3-ю армии. 18 октября я покинул Брюссель в полной уверенности, что рано или поздно Монти добьется усиления своей группы армий за счет американских войск. К этому времени численность американских войск в два раза превышала численность английских войск, причем это соотношение в пользу американцев должно было вскоре еще более увеличиться. Армия Симпсона оставалась еще самой неопытной среди наших армий, и я пришел к заключению, что именно ее мы могли передать Монти наиболее безболезненно. Чтобы не оставлять 1-ю армию в опасном соседстве с англичанами, я решил вклинить между нею и Монти 9-ю армию, что и сделал. Но эта перегруппировка моих сил в конце концов оказалась в интересах Монти, так как вскоре 9-я армия превратилась в первоклассную боевую единицу, и Монти имел с ней гораздо меньше неприятностей, чем он мог бы иметь с 1-й или 3-й армиями.

Чтобы заполнить незанятый участок фронта в Арденнских лесах, мы перебросили из Бреста 8-й корпус Миддлтона, включив его в состав 1-й армии. Все три пехотные дивизии и кавалерийскую группу корпуса мы расположили в одну линию вдоль 145-километрового участка фронта в Арденнах, в промежутке между наступавшими армиями Ходжеса и Паттона. Для усиления этого слабого участка фронта мы дополнительно выделили бронетанковую дивизию,

которую Трой перевел в резерв корпуса. Богатые форелью речушки стремительно неслись по крутым склонам этого спокойного участка фронта, а леса оглашались ревом диких кабанов. Позже старший лесничий Люксембурга жаловался, что американские солдаты, мечтавшие о зажаренных тушах кабанов, охотились на кабанов на самолетах и в охотничьем азарте расстреливали несчастных животных на бреющем полете из пулеметов Томпсона. Изобретательно, согласился я, но не слишком ли это опасное развлечение.

Напротив арденнского участка фронта Миддлтона лежали живописные, редко населенные горы Эйфель с узкими долинами, крутыми лесистыми склонами, озерами и потухшими вулканами. Всего лишь несколько первоклассных дорог, идущих с востока на запад, пересекали участок Миддлтона от Эйфеля через Арденны, извиваясь вдоль долин, простиравшихся к реке Маас, протекающей в 80 километрах в тылу.

Теперь мы могли усилить фронт Миддлтона только за счет ослабления наших группировок, предназначенных для ноябрьского наступления на северном и южном направлениях. Ходжес и Симпсон могли использовать не более четырнадцати дивизий на всем 90-километровом фронте к северу от Арденн. Южнее Арденн девять дивизий Паттона были растянуты на 135-километровом фронте. Мы испытывали столь острую нехватку в живой силе, что были вынуждены отложить наступление на северном направлении на целую неделю, чтобы потребовать назад выделенную Монти дивизию, которая должна была принять участие в действиях по освобождению от противника устья Шельды. Более того, для сосредоточения сил 3-й армии на более узком участке фронта потребовалось передать часть фронта Паттона 6-й группе армий Деверса.

Если бы мы хотели свести до минимума риск наступления противника на слабый участок фронта Миддлтона в Арденнах, мы могли бы отложить наступление Паттона, как предлагал Монти, или даже отсидеться в обороне всю зиму. Я не мог согласиться ни на то, ни на другое. Лучше мы до предела растянем фронт Миддлтона, сознательно идя на риск в Арденнах, ради возможности использовать каждую наличную дивизию в ноябрьском наступлении, которое должно было нанести немцам сокрушающий удар. Таким образом, мы преднамеренно отказались от усиления фронта в Арденнах, чтобы обеспечить успех зимнего наступления. Этот рассчитанный риск лежал на моей совести, и я никогда не жалел, что пошел на него. Если бы я снова оказался в таком же положении, то не сделал бы иного выбора. Конечно, этот выбор был не безопасен, но если бы мы во Франции думали только о безопасности, то могли бы зазимовать на Сене перед обуглившимся остовом Парижа.

* * *

Первоначально предполагалось, что наступление на северном направлении начнется на пять дней раньше наступления Паттона, чтобы дать возможность Ходжесу и Симпсону первыми воспользоваться поддержкой стратегической авиации. Мы предполагали нанести на этом главном направлении массированный бомбовый удар, в свое время парализовавший противника у Сен-Ло. Узнав, что Монти не собирается возвратит к 5 ноября приданную ему американскую дивизию, я отложил на пять дней начало наступления на северном направлении и дал Паттону распоряжение занять исходные позиции.

Паттон три дня тщетно прождал хорошей погоды на своем командном пункте в Нанси. Наконец, потеряв последнюю надежду на прекращение дождя, он решил выступить без поддержки с воздуха. В дождливое утро 8 ноября он ринулся в наступление, ограничившись артиллерийской подготовкой; его армия насчитывала 220 тыс. человек. Джордж намеревался

форсировать Мозель севернее Меца, выбить противника из этого укрепленного города, выйти в Саарскую долину и прорваться сквозь линию Зигфрида. Расстояние от Меца до Саарской долины — около 65 километров, от Саарской долины через Пфальц до берегов Рейна — 130 километров.

Уже несколько недель шли непрекращающиеся проливные дожди, уровень воды в Мозеле поднялся и достиг рекордной за последние 50 лет величины. Бурный поток сносил все переправы, и в течение пяти дней Паттон перебрасывал свои войска через Мозель на плотках и утлых десантных судах. 11 ноября я позвонил Джорджу и поздравил его с днем рождения; он рассказал мне, что одна саперная рота в течение двух дней боролась с разбушевавшейся рекой, пытаясь навести понтонный мост. Когда мост был наведен, на его стальные листы въехала самоходная противотанковая установка, пытаясь переправиться на противоположный берег. Недалеко от другого берега установка неожиданно съехала с моста и сорвала канат, крепивший мост к берегу. В одно мгновение мост погрузился в воду, и его унесло вниз по течению.

— Вся рота так и села в грязь, — сказал Паттон, — и солдаты завопили не хуже маленьких детей.

Севернее, на фронте 1-й и 9-й армий, погода была не лучше. Прошло три дня после намеченного для наступления срока, но погода по-прежнему не улучшилась. Я дал отсрочку до 17 ноября. Если к тому времени погода не улучшится, придется решить, сможем ли мы наступать без поддержки авиации, полагаясь только на артиллерию, как это сделал Паттон. Тяжелые бомбардировщики базировались в Англии, истребители-бомбардировщики — в Бельгии. В случае если погода не позволит авиации оказать нам поддержку одновременно из Англии и Бельгии, мы готовы были ограничиться поддержкой только тяжелых бомбардировщиков, отказавшись от использования истребителей и отложив начало наступления, если в этом возникнет необходимость до трех часов дня.

Наш план предусматривал прорыв Ходжеса к Дюрену при поддержке Симпсона, действовавшего слева, форсирование реки Рур в 25 километрах восточнее Ахена и выход к Кёльну, в 40 километрах восточнее реки Рур. Основная цель этого наступления заключалась в уничтожении немецких войск западнее Рейна. В случае поражения противника мы смогли бы с хода форсировать Рейн, как мы форсировали Сену. Мы приступили к бомбардировке мостов через Рейн, чтобы задержать переброску подкреплений на западный берег. Все мосты были подготовлены немцами к взрыву на случай отступления. Так, когда 5 ноября бомба, сброшенная с нашего истребителя, разорвалась поблизости от моста, она вызвала детонацию заложенных под мостом зарядов. Не успел изумленный летчик прийти в себя, как мост взорвался и рухнул в воду.

Я рассчитал, что через 30 дней после начала наступления мы выйдем к Рейну при условии, что первый бросок обеспечит нам прорыв через укрепления, расположенные непосредственно за Ахеном. Однако я предупредил штаб группы армий, что, если наступление захлебнется, нам, может быть, придется окопаться и подождать до весны. А весеннее наступление, по моим расчетам, могло привести к тому, что война затянулась бы до осени 1945 г.

14 ноября после тринадцати суток сплошного ненастья я выехал из Люксембурга в Спа через Бастонь, чтобы разделить с 1-й армией часы томительного ожидания. Первый мокрый снег белым ковром лежал в Арденнах. 1-я армия совсем недавно перевела свой штаб в фешенебельные купальни Спа в 20 километрах от германской границы, проходившей в районе Ахена по крутым холмам. Улицы Спа были забиты людьми и машинами с опознавательными знаками 1-й армии. Грузовики ломали кусты и портили клумбы на бульварах, полы в величественном отеле «Британик», где обосновалась армейская ремонтная мастерская, были заслежены красной глиной, приставшей к ботинкам американских солдат. По всему казино, где

под огромными хрустальными люстрами, спускавшимися с высоких потолков, когда-то играла в карты европейская знать, были разбросаны складные столы. Богато задрапированный коврами коктейль-холл медицинская служба 1-й армии приспособила под зубо врачебный кабинет, расставив в нем полевые зубо врачебные кресла с ножным приводом. На полированной стойке из красную дерева были разложены всевозможные медицинские инструменты.

Удрученный ненастьем, уже и так задержавшим наступление более чем на полторы недели, Ходжес все же принял решение начать операцию 17 ноября.

— С авиационной поддержкой или без нее, — сказал он, — мы все равно начнем.

— Не беспокойтесь, генерал, — заверил его Квесада, — когда вы начнете наступление, наши самолеты поднимутся в воздух, даже если им придется совершить вынужденную посадку на обратном пути.

Вечером 15 ноября я сидел с офицерами штаба Ходжеса в оперативной комнате в отеле «Британик». Ходжес и Кин курили, пуская кольца дыма. Торсон выглядел усталым, лицо его осунулось.

— Кортни, — сказал я, — когда выйдешь к Рейну, отправь Табби в отпуск в Англию.

Кин бросил недовольный взгляд. Торсон перехватил его и отпарировал:

— Генерал, может быть, вы дадите письменный приказ, так будет надежнее.

В час ночи была получена очередная метеосводка. Наконец-то мы были вознаграждены за свое терпение; на следующий день в полдень мы могли начать наступление.

Утром во время завтрака в доме бельгийского стального магната, где Ходжес разместил своих генералов, мы смотрели в окно; за зеркальными стеклами виднелись голубоватые холмы, уходившие на восток. Свинцовые облака поднимались, словно театральный занавес, и сквозь туман просвечивало голубое небо. Вскоре из-за облаков показалось солнце.

— Друзья, взгляните на этот огненный шар! Нет, вы только посмотрите на него, — кричал Ходжес. — Но не слишком пристально смотрите, — взывал он, когда мы прильнули к окну, — а то он померкнет или, еще хуже, вы спугнете его.

В 12 час. 45 мин. оглушительный рев моторов возвестил, что самолеты поднялись в воздух строго по расписанию. Тысяча двести бомбардировщиков 8-й воздушной армии летели в сомкнутом строю; такое же количество английских тяжелых бомбардировщиков летело в рассредоточенных боевых порядках, подобно ночным бомбардировщикам. Во избежание бомбардировки своих войск, как это было в Сен-Ло, мы установили джипы с маркерными радиомаяками, чтобы обозначить линию фронта с помощью вертикально направленных радиолокационных лучей. Для визуального наведения на цель мы подняли на высоту 450 метров аэростаты заграждения с прикрепленными к ним красными полотнищами. Кроме того, 90-миллиметровые зенитные пушки обозначали линию фронта специальными дымовыми снарядами, разрывавшимися на 600 метров ниже высоты, на которой летели бомбардировщики. В результате этих мер предосторожности в расположение наших войск упали лишь несколько бомб, да и это было вызвано неисправностью бомбодержателей. Наши потери исчислялись одним легко раненым.

Хотя нашим бомбардировщикам удалось расстроить боевые порядки дивизии противника и изрыть землю воронками, но они не смогли пробить брешь, через которую пехота и танки могли бы прорваться к Рейну. Немцы умело эшелонировали свою оборону в глубину, прикрыв ее минными полями и оборонительными сооружениями. Зная, что у них за спиной Рейн, они с таким отчаянием дрались за каждую паршивую деревушку на перекрестках дорог, словно это были по меньшей мере Бранденбургские ворота в Берлине. Тем временем Геббельс обратился к армии фон Рундштедта в Рейнской области с призывом стоять не на жизнь, а на смерть. Он заявил, что стоит немецким солдатам дрогнуть — и поражение неизбежно. Тогда их ожидает

ссылка в трудовые лагеря Сибири.

Отходя, противник оставлял после себя сплошные развалины; он отчаянно цеплялся за каждую позицию, пока мы не уничтожали ее. Когда во время допроса начальник разведки спросил молодого немецкого офицера, неужели им не жаль родной земли, которую они обрекают на ненужные страдания, пленный пожал плечами и ответил:

— Может быть, после войны она уже не будет нашей, так не все ли равно?

За первые две недели наступления на северном направлении мы продвинулись вперед менее чем на 11 километров. К тому времени, когда обе американские армии вышли, наконец, с боями по изрытой бомбами равнине к предместьям Дюрена и Юлиха, стало совершенно очевидно, что мы втянуты в дорогостоящую войну на истощение. Но мы подсчитали, что за каждого нашего раненого или убитого солдата, которого санитары несли под дождем на промокших одеялах, противник расплачивался двумя или более убитыми, взятыми в плен, тяжело ранеными.

Несмотря на наши успехи в этой изнурительной войне на истощение, я ненавидел бойню, в которой мы были вынуждены поливать кровью каждый шаг нашего продвижения вперед. Однако именно здесь противник решил ввести в действие свои последние резервы, и поэтому именно здесь мы должны были сломать ему хребет, если хотели форсировать Рейн. Отсюда следовало, что если бы нам удалось разгромить немцев западнее Рейна, то они не смогли бы остановить нас и восточнее его.

Наступление на северном направлении продолжалось в течение всего ноября. Тем временем разведка доносила, что противник сосредоточивает сильные танковые резервы на нашем пути. Некоторые танковые части были опознаны: они входили в состав 6-й танковой армии СС. Мы пришли к заключению, что эти танки, возможно, будут поджидать нас у реки Рур и нанесут нам удар во время переправы, так как именно в этот момент они могли привести нас в замешательство и расстроить наши планы. Мы уже смирились с перспективой кровопролитных боев между реками Рур и Рейн.

Я рассказал Смиту о сосредоточении резервов противника.

— Я бы только приветствовал контрудар противника, — сказал я. — Мы могли бы уложить гораздо больше немцев и ценою значительно меньших затрат, если бы они вылезли из своих нор и бросились на нас в попытке изменить ход войны в свою пользу.

Сосредоточение противником крупных резервов заставило меня пересмотреть первоначальный план выхода к Рейну через 30 суток. Если нам придется идти по трупам немцев, наше продвижение займет несколько больше времени. Но зато потери противника с лихвой оплатят эту задержку.

Между реками Рур и Рейн пролегает плато шириной до 50 километров, образующее Кёльнскую равнину; оно представляет собой идеальное место для массированного танкового контрудара. Если фон Рундштедт нанесет удар во время переправы через реку Рур, ему, возможно, удастся приостановить наше продвижение к Рейну и даже задержать нас на этом рубеже в течение всей зимы. Безусловно, он не мог упустить такую возможность.

При любом контрударе на Кельнской равнине фон Рундштедт мог рассчитывать на такое мощное средство, как взрыв плотин на реке Рур. Пока эти гигантские сооружения были в его руках, он в любой момент мог их взорвать, и тогда наши мосты были бы снесены бурным потоком. Изолированные плацдармы союзников в Кёльнской равнине оказались бы под ударом. По утверждению инженеров, взрыв плотины Швамменауэль высотой 54 метра повлек бы за собой подъем уровня воды в реке Рур у Дюрена на 8 метров, причем бурные потоки воды разлились бы на 2,5 километра. Само собой разумеется, мы не могли отважиться на какую-либо операцию западнее реки Рур, предварительно не захватив или не разрушив эти плотины.

Плотины были расположены в нагорной части Шне-Эйфель, в гористой лесной местности, через которую проходил наш путь наступления. В период подготовки к общему наступлению Ходжес попытался захватить 2 ноября эти плотины силами 28-й дивизии. Он почти достиг своей цели, но был вынужден отступить, когда немцы контратаковали 28-ю дивизию и выбили ее из города Шмидта. Только спустя три месяца мы, наконец, захватили плотины и обеспечили себе безопасную переправу через реку Рур. Если бы мы захватили их в начале ноября и переправились через Рур, противник никогда не осмелился бы перейти в контрнаступление в Арденнах.

Пока Ходжес окапывался на покрытых грязью высотах, с которых просматривалась река Рур, и готовил 1-ю армию к наступлению на плотины через Гюртгенский лес, Паттон с боями прокладывал себе путь к Саару, наседая на отступавшего противника. 20 ноября он окружил Мец и после капитуляции этой крепости вплотную подошел к реке Саар. Вечером 2 декабря Паттон форсировал Саар в районе Саарлаутерна и, перейдя границу Лотарингии, вступил на территорию рейха, вклинившись на небольшую глубину в линию Зигфрида (схема 40).

Паттон своим наступлением на южном направлении доказал всю глубокую обоснованность американской стратегии двойного удара. Если бы его постигла неудача в Сааре, Монтгомери мог свободно заявить, что это наступление на вспомогательном направлении было лишь плохо задуманным маневром, рассчитанным на отвлечение внимания противника от направления главного удара. Восхищенный успехами Паттона на юге после стольких разочарований на севере, я поздравил его и попросил передать мои наилучшие пожелания командирам дивизий. Джордж крикнул от удовольствия:

— К черту, — сказал он, — командиру дивизии не обязательно все знать. Пока он боец, на кой дьявол это ему.

Я возразил против такого умаления Джорджем труднейшей роли командиров дивизий, но согласился, что наибольшим моим желанием было, чтобы всеми дивизиями командовали настоящие бойцы.

С приближением декабря потери американцев стали возрастать, а поступление новых пополнений почти прекратилось. В пехотных ротах на фронте не хватало людей, и, наконец, в декабре наступило такое положение, когда дивизии шли в атаку, имея, как правило, некомплект пехотинцев на 25 процентов. Чтобы восполнить потери и приостановить дальнейшее сокращение численности пехотных подразделений, мы прочесали тылы на европейском театре военных действий, изыскивая резервы. Однако наскоро обученных пехотинцев, поспешно переброшенных на грузовиках на фронт, оказалось недостаточно и они не могли восполнить всех раненых, которых везли навстречу им на санитарных машинах. Убыль живой силы продолжалась. 15 декабря начальник отдела личного состава доложил, что в 12-й группе армий не хватает 17 тыс. стрелков для укомплектования 31 дивизии, находящейся на фронте.

Эта нехватка в живой силе вынудила нас замедлить темп продвижения, и наши войска, наступавшие на северном направлении, завязли в грязи. Если бы я перебросил часть войск 3-й армии на север для усиления армии Ходжеса, чтобы активизировать его действия, то все равно не был бы в состоянии обеспечить обе армии достаточными резервами. В течение каких-нибудь пяти недель зимнего наступления мы потеряли 64 тыс. человек, причем почти половину из них на 20-километровом участке фронта 1-й армии. В довершение всего, — как будто одних только боевых потерь было недостаточно, — около 12 тыс. человек заболели ревматизмом ног и также вышли из строя. Хотя больные ревматизмом относились к категории небоевых потерь, тем не менее ревматизм причинил нам тяжелый урон на фронте, где каждый вышедший из строя солдат ослаблял мощь нашего наступления. Заболевания ревматизмом ног были вызваны постоянной сыростью и продолжительным пребыванием в воде. Он приводил к стойким повреждениям

периферических сосудов нижних конечностей. Из 12 тыс. заболевших ревматизмом и эвакуированных в тыл солдат большая часть, по заключению врачей, оказалась навсегда непригодной к строевой службе. Многие остались инвалидами на всю жизнь.

К концу января заболевание ревматизмом ног достигло столь крупных масштабов, что американское командование стало в тупик. Мы были совершенно неподготовлены к этому бедствию, отчасти в результате собственной небрежности; к тому времени, когда мы начали инструктировать солдат, какой нужен уход за ногами и что нужно делать, если ноги промокли, ревматизм уже распространился по армии с быстротой чумы. Только в нескольких дивизиях групп армий процент заболеваемости был относительно невелик, так как командиры этих дивизий оказались более расторопными. Они установили специальные сушилки, в которых ежедневно просушивались носки.

Когда в ноябре пошли первые осенние дожди и начались холода, наши войска оказались плохо подготовленными к зимней кампании. В этом отчасти был повинен сентябрьский кризис со снабжением, так как в период нашего стремительного наступления к Рейну я сознательно отдавал предпочтение грузам с боеприпасами и бензином перед грузами с зимним обмундированием. В результате мы оказались без теплой одежды; особенно остро ощущался недостаток теплой обуви. Мы подвергали себя риску, идя на это, и теперь страдали от своей непредусмотрительности.

На основании опыта предыдущих боев мы пришли к выводу, что наибольшие потери несут пехотные взводы. Именно они должны первыми бросаться в атаку под огнем противника. Именно они несут наибольшие тяготы войны, подвергают себя большому риску и имеют меньше шансов уцелеть, чем солдаты других родов войск. В состав американской пехотной дивизии времен второй мировой войны входил 81 пехотный взвод, причем боевая численность каждого взвода составляла приблизительно 40 человек. Из общей численности дивизии в 14 тыс. человек в пехотных взводах была 3240 человек. В полевой армии общей численностью 350 тыс. человек на одного солдата в окопе приходилось более шести солдат других специальностей. Это, конечно, не означает, что остальные шесть солдат не участвовали в бою. Многие из них сражались как пулеметчики, артиллеристы, саперы и танкисты. А в масштабе театра военных действий это соотношение еще более увеличивалось: на каждого пехотинца с винтовкой приходилось 15 солдат других специальностей.

До вторжения в Нормандию мы считали, что 70 процентов боевых потерь будет приходиться на пехоту. К августу мы увеличили эту цифру до 83 процентов, основываясь на опыте боев в Нормандии. Убедительной иллюстрацией, показывающей, какой опасности подвергается жизнь пехотинца в бою, являются боевые действия у Сен-Ло, где в течение 15 дней боевые потери 30-й дивизии составляли 3934 человека. На первый взгляд может показаться, что все подразделения дивизии в среднем потеряли 25 процентов личного состава. На самом деле это не так. Три из каждых четырех убитых или раненых приходились на пехотные взводы. Таким образом, потери, понесенные пехотными взводами, превышали 90 процентов.

Едва мы вступили на территорию Франции, как служба пополнений на театре военных действий стала для нас бельмом на глазу. На переброску подкреплений на фронт расходовалось так много сил и средств, что мы вскоре были вынуждены пересмотреть всю систему, вывести службу пополнений из подчинения зоны коммуникаций и создать самостоятельное командование пополнений сухопутных войск. Айк возложил ответственность за подготовку пополнений на генерал-лейтенанта Бена Лира. Первое время пополнения направлялись прямо на фронт в пехотные отделения. Поэтому потери среди вновь прибывших солдат значительно превышали потери, которые были среди уже приобретших боевой опыт ветеранов. Многие из них ночью прибывали на передовую линию и еще до рассвета погибали. Некоторые получали

ранения и эвакуировались в тыл, не узнав как следует фамилию своего командира отделения. К осени 1944 г. мы изменили этот порядок, и вновь прибывающие пополнения, перед тем как направиться на передовые позиции, проходили в дивизии специальную подготовку.

Среди американских войск органы пополнений вскоре приобрели дурную славу из-за неудовлетворительной подготовки пополнений и грубого обращения с ними офицеров. Опасаясь, как бы такая система не оказала вредного психологического воздействия на войска, Ли, являясь заместителем командующего войсками на театре военных действий, стал усиленно изыскивать возможности более гуманного обращения с пополнениями и упорядочения деятельности этих органов. Он предложил начать с изменения наименования.

«Полковник Фрэни, начальник отдела личного состава штаба театра, полагает, и я вполне разделяю его точку зрения, — писал он мне, — что под словом „пополнение“ как бы подразумевается „пушечное мясо“. Этого можно легко избежать, заменив его другим термином, скажем, „специалисты“. Будут ли у вас какие-либо возражения против того, чтобы мы переименовали систему пополнений в систему или корпус специалистов. Такое наименование нашей системы будет вызывать у солдат, получающих разряд „специалистов“, чувство гордости и удовлетворения».

Мне показалась нелепой попытка простой заменой слов разрешить столь сложную проблему. Решить ее можно было путем назначения в органы пополнений более опытных офицеров. «Способ поднять моральное состояние вновь прибывающих солдат, — писал я в ответном письме, — заключается не в изменении названия, а в том, чтобы должным образом позаботиться об этих солдатах и дать им почувствовать, что кто-то интересуется их судьбой». Ли пересмотрел предложение Фрэни и вскоре отклонил его.

Недостаток пехотных пополнений ощущался все с большей остротой, и к декабрю он начал внушать мне серьезное беспокойство. Я попросил Айку послать начальника отдела личного состава моего штаба в Вашингтон, чтобы он обсудил эту проблему со своим коллегой в Пентагоне. Но Вашингтон не только не помог нам найти выход из создавшегося положения, но в ноябре, когда требования на пополнения возросли, военное министерство урезало нашу сводную месячную заявку на пополнения с 80 тыс. до 67 тыс. человек. В тот момент, когда мы больше всего нуждались в резервах, слишком большое количество солдат направлялось на тихоокеанский театр военных действий.

«Неужели они не понимают, — жаловался я Айку, — что мы все еще можем проиграть войну в Европе.^[43] У них будет достаточно времени очистить Тихий океан от японцев после того, как мы закончим войну здесь».

Эйзенхауэр знал больше меня о том, какое давление оказывал на Пентагон Макартур, требуя ускорить накопление сил для решительных действий на Тихом океане, но ничем не проявлял свое беспокойство. В самом деле, Макартур и Тихий океан были столь далеки от наших каждодневных проблем, что мы вспоминали о них только в связи с какой-нибудь очередной нехваткой, которая напоминала нам о существовании другого театра, боровшегося с нами за ресурсы.

Эта нехватка людских ресурсов была только одним из звеньев в цепи бедствий, обрушившихся на нас в эту осень. Кризису с пополнениями предшествовал кризис с боеприпасами и танками.

«Я склонен допустить, — писал я Паттону в декабре, — что кто-то в Вашингтоне сделал неверный прогноз относительно сроков окончания войны в Европе».

Одновременно я предупредил Айку, что, если в ближайшем будущем не примут надлежащих мер по ликвидации кризиса с пополнениями, наступательная мощь наших пехотных дивизий будет сведена к нулю.

В середине ноября начальник разведки сообщил, что 6-я танковая армия СС была переброшена из района сосредоточения в Вестфалии в район близ Кёльна. Другая танковая армия (5-я), по сведениям, сосредоточивалась несколько севернее. Намерения фон Рундштедта атаковать нас во время форсирования Рура были настолько явны, что нам следовало отнестись к ним с известным недоверием. Но если кто-либо на западном фронте и усмотрел в этих приготовлениях намерение немцев ввести нас в заблуждение в отношении истинного направления их удара, то он, конечно, не поделился со мною своими подозрениями.

При оценке наступательных возможностей фон Рундштедта мы пришли к заключению, что любое его контрнаступление могло быть предпринято только с ограниченной целью на том участке, где можно было сорвать наше наступление к Рейну. Любые другие более широкие планы, по нашим расчетам, значительно превысили бы возможности противника. Хотя мы и понесли тяжелые потери во время ноябрьского наступления, однако потери противника были еще больше. По данным разведки, потери противника, не считая военнопленных, составили за пять недель 100 тыс. человек. Только 3-я армия Паттона за время боев в Сааре взяла в плен 35 тыс. немецких солдат и офицеров; 22 тыс. немцев были захвачены в плен войсками Ходжеса и Симпсона.

Давая оценку обстановки на фронте на 10 декабря, начальник разведки 1-й армии писал:

«Совершенно очевидно, что фон Рундштедт руководит боевыми действиями без интуиции и с большим умением бережет свои войска, готовясь применить все боевые средства на важнейшем направлении и в нужный момент, чтобы обеспечить оборону Рейха западнее Рейна путем нанесения союзникам максимальных потерь. Есть основания полагать, что этим важнейшим направлением явится пространство между Рурмондом и Шлейденом, и сосредоточенные в этой вилке силы немцев будут брошены против армий союзников, которые, по мнению германского верховного командования, являются самой опасной угрозой для успешной обороны рейха».^[44]

Под «вилкой» командование 1-й армии подразумевало 72-километровый участок, простиравшийся от плотин Рура севернее Арденн до того места, где Рур впадает в Маас в полосе Монтгомери.

Оценив силы и средства противника, которые он мог выставить против 1-й армии, Ходжес сделал следующие выводы относительно возможных действий немцев:

1. Противник может задержаться на рубеже, где он находится в данный момент, то есть на реке Рур и южнее, на линии Зигфрида.
2. Он может перейти в контрнаступление силами авиации, танков, пехоты, применив секретное оружие на одном из важнейших направлений в момент, когда сочтет это целесообразным.
3. Он может отойти на рубеж реки Эрфт — неширокой водной преграды между реками Рур и Рейн, а затем отступить за Рейн, самую неприступную оборонительную позицию в Западной Европе.
4. Он может признать себя побежденным и капитулировать.

Командование 1-й армии пришло к выводу, что из всех этих четырех возможных вариантов наиболее вероятным является второй.

«Есть все основания полагать, — писал Диксон, — что, если наши главные силы форсируют реку Рур, не обеспечив контроль над плотинами, противник затопит долину Рура и перейдет в контрнаступление». Ожесточение, с каким фон Рундштедт отбивал наши атаки на плотины, свидетельствовало о том, что он ясно отдавал себе отчет в том, какое мощное тактическое оружие держал он в своих руках.

Я согласился с выводами командования 1-й армии и стал изучать возможность решающего

сражения, как только мы форсируем Рур. Желая обеспечить своевременное прибытие подкреплений, достаточных для восполнения наших предполагаемых потерь, я дал О'Хэйру распоряжение запросить соответствующие инстанции о внеочередном направлении пополнений из Соединенных Штатов. Он должен был также настаивать, чтобы Вашингтон не ограничивал наши требования на пехоту и немедленно направил нам соответствующие пополнения.

О'Хэйр должен был покинуть Люксембург 16 декабря и перед вылетом из Парижа побывать в верховном штабе экспедиционных сил союзников. Я согласился сопровождать О'Хэйра до Версаля, надеясь дать почувствовать верховному штабу, насколько серьезной была задача, возложенная на О'Хэйра. Ведь от успеха его миссии зависел успех нашего январского наступления.

В субботу утром 16 декабря город Люксембург был затянут серой пеленой тумана. Из окна отеля «Альфа», выходящего на вымощенную булыжником площадь, я смотрел на поврежденный бомбардировкой склад, наполовину скрытый в тумане. Я не удивился, когда во время завтрака позвонил Хансен и сообщил, что сегодня авиация не может действовать. Мой шофер подал «Кадиллак» и поставил четыре угольные грелки за задним сидением.

Желая пораньше отправиться, в четырехчасовую поездку до Парижа, я решил на этот раз не проводить в 9 часов инструктаж в оперативной комнате штаба, располагавшегося в четырех кварталах от моей квартиры. Дорога между Верденом и Шалоном обледенела, и мы снизили скорость до 80 километров в час. Из переулка выскочил крохотный «Рено» и чуть не заставил нас свернуть в канаву.

Улицы Парижа были пустынные. Голые деревья мокли под холодным дождем, и весь город, казалось, съезжился от холода. По предложению О'Хэйра мы остановились позавтракать в отеле «Ритц», где командование транспортной авиации реквизировало один зал, под свою столовую.

Прибыв в Версаль, мы встретили ожидавшего нас Эйзенхауэра. За день до нашего приезда он получил официальное уведомление о присвоении ему пятой генеральской звезды.

* * *

Гром грянул в конце этого же дня. Полковник из разведывательного отдела верховного штаба экспедиционных сил союзников вошел на цыпочках в комнату, где шло совещание, и подал своему шефу телеграмму. Генерал-майор Кеннет Стронг, английский начальник разведки в штабе Айка, взглянул на телеграмму и прервал совещание. В пять часов утра противник перешел в контрнаступление на пяти отдельных местах на участке фронта 1-й армии.

К вечеру уже не оставалось никаких сомнений относительно характера контрнаступления немцев. Оно отнюдь не было демонстрацией. Было установлено, что в контрнаступлении принимают участие восемь новых немецких дивизий. Противник нанес удар на фронте 8-го корпуса Миддлтона, в глубине Арденн, на самом уязвимом участке всего фронта союзников.

— Ну, Брэд, — сказал Беделл Смит, положив руку мне на плечо, — вы хотели контрнаступления. Кажется, вы получили его.

Я криво усмехнулся при этих словах.

— Да, я хотел, но будь я проклят, если я хотел его в таких масштабах.

21. Контрнаступление

Арденнский участок фронта, на котором началось наступление фон Рундштедта, удерживали на севере две еще не обстрелянные дивизии, а на юге — две более опытные дивизии, которые целый месяц вели бои в Гюртгенском лесу и были сильно потрепаны. Однако такое расположение сил не было случайным. Участок Миддлтона был единственным спокойным местом на нашем фронте, и мы направляли туда вновь прибывшие соединения, которым недоставало боевого опыта, а также соединения, вышедшие из боя и нуждавшиеся в отдыхе и пополнении. Четыре дивизии занимали в глухом лесном районе участок фронта протяжением 140 километров. В резерве была сосредоточена необстрелянная бронетанковая дивизия.

К югу от Арденн 3-я армия вклинилась в линию Зигфрида, создав плацдарм на восточном берегу реки Саар. Правее 3-й армии 7-я армия занимала фронт, который тянулся от реки Саар в восточном направлении, упираясь в Рейн в районе Карлсруэ. 6-я группа армий Деверса вышла на западный берег Рейна напротив гор Шварцвальд, и только в районе Кольмара противник продолжал удерживать значительный плацдарм западнее Рейна (схема 41).

13 декабря, за три дня до начала немецкого контрнаступления, Ходжес снова попытался овладеть плотинами на реке Рур. Английской авиации не удалось разрушить эти гигантские земляные сооружения фугасными бомбами крупного калибра. Однако на этот раз Ходжес отказался от своего намерения наступать через Гюртгенский лес, а решил обойти плотины с юга по горам Шне-Эйфель. Дальше к северу в районе Ахена фронт Ходжеса выдавался вперед, примыкая к фронту 9-й армии Симпсона, проходившему вдоль реки Рур. Затем линия фронта отходила на запад в сектор Монтгомери, шла по западному берегу реки Маас и, наконец, круто поворачивала на запад к Северному морю.

На западном фронте, протяжением 640 километров действовали 63 дивизии союзников, в том числе сорок американских, из которых 31 дивизия входила в 12-ю группу армий. В составе двух армий Монтгомери насчитывалось 15 дивизий, в 6-й группе армий Деверса — 17.

На фронте 12-й группы армий, общим протяжением 370 километров, действовали три американские армии. Львиная доля этого фронта падала на 1-ю армию Ходжеса, занимавшую центральный участок протяженностью 185 километров. Фронт 1-й армии на две трети проходил через поросшие лесом Арденны; в Арденнах Ходжес расположил четыре дивизии 8-го корпуса Миддлтона. Остальные десять дивизий армии Ходжеса, предназначенные для наступления в Рейнскую область (Рейнланд-Пфальц), были сосредоточены в районе Ахена. Севернее участка, занимаемого 1-й армией, на узком 30-километровом фронте находились семь дивизий 9-й армии Симпсона. Таким образом, в объединенные силы союзников севернее Арденн, кроме английских дивизий Монти, входило 17 американских дивизий. Эта группировка составляла примерно половину всех сил союзников на западном фронте.

К югу от Арденн Паттон развернул десять дивизий своей 3-й армии на 160-километровом фронте. Фронт Паттона шел по восточному берегу реки Мозель, там, где она течет вдоль границы Люксембурга, затем поворачивал на юго-восток и проходил мимо Саарбрюкена, находившегося на полпути к Рейну.

Наступление фон Рундштедта захватило меня врасплох, но мое удивление еще более возросло, когда я узнал, что немецкий фельдмаршал выбрал для наступления столь маловажный участок, как Арденны. Пытаясь определить размеры грозящей нам опасности на обороняемом слабыми силами участке Арденн, я обсудил с Миддлтоном мотивы, которыми противник мог руководствоваться при выборе именно этого направления для удара.

— Если кто-либо переходит в наступление, — говорил я, — он делает это с целью либо уничтожить войска противника, либо захватить местность. В последнем случае он либо хочет сам использовать выгодную местность, либо не дать противнику возможности использовать ее.

Ни одна из этих целей не могла быть достигнута в Арденнах. Нигде наши войска не были так растянуты, как на этом лесистом участке фронта; нигде на фронте союзников не было другого участка, лишённого в такой степени, как Арденны, промышленных ресурсов, коммуникаций и естественных рубежей, заслуживающих внимания. Я спросил Троя, сможет ли он воспрепятствовать прорыву противника на этом участке, не сулящем для немцев ничего хорошего. В ответ он показал на гористую местность, покрытую лесом, и провел меня по узким, грязным и извилистым дорогам, пересекавшим его участок.

— Если они прорвутся здесь, — сказал он, — мы можем отступить и вести сдерживающие бои до Мааса. Мы, конечно, измотаем их, а затем вы ударите с флангов.

Я доложил результаты своей рекогносцировки Айку. Аик заметил, что в Арденнах сложилась довольно опасная обстановка, однако он признал, что мы могли создать на этом участке прочную оборону, только отказавшись от подготовки к новому зимнему наступлению.

— Но даже если немцам удастся прорваться до Мааса, — заметил я, — все равно в Арденнах нет цели, к которой им стоило бы стремиться.

Мы не забыли, что разгром Франции в 1940 г. Гитлер начал с прорыва в этих же, казалось, не суливших перспективы Арденнах. Некоторые критики считают, что этот прецедент должен был послужить нам грозным предостережением. При этом они не замечают коренной разницы в диспозиции союзных войск в 1940 и в 1944 гг., разницы, которую, вероятно, просмотрел и сам Гитлер.

Искусственное разделение территорий национальных государств в Европе привело к тому, что Франция осталась без естественного барьера, который защищал бы ее от вторжения с востока. Много путей ведет во Францию с востока, но несомненно, что наименее удобный из них проходит через Арденны. В этом гористом районе, покрытом густыми лесами, где мало долин и еще меньше дорог, маневр войск чрезвычайно ограничен.

Однако в 1940 г. из четырех путей вторжения, по которым Гитлер мог двинуть свои войска, путь через Арденны был прикрыт слабее других. Французская артиллерия с высот Шварцвальда господствовала над переправами через Рейн. Дальше на север, где холмы Лотарингии постепенно переходят в Саарскую низменность, крепостная артиллерия линии Мажино могла доставить вермахту немало неприятностей. А еще севернее Арденн, там, где равнины Бельгии представляют широкую дорогу к французским границам, на западном берегу Мааса немцев ждали бельгийская армия и британские экспедиционные войска.

Оставались только Арденны, в северной части которых незащищенная граница Люксембурга шла параллельно линии Зигфрида. Когда в 1940 г. немцы прервали фронт союзников в Арденнах, по обеим сторонам прорыва остались французские крепостные гарнизоны, не имеющие транспортных средств и танков, а следовательно, лишённые возможности ударить во фланг противнику и закрыть брешь, образовавшуюся во фронте.

Зимой 1944 г. на арденнском участке фронта у нас было сравнительно немного войск, основные силы мы сосредоточили севернее и южнее Арденн, готовясь к предстоящему зимнему наступлению. Но все же и в Арденнах фронт удерживало более 70 тыс. войск. В этих условиях решающее значение приобрела подвижность наших прекрасно вооруженных соединений, сосредоточенных на флангах арденнского участка. Планируя свое второе наступление в Арденнах, Гитлер недооценил этот решающий фактор. Он забыл, что времена изменились и ему противостоят уже не прикованные к своим бетонированным казематам гарнизоны на линии Мажино, а громадная механизированная армия США, полностью посаженная на машины. Мы

понимали реальную опасность прорыва противника в Арденнах, но рассчитывали, что сможем стремительно обрушить наши механизированные силы на его фланги. Пока войска Миддлтона изматывали бы противника арьергардными боями, армии Ходжеса и Паттона с двух сторон зажали бы немцев в стальные тиски.

Южнее Арденн 3-я армия Паттона насчитывала около четверти миллиона человек с танками и поддерживающей артиллерией. Численность соединений 1-й армии Ходжеса севернее Арденн также достигала четверти миллиона. Обе армии располагали достаточным количеством грузовиков и могли быстро перебросить свои войска на угрожаемое направление.

* * *

Известие о немецком контрнаступлении застигло меня в верховном штабе экспедиционных сил союзников. Сначала я решил, что фон Рундштедт предпринял наступление с ограниченной целью, чтобы приостановить наступление Паттона в Сааре. Ибо Джордж Паттон в зимнем наступлении, продолжавшемся целый месяц, нанес противнику сокрушительный удар и теперь, вернув Лотарингию Франции, собирался прорвать линию Зигфрида.

— Немец знает, что он сможет продержаться дольше только в том случае, если заставит Паттона несколько ослабить нажим в Сааре, — сказал я. — Если он прорвется через Арденны и вынудит нас перебросить на этот участок дивизии Паттона из Саара, он добьется своей цели. Он хочет выиграть хотя бы немного времени.

Только после войны, когда при допросе военнопленных выяснились подлинные цели арденнского контрнаступления, мы узнали, как сильно я ошибался и в какой степени я недооценил намерения противника, приняв контрнаступление большого масштаба за отвлекающий удар.

Я считал, что Рундштедт начал отвлекающее наступление с тактическими целями в надежде остановить продвижение Паттона в Саарской области. Однако немецкое контрнаступление явилось решительным ударом, рассчитанным на то, чтобы вернуть инициативу на западном фронте. Первой целью противника был Антверпен. Немецкое командование понимало, что, овладев этим портом, оно сможет перерезать наши основные коммуникации и изолировать четыре армии союзников севернее Арденн. Хотя противник и не мог уже тешить себя несбыточными надеждами на победу на западном фронте он все же рассчитывал улучшить свое положение нанесением союзникам больших потерь и внесением дезорганизации в их ряды. Успешное контрнаступление в Арденнах могло задержать наше наступление на западном фронте, и немцы получили бы возможность нанести удар Красной Армии, сосредоточивавшей свои войска на Висле.^[45]

Кроме того, немецкое командование надеялось, что контрнаступление окажет психологическое воздействие на население Германии, которое начинало понимать бесперспективность дальнейшей борьбы. Армии союзников приближались к немецким городам, уже разрушенным ударами с воздуха, и немецкий народ начинал чувствовать приближение катастрофы. Однако моральный фактор играл второстепенную роль при планировании арденнского контрнаступления. Гитлер решил поставить на карту свои последние ресурсы, надеясь добиться стратегического успеха.

Разработка немцами контрнаступления началась в октябре, почти одновременно с тем, как выдохлось наше стремительное наступление во Франции. Планирование было в полном разгаре за три недели до того, как Монтгомери очистил Шельду от противника. Прежде чем выбрать направление удара, противник определил необходимые условия, позволявшие перейти в

контрнаступление. Прежде всего он должен был любой ценой удержать в своих руках оборонительные позиции на западном фронте. Пока реки Маас и Рур и линия Зигфрида служили серьезным препятствием для наступления союзников, немцы могли ослабить свои гарнизоны на западе, чтобы выделить резервы для контрнаступления. Кроме того, не менее важное значение для них имела стабильность восточного фронта. Стоило Красной Армии начать наступление в этот критический момент, и резервы, предназначенные для западного фронта, пришлось бы бросить на восток. Наконец для того, чтобы собрать достаточные силы, противник в первую очередь должен был выделить войскам предметы снабжения для готовящейся наступательной операции.

Мы обычно проводили боевые действия в хорошую погоду, которая позволяла авиации оказывать поддержку наземным войскам. Противник в своих расчетах исходил из других соображений. Ввиду почти полного отсутствия авиации он вынужден был отложить начало наступления до тех пор, пока не будет гарантирована низкая облачность по крайней мере в течение десяти дней. Лишь низкая сплошная облачность могла скрыть передвижения немецких войск от воздушной разведки союзников и спасти немецкие колонны от ударов с воздуха. Наконец, немецкое командование прекрасно представляло себе, что только при использовании фактора внезапности оно может надеяться на быстрый разгром противостоящих войск союзников. Немцы не могли рассчитывать на достаточные резервы для развития удара в глубину. Успех противника почти полностью зависел от того, сумеет ли он с молниеносной быстротой прорвать наш фронт, прежде чем мы успеем снять войска с участков севернее или южнее Арденн и бросить их на фланги прорыва.

И вот немецкое командование начало искать участок фронта, на котором не было бы глубоко эшелонированных позиций и где оно могло бы рассчитывать на молниеносный прорыв. Такой участок был найден в Арденнах, где немецкая разведка в деталях знала боевой состав и диспозицию наших войск. Более того, до тех пор пока противник удерживал плотины на реке Рур, его северный фланг был надежно прикрыт от контратак союзников. Немцы знали, что мы не решимся форсировать Рур до тех пор, пока они владеют шлюзами плотин в горах Эйфель. А южнее Арденн противник мог положиться на укрепления линии Зигфрида.

12 октября, в тот день, когда Ходжес ворвался на разрушенную северную окраину Ахена, немецкое верховное командование дало директиву начать подготовку контрнаступления в Арденнах.

Для этой дерзко задуманной операции были выделены четыре немецкие армии. Две из них — 5-я танковая армия и 6-я танковая армия СС — должны были прорвать арденнский фронт и вклиниться в боевые порядки Миддлтона. Выполнение основной задачи Гитлер возложил на генерала Зеппа Дитриха, командующего 6-й танковой армией СС. Фланги этой группировки прикрывали 15-я и 7-я армии, действовавшие севернее и южнее направления главного удара (схема 42).

Руководство контрнаступлением было возложено на фельдмаршала Моделя, командующего группой армий «Б». Общее оперативное руководство и ответственность за успех контрнаступления были возложены на главнокомандующего группой армии «Запад» фельдмаршала Герда фон Рундштедта. Немцы предполагали начать контрнаступление 26–28 ноября при условии, что к этому времени установится плохая погода, и фон Рундштедт успеет закончить подготовку операции.

План фон Рундштедта был искусно составлен, в нем чувствовалась изобретательность и опыт старого полководца. В самом деле, если бы силы немцев хоть в какой-то степени соответствовали задаче, поставленной перед ними Гитлером, то фон Рундштедт мог причинить нам гораздо больше неприятностей, чем он причинил на самом деле. В авангарде наступающих

сил действовала 6-я танковая армия СС. В ее задачу входило прорваться через Арденны, форсировать Маас между Юи и Льежем, затем сделать бросок на северо-запад к Антверпену, где противник надеялся захватить наши запасы и, таким образом, за наш счет обеспечить снабжение своих войск. Тем временем другая группа войск должна была отделиться от основных сил 6-й армии севернее Мааса, обойти Льеж и нанести удар на Маастрихт, главный узел дорог 9-й американской армии.

Левее 6-й танковой армии СС противника, действовавшей на направлении главного удара, параллельно ей наступала 5-я немецкая танковая армия, которая переправилась через Маас между Динаном и Намюром и затем двигалась на север к Брюсселю, прикрывая левый фланг и тыл армии Зеппа Дитриха.

Южнее заново сформированная 7-я армия должна была прорваться через массив Эйфель, форсировать реку Сюр с задачей прикрыть южный фланг ударной группировки на территории Люксембурга, простирающейся от долины Мозеля на германской границе до расположенного в горной местности города Динан на Маасе.

Немецкое командование считало, что Ходжес сможет сосредоточить крупные силы севернее наступающих немецких армий и ударить им во фланг. Поэтому фон Рундштедт расположил здесь 15-ю армию, которая должна была держать участок прорыва в Арденнах открытым. В задачи пехотных соединений Зеппа Дитриха входило только расчистить путь для танков, после этого они совместно с войсками 15-й армии занимали позиции, чтобы прикрыть участок прорыва с севера. Немецкое командование видело спасение только в стремительности наступления, поэтому в прорыв вводились одни танки.

Первоначально противник намеревался включить в состав группировки, выделенной для контрнаступления, от 25 до 30 дивизий. Однако к 16 декабря ему удалось каким-то чудом сосредоточить гораздо большее количество войск: во всех четырех армиях насчитывалось 36 дивизий. Среди них были четыре первоклассные танковые дивизии СС, входившие в состав 6-й армии Зеппа Дитриха. 5-я танковая армия Хассо фон Мантейфеля, действовавшая левее 6-й танковой армии, состояла из трех обычных танковых и четырех пехотных дивизий. Всего фон Рундштедт сосредоточил для наступления 600 танков.

Я не думал, что немцы смогут сосредоточить силы с такой поразительной быстротой, и недооценивал наступательные возможности противника. Но впросак попал не только я и командующие армиями, но также Монтгомери и Эйзенхауэр. В начале декабря наша разведка считала, что за рекой Рур сосредоточено 10 танковых дивизий противника. Одиннадцатая танковая дивизия и 6 пехотных дивизий располагались южнее на участке Арденн. Хотя в Арденнах было сосредоточено гораздо больше сил, чем было необходимо Рундштедту для обороны этого участка, мы ждали контрнаступления в направлении на реку Рур, не предполагая, что противник вынашивает гораздо более дерзкие замыслы. Мы знали, что он может выиграть бой на этом участке, но не могли предположить, что он располагает достаточными силами, позволяющими предпринять стратегическое наступление. Намерения противника попытаться счастья в Арденнах только в том случае могли быть оправданы, если бы он ставил себе целью достижение таких стратегических объектов, как Антверпен и Льеж. В то же время если считать, что пределом честолюбивых замыслов противника могло быть только наступление местного значения с целью сорвать подготовку к наступлению с нашей стороны, то, по нашему мнению, мы могли успешно отразить все атаки без серьезного ущерба для нашего фронта.

Хотя мы и допустили ошибку в определении намерений противника, тем не менее оценка его возможностей была произведена довольно правильно. Последующие недели показали, что фон Рундштедту недоставало сил и средств для проведения стратегического наступления против столь мощной группировки, как наша. Более того, он настолько израсходовал свои резервы в

Арденнах, что два месяца спустя, когда ему была поручена оборона фронта на реке Рейн, он уже не в силах был удержать этот важный речной рубеж. Стремясь отсрочить на несколько месяцев катастрофу, которая грозила ему на западном фронте, Гитлер невольно ускорил развязку.

В начале осени фон Рундштедт пришел к тому же выводу, что и мы. Он также считал, что у немцев недостаточно сил для проведения стратегического наступления, которое планировал Гитлер. Когда Гитлер раскрыл свой грандиозный план, фон Рундштедт выступил с контрпредложением начать наступление на Ахен и восстановить линию Зигфрида. Однако эта хитрость не увенчалась успехом. Гитлер грубо отверг предложение фон Рундштедта, заявив, что оно страдает отсутствием стратегической цели.

Однако, хотя ресурсы противника далеко не соответствовали притязаниям Гитлера, все же они по общему признанию были несколько больше, чем мы думали при оценке возможностей немцев. Типичным примером этого в то время может служить оценка наступательных возможностей немцев, данная Монтгомери 16 декабря в приказе по 21-й группе армий. Если бы мне в тот день предложили дать свою оценку, я не изменил бы ни одного слова у Монти, потому что его оценка полностью совпадала с моей.

В настоящее время противник перешел к обороне на всех фронтах. Его положение не позволяет начать крупную наступательную операцию. Более того, он должен любой ценой избегать маневренной войны. У противника нет ни транспортных средств, ни горючего, что необходимо для маневренной войны, кроме того, его танки не могут соперничать с нашими в маневренном бою.

Противник терпит поражение за поражением. Он сильно потрепан и понес большие потери в людях и технике. Мы ни в коем случае не можем ослабить наш натиск или позволить себе «передышку» на зимние месяцы. Нам необходимо продолжать наступление с тем, чтобы не дать противнику возможности оправиться и чтобы причинить еще большие потери. Наши действия будут затруднены распутицей, холодами, отсутствием авиационной поддержки в периоды плохой погоды и т. д. Но мы должны и в зимние месяцы продолжать упорные бои с противником.

Как только немцы отошли за линию Зигфрида, союзники начали испытывать недостаток в сведениях, получаемых от секретных агентов. Во Франции немцы сражались на территории вражеской страны, французские патриоты сообщали нам о передвижениях противника и укрывали наших агентов, заброшенных в его тыл. В Германии же, где противник был у себя дома, среди своего народа, нашими единственными информаторами здесь могли быть только предатели, а они встречались очень редко. В итоге широкий поток разведывательной информации, шедший к нам из немецкого тыла, превратился в тонкую струйку. Мы все больше и больше зависели от допроса военнопленных, данных войсковой и воздушной разведки.

Успех контрнаступления зависел в основном от внезапности, поэтому, сосредоточивая свои войска для контрнаступления в Арденнах, противник принял самые строгие меры по сохранению военной тайны. Все командиры, посвященные в планы операции, подписали обязательство хранить тайну. Какие бы то ни было намеки на подготовку к наступлению в переговорах по радио были воспрещены, письменная связь поддерживалась только через доверенных курьеров, и лицам, знающим о планах операции, было запрещено летать на самолете западнее Рейна. Войска должны были прибывать в районы сосредоточения в самый последний момент только в ночное время. Был отдан приказ на период подготовки операции отправить в тыл с передовых позиций всех солдат не немецкого происхождения. Для сохранения скрытности подготовки командные пункты армий должны были оставаться на своих старых местах, поддерживая обычный радиообмен. В довершение всего, с целью отвлечь наше внимание от Арденн, к северу перед фронтом армии Симпсона был развернут ложный штаб.

Когда пришло время начать переброску резервов на исходные позиции для наступления на западном фронте, установилась погода, на которую рассчитывал фон Рундштедт. Солнце показывалось редко, и объективы фотоаппаратов самолетов-разведчиков ничего не могли зафиксировать на пленке, кроме сплошной облачности. Мы забрасывали агентов в тыл противника, но они исчезали в зимних сумерках и о них в дальнейшем не было никаких вестей.

Однако, несмотря на все эти препятствия, разведке удалось обнаружить некоторые слабые признаки сосредоточения противником сил в Арденнах. К сожалению, эти признаки не были достаточно убедительными.

— Что они означают? — спрашивали разведчики. — И что мы должны по поводу их предпринять?

Нам казалось, что в сообщениях о передвижениях немецких войск в горах Эйфель не было ничего тревожного, ничего особенного. Противник, подобно нам, использовал этот сектор для отдыха дивизий, потрепанных в боях, и для закалки вновь прибывших дивизий. Поэтому здесь могло совершаться гораздо больше передвижений, чем можно было бы ожидать в обычных условиях на таком «тихом» участке фронта.

Не располагая более убедительными доказательствами намерений противника, мы могли следующим образом объяснить его усиленную деятельность в ночное время в районе массива Эйфель или он сосредоточивал силы для контрнаступления в направлении на реку Рур, или создавал нам угрозу в Арденнах. Первое предположение казалось более вероятным, так как на реке Рур мы подвергались большему риску, чем в Арденнах.

Идя на риск внезапного наступления противника в Арденнах, мы могли продолжать подготовку к зимнему наступлению, овладеть плотинами на реке Рур и заставить таким образом противника ввести в бой свои резервы западнее Рейна. Но если мы хотели полностью обезопасить себя в Арденнах, мы должны были отказаться от подготовки зимнего наступления, укрепить фронт 8-го корпуса Миддлтона, усилив его подкреплениями, необходимыми для отражения контрудара противника. Совершенно очевидно, что у нас не было достаточно войск для того, чтобы одновременно готовиться к зимнему наступлению и усилить нашу оборону на других участках фронта. Мы стояли перед альтернативой: либо незамедлительно перейти в наступление, либо отложить его до весны.

В этот момент только совершенно бесспорные данные о подготовке противником наступления в Арденнах могли заставить меня отказаться от зимнего наступления. А таких данных ко мне не поступало вплоть до 5 часов утра 16 декабря, когда противник начал артиллерийскую подготовку.

Произошло довольно парадоксальное явление: наше неумение распознать подготовку к наступлению в Арденнах, по сути дела, спасло нас от больших потерь. Если бы мы даже удвоили количество дивизий на занятом небольшими силами фронте 8-го корпуса Миддлтона, мы все равно не смогли бы отразить мощный удар танковых сил фон Рундштедта.

Противник сосредоточил 24 дивизии для наступления в Арденнах; этими силами он мог пробить брешь в любом месте нашего фронта. Правда, он не продвинулся бы так далеко, если бы ему пришлось пробиваться через сильно укрепленные позиции, но он, несомненно, нанес бы войскам Миддлтона гораздо более тяжелые потери.

По тем же причинам я благодарен Эйзенхауэру за то, что он отклонил предложение Монтгомери придерживаться оборонительной тактики на фронте 3-й армии Паттона, проходившем по реке Мозель. Если бы мы остановили Паттона и передали часть его сил, Ходжесу, то фон Рундштедт мог выбрать для прорыва именно его участок, а не Арденны. А если бы Рундштедт прорвался со своими, танками на западный берег Мозеля, то ничто не помешало бы ему совершить бросок до Реймса и захватить склады зон коммуникаций, в которых имелось

достаточно горячего и продовольствия, чтобы обеспечить немцам наступление до самого Парижа.

Американцам, проникнутым убеждением в непобедимости американского оружия, чрезвычайно трудно примириться с мыслью, что армия США также иногда не застрахована от поражения, несмотря на то, что она может мужественно сражаться до предела своих сил.

Мы привыкли винить за все наши неудачи командование и разведку. Мы забываем, что даже армия США не гарантирована от просчетов и ошибок. Инициатива в бою может снова перейти к противнику, если только последний не разгромлен окончательно и если мы не имеем подавляющего превосходства в силах. Если мы хотим выиграть войну активными боевыми действиями, мы должны идти на риск. Даже американскую разведку нельзя признать непогрешимой, тем более нельзя сказать этого об американском командовании.

В ходе арденнского сражения штаб 1-й армии вынужден был поспешно эвакуироваться из Спа, и, словно желая вознаградить себя за перенесенное унижение, офицеры этого штаба после боев начали рыться в донесениях и подбирать цитаты, «доказывающие», что 1-я армия предвидела опасность немецкого наступления, но ее предупреждения не были приняты во внимание в вышестоящем штабе, то есть в штабе группы армий. Такие утверждения 1-й армии являются чистой бессмыслицей, так как фон Рундштедту удалось ввести в заблуждение командование этой армии так же искусно, как и все остальное союзное командование. Я полностью принимаю на себя ответственность за «разумный риск», допущенный нами в Арденнах, но я отвергаю обвинение в том, что я якобы не обратил внимания на какие-то предупредительные сигналы.

11 декабря я посетил Кортни Ходжеса в Спа. Некоторые офицеры штаба 1-й армии любят говорить, что они своевременно предупреждали о грозящей опасности, но штаб группы армий из-за своей беспечности якобы не пожелал прислушаться к их словам. Если эти офицеры действительно предупреждали, то надо сказать, что им не удалось убедить своими доводами не только штаб группы армий, но даже и своего командующего армией. Ходжес не меньше нас был введен в заблуждение демонстративной подготовкой Рундштедта к контрнаступлению в районе реки Рур.

В течение последующих четырех дней 1-я армия получила некоторые дополнительные разведывательные сведения об усиленной деятельности противника в горах Эйфель. 12 декабря военнопленный сообщил, что в этот «спокойный» сектор фронта прибыла отборная гитлеровская дивизия «Великая Германия».

На следующий день офицеры, допрашивавшие военнопленных, напали на след еще одной танковой дивизии, переброшенной в район массива Эйфель. Это была 116-я танковая дивизия, снятая с участка фронта перед Симпсоном.

14 декабря немецкий осведомитель сообщил Миддлону, что понтонно-переправочное имущество сосредоточивается у границ Люксембурга на восточном берегу реки Ур. Штаб 1-й армии следующим образом комментировал это сообщение:

Донесение представляет большой интерес. Сосредоточение войск подтверждается данными тактической воздушной разведки и опросом военнопленных. Учитывая наличие большого количества инженерных частей с переправочно-мостовым имуществом, можно предположить, что противник готовится не к оборонительным, а к наступательным действиям.

Но какими бы важными ни казались эти выдержки из донесений сегодня, в то время в штабе группы армий они не привлекли особого внимания. Надо сказать, что тогда мы были просто завалены противоречивыми сообщениями о передвижениях противника вдоль всего фронта. Если 1-я армия в своей оценке обстановки попала в точку, как это утверждают сейчас некоторые офицеры ее штаба, то в то время она и сама не подозревала своей правоты. 15 декабря

начальник разведывательного отдела штаба 1-й армии следующим образом резюмировал сложившуюся обстановку на фронте:

Усиленные разговоры в войсках противника о наступлении объясняются стремлением немецкого командования поднять боевой дух войск. Тем не менее не исключена возможность наступательной операции местного значения, приуроченной к рождеству с целью одержать моральную победу, предназначенную для гражданского населения. За последнее время многие военнопленные говорят о предстоящем наступлении, которое якобы начнется между 17 и 25 декабря. Некоторые рассказывают об обещании отвоевать Ахен, чтобы преподнести его в качестве рождественского подарка фюреру.

В этот критический момент сплошная облачность не позволяла воздушной разведке Ванденберга вести наблюдение, и фон Рундштедт в течение трех дней сосредоточивал свои войска, не опасаясь, что их обнаружат с воздуха.

Правда, в донесении начальника разведки 1-й армии содержался ряд важных разведывательных данных. Однако он не сумел дать им правильной оценки и не вскрыл подготовку немцами контрнаступления в Арденнах так же, как не смогли этого сделать и другие пророки в штабе армии, которые впоследствии задним числом кичились своей проницательностью. Хотя донесения 1-й армии и можно было истолковать в том смысле, что командование армии считалось с возможностью наступления противника в Арденнах, тем не менее эти предупреждения были чрезвычайно расплывчаты. Они не обладали достаточной убедительностью для того, чтобы заставить нас перенести сроки зимнего наступления и начать подготовку к отражению новой угрозы. Я знал Монка Диксона как одного из наиболее способных и проницательных разведчиков американской армии. Он был у меня начальником разведки в Африке, Сицилии и при вторжении на континент. Но, подобно большинству офицеров разведки, он был склонен к пессимистическим оценкам и к неоправданной тревоге. Если бы я принимал меры предосторожности всякий раз, когда Диксон или другие разведчики кричали: «Волк! Волк!» — мы никогда не отважились бы начать многие рискованные действия, которые значительно ускорили приближение победы.

Донесения 1-й армии не произвели должного впечатления и на начальника разведки моей группы армий бригадного генерала Зиберта, который поэтому не счел нужным предупредить меня о назревающей угрозе. В то время под моим командованием находилось почти три четверти миллиона человек на фронте протяжением 370 километров. Я просто физически был не в состоянии изучать разведывательные сводки всех подчиненных мне соединений. Поэтому в отношении информации о возможностях и замыслах противника я всецело полагался на моего начальника разведки и на команд дующих армиями. Ходжес ни слова не сказал Миддлону, одному из своих командиров корпусов, о тревожных признаках на арденнском участке, он ни разу не сообщал о них и мне по телефону до самого начала наступления. Действительно, во всей группе армий не нашлось человека, который пришел бы ко мне и предупредил об угрозе контрудара именно на этом участке.

Спустя неделю после рождества, отвечая на праздничное поздравление генерала Маршалла, я писал:

«Я не могу обвинить в случившемся ни моих командиров, ни мой штаб, ни самого себя. Мы сознательно шли на риск, и немцы нанесли нам более сильный удар, чем мы предполагали».

До сих пор я не изменил своего мнения. Я во всех случаях предпочитаю смелость осторожности, хотя осторожность иногда и бывает лучше.

16 декабря, когда началось немецкое наступление, фон Рундштедт захватил нас врасплох: в резерве группы армий не оказалось ни одной дивизии. Такое положение для нас не было чем-то необычным. Мы считали, что немцы основательно разбиты, и совесть не позволяла мне, имея

перед собой слабого противника, держать в резерве дивизии, которые можно было использовать для наступления. «Резерв» моей группы армий никогда не превышал нескольких дивизий, которые я придавал то той, то другой армии. Армии могли использовать эти дивизии на своих участках только с разрешения командования группы армий.

Стратегический резерв главного командования союзников состоял из двух воздушно-десантных дивизий (82-й и 101-й). Обе дивизии были потрепаны в боях под Арнемом и находились в Реймсе на отдыхе, где они доукомплектовывались. Эти дивизии были переданы во временное подчинение Монти. Главное командование союзников предполагало, что они будут участвовать в боях не более двух суток до смены английскими танковыми частями. Однако им пришлось воевать в Голландии 58 дней.

Как только я узнал во второй половине 16 декабря о контрнаступлении немцев в Арденнах, я соединился по телефону из ставки Эйзенхауэра с Паттоном, находившимся в Нанси. 10-я бронетанковая дивизия Джорджа была в резерве в районе Тионвиля, южнее франко-люксембургской границы. Я хотел использовать эту дивизию для нанесения удара по южному флангу противника, если ему удастся прорвать фронт Миддлтона.

— Джордж, выведите 10-ю бронетанковую на дорогу в Люксембург, — приказал я Паттону, — и пусть Моррис ^[46] немедленно доложит Миддлтону о том, что перешел в его подчинение.

Как я и ожидал, Паттон начал возражать. Изъятие танковой дивизии уменьшало его шансы на прорыв в Саар.

— Но там нет серьезной угрозы, — упирался Джордж. — Черт побери, по всей видимости, это только демонстрация, рассчитанная на то, чтобы сбить нас с толку и заставить меня прекратить наступление.

Может быть, Паттон был прав, так как не все еще было ясно. Но я решил не рисковать. Одним из мотивов, который побудил нас сознательно пойти на риск в Арденнах, была возможность контратаковать противника во фланг в случае его прорыва на этом участке.

— Мне самому чертовски не хочется отнимать у вас эту дивизию, Джордж, но я не могу поступить иначе. Даже если это только демонстрация, все равно Миддлтону надо помочь.

Через несколько минут Паттон отдал приказ по телефону.

Затем я соединился с оперативной группой моего штаба и сообщил Левену Аллену о приказе, отданном мною Паттону. В то же время он велел ему передать Симпсону, чтобы тот переподчинил 7-ю бронетанковую дивизию Ходжесу с тем, чтобы в случае необходимости и она, подобно 10-й бронетанковой дивизии, могла контратаковать прорвавшиеся войска фон Рундштедта во фланг.

Тем временем генерал-майор Реймонд Бартон, командир 4-й дивизии, уже начал беспокоиться за участь своих частей, занимавших правый фланг обороны по границе Люксембурга. Мы не успели восполнить потери, понесенные 4-й дивизией в Гюртгенском лесу, и большой некомплект личного состава в дивизии к началу наступления немцев вызывал у нас серьезные опасения за ее судьбу. На следующее утро противник прорвался через реку Сюр. Бартон собрал всех своих поваров, хлебопекров, писарей и бросил их на передовые позиции.

— Но нам не остановить немцев, — предупредил он Левена Аллена, находившегося в Люксембурге в 30 километрах от линии фронта. — Если 10-я бронетанковая не подоспеет к нам на выручку, то командованию группы армий следует подумать об отводе войск с линии фронта.

В воскресенье 17 декабря я проснулся рано утром в красивой каменной вилле, которую Айк занимал в Сен-Жермен-ан-Ле. Погода все еще не благоприятствовала действиям авиации, и я немедленно, как только освободился, отправился в свой штаб. День клонился уже к вечеру, когда мы выехали из Парижа в Верден. Ночью немцы сбросили парашютистов за нашими

линиями с задачей перерезать дороги на северном фланге прорыва. Этот десант, как и большинство ночных парашютных десантов, был сброшен неточно, и парашютисты противника рассеялись на большом пространстве в нашем тылу. Поэтому у Вердена меня ожидала охрана вооруженный пулеметом джип, который сопровождал меня всю остальную часть пути.

У дороги на Люксембург стоял небольшой каменный домик, с крыши его свешивался огромный американский флаг.

— Надеюсь, хозяину дома не придется спустить его, — сказал я Хансену, показывая на флаг.

— Вы думаете, мы удержимся в Люксембурге...

— Вы можете побиться об заклад, что удержимся. Я не собираюсь менять командный пункт. Это напугало бы всех до смерти.

Впоследствии Эйзенхауэр оспаривал правильность моего решения. Опасаясь, как бы мы не потеряли управление войсками, если противник заставит нас отойти и нарушит связь, он рекомендовал не играть с огнем и передислоцировать оперативную группу штаба обратно в Верден, подальше от фронта. Я не выполнил его указания, но не из-за простого упрямства. Я объяснил Айку, что малейший намек на отход штаба группы армий может легко вызвать беспокойство в войсках и посеять панику в Люксембурге. Хлынут толпы беженцев и забудут все дороги как раз в тот момент, когда; по ним должны перебрасываться войска. Для гарантии мы организовали параллельную связь всех соединений группы армии с Верденом, где находилась основная часть штаба. Если бы оперативной группе штаба пришлось покинуть Люксембург под дулами орудий противника, то мы могли переключить управление нашими войсками на Верден, не прерывая связи.

Наша машина остановилась у коричневого кирпичного здания железнодорожной администрации, где размещалась оперативная группа штаба. В оперативной комнате я застал Левена Аллена, погруженного в раздумье над картой, на которой были нанесены дивизии противника, выявленные в ходе боевых действий. Уже было опознано четырнадцать дивизий, семь из них были танковыми. Я взглянул на карту и испугался:

— Простите, Лев, за плохое знание французского языка, но, откуда эти сукины дети набрали столько дивизий? — спросил я.

На следующее утро, 18 декабря, противник прорвал фронт в центральной части Арденн, но на флангах наши войска продолжали прочно удерживаться на занимаемых позициях (схема 43). Главный удар Зеппа Дитриха был блокирован войсками 1-й армии в районе Мальмеди. В нескольких километрах к югу от этого горного рубежа 7-я бронетанковая дивизия сделала стремительный бросок в Сен-Вит, предвидя, что танковые дивизии СС будут ожесточенно драться за этот важный узел дорог, открывающий путь к Льежу. 4-я пехотная дивизия Бартона на нашем правом фланге сначала вынуждена была даже несколько отступить, однако своевременное прибытие 10-й бронетанковой дивизии укрепило ее положение, и наша оборона на южном фланге немецкого прорыва казалась теперь прочной.

В центре танки Мантейфеля прорвались через боевые порядки 28-й дивизии, смяли резервы Миддлтона и двигались на Бастонь, город, расположенный почти на полпути между столицей Люксембурга и Льежем. Севернее расположения незадачливой 28-й дивизии два полка 106-й дивизии были уже окружены на своих позициях. Остальные части этой вновь прибывшей дивизии ожесточенно сражались в Сен-Вите.

Миддлтон, фронт которого трещал по всем швам, предугадал мое решение удерживать Бастонь любой ценой. Когда я вызвал Троя к телефону и приказал ему удерживать этот важный узел дорог, он ответил, что уже дал распоряжение окопаться и оборонять город. Части 10-й бронетанковой дивизии форсированным маршем шли к Бастони с юга. Они предназначались для

усиления танковых частей 9-й бронетанковой дивизии, оборонявших этот ключевой пункт. Вечером в Бастонь прибыла 101-я воздушно-десантная дивизия, проделав стремительный марш из Реймса на грузовиках, в то время как севернее Бастони 82-я воздушно-десантная дивизия продолжала драться между Мальмеди и Сен-Витом, стараясь ослабить тиски, в которые зажали ее немцы.

Если бы нам удалось ограничить прорыв фон Рундштедта участком между Мальмеди и Бастонью шириной 56 километров, прочно удерживая фланги прорыва, мы смогли бы заставить противника направить свои войска строго в западном направлении через Арденны, где они застряли бы в лесах, ибо на участке между Мальмеди и Бастонью шли на запад к Маасу только три проселочные извилистые дороги.

Вечером 18 декабря я собрался проехать в Спа через Бастонь на машине, однако мне позвонил адъютант Ходжеса и предложил лететь самолетом. Немецкие диверсанты, говорящие по-английски и одетые в трофейную американскую форму, просочились через наши линии и дерзко пытались вызвать панику в наших тылах. За две недели до того в наши руки попали приказы противника о формировании специальных «разведывательных» подразделений.

Эти подразделения комплектовались добровольцами, которых отбирал и готовил знаменитый парашютист-капер подполковник Отто Скорцени. Это он год тому назад выкрал Муссолини из итальянского отеля, где его содержали под стражей после отстранения от власти. Большую часть этих диверсантов, одетых в форму американских солдат, удалось задержать еще прежде, чем они добрались до Мааса. Но это произошло только тогда, когда полмиллиона американских солдат вдоволь наигрались друг с другом в кошки-мышки на всех дорогах. Ни генеральские погоны, ни документы, ни протесты не избавляли от тщательной проверки на каждом перекрестке. Я сам трижды должен был удостоверить свою личность по требованию бдительных солдат. Первый раз я вызвал подозрение тем, что назвал Спрингфилд столицей штата Иллинойс (проверяющий считал столицей Чикаго), второй раз — тем, что я неправильно указал место защитника между центральным нападающим и полусредним на футбольном поле, третий раз — я не мог назвать фамилии очередного супруга блондинки по имени Бетти Грейбл.^[47] Из-за Грейбл я чуть было не был задержан, но часовой пожалел меня. Довольный тем, что ему удалось поставить меня в тупик, он милостиво разрешил мне следовать дальше.

Уже через два дня стало ясно, что противник задумал нечто большее, чем наступление с ограниченной целью. В боевом приказе фон Рундштедт писал, обращаясь к войскам: «Мы поставили на карту все и не должны проиграть». В штабе моей группы армий решили, что целью наступления может служить только захват Льежа, где было много доверху наполненных полевых складов. Я все еще не мог предположить, что честолюбивые замыслы противника идут дальше Льежа и что он предполагает овладеть Антверпеном.

Ходжес снял часть войск с фронта, проходившего по реке Рур, перебросил их на правый фланг своей армии для отражения танкового удара немцев и окопался на оборонительном рубеже между арденнским выступом немцев и рекой Маас. В этот момент я был готов дать приказ Паттону прекратить подготовку к наступлению в Сааре. Пока 1-я армия откатывалась на север под ударами немцев, наступавших в Арденнах, 3-я армия, действуя со своих позиций на реке Саар, должна была нанести противнику удар в основании выступа. Джордж был сильно огорчен перспективой потерять свой плацдарм в линии Зигфрида. «Что за чертовщина, пожал он плечами, — но все же мы будем по-прежнему убивать гансов».

В этот день я выехал из Люксембурга в Нанси вместе с Джорджем в его джипе.

— Мы не хотим втягивать в это дело ваших войск больше, чем это будет абсолютно необходимо, — сказал я. — Я хочу сохранить их для ответного удара, и мы как следует проучим этого ублюдка.

Джордж усмехнулся и плотно запахнул свою парку.

Для того чтобы высвободить армию Паттона и нанести удар по основанию арденнского выступа, Эйзенхауэр должен был растянуть фронт 6-й группы армий Деверса и сменить 3-ю армию на позициях по реке Саар. Для согласования новых разграничительных линий между группами армий Эйзенхауэр 19 декабря созвал совещание в штабе 12-й группы армий в Вердене. Он приехал на совещание из Версаля в тяжелом бронированном автомобиле. Совещание должно было состояться в неотопливаемой казарме. На принятии этой меры предосторожности настояла контрразведка. В верховный штаб экспедиционных сил союзников поступило донесение о том, что Скорцени поручил специальной группе диверсантов выследить и убить верховного командующего войсками союзников. Паттон должен был перебросить для нанесения контрудара по арденнскому выступу два из трех имевшихся у него корпусов в Сааре. Деверс растягивал свой фронт влево, занимая своими войсками часть полосы 3-й армии. Деверсу, как и Паттону, отнюдь не улыбалась перспектива отказаться от наступления на фронте 6-й группы армий для того, чтобы помочь нам расхлебать кашу, заваривавшуюся в Арденнах. Но и он вынужден был подчиниться стратегическому плану.

Тем временем Паттон, который в Сицилии отмахивался от проблем материально-технического обеспечения, как от назойливых мух, показал, что он хорошо усвоил полученный там урок. Используя ясную погоду, установившуюся в сентябре, он наполнил полевые склады своей 3-й армии переправочно-мостовым имуществом. Это имущество он намеревался использовать для форсирования Рейна. Опасаясь, как бы Деверс не воспользовался переносом разграничительной линии между группами армий и не присвоил его запасы, Джордж настоял, чтобы территория, на которой находились его полевые склады, осталась в его ведении. Эта предусмотрительность оправдала себя через два месяца, когда Джорджу пришлось с хода форсировать Рейн; тут-то ему игодились большие запасы переправочно-мостовых средств, при помощи которых он перебросил 3-ю армию на восточный берег Рейна.

В небольшой холодной комнате верденских казарм, где только одна пузатая железная печка несколько ослабляла пронизывающий декабрьский холод, мы быстро согласовали общий план контрудара по флангам противника в Арденнах. Эйзенхауэр уже утвердил переброску двух корпусов 3-й армии на новое направление. Совещание было созвано в основном для того, чтобы определить, в какой степени группа армий Деверса должна принять участие в готовящейся операции. Никто не предложил другого плана действий; единственным вариантом мог быть отход на зимний рубеж по реке Маас. Даже теоретики из числа начальников оперативных отделов, в чьи обязанности входило изучение всех возможных вариантов, считали такой отход недопустимым и поэтому не планировали его.

Я предпочел бы зажать немцев в Арденнах в тиски одновременным контрударом с обоих флангов, но понимал, что Ходжес не в состоянии перейти в наступление, пока он не остановит продвижение противника. А 19 декабря теснимая немцами 1-я армия больше думала о том, как сдержать наступающего противника, чем об ответном ударе. Если бы Ходжес смог сосредоточить ударную группировку на своем фланге в районе Мальмеди и бросить ее в направлении на Сен-Вит, он сузил бы участок прорыва и значительно уменьшил бы вклинение немецких войск. Однако дивизии, которые он снимал с фронта, идущего по реке Рур, ему приходилось вводить в бой по частям, чтобы предотвратить прорыв противника к Маасу. По мере того как противник все больше и больше углублялся в Арденны, стремясь нащупать неприкрытый нашими войсками участок, чтобы прорваться к Маасу с северного фланга выступа, Ходжес все больше растягивал свои боевые порядки, делая отчаянные усилия задержать немцев. Если бы танкам Зеппа Дитриха удалось преодолеть сопротивление 1-й армии и ринуться на Льеж, Ходжесу, по всей вероятности, пришлось бы ослабить свой нажим на фланг немцев в

районе Мальмеди. Именно у Мальмеди Ходжес спас 1-ю армию, обескровив главные силы противника.

Однако если Ходжес не мог нанести удар по северному флангу противника, то ничто не могло помешать Паттону ударить по арденнскому выступу с юга. Действительно, положение 1-й армии стало настолько серьезным, что отвлекающий удар Паттона стал совершенно необходимым. Мы опасались, что в противном случае фронт Ходжеса рухнет и противник форсирует Маас.

Тем временем в районе Бастони, являющемся узлом дорог, создалась критическая обстановка для наших войск. 5-я танковая армия Мантейфеля, действовавшая в центре группировки фон Рундштедта, обошла этот узел сопротивления, стремясь перерезать дороги, ведущие из Бастони на юг и на север (схема 44). Предвидя окружение Бастони, я все же отдал приказ 8-му корпусу Миддлтону удерживать этот важный узел коммуникаций. Я не допускал мысли о том, чтобы оставить Бастонь и позволить противнику увеличить участок вклинения, хотя при обороне города переброшенные туда воздушно-десантная дивизия и два боевых командования^[48] могли понести большие потери. Хотя я не был склонен преуменьшать тяжелые испытания, которые выпали на долю защитников Бастони, однако был уверен, что 101-я дивизия с помощью танков 9-й и 10-й бронетанковых дивизий сможет удержать город. Я думал, что они продержатся по крайней мере до тех пор, пока 3-я армия Паттона не прорвется к ним на выручку. Освобождение Бастони должно было стать первоочередной целью наступления Паттона на фланг противника.

— Когда вы сможете начать, Джордж? — спросил я Паттона, зная, как трудно будет ему перебросить свои войска по той редкой дорожной сети, которая связывала Люксембург с Эльзасом.

Джордж попросил 48 часов, любой другой командующий стал бы сомневаться, управится ли он даже за 96 часов.

Теперь Джордж уже примирился с мыслью о том, что наступление в Сааре откладывается на неопределенный срок, и у него зачесались руки нанести контрудар. Он закурил сигару и показал на арденнский выступ, прорезавший тонкие синие линии нашего фронта на оперативной карте.

— Брэд, — воскликнул он, — на этот раз Ганс засунул свою голову в мясорубку. — Сделав движение рукой, он добавил: — Ручку мясорубки я держу крепко.

Не прошло и двух дней, как Джордж перешел в успешное наступление. А через неделю контрнаступление фон Рундштедта достигло предельной точки. Переброска 3-й армии с предмостного укрепления на реке Саар на покрытый снегом арденнский фронт была осуществлена Паттоном блестяще. Этот маневр явился одним из наиболее ярких примеров полководческого искусства в нашей кампании на западе. 19 декабря, еще до отъезда из Вердена в Нанси, Паттон по телефону отдал распоряжение выступить. Два дня спустя, 21 декабря, он уже перешел в наступление на Бастонь силами двух дивизий — бронетанковой и пехотной. К рождеству к этим двум дивизиям присоединились еще четыре. Менее чем за неделю Паттон перебросил на север и ввел в сражение основные силы 3-й армии вместе с артиллерией, запасами и техникой, покрыв при этом путь от 80 до 120 километров. Свыше 133 тыс. танков и грузовиков круглые сутки двигались по обледененным дорогам. Из окна моего кабинета открывался вид на ущелье, где высились стены средневековых тюрем и зубчатые башни Люксембурга, высеченные в скалах, и я мог следить за колоннами, двигавшимися по арочному каменному мосту. В грубых шинелях, еще забрызганных грязью Саара, солдаты сидели съежившись на грузовиках с брезентовым верхом. Они прижимались друг к другу, ища защиты от резких порывов ледяного ветра. Из башен танков «Шерман» высовывались фигуры

командиров с обвязанными шерстяными шарфами головами, направлявших громоздкие машины по улицам города. Днем и ночью танковые колонны гремели по булыжной мостовой до тех пор, пока 21 декабря светлый снежный покров не заглушил их шум, и теперь они скользили по улицам, как призраки.

Быстрота, с которой 3-я армия повернула на север, удивила даже тех из нас, кто считал, что мобильность наших войск поможет нам выиграть сражение в Арденнах. 20 декабря, когда 5-я пехотная дивизия получила по телефону приказ на марш, два ее полка вели бой с противником в Зауерлаутерне, а третий полк занимал оборону севернее этого предмостного укрепления. Двадцать четыре часа спустя оба полка находились уже в районе сбора северо-восточнее Люксембурга, а третий полк ожидал смены в готовности выступить на север.

До арденнского сражения я не разделял восторженного отношения Джорджа к штабу 3-й армии; в этом штабе, в отличие от штабов 1-й и 9-й армий не было отдельных выдающихся офицеров. Но однажды я даже согласился с мнением одного генерала, который сказал: «Паттон со своей компанией посредственных штабных офицеров может сделать больше, чем любой другой командир, которого я знаю». Почти все основные помощники Паттона были участниками кампании в Сицилии, где их деятельность даже по самой снисходительной оценке отнюдь нельзя было признать отличной. Однако этот штаб приобрел закалку в течение пяти месяцев боевых действий в Европе и Паттон сумел добиться от него блестящих результатов, о чем свидетельствует быстрая переброска армии с одного направления на другое.

Хотя Паттон по вполне понятным причинам не хотел отдавать 10-ю бронетанковую дивизию в первый день немецкого наступления в Арденнах, тем не менее перегруппировка войск на новое направление, проведенная с замечательной точностью, доставила Джорджу не так уж много хлопот. Несмотря на необычайную сложность маневра, он руководил им почти исключительно по телефону, изобретая все новые и новые способы увеличения пропускной способности дорог.

Если мобильность была «секретным» оружием США, при помощи которого было нанесено поражение фон Рундштедту в Арденнах, то она была достигнута исключительно благодаря правильной подготовке штабов. Штабы дивизий, корпусов и армий учились на одном и том же языке, проходили одинаковую тренировку, усваивали одни и те же приемы и методы. Это позволяло нам отдавать краткие устные приказы в уверенности, что между всеми командными звеньями армии США существует полное взаимопонимание. В свою очередь, при передаче приказов мы не встречали никаких затруднений; в нашем распоряжении была безотказно действующая сеть проводной связи. Из моего кабинета в Люксембурге не более чем за тридцать секунд я мог связаться по телефону с любой армией. В случае необходимости я мог связаться по телефону с командиром любой дивизии. Офицеры-связисты любят напоминать нам, что «хотя конгресс и может сделать генерала, но только с помощью связи генерал становится командующим». Справедливость этого изречения нигде не была столь убедительно доказана, как в арденнском сражении.

Хотя Ходжес вечером 19 декабря был втянут в рискованное сражение, тем не менее я не беспокоился за него, пока он прочно удерживал Мальмеди. Четыре первоклассные дивизии Зеппа Дитриха уже сломали зубы об этот орешек, и Зеппу пришлось перенести направление главного удара южнее и начать наступление на Сен-Вит, маленький бельгийский городок, в котором сходились пять шоссе дорог. Здесь Ходжес силами 7-й танковой дивизии преградил дорогу немецким войскам. Неповоротливые колонны Дитриха сгрудились и остановились. Немецкие танки ринулись на юг и на север, пытаясь обойти Сен-Вит. Однако вскоре танкисты выдохлись и утратили драгоценный наступательный порыв на разбитых проселочных дорогах, которые делали Арденны подлинной ловушкой для моторизованных и

механизированных войск.

Начиная наступление, фон Рундштедт рассчитывал на быстроту действий. Он знал, что, если он не разовьет стремительное наступление сразу же после прорыва нашего фронта, время будет работать на наши моторизованные армии. Стоило ему немного замешкаться, и мы бы успели подтянуть подкрепления и ударить по его флангам. После четырех дней ожесточенных атак немецкому командованию не удалось ни ослабить позиций Ходжеса в районе Мальмеди, ни выбить из Сен-Вита 7-ю бронетанковую дивизию, которая вела упорные бои с превосходящими силами противника. График немецкого наступления был сорван. Нам казалось, хотя мы и не были в этом уверены, что Ходжес уже склонил чашу весов сражения в нашу пользу. Не сумев 19 декабря прорваться к Маасу, противник должен был понять, что проиграл сражение, и отвести войска из Арденн.

Когда немецкие танки оказались в 2 километрах от Спа, в котором был расположен штаб армии, последний был вынужден срочно эвакуироваться. Однако атака немецких танков была своевременно отбита подоспевшими частями 3-й бронетанковой дивизии. Прежде чем покинуть свой командный пункт в Спа, командование 1-й армии эвакуировало свыше миллиона галлонов горючего, чтобы оно не досталось врагу. 124 тыс. галлонов горючего, которые не удалось вывезти, было сожжено. С третьего полевого склада, где было сосредоточено 2225 тыс. галлонов горючего, шла вывозка горючего в тыл. Острый недостаток горючего вследствие воздушных бомбардировок нефтеперерабатывающих заводов союзной авиацией заставил фон Рундштедта начать наступление без достаточных запасов бензина. Без трофейного американского горючего наступление немцев успеха иметь не могло.

Поздно вечером 19 декабря, прежде чем оставить свой командный пункт и отправиться на ночлег в отель «Альфа», я соединился со штабом 8-го корпуса и вызвал к телефону Миддлтона. Трой сообщил, что его корпус, хотя и ценой больших потерь, все же задержал противника и заставил его потерять драгоценное время. Несмотря на ошеломляющую силу и внезапность ударов фон Рундштедта в первый день наступления, немецкому командующему потребовалось четыре дня для того, чтобы дойти до Бастони.

Трой имел право гордиться своим 8-м корпусом; его дивизии доблестно сражались в яростных сдерживающих боях, в которых американские солдаты проявили высокие боевые качества. Захваченные врасплох и дезорганизованные части 106-й дивизии отошли к узлу дорог Сен-Вит. Здесь к ним присоединилась 7-я бронетанковая дивизия для усиления обороны этого важного узла коммуникаций. В тактическом отношении Сен-Вит, как узел дорог, имел еще большее значение, чем Бастонь. На южном участке фронта Миддлтона, где Люксембург вдается в покрытую виноградниками долину реки Мозель, линия фронта 4-й дивизии Бартона несколько прогнулась, но прорвана не была. Однако ни одно американское соединение не превзошло в доблести потрепанную и покалеченную 28-ю дивизию. Эта дивизия была смята первой волной немецких танков, внезапно вынырнувших из утреннего тумана, покрывавшего Эйфель. Однако ее части не капитулировали и продолжали самостоятельно оказывать сопротивление в арденнских лесах в течение трех бессонных дней и ночей войска дивизии с боями пробивались к Бастони, выигрывая время, необходимое для укрепления этой ключевой позиций. За первую неделю немецкого наступления в Арденнах дивизия, по сообщениям, потеряла около четверти своего состава убитыми, ранеными или пропавшими без вести.

Хотя сам Эйзенхауэр на совещании в Вердене 19 декабря не проявил никаких признаков беспокойства, тем не менее у его офицеров в верховном штабе экспедиционных сил союзников появились признаки заболевания, которое мы в группе армий определили как сильное нервное потрясение. Эта атмосфера тревоги вскоре охватила и отель «Скрайб» в Париже, где корреспонденты, аккредитованные при верховном штабе экспедиционных сил союзников, чутко

реагировали на нервозность, которая исходила от Версаля. Их рассказы а нашем положении в Арденнах были настолько преувеличены, что я впоследствии попросил у Айка разрешения открыть пресс-лагерь при оперативной группе моего штаба для того, чтобы снабжать корреспондентов более достоверными сведениями о положении на фронте, чем те, которые они получали в Париже

Первым признаком беспокойства, охватившего верховный штаб экспедиционных сил союзников, было переданное оттуда по телетайпу предупреждение принять меры к тому, чтобы ни один мост через Маас не попал в руки противника.

— Что же, по их мнению, мы тут делаем, черт возьми — недовольно ворчал Левей Аллен. — Бежим назад к морю, что ли?

Гром грянул позднее. Вечером 19 декабря нам позвонил Беделл.

— Аик считает, что следовало бы, — сказал Беделл, — передать Монти ваши две армии на севере и поручить ему общее руководство действиями войск севернее арденнского выступа. Это избавит нас от больших хлопот, особенно если ваша связь с Ходжесом и Симпсоном будет прервана.

Это был первый дошедший до меня намек на предстоящие изменения в командовании, в результате которых Ходжес и Симпсон переходили в подчинение Монтгомери: Ходжес на месяц, Симпсон до тех пор, пока мы не переправимся на восточный берег Рейна. Утром на совещании в Вердене Эйзенхауэр не затронул этот вопрос и не высказал никакого беспокойства за мою связь с армиями на севере. Наши линии связи, проходившие через Бастонь, были перерезаны, но у нас в распоряжении оставалась вспомогательная линия, пересекавшая западные Арденны. Еще одна запасная линия связи на всякий случай была протянута за Маасом. Пока противник оставался восточнее Мааса, мы не опасались потерять связь ни с 1-й, ни с 9-й армиями. И действительно, эта связь ни разу не была прервана.

Внезапное предложение Беделла заставило меня быстро реагировать.

— Я сомневаюсь в целесообразности таких изменений в командовании, — сказал я. — Если мы хотим выбить немцев из Арденн, то легче координировать наступление из нашего штаба.

Если Монтгомери выступит на сцену, как это предлагал Беделл, то действия двух групп армий придется координировать верховному штабу экспедиционных сил союзников.

Но Смит стоял на своем.

— По-видимому, это вполне логично, — сказал он. — Монти будет отвечать за действия севернее арденнского выступа, вы — южнее,

— Беделл, мне трудно возражать против этого предложения, — сказал я. — Я бы полностью согласился с вами, если бы Монти был американцем. В таком случае это было бы логично.

В этот решающий момент я не мог объяснить ему, что я опасался только одного: как бы это принудительное переподчинение моих двух армий Монтгомери не привело к дискредитации американского командования.

Нельзя было оспаривать целесообразность переподчинения армий. Вполне логично было временно подчинить группе армий, действовавшей севернее арденнского выступа, все армии, находившиеся к северу от вклинившихся немецких войск. Кроме того, если бы фон Рундштедт форсировал Маас в полосе наших американских армий, 21-я группа армий Монтгомери оказалась бы под ударом. Для того чтобы прикрыть свои войска, Монти, несомненно, должен был расположить резерв на своем правом фланге. Все равно, если бы ему были переподчинены обе американские армии и отведена полоса вплоть до арденнского выступа, он, по всей вероятности, использовал бы свой резерв в случае прорыва противника к Маасу.

— Я не сомневаюсь, — заметил я Смицу, — что если мы пойдем по тому пути, который вы

предлагаете, то мы получим больше помощи от англичан в форме резервов.

Я спросил, будет ли переподчинение армий Монтгомери временным. Беделл согласился, что оно должно иметь временный характер и сохранять силу только до тех пор, пока не удастся ликвидировать арденнский выступ

После того как Смит заверил меня в том, что переподчинение армий будет временным, у меня не оставалось никаких возражений, кроме беспокойства о сохранении моего престижа. Главное командование союзников должно было официально изложить мотивы, побудившие переподчинить американские армии Монти, иначе это переподчинение могли понять так, что Эйзенхауэр потерял доверие ко мне или, что еще хуже, к американскому командованию в целом. Хорошо, если в глазах общественного мнения буду дискредитирован только я один, тогда Эйзенхауэр легко может выправить положение, отослав меня домой. Но если его приказ будет истолкован как выражение недоверия к американскому командованию вообще, как доказательство того, что англичане нас вытеснили? Тогда нашей будущей роли в войне будет нанесен непоправимый ущерб.

Хотя эти возражения казались достаточно вескими, тем не менее я сомневался в их правильности. Мне казалось, что здесь слишком большое место занимают мои опасения за свою дальнейшую карьеру. Эйзенхауэр посвятил себя объединению наших усилий. Если между союзниками не должно возникать никаких противоречий, то имел ли я право размахивать флагом в защиту своего престижа в этом исключительном случае?

Переподчинение армии должно было состояться в полдень 20 декабря. Получив 1-ю и 9-ю американские армии, 21-я группа армий Монтгомери увеличилась бы до четырех армий. В моем подчинении временно оставалась только 3-я армия Паттона.

Если бы старшим британским командующим был не Монтгомери, а кто-нибудь другой, то переподчинение армий, вероятно, произошло бы без каких-либо инцидентов, трений и осложнений. Несомненно, это переподчинение никогда не отразилось бы на дальнейших взаимоотношениях союзников. Однако Монтгомери, к несчастью, не смог удержаться от того, чтобы не натянуть нос американцам. Даже Фредди де Гинган, начальник штаба Монтгомери, впоследствии порицал своего шефа за его поведение. И хотя Эйзенхауэр вынужден был, стиснув зубы, все стерпеть, через несколько лет после окончания войны он признался, что, если бы он предвидел, к каким неприятностям приведет переподчинение армий, он никогда бы на это не согласился. К счастью, все эти неприятности начали сказываться уже после того, как миновала критическая обстановка, сложившаяся в Арденнах.

Хотя Монтгомери ввел в сражение на арденском выступе только одну-единственную английскую бригаду, он расположил на фланге 1-й армии целых четыре свои дивизии. Эти английские резервы придали Ходжесу уверенность и позволили ему ввести в сражение в Арденнах все свои войска. Впоследствии я задавал себе вопрос, стоил ли этот выигрыш всех споров и разногласий, которые возникли в результате переподчинения армий.

Как только английский фельдмаршал получил в свое подчинение армии Ходжеса и Симпсона, он срочно выслал своего офицера связи на Маас, чтобы лично удостовериться, не удалось ли противнику форсировать эту реку в каком-либо месте. Между тем Ходжес вполне авторитетно мог дать на этот вопрос отрицательный ответ 7-я бронетанковая дивизия все еще удерживала выступ фронта у Сен-Бита, а севернее, на имеющем важное значение участке у Мальмеди, испытанные в боях 1-я, 2-я и 9-я дивизии окопались и успешно отбивали все атаки немцев. 30-я дивизия, оборонявшая бельгийскую деревушку Стаvlo, всего в 35 километрах юго-восточнее Льежа, дралась с тем же упорством, что и у Мортена. Немецкий клин все глубже проникал на запад через не прикрытые нашими войсками Арденны. Но Ходжес уже сосредоточивал части своего 7-го корпуса на фланге немцев, готовясь нанести контрудар.

1-я армия блестяще провела перегруппировку сил в разгар наступления противника. Ее результаты можно сравнить разве дашь с удивительным маневром 3-й армии. Только 17 декабря по дорогам перебрасывалось 60 тыс. человек и 11 тыс. машин. В течение первых девяти дней наступления фон Рундштедта 1-я армия перебросила войска численностью 248 тыс. человек, сформировав 196 колонн в составе 48 тыс. машин.

Во время первой мировой войны, когда маршал Фош перебросил свою знаменитую армию на такси, чтобы остановить наступление войск кайзера на Марне, он мобилизовал всего лишь 1200 парижских такси и перевез только 4985 человек на расстояние 45 километров.

Накануне начала наступления Паттона с юга на выручку окруженному в Бастони американскому гарнизону Монтгомери радировал, что он намеревается отложить запланированное наступление с севера, для которого Ходжес сосредоточил 7-й корпус Коллинса. Английский фельдмаршал заявил, что он намерен «сначала навести порядок» в своей обороне, а затем уже переходить в наступление. В результате сосредоточенные для наступления дивизии Коллинса были распылены вдоль фронта и противник сохранил за собой инициативу в северной части арденнского выступа. Только 3 января, то есть через 12 дней, Монтгомери закончил подготовку и начал наступление.

Тем временем немецкое командование поняло, что главный удар, направленный на Мальмеди, не достиг цели; под Мальмеди Ходжес основательно обескровил войска Зеппа Дитриха. Элемент внезапности был утрачен, ставка фон Рундштедта на стремительность удара проиграна. Вместо того чтобы осуществить запланированный молниеносный прорыв к Маасу, немцы столкнулись с необходимостью вести длительные и упорные боевые действия. Фон Рундштедт вынужден был перенести направление главного удара в полосу наступления 5-й танковой армии Мантейфеля. В то же время, он ввел в прорыв севернее Бастони свои последние резервы и начал наступление в западном направлении. Однако теперь, после того как наступление на Льеж провалилось, фон Рундштедт уже не имел перед собой стратегической цели и мог только израсходовать свои войска в бесплодных атаках в Арденнах.

За два дня до рождества сплошная серая пелена, которая висела над нашим фронтом, впервые за восемь дней, рассеялась и солнечные лучи осветили немецкие танки, черневшие на снежных полях Арденн (см. фото 7).

Каждое утро наше совещание в штабе открывалось докладом юного метеоролога 9-й воздушной армии. И этот доклад всякий раз был настолько неутешительным, что мы с утра приходили в дурное настроение. Всякий раз, пока метеоролог докладывал, Ванденберг, сидевший рядом со мной, невольно съеживался и втягивал шею в свою кожаную летную куртку. От Шотландии до Брюсселя больше чем на сотне аэродромов свыше 4 тыс. самолетов союзников ждало, когда же, наконец, кончится тайный сговор фон Рундштедта с погодой.

Утром 23 декабря метеоролог Ванденберга влетел в оперативную комнату, размахивая прогнозом хорошей погоды на всем фронте. Через час воздух начал вибрировать от мощного рева моторов: самолеты тучами летели над Люксембургом к фронту. Даже если бы изнуренные колонны фон Рундштедта продолжали двигаться к Маасу, он уже не в силах был бы продолжать свое наступление с той минуты, мы получили возможность бить его с воздуха. В первый же ясный день наша авиация сделала более 1200 самолето-вылетов. На следующий день 2 тысячи бомбардировщиков в сопровождении свыше 800 истребителей подвергли бомбардировке 31 тактический объект противника, сбросив на них 4,3 тыс. тонн бомб. Истребителя-бомбардировщики в поисках противника рыскали в воздушном пространстве над Арденнами, охотясь за сгрудившимися колоннами немцев, беспомощно стоявшими на дорогах. Транспортные самолеты сбросили с малой высоты продовольствие, медикаменты и боеприпасы отважному гарнизону Бастони, отбивавшему атаки трех дивизий противника. В этой операции

участвовал 241 самолет.

В Люксембурге мы могли наблюдать белые полосы дыма, оставляемые в воздухе тяжелыми бомбардировщиками, моторы которых глухо рокотали над головой. Они летели на восток к крупным сортировочным станциям Трира, расположенным за границей Германии.

В верховном штабе экспедиционных сил союзников нервозность нарастала по мере того, как красные флажки, отмечавшие на карте обстановки продвижение армий фон Рундштедта, передвигались на запад. Начальник оперативного отдела снова стал беспокоиться об охране переправ через Маас между Намюром и Динаном. Не отрицая, что фон Рундштедт может выйти к восточному берегу Мааса, я считал, что он не сможет форсировать эту реку даже легкими разведывательными силами. Противник еще ранее, во время отступления к линии Зигфрида, разрушил мосты через Маас. Мы не придавали большого значения этой излучине Мааса и не восстановили разрушенные немцами мосты. Через реку были наведены только легкие понтонные мосты, которые можно было взорвать простым нажатием кнопки. Я предложил Аллену радировать верховному штабу экспедиционных сил союзников, чтобы он не нервничал понапрасну.

Паттон заверил меня в том, что он в ближайшее время прорвет немецкий фронт и снимет осаду с Бастони, и я с нетерпением ждал контрудара Монтгомери с севера. Я даже просил Айка подогнать Монтгомери и ускорить его контрудар. Но английский фельдмаршал не спешил. Вместо того чтобы отсечь западную часть выступа ударами с обеих сторон по его средней части, к чему стремились Паттон и я, Монтгомери противопоставил свой план остановить противника ударами по острию его клина. Монти все еще был занят «приведением в порядок» своего фронта. Вслед за 7-й бронетанковой дивизией и 82-я воздушно-десантная дивизия получила приказ отойти с занимаемого ею речного рубежа у Сен-Вита. Монтгомери пытался было отвести эти дивизии еще дальше в тыл, что дало бы возможность немцам расширить прорыв по фронту. Однако Коллинс и Риджуэй запротестовали столь решительно, что Монтгомери быстро забил отбой. Я писал Ходжесу: «Хотя Вы уже не находитесь под моим командованием, все же я считаю нужным сообщить, что, по моему мнению, дальнейшее оставление территории на северной стороне арденнского выступа будет чревато серьезными последствиями».

В канун рождества Монтгомери предложил мне на следующий день вылететь к нему в оперативную группу штаба 21-й группы армий для согласования наших планов по ликвидации арденнского выступа. Танки Паттона прорвались на узком участке фронта к Бастони и находились от него всего лишь в 4 километрах. С севера Бастонь отделял от 1-й армии коридор шириной 40 километров. Теперь мы могли держать под артиллерийским огнем три проселочные дороги, проходившие через суженную нами брешь во фронте, по которым противник получал подкрепления и запасы.

Опасаясь, как бы убийцы, посланные Скорцени, не пробрались в город Люксембург, Зиберт разработал сложную систему мер, обеспечивающих мою безопасность. Одной из этих мер было перебазирование моего самолета «С-47» с люксембургского аэропорта на аэродром ночных истребителей, расположенный в 40 минутах езды на автомобиле западнее Этена. Для того чтобы сэкономить время при полете на командный пункт Монтгомери, я дал указание моему летчику Робинсону вылететь из Этена и взять меня в Люксембурге, находящемся на расстоянии двух минут полета от немецких линий. В Люксембурге к нам должны были присоединиться и остальные члены экипажа самолета. Однако Зиберт пронюхал про мой план и решительно запротестовал. Мне пришлось отказаться от своей мысли и мчаться по дороге в Этен, догоняя машину летчика. Не дожидаясь экипажа, изнывавшего от безделья на аэродроме Люксембурга, мы поднялись в воздух с аэродрома Этен на «Мэри К» и, летя на бреющем полете, срезали угол арденнского выступа. Робинсон пилотировал, а мы с Хансеном следили за курсом по карте.

Через час мы приземлились на бельгийском аэродроме в Сен-Троне, где нас ждал в машине адъютант Ходжеса майор Вильяме Сильвен, уроженец города Колумбия в Южной Каролине. По дороге к скромному голландскому домику, в котором разместился командный пункт Монтгомери, я позавтракал, съев одно яблоко.

В деревнях, через которые мы проезжали, тротуары были наводнены голландцами в праздничных костюмах.

— Что за праздник сегодня? — спросил я.

— Рождество, генерал, — ответил мне Хансен.

Я надеялся, что Монтгомери не замедлит поддержать наше наступление ударом с севера, однако оказалось, что английский командующий решил подождать до того момента, когда противник нанесет последний удар. До тех пор пока Монтгомери не был уверен, что противник окончательно выдохся, он решил в наступление не переходить. Разочарованный и подавленный перспективой новой отсрочки, я выехал обратно в Сен-Трон.

Пока Робинсон заводил мотор, нас вызвала диспетчерская вышка аэродрома.

— Вы не доберетесь до наступления темноты, — предупредил диспетчер. Лучше вам подождать.

Робинсон, притворяясь непонимающим, крикнул в микрофон:

— По ветру? Благодарю вас, я взлечу по ветру.

Мы промчались по взлетной дорожке и на полном газу взмыли вверх. В быстро сгущавшихся сумерках самолет летел на небольшой высоте над кучами шлака у бельгийских угольных шахт. Ориентиры были едва видны. Было уже темно, когда мы прилетели в Этен. Аэродром освещали нефтяные факелы, и мы приземлились с безукоризненной точностью. В этот вечер сержант Дадли угостил меня за ужином индейкой.

* * *

26 декабря продвижение немцев на запад достигло кульминационной точки. Всего в 27 километрах от передовых позиций противника живописный городок Динан охраняет скалистые берега Мааса. Здесь 2-я бронетанковая дивизия Эрни Гармона загрозила путь 2-й танковой дивизии фон Рундштедта, сдержав последний натиск противника. В течение трех дней две дивизии наносили друг другу непрерывные удары. В этом ожесточенном танковом бою дивизия Гармона остановила наступление фон Рундштедта, уничтожив 80 немецких танков, оставив их догорать на высотах на поле боя.

Через несколько дней, составляя письменное донесение об этих боях, Гармон писал с присущей ему лаконичностью: «23, 24 и 25 декабря мы вели бои с 2-й танковой дивизией и быстро разделились с нею. Прилагаю список трофеев, которые мы захватили, в том числе 1200 пленных. Убитых и раненых около 2,5 тыс. человек. Была большая резня».

В списке трофеев было 405 грузовиков, в которых противник так остро нуждался, и 81 артиллерийское орудие. В результате этого единственного в истории боя двух танковых дивизий, имеющих одинаковый номер, немецкая дивизия отступила. 1500 обмороженных солдат и горсточка танков «Пантера» — вот все, что осталось от этой дивизии, рвавшейся к Маасу.

В тот же день в 16 часов Паттон сообщил мне, что его 4-я бронетанковая дивизия прорвалась в Бастонь и положила конец осаде этого города, длившейся семь дней. Тони Маколифф потерял 482 человека убитыми, 527 пропавшими без вести, 2449 ранеными, но выдержал натиск трех немецких дивизий и прославился тем, что на предложение противника капитулировать ответил одним грубым, но выразительным словом.

В этот же вечер я пытался связаться с Эйзенхауэром, чтобы убедить его заставить Монтгомери начать наступление на арденнский выступ с севера. Однако Эйзенхауэра на месте не оказалось, и вместо него к телефону подошел Беделл Смит.

— Какого черта, Беделл, вы не можете заставить Монти начать наступление на севере? Нам кажется, что противник достиг высшей точки. Он скоро начнет откатываться назад, если не сегодня ночью, то наверняка завтра.

Но Беделл не был согласен с такой оптимистической оценкой обстановки, так как 21-я группа армий сумела заразить верховный штаб экспедиционных сил союзников своим страхом.

— О, нет, Брэд, вы ошибаетесь, — сказал он. — Они через двое суток переправятся через Маас.

— Катитесь, вы... — сказал я, не найдя других слов, кроме повторения реплики Маколиффа.

Очевидно, никто в верховном штабе экспедиционных сил союзников не представлял себе реальной обстановки. Нам было ясно, что противник оказался в критическом положении. Мы уничтожили его головную дивизию и прочно удерживали наши фланги. Паттон, наступая на широком фронте с юга, достиг Бастони, и все три дороги с запада на восток, остававшиеся в руках немцев, находились под обстрелом нашей артиллерии.

В течение двух дней противник не возобновлял своих попыток продолжать наступление. На третий день он начал отходить. На следующее утро я вылетел в Версаль с планом возобновления наступления после ликвидации арденнского выступа. Ликующий Айк заявил, что он наградит меня самым драгоценным сокровищем, имеющимся во всей Франции. Буфетчик принес две чаши, от которых шел пар. В соусе плавало по полдюжине устриц, выловленных в Чеса-никском заливе. Я проглотил их, не признаваясь Айку, что устрицы всегда вызывали у меня тошноту.

С наступлением нового года в обстановке на фронте наступил перелом. Монтгомери сообщил, что 3 января он начнет наступление на северной стороне арденнского выступа. В канун нового года Билл Уолтон, парашютист-корреспондент журнала «Тайм», проводил уходящий год такими печальными словами: «Никогда еще мир не переживал столь тяжелый год, который вряд ли стоит вспоминать». Я мог бы добавить: «Особенно последние 15 дней». Только через 53 дня после Нового года мы переправились через реку Рур и возобновили зимнее наступление, которое было задержано немецким контрнаступлением. Но если мы и были огорчены задержкой, то все же нас несколько утешала мысль, что у противника дела обстоят гораздо хуже, чем у нас. Он понес такие потери, что ни одна из дивизий, действовавших в Арденнах, уже не смогла больше восстановить свою боеспособность.

* * *

Как только период непосредственной опасности миновал, наступило время взаимных обвинений. В эти недели напряженных отношений и горьких слов дружба между союзниками, которую Эйзенхауэр пытался сохранить, подверглась суровому испытанию. Причина наших разногласий коренилась во временном переподчинении американских армий. Монтгомери изображали Георгием Победоносцем, ему приписывали спасение американских войск от разгрома. Мало того, британская пресса разразилась потоком комментариев, в которых арденнский прорыв объяснялся отсутствием у нас единого командования сухопутными войсками. Англичане снова выставили предложение назначить Монтгомери, как заместителя Эйзенхауэра, главнокомандующим сухопутными войсками союзников.

Газеты изображали Монтгомери единственным героем-спасителем разбитых американских

армий. Я заявил Айку протест против подобного искажения фактов. Меня снова охватили те же опасения, как и в то время, когда Беделл Смит впервые намекнул мне по телефону о плане переподчинения американских армий Монтгомери. Я считал, что верховный штаб экспедиционных сил союзников обязан восстановить истину, иначе пошатнется мой авторитет среди подчиненных командиров и я потеряю свой вес как командующий.

Но больше всего меня беспокоило даже не это, а страх, что подобная болтовня подорвет доверие народа Соединенных Штатов к американскому командованию.

Верховный штаб экспедиционных сил союзников, пытаясь замазать трещину, образовавшуюся во взаимоотношениях союзников, 5 января опубликовал краткое, по нашему мнению, не в меру бесстрастное коммюнике:

«После того как в результате немецкого прорыва в Арденнах образовалось два фронта — один, обращенный на север, а другой — на юг, немедленным соглашением между всеми заинтересованными инстанциями фронт, обращенный на юг, был подчинен Монтгомери, а фронт, обращенный на север — Брэдли».

Такое коммюнике верховного штаба было слишком общим и не могло разрядить напряженную атмосферу, которая грозила нарушить доброе согласие среди союзников. Два дня спустя Монтгомери подлил масла в огонь не пресс-конференции в штабе 21-й группы армий.

«Фон Рундштедт начал наступление 16 декабря, — сказал Монтгомери, касаясь боев в Арденнах. — На его стороне была тактическая внезапность. Он вбил глубокий клин в центре 1-й американской армии и расколол американские войска на две части. Казалось, что для нас может сложиться весьма затруднительная обстановка. Немцы прорвались на слабом участке фронта и двигались к Маасу.

Увидев, что произошло, я принял некоторые меры для того, чтобы не допустить форсирование немцами Мааса, если даже им удастся выйти к реке. Я перегруппировал свои войска с тем, чтобы обеспечить лучшую диспозицию сил для отражения угрозы. В то время это были только меры предосторожности, но я смотрел вперед.

Затем обстановка начала ухудшаться, но все союзные войска сплотились перед лицом опасности. Национальные соображения были отброшены в сторону. Генерал Эйзенхауэр доверил мне командование всем северным фронтом.

Я использовал все наличные силы английской группы армий. Эти силы постепенно подтягивались к фронту с таким расчетом, чтобы не нарушать деятельность американских линий коммуникаций. Наконец войска согласованно перешли в наступление, и в настоящее время английские дивизии упорно сражаются на правом фланге 1-й американской армии.

Сейчас британские войска сражаются на обоих флангах американских сил, которым был нанесен сильный удар. Это прекрасное зрелище совместных действий союзников.

Сражение было чрезвычайно интересным, может быть, одним из наиболее интересных и сложных сражений, которые мне приходилось вести... Оно несколько напоминает сражение, начавшееся 31 августа 1942 г., когда Роммель сделал последнюю попытку завоевать Египет, но получил отпор от 8-й армии.

Однако, — запинаясь, добавил Монти, — все битвы различаются между собой, так как в каждой решаются свои задачи».

Когда мы услышали заявление Монтгомери, переданное Би-би-си, остро реагирующие на все обиды офицеры оперативной группы моего штаба буквально взорвались от негодования. Хансен влетел в мой кабинет вместе с подполковником Ральфом Ингерсоллом, редактором нью-йоркской газеты «Пи Эм», ныне прекратившей свое существование, и майором Генри Мансоном, молодым адъютантом Левена Аллена.

— Вы должны добиться официального сообщения, — сказал Хансен, — в котором была бы

изложена вся история переподчинения наших армий. До тех пор пока вы этого не сделаете, американский народ ничего не будет иметь, кроме заявления Монтгомери, которое набрасывает тень на американское командование. Верховный штаб экспедиционных сил союзников не указал в своем коммюнике, когда американские армии были переподчинены Монтгомери, и поэтому большинство газет считает, что это произошло 17 декабря. Они не понимают, что переподчинение армий было произведено через три дня, когда обстановка на фронте уже значительно улучшилась.

Он протянул мне номер газеты «Вашингтон Пост» от 28 декабря. Передовица требовала объяснения причин наших неудач в Арденнах:

«Американский народ нуждается в авторитетном разъяснении относительно наступления фон Рундштедта, как оно произошло и каковы силы и возможности противника. Однако военное министерство не дало такого разъяснения. В результате наблюдается полная разногласия, каждый высказывает свое личное мнение о том, что происходит в Арденнах, и в конечном итоге это еще более увеличивает общую сумятицу.»

Я не стал ввязываться в публичный диспут с Монтгомери, опасаясь, что это даст возможность противнику заподозрить размолвку в рядах союзников. Однако я был не менее, чем мой штаб, раздражен Монтгомери за его дезориентирующее заявление. Я хотел восстановить истину. Если этого не сделал верховный штаб экспедиционных сил союзников, тогда, возможно, это должен буду сделать я.

— Хорошо. Я могу сделать одно из двух, — сказал я. — Я могу написать заявление и дать его Айку на утверждение. Он может согласиться со мной, но может и не согласиться. Если Аик одобрит мое заявление, а потом начнутся осложнения, его будут ругать вместе со мной. С другой стороны, мы не обязательно должны впутывать Айка в эту историю. Я могу самостоятельно, без санкции главного командования союзников, выступить с заявлением, взяв на себя всю ответственность за свои действия.

— Но у вас есть прецедент, — настаивал Ингерсолл, — в конце концов Монтгомери вчера выступил перед журналистами.

— Да, но...

— Неужели вы думаете, что Монтгомери согласовал свое интервью с Эйзенхауэром?

— Вы знаете, черт побери, что он обошелся без этого, — сказал я.

Мне было трудно принять решение главным образом потому, что я не был уверен, не оказывает ли моя личная заинтересованность в этом деле давление на мое суждение как командующего. В раздумье я посмотрел через окна, завешенные кружевными занавесками, на шпиль Люксембургского собора. Колонна грузовиков двигалась через мост.

— Хорошо, — сказал я. — Я это сделаю.

На следующий день мы опубликовали заявление. Впервые в эту войну мне приходилось выступать с такого рода документом, который должен был восстановить истину и опровергнуть высказывания Монтгомери, сделанные два дня тому назад. Изложив причины, побудившие нас пойти на «сознательный риск» в Арденнах, я описал наши действия, благодаря которым мы сковали противника в течение первых четырех решающих дней сражения. Лишь после этого на сцене появился Монтгомери.

Объясняя причины переподчинения 1-й армии Монтгомери, я повторил те же мотивы верховного штаба экспедиционных сил союзников, которые привел мне Беделл Смит.

«В результате немецкого наступления, писал я, была нарушена непосредственная телефонная связь с 1-й армией и перерезаны дороги, по которым мы обычно поддерживали личный контакт. Погода не позволяла организовать постоянный личный контакт при помощи самолетов. Поэтому было решено, что все силы союзников севернее арденнского выступа будут

временно подчинены командующему 21-й группы армий. Это было только временным мероприятием, и после восстановления связи между войсками 12-я группа армии снова принимала командование над всеми американскими армиями в этом районе».

Впервые было публично объявлено, что переподчинение 1-й армии носило только временный характер. В своем чересчур кратком коммюнике от 5 января верховный штаб экспедиционных сил союзников обошел этот вопрос. Он хладнокровно игнорировал общераспространенное мнение, что отныне английское командование заменит командование 12-й группы армий. Зная про эти слухи, инспирируемые Монтгомери, я хотел напомнить главному командованию его обещание относительно того, что переподчинение американской армии было лишь временной мерой.

До меня никто не ссылался в печати на то, когда американские армии были переподчинены Монтгомери. В результате англичане слишком великодушно приписывали себе все заслуги по перегруппировке американских войск. В течение первых четырех дней боев от 16 до 20 декабря (а Монтгомери принял командование на севере 20 декабря) мы уже сбили темп наступления фон Рундштедта, который возлагал все свои надежды на стремительность продвижения. Стоило фон Рундштедту снизить темпы наступления, как инициатива немедленно переходила в наши руки благодаря более высокой подвижности наших войск.

Справедливость этого была подтверждена вскоре после окончания войны. Зепп Дитрих на допросе признал, что уже 19 декабря темпы его наступления в Арденнах резко отставали от темпов, намеченных планом. Поэтому уже через три дня после начала наступления в Арденнах, то есть за 24 часа до того, как Монтгомери пришел нам «на выручку», оно уже было обречено на провал.

Если бы верховный штаб экспедиционных сил союзников в своем коммюнике защитил наши интересы, указав, что переподчинение американских армий является только временной мерой, то Эйзенхауэр мог бы избежать разлада в рядах союзников. Значительно позднее он заявил, что эта перебранка в период арденнского сражения причинила ему самые большие неприятности за все время войны. Но если бы он только поправил преувеличенное сообщение Монти о британских заслугах, он легко бы пресек препирательство между нами и англичанами в самом зародыше.

В то время я не мог простить Монти его попытку использовать в своих интересах наше поражение в Арденнах, но я совершенно уверен, что он и сам не подозревал, до какого раздражения он нас довел. Мои личные отношения с ним оставались дружескими в течение всей войны, и мы никогда не вспоминали об этом неприятном инциденте.

Пока мы ломали головы, как бы снова объединить американские войска под американским командованием, предложение назначить Монти главнокомандующим сухопутными войсками союзников при содействии некоторых английских газет находило себе все больше сторонников. Правда, генерал Маршалл однажды уже заверил меня в том, что мы никогда не будем поставлены под английское командование, но, тем не менее, я счел необходимым отчетливо изложить Айку свою позицию по этому вопросу. Однако стоило мне только начать, как Эйзенхауэр нетерпеливо перебил меня, заверив, что этого не случится.

— И все же я хочу вам сказать, — продолжал я, — что после всего происшедшего я не могу служить под командованием Монтгомери. Если он будет назначен главнокомандующим всеми сухопутными войсками союзников, тогда вы можете отправить меня домой, ибо, если Монтгомери будет стоять надо мной, я потеряю доверие своих подчиненных.

Айк побагровел. Он выпрямился на стуле и косо посмотрел на меня.

— Ну вот, — протянул он. — А я то думал, что вы человек, на которого я могу полностью рассчитывать и который выполнит все, что я попрошу.

Вы можете, Аик, — сказал я. — Я с удовольствием вспоминаю каждый день моей службы с вами. Но есть один вопрос, в котором я идти на уступки не могу.

За несколько дней до этого я сообщил Паттону, что, если 12-я группа армий будет подчинена Монтгомери, я подам рапорт с просьбой освободить меня от должности.

Джордж крепко схватил меня за руку.

— Если вы уйдете, Брэд, — сказал он, — то я уйду вместе с вами.

В то время я органически не мог подчиняться Монтгомери. Мы не только были не менее компетентны, чем англичане, в полководческом искусстве, но имели на европейском театре пятьдесят дивизий, а англичане только пятнадцать. Я считал, что такой численный перевес давал нам полное право требовать, чтобы американские войска сражались под американским командованием.

По вопросу о главнокомандующем сухопутными войсками союзников Эйзенхауэр занял твердую позицию, и английская пресса пошла на попятный. В конце концов на долю Черчилля выпала миссия внести успокоение. В речи в палате общин 18 января он сказал:

«Считалось, что ужасная битва, начавшаяся 16 декабря на американском фронте, является англо-американской битвой. Однако в действительности войска Соединенных Штатов вынесли почти всю тяжесть боев, и на их долю приходится почти все потери. Потери американцев почти равны потерям обеих сторон в битве под Геттисбергом... Американцев участвовало в Арденнах в тридцать-сорок раз больше, чем англичан, потери американцев в людях в шестьдесят-восемьдесят раз превысили наши потери. На эту сторону дела я хотел бы обратить внимание.

Следует соблюдать осторожность в рассказах о подвигах наших войск и не присваивать английским армиям чужие заслуги. Битва в Арденнах, несомненно, была величайшим американским сражением в этой войне, и, по моему мнению, она останется в истории как великая американская победа. Я всегда, не колеблясь, выступал в защиту наших солдат, когда к их подвигам относились с холодным безразличием, пренебрегали ими или пытались умалить их славу, как это иногда бывало, но мы не должны забывать, что именно американские семьи в прошлом месяце получали телеграммы о гибели их близких и что для нашего дорогого и отважного союзника эти недели были неделями тяжелых и суровых испытаний...

Наши армии находятся под верховным командованием генерала Эйзенхауэра, и мы, соблюдая дисциплину, идем туда, куда нам приказывают идти. По оценке специалистов, которой я располагаю, для отражения контрудара фон Рундштедта были приняты решительные, разумные и правильные с военной точки зрения меры. В нашем фронте была пробита брешь, но фронт протяжением в сотни километров всегда можно где-нибудь прорвать. Генерал Эйзенхауэр сразу же поручил командование войсками севернее участка прорыва фельдмаршалу Монтгомери, а южнее — генералу Омару Брэдли. Кроме того, были проведены и другие мероприятия, которые оказались вполне своевременными и правильными.

Судя по результатам, эти опытные полководцы умело руководили весьма крупными силами, находившимися в их распоряжении, и, мне кажется, без преувеличения можно сказать, что их действия будут служить хорошим примером для будущих офицеров, которым придется изучать военное искусство.

Фельдмаршал Монтгомери, действуя с чрезвычайной быстротой, сосредоточил мощные английские резервы на решающих стратегических направлениях. Будучи назначен генералом Эйзенхауэром командующим американскими силами, превышавшими по размеру войска, доверенные ему английским и канадским правительствами, и даже превышавшими те силы, которые входили в состав его 21-й группы армий, он непрерывно наносил противнику удары, ведя бои на северной стороне арденнского выступа. 1-я американская армия, входившая в состав группы армий под командованием генерала Брэдли, была отрезана прорвавшимся противником.

Она была немедленно и весьма эффективно усилена войсками армии генерала Паттона из района Меца. Сам Паттон ринулся на вторгнувшиеся немецкие войска со стороны Бастони. Но все планы командующих не были бы осуществлены, если бы не отважные действия наших войск. Генерал Омар Брэдли командовал американскими войсками, фельдмаршал Монтгомери-английскими. Все эти войска сражались отлично, и генерал Эйзенхауэр умело руководил действиями обоих командующих и предоставлял им все возможности полностью использовать свои силы и проявить полководческое искусство.

Пусть никто не поддается на ухищрения сплетников, когда вопросы, имеющие первостепенное значение, успешно решаются мечом».

22. Форсирование Рейна

Мы остановили противника, прежде чем ему удалось достигнуть Мааса. Теперь он мог либо отказаться от своего зимнего наступления, либо попытаться сохранить выступ с тем, чтобы замедлить наше наступление.

Фельдмаршал Модель постарался позабыть боевой клич «На Антверпен!», которым он пытался сплотить свои войска при наступлении всего лишь две недели тому назад. «Нам удалось, — писал он в своем новогоднем обращении к войскам, пытаясь найти хоть какое-нибудь оправдание битве за Арденны, — расстроить запланированное противником наступление на нашу родину». Однако это было слишком малоубедительное алиби, оно не могло оправдать потери, понесенные немцами в неудачном наступлении в Арденнах, «Расстроить» наши планы и заставить нас отсрочить наступление, в лучшем случае на несколько недель, противнику удалось только ценою потери наступательной мощи двадцати четырех дивизий.

Быстрый отход с арденнского выступа все еще мог сберечь немцам резервы, достаточные для обороны рубежа по реке Рейн. Однако вместо того, чтобы бросить территорию, захваченную в Арденнах, и занять линию Зигфрида, немецкое командование решило, что оно сможет нас задержать. Линия Зигфрида на всем протяжении западного фронта оставалась еще нетронутой, за исключением одного нашего вклинения шириной 65 километров поблизости от Ахена. Простой здравый смысл требовал, чтобы противник занял линию Зигфрида минимальным количеством войск и собрал резервы для последующей обороны рубежа по реке Рейн. Однако здравая военная оценка обстановки была отброшена в сторону в угоду фанатическим притязаниям Гитлера, который требовал оборонять каждый дюйм священной земли рейха, не считаясь с тем, что такая тактика могла оказаться пустым фанфаронством.

В результате противник отказался от Рейна, этого наиболее надежного оборонительного рубежа во всей Западной Европе, с тем, чтобы безрассудно бороться до конца западнее этой реки. Его стремление еще на несколько недель задержать нас в Арденнах привело к крушению всего западного фронта.

Как только немцы окопались на арденнском выступе и перешли к обороне, леса, горы, снег, размытые дороги, которые помогали нам сдерживать наступление противника, теперь обратились против нас. Однако вновь обретенная нами инициатива превосходила те преимущества, которые погода и местность давали противнику. Эти две недели в Арденнах были для меня единственным опытом ведения оборонительной войны, и я очень обрадовался, когда, наконец, мы снова перешли в наступление.

В общем Рундштедт удерживал инициативу в течение всего лишь, одиннадцати дней, слишком непродолжительное удовольствие, если учесть, каких жертв оно ему стоило. Теперь, когда мечта об Антверпене поблекла и надежды остановить союзников рассеялись, боевой дух немцев резко упал и противник уныло двинулся по привычной для него дороге отступления. Отныне для него уже не было возврата к наступлению.

Недостаточная сеть дорог в Арденнах заставила противника ограничиться перевозкой только боеприпасов и горючего, чтобы обеспечить прорвавшиеся немецкие танки. Войскам было приказано самим раздобывать себе пищу, пока они не дойдут до Антверпена, где ждали разграбления накопленные союзниками сказочные запасы военных материалов. Однако редконаселенные Арденны не позволяли развернуться немецким фуражирам, а на передовых полевых складах американских войск удалось захватить только 40 тыс. рационов. Сначала Сен-Вит, затем Бастонь, наконец холод и голод. Это была горькая пища для солдат, которым обещали победу и обильные американские запасы. Раздраженный военнопленный из 6-й танковой армии

СС сердито зарычал, услышав на допросе имя своего командующего армией.

— Зепп Дитрих, — резко сказал он, — из него не выйдет даже мясник.

Дитрих поступил на военную службу в 1914 г., до этого он был учеником мясника. Он присоединился к Гитлеру в 1923 г., а через пять лет вступил в национал-социалистскую партию. В 1932 г. ему было присвоено звание бригадного генерала в войсках СС и он стал командиром телохранителей Гитлера.

В противоположность противнику, боевой дух которого был подорван, наши войска рвались в бой, несмотря на все доставшиеся им удары. Когда 5-й батальон «Рейнджерс», нуждаясь в 50 солдатах, обратился к тыловым частям 1-й армии с призывом выделить добровольцев, на него обрушился целый водопад заявлений. Добровольцев набралось около тысячи человек.

16 января армии Ходжеса и Паттона соединились на вымощенных булыжником улицах Уффализа, хотя не прошло и месяца с того дня, когда в этот небольшой городок вступили колонны фон Рундштедта. В моей памяти сохранилось это сонное местечко на склоне возвышенности в 16 километрах от Бастони, через которое проходила асфальтированная дорога на Льеж. Внизу в овраге гудел лесопильный завод, на котором распиливались высокие прямые стволы арденнских сосен. По обе стороны от Льежского шоссе выстроились два параллельных ряда каменных коттеджей, которые только в одном месте пересекала дорога, идущая с запада на восток. Чтобы лишить противника возможности использовать эту дорогу, наши тяжелые бомбардировщики разрушили городок. Бульдозеры, расчищая Паттону путь на север на соединение с 1-й армией, сваливали закопченные камни развалин Уффализа в воронки, образовавшиеся в результате налетов союзной авиации. Простой, бедный и скромный городок никому не мешал жить. Он был разрушен только потому, что расположился на одном из малопримечательных скрещений дорог. Это скрещение дорог превратило Уффализ в цель, имеющую большее стратегическое значение, чем любой город, в 50 раз превосходящий его по размерам.

Вечером 17 января 1-я армия снова вошла в состав 12-й группы армий. Однако 9-я армия осталась в подчинении Монти, так как Эйзенхауэр обещал английскому фельдмаршалу оставить ему эту армию для участия в наступлении на Рейнскую область. Я умолял Эйзенхауэра вернуть мне 9-ю армию хотя бы всего лишь на 24 часа. Это позволило бы нам завершить весь цикл и после ликвидации арденнского выступления снова собрать все американские соединения под американским командованием. Но Аик ответил, что он и без того уже совершенно выдохся в борьбе с англичанами, требующими назначить Монти главнокомандующим сухопутными войсками. Он сказал, что не собирается снова вступать с англичанами в пререкания только для того, чтобы успокоить уязвленное самолюбие американцев, что 9-я армия останется в составе 21-й группы армий до тех пор, пока мы не форсируем Рейн.

Симпсон, узнав о решении Айка, позвонил мне по телефону из Маастрихта.

— Слушайте, Брэд, — смеясь, говорил он, — что вы можете предпринять для нашего спасения? Если так и дальше пойдет, то англичане подумают, что нас отдали им вместе с товарами по ленд-лизу.

— Мы ничего не можем сделать, — ответил я. — Аик уже дал слово. Вы лучше позаботились бы о чистоте своего английского произношения. Оно вам еще понадобится на некоторое время.

Контрнаступление противника как стратегическая операция закончилось полным провалом. Немцы не только не достигли своих конечных целей за Маасом, но и заплатили чрезвычайно дорого за задержку нашего зимнего наступления. По данным нашей разведки, потери противника за месяц боевых действий превысили 250 тыс. человек, в том числе свыше 36 тыс. пленных. Более 600 немецких танков и самоходных орудий осталось ржаветь в

арденнских лесах.

Даже немецкая авиация разделила поражение Рундштедта, сделав единственную и последнюю попытку поддержать действия наземных войск. 1 января Геринг организовал самый мощный удар с воздуха за все время кампании в Европе. Сначала немецкие истребители захватили врасплох и уничтожили на бельгийских аэродромах более 125 самолетов союзников. Но истребители союзников, которые стаями поднялись в этот день в воздух, до конца дня уничтожили, по словам летчиков, 200 немецких самолетов.

В то время, когда противник выводил из Арденн жалкие остатки своих последних резервов на западе, на центральном участке советского фронта Красная Армия снова перешла в наступление. Оно началось 12 января сокрушительной артиллерийской подготовкой. Пять дней спустя, 17 января, советские войска вступили в Варшаву, до основания разрушенную немцами в отместку за восстание генерала Бур-Комаровского, начавшееся 1 августа. За 63 дня восстания больше 250 тыс. поляков поднялось на борьбу с немцами в Варшаве, а войска Красной Армии спокойно ждали в варшавском предместье; Праге, всего лишь в нескольких километрах восточнее.^[49] 22 января советские войска пересекли границу Силезии и на следующий день вышли на реку Одер. Гитлер поспешно собрал все, что осталось от 6-й танковой армии СС генерала Дитриха, и срочно перебросил эти остатки по железной дороге в Венгрию, где создалась непосредственная угроза прорыва немецкого фронта. Однако если в наших разведывательных сводках армия Зеппа Дитриха значилась как танковая армия в составе пяти дивизий, то теперь от этой грозной силы осталась одна лишь тень. Последние немецкие резервы, которые могли бы задержать натиск русских дивизий, были израсходованы в Арденнах. Неудача Гитлера в Арденнах не только ускорила поражение немцев на западном фронте, но и приблизила крах гитлеровской армии на восточном фронте.

Подрыв морального духа немецкого народа в результате сокрушительного поражения в Арденнах оказался важнее, чем его стратегическое влияние на новое русское наступление. Во-первых, «секретное» оружие, на которое немцы давно уже возлагали надежды, оказалось не в состоянии изменить ход войны, теперь они уже не могли больше надеяться и на молниеносный удар. Правда, немецкий народ, если не считать самых закоренелых, фанатичных нацистов, давно уже потерял веру в победу, однако до арденнских боев многие считали, что, если Германии удастся добиться стабильности на западном фронте, она сможет заставить союзников пойти на сепаратный мир. Это позволило бы вермахту бросить все свои последние резервы против Советов. Как ни слаба была эта надежда, однако теперь и она исчезла. Сознывая, что их дни уже сочтены, немцы в отчаянии пытались свыкнуться с ошеломляющей мыслью о неизбежности трагического конца. Еще совсем недавно, вступая в Ахен и Дюрен, наши войска находили вымершие города, брошенные населением; теперь на всем пути к Эльбе мы шествовали под аркой из белых флагов. В отличие от Гитлера немцы стали удивительно благоразумными, и голос рассудка заставлял их вывешивать простыни из окон в знак своей готовности капитулировать.

В конце января, когда противник отдал последний клочок арденнского выступа и отошел на линию Зигфрида, еще девять немецких дивизий были переброшены на русский фронт. Но даже и после этого у Рундштедта оставалось 80 дивизий против наших семидесяти одной.^[50] Многие немецкие соединения понесли большие потери, были плохо обучены и не укомплектованы. Но все эти недостатки в значительной степени компенсировались укреплениями линии Зигфрида. За исключением небольшого участка протяжением 65 километров, на котором мы прорвались к реке Рур, этот мощный оборонительный рубеж оставался нетронутым от Арнема до швейцарской границы. Два месяца спустя, во время завтрака с Черчиллем в штабе Эйзенхауэра в Реймсе, в доме короля шампанских вин, Айку и мне пришлось доказывать трудность

преодоления линии Зигфрида. Ибо в отличие от французов, которые просчитались со своей линией Мажино, немцы умели извлекать выгоду из капиталовложений в бетон.

Немногие американцы в то время понимали, какие крупные силы немецких сухопутных войск все еще противостоят нам на западном фронте. Несмотря на урок, полученный нами в Арденнах, мы сохранили сентябрьские иллюзии. Нам казалось, что мы разгромили остатки немецкой армии. Когда в январе нас посетила делегация комитета по военному производству, мне был задан вопрос, не приведет ли арденнское наступление немцев к затяжке войны. Я ответил, что нет, разве что в умах некоторых людей.

— Арденнское наступление могло удивить только тех, кто думал, что мы окончательно разгромили немцев в сентябре, — объяснил я. — Будет хорошо, если Арденны убедят этих людей хотя бы в том, что немец может еще довольно сильно лягнуть нас.

Потери американских войск за месяц боевых действий составляли примерно одну четвертую часть тех потерь, которые, по нашим данным, понесли немцы. Мы потеряли в боях 59 тыс. человек, в том числе 6,7 тыс. убитыми и 33,4 тыс. ранеными. Остальные 18,9 тыс. человек числились пропавшими без вести, хотя и предполагалось, что большая часть из них попала в окружение во время немецкого прорыва и взята в плен. В основном это были солдаты частей 106-й и 28-й дивизий, большинство из них в конце войны было освобождено войсками союзников из лагерей военнопленных.

Когда военное министерство объявило, что боевые потери за месяц немецкого наступления в Арденнах превысили потери за любой предыдущий месяц, оно не сочло нужным добавить, что в арденнском сражении участвовало гораздо большее число дивизий. В течение месяца, предшествовавшего немецкому прорыву, наши потери выражались в 46,8 тыс. человек, а в боях участвовало не свыше 17 дивизий. 17 января мы бросили в сражение 27 американских дивизий. Это почти в четыре раза превышало число американских дивизий, сражавшихся тогда в Италии, и превышало также общее количество американских дивизий, участвовавших на тихоокеанском театре военных действий.

Но если наши потери были велики, то потери противника оказались гораздо значительнее. Более того, наши потери оказались менее, чем в том случае, если бы немцы нанесли нам удар на равнинах Кёльна или если бы они ввели в сражение свои резервы тогда, когда мы подошли к Рейну. Преследуя отходящие американские войска в Арденнах, противник попадал под наш огонь. Особенно губительным был огонь наших снарядов с радиовзрывателями, которые разрывались в воздухе. Солдатам 4-й дивизии, все еще не забывшим потери, понесенные в Гюртгенском лесу, такая перемена ролей доставила немалое удовольствие.

— Было время, и на наших солдат сыпался град осколков, пока гансы отлеживались в своих норах, — объяснил полковник Чарльз Т. Ланхэм, недостаточно подтянутый, но хорошо подготовленный офицер — поэт, командовавший 22-м пехотным полком. — В Арденнах мы просто сидели в окопах на консервных банках и били по гансам, как только они приближались к нам. Я не знаю, как было на других участках, но на нашем немцы дрались хорошо. Мы убедились, что они храбрые солдаты.

* * *

К концу января мы ликвидировали Арденнский выступ и подошли к линии Зигфрида. 1-я армия была сосредоточена на узком фронте между Гюртгенским лесом и Сен-Витом, в то время как 9-я армия расположилась левее, заняв часть участка Ходжеса на реке Рур. Паттон стянул основные силы 3-й армии к полосе укреплений противника, проходящих вдоль границы

Люксембурга до Мозеля. Фронт третьего корпуса Паттона простирался на 50 километров южнее Мозеля и в окрестностях Саар-Лаутерна примыкал к фронту группы армий Деверса. Из 47 американских дивизий, действовавших на западном фронте, 21 дивизия была стиснута на узком участке между Гюртгенским лесом и Мозелем.

Я хотел, не снижая темпов наступления, прорваться через линию Зигфрида, преодолеть массив Эйфель и пробить проход к Бонну на Рейне (схема 45). Несмотря на то, что на этом направлении была пересеченная местность, оно давало два больших преимущества:

1. Нанося удар по прямой линии на Бонн, мы могли избавиться от потери времени, неизбежно связанной с перегруппировкой сил необходимой для организации наступления на любом другом участке.

2. Путь через Эйфель позволял нам обойти с юга плотины на реке Рур и достигнуть Рейна, не вступая в затяжные бои за овладение плотинами. Мы уже понесли потери в двух предыдущих наступлениях в районе плотин, и я хотел избежать третьего.

Однако Монтгомери не замедлил внести в наши планы свои коррективы. В первых числах ноября, когда мы начали зимнее наступление, Эйзенхауэр пообещал, что в том случае, если 1-я и 9-я армии к концу года не выйдут на оперативный простор, он выведет 9-ю армию из состава 12-й группы армий и передаст ее Монти для наступления севернее реки Рур. Теперь Монти поймал Эйзенхауэра на слове и, ссылаясь на готовящееся наступление английских войск, воспротивился моему предложению направить 1-ю армию через Эйфель. Он настаивал, чтобы Ходжеса вернули на позиции на реке Рур, которые он занимал до начала арденнского сражения. С этого рубежа Ходжес должен был наступать на плотины с задачей обеспечить Симпсону форсирование Рура. Овладев плотинами, 1-я армия переправлялась через Рур и прикрывала правый фланг 9-й армии Симпсона,двигающейся к Рейну.

У Эйзенхауэра не было выбора, и он вынужден был уступить требованиям Монти. Мы не только не вышли на рубеж, который должны были занять до 1 января, но наше продвижение к Эйфелю было замедлено снежными заносами толщиной до двух метров. Кроме того, наши первые удары по линии Зигфрида не дали никаких результатов. Только в районе Ахена в верховьях Рура эта линия была уже прорвана. В результате 4 февраля главное командование союзников отдало приказ 12-й группе армий прекратить наступление в Эйфеле и перебросить 1-ю армию на север, на те же позиции по реке Рур, которые она занимала в декабре.

Хотя мне совсем не улыбалась перспектива наступать в направлении на плотины, тем не менее я не мог не признать, что Айк был прав в своем решении. Переключив 1-ю армию на северное направление, мы могли объединить свои силы с англичанами и нанести согласованный удар непосредственно южнее Рурского бассейна в направлении на Рейн.

Наступление Красной Армии лишило Германию промышленных районов Силезии, и противник, более чем когда либо, зависел от Рурского бассейна. В Руре немцы успешно восстанавливали разрушения, причиненные бомбардировщиками союзников, и, показывая чудеса инициативы и находчивости, даже достигли небывалого уровня производства танков и самолетов. Если бы Монти удалось пробиться к Рейну, он не только лишил бы противника возможности использовать эту важную водную артерию, но и смог бы без особых затруднений вести артиллерийский огонь по заводам, которыми была густо усеяна пятнадцатикилометровая полоса местности на восточном берегу Рейна.

Поскольку наступление 1-й армии должно было предшествовать общему наступлению Монти, Эйзенхауэр предложил мне перенести командный пункт оперативной группы штаба из Люксембурга на север в Намюр, старинный город-крепость, расположенный в излучине Мааса в 100 километрах западнее германской границы. В Люксембурге я был в десяти минутах езды от командного пункта Паттона и двух часах езды от Ходжеса. Хотя Намюр находился только в

полутора часах езды от командного штаба 1-й армии, зато от штаба 3-й армии в Люксембурге до него нужно было добираться целых три часа. Я протестовал, но Айк настаивал на переносе моего командного пункта, так как он был заинтересован в том, чтобы мы находились поближе к командному пункту Монти в Голландии.

В течение двух месяцев мы квартировали в живописном замке Шато-де-Намюр, из окон которого открывался вид на маасские утесы. За это время я видел Монти только три раза. Мы часто разговаривали по телефону, за исключением периодов, когда мы стремительно двигались по Франции, и поэтому могли прекрасно обойтись и без личных встреч.

Только в конце января, когда к нам в Люксембург пришли американские газеты, мы увидели, в каком истерическом тоне давало главное командование информацию прессе в период арденнских боев. Начиная с сентября, Хансен просил меня создать пресс-лагерь при оперативной группе штаба, но я неизменно отклонял это предложение. Я не считал целесообразным организовывать пресс-конференции на полпути между штабами армий, где имелись корреспонденты, и главным командованием союзников, которое организовывало пресс-конференции в масштабе театра военных действий.

В то же время Монтгомери не разбросал своих корреспондентов по армиям, как это сделали мы, а сосредоточил их при штабе 21-й группы армий. В результате у англичан на пресс-конференциях результаты действий канадской и английской армий сообщались корреспондентам в обобщенном виде. Ценность информации, поступавшей в американскую печать, снижалась вследствие неумения корреспондентов, прикомандированных к армиям, понять взаимозависимость боевых действий различных армий и представить себе общую картину обстановки. При этом штабы армий часто дезориентировали корреспондентов, так как каждый штаб был пропитан местным патриотизмом и ревниво относился к успехам своих соседей. Насколько мне известно, на пресс-конференции в верховном штабе экспедиционных сил союзников в Париже корреспонденты получали весьма скудные и отрывочные сведения. В результате подчиненные единому плану действия нашей группы армий в ноябрьском и декабрьском наступлениях на страницах американских газет превратились в две не связанные между собой кампании.

Я не забыл печального опыта арденнских боев, когда в газеты проникли неправильные сведения, в которых преувеличивалась опасность нашего положения. Желая избежать повторения подобных случаев в дальнейшем, я пересмотрел свою точку зрения относительно организации пресс-лагеря при оперативной группе штаба. Я сообщил в верховный штаб о своем намерении создать такой лагерь в Намюре. Через несколько дней нас посетил Эйзенхауэр, которому мое предложение показалось подозрительным. Он поднял этот вопрос только поздно вечером, после партии в бридж, которую мы играли урывками. Я думал, что капитан 2 ранга Гарри Батчер из резерва военно-морских сил, вероятно, заронил зерно сомнения в душу своего патрона, иначе Эйзенхауэр никогда бы не усомнился в искренности наших намерений. Будучи начальником пресс-бюро у Эйзенхауэра, Батчер явно опасался, как бы мы не попытались использовать печать в наших спорах с Монти или, что еще хуже, не стали бы подменять главное командование союзников в информационной печати. Я заверил Айку, что мы хотим только помочь корреспондентам объективно освещать военные события и для этого собираемся организовать в оперативной группе штаба ежедневную пресс-конференцию с кратким изложением общей обстановки. Эйзенхауэр был удовлетворен моими объяснениями и дал свое согласие.

— По правде говоря, — объяснил Айк, — меня несколько не пугало арденнское наступление немцев до тех пор, пока я не прочитал о нем в американской газете.

По плану наступление Монтгомери в Рейнланд-Пфальце должно было состоять из двух последовательных этапов. Предполагали, что на первом этапе канадская армия Монти будет наступать на юг из Неймегена по равнине между Маасом и Рейном. Считали, что канадцы выйдут в тыл линии Зигфрида там, где ее укрепления обращены к Маасу, и отрежут гарнизоны противника перед 2-й английской армией. Как только канадцы начнут развивать успех, Симпсон должен был нанести удар через реку Рур и наступать на северо-восток к Рейну, протекающему мимо Рурского бассейна. С выходом на Рейн он получал возможность вести артиллерийский огонь по заводам Рура до тех пор, пока Монтгомери не соберется с силами и не форсирует Рейн.

Пока Симпсон наступал к Дюссельдорфу, мы должны были прикрывать его правый фланг силами 1-й армии Ходжеса. В задачи Ходжеса, стоявшего на реке Рур, входило сначала занять высоты между реками Эрфтом и Рейном, а затем прикрывать Симпсона до тех пор, пока 9-я армия не выйдет на западный берег Рейна напротив Дюссельдорфа. После того как 9-я армия прочно закрепится на достигнутом рубеже, 1-я армия должна была возобновить наступление на юг по направлению к Кёльну. Овладев этим городом, знаменитым своими соборами, 1-я армия двигалась дальше на юг по берегу Рейна и отрезала немецкие войска западнее Рейна. Приток пополнений все еще не был достаточным для того, чтобы я мог перейти в наступление силами всех трех армий, поэтому Паттон получил приказ закрепиться на занимаемых им позициях.

8 февраля началось наступление союзников, которое через 30 дней должно было закончиться уничтожением немецких войск западнее Рейна. 1-я канадская армия ринулась из Неймегена. Пока армия Симпсона выжидала боевой готовности на реке Рур, Ходжес приказал Хюбнеру овладеть плотинами и закрепиться на этом речном рубеже. К 10 февраля 5-й корпус захватил плотины на реке Рур и загнал немцев в густые леса к востоку от реки.

Но, прежде чем оставить плотины, немцы взорвали шлюзы. Мутные потоки воды хлынули в долину реки, река разлилась, вода поднялась над затопленными берегами почти на метр. Неожиданно наступившая оттепель вызвала таяние массы снега в горах Эйфеля, и вскоре десятки бурных потоков воды хлынули в разлившуюся реку. Командиры дивизий 1-й и 9-й армий, вытянувшись по берегу Рура, с опаской смотрели на мутный и бурный поток и молили бога, чтобы командующий группой армий отложил наступление до тех пор, пока не кончится наводнение. Опасаясь, как бы форсирование реки не закончилось неудачей, обе армии решили подождать до спада воды.

Но теперь наши намерения были совершенно очевидны, и я опасался, как бы противник не усилил свой фронт на этом участке войсками, переброшенными из Эйфеля, где Паттон получил указание сидеть в обороне. Там Джордж прощупывал линию Зигфрида разведками боем. Он делал это не в порядке подготовки к крупному наступлению, а просто потому, что не мог сидеть спокойно. Для 3-й армии оборона была наиболее нежелательным видом боевых действий. Теперь, получив согласие Эйзенхауэра, я приказал Паттону начать наступление на Эйфель. Это наступление должно было проводиться силами, достаточными для того, чтобы сковать противника на этом участке и не позволить ему перебросить часть своих соединений на реку Рур. Однако силы, участвующие в наступлении, должны были быть не настолько велики, чтобы вызвать возражения Монти. Пополнение частей, участвующих в этой операции с ограниченной целью, можно было осуществить за счет 1-й и 9-й армий, пока топтавшихся на реке Рур.

Паттону предстояло прорвать укрепления линии Зигфрида и севернее Мозеля не спеша выйти на реку Килль — горный поток, протекавший по территории Германии параллельно границе с Люксембургом, примерно в 20 километрах от границы. Здесь Паттон должен был

создать плацдарм на восточном берегу реки для будущего наступления крупными силами к Рейну. Но это наступление должно было начаться не раньше, чем Монти прочно закрепится на западном берегу Рейна напротив заводов Рура.

Паттон, пытаясь замаскировать нарушение письменных приказов главного командования союзников, предписавших ему придерживаться оборонительной тактики, назвал действия 3-й армии в Эйфеле «активной обороной». Офицеры его штаба наивно верили, что они обманывают штаб Айка в Версале. Более того, ходили слухи, что якобы и я участвую вместе с Паттоном в заговоре. Однако мое неподчинение приказам главного командования было чисто притворным, так как Эйзенхауэр был согласен с нашим планом, хотя ни штаб Паттона, ни мой штаб об этом не знали.

Несмотря на возражения Монтгомери, Эйзенхауэр разделял мое мнение. Он также считал, что, прежде чем произвести попытку форсировать Рейн крупными силами, необходимо выйти на западный берег этой реки на всем протяжении фронта союзников. Хотя Аик все еще не отверг наш план форсирования Рейна в районе Франкфурта и охвата Рура с обеих сторон, тем не менее в верховном штабе союзников было распространено мнение, что Монти в состязании со мной занимает более выгодную беговую дорожку. Но даже если бы Монти добился своего и настоял на наступлении на одном направлении восточнее Рейна, моя точка зрения о необходимости выйти к Рейну на широком фронте оставалась в силе. Ибо, если бы нам и пришлось сосредоточить основные силы на севере, удерживая небольшими силами остальной участок фронта до швейцарской границы, все равно мы должны были занять такой рубеж, на котором противник не мог бы нанести нам упреждающий удар и, таким образом, сорвать наши планы. Для этого, доказывал я, лучшего рубежа, чем Рейн, не найти. Аик согласился со мной, он также считал совершенно необходимым очистить от немцев весь западный берег Рейна, прежде чем приступить к его форсированию.

Не менее заманчивой была представившаяся нам возможность уничтожить немецкие войска в Рейнланд-Пфальце. К февралю западнее Рейна действовали 85 немецких дивизий. Если бы нам удалось окружить и уничтожить эту группировку, у противника не осталось бы сил для организации устойчивой обороны на восточном берегу Рейна. Нашей важнейшей задачей было не взятие Берлина или какого-нибудь другого города, а уничтожение германской армии. Ибо, как только силы вермахта были бы разгромлены, для нас не представляло бы особых затруднений овладеть другими объектами противника.

* * *

Ожидая, пока Рур снова войдет в берега, я нетерпеливо мерил шагами коридоры дворца в стиле барокко, в котором разместился наш командный пункт в Намюре. Моей рабочей комнатой была богато украшенная гостиная губернатора провинции. На стене, покрытой фресковой живописью, между двумя группами улыбающихся херувимов была повешена огромная семиметровая карта обстановки. Хрустальный канделябр висел над моим рабочим столом, а когда я расхаживал около карты, великолепный восточный ковер заглушал мои шаги. В городе Намюр до нашего прихода размещался штаб передового участка зоны коммуникаций. Этот штаб с готовностью поступился своими правами на город и уступил свое место оперативной группе моего штаба.

«Игл ТАК»? — говорили офицеры зоны коммуникаций, когда мы заняли город, пользуясь своим привилегированным положением вышестоящего штаба. — Вас надо было бы назвать «Игл тук».^[51]

Мне уже приходилось раньше бывать в Намюре. Однажды, возвращаясь в Люксембург из штаба 1-й армии, я провел вечер в отеле «Харскемп», в котором размещался штаб передового участка зоны коммуникаций. Я хорошо запомнил название этого отеля. Было уже темно, и мы остановились посреди улицы, чтобы расспросить какого-то солдата, как проехать к отелю «Харскемп».

— Харскемп?^[52] — солдат растерялся, но вдруг его осенила догадка. — А что, они в самом деле организовали здесь такой лагерь?

Холодная зима 1944 г. причинила бельгийским жителям Намюра немало неприятностей. Бельгийское правительство, которое следовало по пятам за армиями-освободительницами, немедленно провело денежную реформу, чтобы избавить от обесцененных бумажных денег, выпуском которых противник подрывал благосостояние нации и обогащал своих спекулянтов. Одновременно был установлен контроль над ценами и заработной платой. В течение года эта твердая позиция, занятая министром финансов Камиллом Гюттом, принесла свои плоды. В то время как все остальные государства Европы бились в тисках экономического хаоса, Бельгия стояла уже на пути к возрождению.

Прошла неделя, но уровень воды в Руре не понижался, и мы решили подождать еще одну неделю. Тем временем появились признаки накапливания противником сил перед фронтом 9-й армии. Вскоре нам пришлось выбирать одно из двух: или перейти в наступление в условиях половодья, или подвергать себя риску столкнуться с сильным сопротивлением противника. В то время я болезненно переживал всякую задержку, так как каждый прошедший день усиливал ложное впечатление, что противник потрепал нас в Арденнах сильнее, чем было на самом деле.

В стратегическом отношении отсрочка вела к потере удобного момента для наступления: Красная Армия, наконец, перешла в успешное наступление после трехмесячного перерыва, который продолжался во время нашей битвы в Арденнах. Если бы мы только могли согласовать наше наступление с ударом советских войск, то лишили бы противника возможности маневрировать своими резервами между восточным и западным фронтами. Хотя генерал Булл, начальник оперативного отдела верховного штаба экспедиционных сил союзников, еще в январе вернулся из Москвы с радостным известием о предстоящем советском наступлении, тем не менее Эйзенхауэр сомневался, чтобы русским удалось в ходе зимнего наступления выйти на западный берег Одера. Все же отчет Булла внушал веру, что советские войска, перейдя в наступление, ослабят сопротивление немцев на западном фронте. Но эти надежды не сбылись: если немцы и ослабили свою оборону на западе, то наши фронтовые войска этого не заметили.^[53]

Все сведения о Красной Армии мы продолжали получать из передач Би-Би-Си, однако в конце февраля мы имели возможность в течение одного дня общаться с советскими дипломатами. Однажды советский посол во Франции приехал к нам в Намюр для того, чтобы вручить русские ордена за операцию «Оверлорд». После официальной церемонии во дворце губернатора провинции посол г-н Александр Богомолов, чиновничьего вида человек, провел вечер с нами в Шато-де-Намюр. На следующее утро я пригласил его на секретное совещание в штабе. Мы ознакомили советского посла с диспозицией наших войск и планом завершения кампании в Рейн-ланд-Пфальце. Возвращаясь в Париж вместе с полковником А. Дрекселом Бидллом из верховного штаба экспедиционных сил союзников, Богомолов с восхищением отзывался об оказанном ему приеме, подчеркивая, что мы не скрывали от него никаких секретов, и обещал сообщить о нашем гостеприимстве маршалу Сталину. Однако эти похвалы не помешали мне пять лет спустя занять почетное место в списке англо-американских поджигателей войны, составленном советскими руководителями. Если бы я мог тогда, в 1945 г., предвидеть этот результат, то чувствовал бы себя гораздо увереннее, ибо английские и

американские газеты подняли шумиху по поводу присутствия Богомолова на нашем секретном штабном совещании. В течение нескольких дней я боялся, что мой поступок будет неправильно истолкован в Вашингтоне. Наконец Левен Аллен успокоил меня, сказав: «Не беспокойтесь, Брэд, когда федеральное бюро расследований начнет проверку, мы не дадим вас в обиду».

В 10 часов утра в четверг 22 февраля было принято решение форсировать реку Рур на следующее утро на рассвете. Река все еще не вошла в берега, но мы уже не могли больше откладывать. Прошло 22 дня с тех пор, как Эйзенхауэр перенес направление нашего главного удара. Теперь мы наступали не на Эйфель, а в направлении на реку Рур. Если бы нам разрешили наступать через Эйфель, мы бы уже далеко продвинулись вперед по пути к Рейну. Каждый новый день задержки позволял противнику подтянуть силы, и становилось ясно, что дальнейшее укрепление обороны немцами на этом участке может сорвать весь наш замысел. Даже и теперь я опасался, что война затянется до сентября 1945 г. и что она достигнет своей высшей точки в летних боях в конце июля и в августе. Если мы хотели форсировать Рейн в конце весны, то не могли больше прохлаждаться на Руре.

Тем временем наступление канадской армии Монти вниз от Неймегена, в обход линии Зигфрида, там, где к ней был обращен фронт армии Демпси, вскоре было остановлено. За 14 дней наступательных боев канадцы продвинулись менее чем на 32 километра, преодолевая упорное сопротивление противника на местности, размытой проливными дождями и затопленной немцами. Пока Симпсон не форсировал реку Рур и не вышел в тыл оборонявшихся немецких войск, командующий канадской армией генерал Крерар не мог рассчитывать на то, что немцы ослабят сопротивление.

На участке между Дюренем и Юлихом, где мутные воды Рура текли по каменистому дну, Симпсон, готовясь к форсированию реки, сосредоточил десять дивизий, в том числе три бронетанковые. Справа от него Ходжес подтянул три корпуса, в составе которых было четырнадцать дивизий. 7-й корпус Коллинса должен был форсировать Рур 23 февраля одновременно с 9-й армией, 3-й и 5-й корпуса форсировали реку эшелонированно вслед за 7-м корпусом. Каждая дивизия должна была переправиться через Рур вслед за дивизией, находившейся на ее левом фланге, и высадиться на плацдарме, занятом последней (схема 47). Высадившись на восточном берегу Рура, дивизия передвигалась вправо и возвращалась в свою полосу наступления. Мы составили такой план наступления, чтобы позволить Ходжесу обойтись без форсирования Рура на широком фронте. Он мог переправить головную дивизию 3-го корпуса на плацдарм, занятый последней дивизией Коллинса, затем повернуть ее направо, расширяя таким образом плацдарм до тех пор, пока не будут переправлены все дивизии 3-го и 5-го корпусов. При таком методе наступления 1-я армия осуществляла глубокое вклинение в своей полосе, причем 7-й корпус прикрывал фланг 9-й армии Симпсона, которая поворачивала на Дюссельдорф на соединение с канадцами, наступающими на юг.

Мы нанесли удар в 40-километровой полосе по реке Рур от Дюрена до Линниха и к полудню навели через реку первый понтонный мост. Грузовики медленно ползли по гатям, которые были проложены в лесу на подходах к реке, и катились по узким металлическим лентам понтонного моста на резиновых плотах. После необычно суровой зимы на шесть недель раньше срока началось бурное таяние снега, наши тяжелые грузовики разбили щебеночные шоссе, проложенные в лесу. Многие километры асфальтированных шоссе с твердым покрытием утонули в грязи, и даже первоклассные шоссе превратились в непроходимые болота.

Прошло пять дней с тех пор, как мы форсировали Рур, и немецкие войска начали проявлять первые признаки усталости. 28 февраля Симпсон прорвался со своего предмостного укрепления и через три дня соединился с 2-й английской армией у Гельдерна, в то время как часть соединений его 9-й армии продвигалась по направлению к Рейну (схема 48). Коллинс наступал

к Эрфту, небольшой мутной речке между Руром и Рейном. Выйдя на Эрфт, он должен был сделать остановку перед наступлением на сильно разрушенный бомбардировками город Кёльн.

3 марта я приказал Ходжесу и Паттону начать внезапное наступление, благодаря которому за десять дней стремительного продвижения вперед мы очистили всю территорию Рейнланд-Пфальца севернее долины реки Мозель и взяли в плен 49 тыс. немцев. С этих пор противнику больше уже ни разу не удалось заштопать все прорехи на западном фронте. Быстротечная кампания западнее Рейна была проведена строго по графику, с точностью хорошо отработанного строевого приема. Она стала поучительным примером образцово выполненного маневра. Если бы меня спросили, какой кампанией за все время войны я больше всего горжусь как солдат по профессии, я, не колеблясь, указал бы на нее.

Все действия западнее Рейна предполагалось провести в два последовательных этапа, и для каждого из них штабом группы армий был разработан подробный план действий.

1. Пока Ходжес выходил к Рейну между Дюссельдорфом и Кёльном, Паттон должен был подготовиться к наступлению со своих плацдармов восточнее реки Килль.

2. После того как Симпсон выходил к Рейну, Ходжес поворачивал корпус Коллинса на Кёльн, а основными силами своей армии стремительно двигался на юго-восток и присоединялся к колоннам Паттона, прокладываям себе путь к Рейну. Что касается Паттона, то в его задачу входило наступать через гористый район Эйфеля, затем совершить бросок на Кобленц, где у места впадения Мозеля в Рейн возвышалась статуя кайзера Вильгельма I на коне.

Первый этап кампании протекал в стремительном темпе. К 5 марта 7-й корпус вышел к Рейну южнее Дюссельдорфа, а Паттон на восточном берегу реки Килль нетерпеливо ожидал сигнала к наступлению. Три бронетанковые дивизии были наготове, чтобы включиться в 80-километровый бросок 3-й армии к Рейну. Я отдал приказ армиям приступить к выполнению второго этапа кампании и на следующее утро выехал в Реймс обсудить с Айком планы на будущее. На следующий день к ленчу ожидали Черчилля, и Аик попросил меня остаться и подождать приезда британского премьера. Черчилль приехал незадолго до начала ленча, он был в форме полковника. «Мне надоело авиационное обмундирование», — сказал он, как бы объясняя причину, заставившую его сменить мундир. Он вынул из внутреннего кармана кожаный портсигар, закурил сигару и принялся за бренди с содой, не дожидаясь, пока подадут на стол. Накануне Черчилль побывал у Симпсона и теперь восторженно рассказывал о быстром продвижении 9-й армии.

Эйзенхауэр снова мог угостить нас свежими чесапикскими устрицами, которые послал ему Стив Эрли. Маршал Брук и я отказались от своей доли, Аик довольно хмыкнул и быстро разделил нашу порцию между остальными гостями, не забывая и себя.

Разговор зашел о поездке Черчилля в войска, и британский премьер рассказал об удивительных достижениях в вооружении, которых союзники добились за годы войны. Однако его восхищение новым оружием несколько омрачалось мыслью о том, что, может быть, нам придется вскоре снова его использовать.

— Нация, разбитая и разоруженная в этой мировой войне, — сказал он, — в следующей войне будет уже иметь преимущество, ибо она создаст новые виды вооружения, пока мы будем пытаться использовать старое оружие.

Даже Теддер, летчик, кивнул головой в знак согласия, услышав предсказание премьера, что недалек тот день, когда современный тяжелый бомбардировщик полностью устареет, Черчилль заявил, что реактивные снаряды со временем заменят пилотируемые самолеты.

— И тогда Британия, — добавил он, — станет огромной базой, направленной на агрессоров, которые посмеют угрожать Европе.

— Может быть, наступит такой день, — продолжал Черчилль, — когда для того, чтобы

начать войну, достаточно будет зайти в кабинет, разбить стекло над выключателем, поставить стрелку на шкале против того государства, которое нужно разбомбить, и нажать кнопку.

Я вспомнил, как президент Рузвельт восемнадцать месяцев назад намекнул, что у нас будет атомная бомба. Хотя я и горел желанием узнать, в каком состоянии находится это изобретение, но не решился спросить об этом даже Эйзенхауэра.

За ленчем Черчилль защищал свою политику в Греции, где английские Войска активно поддерживали греческое правительство против ЭЛАС (народно-освободительная армия. — Ред.), в которой преобладали коммунисты. Политика Черчилля подвергалась резким нападкам со стороны английских газет лондонской «Тайме» и «Манчестер гардиан» — и значительной части американской прессы, которая, по замечанию Черчилля, «подхватывала то, что писали эти две газеты».

— Но мы никогда, — он ударил кулаком по столу, — никогда, где бы это ни случилось, не будем сидеть сложа руки и хладнокровно смотреть, как меньшинство навязывает свою волю беспомощному большинству.

Он презрительно отозвался о возрождении коммунистической угрозы Западу и призывал нас не верить уловкам Сталина, которого он называл «дядя Джо». В то время я, подобно большинству американцев, принимал на веру легенду военного времени о советском героизме, но Черчилль издавна, еще за много лет до войны, относился враждебно к коммунистам. Он резко опровергал возражения против своей политики и сравнил себя с гигантским носорогом, у которого острый рог и толстая шкура.

— Этот рог, — сказал он, — всегда будет направлен на врага, даже если бы вся моя шкура была, как стрелами, утыкана критическими замечаниями.

* * *

6 марта, когда Ходжес повернул свою 9-ю бронетанковую дивизию на юго-восток, перебросив ее через Эрфт, Паттон вклинился в немецкую оборону за рекой Килль. На оперативной карте во дворце в Намюре, в котором размещался наш командный пункт, голубая линия фронта острым клином вытягивалась в направлении Рейна. Это 4-я бронетанковая дивизия Хью Гэффи прорвалась в направлении Кобленца. За два дня дивизия вклинилась на 56 километров в тыл противника по поросшим лесом горам Эйфель, однако ширина вклинения не превышала ширины шоссе-дороги, по которой двигались танки. Это наступление Гэффи было самым смелым и дерзким танковым ударом за всю войну на западном фронте. Тем временем левее Гэффи Паттон бросил в бой 11-ю бронетанковую дивизию, приказав ей наступать на одной линии с 4-й дивизией. 8 марта танковые колонны обеих дивизий соединились в нескольких километрах к западу от Рейна, окружив немецкие войска, оставшиеся в тылу. Теперь немцы севернее Мозеля были отрезаны от Рейна. В горах Эйфель немецкие части разбегались в смятении, пока американские танки на полном ходу мчались к Рейну, поднимая панику в немецких тылах.

Дальше на север 7-й корпус Коллинса повернул от Дюссельдорфа на юг к Кёльну, где его танки прокладывали себе путь по улицам города, превращенным в груды развалин. Старинный готический собор каким-то чудом уцелел; за двумя его шпилями воды Рейна текли мимо рухнувших в воду ферм моста Гинденбурга. Отступающие немецкие войска взорвали пролет моста длиной полтора километра, когда наши части осторожно приближались к предместьям города. Только четыре мрачные башни остались стоять над развалинами моста, как надгробный памятник.

Двигаясь от закопченного фабричного города Эйскирхена, 9-я бронетанковая дивизия генерал-майора Джона Леонарда обошла густые леса Кётхен, направляясь к реке Ар, в том месте, где этот горный поток стремительно вливается в излучину Рейна на полпути между Кёльном и Кобленцем. В 10 километрах к северу на восточном берегу Рейна, поблизости от города Ремагена, находилась группа оштукатуренных домов. В этом месте через Рейн переброшен однопутный железнодорожный мост.

К вечеру 7 марта под мелким морозящим дождем 7-я бронетанковая дивизия подошла к реке Ар. Одно из боевых командований дивизий повернуло на юг, чтобы захватить плацдарм на другом берегу горного потока, в полосе наступления 5-го корпуса. Другое боевое командование, бригадного генерала Уильяма Хога, направилось к Рейну. Теперь противник на западном берегу Рейна уже не мог оказать организованного отпора. Немецкие войска, бежавшие к Рейну, оказывались в отчаянном положении, когда их машины останавливались на дорогах из-за нехватки горючего. Когда наши танки проходили один город за другим, жители плотно закрывали ставнями окна своих домов и вывешивали белые простыни. На всем протяжении Рейна от Дюссельдорфа до Кобленца около двух десятков тяжелых мостов было взорвано подрывными командами и рухнуло в воду. Мосты в Дюссельдорфе были взорваны как раз в тот момент, когда к ним с запада подходили американские авангарды. Плацдарм на восточном берегу Рейна был нашей мечтой, но мы потеряли всякую надежду захватить хотя бы один мост неповрежденным. Я уже смирился с необходимостью форсирования реки, еще находясь в Англии.

* * *

В этот вечер я вернулся на командный пункт, когда шторы на окнах были уже закрыты. Здесь меня ожидал генерал-майор Булл, начальник оперативного отдела Эйзенхауэра. Он только что приехал из верховного штаба экспедиционных сил союзников, намереваясь «огрabitь» меня. Командование решило забрать 4 из имевшихся у меня 26 дивизий и передать их Деверсу для вторжения в Саар.

Неожиданно раздался телефонный звонок. Ходжес вызывал меня из Спа.

— Брэд, — сказал Кортни, и по его спокойному голосу нельзя было предположить, что у него хорошая новость. — Брэд, мы захватили мост.

— Мост? Вы хотите сказать, что вы захватили мост через Рейн неповрежденным?

— Да, — ответил Ходжес. — Леонард захватил мост в Ремагене, прежде чем его взорвали немцы (см. фото 8).

— Молодец, Кортни, — сказал я. — Здесь мы пробьем широкую брешь. Перебросили ли вы своих солдат на тот берег?

— Со всей быстротой, на которую мы только способны, — сказал он. — Табби с помощью моряков налаживает перевозку, а мои саперы наводят через реку пару понтонных мостов к плацдарму.

Не отрываясь от телефонной трубки, я подошел к карте, волоча за собой длинный шнур.

— Перебросьте на тот берег все, что сможете, Кортни, — сказал я, — и обеспечьте прочную оборону плацдарма. Немцу, вероятно, потребуется пара дней, чтобы собраться с силами и нанести вам удар.

Я повесил трубку, повернулся к Буллу и торжествующе хлопнул его по плечу.

— Теперь очередь за вами, Пинк. Кортни переправился через Рейн по мосту.

Булл, прищурившись, посмотрел на меня через очки без оправы. Он уселся перед картой и

пожал плечами:

— Хорошо, Брэд, вы захватили мост, но для чего он вам? Вы все равно не можете перейти в наступление у Ремагена. Ведь планом это не предусмотрено.

— К дьяволу план, — возразил я. — Мост есть мост, и он может быть чертовски полезен нам, где бы он ни был.

Булл только покачал головой. Планом предусматривалось форсирование Рейна севернее Рура крупными силами под командованием Монти. После того как все требования Монти будут удовлетворены, главное командование союзников могло согласиться и на наступление на вспомогательном направлении. В этом случае 3-я армия могла получить разрешение на форсирование Рейна между Майнцем и Карлсруэ. По существу, это форсирование Рейна на вспомогательном направлении имело важнейшее значение для операции по двухстороннему охвату Рура, которую я отстаивал с сентября прошлого года. Правда, Эйзенхауэр пока еще не принял окончательного решения ограничиться форсированием Рейна только на одном направлении, то есть силами Монти, но в верховном штабе экспедиционных сил союзников преобладало английское влияние. Большинство офицеров верховного штаба с такой благосклонностью относилось к предложению Монти, что единственный возможный план форсирования Рейна в их представлении сводился к предложенному Монти наступлению. Но хотя Булл считал желательным форсирование Рейна на юге, даже он разделял точку зрения англичан. Поэтому он был твердо убежден, что в плане не было места для моста у Ремагена.

— Чего вы, черт возьми, хотите от нас? — спросил я. — Чтобы мы отошли и взорвали мост? Булл ничего не ответил.

Я соединился с Эйзенхауэром, находившимся в Реймсе, чтобы получить подтверждение приказа, который я отдал Ходжесу. Известие о мосте привело Айку в восторг.

— Держи его, Брэд, — сказал он. — Тащи на восточный берег все, что тебе понадобится, но во что бы то ни стало закрепись там.

Мы пообедали и вечером вернулись в штаб. Мои офицеры радостно встретили сообщение о взятии моста, считая это нашей победой, но Булл не развеселился. Для него Ремаген был только досадной помехой к выполнению тщательно разработанного плана верховного штаба экспедиционных сил союзников.

— Но я не предлагаю отказаться от вашего плана, — убеждал я его. Позвольте только нам использовать этот мост для того, чтобы перебросить на восточный берег четыре-пять дивизий. Может быть, вы сможете использовать их для отвлекающего наступления. Или, может быть, мы усилим ими нашу охватывающую группировку, наступающую южнее Рура. В любом случае мы имеем готовую переправу. Мы перешли через Рейн. И теперь, когда у нас есть плацдарм, ради бога, дайте нам возможность его использовать.

— Послушайте, Брэд, вы перешли через Рейн, но куда вы пойдете дальше? Что вы будете делать на том берегу?

— Хотите, я вам покажу? — сказал я.

Я подвел Булла к географической карте Западной Германии, освещенной флюоресцирующими лампами. Севернее Рура саперы выбрали пункты, где Монти готовился форсировать Рейн крупными силами и совершить прыжок на равнины Вестфалии. 320 километров южнее, между Майнцем и Карлсруэ, Рейн течет по долине, и здесь мы выбрали пункты для форсирования, откуда предполагали начать наступление в обход Рура с юга. Между северным и южным участками форсирования Рейн протекает по скалистому ущелью, и здесь с трудом можно выбрать место для переправы на правый берег хотя бы одной дивизии.

За Ремагеном поросшие лесом высоты массива Вестервальд затрудняли продвижение на восток. Но в 40 километрах к югу от Ремагена, у Кобленца, начиналась долина реки Лан,

которая шла на восток, пересекала Вестервальд и выходила к Гисену, а через Гисен проходило направление нашего удара из Франкфурта для охвата Рура с юга. Если бы Ходжесу удалось выйти на автостраду в 10 километрах восточнее Ремагенского моста, он по ней мог бы проскочить на юг в долину реки Лан, а затем повернуть на восток к Гисену. У Гисена он соединился бы с Паттоном и вместе с ним осуществил бы охват Рура с юга.

Булл изучал карту, водя по ней пальцем. Наконец он сказал:

— Бьюсь об заклад, что ваши ребята сделали эту карту специально для меня.

— Она была закончена шесть месяцев тому назад, — возразил я, — когда мы стояли еще в Вердене.

— Но вам известны наши планы форсирования Рейна, — сказал он, намекая на предполагаемое наступление Монти, — а теперь вы их пытаетесь изменить.

— Изменить? Проклятие, Пинк, — я не мог сдержать закипевшего во мне раздражения. — Мы ничего не собираемся изменить. Но теперь, когда мы проскочили через мост, я намерен его использовать.

Однако Булл не мог поверить, что я не попытаюсь отвлечь часть сил с фронта Монти.

— Айк сердцем с вами, — объяснил он, — но разумом он понимает преимущество северного направления.

Было уже за полночь, я попрощался с Буллом и пошел спать. Айк мог склониться в пользу северного направления, но до 15 марта он еще не решил окончательно, как следует нанести удар: на одном или на двух направлениях. Ему казалось, что наступление на северном направлении является быстрее́шим способом лишить противника промышленных ресурсов Рура. Кроме того, он был согласен с Монти относительно того, что путь к Берлину через равнины Вестфалии предоставляет наибольшие возможности для ведения маневренной войны, в которой мы превосходили немцев. Но он также понимал, что если мы ограничим наше наступление с восточного берега Рейна только одним направлением, противник может сосредоточить на нашем пути крупные силы. В разговоре с Эйзенхауэром я без особого энтузиазма отозвался о Вестфальских равнинах, ибо, хотя они и представляли собой ровную местность, их пересекало множество больших и малых рек и каналов. Я доказывал, что противник может без особого труда воспрепятствовать нашему наступлению в этом районе или ограничить его.

На южном направлении от Франкфурта к Касселю, которое я предложил для охвата Рура с юга, была более пересеченная местность, чем на направлении удара Монти, и к тому же войскам предстояло пройти более длинный путь. Однако это не имело решающего значения, так как на этом направлении было меньше препятствий. Когда все доводы «за» и «против» были высказаны, Эйзенхауэр склонился на сторону американского плана двухстороннего охвата Рура, несмотря на то, что его штаб предпочитал выдвинутый Монти план наступления на одном направлении. Помимо всего прочего, Эйзенхауэр видел в нашем плане возможность предпринять наступление на другом направлении, в случае если Монти провалится со своим наступлением на севере. Однако Эйзенхауэр приказал в первую очередь обеспечить войсками, в том числе и воздушно-десантными, а также переправочным имуществом северную группировку под командованием Монти. Если на юге Паттону придется форсировать Рейн в районе Майнца, его силы будут ограничены американскими соединениями, которые останутся после того, как будут удовлетворены все потребности Монти.

30 января объединенный комитет начальников штабов собрался на острове Мальта для подготовки к Ялтинской конференции. На этом совещании англичане выступили с критикой решения Эйзенхауэра принять наш план двухстороннего охвата Рура. Они предложили объединенному комитету начальников штабов дать указания Эйзенхауэру сосредоточить силы на северном направлении под началом Монти. Брук опасался, как бы Эйзенхауэр не

сосредоточил на южном направлении слишком крупные силы за счет группировки Монтгомери. Однако генерал Маршалл встал на сторону Эйзенхауэра и отверг притязания англичан. Маршалл решительно воспротивился плану сосредоточения всех сил союзников на одном-единственном направлении. Он настаивал, чтобы Эйзенхауэру было дано разрешение форсировать Рейн не только на основном, но и на вспомогательном направлении. Если наступление Монтгомери на севере будет остановлено, союзники могли бы переключить свои усилия на вспомогательное направление, ибо генерал Маршалл предвидел, что на северном направлении немцы будут упорно сопротивляться. Особые опасения ему внушала их реактивная авиация. В то же время Маршалл категорически возражал против того, чтобы объединенный комитет начальников штабов указывал командующим на фронтах, как им выполнять свои задачи. С самого начала войны генерал Маршалл был поборником подлинной самостоятельности командующих войсками.

Представитель Эйзенхауэра Беделл Смит несколько успокоил англичан, огласив подробные данные о численности войск, которые будут выделены в распоряжение Монтгомери на главном направлении. Штаб 21-й группы армий, производя расчеты материально-технического обеспечения, исходил из того, что группировка Монтгомери, наступающая на севере, не должна превышать 21 дивизии. Однако верховный штаб экспедиционных сил союзников безапелляционно распорядился увеличить эту цифру, выделив Монти сначала 30, а затем и 36 дивизий. Южная охватывающая группировка была ограничена всего приблизительно 12 дивизиями. Остальные дивизии союзников на западном фронте должны были занять оборону на западном берегу Рейна.

Через день после того, как был взят Ремаген, я получил из верховного штаба экспедиционных сил союзников приказ не сосредоточивать первоначально на плацдарме более четырех дивизий. Это ограничение объяснялось тем, что Монти предложил дать ему еще 10 дивизий на тот случай, если ему удастся прорвать оборону противника на восточном берегу Рейна. Поэтому я дал указания Ходжесу расширять плацдарм ежедневно примерно на один километр только для того, чтобы не дать противнику возможности окопаться и заминировать подступы к своему переднему краю. Ходжес должен был ждать, пока Эйзенхауэр не примет решения относительно форсирования Рейна крупными силами на южном направлении. Если бы Эйзенхауэр одобрил наш план двухстороннего охвата, то Ходжес должен был наступать в юго-восточном направлении, чтобы соединиться с войсками Паттона, наступающими через Франкфурт. Соединившись, обе армии поворачивали на Кассель, чтобы окружить Рур с юга.

Немцы попытались взорвать мост в Ремагене, который был поврежден противником еще до того, как смелые танкисты Ходжеса проскочили по его дощатому настилу и разъединили провода, ведущие к подрывным зарядам. Увидев, что мы захватили мост, немцы открыли по нему артиллерийский огонь и подвергли бомбардировке с воздуха. Для прикрытия моста и ускорения переброски войск на плацдарм саперы 1-й армии навели через вздувшийся Рейн сначала колейный, а затем понтонный мост. Обслуживающие подразделения военно-морских сил выгрузили переправочные средства с огромных прицепов, на которых они были доставлены по суше от Ла-Манша, и организовали на них перевозку предметов снабжения через Рейн. На плацдарм было переправлено такое количество зенитной артиллерии, плотность огня которой только в два раза уступала плотности зенитного огня, созданной нами на плацдарме в Нормандии. Вверх по течению через Рейн были протянуты заграждения, предохраняющие мост от подводных мин и мин, управляемых по радио. С обеих сторон моста были выставлены патрули, следившие, чтобы диверсанты противника не просочились на мост в составе наших колонн. Аэростаты заграждения были подняты в воздух с высот по обоим берегам Рейна, в воду были сброшены глубинные бомбы, чтобы не позволить водолазам-подрывникам противника

незаметно подойти к мосту.

Истребители-бомбардировщики противника каждый день совершали налеты на мост, но, к счастью, их бомбы падали в воду, не причиняя вреда. Однако 9 марта снаряд дальнобойной артиллерии попал в мост, повредив его; движение по мосту было нарушено в течение пяти часов. Через два дня новый снаряд ударил по мосту. Наконец 17 марта мост качнулся, накренился и обрушился в воду. Более двух десятков саперов из 200 человек, ремонтировавших мост в этот момент, было раздавлено рухнувшими фермами. Многие потонули, упав в ледяные воды Рейна. По мнению наших инженеров, мост можно было спасти, если бы только он простоял еще 24 часа. Однако Ходжес уже успел закрепиться на плацдарме у Ремагена. Он перебросил на этот «пятачок» четыре дивизии и расширил его, захватив широкую автостраду, ведущую на Франкфурт. Первое время реакция противника была замедленной. В результате он смог сосредоточить только 20 тыс. человек против этой открытой раны в его боку. Немецкое командование объявило в своем коммюнике, что три майора и один лейтенант казнены за невыполнение приказа о взрыве моста.

В тот же день, когда был захвачен Ремаген, Булл приехал в Намюр. Однако он прибыл не для того, чтобы помешать нам создать предмостное укрепление у Ремагена, а с целью забрать у нас часть войск и передать их Деверсу, который должен был очистить Саар от немецких войск. После того как Паттон вышел к Мозелю, в руках противника западнее Рейна оставался только Саарский бассейн. Линия Зигфрида отделяла 7-ю армию Пэтча от Саара.

Хотя Эйзенхауэр предпочел бы сначала выйти к Рейну на всем фронте, а уже потом приступить к его форсированию, все же он не решался перенести намеченный Монти день начала форсирования Рейна. Поэтому в верховном штабе экспедиционных сил союзников стремились выделить Деверсу силы, необходимые для быстрого овладения Сааром. Взять войска из 9-й армии было нельзя, так как она входила в состав группировки Монти и пользовалась приоритетом. Поэтому мы подозревали, что нашей незадачливой 12-й группе армий снова придется послужить донором. Вскоре после ликвидации арденнского выступления мы уже передали Деверсу три дивизии для наступления на Кольмар. Мы опасались, что в случае еще одного такого поползновения на наши силы мы будем совсем обескровлены и форсирование Рейна на южном направлении может быть сорвано.

Я предвидел, что попытка Деверса прорвать линию Зигфрида может закончиться неудачей, и предложил Эйзенхауэру повернуть войска Паттона на юг. Паттон мог, переправившись через Мозель, ворваться в Саар с севера и отрезать противника, засевшего в укреплениях, с тыла. С предмостного укрепления на южном берегу Мозеля в районе Кобленца 3-я армия могла нанести удар в южном направлении, выйти к западному берегу Рейна и перерезать линию снабжения противника. Тем временем в окрестностях Трира на границе с Люксембургом 3-я армия в период активной обороны очистила от противника треугольник южнее Мозеля. С этого удобного трамплина Паттон мог сделать бросок на юг в тыл линии Зигфрида, обойдя с фланга ее укрепления, в то время как Деверс наносил удары по ним с фронта. Как только Эйзенхауэр услышал про мой план, он дал мне приказ приступить к выполнению.

Я немедленно вылетел в Люксембург и изложил свой замысел Джорджу Паттону. Я застал его за стрижкой волос в доме для престарелых, в котором он развернул свой командный пункт. Джордж вызвал второго парикмахера, и мы обсуждали наш план, пока нам делали горячий компресс. Этот план не только сулил рискованную операцию, граничащую с авантюрой, к которым Паттон инстинктивно питал особое предрасположение, но и давал ему возможность протащить группу армий Деверса через укрепления линии Зигфрида.

— Во всяком случае, нам не придется бесцельно просиживать штаны, — сказал Паттон, — пока главное командование решит, должны ли мы форсировать Рейн.

Деверс относился к нашему плану если не враждебно, то, во всяком случае, без особого восторга. Его пугала мысль, что войска 6-й группы армий могут перемешаться с армией Паттона, наступавшей в его полосе. Но перспектива ликвидировать столь мощный укрепленный рубеж, как линия Зигфрида, была слишком заманчивой. Ее нельзя было отвергнуть, и Деверс скрепя сердце согласился.

Понятно, что сейчас, когда эта операция уже разрабатывалась, я не мог пойти на дальнейшую передачу 6-й группе армий Деверса своих соединений. Но Булл потребовал отдать Деверсу еще три дивизии и части усиления. Мои возражения привели его в ярость.

— Для 1-й армии это равносильно приказу разоружиться, — сказал я Буллу. Вы знаете, что мы не можем трогать Симпсона, пока он подчинен Монти. А Джорджу нужны все его дивизии для выполнения задачи южнее Мозеля. Простите, Пинк, но мы не можем на это пойти.

Булл был раздражен моим отказом.

— Черт возьми, но с людьми вроде вас чрезвычайно трудно иметь дело, сказал он, — и я могу добавить, что с каждым днем вы становитесь все более трудным человеком.

— Однако, — заметил я, — верховный штаб имеет достаточный опыт в обращении с трудными людьми. Булл огрызнулся.

— С 12-й группой армий не труднее договориться, чем с 21-й группой. — Он сделал паузу. — Не труднее, но, поверьте мне, и не легче.

Меня злил резкий тон Булла, но я вынужден был согласиться на передачу трех дивизий, которые он требовал. Однако я отказался отдать артиллерийские дивизионы — они нужны были нам у Ремагена. Теперь в составе моих 1-й и 3-й армий оставалось всего 27 дивизий. В то же время Монти цепко держался за 12 дивизий, которые были выделены в состав 9-й армии Симпсона для форсирования Рейна. На юге у Деверса было 11 американских дивизий, не считая французской армии генерала де Латтр-де-Тассиньи. Ходжес, узнав о моей уступке Буллу, примчался ко мне из Спа злой.

— Они же забирают у меня все начисто, Брэд, — жаловался он. — Как я могу наступать от Ремагена, если меня подрубают прямо под корень?

— Это последний раз, Кортни, — успокаивал я Ходжеса. — Больше мы не отдадим ни одного батальона.

К счастью, требование Булла действительно было последним. Темпы боевых действий настолько ускорились, что верховный штаб экспедиционных сил союзников больше уже не успевал создавать нам новые помехи.

* * *

Когда 3-я армия изготовилась к броску на юг с предмостного укрепления на южном берегу Мозеля, имея задачу выйти к Рейну в районе Майнца, Эйзенхауэр уже не мог больше откладывать решение давно обсуждавшегося вопроса о том, охватывать ли Рур с одной или обеих сторон. Этот вопрос назревал в течение почти уже полугода. В распоряжение Монтгомери для наступления на главном направлении уже были выделены три армии: 1-я канадская, 2-я английская и 9-я американская. Однако Монтгомери этого было мало, он требовал, чтобы верховный штаб создал ему второй эшелон в составе десяти дивизий, которые он предлагал «занять» у 1-й армии. Учитывая это требование, верховный штаб вначале и предложил мне ограничить группировку на ремагенском плацдарме четырьмя дивизиями. Если бы верховный штаб удовлетворил требование Монти в отношении десяти дивизий, то в моем подчинении осталась бы только одна 3-я армия. В результате мы с Паттоном, вероятно, проторчали бы весь

оставшийся период войны в обороне на западном берегу Рейна.

К счастью, Эйзенхауэр не поддался на удочку Монтгомери. Он заявил ему, что если эти десять дивизий 1-й армии будут переброшены на северное направление, то вместе с ними последует и штаб 12-й группы армий, который примет командование над 1-й и 9-й американскими армиями. Как только Монтгомери узнал, на каких условиях Эйзенхауэр соглашается передать ему десять дивизий, он предпочел остаться с тем, что у него есть, и сохранить монопольное руководство операцией за 21-й группой армий. В результате мы выиграли борьбу, длившуюся шесть месяцев, и Эйзенхауэр смог разрешить самый ожесточенный за все время войны спор относительно тактического плана действий союзников. Из верховного штаба экспедиционных сил союзников последовал приказ 1-й и 3-й армиям окружить Рур с юга. Вопреки возражениям Булла Ремаген должен был послужить трамплином для прыжка 1-й армии к Эльбе.

* * *

К 12 марта 3-я армия вышла к Мозелю на всем его протяжении: от впадения в Рейн у Кобленца и до треугольника у Трира, где 20-й корпус Уокера создал плацдарм на фланге линии Зигфрида. Прошло 18 дней с того дождливого февральского утра, когда армии Симпсона и Ходжеса переправились через Рур. За это время мы уничтожили противника севернее Мозеля и западнее Рейна. 1-я и 3-я армии захватили в плен 51 тыс. человек, а войска Монтгомери на севере-еще 53 тыс. Наш стремительный бросок к Рейну захватил противника врасплох, боевой дух немецких солдат был подорван, немецкие части, попавшие в окружение, без сопротивления сдались в плен. Гитлер надеялся, что оборона родины вызовет моральный подъем и укрепит у армии и народа волю к сопротивлению, но сознание, что война проиграна, действовало угнетающе на немецких солдат. Только фанатики продолжали цепляться за любую иллюзию, но их ряды быстро таяли. Процесс распада шел с такой быстротой, что даже немецкие командующие потеряли связь со своим разваливавшимся фронтом. Однажды командир немецкого корпуса подъехал к большой группе апатичных солдат и спросил, почему они не дерутся с союзниками. Только после того, как солдат американской военной полиции положил ему руку на плечо и предложил присоединиться к толпе солдат, немецкий генерал понял, что он оказался в лагере для военнопленных.

Паттон сосредоточил девять дивизий для стремительного вторжения в Саар. Пять дивизий растянулись вдоль долины реки Мозель от Люксембурга до Рейна. Остальные четыре теснились на холмистой местности, в треугольнике юго-восточнее Трира. Не прошло и 24 часов после выхода на исходные позиции на Мозеле, как 3-я армия ворвалась в Саар. «Пусть Деверс уйдет с дороги, — заявил мне Паттон. — Иначе мы сметем его вместе с Гансами».

Как-то еще до этого, встретившись с Паттоном в Люксембурге, я спросил его, не собирается ли 3-я армия таскать с собой переправочное имущество во время наступления в Рейнланд-Пфальце.

— А в самом деле, почему бы и нет, — ответил он. — Но у меня уже растаскали большую часть его.

Я не забыл, с каким упорством Джордж цеплялся за свои понтоны во время арденнских боев, когда встал вопрос об изменении границ между армиями.

— Может быть, вам и следует держать под рукой переправочное имущество, сказал я. — Я хочу, чтобы вы форсировали Рейн с хода. Мы не должны останавливаться, чтобы не дать противнику возможности закрепиться, подтянуть силы и устроить нам ад, когда мы начнем

переправляться.

Симпсон уже жаловался мне на приказ Монти остановиться на западном берегу Рейна, когда 9-я армия имела полную возможность форсировать реку и преодолеть слабое сопротивление противника. С тех пор эффектные приготовления Монти к форсированию Рейна привлекли внимание противника, сосредоточившего на этом участке крупные силы.

Я предвидел, что при наступлении в Сааре Паттон может встретить затруднения в горах Хунсрюк за Мозелем. Но на этот раз я недооценил стремительность и сокрушительный порыв смелого наступления 3-й армии. 4-я бронетанковая дивизия Хью Гаффи снова шла в авангарде наступающих сил. Прежде чем противник пришел в себя, американские танки уже перевалили через поросший лесом горный хребет Хунсрюк. За два дня танковые колонны Хью Гаффи продвинулись на юг к реке Наэ в районе Бад-Крейцнаха (схема 49). Здесь Паттон остановил их и подтянул подкрепления.

В Намюре мой штаб напряженно ждал, когда же Паттон продвинет свою колонну от Бад-Крейцнаха дальше на восток к Рейну, от которого ее отделяло всего лишь 40 километров.

— Какого черта старик остановился, — пожаловался один из офицеров штаба.

Однако я полагался на способность Джорджа тонко чувствовать обстановку.

— Паттон знает, что он делает, — отвечал я. — Подождите немного и вы увидите, что я прав.

Не прошло и суток, как противник контратаковал нас на участке 4-й бронетанковой дивизии. Но Паттон, успевший подтянуть подкрепления и закрепиться, отбросил немцев и как ни в чем не бывало продолжал наступать. Надо сказать, что разведка до этого ничего не сообщала о подготовке немцами контратаки, но Паттон предвидел ее с той характерной для него интуицией, которая помогла ему стать великим полководцем.

Не менее эффективным было и наступление Уокера из района Трира. Он промчался на юг мимо бетонированных казематов линии Зигфрида, отрезая их с тыла. Перед началом операции Паттон дал 20-му корпусу еще две дивизии. Теперь это был самый большой корпус 3-й армии за все время войны. Через шесть дней обе группировки 3-й армии, действовавшие из района Кобленца и Трира, соединились южнее реки Наэ. Спасаясь от американских танков, нависших над его флангами и прорывавшихся в тыл, противник оставил линию Зигфрида, и Деверс спокойно провел через нее свои войска.

Рейн в своем среднем течении на полпути между дельтой его в Северном море и истоками в Альпах делает резкий поворот у Майнца, а затем входит в скалистое ущелье и несет по нему свои быстрые воды к Бонну. Между Мангеймом и Майнцем берега реки пологи, река течет среди лугов и равнин земли Гессен, представляющих легкий путь к промышленному району Франкфурта, сильно пострадавшему от бомбардировок. По этим равнинам Паттон и направил свои головные танковые колонны.

Утром 23 марта, когда я спустился позавтракать, широкие окна нашей столовой в Шато-де-Намюр были залиты солнечным светом. Внизу Самбра неторопливо катила свои воды в широкий, казавшийся безжизненным Маас. На севере звено бомбардировщиков, оставляя за собой в воздухе белые ленты дыма, направлялось к Руру. Я только что покончил со второй чашкой кофе, как мне позвонил Паттон со своего командного пункта.

— Брэд, не говорите никому, но я перебрался.

— Будь я проклят, неужели через Рейн?

— Конечно, — ответил он. — Прошлой ночью я незаметно перебросил дивизию на восточный берег. Но здесь так мало гансов, что это еще не дошло до их сознания. Поэтому никому не говорите. Будем держать это пока в тайне и посмотрим, что дальше получится.

Это сообщение было подтверждено на утреннем совещании. Молодой офицер связи

Паттона при штабе 12-й группы армий подполковник Ричард Стилмен, уроженец города Парис в штате Кентукки, торжественно вручил мне письменное донесение Джорджа. Лицо Стилмена сияло восторгом. Оно выражало гордость, испытываемую 3-й армией, которая спокойно перебралась через Рейн под покровом темноты, в то время как Монтгомери демонстративно накапливал силы, готовясь форсировать Рейн на севере. В донесении, переданном Стилменом, содержался ряд иронических намеков на тщательную подготовку Монтгомери: «Без помощи бомбардировочной авиации, дымовых завес, артиллерийской подготовки и воздушно-десантных войск 3-я армия в 22 часа в четверг 13 марта форсировала реку Рейн». 5-я пехотная дивизия на плотках и штурмовых десантных лодках переправилась на восточный берег в районе небольшого населенного пункта Оппенгейм. Впервые в истории современная армия форсировала такую значительную водную преграду, как Рейн, потеряв при этом всего лишь 34 человека убитыми и ранеными.

Вечером Паттон снова позвонил мне по телефону.

— Брэд! — кричал он в трубку, и его взволнованный голос дрожал. — Ради бога, скажи всему миру, что мы форсировали Рейн. Сегодня мы сбили тридцать три самолета, пытавшихся уничтожить наши понтонные мосты. Пусть знает весь мир, что 3-я армия форсировала Рейн прежде Монти.

23. К Эльбе

23 марта в 3 час. 30 мин. пополудни Монтгомери, ознакомившись с метеосводкой, позвонил по телефону Симпсону и Демпси, которые были в готовности на берегу Рейна, и отдал им приказ ночью приступить к форсированию. Пока артиллерия Монтгомери вела ураганный огонь по правому берегу Рейна, пытаясь уничтожить батареи, выдвинутые противником на передовые огневые позиции, четыре батальона 51-й шотландской дивизии спокойно сели в штурмовые лодки и отчалили от берега. Через семь минут они уже донесли, что высадились на противоположном берегу.

Монтгомери подошел к Рейну за 14 дней до форсирования, однако его подготовка к этой операции проводилась уже в течение нескольких месяцев, с того момента, когда 2-я армия составила план форсирования и инженерным частям было дано задание доставить переправочные средства. Монтгомери настаивал на том, чтобы его обеспечили солидными запасами, перед тем как начать преодоление этой водной преграды. Пока шло накопление запасов, авиация союзников бомбила правый берег, а дымовые завесы скрывали от противника тщательную подготовку Монтгомери к форсированию.

Для форсирования Рейна Монтгомери сосредоточил 26 пехотных дивизий, пять бронетанковых бригад и отдельную бригаду «Коммандос». В число 26 дивизий входили две воздушно-десантные дивизии, которые предполагалось выбросить днем, после того как первый эшелон форсирует реку. Ночной воздушный десант был исключен, так как при десантировании с воздуха на правый берег до рассвета пришлось бы отказаться от артиллерийской подготовки. Кроме того, считали, что сбрасывание десанта днем вызовет деморализацию в тылу противника и ускорит его распад.

На рассвете 24 марта основные силы четырех дивизий высадились на восточном берегу Рейна и ускоренными темпами расширяли свои плацдармы. В 10 час. утра началась выброска десанта. Первая группа транспортных самолетов перелетела через Рейн, прокладывая себе путь среди черных клубов разрывов снарядов, которыми немецкие зенитки усеяли все небо. В это утро я вылетел на командный пункт Ходжеса, и нам пришлось кружить в воздухе, пока мимо нашего самолета не пронеслась длинная вереница самолетов «С-47» и несколько пузатых «С-46». За три часа 1700 самолетов и 1300 планеров высадили 14 тыс. человек из состава английской 6-й и американской 17-й воздушно-десантных дивизий за линиями противника в полосе наступления Демпси. При проведении этого дневного десантирования союзники понесли значительно меньше потерь, чем в любой другой воздушно-десантной операции за все время войны. Огнем противника было уничтожено менее 4 процентов планеров. К исходу дня мы не досчитались только 55 самолетов.

Еще несколько месяцев тому назад, изучая проблему форсирования Рейна, я предвидел, что в том случае, если противник получит достаточно времени для подготовки обороны на восточном берегу, нам потребуются воздушно-десантные войска для занятия плацдарма. Но мы так успешно разгромили немцев к западу от Рейна, что на восточный берег удалось уйти только немногим частям, потерявшим боеспособность.

В результате сокрушительного разгрома противника к западу от Рейна его сопротивление на восточном берегу было дезорганизовано и боевой дух немцев подорван. Если бы Монтгомери форсировал реку с хода, как это сделал Паттон, он мог бы обойтись без тех усилий, которые ему потребовалось затратить для того, чтобы осуществить свое широко разрекламированное форсирование. Четырнадцать дней подготовки к форсированию позволили противнику окопаться на правом берегу и подтянуть артиллерию. Если бы не было нашего предмостного

укрепления у Ремагена, которое отвлекло значительные силы противника, немцы могли бы создать в полосе действий Монтгомери сильную оборону, и без воздушно-десантных войск форсирование стало бы невозможным.

Когда Паттон ринулся со своего плацдарма в направлении на Франкфурт, а Монтгомери объединил разрозненные плацдармы вместе, перед тем как начать наступление севернее Рура, я отменил приказ, который в течение двух недель сковывал действия Ходжеса на предмостном укрепении у Ремагена (схема 50). Расширяя, согласно моему приказу, свой плацдарм примерно на один километр в сутки, Ходжес собрал все три корпуса 1-й армии на 56-километровой полосе вдоль берега реки, полосе, которая постепенно вытягивалась вправо и влево от каменных быков разрушенного моста Людендорфа. На прошлой неделе корреспонденты спросили у меня, чем объясняется наша «робость», почему мы не решаемся броситься из Ремагена вперед и «раньше русских оказаться в Берлине». Ученые мужи в Лондоне снова подняли шум, обвиняя нас в том, что мы все еще не усвоили уроков молниеносной войны. Не желая раскрывать наши планы, я успокоил критиков заверением, что мы можем нанести удар из Ремагена и сделаем это, как только настанет благоприятный момент.

План прорыва в районе Ремагена продолжал оставаться черновым наброском, который мы составили три месяца тому назад, когда Ходжес, ликвидировав арденнский выступ, начал наступление на Бонн. В то время мы предполагали, что 1-я армия повернет на юго-восток и соединится с 3-й армией после того, как последняя форсирует Рейн. Как только Паттон переправился бы через Рейн, он должен был повернуть и форсировать реку Майн. Соединившись, обе армии охватывали Рур с юга, затягивая вокруг него петлю, двигаясь навстречу 3-й армии, наступающей с севера (схема 50).

Теперь, когда Ходжес создал южнее Бонна предмостное укрепление у Ремагена, он должен был придерживаться этого первоначального плана. Сначала ему предстояло двинуть свои танки вниз по автострате, идущей на Франкфурт. У Лимбурга он должен был повернуть на восток и двигаться по долине реки Лан до Гисена, где его войска соединялись с Паттоном, наступавшим от Майна.

Затем 1-я и 3-я армии должны были наступать двумя параллельными колоннами — Ходжес слева, а Паттон справа — по широкому коридору Веттерау на соединение с Симпсоном. После соединения армии Ходжеса и Симпсона приступали к ликвидации немецких войск, попавших в окружение, а Паттон поворачивал свою армию на восток и готовился наступать навстречу русским.

Коллинс, занимавший позиции в левом углу ремагенского плацдарма, предложил новый план наступления в совершенно противоположном направлении. Он предлагал не окружать Рур, а качать наступление на север по правому берегу Рейна, чтобы соединиться с войсками Монтгомери. Как раз этого и ожидал от нас противник, и, предвидя, что мы будем наступать на север, он создал оборону на реке Зиг в том месте, где она преграждала нам путь. Когда 26 марта Ходжес нанес удар, но не на север, а на юго-восток, он совершенно вывел противника из равновесия.

К вечеру 26 марта 1-я армия устремила вниз по автострате к Лимбургу, пока Паттон вел упорные бои на своем небольшом плацдарме севернее Майна, ставшем ареной кровавой борьбы. Когда начальник оперативного отдела спросил меня по телефону, поворачивать ли колонну Ходжеса с автостраты на Гисен, я дал указание двинуть часть сил вниз по дороге в направлении на Висбаден. Я рассчитывал, что там они смогут помочь 3-й армии переправиться через Майн и в то же время возьмут в кольцо противника между Майном и Рейном.

— Будет хорошо, если 1-я армия выручит из беды 3-ю, — сказал я. — Ребята Паттона стали уж чересчур заносчивы.

Я преследовал и другую цель проведением этого маневра. Я полагал, что 9-я бронетанковая дивизия, совершив бросок на юг, отрежет Висбаден и позволит нам овладеть этим городом без боя. Еще в Англии, когда Торсон предавался воспоминаниям о том, как в Первую мировую войну он бывал в Висбадене, в то время оккупированном французами, мы рассматривали этот город как самое удобное место для нашего командного пункта. И только когда наши головные части ворвались в город, нам стало ясно, что авиация опередила нас на три месяца. Бомбардировками с воздуха были разрушены до основания прекрасные отели города и поврежден его замечательный Курхаус.

* * *

Предвидя наше наступление западнее Рейна, штаб Бреретона обратился ко мне с просьбой поддержать их план выброски воздушного десанта в районе Касселя, юго-восточнее Падерборна, где мы должны были соединиться с Симпсоном. Бригадный генерал Флойд Парке, начальник штаба 1-й союзной воздушно-десантной армии, предложил наметить 20 апреля в качестве ориентировочной даты выброски десанта.

— Но мы не нуждаемся в вашем десанте, — возразил я. — Мы должны быть к 10 апреля в Касселе. Кроме того, я предпочел бы использовать ваши самолеты для переброски грузов. Мы, по всей вероятности, окажемся в чрезвычайно затруднительном положении со снабжением, пока у нас не будет пары железнодорожных мостов через Рейн.

Впоследствии я объявил Беделлу Смиту, что день 10 апреля был намечен мной как самый крайний срок. На самом деле я надеялся быть в Касселе до 1 апреля. Мы попали туда на день позже.

Предложение сбросить десант в Касселе было последним проектом, выдвинутым командованием воздушно-десантной армии. До этого мы уже отвергли добрую дюжину подобных предложений. Я не хотел, чтобы транспортная авиация была использована для выброски воздушного десанта, как это было сделано в Турне, так как инженерные войска не могли построить железнодорожный мост через Рейн ранее 20 апреля. Поэтому мы ожидали, что, как только наши колонны углубятся к востоку от Рура, нам будет не доставать горючего и боеприпасов. Вот тогда-то мы стали бы испытывать отчаянную нужду в самолетах Бреретона.

К 30 марта 3-я бронетанковая дивизия Морриса Роуза подошла к Падерборну, Город был уже виден, когда дивизия натолкнулась на отчаянное сопротивление эсэсовцев, набранных из близрасположенных запасных танковых частей. Они сражались с фанатическим упорством. Хотя Роуз уничтожил основную массу этого импровизированного заслона, остаткам его удалось спастись бегством в массив Гарц, где немцы создали последний бастион обороны. На следующий день Роуз был убит в бою.

Тем временем Симпсон все еще нетерпеливо метался на своем тесном предмостном укреплении восточнее Рейна, к которому он был прикован, пока Монтгомери использовал мосты 9-й армии для срочной переброски подкреплений армии Демпси. Для того чтобы ознакомить Симпсона с планами захвата Рура, после того как мы соединимся с ним около Падерборна, я вылетел к нему на север. Командный пункт Симпсона находился в городе Мюнхен-Гладбахе. Со времен арденнских боев Большой Симп, как его любовно звали солдаты, не зная отдыха, провел три с половиной месяца под командованием Монти, нетерпеливо ожидая момента, когда он сможет, наконец, вернуться обратно в американскую группу армий. Может быть, потому, что 9-я армия была самым податливым из всех объединений США, Симпсон нес свою службу под английским началом без инцидентов и столкновений. Однако сейчас он был

обижен, во-первых, тем, что его заставили две недели протоптаться на западном берегу Рейна, и, во-вторых, тем, то он вынужден был ждать, пока Демпси не переправится по мостам, которые навела для себя 9-я армия.

Монти приказал в первую очередь обеспечить наступление Демпси на направлении главного удара англичан к Гамбургу и дальше к берегу Балтийского моря. Здесь Демпси должен был предохранить Данию от опасности «освобождения» Красной Армией. Все еще не зная о цели маневра англичан, мы жаловались на отвлечение английских сил к северу, ибо, несмотря на приближение советских войск к Северному морю, мы больше думали об уничтожении остатков немецкой армии и послевоенные политические проблемы нас мало трогали.

За два дня до этого из агентства Ассошиэтед Пресс ночью позвонили нам из Парижа и передали сообщение, что комиссия по военным делам сената утвердила представление о присвоении Деверсу, Паттону, Ходжесу и мне четвертой генеральской звезды. На следующее утро, надев тужурку, приготовленную для поездки в верховный штаб экспедиционных сил союзников, я обнаружил, что мой ординарец уже прикрепил на мои погоны дополнительные звезды. Однако, сев в самолет, я снял их.

— Подождем, — сказал я ординарцу, — пока не придет официальный приказ, а еще лучше, пока мы не прочитаем об этом в «Старс энд страйпс».

Как только Симпсон получил разрешение вырваться со своего плацдарма, он бросил 2-ю бронетанковую дивизию через северную часть Рура и 1 апреля, ровно через семь дней после того, как он форсировал Рейн, соединился с Хсджесом в местечке Липштадт. Еще через два дня Эйзенхауэр вернул 3-ю армию 12-й группе армий, и под моим командованием собралась внушительная группировка войск в составе 45 американских дивизий. Одновременно мы перевели оперативную группу штата из Намюра обратно в Люксембург. Теперь уже мне не было никакой надобности оставаться поблизости от Монти.

На территории, вокруг которой мы сомкнули кольцо окружения, осталась разбитая группа армий «Б» Моделя, объединение более крупное, чем то, которое Паулюс сдал Жукову в Сталинграде.^[54] Остатки трех немецких армий попали в западню. Ветераны Па-де-Кале и Арденн перемешались с зелеными юнцами из гитлеровской молодежи, на которых поспешно натянули поношенное военное обмундирование, висевшее на них, как на пугалах. В целом группа армий Модели состояла из шести армейских корпусов, объединявших основные силы 17 дивизий. К ним следует прибавить еще 100 тыс. человек из зенитных частей, которые давно уже обороняли Рур, создав сильную зенитную оборону. Дважды противник пытался прорвать кольцо окружения, и дважды мы отбрасывали его назад.

Предвидя, что нам придется вести затяжную кампанию восточнее Рейна, мы создали в начале января 15-ю американскую армию под командованием Джероу. На место Джероу мы послали в 5-й корпус выдавшего вида Хюбнера из 1-й дивизии. Однако сопротивление противника западнее Рейна рухнуло так быстро, что мы отказались от плана использовать армию Джероу на фронте и приказали ей остаться на западном берегу Рейна, совмещая оборону этого рубежа с задачами по оккупации.

Тем временем, пока главные силы американцев продвигались на восток на 320-километровом фронте по холмам Тюрингии навстречу русским, которых теперь отделяло от Эльбы всего лишь каких-нибудь 160 километров, я выделил 18 дивизий для ликвидации рурского «мешка». В течение 18 дней противник упорно оборонялся в Руре, а мы пробивали себе путь через обреченные города, которыми был густо усеян Рурский бассейн. 18 апреля, когда противник прекратил сопротивление, мы взяли в плен 325 тыс. человек. Это более чем в два раза превышало то количество, на которое 1-я армия рассчитывала, начиная операцию по ликвидации окруженной группировки.

Разведка сообщила, что фельдмаршал Модель попал в окружение в Руре вместе со своими войсками. Я не забыл, как этот сухой пруссак блокировал наше наступление через линию Зигфрида в сентябре, и сказал начальнику разведки, чтобы он пообещал медаль тому, кто захватит Моделя. Однако все, что осталось от Моделя в Руре, был огромный штабной автомобиль «Мерседес-Бенц», который, по слухам, принадлежал немецкому фельдмаршалу. Эту машину подарил мне Риджуэй.

Линия фронта союзников с баварских предгорий на юге передвинулась на восток, пересекла цветущие поля горчицы и достигла Ганновера, города, расположенного всего в 240 километрах от Берлина. Соппротивление противника все больше и больше ослабевало, и только закоренелые нацисты и эсэсовцы продолжали отчаянно сражаться, не видя перед собой никаких перспектив. В коттеджах, выкрашенных в веселые, яркие цвета, немецкие хозяйки выглядывали из-за кружевных занавесок, бросая робкие взоры на наши колонны, с грохотом пронесившиеся по улицам городков, преследуя бегущую немецкую армию.

Только в франконском городе Ашаффенбурге, в 32 километрах от Франкфурта вверх по Майну, на население подействовали отчаянные заклинания Геббельса, и оно взялось за оружие. В 1934 г. Гитлер, опасаясь, что французы не согласятся с ремилитаризацией Рейнской области и начнут военные действия, построил оборонительный пояс по реке Майн, который прошел через Ашаффенбург. Но сейчас население этого города решилось выступить против союзников не потому, что оно хранило преданность нацистскому режиму. Жители Ашаффенбурга поверили словам местного нацистского руководителя. «Вы должны сражаться за свою жизнь, говорил он им, — ибо капитуляция означает порабощение, ибо третьего пути не дано». Наши войска, вступив в город, увидели трупы немецких офицеров, висевшие на уличных фонарях. Их повесили за то, что они призывали к капитуляции. Женщины и дети с крыш забрасывали американских солдат ручными гранатами. Из пяти расположенных поблизости госпиталей раненые немецкие солдаты, хромя, на костылях, тянулись в Ашаффенбург, чтобы принять участие в бою. Не желая нести потери, неизбежные в уличных боях, наши войска отошли и вызвали бомбардировочную авиацию. Когда грохот разрывов смолк и камни рушащихся стен засыпали неподвижные тела защитников города, нацистский командующий обороной Ашаффенбурга майор фон Ламберт робко вылез из убежища, держа в руке белый флаг.

Наши колонны прошли мимо маленьких, словно пряничных, домиков, которыми усеяны склоны холмов Гессена. Они миновали и небольшие промышленные предприятия, рассредоточенные за пределами Рурского бассейна. Вблизи них были устроены угрюмые провололочные заграждения, в которые загонялись после работы рабы Германии. Сейчас за колючей проволокой царил полнейший хаос; перед тем как вырваться на свободу, узники разграбили все склады. Перемещенные лица бесцельно бродили по улицам городков, в которых немцы боязливо закрыли окна ставнями, а коренастые девушки из Прибалтики всюду жали на педали велосипедов, захваченных у бывших немецких хозяев. Небольшие группы итальянцев тащились с трудом по дорогам, сгибаясь под тяжестью туго набитых вещевых мешков; у многих с плеч свешивалась сверкающая на солнце медная кухонная посуда. Колонна за колонной шли на запад американские грузовики, переполненные французскими солдатами в потрепанном, выцветшем обмундировании. Они возвращались во Францию, на родину, которую не видели с 1940 г.

Последние надежды немцев на затяжную войну и мирные переговоры рухнули. Это было достигнуто благодаря мощи нашей армии и превосходству ее оснащения. До того как мы навели мосты через Рейн у Ремагена, некоторые немцы еще могли верить, что их новая реактивная авиация сможет нейтрализовать наше превосходство в воздухе. Противник не щадил сил и средств на производство реактивных самолетов; по нашим данным, его подземные заводы

выпустили от 600 до 800 этих скоростных истребителей. Даже в марте 1945 г., со нашей оценке, производственные возможности противника позволяли ему выпускать 200 реактивных самолетов в месяц. Командование немецкой авиации потребовало вернуть в авиацию летчиков, взятых в пехоту. На доброй полдюжине аэродромов полным ходом шла боевая подготовка летчиков для реактивных самолетов. Однако реактивная авиация опоздала, как опоздали и гитлеровские самолеты-снаряды. Если бы фон Рундштедту в Арденнах удалось сорвать наше наступление, противник выиграл бы время и смог бы использовать свое преимущество в реактивной авиации. Но наши армии хлынули через Рейнланд, окружили Рур и двинулись дальше на восток. Они захватили подземные авиационные заводы, прежде чем реактивные самолеты смогли вступить в бой. Исчезла последняя иллюзия. Теперь Геббельсу только и оставалось, что запугивать немецкий народ угрозой русских репрессий.

Как-то вечером, вскоре после того, как мы ликвидировали арденнский выступ и начали наступление к Рейну, Эйзенхауэр посоветовался со мной по поводу того, как избежать случайного столкновения с советскими войсками при встрече с Красной Армией где-то в центре Германии. Хотя в то время нас разделяло еще почти 800 километров, но советское наступление, начатое 12 января, развивалось успешно, и русские могли ворваться в Германию через Польшу. Некоторые даже думали, что Красная Армия сможет выйти на Одер на восточной границе Германии. Эйзенхауэр уже не мог дальше тянуть с установлением разграничительной линии между Востоком и Западом, ибо любую рекомендацию главного командования союзников по этому вопросу следовало направить в Кремль.

Подобно Эйзенхауэру, я не доверял заранее установленным опознавательным сигналам и еще менее полагался на радиосвязь с частями Красной Армии.

Опознавательные сигналы можно перепутать, а незнание языка может свести на нет все преимущества радио. Еще в Аржантане я остановил войска Паттона частично из страха, как бы он не столкнулся с единственной английской дивизией, находившейся в Фалезе. Теперь, имея почти в сто раз больше войск, разбросанных на фронте от берегов Северного моря до Швейцарии, я невольно содрогался при мысли о возможности столкновения, которое легко могло перерасти в настоящую схватку. Не только наши войска совершенно не имели представления друг о друге, но мне стало известно, что по мере продвижения русских на запад росла их дерзость и самоуверенность.

Выход мог быть найден только в установлении демаркационной линии, на которой остановились бы и наши войска и войска Красной Армии. Несомненно, что этой демаркационной линией мог быть только хорошо различимый естественный рубеж. Изучив карту, мы с Эйзенхауэром пришли к выводу, что таким рубежом лучше всего может служить Эльба. Она не только течет с юга на север, но и представляет собой последнее, наиболее крупное естественное препятствие на пути между Рейном и Одером. Южнее Магдебурга, где Эльба поворачивает на восток, линию встречи можно было назначить на реке Мульде на всем ее протяжении до границы с Чехословакией. Эйзенхауэр решил предложить этот рубеж в качестве демаркационной линии (схема 51).

В то время нам казалось, что река Эльба находится почти за границами наших возможностей. У Магдебурга, где Эльба поворачивает на север, она протекает всего лишь в 80 километрах западнее Берлина. В том месте, где эта река ближе всего подходила к нашим линиям, ее отделяло от Рейна в районе Кёльна добрых 350 километров. Но не только мы сами считали Эльбу почти нереальной целью для наших армий. Очевидно, и советское командование придерживалось того же мнения, так как оно согласилось установить демаркационную линию по Эльбе, хотя эта река протекает примерно в 145 километрах восточнее предполагаемой границы советской оккупационной зоны.^[55] Действительно, чтобы выйти на Эльбу, как мы

предложили русским, мы должны были занять одну пятую часть зоны, выделенной Советам.

Границы зон оккупации были определены европейской консультативной комиссией в Лондоне. Соответствующие документы были обсуждены в Квебеке, утверждены в Ялте и, наконец, направлены для ознакомления нам на фронт. России была отведена вся Восточная Германия, включая сельскохозяйственные районы Тюрингии, всего в 160 километрах от Рейна. Кроме богатого Силезского бассейна, в советскую зону оккупации входили и балтийские порты. Английская зона, занимавшая северо-западную часть Германии, граничила с советской зоной у берега Балтийского моря, где разграничительная линия проходила недалеко от Любека, города, известного своими цехами и мастерскими по ремонту и обслуживанию подводных лодок. В английскую зону входил Рур, опустошенный, но все еще не разрушенный, и порты Северного моря, долгое время подвергавшиеся блокаде. Американская зона не имела выхода к морю, поэтому США был выделен порт Бремен с окружающей его территорией. Мы должны были занять живописные предгорья Баварии, красивый горный район, известный в первую очередь как излюбленное место туристов. К западу от нас французам была отведена для оккупации территория Рейнланд-Пфальца южнее Ремагена, включая промышленный Саар. Французская оккупационная зона простиралась к югу от Баварии и примыкала к оккупационной зоне, выделенной Франции в Австрии. Австрию, подобно Германии, также предполагалось разделить между союзниками на четыре оккупационные зоны (схема 52).

Европейская консультативная комиссия в Лондоне пришла к соглашению о Берлине, согласно которому Берлин должен был представлять своеобразный островок в центре русской оккупационной зоны, находящийся во владении четырех держав. Столицу рейха предполагалось разделить на четыре сектора и осуществлять в ней четырехсторонний контроль. Когда я поинтересовался в верховном штабе экспедиционных сил союзников, как мы будем снабжать наши войска в Берлине, мне ответили, что наши поезда будут беспрепятственно проходить через русскую зону от Хельмштедта, расположенного у западной границы советской оккупационной зоны в 175 километрах от Берлина. Но нам не был выделен коридор и не были даны заверения или специальные гарантии в том, что наши поезда будут беспрепятственно пропускаться через советскую зону. Совместная оккупация Берлина строилась на доверии как символу единства союзников. В то время я не оспаривал Великую Иллюзию, ибо не менее других заблуждался относительно послевоенных планов Советов. Однако эта изоляция Берлина внушала мне опасения прежде всего потому, что она противоречила одному из основных положений о тыле. В бою я могу взять на себя ответственность за какой-либо участок фронта только в том случае, если я уверен, что смогу организовать его снабжение. Снабжение Берлина полностью зависело от доброй воли Советов. А еще в детские годы в Миссури я узнал, что хорошие добрососедские отношения не могут строиться на зависимости...

За пять дней до того, как Ходжес и Симпсон сомкнули кольцо окружения вокруг Рура, Эйзенхауэр через военную миссию США в Москве передал по радио Сталину свой план направить крупные силы в центральной части фронта на восток к Эльбе. В эту группировку должны были войти все три армии 12-й группы армий. Тем временем 21-я группа армий Монтгомери на нашем левом фланге должна была наступать на северо-восток к Балтийскому морю с задачей отрезать полуостров Ютландия и захватить немецкие порты на Северном море, имевшие большое значение. Деверс, который встретил самое упорное сопротивление противника на Рейне и форсировал эту реку только через два дня после Монти, должен был повернуть свои американские и французские войска на юг и двигаться через Мюнхен к границам Австрии, навстречу русским, наступавшим вверх по Дунаю к Вене. Отрезав противника от Альп, мы помешали бы ему превратить этот горный хребет в последний оборонительный рубеж.

Черчилль протестовал против посылки Эйзенхауэром радиogramмы в Москву, расценивая это как недопустимое вмешательство воен-ного в политические проблемы. Однако наибольшее возмущение с его стороны вызвал сам план, предложенный Эйзенхауэром. По словам Эйзенхауэра, премьер-министр был «крайне разочарован и обеспокоен» тем, что главное командование союзников отказалось усилить Монтгомери американскими войсками и бросить его на Берлин в отчаянной попытке опередить русских и раньше их овладеть столицей Германии.

В тот день, когда Эйзенхауэр сообщил Сталину, что он собирается нанести главный удар на центральном направлении силами 12-й группы армий, Монтгомери только что форсировал Рейн, а мы устремились вперед из Ремагена. Свыше трехсот километров отделяло плацдарм Монтгомери на восточном берегу Рейна от Эльбы. Путь, который нам предстояло пройти, был еще длиннее, так как сначала мы должны были окружить Рур. В противоположность нам Жуков сосредоточил свыше миллиона солдат на Одере, всего только в 48-километрах восточнее Берлина. Даже если бы мы вышли к Эльбе, прежде чем Жуков форсировал Одер, все равно 80-километровая полоса низменностей отделяла Эльбу от Берлина. Западные подступы к Берлину были усеяны озерами, пересечены реками и каналами. На вопрос Эйзенхауэра, какой ценой, по моему мнению, нам придется заплатить за прорыв от Эльбы к Берлину, я сказал, что оцениваю наши вероятные потери в 100 тыс. человек.

— Слишком дорогая цена за престиж, — сказал я, — особенно если учесть, что нам придется отойти и уступить место другим.

Если Эйзенхауэр намеревался послать Монтгомери на Берлин, то он должен был усилить английский фланг не менее чем одной американской армией. Быстрое уничтожение немецкой армии перед нашим фронтом казалось мне гораздо более важным делом, чем взятие Берлина во имя какого-то политического выигрыша. Мы, солдаты, наивно удивлялись этой наклонности англичан усложнять войну политическими соображениями и невоенными целями.

Я горел желанием поскорее очистить Рур, а все другие дивизии, которые можно было освободить от выполнения этой задачи, я бросал вперед, к Эльбе и Мульде. С выходом на рубеж этих рек я намеревался занять его силами двух армий, а третью армию повернуть на юго-восток и направить вниз по Дунаю в Австрию, на соединение с частями Красной Армии, которые уже подходили к Вене. Соединившись с Красной Армией в Австрии, мы отрезали противнику пути отхода в Австрийские Альпы, объявленные Национальным Редутом Германии. Но стоило Эйзенхауэру принять предложение Черчилля и выделить одну американскую армию в распоряжение Монти для наступления на северо-восток к берегам Балтики — и нам пришлось бы отказаться от наступления на Дунае. Если бы противнику удалось отойти в Редут, доказывали мы, он смог бы затянуть войну на длительное время.

За несколько месяцев до этого разведка ошеломила нас фантастическим планом немецкого командования отвести войска в Австрийские Альпы, где, как сообщалось, были сосредоточены вооружение, запасы и даже построены авиационные заводы и где был создан последний бастион немецкой обороны. Там противник, по всей вероятности, попытался бы отсидеться и сохранить нацистский миф до тех пор, пока союзникам не надоела бы оккупация Германии или пока они не перессорились бы между собой.

Нам говорили, что войска для обороны Редута в первую очередь будут состоять из эсэсовских частей. Беглая проверка группировки противника на нашем и на русском фронтах показывала подозрительное сосредоточение дивизий СС именно на южных флангах этих фронтов.

Только после конца войны мы узнали, что этот хваленый Редут существовал лишь в воображении нескольких нацистских фанатиков. Слух о нем разросся до таких невероятных

размеров, что теперь я просто удивляюсь нашей тогдашней наивности. В то время легендарный Редут казался нам вполне реальной и весьма серьезной угрозой, которой мы не могли пренебрегать. Он тяготел над нашими тактическими замыслами в последние недели войны.

Навязчивая мысль о Редуте привела к тому, что я довольно пессимистически определял вероятный срок окончания войны в Европе. Еще 24 апреля, за два дня до того, как мы соединились с русскими, я заявил группе конгрессменов, приглашенной Эйзенхауэром осмотреть немецкие лагеря смерти, что «война может продлиться еще месяц, а то и целый год». Увидев на лицах некоторых моих собеседников выражение тревоги, я поделился с ними своими опасениями относительно Редута.

Миф о Редуте был окончательно развеян генерал-лейтенантом Куртом Дитмаром. Этот немецкий радиокомментатор, которого звали «голос вермахта», переплыл через Эльбу в небольшой лодке и сдался в плен солдатам 9-й армии. На допросе Дитмар упорно твердил, что он узнал о Редуте только в январе 1945 г. из швейцарских газет. Он издевался над нашими разведывательными донесениями о тщательной подготовке к сопротивлению в Австрийских Альпах, но соглашался, что немецкая армия может закрепиться там, если она захочет продолжать борьбу.

Но как бы ни были ошибочны наши выводы насчет Редута, все же надо сказать, что, отказываясь принять предложение Черчилля о наступлении на Балтику и Берлин, мы руководствовались совсем иными соображениями. Не будь зоны оккупации уже определены, я еще мог бы согласиться с тем, что это наступление с точки зрения политики стоит свеч. Но я не видел оправдания нашим потерям в боях за город, который мы все равно должны будем передать русским. Даже рост нашего престижа не мог компенсировать новые тяжелые жертвы.

12 апреля 1-я армия вступила в Лейпциг. 9-я армия Симпсона, имея в авангарде 2-ю бронетанковую дивизию, прошла севернее массива Гарц, где укрылись пять дивизий противника. В 8 часов вечера на 309-й день боевых действий в Европе танки 2-й бронетанковой дивизии вышли на берег Эльбы. Еще до этого я приказал Симпсону немедленно по выходе на западный берег этой реки захватить небольшой плацдарм на восточном берегу. При этом я вовсе не думал начать подготовку к наступлению на Берлин, как это не замедлили предположить некоторые наблюдатели. Я хотел одного — отвлечь немецкие войска с русского фронта восточнее Бер — лина. Однако мы, вероятно, смогли бы организовать наступление на Берлин, если бы согласились закрыть глаза на неизбежные потери. В то время Жуков все еще не переправился через Одер, и Берлин лежал на полпути между нами и русскими. Однако подступы к Берлину с востока были несравненно удобнее для продвижения войск, чем подступы с запада, так как к западу от Берлина простиралась заболоченная местность. ^[56]

Первое предмостное укрепление, захваченное Симпсоном на восточном берегу Эльбы непосредственно южнее Магдебурга, было ликвидировано совместными усилиями трех немецких дивизий, переброшенных для этой цели из Берлина. Впервые за 30 месяцев боев 2-я бронетанковая дивизия вынуждена была отступить. Однако второе предмостное укрепление, созданное несколько южнее первого, удалось удержать. Симпсон расширил и углубил этот плацдарм и удерживал его до конца войны (схема 53).

В тот день, когда войска 9-й армии вошли в предместья Магдебурга, я посетил Симпсона на его командном пункте. Зазвонил телефон. Большой Симп взял трубку, выслушал донесение и прикрыл микрофон рукой.

— Похоже, что мы можем захватить мост в Магдебурге. Что нам делать, если мы его возьмем, Брэд?

— Проклятие, — ответил я. — Нам не нужно больше плацдармов на Эльбе. Если вы захватите мост, вы должны перебросить по нему на ту сторону не менее батальона, не так ли?

Будем надеяться, что гансы взорвут его раньше, чем вы захотите от него отделаться.

Уже созданный плацдарм южнее Магдебурга был вполне достаточен для отвлечения сил противника. Новое предмостное укрепление стоило бы нам лишь дополнительных хлопот и излишних потерь.

Через тридцать минут, когда я уже надел каску, собираясь уезжать, снова зазвонил телефон. Худощавое лицо Симпсона расплылось в широкой улыбке.

— Нет причин волноваться, Брэд, — засмеялся он, повесив трубку, — гансы только что взорвали мост.

В последние, завершающие недели войны Эйзенхауэр совершал более частые рейсы между верховным штабом экспедиционных сил союзников и разбомбленным городом Висбаденом, в котором разместились наша оперативная группа штаба. 12 апреля его «В-25» легко опустился на изрытый воронками аэродром в окрестностях Висбадена. Я присоединился к Айку, и мы вылетели на легком самолете сначала на командный пункт Паттона, затем на командный пункт Ходжеса; у нас на это ушла вся ночь.

Наш самолет взял курс на север вдоль автострады, и мы приземлились в Герсфельде, где Паттон разместил командный пункт 3-й армии в немецком военном городке. Обе бетонированные полосы широкой автострады были переполнены машинами, двигавшимися к фронту, в то время как посередине ее, по траве, нескончаемая вереница беженцев тащилась в тыл. Паттон ждал нас у взлетно-посадочной полосы, устроенной у дороги.

Всего лишь два дня тому назад 3-я армия захватила Ордруф, первый из нацистских лагерей смерти на нашем пути, и Джордж обязательно хотел показать его нам.

— Вы не можете себе представить, что за ублюдки эти гансы, пока своими глазами не увидите эту чумную яму, — сказал он.

Тяжелый трупный запах буквально ошеломил нас еще до того, как мы прошли через ворота лагеря. В неглубокие могилы было свалено более 32 обнаженных иссохших трупов. Трупы валялись также прямо на улицах, между бараками. Вши ползали по трупам, острые выступающие кости которых были обтянуты желтой кожей. Часовой показал нам место, где умиравшие от голода заключенные вырывали из трупов внутренности и ели их. Земля здесь была покрыта пятнами запекшейся крови. Лицо Эйзенхауэра превратилось в белую гипсовую маску, Паттон отошел в угол, где его стошнило. У меня от негодования отнялся язык. Зрелище было настолько ужасное, что мы были одновременно потрясены и оглушены. В ближайшую неделю нам предстояло захватить другие подобные лагеря, и кошмары Бухенвальда, Эрла, Бельзена и Дахау вскоре должны были потрясти мир, который считал себя уже освоившимся с ужасами войны.

Счастливые, что нам удалось вырваться из этого зловония, мы разместились в нескольких самолетах и на бреющем полете направились к деревне Меркерс, где и приземлились. В этой деревушке три дня тому назад 90-я дивизия открыла подземный тайник, в котором хранились последние золотые запасы рейха. Тайник был обнаружен случайно. Как-то вечером в комендантский час солдат военной полиции задержал двух женщин. Они объяснили, что идут за акушеркой. Солдат пошел с ними, намереваясь проверить, не обманывают ли они. Когда они проходили мимо соляных копей, одна из женщин показала пальцем на вход в рудник и сказала: «Вот там спрятано золото». На следующий день тайник был вскрыт. Военные полицейские нашли в нем золотые слитки на сумму 100 млн. долларов и 3 млрд. рейхсмарок. Кроме того, в этом тайнике, оборудованном на глубине свыше 600 метров от поверхности земли, в сухой соляной шахте было запрятано 2 млн. долларов ассигнациями и несколько меньшая сумма в английской, норвежской и французской валюте.

Мы с Эйзенхауэром спустились в шахту в клетки, которой управлял немец-рабочий.

Очутившись в шахте, мы увидели мешки с черной печатью Рейхсбанка. В каждом мешке было по два 25-фунтовых золотых слитка. Сторож тайника объяснил нам, что хранившиеся здесь 3 млрд. рейсхмарок были последним резервом Германии.

— Им чертовски понадобятся эти деньги, — заверил он меня, — для того чтобы оплатить содержание армии.

— Передайте ему, — сказал я переводчику, — что я сомневаюсь в том, что на немецкую армию придется еще тратить деньги.

Рядом с мешками с золотом были свалены сотни корзин и ящиков, в них находились произведения искусства, вывезенные из Берлина.

Мы подшучивали над Паттоном.

В добрые старые времена, — сказал я, — когда солдат был полным хозяином своей добычи, вы были бы самым богатым человеком в мире.

Паттон только довольно ухмылялся в ответ.

В этот вечер мы засиделись допоздна в столовой Джорджа, которую он устроил в скудно меблированном доме коменданта. За окнами грохотали машины, здесь франкфуртская автострада разветвлялась: одна дорога шла на Ганновер, другая на Дрезден. Айк был все еще бледен после посещения Ордруфа, и Джордж налил ему виски.

— Я не могу понять, как немцы дошли до этого, — сказал Айк. — Наши солдаты никогда бы не смогли так надругаться над телами, как это сделали немцы.

— Не все гансы могут это переварить, — вмешался в разговор заместитель начальника штаба Паттона. — Как-то мы провели всех жителей немецкого городка через один из концлагерей. Вернувшись домой, мэр и его жена вскрыли себе вены.

— Что же, это самая обнадеживающая вещь, которую я слышал, — произнес Айк. — Это показывает, что у некоторых из них не все еще потеряно.

Когда известие о золотом кладе дошло до штаба 3-й армии, Паттон приказал цензорам не пропускать это сообщение в печать. Один из цензоров нарушил запрет, и Джордж немедленно прогнал его. Это вызвало недовольство среди журналистов, прикомандированных к 3-й армии. К моменту прибытия Эйзенхауэра они все еще не успокоились. Однако Паттон заявил, что его мало трогает шум, поднявшийся вокруг этого дела.

— Я знаю, что я прав, — воскликнул он, пронзая вилкой кусок бифштекса.

— Черт побери, — прервал его Айк, — пока вы сами не говорили об этом, может быть, вы и были правы, но если вы так упорно настаиваете, то я убежден, что вы ошибаетесь.

Джордж подмигнул мне через стол.

— Но зачем держать это в секрете, Джордж? — засмеялся я. — Зачем вам все эти деньги?

Джордж самодовольно усмехнулся. 3-я армия в этом вопросе разделилась на два лагеря, заявил он. Одни считают, что из найденного золота надо сделать медальоны с надписью «Лаки» для всей 3-й армии, вплоть до последнего солдата...

Другие полагают, что 3-я армия должна запрятать сокровище до мирных времен, когда конгресс снова срежет кредиты на вооруженные силы. Когда с деньгами станет особенно туго, армия выроет свой клад и израсходует его на покупку нового вооружения.

Айк покачал головой, посмотрел на меня и рассмеялся.

— Он не полезет за словом в карман, — сказал он.

Мы разошлись около полуночи. Эйзенхауэр и я разместились в двух смежных комнатах в доме коменданта. Паттон побрел в свой прицеп, стоявший поблизости. Его часы остановились, и он включил радио, чтобы узнать время. Вдруг голос диктора Би-би-си объявил, что президент Соединенных Штатов скончался.

Джордж постучался ко мне и открыл дверь. Я только что улегся.

— Что случилось? — спросил я.

— Пойдемте вместе к Айку, — ответил он. — Президент умер. Мы просидели в комнате Айка почти до двух часов ночи.

* * *

На следующее утро за завтраком Паттон угрюмо рассказал, что его попытка освободить военнопленных окончилась неудачно. Две недели тому назад он послал усиленную танковую роту с задачей прорваться через фронт противника на Майне и освободить наших военнопленных в пересылочном лагере, расположенном в немецком тылу в 80 километрах от фронта. Я узнал об этой экспедиции только через два дня после того, как она отправилась. Она вызвала недовольные толки и пересуды в штабах дивизий и корпусов, которые дошли до штаба группы армий. Это был самый дерзкий шаг Паттона за все время войны. История началась с сумасбродной затеи, а закончилась трагедией.

Она началась 26 марта. Вечером в этот день боевая группа, сформированная из состава 4-й бронетанковой дивизии, прорвалась с предмостного укрепления на реке Майн, южнее Ашаффенбурга, и направилась к городу Хаммельбург. Возле этого города, по разведывательным данным, находился пересыльный лагерь, переполненный пленными американцами. Боевая группа состояла из 50 машин, в том числе 19 танков и штурмовых орудий, и насчитывала 293 солдата и офицера. Командовал ею 24-летний танкист из Бронкса, молодцеватый капитан Абрахам Баум. С ними поехал прогуляться майор Александр Стиллер, лихой адъютант Паттона, который был сержантом в танковых войсках еще в первую мировую войну. Как только группа Баума ворвалась в городок Швейнгейм за Майном, она попала под перекрестный огонь противника. Через 48 часов, в полдень 28 марта, танки Баума, из которых осталась только одна треть, разгромили тюрьму в Хаммельбурге. Ликующие военнопленные хлынули из тюремных ворот и разбежались по окрестным холмам. Баум собрал своих солдат, не спавших две ночи, и попытался вернуться обратно. Но противник навел порядок в тылу и бросил против него танки «Тигр». На следующее утро, 29 марта, в 9 часов, раненый капитан с горсточкой оставшихся солдат сдался, так как было израсходовано все горючее и боеприпасы.

На эту вылазку не обратили бы внимания, если бы среди пленных в этом лагере не оказался зять Паттона. Паттон уверял меня, что он узнал об этом только через девять дней после того, как рейд закончился. Его мучил страх, что газетчики могут приписать ему личную заинтересованность в этом деле. В своем дневнике Джордж признался, что вся эта затея была глупой выдумкой. Он писал: «Я могу сказать, что в течение всей кампании в Европе я не знаю за собой ни одной ошибки, за исключением того, что послал боевую группу танковой дивизии в Хаммельбург». Боевая группа могла бы успешно выполнить свою задачу, однако этот рейд был дорогостоящим отвлечением сил 3-й армии, наступавшей к северу на Кассель. Отдав приказ на эту вылазку, Паттон тем самым совершил ошибку. Несомненно, если бы Джордж посоветовался со мной, я запретил бы ему посылать эту роту. Хотя я сожалел о необдуманном решении Паттона, но не стал упрекать его. Неудача сама по себе была для Джорджа хуже всякого выговора.

9-я армия стояла на Эльбе, 1-я — на Мульде, немецкая группировка, окруженная в Руре, таяла под ударами трех корпусов. Теперь меня занимал вопрос, как организовать наступление на юго-восток, выгнать противника из Баварии и очистить оккупационную зону США вплоть до австрийской границы. Из Баварии мы должны были спуститься вниз по Дунаю, дойти до Вены и отрезать противнику пути отступления к Редуту. Однако особое беспокойство внушала мне

мысль о необходимости занять всю американскую оккупационную зону. Мы были обязаны вывести свои войска из русской зоны оккупации, но у нас не было гарантий, что Красная Армия добровольно уйдет из нашей зоны. Поэтому мы предпочитали не искушать судьбу и проверять, как русские выполняют соглашение, а своими силами очистить американскую зону от немецких войск, не прибегая к помощи Красной Армии.

Сначала я сказал было Ходжесу, что хочу завершить войну наступлением 1-й армии вниз по Дунаю. Однако перегруппировка сил повлекла бы за собой слишком дорогостоящее изменение линий снабжения, и в конце концов я решил наступление в Австрии поручить Паттону, усилив его 3-ю армию дивизиями 1-й армии, прибывающими из Рура. 16 апреля Деверс и Пэтч приехали к нам в Висбаден для того, чтобы разработать общий план наступления; 3-я и 7-я армии должны были двигаться на одной линии. Пэтча вовсе не радовала перспектива наступать вместе с Паттоном. Он боялся, что Паттон захватит себе слишком широкую полосу наступления за счет полосы 7-й армии. 7-я армия с боями форсировала Рейн и теперь наступала на Нюрнберг, в котором Гитлером был построен колоссальный стадион. Пэтч с боями завоевал себе право на свою полосу наступления, и поэтому вполне понятно, что он ни с кем не желал ее делить.

На следующий день, когда русские хлынули через Одер, начав свое последнее крупное наступление в эту войну, мы со своей стороны отдали приказ начать наступление на Дунай. 1-я и 9-я армии должны были занять оборону в центре нашего фронта, от чехословацкой границы до того пункта на Эльбе, где американская оккупационная зона граничила с английской. 7-я армия наступала в направлении на Мюнхен, а Паттон — вниз по Дунаю. Однако Красная Армия, захватив Вену, двигалась дальше на запад, стремясь дойти до Линца. Советское командование словно старалось не допустить нас в Австрии ни на шаг дальше, чем это было необходимо.

Почти две недели мы топтались на месте на Эльбе и Мульде, ожидая подхода русских. С каждым днем усиливалась нервозность наших командующих армиями. Они боялись столкновения с русскими, если последние стали бы наступать дальше на запад от Эльбы, стремясь занять всю свою зону оккупации. Мы не знали, какие приказы отдало советское командование своим войскам, но я дал указания командующим армиями удерживать передовые позиции до тех пор, пока мы не сможем начать организованный отход в свою зону оккупации. Однако на тот случай, если бы советские командиры стали настаивать на немедленном продвижении к границе советской зоны оккупации, я разрешил командующим армиями вступить в непосредственные переговоры с советскими войсками и принять меры к отводу своих войск.

— Давайте сделаем так, — сказал я Симпсону. — Мы предпочли бы оставаться на наших теперешних позициях до тех пор, пока не примем меры к организованному отводу наших войск. Но если русские потребуют возможности продвинуться до границы их оккупационной зоны, мы не будем вступать с ними в пререкания. Сделайте все как можно лучше, и пусть они продвигаются.

Мы ожидали, что при встрече с русскими создастся довольно напряженная обстановка, и я не хотел рисковать столкновением, которое могло привести к войне.

Только 1 июля русские поставили меня в известность, что они хотят осуществить свое право на оккупацию всей своей территории за Эльбой. В три часа дня нас предупредили, что части Красной Армии выступят на следующее утро на рассвете.^[57]

— Передайте этим парням, — инструктировал я своего офицера связи, — чтобы они сохраняли спокойствие. Нам потребуется не менее 24 часов для того, чтобы отвести свои войска.

Русские согласились подождать, но они следовали буквально по пятам за нашими отходящими войсками.

К 14 апреля англичане вышли к Эльбе на севере у Гамбурга, а французская армия генерала де Латтр-де-Тассиньи прорвалась через Дунай к швейцарской границе. Десятки тысяч немецких беженцев бросились к американским линиям на Эльбе, надеясь уйти от русских. Мы поворачивали их обратно. А в тыловых районах офицеры отдела военной администрации встали перед труднейшей задачей: куда девать более миллиона перемещенных лиц, которые бесцельно бродили по дорогам? Вначале мы попытались собрать жителей Прибалтики и поляков в восточных районах, которые должны были быть оккупированы Советами и откуда органы Красной Армии могли без особых затруднений их репатриировать. Но, к нашему удивлению, мы увидели, что перемещенные лица боятся русских еще больше, чем нацистов, и продолжали бежать на запад.

Количество военнопленных возрастало с такой быстротой, что мы уже не успевали их считать. Только в одном лагере было собрано 160 тыс. человек. Снабжение продовольствием военнопленных и перемещенных лиц ложилось тяжелым бременем на наши и без того перегруженные службы тыла. Поэтому командующим армиями были даны указания не принимать пленных, бегущих на запад, спасаясь от русских.^[58] Когда несколько дней спустя 11-я танковая дивизия в Чехословакии сообщила нам, что желает сдаться американцам, мы разрешили этой дивизии прийти и сложить оружие, но при условии, что она «возьмет с собой свои кухни и сама позаботится о своих людях».

Шел уже двенадцатый день нашего бдения на Эльбе, а мы все еще не имели никаких признаков, предвещающих появление этих загадочных русских. Нам сообщали, что Жуков ворвался в Берлин, а Гитлер забаррикадировался вблизи имперской канцелярии. Нам сообщали также, что Конев форсировал Одер и наступает к Эльбе. Однако все эти сообщения были отрывочными и неофициальными. Даже теперь мы все еще не установили непосредственный контакт с красными. И хотя на всех диапазонах наших танковых раций только и можно было слышать голоса советских радистов и воздушная разведка отмечала советские обозы на дорогах, на наших передовых позициях еще ни одна душа не видела живого русского солдата.

Стремясь установить контакт с русскими, Ходжес растянул в глубину свою 69-ю дивизию на узком выступе от Мульде к Эльбе и ждал подхода русских на левом берегу Эльбы. Однако, чтобы гарантировать войска от случайной бомбардировки со стороны нашей или русской авиации, он дал им указание замаскироваться и укрыться от наблюдения.

Утром 24 апреля отдел прессы и психологической войны телефонировал в Висбаден, что сегодня в полдень по вашингтонскому времени будет опубликовано заявление трех держав об установлении контакта с русскими войсками.

— Какого черта, разве они могут сделать такое заявление, — сказал я, ведь мы все еще не установили контакт.

— Ну и... — ответил мне спокойный голос.

В этот день в оперативную группу штаба прибыла делегация сенаторов, совершавшая поездку по европейскому театру военных действий.

— Долго ли вы еще намерены воевать? — спросил один из сенаторов.

Я изумленно посмотрел на него.

— Мы на Среднем Западе нуждаемся в сельскохозяйственных машинах, разъяснил сенатор свой вопрос, — и нам сказали, что наши требования не будут удовлетворены, потому что сталь нужна вам. Долго протянется еще эта канитель?

Я стиснул зубы и не сразу нашел вежливый ответ.

Сенаторы уехали, но на следующий день на самолете прибыла группа издателей из Соединенных Штатов, совершающих турне по фронту. Они остановились в Висбадене для беглого ознакомления с обстановкой на фронте, затем, после осмотра лагерей смерти, должны

были направиться в Люксембург.

— Опередили вы плановые сроки или отстаете от них? — задал мне вопрос один из них, когда я показал на карте линию нашего фронта, проходившую по Эльбе.

— Я скажу вам так, — ответил я, бросив взгляд на полуостров Котантен, вдававшийся в море на другом конце огромной, 6,5-метровой карты. — Если бы год тому назад, 6-го июня, вы заверили меня, что сегодня мы будем находиться на этом рубеже, я согласился бы с этим и не задавал никаких вопросов.

В этот день вечером я вернулся после обеда в свой прицеп, чтобы засесть за текущую работу. Вскоре после наступления темноты мне позвонил Ходжес со своего командного пункта в Марбурге на берегу реки Лан. В 16 час. 10 мин. теплым весенним днем 25 апреля разведывательный дозор 1-й армии встретился с авангардом 1-го Украинского фронта маршала Конева в почти безлюдном городе Торгау на берегу Эльбы.

— Спасибо, Кортни, — сказал я. — Большое спасибо за сообщение. Мы долго этого ждали. Русским, конечно, досталось, пока они прошли эти 120 километров от Одера.^[59]

Я взял кусок угля из ящика под скамьей в моем автофургоне и обвел кружком Торгау на большой настенной карте. Кто-то уже нарисовал над городом Берлином в виде отдельных кусочков большое изображение сломанной свастики.

Быстро и умело проведя перегруппировку, Паттон 22 апреля начал наступление с задачей отрезать пути отхода на Редут; через два дня он пересек границу Австрии. Оттуда он повернул вниз по Дунаю на Линц, находящийся почти на полпути к Вене.

Тем временем англичане наседали на Эйзенхауэра, требуя усилить одним американским корпусом войска Монти на севере, предполагавшего переправиться через Эльбу. Монти настаивал на этом усилении, заявляя, что его сил недостаточно для того, чтобы пройти до побережья Балтики и отрезать Данию от Советов. Когда Жуков начал наступление на Берлин, нажим англичан усилился. Они доказывали, что если Монти в ближайшее время не выйдет на побережье Балтийского моря, мы можем в одно прекрасное утро проснуться и обнаружить Красную Армию в Дании и Советы на Северном море.

Теперь, когда быстрое продвижение Паттона вниз по Дунаю развеяло миф о Редуте, мы согласились удовлетворить требование Монти. 18-й воздушно-десантный корпус Риджуэя был переброшен на север, где вошел в состав 21-й группы армий. 29 апреля он двинулся через Эльбу южнее Гамбурга в направлении на балтийский порт Любек с целью спасти Данию для Запада.

К 30 апреля противник был накануне полного разгрома. В Италии 15-я группа армий Кларка преодолела рубеж по реке По и бросилась к озеру Комо. В Голландии канадцы Монти продвинулись до плотин на Северном море и отрезали войска Бласковица. В Берлине автоматчики Жукова с боями занимали дом за домом, пробивая себе путь среди развалин этого обреченного города к имперской канцелярии, где Гитлер забаррикадировался в бомбоубежище, устроенном в саду.

Вся германская армия попала в три «котла», которые все более суживались. Военно-воздушные силы союзников прекратили стратегические бомбардировки из-за отсутствия выгодных целей. Когда Эйзенхауэр позвонил мне на наш новый командный пункт в Бад-Вильдунгене и запросил обстановку, я в шутку спросил, не приготовил ли он самолет, чтобы слетать в начале июля в Вест-Пойнт отметить тридцатую годовщину нашего выпуска.

— По-видимому, дело идет к этому, — сказал я.

Неделю тому назад у меня не было такой уверенности.

Вечером 2 мая радио Гамбурга передало известие о смерти Гитлера. Сообщению предшествовала прерывчатая приглушенная дробь барабанов. Мы слушали эту передачу в Бад-Вильдунгене, в запущенном отеле «Фюрстенхоф», в котором сохранились запахи

антисептических средств. До нашего прихода здесь размещался немецкий госпиталь. Шесть месяцев тому назад известие о смерти Гитлера вызвало бы дикое ликование. Сейчас оно прошло почти незамеченным. В канун краха Германии великая трагедия немецкого народа заслонила собой смерть Гитлера, который привел этот народ на порог гибели. Гросс-адмирал Дениц, экипажи подводных лодок которого всего лишь три года тому назад видели победу в свои перископы, был назначен преемником Гитлера. Он выступил со смехотворным обещанием продолжать войну с большевиками. Местопребывание Гиммлера было неизвестно, хотя разведка сообщала о его попытках вступить в мирные переговоры. Когда Дитмару на допросе в штабе группы армий сказали о попытках Гиммлера вступить в переговоры, он отозвался о нем презрительно.

— Гиммлеру, — заявил он, — больше уже никто не подчинится в германской армии.

Узнав, что Гиммлер, по сообщениям, первый объявил о смерти Гитлера, Дитмар криво усмехнулся.

— Герр Гиммлер, — сказал он, — наделен своеобразным талантом: он может предсказывать смерть.

Хотя 3-я армия подошла к чехословацкой границе еще две недели тому назад, но только 4 мая в 7 час. 30 мин. вечера Эйзенхауэр передал мне по телефону разрешение пересечь границу. 3-я армия уже несколько недель умоляла возложить на нее эту миссию.

— Почему, — спросил я Паттона, — вся 3-я армия жаждет освободить чехов?

Джордж ухмыльнулся.

— Даешь Чехословакию! — прогремел он. — Братание! Чем вы можете остановить армию, которая идет в бой с таким боевым кличем?

Освобождение Чехословакии входило в задачи Красной Армии. Мы не должны были продвигаться дальше Пльзеня, города, расположенного на удалении нескольких километров от границы (схема 54). Паттон возражал против этой остановки, доказывая, что он может дойти до Праги. Действительно, если бы главное командование союзников отменило свой приказ, он, по всей вероятности, через 24 часа оказался бы на Венцель-Сквере. Но когда Эйзенхауэр сообщил советскому командованию, что наши войска двинутся на Прагу, «если этого потребует обстановка», оно ответило, что мы «не должны продвигаться дальше линии Ческе-Будеёвице — Пльзень — Карловы В ары».

Вскоре после того, как мы встретились с советскими войсками в Торгау, маршал Конев пригласил офицеров оперативной группы моего штаба и штаба 9-й воздушной армии на банкет на командный пункт Украинского фронта на восточном берегу Эльбы. На этой первой товарищеской встрече со своими западными союзниками советские офицеры приветствовали нас шумно и весело. Это был недолгий прилив добрых чувств, который продолжался до тех пор, пока Кремль резко не оборвал все связи с Западом. Русские банкеты на Эльбе начались со штабов дивизий, и, по мере того как этот обычай распространялся, штабы соединений и объединений пытались перещеголять друг друга в обилии закусок и напитков.

Русская водка и бесконечные тосты за победу уже свалили с ног офицеров нескольких штабов. Этой участи не избежали и некоторые офицеры штаба 1-й армии. Поэтому я подготовился к банкету 5 мая, проглотив за завтраком как можно больше бутербродов с маслом и опорожнив баночку сгущенного молока. Перед отъездом на банкет Дадли вручил каждому из нас небольшой флакон минерального масла.

— Проглотите это по дороге, — сказал он, — и вы сможете пить все, что вам нальют.

Был пасмурный сырой день, когда мы въехали на разбитый аэродром около Фрицлара, откуда должны были вылететь в Лейпциг на двух самолетах «С-47».

Мне не хотелось ехать, и пасмурная погода усугубляла мое плохое расположение духа.

Ванденберг хмуро посмотрел на небо.

— Как Лейпциг? — спросил он у летчика.

— Почти сплошная облачность, сэр.

— Что вы сделаете, если не сможете пробиться?

— Мы повернем и полетим в Париж.

— Какого черта! Если мы можем использовать Париж как запасной аэродром, то мы можем полететь и к русским, — сказал я. — Я не хочу все это опять начинать сначала.

— Вы рассуждаете совсем как солдат, — улыбнулся Ванденберг. — Он слишком глуп для того, чтобы понять, когда опасно подниматься в воздух.

Коллинс встретил нас в Лейпциге и сопровождал в поездке по нашему коридору в Торгау. Он уже проделал этот путь неделю тому назад. Когда он подъехал к советским линиям, его спросили, не возражает ли он против встречи с командиром советской дивизии.

— Конечно, нет, — ответил Коллинс и свернул в сторону позиций советской дивизии.

Командир дивизии рассыпался в извинениях.

— Разрешите задать вам вопрос? — сказал он.

— Пожалуйста, — ответил Коллинс.

— Не окапываются ли ваши солдаты напротив нас?

— Окапываются? — Коллинс был удивлен. — Конечно, нет. Помимо всего прочего, мы с вами союзники, не так ли?

Советский командир вызвал штабного офицера.

— Отмените приказ окапываться, — сказал он. — Мы останемся там, где остановились.

В разрушенном городе Торгау на берегу Эльбы нас ждало несколько советских офицеров, которые должны были проводить нас к Коневу. Разрушенный бомбами железнодорожный мост упал в воду, и через реку был переброшен временный мост. Возчики подвозили бревна из ближайшего леса для ремонта полотна железнодорожного моста. Посредине реки пыхтел копер довольно примитивной конструкции. За исключением парового двигателя на этом копре, ничего не изменилось в русских методах наведения мостов с тех времен, когда почти 200 лет тому назад Петр I сосредоточил в районе Торгау свои армии, готовясь выступить вместе с австрийцами против Фридриха Великого.^[60]

На правом берегу Эльбы через дорогу были вывешены красные полотнища с приветственными лозунгами. Здание около дороги было украшено огромными портретами Рузвельта, Черчилля и Сталина. В городках и деревушках, через которые мы проезжали, каким-то таинственным образом исчезли все немцы, и только один раз на протяжении 32-километрового пути чье-то испуганное лицо выглянуло из прикрытого ставнями окна. Русские солдаты в загрязненном обмундировании с любопытством разглядывали американские машины, промчавшиеся мимо их биваков. На перекрестках коренастые русские девушки в сапогах и юбках пропускали наши машины, подавая сигналы четко отработанными движениями рук, напоминавшими сигналы английских военных полицейских.

Нам встретилась колонна советских войск, направлявшаяся к Эльбе. Командир колонны ехал в закрытой повозке и правил упряжкой через черную занавеску, подобную тем, какие я видел на повозках еще мальчиком в Миссури. За ним тянулись подводы с солдатами и вооружением. То там, то здесь среди спящих солдат виднелась женская голова в платке.

Конев вместе со своим штабом встретил нас у ворот довольно мрачной виллы, в которой разместился его командный пункт. Это был человек могучего телосложения с огромной лысой головой. Сначала советский маршал провел меня в свой кабинет, где я и имел с ним непродолжительную деловую беседу с помощью переводчиков. Я вручил ему карту, заготовленную на этот случай, на которую были нанесены все американские дивизии, стоявшие

перед войсками 1-го Украинского фронта. Маршал приподнялся от удивления, но не решился показать мне диспозицию своих войск. Если бы он даже и захотел сделать это, он, по всей вероятности, должен был бы предварительно запросить разрешение Кремля. Американские лейтенанты на Эльбе пользовались большими правами, чем советские командиры дивизий.

Показав на карте, которую он получил от меня, на Чехословакию, Конев спросил, как далеко мы намерены продвинуться. Он нахмурился, слушая, как переводчик переводит его вопрос.

— Только до Пльзеня, — ответил я. — Смотрите, здесь эта линия нанесена. Мы должны выйти к ней, чтобы обеспечить свой фланг на Дунае.

Конев едва заметно улыбнулся. Он надеялся, что мы не пойдем дальше.

На столе в изобилии были свежая икра, телятина, говядина, огурцы, черный хлеб и масло. Центр стола был уставлен бутылками с вином. Графины с водкой стояли повсюду, и тосты начались сразу же, как только мы уселись за стол. Конев встал и поднял свой бокал.

— За Сталина, Черчилля и Рузвельта! — провозгласил он тост, не зная еще, что Трумэн сменил Рузвельта на посту президента США.

Усевшись, Конев взял небольшой бокал и наполнил его не водкой, а белым вином.

— У маршала желудочное заболевание, — объяснил его переводчик. — Он уже не может пить водку.

Я улыбнулся и сам наполнил свой бокал вином. Я испытывал чувство облегчения при мысли, что минеральное масло, которое я уже успел проглотить, мне не понадобится.

После обеда маршал пригласил нас в большой зал своей виллы. Хор красноармейцев исполнил американский национальный гимн. Их сильные голоса наполнили зал. Маршал Конев объяснил, что хор выучил текст американского гимна наизусть, не зная ни слова по-английски. Затем выступила балетная труппа, танцевавшая под аккомпанемент дюжины балалаек.

— О, это восхитительно! — воскликнул я. Конев пожал плечами.

— Это всего лишь простые девушки, — сказал он. — Девушки Красной Армии.

Через две недели, когда Конев нанес нам ответный визит, его привела в восхищение виртуозная игра худошавого скрипача, одетого в солдатское обмундирование цвета хаки.

— Великолепно! — восторженно вскричал маршал.

— Ах, это! — ответил я. — Ничего особенного. Просто один из наших американских солдат.

Мы похитили этого скрипача на один день у органов специального обслуживания в Париже. Его звали Яша Хейфец.

* * *

Вечером, когда мы уже покидали виллу Конева, маршал повел меня в сад. Ординарец вывел донского жеребца, на седле которого была вышита звезда символ Красной Армии. Конев передал мне уздечку и вручил русский пистолет, рукоятка которого была украшена красивой резьбой. Предвидя этот обмен подарками, я привез в своем самолете «Мэри К» новенький джип, только что полученный из Антверпена. На капоте мотора мы сделали надпись на английском и русском языках: «Командующему 1-м Украинским фронтом от солдат 1-й, 3-й, 9-й и 15-й американских армий». К джипу был прикреплен новенький блестящий карабин в чехле. И мы набили ящик для инструментов американскими сигаретами.

— Мне, вероятно, достанется от начальника контрольно-финансового управления и в течение 20 лет после войны придется расплачиваться за это, сказал я Хансену, отдав

распоряжение доставить джип из Антверпена. — Но черт с ним. Не можем же мы явиться с пустыми руками.

Пока Александер принимал капитуляцию войск Кессельринга в Италии, а Монтгомери отказывался говорить о каких-либо условиях капитуляции с адмиралом Гансом Фридебургом в Люнебурге, мы продолжали продвигаться в Австрии, уничтожая тех немцев, которые все еще сопротивлялись, и беря в плен тех, которые прекратили сопротивление.

До нас доходили слухи, что Германия готова капитулировать и какая-то немецкая делегация якобы уже находится на пути в верховный штаб экспедиционных сил союзников, но Эйзенхауэр не беспокоился о подтверждении этих слухов. 6 мая я лег в постель вскоре после полуночи, написав письмо жене.

Еще не было 4 часов утра, когда меня разбудил телефонный звонок. В моей комнате в отеле «Фюрстенхоф» телефон стоял на ночном столике около постели. Я поднялся и зажег свет. Эйзенхауэр звонил мне из Реймса.

— Брэд, — сказал он, — все кончилось. Радиограмма отправлена.

Йодль подписал акт о безоговорочной капитуляции от имени армии, а Фридебург — от имени флота.^[61] Церемония имела место 7 мая в 2 часа 15 мин. утра в школьном здании, которое верховный штаб союзников реквизирует, вблизи сортировочной станции в Реймсе.

Я приказал дежурному телефонисту вызвать командующего 3-й армией и поднял Паттона с постели в его прицепе в Регенсбурге.

— Мне только что звонил Айк, Джордж. Немцы капитулировали. Капитуляция вступит в силу в полночь на 9 мая. Мы должны оставаться на месте по всему фронту. Надо избежать бессмысленных потерь.

Ходжес спал в роскошном доме, который он реквизирует в Веймаре. Симпсон занимал квартиру коменданта в штабе немецких военно-воздушных сил в Брунсвике. Я сообщил полученное известие и тому и другому. Когда я связался с Джероу, который простудился и лежал в постели в местечке около Бонна, было уже почти 6 час. 30 мин. утра. Было слышно, как гремят посудой стоящие в очереди в столовую, расположенную на открытом воздухе, за моими окнами. Я поднялся с постели и оделся.

Брезентовая сумка с картами лежала под моей каской с четырьмя серебряными звездами на ней. Всего пять лет тому назад, 7 мая, я, подполковник в гражданском платье, ехал в автобусе по Коннектикут-авеню на работу в старое здание «Мьюнишн Билдинг».

Я развернул карту и снял с нее флажки 43 дивизий США, находившихся под моим командованием. Они протянулись по всему тысячекилометровому фронту 12-й группы армий.

Карандашом я написал на карте: «День Д плюс 335».

Я подошел к окну, сорвал шторы, которыми мы пользовались при затемнении. Солнце поднималось из-за горизонта. Война в Европе была окончена.

Примечания

Американцы разделяют военное искусство на стратегию и тактику; оперативного искусства, как промежуточного звена, у них нет. Поэтому они относят полевую армию и группу армий к высшим тактическим соединениям, а корпус — к низшим тактическим соединениям.

Chief of Staff to the Supreme Allied Commander — COSSAK.

Генеральный штаб армии США состоит из четырех основных управлений, образующих общую часть штаба: управление личного состава (G-1), разведывательное управление (G-2), управление оперативной и боевой подготовки (G-3), управление тыла (G-4). Во время войны было создано управление гражданской администрации (G-5). Все остальные виды деятельности генерального штаба осуществляются под руководством управлений специальной части штаба.

Согласно штатному расписанию, в американской армии ротой положено командовать капитану.

Курсив автора.

155-миллиметровое длинноствольное артиллерийское орудие.

Это утверждение Брэдли опытом войны не подтверждается. Во время Великой Отечественной войны Советского Союза было продемонстрировано немало примеров длительного и доблестного сопротивления крупных группировок советских войск, прижатых к морю примерно в аналогичных условиях, например, в Одессе, в Севастополе. Основной причиной быстрой капитуляции фашистских войск в Тунисе явились не танковые прорывы американцев, а нежелание солдат сражаться. Особенно это относится к итальянским соединениям.

В армии США положение своих войск изображается синим цветом, противника — красным.

Настаивая на первоочередном осуществлении кампании в Италии, У. Черчилль стремился закрепить английское господство в восточной части Средиземного моря и распространить его на Балканы.

Подчеркивая стратегическую связь военных действий на Средиземном море с борьбой на советско-германском фронте, Брэдли неправильно оценивает значение этих фронтов. Речь шла, разумеется, не о том, чтобы удержать Россию в войне любой ценой, а лишь об оказании ей некоторой военной помощи.

«Стремительный».

В бою американская бронетанковая дивизия обычно делится на три боевых командования (усиленные танковые полки): А, В и С. Иногда третье боевое командование используется в качестве резерва.

В районе Средиземного моря и на Балканах в это время действовало лишь 810 немецких самолетов, что составляло 12,8 процента от общего количества немецкой авиации. Главная масса немецкой авиации находилась на советско-германском фронте — 2900 самолетов (46 %) и в Западной Европе — 1170 самолетов (18,6 %).

Специальная часть штаба состоит из офицеров, ведающих разработкой технических, снабженческих и административных вопросов. В нее включаются начальники (командующие) родов войск и служб, входящих в состав соединения.

Квартирмейстерская служба ведает снабжением войск горючим, продовольствием и обмундированием.

2,5-тонный автомобиль-амфибия имеет шесть ведущих колес. Эти автомобили, известные под названием «DUKW», производятся фирмой «Дженерал моторс».

Пэдди (ирландец) — прозвище Флинта.

Anything, anytime, anywhere, but nothing.

«Сюзерен».

Американский корпус в американской армии своих тылов обычно не имеет, и предметы снабжения из армейских складов поступают непосредственно в дивизии.

Школы американской армии, по существу, являются курсами усовершенствования офицерского состава.

В изобретении и конструировании атомной бомбы участвовали ученые многих стран. Работа эта могла быть развернута в США благодаря исключительно благоприятным условиям, в которых они находились во время второй мировой войны, однако ее удалось завершить лишь летом 1945 г.

Подлинная «битва за Германию» развернулась вовсе не на побережье Ла-Манша, а велась с июня 1941 г. на советско-германском фронте.

Нападение фашистской Германии на Советский Союз значительно улучшило стратегическое положение Англии. Она получила возможность накапливать материальные ресурсы и разворачивать свои силы для подготовки совместно с США (с 1942 г.) вторжения во Францию.

Опасное положение, в котором оказалась немецко-фашистская армия в конце 1941 г., было вызвано не наступлением зимы (что гитлеровское командование должно было предвидеть), а явилось результатом поражений, нанесенных противнику Советской Армией под Москвой, Тихвином и Ростовом.

Во время посещения В. М. Молотовым Лондона и Вашингтона в июне 1942 г. США и Англия обязались открыть второй фронт в Европе в 1942 г. Целью соглашения о втором фронте являлось не «спасение России», а оказание Советскому Союзу военной помощи путем нанесения по фашистской Германии одновременных ударов как с востока, так и с запада.

На самом деле на советско-германском фронте к 1 июня 1942 г. было сосредоточено одних только немецких войск 184 дивизии, не считая 44 дивизий стран-сателлитов, что составляло 75 % всех сухопутных сил фашистского блока.

Подобные опасения не имели под собой никаких оснований, что должно быть известно генералу Брэдли.

Политические и военные руководители Советского Союза никогда не меняли своих взглядов на вторжение в Западную Европу через Ла-Манш, как единственно реальную и необходимую форму «второго фронта». Операции в бассейне Средиземного моря всегда расценивались советским руководством, как второстепенные.

Никаких официальных заявлений, «приветствовавших» отсрочку вторжения, советские руководители не делали.

Ответ американского генерала на предложение немцев сдаться во время арденнского сражения в декабре 1944 г.

Атолл Тарава входит в группу островов Гилберта. При высадке десанта на этот атолл в ноябре 1942 г. американские войска понесли большие потери.

Участки высадки «Омаха» и «Юта» были разделены на сектора: «Д» («Дог»), «И» («Изи»), «Ф» («Фокс»). Сектора, в свою очередь, подразделялись на более мелкие участки, которые условно различались по цвету, как например «Изи Ред», «Изи Грин», «Фокс Ред» и т. д.

Основная причина поражения заключалась в том, что главные силы гитлеровской армии были перемолоты на Восточном фронте, к которому в течение всей войны была прикована большая часть немецко-фашистских войск.

Система одностороннего движения по дорогам, введенная органами зоны коммуникаций для более быстрой доставки грузов на фронт.

Связь американско-английского и советского верховных командований осуществлялась через специальные миссии. Кроме того, поддерживалась и непосредственная связь между высшими руководителями союзных стран, о чем свидетельствуют многие страницы мемуаров У. Черчилля «Вторая мировая война».

TAC (Tactical Advanced Command) — название передового эшелона (или оперативной группы) штаба.

ПЛУТО-сокращение английского названия Pipeline under the Ocean — трубопровод под океаном.

Временное прекращение наступления Советской Армии было вызвано отнюдь не действиями Моделя, а необходимостью после безостановочного продвижения советских войск на 300–700 километров подготовиться к новым глубоким и мощным ударам по врагу, которые и были нанесены в январе 1945 г.

«Действия по плану» предполагают не только наступление в избранных направлениях, но и в назначенное время. Операция против Рура началась лишь в конце марта 1945 г., когда Советская Армия находилась всего лишь в 60 километрах от Берлина.

«Непроходимость» Арденн опровергается опытом обеих мировых войн.

Говоря о стратегических планах союзников, Брэдли обходит молчанием положение на советско-германском фронте, где в это время Советское Верховное Главнокомандование готовило сокрушительное зимнее наступление. Это было известно генералу Эйзенхауэру и не могло не учитываться им.

Разумеется, никакой реальной угрозы «проиграть войну в Европе» для американско-английского командования в ноябре 1944 г. не было. Общее положение немецко-фашистской армии, истекавшей кровью на советско-германском фронте, было к тому времени весьма тяжелое.

«Самой опасной угрозой» гитлеровцы всегда считали Советскую Армию, которой они продолжали оказывать сопротивление до последнего дня войны.

Бывший начальник генерального штаба сухопутных сил фашистской Германии генерал Гудериан так излагает цель контрнаступления в Арденнах: «В случае удачи этого наступления Гитлер ожидал значительного ослабления западных держав, что предоставило бы ему время для переброски сил на Восточный фронт с целью отражения ожидаемого зимнего наступления русских. Он рассчитывал, таким образом, выиграть время, чтобы разрушить надежды его противников на полную победу, заставить их отказаться от требований безоговорочной капитуляции и склонить к заключению согласованного мира» (Гудериан Г. Воспоминания солдата). Таким образом, в основе немецко-фашистского плана лежали расчеты политического характера.

Генерал-майор Уильям Моррис — командир 10-й бронетанковой дивизии.

Известная американская киноактриса.

В боевое командование входила примерно одна треть танков, мотопехоты и артиллерии бронетанковой дивизии.

Восстание в Варшаве было спровоцировано польской националистической реакцией, боявшейся вступления Советской Армии в Варшаву и стремившейся захватить власть в свои руки.

К 1 января 1945 г. на Западно-Европейском фронте имелось 72 немецко-фашистские дивизии, в то время как на советско-германском фронте их было 189. К 1 февраля число дивизий на советско-германском фронте увеличилось еще на 15, главным образом за счет переброски их с Западно-Европейского театра.

«Игл тук» (Eagle took) — «Орел захватил».

Солдат спутал слово Harscamp со словом Whores' camp (лагерь проституток).

Это явно противоречит тому, что писал Брэдли несколькими страницами выше, где он указывал, что гитлеровское командование в январе 1945 г. сняло с Западного фронта 14 дивизий и перебросило их на Восточный фронт.

По количеству номеров дивизий группа армий «Б» была действительно значительным объединением. Но ее боевая сила не могла идти ни в какое сравнение с отборными войсками гитлеровцев, разгромленными Советской Армией под Сталинградом.

Это относится только к территории юго-западной части советской оккупационной зоны, где Эльба течет значительно восточнее, нежели на широте Берлина.

Советские войска форсировали Одер еще в начале февраля и вели длительные и упорные бои за удержание и расширение плацдармов на его левом (западном) берегу вплоть до конца марта. С востока Берлин прикрывала самая сильная оборона, когда-либо созданная немецко-фашистским командованием, в то время как с запада Берлин фактически не оборонялся. По этому утверждение об «удобстве» местности для наступления на Берлин с востока совершенно неосновательно.

Советские войска два месяца стояли на среднем и верхнем течении Эльбы, ожидая выполнения американцами их обязательств и отвода американских войск на установленную границу оккупированной зоны. Таким образом, предупреждение, о котором пишет Брэдли, не было внезапным.

Факты говорят о другом. Если и были отдельные перемещенные лица, «спасавшиеся от русских», то таких было ничтожное меньшинство. А большинству желавших вернуться на родину американское командование не только не оказало содействия, но, наоборот, чинило всяческие препятствия. Известно, что проблема возвращения на родину «перемещенных лиц», главным образом из прибалтийских советских республик, по вине США полностью не решена и до настоящего времени.

Войска 1-го Украинского фронта начали свое наступление 16 апреля не от Одера, а значительно западнее — с рубежа р. Нейсе.

Войну с Фридрихом (Семилетняя война 1756–1763 гг.) Россия вела почти полвека спустя после смерти Петра I.

Реймский протокол имел предварительный характер. Окончательный акт о капитуляции фашистской Германии был подписан 8 мая в Берлине.